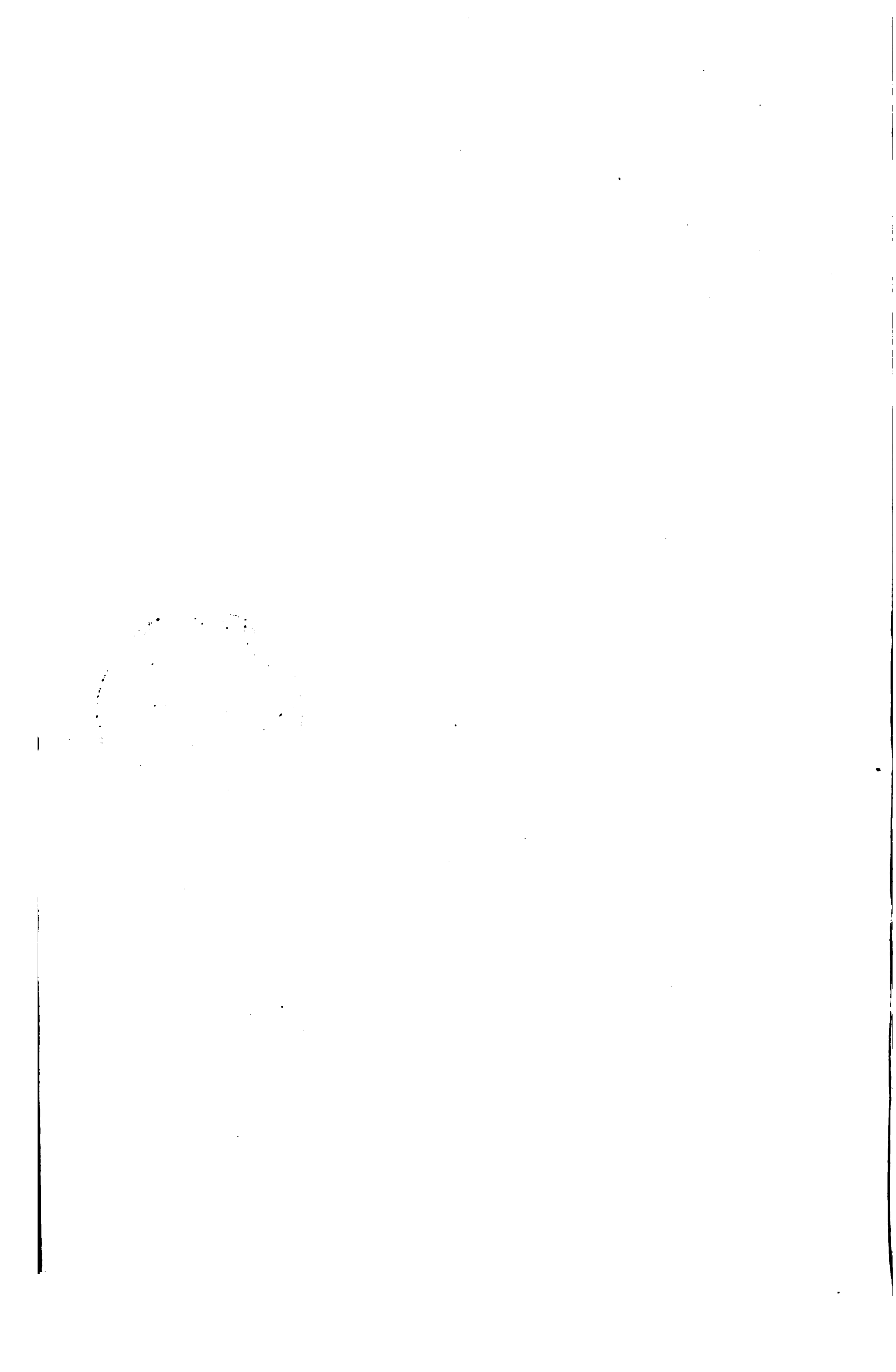

Годъ XIII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Годъ XIII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 29-го іюля 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

А. Чехов

ПАМЯТИ АНТ. ПАВЛ. ЧЕХОВА.

Послѣдній вздохъ—аккордъ печальный
Его души многострадальной
И угнетающій конецъ...
Недолго былъ онъ веселъ въ жизни,
Ему любовь къ родной отчизнѣ
Дала страдальческій вѣнецъ!

Онъ задыхался въ жизни сѣрой,
Но съ грустно-радостною вѣрой
Далекій свѣтъ боготворилъ
И часто, скорбью утомленный,
О жизни свѣтлой, обновленной
Въ послѣднихъ грезахъ говорилъ.

Но самъ онъ зналъ, что до разсвѣта
Не доживетъ душа поэта,
Какъ въ тихомъ сумракѣ звѣзда...
И вѣсть пришла съ чужбины дальной:
Въ его душѣ многострадальной
Замолкли струны навсегда!

А. Лукьяновъ.

ПСИХИЧЕСКІЕ ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

I.

Въ научной психологіи долгое время преобладало направленіе, признававшее разумъ основной силой человѣческаго духа. Направленіе это было господствуюшимъ вплоть до начала XIX-го вѣка, когда Фихте и особенно Шопенгауэръ произвели въ этомъ отношеніи полный переворотъ. Въ своемъ безсмертномъ сочиненіи «Міръ какъ воля и представленіе» Шопенгауэръ впервые съ полной ясностью и опредѣленностью выставилъ положеніе, что «познаніе, какъ разумное, такъ и созерцательное, исходитъ первоначально изъ самой воли, принадлежитъ къ существу высшихъ ступеней ея объективація въ качествѣ простой μηχανη, средства къ сохраненію индивидуума и рода, подобно всякому органу тѣла. Предназначенное къ служенію волѣ, къ исполненію ея цѣлей, оно почти всегда вполнѣ къ ея услугамъ; по крайней мѣрѣ у всѣхъ животныхъ и почти у всѣхъ людей» *).

Это новое, волюнтаристическое направленіе въ психологіи, признавшее не разумъ, а волю господствующимъ элементомъ нашего духа, столь же характерно для нашего времени, какъ интеллектуализмъ былъ характеренъ для XVIII-го столѣтія. «Волюнтаризмъ является, быть можетъ, всего рѣзче выраженной тенденціей психологіи XIX-го вѣка; волюнтаризмъ есть форма, въ которой эмпирическая наука использовала произведенное Кантомъ и Фихте перемѣщеніе точки зрѣнія философіи изъ теоретическаго въ практическій разумъ. Въ Германіи особенно повліяла въ этомъ направленіи метафизика Фихте и Шопенгауэра» **). Односторонній и узкій раціонализмъ XVIII-го столѣтія ставилъ разсудокъ на первый планъ психической жизни человѣка; жизни чувства придавалось второстепенное значеніе. Однако, дѣйствительнымъ основаніемъ нашей психики слѣдуетъ признать не разсудокъ и не чувство, являющееся наименѣе свободнымъ и активнымъ элементомъ нашей духовной жизни, но волю. «Душевный міръ,—говоритъ Вундтъ,—есть царство

*) „Міръ какъ воля и представленіе". Переводъ Фета. Изд. 4. Стр. 157.
**) W. Windelband. Geschichte der Philosophie. 1900. Стр. 518.

воли. Рѣшающее значеніе имѣетъ воля, а не представленіе или мысль» *).

Къ волюнтаристическому направленію въ психологіи принадлежитъ въ числѣ прочихъ, также и извѣстный датскій философъ Гаральдъ Гёффдингъ. «Если среди трехъ элементовъ психической жизни (познанія, чувства и воли) какой-либо одинъ слѣдуетъ признать основнымъ, то таковымъ, очевидно, является воля», замѣчаетъ онъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ психологіи **). Несостоятельность объясненія мыслительнаго процесса пассивной ассоціаціей представленій — объясненія столь распространеннаго среди англійскихъ психологовъ—превосходно разъяснена Виндельбандомъ въ одномъ изъ его очерковъ, столько же глубокихъ по содержанію, сколько изящныхъ по формѣ. Мыслительныхъ актовъ, лишенныхъ всякаго элемента чувства и воли, въ дѣйствительности, не существуетъ «Въ турнирѣ психической жизни представленія суть лишь маски, подъ которыми скрываются отъ сознанія истинные борцы, чувства. Но что такое этотъ интересъ, эти чувства, опредѣляющія дѣйствительный ходъ нашихъ представленій? Не что иное, какъ формы и способы обнаруженія безсознательной воли»***).

Каждый организмъ подвергается вліянію всѣхъ безчисленныхъ силъ внѣшней природы. Все въ природѣ находится въ активномъ взаимодѣйствіи—это положеніе, формулированное Кантомъ въ его «Критикѣ чистаго разума», какъ третья аналогія опыта ****), является основаніемъ современнаго естествознанія. Самая отдаленная звѣзда не остается безъ вліянія на нашъ организмъ и подпадаетъ, въ свою очередь, его вліянію, какъ бы слабо оно ни было, благодаря чему весь міръ сплетается въ пеструю, но неразрывно прочную ткань. Въ окружающей насъ внѣшней матеріальной средѣ перекрещивается все неисчислимое множество силъ природы; безконечно разнообразные удары волнъ матеріальнаго міра постоянно поражаютъ матеріальную оболочку нашего духа. Сравнительно съ этимъ разнообразіемъ наша сознательная жизнь, крайне скудна и бѣдна содержаніемъ; наши впечатлѣнія далеко не отличаются такимъ же обиліемъ и такой же сложностью, какъ

*) Wilhelm Wundt. Logik. Zweite Auflage. 1895. Methodenlehre. II. Стр. 17.

**) Höffding. Psychologie. Dritte deutsche Ausgabe. 1901. Стр. 134.

***) Windelband. Präludien. 2 изд. 1903. Стр. 229. Риль указываетъ на заслуги Шопенгауэра, какъ основателя современнаго волюнтаризма. „Никто не понялъ глубже Шопенгауэра и не изобразилъ нагляднѣе его эти отношенія съ философской точки зрѣнія. Оставляя въ сторонѣ его метафизику воли, можно признать, что его соображенія по этому вопросу находятся, въ полномъ согласіи съ современными эволюціонными воззрѣніями относительно функціональнаго значенія сознанія... Какъ по мнѣнію Шопенгауэра, такъ и по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, интеллектъ есть нѣчто производное, вторичное, продуктъ организаціи, а не ея причина“. Riehl. Der philosophische Kriticismus. II. 1887. Стр. 204.

****) Ср. Kant. Kritik der reinen Vernunft. Изд. Kirchmann. 5 изд. 1881 г. Стр. 223 и слѣд.

*

обильны и сложны внѣшніе раздражители. Только чрезвычайно малая часть этихъ послѣднихъ вызываетъ въ нашемъ духѣ соотвѣтствующія впечатлѣнія. По отношенію же ко всѣмъ остальнымъ, несравненно болѣе многочисленнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, мы остаемся слѣпы и глухи; они не воспринимаются нашими органами чувствъ и мы совсѣмъ не замѣчаемъ ихъ существованія. Безконечной сложности внѣшней природы мы противопоставляемъ ограниченное число слабо дифференцированныхъ органовъ чувствъ, и все, что не дѣйствуетъ на нихъ, не существуетъ для нашего сознанія. Такъ, напр., мы не имѣемъ особыхъ органовъ чувствъ для воспріятія электрической энергіи — и она оставалась, по этой причинѣ, долгое время совершенно неизвѣстной человѣчеству.

Что же опредѣляетъ подборъ между тѣми внѣшними раздраженіями, которыя воспринимаются и которыя не воспринимаются нами? Не что иное, какъ практическій интересъ жизни. Органы чувствъ, какъ и сознаніе вообще, суть продукты борьбы за существованіе организмовъ. Сознаніе возникло для пользы жизни и представляетъ собой могущественнѣйшее орудіе въ борьбѣ за жизнь. Ощущенія обонянія, вкуса, слуха, зрѣнія служатъ первоначально только для того, чтобы облегчать животному нахожденіе пищи, бѣгство отъ врага, указывать самцу на присутствіе самки и т. д., и т. д. Воля къ жизни управляетъ развитіемъ сознанія, а не наоборотъ, не сознаніе управляетъ волей къ жизни. Практическій интересъ жизни указываетъ, какія внѣшнія раздраженія должны быть восприняты организмомъ, и какія нѣтъ; но организмъ заинтересованъ въ различеніи и воспріятіи лишь тѣхъ раздраженій внѣшняго міра, которыя могутъ быть ему такъ или иначе полезны въ его движеніяхъ. Поэтому, съ біологической точки зрѣнія, сознаніе есть не что иное, какъ регуляторъ движеній организма, руководимыхъ, въ свою очередь, волей къ жизни *).

Интересно, что хотя Марксъ былъ ученикомъ Гегеля, для котораго вся исторія была саморазвитіемъ разума и ничѣмъ больше, историко-философская система марксизма покоится на признаніи примата воли надъ разумомъ. Шопенгауэръ, конечно, не оказалъ на Маркса никакого непосредственнаго вліянія. Но, повидимому, нѣкоторыя идеи Фихте вошли существеннымъ элементомъ въ міросозерцаніе Маркса. «Основной недостатокъ господствовавшаго доселѣ матеріализма, — говоритъ авторъ «Капитала» въ своихъ тезисахъ о Фейербахѣ,—заключается въ томъ, что предметъ, дѣйствительность, чувственно воспринимаемое, понимается имъ лишь подъ формой объекта или созерцанія, но не субъективно, какъ человѣческая вещественная дѣятельность, какъ практика. Поэтому дѣятельная, активная сторона была выражена идеализмомъ, въ про-

---

*) Ср. Alfred Fouillée. La psychologie des Idées-Forces. 1893. I. Стр. 12 и слѣд.

тивоположность матеріализму, но лишь абстрактно, ибо идеализмъ, естественно, не признаетъ реальной, чувственной, дѣятельности... Вопросъ о томъ, познаетъ ли человѣческая мысль объективную истину есть вопросъ не теоріи, но практики. Человѣкъ практикой доказываетъ истину т.-е. дѣйствительность и силу, реальность своей мысли. Споръ объ объективной истинности или неистинности мысли, насколько споръ этотъ не касается практики, есть чисто схоластическій споръ... Практика составляетъ самую сущность общественной жизни. Весь загадочный элементъ исторіи, приводящій теорію къ мистицизму, находитъ свое раціональное объясненіе въ практикѣ человѣческой дѣятельности и въ пониманіи этой практики» *).

Кажется, что эти мысли непосредственно внушены Марксу Фихте. Въ своей полемической книгѣ, направленной противъ Бруно Бауэра, Марксъ съ полной опредѣленностью высказывается по вопросу о приматѣ воли надъ разумомъ. «Идея—замѣчаетъ онъ—терпѣла всегда неудачу, поскольку она была различна отъ интереса. Съ другой стороны, легко видѣть, что всякій массовой интересъ, достигающій историческаго господства, далеко выходитъ, при своемъ появленіи на исторической сценѣ, въ своей идеѣ или представленіи, за свои истинные предѣлы и отождествляется съ общечеловѣческимъ интересомъ. Эта иллюзія образуетъ собой то, что Фурье называлъ господствующимъ тономъ эпохи» **).

Признаніемъ примата воли надъ разумомъ нашъ авторъ примыкаетъ къ новѣйшей волюнтаристической психологіи. Тѣмъ не менѣе, Марксъ не вполнѣ порвалъ связь съ раціонализмомъ XVIII вѣка. Характерной особенностью психологическихъ воззрѣній автора «Капитала» является чрезвычайно упрощенное представленіе о движущихъ силахъ человѣческаго духа, сильно напоминающее философію эпохи великой революціи. Изъ всего пестраго многообразія человѣческихъ интересовъ Марксъ обращаетъ вниманіе лишь на одинъ интересъ—экономическій въ узкомъ смыслѣ слова, понимая подъ нимъ стремленіе къ непосредственному поддержанію жизни. Марксъ шелъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, даже дальше «просвѣтителей» XVIII вѣка. Философы эпохи просвѣщенія считали стремленіе къ наслажденію единственнымъ двигателемъ поведенія человѣка; а нашъ экономистъ замыкаетъ человѣческую психику въ еще болѣе тѣсный и узкій кругъ и признаетъ въ соціальномъ отношеніи важнымъ и значительнымъ только одинъ родъ стремленія къ наслажденію—потребность въ непосредственномъ поддержаніи своей жизни ***). Правда, Марксъ не отрицаетъ разнообразія

*) Engels. Ludwig Feuerbach. 1895. Anhang. Marx über Feuerbach. Стр. 59—61.

**) Die Heilige Famil. Gesammelte Schriften von Marx und Engels. 1902. II. Стр. 182.

***) Ср. Wundt. Ethik. 1903. I. Стр. 510 и слѣд.

человѣческихъ потребностей и интересовъ; но онъ считаетъ исторически рѣшающимъ именно экономическій интересъ и ничего больше.

Имѣетъ ли онъ на это право, это мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго изложенія.

II.

Во всякомъ случаѣ, можно согласиться съ тѣмъ, что господствующимъ элементомъ сознательной жизни человѣка является воля, слуга которой — разумъ — исполняетъ то, что ему предписывается волей. Но воля дѣйствуетъ по опредѣленнымъ мотивамъ; мотивы же даются влеченіями, потребностями человѣка. Такимъ образомъ, признаніе первенства воли равносильно признанію первенства въ психической жизни влеченій и потребностей, которыя заложены въ нашей природѣ и которыя опредѣляютъ въ концѣ концовъ все наше поведеніе. А такъ какъ, далѣе, общество слагается изъ отдѣльныхъ личностей, каждая изъ которыхъ стремится къ удовлетворенію своихъ потребностей, то и общественная жизнь и дѣятельность не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ удовлетворенія разнообразныхъ потребностей отдѣльныхъ личностей, образующихъ общество.

Эти потребности могутъ быть разбиты на 5 слѣдующихъ основныхъ группъ: 1) физіологическія потребности въ непосредственномъ поддержаніи жизни и чувственномъ наслажденіи; 2) половая потребность; 3) симпатическіе инстинкты и потребности; 4) эгоальтруистическія потребности; 5) потребности, не основанныя на практическомъ интересѣ. Каждую изъ этихъ группъ потребностей мы разсмотримъ отдѣльно и постараемся выяснить ея значеніе, какъ фактора общественнаго развитія.

Первая группа потребностей образуетъ собой психологическую основу индивидуальной жизни и свойствена человѣку наравнѣ со всѣмъ животнымъ міромъ. Такъ какъ удовлетвореніе потребности въ поддержаніи жизни вызываетъ чувственное наслажденіе, то эта потребность легко переходитъ въ другую, тѣсно съ нею связанную—въ стремленіе къ чувственному наслажденію, какъ таковому, благодаря болѣе обильному и утонченному удовлетворенію физіологическихъ потребностей организма; стремленіе это далеко не всегда совпадаетъ съ потребностью самосохраненія и можетъ даже разрушительно дѣйствовать на жизнь организма (чувственные эксцессы всякаго рода).

Потребности этого рода удовлетворяются при помощи дѣятельности, которую Марксъ называетъ «производствомъ непосредственной жизни» и которую онъ отожествляетъ съ хозяйственной дѣятельностью вообще. Очевидно, что производство средствъ къ жизни есть необходимое предварительное условіе всякой иной дѣятельности. Отсюда Энгельсъ почерпнулъ свой важнѣйшій аргументъ въ пользу матеріали-

стическаго пониманія исторіи, который онъ повторяетъ неоднократно. Аргументъ этотъ заключается въ томъ, что «люди должны, прежде всего, ѣсть, пить, имѣть жилище и одежду, а уже потомъ они могутъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и пр.; производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни и, слѣдовательно, данная ступень экономическаго развитія народа или эпохи образуетъ, такимъ образомъ, основу, на которой развиваются государственныя учрежденія, правовыя воззрѣнія, искуство и даже религіозныя вѣрованія данныхъ людей» *).

Конечно, нельзя заниматься политикой, когда нечего ѣсть и пить; въ этомъ Энгельсъ безусловно правъ. Но этой глубокой истиной еще далеко не исчерпывается вопросъ объ отношеніяхъ между «производствомъ непосредственной жизни» и политикой, искусствомъ, религіей и пр., такъ какъ отношенія эти далеко не такъ просты, какъ это кажется Энгельсу. Производство необходимыхъ средствъ къ жизни есть не только основа политики, религіи и пр., но и наоборотъ, религія, политика и пр. представляютъ собой основу этого производства.

Возьмемъ, напр., производство предметовъ одежды, составляющее чрезвычайно важную отрасль хозяйства вообще. Мы привыкли признавать одежду необходимой принадлежностью жизни. Однако, современная этнологія вполнѣ установила фактъ, что «человѣкъ создалъ предметы украшенія раньше, чѣмъ одежду; одежда, въ нѣкоторой своей части, есть не что иное, какъ преобразованные предметы украшенія» **). Существуютъ народы, лишенные какого бы то ни было признака одежды; но мы не знаемъ народовъ, не употребляющихъ никакихъ средствъ самоукрашенія. «Это раннее влеченіе человѣка къ индивидуальнымъ отличіямъ, къ тому, чтобы при помощи какого-либо искусственнаго признака обращать на себя вниманіе, какъ на особую личность, эта прирожденная потребность человѣка такъ же рѣзко выдѣляетъ его среди наиболѣе близкихъ къ нему видовъ животныхъ, какъ употребленіе орудій труда» ***).

На то же самое указываетъ Ратцель. «То, что австралійцы носятъ, представляетъ собой скорѣе украшеніе, чѣмъ одежду» ****). Точно также многія негритянскія племена въ Африкѣ пользуются одеждой скорѣе какъ средствомъ украшенія, чѣмъ какъ средствомъ предохраненія тѣла отъ дѣйствія холода и влаги: во время дождя они ходятъ нагіе, а въ хорошую жаркую погоду облачаются въ ко-

*) „Der Socialdemokrat". 1883. № 13. Рѣчь Энгельса на могилѣ Маркса. Цитирована у Woltmann'a. Der historische Materialismus. 1900. Стр. 213.

**) Lippert. Die Kulturgeschichte. 1885. I. Стр. 175.

***) Тамъ же, стр. 175—176.

****) Ratzel. Völkerkunde. II. 1886. Стр. 38.

жаныя и мѣховыя одежды. Эти факты приводятъ Спенсера къ заключенію, «что корень происхожденія знака отличія и одежды одинъ тотъ же... Платье, подобно знаку отличія, первоначально носится изъ желанія возбудить удивленіе» *).

Итакъ, одежда возникла изъ стремленія человѣка къ самоукрашенію и первоначально играла такую же роль, какую теперь играютъ знаки отличія. Само собою разумѣется, что пристрастіе дикарей ко всякаго рода предметамъ украшенія объясняется не сильнымъ развитіемъ среди нихъ эстетическаго чувства, а побудительными мотивами совершенно другого порядка. Всѣ наблюдатели говорятъ о чрезвычайномъ тщеславіи дикаря. Самоукрашеніе является для него лучшимъ средствомъ удовлетворить этому тщеславію. Одежды изъ шкуръ и мѣховъ являются у многихъ народовъ признакомъ вождей и вообще лицъ господствующаго класса. Слѣдовательно, «политика» играла, повидимому, едва ли не самую важную роль въ происхожденіи одежды. Политика и, до извѣстной степени, религія. По словамъ Липперта, «многіе первоначальные роды украшенія связаны такъ тѣсно съ религіознымъ культомъ, что совершенно невозможно установить, въ какой мѣрѣ они вызваны самимъ культомъ и въ какой страстью къ украшеніямъ» **).

Производство предметовъ пищи также подверглось, въ своемъ историческомъ развитіи, вліянію совершенно иныхъ потребностей, чѣмъ потребность въ питаніи. Переходъ къ скотоводству является чрезвычайно важной ступенью въ исторіи хозяйства. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что прирученіе животныхъ произошло внѣ всякаго вліянія соображеній хозяйственнаго рода. «Поппигъ называетъ южноамериканскихъ индійцевъ мастерами въ дѣлѣ прирученія животныхъ, но указываетъ на то, что прирученными животными индѣйцевъ являются обезъяны, попугаи и другія, служащія для забавы. Ихъ хижины полны такими животными. Вообще можно думать, что естественное чувство общительности человѣка играло, при началѣ прирученія животныхъ, большую роль, чѣмъ какіе бы то ни было соображенія хозяйственной пользы; соображенія послѣдняго рода возникли гораздо позже. Человѣкъ, стоящій на низшихъ ступеняхъ культуры, вообще дѣлаетъ то, что его забавляетъ, и думаетъ о пользѣ лишь подъ давленіемъ крайней необходимости»***). По мнѣнію Моргана, «началомъ прирученія животныхъ явилось, вѣроятно, прирученіе собаки, какъ спутника при охотѣ, причемъ затѣмъ послѣдовало воспитаніе дѣтенышей другихъ животныхъ, просто для забавы» ****). «Нельзя про-

---

*) Спенсеръ. Основанія соціологіи. 1898. § 412. Стр. 210.

**) Lippert. Тамъ же. Стр. 177.

***) Ratzel. Anthropogeographie I. 1899. Стр. 494.

****) Morgan. Die Urgesellschaft. Deutsch von-Eichhoff. 1891. Стр. 35—36.

слѣдить происхожденіе склонности человѣка держать съ собой животныхъ,—замѣчаетъ Липпертъ.—Она смѣшивается въ своихъ первыхъ начаткахъ съ дѣтскою любовью къ играмъ; такъ и теперь охотникъ часто приноситъ домой дѣтямъ молодую лисицу, просто для того, чтобы дать имъ товарища въ игрѣ» *).

Такимъ образомъ, любовь къ игрѣ, повидимому, всего болѣе содѣйствовала прирученію животныхъ. Извѣстное вліяніе въ томъ же направленіи оказали и потребности религіознаго культа. Собака—самое древнее домашнее животное—признавалась и признается многими народами священнымъ животнымъ. Многія другія животныя служили также предметомъ религіознаго культа и воспитывались въ качествѣ таковыхъ. Наконецъ, тщеславіе и стремленіе къ господству надъ себѣ подобными, были безъ сомнѣнія, весьма сильными побудительными мотивами къ прирученію животныхъ; вожди многихъ дикихъ народовъ придерживаются до настоящаго времени обычая держать при себѣ прирученныхъ львовъ, леопардовъ, волковъ и другихъ опасныхъ животныхъ—появленіе прирученнаго опаснаго хищника рядомъ съ вождемъ должно было увеличивать обаяніе силы и власти вождя.

Итакъ, мотивы и интересы отнюдь не хозяйственнаго рода оказали самое глубокое вліяніе на развитіе хозяйства. Такія мало настоятельныя потребности, какъ потребности въ знакахъ отличія и предметахъ украшенія, непосредственно вызвали чрезвычайно важныя отрасли хозяйственнаго производства. Вопреки Энгельсу, люди часто предпочитали полезному безполезное; прирученіе животныхъ возникло не вслѣдствіе его хозяйственной выгодности, а изъ стремленія человѣка имѣть товарища въ играхъ. Конечно, очень неблагоразумно думать о пустякахъ, когда не хватаетъ необходимаго. Но люди (особенно первобытные) именно такія неблагоразумныя существа—и этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, чтобы правильно понимать совершенно ирраціональный ходъ всемірной исторіи.

Всѣмъ этимъ я, конечно, не хочу сказать, чтобы производство средствъ къ жизни не являлось основаніемъ общественной жизни. Жизнь первобытнаго человѣка посвящена, главнымъ образомъ, добычѣ пищи. Борьба за существованіе, играющая, согласно современнымъ воззрѣніямъ, столь выдающуюся роль въ исторіи развитія организмовъ, есть, прежде всего, борьба изъ-за пищи. Правда, жизнь самого первобытнаго человѣка гораздо богаче содержаніемъ, чѣмъ жизнь животнаго, и далеко не ограничивается заботой о самосохраненіи. Однако, непосредственное поддержаніе жизни является главнымъ содержаніемъ дѣятельности не только первобытнаго человѣка, но и массы цивилизованнаго человѣчества, и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ниже производительность труда. «До изобрѣтенія орудій и приготовленія

*) Lippert. Тамъ же. Стр. 128—129.

огня добыча пищи и послѣдующій отдыхъ должны были попеременно наполнять все время человѣка» *). «Охотничья добыча наиболѣе примитивныхъ племенъ,—говоритъ Гроссе,—въ общемъ такъ скудна, что не можетъ обезпечить ихъ отъ самой крайней нужды. Бушмены и австралійцы буквально голодаютъ. Жители Огненной Земли также живутъ въ крайней скудости. А въ разсказахъ эскимосовъ голодъ играетъ такую большую роль, что легко понять, какое ужасное значеніе онъ имѣетъ въ ихъ жизни» **). Недостатокъ средствъ къ пропитанію опредѣляетъ собой весь строй жизни этихъ народовъ. Они не могутъ образовывать значительныхъ сообществъ, такъ какъ только небольшія группы ихъ могутъ найти себѣ достаточно пищи, должны вести бродячую жизнь, такъ какъ продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ повело бы къ истощенію естественныхъ запасовъ пищи и т. д. и т. д. Только народъ, избавленный отъ голоданія, можетъ принимать участіе въ развитіи міровой культуры; извѣстный уровень производительности труда есть, слѣдовательно, предварительное условіе цивилизаціи.

Условія производства пищи и вообще необходимыхъ средствъ къ жизни могутъ, слѣдовательно, стать рѣшающимъ факторомъ соціальной жизни, а—именно въ томъ случаѣ, когда данная общественная группа страдаетъ недостаткомъ этихъ средствъ. Но если людямъ не угрожаетъ опасность голоданія, то въ нихъ пробуждаются разнообразныя потребности, не имѣющія ничего общаго съ потребностью питанія и оказывающія, какъ мы видѣли, самое существенное вліяніе на развитіе «производства непосредственной жизни».

III.

Рядомъ съ голодомъ въ человѣческой природѣ заложено другое могучее влеченіе, не менѣе необходимое для сохраненія рода—половое влеченіе. Голодъ и любовь—вотъ двѣ силы, которыми по извѣстнымъ словамъ Шиллера, природа поддерживаетъ міръ. Чрезвычайно характерно для склонности Маркса и Энгельса къ естественно-научнымъ объясненіямъ исторіи, что они уступили искушенію признать и эту вторую чисто физіологическую потребность человѣка рѣшающимъ факторомъ историческаго развитія. Это преобразованіе историческаго матеріализма было совершено, какъ извѣстно, Энгельсомъ въ его книгѣ о происхожденіи семьи.

Искусителемъ явился американецъ Морганъ. Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «Первобытное общество» Морганъ сдѣлалъ смѣлую попытку установить общіе законы развитія семьи во всемъ мірѣ.

*) Lippert. Kulturgeschichte. III. Стр. 68.

**) Grosse. Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaftt. 1896. Стр. 36.

Исходя изъ убѣжденія въ единствѣ происхожденія человѣческаго рода, онъ утверждалъ, что фазисы развитія семьи одинаковы у всѣхъ народовъ міра, какъ бы ни были различны условія жизни каждаго изъ нихъ *). Всюду находилъ онъ однѣ и тѣ же формы семьи, исторически смѣнявшія другъ друга въ одной и той же неизмѣнной послѣдовательности.

Попытку Моргана можно признать въ настоящее время рѣшительно неудавшейся. Новѣйшія этнологическія наблюденія съ очевидностью доказали несостоятельность всей эволюціонной схемы Моргана, отправнымъ пунктомъ которой является «семья кровныхъ родственниковъ», хотя реальность этой формы семьи, по признанію самого Моргана, «должна быть установлена другими данными, чѣмъ непосредственнымъ указаніемъ на существованіе ея у какого-либо народа» **). Точнѣе говоря, эта форма семьи существовала только въ фантазіи автора «Первобытнаго общества». Затѣмъ въ схемѣ Моргана слѣдуютъ другія формы семьи, найденныя имъ у самыхъ различныхъ народовъ, и все вмѣстѣ вытягивается имъ въ прямолинейный рядъ, образующій, по мнѣнію смѣлаго автора, неизбѣжный законъ развитія семьи во всемъ мірѣ.

Поистинѣ удивительно, какимъ образомъ вся эта конструкція, совершенно висящая въ воздухѣ, соблазнила Маркса и Энгельса отказаться отъ основной идеи ихъ историческо-философской системы! Но какъ не признать такимъ отказомъ, напримѣръ, слѣдующее заявленіе изъ предисловія къ книгѣ Энгельса о происхожденіи семьи: «Общественныя учрежденія людей извѣстной исторической эпохи и извѣстной страны опредѣляются двумя родами производства: ступенью развитія, съ одной стороны, труда, съ другой — семьи. Чѣмъ менѣе развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество его продуктовъ, а слѣдовательно, и общественное богатство, тѣмъ въ большей мѣрѣ общественный строй опредѣляется половыми узами» ***). Итакъ, не одинъ моментъ—матеріальные факторы хозяйства,—но два особыхъ и совершенно независящихъ другъ отъ друга момента управляютъ общественной жизнью.

Дѣйствительно ли, однако, соображенія Моргана такъ неотразимы, что ради нихъ необходимо столь радикально измѣнить доктрину историческаго матеріализма? Конечно, нѣтъ. Болѣе того — если въ какой кой-либо области соціальной жизни экономическія условія играютъ рѣшающую роль, то это именно въ области семьи.

«Вѣра въ теорію Моргана,—замѣчаетъ съ полнымъ основаніемъ

---

*) Ср. Morgan. Die Urgesellschaft. Стр. 319.

**) Тамъ же, стр. 337.

***) Предисловіе къ книгѣ Engels'a. „Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats".

одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ исторіи семьи, Гроссе,—теряла почву по мѣрѣ того, какъ возрастало знакомство съ фактами этнологіи». Такъ, авторъ «Первобытнаго общества» признавалъ матріархатъ первоначальной семейной организаціей, задолго предшествовавшей патріархату. Это оказалось совершенной ошибкой; болѣе полное и точное наблюденіе семейныхъ отношеній у наиболѣе примитивныхъ народовъ обнаружило, что патріархальная семья является у нихъ правиломъ. Женщина у низшихъ народностей есть въ полномъ смыслѣ слова собственность и раба, вьючное животное мужчины, который свободно располагаетъ жизнью ея и дѣтей. Величайшей ошибкой Моргана была, однако, его основная идея, вѣра въ сходство, даже тождественность развитія семьи у всѣхъ народовъ. Дѣйствительные факты совершенно опровергаютъ эту вѣру. Не существуетъ и не можетъ существовать общаго закона развитія семьи, такъ какъ формы семьи опредѣляются условіями жизни каждаго народа, которыя весьма различны. Семья не образуетъ собой соціальнаго явленія, независимаго отъ другихъ соціальныхъ моментовъ, но находится съ ними въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи, благодаря чему никакихъ особыхъ законовъ развитія семьи быть не можетъ.

Такъ, напр., существованіе у нѣкоторыхъ народовъ матріархата объясняется экономическими условіями. Матріархатъ есть сравнительно болѣе позднее явленіе и наблюдается только среди земледѣльческихъ народовъ. У охотничьихъ племенъ власть въ семьѣ принадлежитъ мужчинѣ; наибольшаго развитія патріархатъ достигаетъ у пастушескихъ народовъ. Всѣ эти различія характера семьи объясняются различіемъ экономическихъ условій существованія каждаго народа. Охота и скотоводство представляютъ собой занятія мужчины, между тѣмъ какъ земледѣліе развилось изъ собиранія зеренъ растеній, что было первоначально всецѣло женскимъ занятіемъ. Поэтому у самыхъ примитивныхъ земледѣльческихъ народовъ земля нерѣдко признается собственностью женщинъ и на основѣ экономическаго господства женщины совершенно естественно возникаетъ ея господство въ семьѣ и племени.

Поэтому, неудивительно, что отказъ Маркса и Энгельса отъ ихъ собственной историко-философской доктрины въ пользу теоріи Моргана встрѣтилъ сочувствіе далеко не у всѣхъ марксистовъ. Куновъ, среди марксистовъ безспорно лучшій знатокъ условій жизни первобытныхъ народовъ, объясняетъ развитіе семьи условіями хозяйства. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Гроссе, не принадлежащій къ числу сторонниковъ матеріалистическаго пониманія исторіи, что придаетъ его мнѣнію въ данномъ случаѣ еще большій вѣсъ. Послѣ всесторонняго изслѣдованія формъ семьи у различныхъ народовъ онъ приходитъ къ заключенію, «что при каждой формѣ культуры господствуетъ такая форма семейной

организаціи, которая соотвѣтствуетъ даннымъ отношеніямъ и потребностямъ хозяйства» *).

Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній признавать развитіе семьи самостоятельнымъ соціальнымъ процессомъ, находящимся внѣ вліянія экономическихъ условій. Половое чувство такъ же необходимо для поддержанія рода, какъ и чувство самосохраненія индивида; но значеніе обоихъ чувствъ, какъ факторовъ соціальнаго развитія, глубоко различно. Стремленіе къ улучшенію хозяйственныхъ условій существованія толкаетъ человѣчество все впередъ, вызываетъ его на неустанную борьбу съ природой, такъ какъ каждая достигнутая ступень развитія хозяйства указываетъ человѣчеству на новыя цѣли, является основаніемъ для новыхъ усилій; а половое чувство имѣетъ консервативный характеръ и легко достигаетъ удовлетворенія. Между тѣмъ какъ въ области хозяйства движеніе человѣчества представляетъ собой поступательную линію, уходящую почти въ безконечность, въ области половой любви человѣчество вращается почти въ кругѣ. Формы семьи нѣкоторыхъ примитивныхъ народцевъ мало отличаются отъ семейныхъ формъ цивилизованныхъ націй нашего времени. По отношенію къ положенію женщины въ семьѣ мы, со всей нашей цивилизаціей, мало ушли впередъ, а можетъ быть находимся и позади сравнительно съ ирокезами, которыхъ такъ превосходно описалъ Морганъ. Это показываетъ, быть можетъ, всего нагляднѣе, какую незначительную роль въ соціальномъ прогрессѣ играетъ моментъ половой любви и какъ ошибочно видѣть въ «любви» соціальный факторъ, равносильный «голоду».

IV.

Существованіе въ человѣческой природѣ особыхъ симпатическихъ чувствъ, не сводимыхъ ни къ какимъ инымъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Чувства эти, повидимому, двоякаго происхожденія. Съ одной стороны они развились на основѣ одного изъ сильнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ—материнской любви и вообще любви родителей къ дѣтямъ. Что касается до этого чувства, то оно также стихійно и первоначально, какъ чувство самосохраненія и половой инстинктъ. Среди многихъ животныхъ видовъ мы встрѣчаемъ примѣры сильнѣйшей материнской любви, въ то время какъ у другихъ видовъ не замѣчается никакой заботы родителей о своемъ потомствѣ. Эти различія всего лучше объясняются дѣйствіемъ естественнаго подбора: если для сохраненія вида необходимо охраненіе родителями потомства, то родители (обыкновенно мать) заботятся о своихъ дѣтенышахъ, если же нѣтъ, то родители остаются къ нимъ совершенно равнодушны. Послѣднее

*) Grosse. Die Formen der Familie. Стр. 245.

замѣчается у тѣхъ животныхъ видовъ, которые кладутъ массу яицъ, достаточно обезпечивающую своимъ количествомъ сохраненіе вида.

Новорожденный человѣкъ нуждается въ материнскомъ уходѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ какое-либо другое животное. Безъ материнской любви человѣческій родъ не могъ бы существовать, что и объясняетъ силу этого чувства въ душѣ человѣка. На этой почвѣ возникаютъ чувства симпатіи между членами семьи и кровными родственниками.

Другимъ корнемъ симпатическихъ чувствъ, соединяющихъ въ одно цѣлое не только кровныхъ родственниковъ, но и совершенно чуждыхъ людей, является столь же стихійный, какъ и материнская любовь, общественный инстинктъ человѣка. Какъ и материнская любовь, этотъ инстинктъ свойственен не только человѣку, но и многимъ животнымъ. Нѣкоторые животные виды живутъ только группами, между тѣмъ какъ другіе не обнаруживаютъ къ этому никакой склонности, что опять-таки естественнѣе всего объясняется условіями борьбы за существованія. Крупные хищники, какъ львы и тигры, не принадлежатъ къ числу общественныхъ животныхъ, и это понятно, такъ какъ ихъ добыча разсѣяна на большомъ пространствѣ; стадо львовъ или тигровъ обречено было бы на гибель отъ голода. Напротивъ, дикіе ослы, быки, антилопы, живутъ большими стадами, обнаруживая при этомъ чрезвычайную потребность въ обществѣ себѣ подобныхъ; зависитъ это отъ того, что отъ недостатка пищи стадо травоядныхъ не страдаетъ, а между тѣмъ соединеніе въ стадо уменьшаетъ для травоядныхъ опасность нападенія хищниковъ, облегчаетъ защиту отъ нихъ и бѣгство. Одинокая антилопа неминуемо должна была бы погибнуть—потому въ ней такъ и развитъ общественный инстинктъ *).

Общественный инстинктъ слагается, по мнѣнію Грооса, изъ двухъ болѣе элементарныхъ—изъ инстинктивнаго стремленія къ приближенію къ себѣ подобнымъ и изъ стремленія издавать звуки призыва и предупрежденія и отвѣчать на нихъ **). Эти болѣе простые инстинкты свойственны всѣмъ общественнымъ животнымъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и человѣкъ. Мы не знаемъ ни одного человѣческаго племени, которое не жило бы болѣе или менѣе значительными группами. Сила общественнаго инстинкта человѣка доказывается тяжелыми страданіями, которыя причиняетъ человѣку принудительное изолированіе его отъ общества другихъ людей (напр., въ одиночномъ заключеніи).

Инстинктивная любовь кровныхъ родственниковъ и общественный инстинктъ людей представляютъ собой важнѣйшую психологическую основу человѣческаго общества. Симпатическія чувства и взаимная

*) Ср. Спенсеръ. Основанія психологіи. Часть VIII, гл. V. Также Ammon. Der Ursprung des socialen Trieb. Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1901.

**) Karl Groos. Die Spiele der Menschen. 1899. Стр. 431.

любовь, которую Контъ назвалъ въ противоположность эгоизму альтруизмомъ, естественно развиваются между людьми, принадлежащими къ одному и тому же обществу. Наличность въ человѣческой природѣ альтруистическихъ чувствъ есть фактъ безспорный. Вопросъ только въ томъ, достигаютъ ли эти чувства въ современныхъ людяхъ такого развитія, чтобы ихъ можно было признавать крупной соціальной силой.

Одинъ современный соціологъ — Бэнжамэнъ Киддъ — сдѣлалъ попытку доказать именно это. По его мнѣнію, общественный прогрессъ нашего времени основывается на чрезвычайномъ распространеніи въ широкихъ общественныхъ слояхъ и, въ частности, въ господствующихъ классахъ интенсивнаго чувства гуманности и жалости къ страданіямъ другого *). Къ этому заключенію Киддъ пришелъ на основаніи оригинальныхъ соціологическихъ соображеній, отправнымъ пунктомъ которыхъ является положеніе, что не интеллектуальная одаренность, но моральная сила обезпечиваетъ народу побѣду въ борьбѣ за существованіе.

Съ послѣднимъ можно согласиться. Но Киддъ глубоко заблуждается относительно характера моральныхъ свойствъ, необходимыхъ народу для побѣды надъ соперниками. Пока война не исчезла съ міровой арены, до тѣхъ поръ естественный подборъ не можетъ укрѣплять въ людяхъ альтруистическія чувства. Жестокость и невоспріимчивость къ чужимъ страданіямъ являются необходимыми свойствами хорошаго солдата. Киддъ очень высокаго мнѣнія о національномъ характерѣ англосаксовъ и видитъ въ послѣднемъ главную причину промышленныхъ и политическихъ успѣховъ англичанъ и американцевъ. Если это и такъ, то, конечно, только національное самоослѣпленіе внушило англійскому соціологу мысль, что преимущества англосаксовъ передъ всѣми другими заключаются въ исключительномъ развитіи у нихъ альтруистическихъ чувствъ. Не альтруизмъ, но упорство и энергія въ преслѣдованіи своихъ, по большей части совершенно эгоистическихъ цѣлей, мужество и настойчивость, съ какими преодолѣваются препятствія—вотъ что обезпечило англосаксамъ побѣду надъ соперниками. Что же касается до разсужденій Кидда о горячей любви къ ближнимъ капиталистовъ и вообще лицъ господствующихъ классовъ, то они слишкомъ наивны, чтобы нуждаться въ опроверженіи.

Именно условія борьбы за существованіе въ современномъ обществѣ объясняютъ намъ, почему альтруистическія чувства имѣютъ пока такое слабое развитіе. «Какъ бы это ни казалось страннымъ,—говоритъ Спенсеръ, — но слѣдуетъ признать, что усиленіе гуманныхъ чувствъ не идетъ шагъ за шагомъ по слѣдамъ цивилизаціи, но, что, напротивъ, первыя ступени цивилизаціи неизбѣжно обусловливаютъ относительную безчеловѣчность. Среди племенъ первобытныхъ людей,

*) Benjamin Kidd. Sociale Evolution. Нѣмц. перев. Стр. 147 и слѣд.

самыя грубыя скорѣй, чѣмъ самыя добрыя, успѣвали въ той борьбѣ, которая имѣла результатомъ объединеніе и отвердѣніе обществъ; и въ теченіе многихъ послѣдующихъ стадій общественной эволюціи безсовѣстныя давленія на общество извнѣ и жестокія внутреннія насилія долгое время были обычными спутниками политическаго развитія. Люди, соперничество которыхъ образовало наилучше организованныя общества, были вначалѣ, да и долгое время потомъ не что иное, какъ дикари, но болѣе другихъ сильные и хитрые. И даже теперь, если они освобождаются отъ вліяній, которыя по наружности измѣнили ихъ поведеніе, они оказываются немногимъ лучше» *).

Такъ какъ политическая организація слагалась подъ вліяніемъ войнъ, то естественно, что именно наиболѣе воинственныя, т.-е. наиболѣе кровожадныя и жестокія народности достигли цивилизаціи. И теперь существуетъ не мало первобытныхъ племенъ, отличающихся удивительной мягкостью нравовъ и далеко превосходящихъ въ этомъ отношеніи цивилизованныя расы; но характерно, что всѣ эти племена почти лишены политической организаціи **).

Современный капиталистическій строй столь же мало благопріятствуетъ развитію альтруистическихъ чувствъ, какъ и военная организація общества прежняго времени. Нравы теперь не такъ грубы, убійство и другія формы физическаго насилія внушаютъ больше отвращенія и признаются допустимыми только въ исключительныхъ случаяхъ — напр., во время войнъ, которыя стали рѣже и менѣе продолжительны. Мы, несомнѣнно, не такъ жестоки, какъ наши кровожадные предки. Но капиталистическій строй не является благодарной почвой для широкаго развитія альтруизма. Насиліе приняло теперь болѣе мягкія формы, но отнюдь не прекратилось; капиталистическое хозяйство, какъ и рабское и феодальное, покоится на присвоеніи чужого прибавочнаго труда, на эксплоатаціи немногими огромнаго большинства. Безпощадная конкуренція, ставшая, благодаря капиталистическому способу производства, условіемъ хозяйственнаго успѣха, повела къ чрезвычайному обостренію борьбы за существованіе, которая, несмотря на бо́льшую мягкость своихъ внѣшнихъ проявленій, требуетъ теперь большаго напряженія силъ личности. Связь наличныхъ денегъ (cash-nexus, по выраженію Карлэйля) не есть связь нѣжной любви.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что альтруистическія чувства никогда не были сколько-нибудь могущественнымъ факторомъ соціальнаго развитія. Это такъ же вѣрно относительно нашего времени, какъ и относительно прошлаго. Симпатическія чувства сильны только въ сравнительно тѣсныхъ группахъ людей. Это и понятно, такъ какъ способность человѣка къ симпатіи основывается на способности воспроизводить въ

*) Спенсеръ. Основанія соціологіи. II. Стр. 240.

**) См. Спенсеръ. Основанія соціологіи. §§ 437 и 574; Основанія этики. § 153.

своемъ сознаніи чувства и ощущенія другого, для чего, въ свою очередь, требуется извѣстная общность психической жизни людей. Чѣмъ больше эта общность, чѣмъ сильнѣе и чувство симпатіи. По этой причинѣ симпатическое чувство достигаетъ наибольшей силы въ предѣлахъ семьи—и только въ этомъ узкомъ кругу мы встрѣчаемъ дѣйствительно сильную и готовую къ самопожертвованію, дѣятельную любовь. Люди, принадлежащіе къ тому же соціальному классу, симпатизируютъ другъ другу, какъ общее правило, сильнѣе, чѣмъ люди разныхъ классовъ. Такимъ образомъ возникаетъ классовое чувство, вступающее въ тѣсную связь съ эгоистическими и эгоальтрустическими чувствами и въ такой формѣ являющееся однимъ изъ могущественныхъ двигателей исторіи. Національное чувство столь же мало основано на чистомъ альтруизмѣ, какъ и классовое чувство, такъ какъ главную роль во немъ играютъ эгоальтруистическіе элементы (національная гордость, жажда славы).

Національность нерѣдко представляетъ собой крайній предѣлъ для симпатическихъ чувствъ современнаго человѣка. Между людьми различныхъ расъ симпатическое чувство можетъ совершенно отсутствовать, что, разумѣется, не оправдываетъ жестокости европейцевъ по отношенію къ цвѣтнымъ расамъ, но объясняетъ ее.

V.

Если современный человѣкъ не способенъ сильно симпатизировать страданіямъ другого, чуждаго ему человѣка, зато онъ въ высшей степени воспріимчивъ къ одобренію или неодобренію его поведенія общественнымъ мнѣніемъ. «Я никогда никому не скажу этого, — говоритъ у Толстого князь Андрей Болконскій,—но, Боже мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди: отецъ, сестра, жена — самые дорогіе мнѣ люди; и какъ ни странно и ни неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю и не буду знать» *).

Совокупность чувствъ этого рода, названныхъ Спенсеромъ эгоальтруистическими, является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ двигателей поведенія какъ цивилизованнаго, такъ и нецивилизованнаго человѣка.

«Даже самый примитивный человѣкъ,—утверждаетъ Липпертъ,—не довольствуется простымъ животнымъ существованіемъ; онъ хочетъ возбуждать вниманіе, имѣть значеніе для себѣ подобныхъ» **) «Какъ ни

*) Война и Миръ. Изд. седьмое. Стр. 429.
**) Lippert. Kulturgeschichte. I. Стр. 176.

велико тщеславіе, обнаруживаемое цивилизованнымъ человѣкомъ, оно все-таки уступаетъ тому, которое обнаруживаетъ человѣкъ нецивилизованный—замѣчаетъ Спенсеръ.—Самоукрашеніе занимаетъ мысли какого-нибудь дикаго вождя еще въ большей степени, чѣмъ мысли какой-нибудь свѣтской дамы нашихъ дней» *). Дикарь охотно переноситъ самыя тяжелыя физическія мученія (какъ, напр., татуированіе и изуродованія различныхъ частей тѣла, лишь бы придать себѣ болѣе внушительный видъ. «Фиджійскій вождь, волосы котораго благодаря прическѣ, торчатъ какъ щетина въ разныя стороны, не можетъ во время сна положить свою голову, но долженъ держать ее на вѣсу, подпирая особой подставкой шею. Кольца въ носу, куски дерева въ нижней губѣ, которые носятъ ботокуды, обтачиваніе зубовъ въ острые треугольники, къ которому прибѣгаютъ малайцы, все это переносится, конечно, не легко, но все же охотно переносится, какъ самоистязанія, которымъ себя подвергаютъ люди для умилостивленія бсговъ» **).

Именно тщеславіе первобытнаго человѣка объясняетъ пристрастіе дикарей къ блестящимъ бездѣлушкамъ, привозимымъ европейцами. Конечно, не эстетическія соображенія побуждаютъ негритянскаго князька съ гордостью выступать въ европейскомъ костюмѣ передъ своими чернокожими подданными, но побужденія такого же рода, какъ и тѣ, которыя заставляютъ французскаго буржуа такъ высоко цѣнить знаменитую красную ленточку.

Въ «Основаніяхъ психологіи» Спенсеръ указываетъ на то, какимъ могущественнымъ мотивомъ человѣческаго поведенія былъ и остается страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Только совершенно исключительныя натуры способны къ сильнымъ альтруистическимъ чувствамъ; но почти не существуетъ людей, совершенно равнодушныхъ къ общественному мнѣнію. Объясняется это условіями существованія современнаго общества. Чѣмъ болѣе сплочено общество, чѣмъ тѣснѣе связаны его части, чѣмъ сильнѣе зависимость индивида отъ общественнаго цѣлаго, тѣмъ больше основаній имѣетъ каждый отдѣльный человѣкъ бояться общественннаго мнѣнія и регулировать имъ свое поведеніе. Политически организованное общество обладаетъ властью непосредственнаго принужденія непокорной воли отдѣльныхъ лицъ; награда же, обѣщаемая обществомъ послушнымъ, такъ же велика, какъ и кара ослушникамъ. Классовая борьба и война, препятствующія растространенію альтруистическихъ чувствъ, благопріятствуютъ развитію честолюбія становящагося поэтому, главнымъ двигателемъ человѣческаго поведенія. Утвержденіе Ницше, что «воля къ власти» есть самое существо человѣка, заключаетъ въ себѣ по отношенію къ нашему времени много вѣрнаго.

---

*) Основанія соціологіи. 1898 г. I. Стр. 41.

**) Wundt. Ethik. I. 1903 г. Стр. 152.

Христіанскій моральный идеалъ есть выраженіе высочайшаго альтруизма; но дѣйствительное поведеніе современныхъ людей опредѣляется не этимъ этическимъ идеаломъ. Такъ, христіанская религія требуетъ прощать обиды. Современное общество выработало, однако, свой собственный кодексъ чести, признающій прощеніе обидъ величайшимъ позоромъ, и какъ мало мы видимъ людей, имѣющихъ мужество предпочитать велѣнія Христа требованіямъ условной чести! Заповѣди Христа любить враговъ своихъ современное государство противопоставило требованіе убивать враговъ на войнѣ и война ведется христіанскими народами съ величайшей безпощадностью. Христіанская мораль требуетъ отказа отъ богатства и признаетъ великимъ грѣхомъ не подать милостыни неимущему; господствующіе нравы, напротивъ, вполнѣ оправдываютъ богатство и караютъ нищенство какъ преступленіе. Коротко говоря, христіанская мораль несовмѣстима съ основами капиталистическаго общества и самый фактъ его существованія доказываетъ, что не христіанскій этическій идеалъ, но правила поведенія совершенно иного рода регулируютъ жизнь современнаго общества. Психологической основой этихъ правилъ являются чувства эгоальтруистическаго характера *).

Классовое чувство, чувство солидарности съ представителями того же класса есть очень сложное чувство, въ составъ котораго входятъ различные элементы, но преобладающую роль играютъ эгоистическіе и и эгоальтруистическіе. Естественное симпатизированіе другъ другу людей, находящихся въ одинаковомъ положеніи, содѣйствуетъ, конечно, возникновенію этого чувства, но его главной основой является отнюдь не элементъ взаимной симпатіи. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что люди одного класса рѣдко обнаруживаютъ значительную готовность безкорыстно помогать другъ другу. Развитію взаимной любви между лицами одного класса препятствуетъ конкуренція между ними, заставляющая ихъ нерѣдко больше бояться, чѣмъ любить другъ друга. Но тѣ же люди весьма часто обнаруживаютъ по отношенію къ другимъ классамъ чрезвычайную солидарность и защищаютъ, какъ, напр., французское дворянство въ эпоху революціи, съ величайшимъ самопожертвованіемъ интересы своего класса. Чувство сословной чести, стремленіе согласовать своё поведеніе съ общественнымъ мнѣніемъ своего класса, а затѣмъ сознаніе тѣсной связи между своими личными интересами и интересами своего класса играетъ въ подобныхъ случаяхъ рѣшающую роль.

Даже тѣ немногіе люди, которые рѣшаются идти противъ общественнаго мнѣнія своего времени, не могутъ освободиться отъ вліянія общественнаго мнѣнія вообще. Они презираютъ настоящее, но тѣмъ болѣе они вѣрятъ въ будущее. Они освобождаются отъ реальнаго общественнаго мнѣнія настоящаго только благодаря тому, что пред-

*) Ср. Спенсеръ. Основанія психологіи. §§ 521, 522.

ставляютъ себѣ идеальное общественное мнѣніе будущаго и чувствуютъ себя зависимыми отъ послѣдняго *).

Національное чувство точно также слагается изъ альтруистическихъ, эгоистическихъ и эгоальтруистическихъ чувствъ, причемъ послѣднія рѣшительно преобладаютъ. Національное чувство является гораздо меньше любовью къ людямъ той же національности, чѣмъ непріязнью или даже ненавистью къ людямъ другихъ національностей. Гордость принадлежности къ могущественной націи, отвращеніе къ чуждымъ нравамъ и образу жизни, сознаніе общности интересовъ, связывающихъ человѣка совершенно эгоистически съ людьми его національности—вотъ важнѣйшія основы этого чувства, играющаго такую выдающуюся роль въ исторіи.

Стремленіе къ власти, почестямъ, славѣ есть, на ряду съ чувствомъ самосохраненія и жаждой чувственныхъ наслажденій, важнѣйшій мотивъ человѣческаго поведенія. Борьба за власть имѣетъ въ исторіи человѣчества такое же значеніе, какъ и борьба за существованіе. Это является однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ человѣческой исторіи, отличающихъ ее отъ исторіи развитія какого-нибудь животнаго вида.

Даже стремленіе къ богатству, къ хозяйственному благополучію, которое нерѣдко противопоставляютъ стремленію къ власти, вызывается въ значительной мѣрѣ стремленіемъ этого послѣдняго рода. Люди стремятся къ богатству не только вслѣдствіе чувственныхъ удовольствій, которыя оно доставляетъ, но не менѣе и вслѣдствіе доставляемой богатствомъ власти надъ людьми. Психологія скупости объясняется, главнымъ образомъ, этимъ мотивомъ **). Если бы жажда богатства была просто жаждой чувственныхъ наслажденій, то она должна была бы находить свою границу въ ограниченности этихъ послѣднихъ. Однако, такихъ границъ для жажды богатства нѣтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ крупныя историческія движенія были и остаются въ непосредственной связи со стремленіемъ къ власти отдѣльныхъ лицъ и народныхъ массъ. Конечно, войну нельзя объяснить только этимъ мотивомъ. Но нельзя отрицать и того, что честолюбіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ націй, весьма часто толкало людей на войну. И политическая, и соціальная исторія міра приняла бы совершенно иной видъ, если бы эгоальтрустическія чувства не играли такой первенствующей роли въ жизни человѣка.

VI.

Практическій интересъ господствуетъ въ жизни человѣка, но не исчерпываетъ ея. Въ человѣческой природѣ есть потребности, кото-

---

*) Ср. Lacombe. De l'histoire considerée comme science. 1894. Гл. III.

**) Ср. Gurewitsch. Die Entwicklung der menschlichen Bedürfnisse. 1900. Стр. 48.

рыя не направлены на практическіе интересы жизни и которыя, поэтому, я называю потребностями, не основанными на практическомъ интересѣ. Простѣйшей изъ нихъ является потребность въ игрѣ.

Игра, конечно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ сознательная жизнь, такъ какъ низшія животныя не играютъ. На первыхъ ступеняхъ животной жизни самосохраненіе поглощаетъ всѣ силы организмы и для игры мѣста не остается. Но уже весьма рано въ исторіи развитія животнаго міра появляется игра, какъ дѣятельность коренымъ образомъ отличная отъ борьбы за существованіе. Животное играетъ, производя безполезныя движенія, прыгая, бѣгая, притворяясь, будто оно нападаетъ на врага или спасается отъ него и т. д., безъ всякой другой цѣли, кромѣ наслажденія отъ этихъ движеній. Причиной, вызывающей послѣднія, можно считать избытокъ неизрасходованной жизненной энергіи организма, затрагиваемый животнымъ, за недостаткомъ полезной работы, на безполезную, но пріятную мускульную дѣятельность. Такимъ образомъ возникаетъ потребность въ игрѣ, тѣмъ болѣе сильная, чѣмъ больше въ организмѣ запасъ неиспользованныхъ жизненныхъ силъ.

Наиболѣе дѣятельныя животныя обнаруживаютъ наибольшую любовь къ играмъ. Такъ, напр., хищныя животныя и среди нихъ самый совершенный хищникъ—кошка. Первобытный человѣкъ также любитъ игры. «Извѣстно,—говоритъ Карлъ Бюхеръ,—что первобытные народы съ большимъ усердіемъ и для насъ непонятнымъ упорствомъ предаются дѣятельности разнаго рода, носящей характеръ игры—и прежде всего танцамъ... Всѣ примитивные народы танцуютъ, танцуютъ до бѣшенства и истощенія силъ, иногда до тѣхъ поръ, пока танцующій не падаетъ на землю съ кровавой пѣной у рта» *).

На основаніи огромнаго запаса фактовъ, Бюхеръ приходитъ къ заключенію, «что первоначально работа не отдѣлялась отъ игры» **). Это раздѣленіе произошло позднѣе. Первобытный человѣкъ играетъ такъ же серьезно, какъ мы работаемъ, и соединяетъ серьезную работу съ элементами, которые мы относимъ къ игрѣ.

На высшихъ ступеняхъ развитія, послѣ того, какъ работа дифференцируется отъ игры, низшія формы игры теряютъ свое прежнее значеніе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается и среди культурныхъ народовъ такое усиленіе интереса къ физическимъ играмъ, что этотъ интересъ пріобрѣтаетъ значеніе важной соціальной силы. Такъ, напр., въ Римѣ и Византіи игры въ циркѣ были крупными событіями общественой жизни, иногда вызывавшими народныя волненія. «Panem et circences!» («хлѣба и зрѣлищъ!»)—это сопоставленіе необходимыхъ средствъ къ жизни съ игрой крайне характерно для древняго Рима.

*) Bücher. Arbeit und Rhythmus. 3 изд. Стр. 18.
**) Тамъ же. Стр. 295.

Но игра въ особенности важна тѣмъ, что изъ нея возникла такая чрезвычайно важная отрасль духовной дѣятельности человѣка, какъ искусство. Шиллеръ впервые указалъ на связь эстетической дѣятельности съ игрой; впрочемъ, мысли Шиллера были только развитіемъ соображеній Канта въ «Критикѣ способности сужденія». Эстетическое наслажденіе не основано на практическомъ интересѣ. А такъ какъ «мы имѣемъ право признавать игрой всякую дѣятельность, которая исполняется нами исключительно ради доставляемаго ею наслажденія» *), то искусство должно разсматриваться, какъ одна изъ формъ игры. Къ тому же заключенію пришелъ въ новѣйшее время независимо отъ Шиллера и Спенсеръ.

Замѣчательное изслѣдованіе Бюхера «Работа и ритмъ» показало, что музыка и поэзія первоначально были тѣсно связаны съ хозяйственнымъ трудомъ. Можно даже думать, что ритмъ, составляющій самое существо музыки и стихосложенія, вышелъ, главнымъ образомъ, изъ ритмическихъ движеній работающаго человѣка **). Съ теченіемъ времени музыка выросла изъ средства облегченія хозяйственнаго труда въ одно изъ прекраснѣйшихъ искусствъ. Но это мало увеличило ея значеніе, какъ фактора соціальнаго развитія. Музыка доставляетъ, быть можетъ, чистѣйшее эстетическое наслажденіе и въ этомъ отношеніи цѣнность ея не можетъ быть преувеличена; но не легко подмѣтить вліяніе музыки на ходъ историческаго развитія человѣчества. Такъ, напр., рѣшительно невозможно обнаружить, какое неблагопріятное вліяніе на соціальную исторію Англіи оказалъ недостатокъ музыкальной одаренности англійскаго народа, или же, наоборотъ, какія соціальныя выгоды воспослѣдовали для итальянцевъ и евреевъ изъ ихъ исключительной одаренности въ музыкальномъ отношеніи. Если бы эти выгоды или невыгоды были значительны, ихъ легче было бы зазамѣтить ***).

То же можно сказать и о другихъ изящныхъ искусствахъ, хотя и съ бо̀льшими ограниченіями, такъ какъ изъ нихъ всѣхъ музыка стоитъ всего дальше отъ практическихъ интересовъ жизни. Что касается до поэзіи, то она, конечно, является крупной соціальной силой, но лишь потому, что въ поэзіи прекрасная форма соединяется съ опредѣленнымъ идейнымъ содержаніемь. Эти идеи, однако, общи поэзіи съ другими областями соціальнаго мышленія—съ философіей и наукой. Только благодаря своему интеллектуальному содержанію, а не благодаря своему чисто эстетическому элементу—прекрасной формѣ—изящная литература выросла въ такую могучую силу.

---

*) Karl Croos. Die Spiele der Menschen. Стр. 7.

**) Arbeit und Rhythmus. Глава VII и др.

***) Попытку Спенсера доказать выдающуюся соціальную полезность музыки я считаю совершенно неудавшейся. Ср. Spencer. The Origin and Funktions of Music.. Essays.. Vol. II. 1901.

Область чистой эстетики не оказываетъ большого вліянія на практику жизни, что вполнѣ естественно, такъ какъ сущность эстетическаго наслажденія заключается въ его независимости отъ практическихъ интересовъ жизни. По знаменитому опредѣленію Канта, прекрасное намъ нравится независимо ни отъ какого практическаго интереса *). Правда, эстетическое наслажденіе заключаетъ въ себѣ нѣчто морально облагораживающее и, какъ на это указали Кантъ и Шиллеръ, способствуетъ моральному подъему человѣка, погруженному въ чувственную жизнь. Мы можемъ признать вмѣстѣ съ Шиллеромъ, что идеалъ «прекрасной души» есть высочайшій человѣческій идеалъ, но изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобы эстетическій элементъ искусства былъ крупной общественной силой. Дѣйствительная жизнь безконечно далека отъ идеала и если признать за искусствомъ морально облагораживающее дѣйствіе, то, съ соціологической точки зрѣнія, это еще значитъ немного, такъ какъ сама-то альтруистическая мораль, какъ выше указано, мало осуществляется въ жизни современнаго общества. До настоящаго времени эта жизнь наполняется, главнымъ образомъ, борьбой за существованіе и за власть, и для интереса къ истинѣ, добру и красотѣ въ ней остается немного мѣста.

Стремленіе къ познанію имѣетъ въ себѣ нѣчто общее съ стремленіемъ къ эстетическому наслажденію: и то и другое не основывается или можетъ не основываться на практическомъ интересѣ. Познаніе можетъ быть цѣлью въ себѣ, совершенно независимо отъ проистекающихъ изъ него практическихъ выгодъ. «Подобно тому, какъ существуютъ музыкальныя и поэтическія натуры, такъ существуютъ и интеллектуальныя натуры. Для нихъ логическія противорѣчія, неясность и безсвязность мысли такъ же мучительны, какъ для другихъ фальшивые звуки и плохіе стихи» **). Человѣкъ съ такой натурой стремится къ истинѣ ради нея самой. Правда, стремленіе къ познанію очень слабо на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія; и впослѣдствіи люди съ сильными интеллектуальными интересами встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ люди съ эстетической натурой. Чисто научное произведеніе никогда не можетъ разсчитывать на такой интересъ въ широкой публикѣ, какъ хорошій романъ или музыкальная пьеса. Однако, какъ бы слабо, въ общемъ, ни было чистое стремленіе къ познанію, все же нельзя отрицать его существованія въ человѣческомъ духѣ.

Конечно, было бы грубой ошибкой объснять происхожденіе и развитіе науки исключительно любознательностью человѣка. Наука возникла не изъ теоретическаго интереса человѣка, не изъ его стремленія къ объективной истинѣ, но изъ практическаго интереса поддержа-

---

*) Ср. Kant. Kritik der Urteilskraft. I отдѣлъ. I книга. § 2.

**) Höffding. Psychologie. Стр. 359.

нія жизни. Это вѣрно какъ относительно практическихъ, прикладныхъ, такъ и относительно теоретическихъ, абстрактныхъ наукъ. Практика жизни играетъ на первыхъ шагахъ научнаго развитія рѣшающую роль.

Это доказывается исторіей всѣхъ отраслей научнаго знанія. «Двѣ важнѣйшія отрасли древней математики — ариѳметика и геометрія — обязаны своимъ раздѣленіемъ и самостоятельной разработкой разнообразнымъ запросамъ, предъявлявшимся искусству счисленія торговлей и потребностью въ измѣреніи земли» *). Строительное искусство вмѣстѣ съ межевымъ повело къ возникновенію геометріи, а ариѳметика развилась изъ счета цѣнныхъ предметовъ. Естествознаніе точно также создано практическими нуждами жизни. «Какъ слѣдуетъ подпереть тѣло опредѣленной формы, чтобы помѣшать его паденію, какъ развить опредѣленную силу, какъ увеличить напряженіе тетивы лука, чтобы метательная сила возрасла на опредѣленную величину: эти и подобныя задачи натолкнули Архимеда и Герона Александрійскаго на ихъ механическія изслѣдованія» **).

Въ возникновеніи механики сыграла большую роль практическая потребность въ взвѣшиваніи цѣнныхъ предметовъ. «Раціональная механика не могла имѣть другого исходнаго пункта, кромѣ вѣсовъ» ***). Астрономія также вытекла изъ практическихъ интересовъ жизни. «Теоретическій интересъ къ небеснымъ явленіямъ былъ достаточно удовлетворенъ неопредѣленными представленіями Платона и Аристотеля о вращеніи звѣздныхъ сферъ; но для точнаго раздѣленія времени года требовались числовыя опредѣленія, достигшія своего завершенія съ доступной для древности точностью въ астрономической системѣ Гиппарха и Птоломея» ****).

Не теоретическій, но практическій интересъ—найти средство превращать все въ золото—повелъ къ возникновенію алхиміи, изъ которой развилась научная химія. Теоретическая біологія создалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ своихъ прикладныхъ отраслей, какъ медицина, зоотехнія, агрономія и т. д. «Науки неразрывно сплетены съ техническими искусствами; и только условно мы можемъ ихъ разсматривать внѣ этой связи. Первоначально и тѣ и другія составляли нѣчто единое. Какъ установить дни религіозныхъ празднествъ; когда сѣять; какъ вѣсить товары; и какъ измѣрять землю—вотъ совершенно практическіе вопросы, которые повели къ возникновенію астрономіи, механики и геометріи» *****).

То же слѣдуетъ сказать и о наукахъ о духѣ. Вопросы этическаго и политическаго характера лишь сравнительно поздно стали предметомъ научнаго разсмотрѣнія «Только въ V вѣкѣ, когда, въ лицѣ софистовъ,

---

*) Wundt. Logik. II томъ. Часть I. Стр. 91.
**) Тамъ же. Стр. 263.
***) Spencer. Essay. 1901. T. I. The Genesis of the Science. Стр. 50.
****) Wundt. Тамъ же. Стр. 263.
*****) Spencer. Тамъ же. Стр. 69.

явились учителя политическаго краснорѣчія, отвергнувшіе, какъ безполезныя, всѣ спекуляціи относительно связи явленій природы и посвятившіе себя практическимъ задачамъ жизни и, прежде всего, подготовкѣ учениковъ къ политической дѣятельности, пробудился интересъ и къ теоретическимъ проблемамъ, связаннымъ съ политической и ораторской дѣятельностью» *). Съ софистовъ начинается и филологія, какъ особая наука о языкѣ. Какъ практическіе учителя краснорѣчія, софисты были поставлены въ необходимость изучать и анализировать формы языка.

Что касается до юридическихъ наукъ, то всѣ онѣ возникли и развились въ непосредственной связи съ практическими задачами жизни. Весьма характерно въ этомъ отношеніи, что именно тѣ отдѣлы права впервые получили у римлянъ научную обработку, которые находились въ наиболѣе тѣсной связи съ хозяйственной жизнью—именно, гражданское и, въ частности, имущественное право, между тѣмъ какъ наука государственнаго и международнаго права развилась гораздо позже. Другая вѣтвь общественныхъ наукъ—экономическія науки—также возникла на практической почвѣ и сохраняетъ тѣсную связь съ практикой жизни донынѣ.

Такимъ образомъ, исторія науки вполнѣ подтверждаетъ приматъ практическаго интереса надъ теоретическимъ, воли надъ разумомъ. Это вѣрно относительно познанія не менѣе, чѣмъ относительно искусства: «эстетическое чувство развилось изъ инстинктовъ, служащихъ для сохраненія индивидуума и рода. Оно есть слѣдствіе избытка энергіи, не израсходованной въ жизненной борьбѣ и потому могущей быть потраченной на другія цѣли» **). Что же касается до чистаго стремленія къ познанію, то оно является сравнительно позднимъ продуктомъ мощнаго развитія интеллекта, обусловленнаго, въ свою очередь, первенствующей важностью разума въ жизненной борьбѣ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать теоретическій интересъ самостоятельнымъ и безусловно необходимымъ факторомъ научнаго познанія, ибо безъ этого теоретическаго интереса, совершенно чуждаго практическимъ задачамъ, ни одна наука не можетъ существовать. На первыхъ ступеняхъ научнаго развитія теоретическій интересъ слабъ; но чѣмъ дальше идетъ наука, тѣмъ могущественнѣе становится этотъ интересъ. Теоретическія научныя дисциплины были первоначально подчинены практическимъ; впослѣдствіи же практическое знаніе опредѣляется теоретическимъ. Въ этомъ заключается естественный ходъ развитія каждой науки.

Практическія изобрѣтенія возникаютъ двоякимъ образомъ. Или практика жизни ставитъ народному сознанію опредѣленную практическую задачу, рѣшенію которой посвящаетъ себя множество людей, нѣкоторымъ изъ которыхъ это рѣшеніе, наконецъ, и удается. Такимъ обра-

---

*) Wundt. Logik. Methodenlehre, II. Стр. 2.

**) Höffding, Psychologie. Стр. 360—361.

зомъ были достигнуты великія техническія изобрѣтенія XVIII-го вѣка. Такъ, прядильная машина была изобрѣтена потому, что въ Англіи возникъ сильный спросъ на бумажную пряжу; потребность въ ускореніи ткачества повела къ изобрѣтенію ткацкой машины.

Или же техническія изобрѣтенія возникаютъ въ связи съ успѣхами теоретическаго знанія. Теоретическій интересъ вызываетъ извѣстное изслѣдованіе и оно приводитъ изслѣдователя совершенно неожиданно для него къ рѣшенію важной практической задачи. Изобрѣтенія этого типа такъ же характерны для XIX-го вѣка, какъ изобрѣтенія перваго типа для XVIII-го. Такъ, одна половина электротехники возникла изъ теоретическихъ изслѣдованій Вольты, а другая изъ столь же теоретическихъ работъ Фарадэя. Новѣйшее крупное изобрѣтеніе—безпроволочнаго телеграфа—находится въ самой тѣсной связи съ опытами Герца, посвященными рѣшенію совершенно теоретическаго вопроса объ электрической природѣ свѣта. Теоретическія работы Крукса повели къ открытію Рентгеномъ x-лучей—открытію, немедленно получившему важныя примѣненія и на практикѣ. Рядъ теоретическихъ работъ привелъ Гоффмана къ рѣшенію практическаго вопроса первенствующей важности—искусственнаго изготовленія анилиновыхъ красокъ.

Итакъ, наука возникла изъ потребностей практической жизни; но она преобразовала практическую жизнь и стала изъ средства цѣлью въ себѣ. Человѣкъ познаетъ не только для того, чтобы извлекать изъ своего познанія практическую пользу, но и ради самого наслажденія познанія. Правда, даже среди цивилизованныхъ народовъ встрѣчается немного людей, способныхъ въ значительной мѣрѣ къ этому наслажденію. Но какъ бы слаба ни была самостоятельная потребность въ познаніи, ея значеніе, какъ движущей силы исторіи, чрезвычайно велико: удовлетвореніе этой потребности немногими оказываетъ колоссальное вліяніе на судьбы остального большинства, не испытывающаго жажды знанія. Одинокой работой немногихъ изслѣдователей созидается величественное зданіе науки, подъ кровомъ котораго находитъ себѣ пріютъ все человѣчество.

Радость познанія истины, логической гармоніи мысли, не основана какъ и эстетическое наслажденіе, на практическомъ интересѣ — она не имѣетъ ничего общаго съ радостью по случаю практической пользы, которую можетъ принести работа мысли.

Высшей потребностью человѣка является религіозная потребность. Правда, потребность эта свойственна далеко не всѣмъ людямъ, но то же слѣдуетъ сказать и относительно эстетической и интеллектуальной потребности. Наилучшее опредѣленіе сущности религіознаго далъ по моему мнѣнію, Шлейермахеръ, опредѣляющій религію, какъ «чувство совершенной зависимости» или «непосредственное сознаніе, что все конечное заключено въ безконечномъ, все временное въ вѣчномъ» *).

*) Schleiermacher. Reden über die Religion. 4 изд. Стр. 42. Цитир. у Wundt'а. Ethik. I. Стр. 273.

Специфически религіознымъ чувствомъ является чувство почитанія или благоговѣнія, «принадлежащее не менѣе, чѣмъ чувство симпатіи, на которомъ основывается соціальная жизнь человѣка, къ основнымъ чувствамъ человѣческой природы» *).

Религія, понимаемая такимъ образомъ, далеко не тождествена съ вѣрой въ сверхъестественныя силы, управляющія міромъ. «Вѣра въ демоновъ вызываетъ чувства страха и ужаса; но религіознаго чувства благоговѣнія въ ней нѣтъ почти и слѣда» **). Первобытные народы вѣрятъ въ существованіе духовъ умершихъ, въ колдовство, приносятъ жертвы для умилостивленія своихъ боговъ, но религіи въ нашемъ смыслѣ слова у нихъ почти нѣтъ. Вовсе не благоговѣйное чувство, не стремленіе къ вѣчному побуждаетъ ихъ къ религіозному культу. Наблюденіе нѣкоторыхъ фактовъ обыденной жизни внушаютъ первобытному человѣку убѣжденіе, что духъ человѣка живетъ и послѣ его смерти. Первоначальный религіозный культъ есть не что иное, какъ забота объ удовлетвореніи потребностей духа умершаго человѣка, внушающаго страхъ благодаря его предполагаемой силѣ. Этотъ культъ возникаетъ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ побужденій совершенно эгоистическаго рода. Дикарь относится къ своему богу почти такъ, какъ онъ сталъ бы относиться къ живому могущественному врагу; онъ хлопочетъ объ его умилостивленіи обильными подарками, но испытываетъ по отношенію къ нему гораздо больше чувства страха, чѣмъ благоговѣйнаго почитанія.

То же нужно сказать и о такъ называемой религіи многихъ цивилизованныхъ людей. Французскій соціологъ Лакомбъ, конечно, правъ, утверждая, что у очень многихъ людей побудительные мотивы къ религіозному культу имѣютъ совершенно эгоистическій характеръ. Но Лакомбъ идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что признаетъ всю религію не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ самосохраненія, воображаемымъ, мнимымъ хозяйствомъ: религіозная дѣятельность человѣка есть просто средство обезпечить себѣ извѣстныя выгоды благодаря помощи воображаемыхъ сверхъестественныхъ силъ. Никакого специфически религіознаго чувства въ душѣ человѣка, по мнѣнію Лакомба, нѣтъ ***).

Эту точку зрѣнія слѣдуетъ признать безусловно ошибочной. Правда, къ религіозному культу весьма часто приводятъ мотивы, не имѣющіе строго религіознаго характера. Но на ряду съ этой мнимой религіей существуетъ и иная, уже потому не имѣющая ничего общаго съ хозяйствомъ, что хозяйство служитъ практическимъ интересамъ жизни, а религія основывается на чувствѣ благоговѣнія, не имѣющемъ ничего общаго съ послѣдними. Не всѣ способны испытывать это чувство, но кто его испытываетъ, для того Богъ, въ котораго онъ

*) Wundt. Ethik. I. Стр. 273.

**) Wundt. Тамъ же. Стр. 273.

***) Ср. Lacombe. L'histoire considerée comme Science. Гл. VI. § 9.

вѣруетъ, есть не средство для достиженія другихъ цѣлей, но послѣдняя и верховная цѣль въ себѣ, наибольшая и высочайшая цѣнность.

Можно раздѣлять или не раздѣлять это чувство, но нельзя отрицать его реальнаго существованія въ душѣ человѣка. Истинно религіозныя натуры рѣдки, но все же онѣ существуютъ. Въ аскетизмѣ религіозное чувство вступаетъ въ борьбу съ волей къ жизни и побѣждаетъ ее. Но мы не имѣемъ права отрицать безкорыстнаго религіознаго чувства и у большинства людей. Если бы религіозное чувство было такимъ исключеніемъ, то была бы непонятна устойчивость и прочность религіозныхъ вѣрованій у цивилизованныхъ народовъ, ибо конечно, эти вѣрованія основываются не на данныхъ положительнаго знанія.

То, что мы называемъ нравственностью, есть, въ значительной мѣрѣ, результатъ религіозныхъ вліяній. «Зрѣлая нравственность есть совершеннолѣтнее дѣтище религіи и нравовъ» *). Нельзя себѣ представить чувства долга безъ чувства благоговѣнія, а это послѣднее имѣетъ специфически религіозный характеръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что современная нравственность гораздо больше основывается на религіи, чѣмъ на альтруистическихъ чувствахъ. Существующій общественный строй не благопріятствуетъ развитію этихъ послѣднихъ—и потому они сильны только между людьми очень тѣснаго круга, преимущественно въ предѣлахъ семьи. Напротивъ, религіозныя вѣрованія раздѣляются большинствомъ населенія. Очень рѣдко люди дѣйствуютъ по побужденіямъ чистаго альтруизма, но религіозный энтузіазмъ неоднократно вызывалъ могучія народныя движенія, причемъ люди обнаруживали величайшую готовность къ самопожертвованію во имя того, что они признавали Богомъ. Религія всегда была и остается до настоящаго времени одной изъ могущественнѣйшихъ историческихъ силъ.

Правда, не нужно упускать изъ виду, что въ такихъ религіозныхъ движеніяхъ, какъ религіозныя войны, преслѣдованія еретиковъ и т. п. чисто религіозные мотивы не играютъ рѣшающей роли. Эгоальтруистическое чувство чести легко вступаетъ въ связь съ религіознымъ чувствомъ и лишь благодаря этой связи религіозный фанатизмъ достигаетъ такого напряженія. Фанатикъ усматриваетъ въ чужой вѣрѣ оскорбленіе своего бога—и преслѣдуя враговъ послѣдняго, онъ преслѣдуетъ, въ сущности, своихъ собственныхъ враговъ, оскорбившихъ его самымъ чувствительнымъ образомъ—пренебреженіемъ къ самому дорогому для него предмету, предмету его вѣры и религіознаго преклоненія. Поэтому религіозныя войны и носятъ, какъ общее правило, такой ожесточенный характеръ.

М. Туганъ-Барановскій.

---

*) Wundt. Ethik. I. Стр. 276.

УГАСШІЯ ЗВѢЗДЫ.

Огни небесъ, тотъ серебристый свѣтъ,
Что мы зовемъ мерцаньемъ звѣздъ небесныхъ,—
Порою только неугасшій слѣдъ
Уже давно померкнувшихъ планетъ,
Свѣтилъ, давно забытыхъ и безвѣстныхъ.

Та красота, что міръ стремитъ впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умретъ
Жизнь, что горѣла въ насъ когда-то.

И много въ мірѣ избранныхъ, чей свѣтъ,
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много-много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ
Кто знаетъ ихъ?—Быть можетъ, лишь поэтъ.

Иванъ Бунинъ.

ОСНОВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

Статья 1-я.

(Наивный реализмъ и гносеологическій идеализмъ).

Проф. **Г. Челпанова**.

Предполагая познакомить нашихъ читателей съ основными направленіями въ современной теоріи познанія, я считаю излишнимъ подробно доказывать важность этой отрасли философіи. Всѣмъ извѣстно, что только при помощи теоріи познанія мы можемъ рѣшить вопросъ о томъ, возможна ли метафизика, какъ наука, вопросъ, который по справедливости считается очереднымъ вопросомъ современной философіи.

Въ настоящее время, если кто-нибудь желаетъ рѣшить вопросъ, возможна ли метафизика или нѣтъ, долженъ прежде всего дать себѣ отчетъ о томъ, чья теорія познанія болѣе правильная, Авенаріуса и Маха или Канта, «имманентной философіи» или «критическаго реализма»; онъ долженъ дать себѣ ясный отвѣтъ на то, въ какой мѣрѣ допустимо кантовское признаніе «вещи въ себѣ». Только послѣ того, какъ онъ рѣшитъ вопросъ, существуетъ ли какая-нибудь реальность, независимая отъ нашего сознанія, онъ можетъ приступить къ рѣшенію вопроса, возможно ли построеніе метафизики, какъ пониманіе міра, взятаго въ цѣломъ

Для того, чтобы можно было говорить о «направленіяхъ» въ теоріи познанія, намъ слѣдуетъ отыскать такой вопросъ, который можно было бы считать основнымъ и который можно было бы положить въ основу классификаціи различныхъ теорій. Мнѣ кажется, что такимъ вопросомъ нужно считать вопросъ о *реальности*, или *предметѣ* познанія. Смыслъ его можно пояснить слѣдующимъ образомъ.

Мы въ нашемъ повседневномъ опытѣ констатируемъ, что нашъ «умъ» познаетъ «вещи», которыя существуютъ независимо отъ него и которыя находятся какъ бы *внѣ* его. Для популярнаго сознанія кажется, что въ этомъ противопоставленіи рѣчь идетъ объ «умѣ», въ которомъ содержатся представленія, и о «вещахъ», которыя находятся

внѣ нашего сознанія, причемъ подъ этими послѣдними понимаются вещи, находящіяся внѣ нашего *тѣла*.

Мы различаемъ «вещи», нами познаваемыя, отъ «мыслей» объ этихъ вещахъ. Для насъ дерево, которое находится внѣ насъ, и наша мысль объ этомъ деревѣ представляются совершенно различными другъ отъ друга. Дерево, которое растетъ около моего окна, можетъ быть вырублено; оно какъ «вещь» перестанетъ существовать; несмотря на это, моя «мысль» объ этомъ деревѣ можетъ продолжать существовать; и наоборотъ, я могу въ настоящее время не думать о деревѣ, растущемъ возлѣ моего окна; у меня въ данный моментъ не будетъ дерева какъ «мысли», но я знаю, что дерево, какъ «вещь» будетъ продолжать существовать. На этомъ основаніи мы и утверждаемъ, что дерево какъ вещь и дерево какъ мысль представляетъ собою нѣчто совершенно другъ отъ друга отличное. Но спрашивается, на самомъ ли дѣлѣ «дерево-вещь» и «дерево-мысль» представляютъ нѣчто совершенно другъ отъ друга отличное или же они, можетъ быть, одно и то же. Можетъ быть, въ дѣйствительности, они вовсе не отличаются другъ отъ друга коренвымъ образомъ, какъ это предполагаетъ популярное сознаніе.

Если мы будемъ стоять на обычной точкѣ зрѣнія, допускающей различіе между деревомъ-вещью и деревомъ-мыслью, то мы должны будемъ спросить себя, какое между ними существуетъ *отношеніе* и какимъ образомъ «дерево-вещь» становится «деревомъ-мыслью», какимъ образомъ одно получается изъ другого. Вѣдь обыкновенно мы утверждаемъ, что «дерево-вещь» вызываетъ или порождаетъ «дерево—мысль».

Этотъ вопросъ въ философіи называется вопросомъ о *реальности познанія* или вопросомъ объ *отношеніи между бытіемъ и мышленіемъ*. Сущность его можно формулировать слѣдующимъ образомъ. У насъ есть представленіе или вообще какая-либо мысль. Спрашивается, соотвѣтствуетъ ли ей что-либо отъ нея независимое, какая-нибудь особенная реальность, т-е. существуетъ ли что-нибудь помимо представленій, или же, можетъ быть, существуютъ только наши представленія. Вопросъ объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ иногда обозначается, какъ вопросъ о *реальности внѣшняго міра*, потому что всѣ вещи представляются намъ, какъ нѣчто, внѣ насъ находящееся, какъ вещи внѣ насъ.

Для того, чтобы сразу оріентироваться въ вопросѣ, замѣтимъ, что на него можно дать два совершенно отличныхъ другъ отъ друга отвѣта. Или можно признать существованіе вещей помимо нашихъ представленій, тогда мы будемъ стоять на точкѣ зрѣнія *реалистической*, или мы будемъ отвергать существованіе какой бы то ни было реальности внѣ нашихъ представленій, тогда мы будемъ стоять на точкѣ зрѣнія *идеалистической*. Конечно, существуютъ самые различные оттѣнки этихъ двухъ противоположныхъ ученій.

Прежде всего разсмотримъ то ученіе, которое называется *наивнымъ реализмомъ*.

Оно называется наивнымъ реализмомъ потому, что созидается такимъ сознаніемъ, которое чуждо какой бы то ни было философской теоріи. Оно представляетъ собою взглядъ наивнаго или первоначальнаго сознанія, которое просто констатируетъ только то, что оно воспринимаетъ непосредственно. Наивный реализмъ исходитъ изъ допущенія, что существуетъ сознаніе или умъ, и внѣ его—вещи, которыя оказываютъ на него воздѣйствіе.

Для того, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія наивнаго реализма, самый вопросъ о томъ, существуетъ ли что-либо помимо его сознанія, существуетъ ли внѣшній міръ, можетъ показаться непонятнымъ, до такой степени для него несомнѣнно, что внѣшній міръ существуетъ реально. Для него не представляетъ никакихъ трудностей вопросъ о томъ, какимъ образомъ вещи становятся предметомъ нашего сознанія. Для него несомнѣнно, что цвѣта существуютъ объективно-реально, звуки существуютъ объективно, именно, какъ звуки. Звуки льются, распространяются, переходятъ съ мѣста на мѣсто и т. п. Для него сладость существуетъ въ сахарѣ, твердость въ камнѣ и т. п. Эти свойства, существующія въ вещахъ, оказываютъ воздѣйствіе на его сознаніе, результатомъ чего является представленіе, совершено похожее на вещи. Наивный реалистъ думаетъ, что именно цвѣта и звуки, объективно существующія, вызываютъ въ насъ ощущеніе звука, цвѣта и т. п. Они являются *причиной* нашихъ представленій цвѣта, звука проч. Вещи какъ бы отражаются въ сознаніи. Свой взглядъ наивный реалистъ пояснитъ сравненіемъ души съ зеркаломъ,которое отражаетъ вещи, существующія независимо отъ него. Между вещами, которыя существуютъ во внѣшнемъ мірѣ, и между тѣмъ, что находится въ сознаніи имѣется такое же полное соотвѣтствіе, какъ между изображеніемъ въ зеркалѣ и изображаемымъ предметомъ.

Но дѣйствительно ли вещи вызываютъ въ нашемъ сознаніи мысли въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ вещи вызываютъ отображеніе въ зеркалѣ? Такое уподобленіе можно съ полнымъ правомъ оспаривать.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ слѣдующіе примѣры. Разсмотримъ прежде всего отношеніе между ощущеніемъ цвѣта и тѣмъ, что вызываетъ въ насъ ощущеніе цвѣта. Есть ли между ними то сходство, которое признаетъ наивный реалистъ? Изъ физики извѣстно, что если мы пропустимъ сквозь узкое отверстіе свѣтовой лучъ и поставимъ на пути его трехгранную призму, то этотъ лучъ разложится на такъ называемый спектръ, который производитъ у насъ ощущеніе цвѣтовъ: краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, фіолетоваго и т. п. Если бы мы попросили физика объяснить, отъ чего происходитъ то, что мы въ различныхъ частяхъ спектра ощущаемъ различные цвѣта,.то онъ сказалъ бы, что это различіе въ ощущеніи происходитъ отъ того, что

на нашъ глазъ дѣйствуютъ волны эфира, которыя отличаются другъ отъ друга количествомъ ихъ колебаній, въ опредѣленную единицу времени. Такъ, напр., ощущеніе краснаго цвѣта получается отъ волнъ эфира, который совершаетъ 395 милліоновъ колебаній въ секунду, ощущеніе фіолетоваго цвѣта вызывается волнами эѳира, производящими 729 билліоновъ колебаній. Такимъ образомъ различіе ощущеній цвѣта вызывается различіемъ объективныхъ возбужденій, которыя дѣйствуютъ различно на нашъ чувствующій зрительный аппаратъ.

Въ спектрѣ существуютъ не только тѣ волны, которыя порождаютъ ощущеніе цвѣта, но и такія, которыя не оказываютъ никакого воздѣйствія на нашъ глазъ. Это такъ называемые химическіе лучи, присутствіе которыхъ можно доказать при помощи химическихъ реагентовъ. Мы этихъ лучей не воспринимаемъ, потому что соотвѣтствующія имъ волны или слишкомъ коротки, или слишкомъ длинны. Нашъ глазъ реагируетъ только на волны средней длины. Но само собою разумѣется, что могутъ быть существа съ такимъ зрительнымъ аппаратомъ, который реагировалъ бы и на волны иной длины. У нихъ, разумѣется, могли бы быть иныя ощущенія цвѣта. Изъ этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ. То обстоятельство, что существуютъ тѣ или иные цвѣта, обусловливается тѣмъ, что у насъ есть опредѣленнымъ образомъ устроенный зрительный аппаратъ. При отсутствіи такого аппарата самихъ цвѣтовъ не существовало бы. Слѣдовательно, цвѣта не суть что-либо объективно существующее. Объективно существуетъ нѣчто совсѣмъ иное, а цвѣта существуютъ только въ нашемъ сознаніи. Между ощущеніемъ цвѣта и тѣмъ, что существуетъ объективно, никакого сходства нѣтъ. Объективно, независимо отъ нашего сознанія, существуютъ только волны, движенія частицъ, которыя, можетъ быть, похожи на волны, порождаемыя паденіемъ камня на поверхность озера.

Отсюда мы можемъ видѣть, до какой степени не правъ наивный реалистъ въ своемъ утвержденіи, что вещи существуютъ такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ. Приведенный примѣръ ясно показываетъ, что между ощущеніемъ цвѣта и причиной, порождающей это ощущеніе, именно волнообразными колебаніями эѳира, никакого сходства нѣтъ. Если бы мы взяли въ примѣръ ощущенія звука, то мы убѣдились бы въ томъ же самомъ, потому что между ощущеніемъ звука и разрѣженіемъ и сгущеніемъ воздуха, который вызываетъ въ насъ ощущеніе звука, конечно, нѣтъ никакого сходства. То же самое можно сказать и относительно всѣхъ прочихъ чувственныхъ качествъ.

Нельзя сказать, что ощущеніе того или другого качества, напримѣръ твердости, шероховатости и т. п. получается вслѣдствіе воздѣйствія объективно существующей твердости, шероховатости и т. п. На самомъ дѣлѣ этихъ качествъ объективно нѣтъ. Объективно существуютъ опредѣленныя движенія матеріальныхъ частицъ, а тѣ или другія качества въ нашемъ сознаніи существуютъ только потому, что

у насъ имѣется опредѣленнымъ образомъ устроенный чувственный аппаратъ, который всегда реагируетъ опредѣленнымъ образомъ. Если бы у насъ не было глаза съ сѣтчаткой, устроенной опредѣленнымъ образомъ, не было уха, осязательнаго аппарата и т. п., то такихъ чувственныхъ качествъ, какъ цвѣтъ, звукъ, шероховатость и т. п. совсѣмъ не существовало бы.

То обстоятельство, что чувственныя качества находятся въ зависимости отъ особаго строенія нашихъ чувственныхъ аппаратовъ, и что ихъ не существовало бы, если бы у насъ не было опредѣленнымъ образомъ устроенныхъ чувственныхъ аппаратовъ можно объяснить также и слѣдующимъ образомъ. Глазъ, чѣмъ бы мы его не возбуждали, всегда отвѣчаетъ однимъ и тѣмъ же ощущеніямъ. Мы получаемъ ощущеніе свѣта въ томъ случаѣ, если на нашъ глазъ дѣйствуетъ свѣтовой лучъ. Но ощущеніе свѣта получается и въ томъ случаѣ, если зрительный нервъ сдавливается или раздражается электрическимъ токомъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно слухового нерва. Слѣдовательно, наличность въ нашемъ сознаніи того или другого чувственнаго качества въ такой же мѣрѣ обусловливается внѣшними возбужденіями, сколько и тѣмъ, что мы имѣемъ опредѣленнымъ образомъ устроенный чувственный аппаратъ. Изъ этого видно также, что ощущеніе порождается не какимъ-либо объективно существующимъ качествомъ, совершенно на него похожимъ, а именно чѣмъ-то на него совершенно не похожимъ.

Что дѣйствительно между причиной, порождающей ощущеніе и между самимъ ощущеніемъ нѣтъ сходства можно иллюстрировать еще и при помощи слѣдующихъ примѣровъ. Возьмемъ гальваническій токъ. Если мы будемъ при помощи его раздражать зрительный нервъ, то мы получимъ ощущеніе свѣта. Если мы при помощи гальваническаго тока будемъ раздражать слуховой нервъ, то мы получимъ ощущеніе звука; дѣйствуя имъ на поверхность кожи, мы будемъ испытывать щекотаніе, на языкъ — ощущеніе вкуса. Такимъ образомъ одно и то же возбужденіе вызываетъ различныя ощущенія.

Наши нервные аппараты чѣмъ бы ихъ не возбуждали, всегда одинаково реагируютъ на возбужденія. Наличность этихъ аппаратовъ и производитъ то, что въ нашемъ сознаніи существуютъ тѣ или другія ощущенія, а вмѣстѣ съ этимъ и тѣ или другія чувственныя качества. Поэтому вполнѣ правильно извѣстное выраженіе: «нуженъ глазъ, чтобы свѣтило солнце». Солнце свѣтитъ потому, что существуетъ субъектъ, обладающій чувственнымъ аппаратомъ, который отвѣчаетъ опредѣленнымъ ощущеніемъ при дѣйствіи на него солнечныхъ лучей. Солнечнаго свѣта не существовало бы, если бы мы не имѣли указанныхъ аппаратовъ. Поэтому мы можемъ утверждать, что чувственныя качества имѣютъ *субъективный* характеръ. То, что порождаетъ эти качества, причина ихъ совершенно отъ нихъ отличается. Мы можемъ вполнѣ

допустить существованіе такого организма, который за отсутствіемъ у него соотвѣтствующихъ органовъ не воспринималъ бы тѣхъ качествъ, которыя мы воспринимаемъ. Для него этихъ качествъ и не существовало бы. Для него не существовало бы, напр., твердости, шероховатости и другихъ качествъ вещей. Такъ какъ наши ощущенія не сходны съ тѣми объективно существующими причинами, которыя ихъ вызываютъ, то мы можемъ сказать, что наши ощущенія не прямо соотвѣтствуютъ тѣмъ вещамъ, которыя вызываютъ ощущенія, а являются *символомъ* для нихъ. Напримѣръ, ощущеніе зеленаго цвѣта является только символомъ для опредѣленныхъ колебаній эѳира, ощущеніе сладости есть символъ для движенія молекулъ. Вообще всѣ ощущенія, все, что есть въ сознаніи, является символомъ для вещей, знаки ихъ и ставить между ними равенства, конечно, нельзя *).

Есть огромное различіе между содержаніемъ нашихъ представленій и между тѣми причинами, которыя вызываютъ въ насъ эти представленія. Вещи не могутъ точно изображаться въ нашемъ сознаніи. Онѣ не таковы, какъ намъ представляются. Отсюда можно было сдѣлать выводъ, что существуютъ вещи, которыя независимы отъ нашего сознанія. Онѣ, оказывая воздѣйствіе на наше сознаніе, порождаютъ состоянія, которыя совершенно отличаются отъ самихъ вещей. Другими словами, существуютъ вещи сами по себѣ и вещи, какими онѣ являются въ нашемъ познаніи. Такимъ образомъ наносится ударъ наивному реализму, который предполагаетъ, что мы воспринимаемъ вещи какъ разъ такъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ: цвѣта существуютъ такъ, какъ я ихъ воспринимаю. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что то или другое ощущеніе является указаніемъ на то, что за нимъ находится нѣчто, что, будучи отличнымъ отъ него, порождаетъ его, именно существуетъ вещь, отличная по своему содержанію отъ этого ощущенія **).

Очевидно, такимъ образомъ, что такія свойства предметовъ, какъ цвѣтъ, твердость, шероховатость и т. п. мы должны считать исключительно *субъективными*. Но можно ли считать всѣ свойства вещей субъективными, или можетъ быть, только нѣкоторыя? Постановка этого вопроса имѣетъ смыслъ потому, что напримѣръ, по мнѣнію *Локка* **) признаніе субъективности справедливо только относительно нѣкоторыхъ свойствъ. По его мнѣнію, пространственныя свойства вещей,

*) Критику наивнаго реализма см. въ моей книгѣ: „Мозгъ и душа". Спб. 1903. (Лекція 9 — 11). *Гартманъ*. „Das Grundproblem der Erkenntnisstheorie". Исторію ученія о субъективности чувственныхъ качествъ см. *Natorp*. „Descartes Erkenntnisstheorie". (Излагаются взгляды Кеплера, Галилея, Гоббеса, Декарта).

**) См. *Локкъ*. „An Essay of Human Understanding". B. II. Ch VIII; русск. пер. „Опытъ о человѣческомъ разумѣніи", M. 1897. Это же мнѣніе въ новѣйшей философіи защищалъ *Ибервегъ*. „Logik". § 44.

ихъ плотность и т. п. имѣютъ объективный характеръ. Пространство, такъ сказать, существуетъ объективно и въ этомъ отношеніи наше представленіе пространства является какъ бы его копіей. Такія свойства, какъ, напр., цвѣтъ, запахъ, звукъ и т. п., имѣютъ исключительно субъективное существованіе. Они находятся не въ вещахъ, а только въ душѣ. Поэтому эти качества можно было бы назвать производными, *вторичными* качествами въ отличіе отъ пространства, твердости, движенія, которыя можно было бы назвать *первичными* качествами. Если признать, что вторичныя качества вещей находятся только въ сознаніи, а что объективно имъ соотвѣтствуетъ нѣчто совершенно отъ нихъ отличное, то не ясно ли, что вообще вещи существуетъ не такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ; вещи въ дѣйствительности не таковы, какъ мы ихъ воспринимаемъ. По мнѣнію Локка, чувственныя качества связываются другъ съ другомъ такъ, что образуютъ постоянные комплексы; т.-е. связываются другъ съ другомъ постоянно однимъ и тѣмъ же способомъ. Но какъ объяснить, что различныя чувственныя качества связываются другъ съ другомъ постоянно одинаковымъ образомъ? Локкъ думаетъ, что это можно объяснить только тѣмъ, что позади чувственныхъ качествъ существуетъ еще нѣчто такое, что будучи постояннымъ, объединяетъ эти свойства. То, что ихъ объединяетъ, Локкъ называетъ *субстанціей*. Субстанція существуетъ внѣ воспринимаемыхъ нами чувственныхъ качествъ; она сама по себѣ непознаваема, служитъ только для того, чтобы объединять чувственныя качества. Она, по выраженію Локка, является носительницей чувственныхъ качествъ, для того, чтобы соединять извѣстныя качества. Ученіе Локка, какъ это легко видѣть, имѣетъ *реалистическій* характеръ, потому что оно признаетъ существованіе вещей, независящихъ отъ нашего сознанія. При этомъ слѣдуетъ, конечно, замѣтить, что та реальность, которую допускаетъ Локкъ, отличается отъ реальности, признаваемой наивнымъ реализмомъ. По Локку, эта реальность совершенно не похожа на наши представленія, въ наивномъ реализмѣ вещи существуютъ такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ.

Отъ реализма Локка былъ только одинъ шагъ для перехода къ *гносеологическому идеализму* *), въ чемъ мы можемъ легко убѣдиться, если разсмотримъ теорію *Беркли*. Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію взглядовъ Беркли, я скажу нѣсколько словъ о *Декартѣ*, потому что онъ первый положилъ начало проблемѣ гносеологическаго идеализма. Онъ впервые поставилъ вопросъ о реальности внѣшняго міра. Какъ извѣстно, Декартъ находитъ, что прежде чѣмъ приступить

---

*) Я обращаю вниманіе на то, что рѣчь идетъ о *гносеологическомъ* идеализмѣ, а не о *метафизическомъ*. На это различіе слѣдуетъ обратить вниманіе, потому что многіе смѣшиваютъ понятіе „идеализма“ въ томъ и въ другомъ случаѣ.

къ рѣшенію какихъ бы то ни было философскихъ вопросовъ, мы должны все подвергнуть сомнѣнію и прежде всего существованіе чего бы то ни было. Онъ находитъ, что можно сомнѣваться въ существованіи внѣшняго міра, вещей, находящихся внѣ насъ, даже въ существованіи нашего тѣла, потому что о немъ мы узнаемъ черезъ посредство нашихъ чувствъ а наши чувства могутъ насъ обманывать. Но подвергая сомнѣнію существованіе чего бы то ни было, Декартъ думалъ что есть нѣчто, существованіе чего не можетъ подлежать сомнѣнію, именно мы не можемъ сомнѣваться въ существованіи нашего мыслящаго «я». Если бы мы даже допустили, что всѣ представленія насъ обманываютъ, что наши мысли вообще обманчивы, то мы все таки должны допустить, что это наше «я», которое обманывается, существуетъ. Оно, вѣдь, должно существовать для того, чтобы обманываться. Разъ я мыслю, значитъ я существую. Это Декартъ и выжаетъ извѣстной формулой: «Cogito, ergo sum».

Такимъ образомъ несомнѣннымъ является существованіе только нашего мыслящаго «я», существованіе же всего остальнаго должно быть подвергнуто сомнѣнію. Подвержено сомнѣнію и существованіе вещей внѣ насъ, до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ доказано. Если бы кто нибудь на это возразилъ: «да развѣ можно сомнѣваться въ существованіи, напримѣръ, этого дерева, которое находится передо мной: вѣдь я вижу вполнѣ ясно, что оно существуетъ». На это Декартъ отвѣчаетъ, что нельзя полагаться на очевидность нашихъ чувствъ. Мы не должны довѣряться своимъ чувствамъ, потому что они часто обманываютъ насъ. Кому не извѣстно, что во время сна мы часто ясно и отчетливо видимъ различныя вещи, однако наше видѣніе при пробужденіи оказывается ложнымъ. Поэтому существованіе вещей внѣ насъ мы можемъ допустить только въ томъ случаѣ, если мы его докажемъ. Но какое доказательство мы можемъ привести въ этомъ случаѣ? Декартъ приводитъ доказательство, которое уже сами современники признавали недостаточнымъ. Именно, онъ предварительно доказываетъ существованіе всесовершеннаго Бога. Ему, какъ существу совершенному, присуща и правдивость. Будучи правдивымъ, Богъ не можетъ насъ обманывать. Мы находимъ въ насъ представленіе о вещахъ. Эти представленія не могутъ быть нами созданы, потому что они возникаютъ въ насъ совершенно непроизвольно, противъ нашей воли. Эти представленія кажутся намъ дѣйствіемъ тѣлесныхъ предметовъ. Но невозможно, чтобы Богъ, будучи правдивымъ, сталъ бы насъ обманывать. Слѣдовательно, остается допустить, что наши представленія о вещахъ происходятъ, дѣйствительно, отъ вещей, что нашимъ представленіямъ соотвѣтствуетъ что либо реальное. Такимъ способомъ Декартъ доказываетъ существованіе вещей внѣ насъ *).

---

*) См. *Descartes*. „Méditations", русскій переводъ: *Декартъ*. „Метафизическія размышленія". Спб. 1901.

Мы не станемъ разсматривать, въ какой мѣрѣ былъ правъ Декартъ въ своемъ разсужденіи. Для насъ важно отмѣтить, что онъ первый такъ отчетливо поставилъ вопросъ о реальности внѣшняго міра.

Беркли является типичнымъ представителемъ гносеологическаго идеализма. Съ его взглядами намъ необходимо познакомиться, потому что всѣ современныя идеалистическія системы въ теоріи познанія такъ или иначе примыкаютъ ко взглядамъ Беркли, такъ или иначе зависятъ отъ его взглядовъ. Беркли отвергаетъ существованіе чего бы то ни было независимо отъ нашихъ представленій. Его разсужденія находятся въ тѣсной связи со взглядами Локка, съ которыми мы познакомились выше.

Какъ мы видѣли, по Локку, первичныя качества вещей не имѣютъ объективнаго существованія, они существуютъ только въ душѣ, между тѣмъ какъ такъ называемыя вторичныя качества: протяженность, движеніе и т. п. существуютъ и внѣ души, объективно-реально. Пространство существуетъ независимо отъ нашего сознанія, представленіе же пространства является копіей его. Въ этомъ смыслѣ пространство нужно считать первичнымъ свойствомъ вещей. Различіе между первичными свойствами и вторичными сводится къ тому, что первичныя свойства существуютъ объективно въ вещахъ, вторичныя только въ душѣ. Позади этихъ свойствъ, ощущаемыхъ нами при посредствѣ органовъ чувствъ въ видѣ твердости, шероховатости, цвѣта и т. п., существуетъ какой-то x, субстратъ, объединяющій всѣ эти свойства. Безъ этого субстрата вещи не могли бы существовать. Этотъ x собственно и есть то, что изъ чувственныхъ качествъ дѣлаетъ «вещь».

Беркли соглашается съ мнѣніемъ Локка о субъективности вторичныхъ качествъ, но ему кажется сомнительнымъ признаніе объективной реальности первичныхъ качествъ; ему вообще кажется сомнительнымъ различіе между первичными и вторичными качествами по отношенію къ реальности. По его мнѣнію, если есть основанія утверждать, что вторичныя качества имѣютъ субъективный характеръ, то тѣ же самыя основанія заставляютъ насъ признать, что и первичныя качества только субъективны.

Мы не можемъ себѣ представить пространство безъ цвѣта; оно всегда представляется намъ такъ или иначе окрашеннымъ; мы не можемъ себѣ представить какое-нибудь протяженное или движущееся тѣло безъ того, чтобы въ то же время не приписать ему какого-либо цвѣта или какого-либо иного чувственнаго качества (твердости, теплоты, шероховатости и т. п.). Но уже было признано, что чувственныя качества существуютъ только въ душѣ. Если же мы не можемъ себѣ представить протяженности и движенія иначе, какъ только лишь въ связи съ чувственными качествами, то ясно, что и пространство находится тамъ же, гдѣ находятся чувственныя качества, т.-е. въ душѣ.

Далѣе, протяженному предмету мы приписываемъ величину или малость, т.-е. о немъ мы можемъ сказать, или что онъ большой, или что

онъ малый. Но легко видѣть, что эти свойства на самомъ дѣлѣ находятся только въ нашемъ духѣ. Напримѣръ, я вижу въ отдаленіи церковь, она мнѣ кажется маленькой точкой; когда же я приближаюсь къ ней, то она становится большой. Кажется, что я долженъ объ этой вещи сказать, что она въ одно и то же время и велика, и мала. Но развѣ мы можемъ приписать вещи два исключающихъ другъ друга качества? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, нельзя утверждать, что протяженныя вещи существуютъ сами по себѣ внѣ нашего сознанія, что протяженность въ нашемъ сознаніи является копіей объективно существующихъ протяженныхъ вещей. На самомъ дѣлѣ о пространствѣ по отношенію къ его реальности можно сказать, что оно находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ и всѣ другія качества, воспринимаемыя при помощи внѣшнихъ чувствъ. Оно находится только въ душѣ, оно только субъективно, а такъ какъ первичными и вторичными свойствами вещей исчерпываются всѣ свойства вещей, то слѣдуетъ признать, что всѣ воспринимаемыя нами свойства вещей имѣютъ исключительно *субъективный* характеръ. Локкъ находилъ, что вкусъ, цвѣтъ и т. п. находятся только въ душѣ. По мнѣнію Беркли, слѣдуетъ продолжить это разсужденіе для того, чтобы увидѣть, что всѣ свойства вещей находятся только въ нашемъ сознаніи, что они существуютъ лишь постольку, поскольку они составляютъ предметъ нашей мысли. Читатель, чтобы понять мысль Беркли, долженъ понимать его по возможности буквально. По мнѣнію Беркли, нѣтъ ничего существующаго внѣ нашихъ представленій, нѣтъ какихъ либо вещей внѣ нашего сознанія, т.-е. вещей, которыя по своему содержанію были бы отличны отъ содержанія нашихъ представленій. Положимъ, передо мною находится столъ. Если я утверждаю, что столъ, какъ предметъ, имѣетъ реальное существованіе, то я этимъ хочу только сказать, что онъ представляется мнѣ, какъ извѣстная совокупность чувственныхъ качествъ, что онъ есть нѣчто протяженное, нѣчто твердое, окрашенное, шероховатое и т. п. Существованіе этого стола сводится къ тому, что въ моемъ сознаніи находится представленіе указанныхъ чувственныхъ качествъ. Кромѣ этихъ представленій, ничего больше не существуетъ. Я не могу сказать, что существуетъ еще какая-либо *вещь*, которая, будучи совершенно отлична отъ моихъ представленій, вызывала бы ихъ. Если я отъ моего представленія о столѣ стану постепенно отбрасывать представленія отдѣльныхъ чувственныхъ качествъ: цвѣта, твердости, шероховатости и т. п. свойствъ, которыя я приписываю столу, то въ концѣ концовъ въ моемъ представленіи стола ничего не останется. Слѣдовательно мое познаніе стола сводится къ извѣстной суммѣ представленій. Да и самый столъ, какъ предметъ, есть лишь комплексъ извѣстныхъ представленій.

Для наивнаго сознанія кажется, что, кромѣ представленій, есть еще и вещи, которыя существуютъ помимо ихъ; въ особенности это дѣлается яснымъ для него тогда, когда онъ мыслитъ о какомъ-либо

предметѣ, который въ данный моментъ онъ не воспринимаетъ. Когда я ухожу изъ этой комнаты, то мнѣ кажется, что столъ, который я въ данную минуту воспринимаю, будетъ продолжать свое существованіе какъ вещь, которая независима отъ моихъ представленій. Когда я ухожу изъ этой комнаты, то я увѣренъ, что столъ, который я только что воспринималъ, не перестанетъ существовать, что онъ помимо моего мышленія будетъ существовать именно какъ вещь. Наивное сознаніе, такимъ образомъ, склонно утверждать, что помимо представленій существуетъ еще нѣчто, именно вещь, которая и производитъ въ нашемъ сознаніи представленіе стола.

Но въ этомъ разсужденіи, по мнѣнію Беркли, кроется ошибка. Когда я ухожу въ другую комнату, то, конечно, столъ будетъ оставаться и продолжать свое существованіе, повидимому, независимо отъ моего мышленія, на самомъ же дѣлѣ онъ будетъ оставаться только какъ предметъ моего мышленія. Для меня столъ, который остается въ этой комнатѣ, когда я ухожу изъ нея, есть только лишь совокупность извѣстныхъ представленій и ничего больше.

Такимъ образомъ, то, что мы называемъ вещами, есть для насъ ни что иное, какъ совокупность извѣстныхъ представленій. Кромѣ данной совокупности представленій въ вещахъ, мы ничего больше предполагать не можемъ.

Утвержденіе, что вещи для насъ—только лишь извѣстная совокупность представленій, можетъ показаться на первый взглядъ парадоксальнымъ. Но парадоксальность этого утвержденія тотчасъ исчезнетъ, если мы возьмемъ слѣдующій примѣръ. Предположимъ, что къ намъ на землю явилось существо, у котораго нѣтъ ни одного изъ нашихъ органовъ чувствъ: ни глаза, ни уха, ни осязательнаго органа и т. п. Для такого существа наши вещи съ ихъ свойствами не существовали бы; для него не существовало бы твердаго, шероховатаго, тяжелаго, холоднаго и т. д. камня, подобно тому, какъ для слѣпого не существуетъ извѣстнаго цвѣта (онъ о послѣднемъ узнаетъ только отъ другихъ). Предположимъ, что у этого существа является органъ зрѣнія, аналогичный нашему. Въ тотъ же моментъ для него станутъ существовать цвѣта, формы и т. п. Положимъ, что вслѣдъ за этимъ у него является слуховой органъ: для него станутъ существовать звуки, шумы и т. п. Словомъ, всѣ наши чувственныя качества станутъ существовать для него съ того момента, когда онъ получилъ бы органы чувствъ. Поэтому мы можемъ сказать, что всѣ вещи, такъ какъ онѣ представляютъ собой только совокупность чувственныхъ качествъ, существуютъ только лишь какъ представленія и только лишь постольку, поскольку мы ихъ мыслимъ.

Но если Беркли говоритъ, что предметы существуютъ только лишь постолько, поскольку я ихъ мыслю, то ему можно привести слѣдующій примѣръ въ видѣ возраженія. У меня въ отдаленной комнатѣ въ темнотѣ виситъ картина. Спрашивается, существуетъ ли она въ тотъ моментъ, когда я ее не вижу. Мы думали бы, что Беркли долженъ отвѣ-

тить на этотъ вопросъ отрицательно потому, что разъ картина не является предметомъ нашего воспріятія, то она по его теоріи должна была бы не существовать. Но въ этомъ возраженіи, по мнѣнію Беркли ошибка заключается въ слѣдующемъ. Вы говорите, что картина находится въ сосѣдней комнатѣ, вы ее не представляете и поэтому думаете, что вы можете утверждать, что она не существуетъ. Но, вѣдь, разъ вы *говорите* о картинѣ, то она, конечно, является предметомъ вашего представленія, она, слѣдовательно, находится въ вашемъ представленіи. Такимъ образомъ, и этотъ примѣръ не опровергаетъ основного положенія Беркли, по которому предметъ имѣетъ только субъективное существованіе и только въ нашемъ представленіи. Эту мысль Беркли выражаетъ такимъ образомъ. Общепринятое мнѣніе, что всѣ эти дома, горы, рѣки, однимъ словомъ, всѣ чувственные предметы имѣютъ существованіе естественное или реальное, отличное отъ воспріятія ихъ посредствомъ разсудка, противорѣчиво, потому что мы на самомъ дѣлѣ не воспринимаемъ ничего, кромѣ нашихъ идей или ощущеній. Было бы, слѣдовательно, очевиднымъ противорѣчіемъ, если бы мы признали, что что-нибудь можетъ существовать, будучи не воспринимаемо. Ихъ esse сводится къ ихъ percipi *), т.-е. то, что мы называемъ существованіемъ предмета, сводится къ ихъ существованію въ качествѣ представленій въ нашемъ сознаніи.

На первый взглядъ кажется, что Беркли говоритъ о такомъ существованіи, какое имѣютъ наши фантазіи; кажется, по Беркли, вещи могутъ имѣть только такое существованіе, какое имѣютъ мысли. Но если Беркли, дѣйствительно, думаетъ такъ, то его теорія очень абсурдна. На самомъ-же дѣлѣ Беркли думаетъ именно такъ: положимъ, какое-либо существо стоитъ передъ абсолютной пустотой, у него являются мысли о деревѣ, о рѣкѣ и проч. У него эти мысли, какъ мысли, реальны. Такое же существованіе по Беркли имѣютъ и вещи: дерево, рѣка и проч., потому что все, что мы знаемъ о вещахъ, суть только представленія: помимо представленій, мы ничего больше не знаемъ. Мы не должны допускать существованіе чего-либо, кромѣ нашихъ представленій, мы не должны допускать какія-либо вещи, которыя могли бы вызывать въ насъ тѣ или иныя представленія.

На это утвержденіе Беркли можно было бы возразить слѣдующимъ образомъ: «Зачѣмъ строить такую абсурдную теорію? Не проще ли было бы признать какія-либо вещи, субстанціи, которыя оказываютъ воздѣйствіе на наше сознаніе и благодаря этому вызываютъ въ насъ тѣ или другія представленія. Тогда процессъ воспріятія былъ бы объясненъ чрезвычайно просто». Но Беркли считаетъ невозможнымъ такое допущеніе. Нельзя доказать существованія какихъ бы то ни было вещей, этихъ X, которыя существуютъ внѣ нашего сознанія не въ качествѣ нашихъ представленій, но какъ что-либо нами мыслимое. Такое

*) Ук. соч., § 4 и 3.

допущеніе приводило бы къ самому явному противорѣчію. Пусть вещь X порождаетъ представленіе A. Но что мы должны сказать объ этомъ X, есть ли оно что-либо *мыслимое*, или нѣтъ, т.-е. придаемъ ли мы ему какія-либо чувственныя качества, считаемъ ли мы его чѣмъ-нибудь мыслимымъ? Вы, конечно, должны отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Тогда, значитъ, вы согласны со мной, потому что я дѣлаю то же самое. Вы признаете, что X есть только мыслимое, оно сводится на извѣстную сумму представленій. Слѣдовательно, вы не допускаете существованія чего-либо такого, что не есть представленіе. Если же вы думате, что X состоитъ изъ такихъ качествъ, которыя не составляютъ предмета нашихъ представленій, то для меня это совершенно непостижимое понятіе, ибо имѣетъ ли смыслъ говорить о существованіи чего-то, что совершенно не мыслимо: предметъ, составляющійся изъ свойствъ совершенно нами не мыслимыхъ, есть нѣчто для насъ несуществующее. Существованіе и немыслимость несовмѣстимые предикаты.

Реалистическая теорія признаетъ, что, кромѣ ощущаемыхъ нами качествъ, существуетъ еще не воспринимаемый X. Этотъ именно X Беркли и отвергаетъ. По его мнѣнію, нѣтъ никакихъ основаній допускать существованіе этого X. Оно не можетъ быть доказано, да притомъ же допущеніе его совершенно излишне.

Итакъ, мы не имѣемъ никакого основанія допускать существованіе какого-либо невоспринимаемаго X, которое иначе еще называется *субстратомъ, субстанціей, вещью въ себѣ* и т. п. Для Беркли все познаваемое сводится только къ чувственно воспринимаемому. Но если признать, что всѣ вещи представляютъ собою только совокупность чувственныхъ качествъ, то было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ у насъ получается представленіе о вещахъ. Почему вещи кажутся намъ вещами, т.-е. кажутся намъ обладающими извѣстнымъ *постоянствомъ*. Онѣ, напримѣръ, кажутся намъ существующими непрерывно въ пространствѣ и во времени. Отчего же чувственныя качества кажутся намъ связанными въ одно закономѣрное цѣлое? Если бы существо съ нашей организаціей находилось передъ абсолютной пустотой и если бы въ его сознаніи возникали различныя мысли, не связанныя другъ съ другомъ, то въ его мышленіи не было бы никакой закономѣрности. Тамъ одна мысль смѣняла бы другую безъ какой бы то ни было закономѣрности. Въ нашемъ же мышленіи мы замѣчаемъ именно извѣстное постоянство или закономѣрность. Мы, напримѣръ, всѣ видимъ вотъ этотъ домъ, вотъ эту гору и притомъ всѣ болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ. Мы увѣрены также, что если мы завтра придемъ въ это же мѣсто, то мы точно такимъ же образомъ и въ томъ же видѣ воспримемъ тотъ же самый домъ и ту же самую гору.

То, что мы называемъ вещью, сохраняетъ извѣстное постоянство, извѣстную закономѣрную связь чувственныхъ качествъ. Но чѣмъ

объяснить эту закономѣрную связь? Если бы Беркли сказалъ, что она объясняется тѣмъ, что независимо отъ нашего сознанія существуютъ субстанціи, въ которыхъ указанныя качества связаны въ одно цѣлое, то это, повидимому, было бы самымъ простымъ объясненіемъ. Но мы видѣли, что Беркли не могъ бы признать существованія вещи, не зависящей отъ нашего представленія, онъ не могъ бы признать существованія чего-либо такого, что не сводилось бы къ извѣстнымъ представленіямъ. Но чтобы все-таки дать отвѣтъ на указанный вопросъ, Беркли утверждаетъ, что эти закономѣрно связанныя представленія вызываетъ въ нашемъ сознаніи Богъ; поэтому намъ и кажется, что существуютъ вещи. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы признавать какія-нибудь вещи или, какъ другіе философы это называютъ, субстанцію, субстратъ или матерію, Беркли просто допускалъ, что представленія вещей созидаются въ насъ Богомъ. Такимъ способомъ онъ могъ доказать, что вещи внѣ нашего сознанія не существуютъ, что вообще не существуетъ чего-либо, что не было бы содержаніемъ нашего мышленія.

Для того, чтобы правильно понимать берклеевское отрицаніе вещей внѣ насъ, надо обратить вниманіе на то, что онъ призналъ существованіе вещей не въ обычномъ смыслѣ этого слова, какъ это многіе понимаютъ, когда говорится о несуществованіи вещей внѣ насъ. Напримѣръ, передо мною находится камень. О Беркли думаютъ, что онъ долженъ былъ бы отрицать существованіе этого камня. Но какъ можно отрицать существованіе вещи, къ которой я могу прикоснуться, которую я вижу, которую я могу взять въ руки и т. п. Неужели Беркли думаетъ, что всѣ эти качества суть только лишь *иллюзіи* и что камня даже вовсе нѣтъ, что этимъ ощущеніямъ ничего не соотвѣтствуетъ, подобно тому, какъ я могу слышать напримѣръ звукъ, котораго фактически не было; видѣть цвѣтъ, котораго фактически не существовало? Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и Беркли смотрѣлъ на реальность вещей внѣ насъ.

Можно прямо сказать, что ничего подобнаго Беркли не признавалъ. Онъ не говорилъ: «хотя вы и осязаете камень и видите его форму и цвѣтъ, ощущаете его тяжесть, однако вы ошибаетесь; никакой такой вещи, какъ камень, не существуетъ» *). Его утвержденіе сводится къ слѣдующему. Та вещь, которая въ обиходѣ называется камнемъ, существуетъ; но только существованіе его для насъ сводится къ тому, что оно доставляетъ намъ ощущенія: твердости, шероховатости, цвѣта, формы и т. п. Если же вы думаете, что то, что вы называете камнемъ,

---

*) См. *Berkeley*. „Treatise concerning the Principles of human knowledge Works“. 1871. Vol. I. Можно рекомендовать также нѣмецкій пер. соч. Berkeley's „Abhandeungen über die Principien der menschlichen Erkenntniss“ съ примѣч Ибервега. О философіи Беркли на русскомъ языкѣ имѣется монографія *А. Смирнова*. „Философія Беркли“. 1873. См. также *Brasch*. „Die Welt und Lebensanschauung Ueberweg's“. 1889, стр. 85—260.

есть нѣчто большее, чѣмъ только лишь совокупность означенныхъ качествъ, то вы ошибаетесь. Если вы думаете, что кромѣ означенныхъ свойствъ, существуетъ еще что-нибудь, какой-нибудь X, какой-нибудь субстратъ и т. п., то вы ошибаетесь. Для допущенія такого субстрата никакихъ основаній не имѣется.

Такимъ образомъ, то, что Беркли отрицалъ, было не существованіе вещей въ общепринятомъ значеніи слова, а это было отрицаніе субстрата, субстанціи, вещи въ себѣ, которая, будучи сама по себѣ недоступна для нашего познанія, является причиной нашихъ представленій.

Гносеологическій идеализмъ, въ той формѣ, въ которой онъ былъ предложенъ Берклеемъ, въ современной философіи защищается англійскими позитивистами *Миллемъ* и *Беномъ*. По мнѣнію Милля, вещи существуютъ только лишь постольку, поскольку мы ихъ воспринимаемъ. Вещь для насъ есть только лишь извѣстная совокупность ощущеній или представленій. Если какая-либо вещь перестаетъ быть предметомъ воспріятія, то намъ начинается казаться, что существуетъ независимо отъ нашего сознанія какая-то вещь. По мнѣнію Милля, это неправильно. Когда какая-либо вещь перестаетъ быть предметомъ воспріятія, то она дѣлается *возможностью* быть ощущаемой. Слѣдовательно, предметъ опять-таки остается только совокупностью ощущеній, но на этотъ разъ возможныхъ. Мы можемъ о такой вещи, какъ луна, которую мы въ настоящій моментъ не видимъ, сказать, что она, какъ что-либо отличное отъ нашихъ чувственныхъ воспріятій, не существуетъ, но она есть, какъ Милль выражается, *постоянно пребывающая возможность ощущеній*, т.-е. она представляетъ собою нѣчто обладающее такимъ свойствомъ, что можетъ доставлять намъ постоянно извѣстную группу ощущеній. Когда я направляю свой взоръ въ извѣстное время на небо въ извѣстномъ мѣстѣ, то мой глазъ можетъ получить извѣстную группу ощущеній. Если бы я могъ приблизиться къ лунѣ, то я получилъ бы другую группу ощущеній. Такимъ образомъ луна представляетъ собою извѣстную совокупность возможныхъ ощущеній. Если я говорю о лунѣ, то я имѣю въ виду только эту опредѣленную группу ощущеній. Вообще обо всѣхъ вещахъ слѣдуетъ сказать, что онѣ всецѣло разлагаются на извѣстныя ощущенія и ничего больше. Если философы думаютъ найти, кромѣ ощущеній, еще какой-то субстратъ или матерію, которая находится позади чувственныхъ качествъ, то такое допущеніе, по словамъ Милля, лишено очевидности. Кромѣ того, въ такомъ допущеніи совершенно не имѣется никакой необходимости.

Милль не отрицаетъ существованія субстанціи, матеріи, т.-е. чего-то постояннаго, являющагося основой или, по общепринятому выраженію, носительницею чувственныхъ качествъ, но думаетъ, что это понятіе можно удержать только въ смыслѣ Беркли, именно только лишь, какъ опредѣленный комплексъ ощущеній. Это не есть какой-нибудь X, которому нельзя приписать никакого чувственнаго качества.

Такимъ образомъ Милль долженъ былъ придти къ отрицанію существованія міра, не зависящаго отъ нашего сознанія, что, разумѣется, онъ и дѣлаетъ. Онъ думаетъ, что все существующее сводится къ существованію въ качествѣ состояній сознанія. Если бы существовалъ реальный міръ внѣ нашего сознанія, то мы уже въ первоначальномъ сознаніи имѣли бы непосредственное представленіе внѣшняго міра, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, потому что представленіе внѣшняго міра есть продуктъ психическаго развитія. Милль по этому поводу приводитъ психологическое толкованіе происхожденія идеи о внѣшнемъ мірѣ. По его мнѣнію, первоначально всѣ воспринимаемыя нами чувственныя качества мы считаемъ субъективными, такъ что, напримѣръ, такія свойства вещей, какъ твердость, шероховатость и т. п., мы считаемъ такъ же субъективными, какъ и чувства удовольствія и страданія, которыя несомнѣнно имѣютъ субъективный характеръ, т.-е. принадлежатъ не чему-нибудь внѣшнему, а исключительно нашему сознанію. И только впослѣдствіи, благодаря различнымъ опытнымъ мотивамъ, мы научаемся отличать то, что имѣетъ исключительно субъективный характеръ отъ того, что имѣетъ объективный характеръ Наше представленіе о внѣшнемъ мірѣ является продуктомъ развитія и не есть предметъ непосредственнаго воспріятія. И по Миллю, слѣдовательно, нельзя признать существованія чего бы то ни было внѣ непосредственно нами ощущаемаго *).

Гносеологическій идеализмъ, слѣдовательно, отрицаетъ существованіе чего бы то ни было *трансцендентнаго*, онъ ограничиваетъ наше познаніе ощущеніями и считаетъ его *имманентнымъ*, т.-е. остающимся въ предѣлахъ ощущенія. Возможно познаніе только того, что является предметомъ чувственнаго воспріятія; все, выходящее за предѣлы чувственнаго воспріятія не только не можетъ быть познано, но и самое существованіе его не можетъ быть доказано.

Такимъ образомъ отношеніе между разсмотрѣннымъ нами реализмомъ и идеализмомъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. По наивному реализму, существуетъ сознаніе и внѣшній міръ, воздѣйствующій на него; гносеологическій идеализмъ весь внѣшній міръ сводитъ на представленія и заставляетъ сознаніе вбирать, такъ сказать, внѣшній міръ въ себя.

---

*) См. *Mill*. „An Examination of Hamiltons Philosophy". 1878. *Bain*. „Les sens et l'intelligence". 1874, стр. 638. Взгляды, родственные со взглядами Милля, мы находимъ у *Laas'a*. „Idealismus и Positivismus". III B., стр. 46 и д.

ПРИРОДА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Өедорова.**

(*Продолженіе* *).

Глава IX.

Бугаевъ вернулся въ мастерскую и, не зажигая огня, долго сидѣлъ на диванѣ, поставя локти на колѣни и подперевъ руками голову съ свисавшими на нихъ плоскими, прямыми прядями волосъ.

Ему было скверно, одиноко и грустно; онъ съ горечью вспоминалъ, какъ измѣну, поведеніе Уники и предпочтеніе Лосьеву.

Не она ли, оставшись съ нимъ наединѣ послѣ ухода Николая, вплоть до его возвращенія была такъ нѣжна и ласкова съ нимъ, что онъ чувствовалъ вмѣсто сердца кусочекъ солнца.

Теперь отъ этого солнца осталась одна слякоть, клочокъ этой ночи и тумана и ничего болѣе.

Онъ всталъ, зажегъ лампу, стоявшую около большого зеркала, въ которомъ отразилась почти вся комната. Случайно заглянувъ въ зеркало, онъ увидѣлъ свое лицо и, отвернувшись, съ ненавистью проворчалъ:

— Вѣдь создалъ же Богъ этакое пугало!

Лампа освѣщала весь безпорядокъ мастерской, остатки закусокъ на тарелкахъ; мутные отъ вина стаканы. Пустые и недопитыя бутылки съ виномъ и водкой; одинъ изъ стакановъ былъ почти полонъ, это былъ стаканъ Уники. Бугаевъ, оглянувшись кругомъ, точно испугавшись, что кто-нибудь могъ быть свидѣтелемъ его желаній, взялъ этотъ стаканъ и, посмотрѣвъ его на свѣтъ, словно стараясь найти слѣды губъ, касавшихся стекла, поднесъ стаканъ ко рту, закрывъ глаза, медленно и съ наслажденіемъ сталъ втягивать въ себя вино, какъ будто онъ пилъ ароматъ ея поцѣлуя и нѣжность ея дыханія.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1904 г.

Когда стаканъ опустѣлъ, онъ снова наполнилъ его виномъ, выпилъ его залпомъ и затѣмъ съ какимъ-то ожесточеніемъ сталъ вливать въ себя стаканъ за стаканомъ, почти не опьяняясь, а только чувствуя, что становится какъ будто больше и сильнѣе отъ этого наполнявшаго его кровь алкоголя. Онъ не отличалъ красное вино отъ бѣлаго. И только когда машинально налилъ водки и залпомъ хватилъ почти весь стаканъ, она слегка обожгла ему глотку и туманомъ на минуту обволокла предъ нимъ всю комнату.

— Ага, вотъ это здорово—произнесъ онъ вслухъ.—Н-да-а... И вдругъ, выпрямившись, постучалъ руками по своей груди, подбадривая себя, и увидѣвъ въ углу на столикѣ черепъ, на гладкой отполированной макушкѣ котораго дрожалъ бликъ отъ лампы, а черныя дыры глазъ, носа и рта вбирали въ себя тишину комнаты, Бугаевъ криво усмѣхнулся и обратился къ черепу:

— Ну, что, пріятель, завидно небось?

Онъ самъ улыбнулся своей фразѣ, подошелъ къ черепу и взялъ его въ руки.

— Ну, братъ, и не казистъ ты; пожалуй, еще хуже, чѣмъ я. А, можетъ быть, былъ красивымъ малымъ, какъ этотъ скульпторъ, Николай и всѣ они. Цѣловалъ красивыхъ женщинъ губами, которыя были вотъ тутъ и говорили о любви, и женщины цѣловали тебя, а теперь...—онъ ощутилъ нѣкоторое злорадство при мысли, что все имѣетъ такой конецъ и даже презрительно щелкнулъ черепъ въ лобъ, отчего онъ глухо и недовольно загудѣлъ.

— Ага, не нравится! Н-да-а...

Бугаевъ отошелъ отъ него, опять очутился у зеркала и, взглянувъ въ него, продолжалъ уже разговоръ самъ съ собой:

— Дуракъ ты, дуракъ, Бугай! Не все ли равно быть счастливымъ одну минуту или цѣлую вѣчность. Одинъ поцѣлуй, одна ласка любимой женщины, а потомъ можно жить воспоминаніемъ объ этомъ, а у тебя этого ничего не было, нѣтъ и не будетъ.

Онъ выпилъ еще глотокъ вина и опять обернулся къ черепу:

— А можетъ быть ты былъ такимъ же счастливчикомъ, какъ я, разговаривалъ съ другимъ черепомъ?.. Круговоротъ событій...—многозначительно и съ трудомъ выговорилъ художникъ послѣднюю фразу, описавъ въ воздухѣ кругъ рукой. — Въ такомъ случаѣ извини, братъ... чокнемся!

Онъ налилъ стаканъ. Держа въ лѣвой рукѣ черепъ, стукнулъ стаканомъ объ лобъ его, отчего вино плеснуло на гладкую кость и оттуда скатилось внизъ, къ глазнымъ впадинамъ и свѣтлыми каплями остановилось на щекахъ.

Удивленный этой случайностью, Бугаевъ воскликнулъ:

— Что, братъ, плачешь?!—поплачемъ вмѣстѣ.

Онъ залился слезами, не выпуская черепа, упалъ на диванъ внизъ лицомъ и сталъ всхлипывать жалобно и безпомощно, какъ плачутъ только дѣти да очень некрасивые, обиженные судьбой, застѣнчивые люди. Онъ плакалъ долго-долго, вслухъ жалуясь на то, что его никто не любитъ, что все искусство, все творчество не стоитъ одного ласковаго женскаго взгляда, а безъ этого жизнь — яичная скорлупа. Въ это время онъ совершенно забылъ о черепѣ и, ощутивъ его въ рукахъ, взглянулъ на него и подумалъ:

«Гм! а можетъ быть въ этихъ впадинахъ свѣтились именно женскіе глаза, такіе же красивые, какъ у той».

Вставъ съ дивана и поднявъ руку съ черепомъ театральнымъ движеніемъ, что къ нему очень не шло и дѣлало его до крайности смѣшнымъ и нелѣпымъ, онъ вдругъ возгласилъ трагически, неестественнымъ голосомъ:

— О женщина! Ты была прекрасна, но ты была слѣпа! Мимо тебя шелъ человѣкъ, съ великой душою, способной на любовь сильную, вѣчную и ты пренебрегла имъ. А онъ, онъ... умеръ любя тебя. Плачь и кайся! — неожиданно закончилъ онъ и швырнулъ черепъ въ уголъ, гдѣ онъ ударился о гитару и струны жалобно долго звенѣли, опять напоминая ему Унику.

Это его снова возвратило къ дѣйствительности, и ему опять стало грустно и безнадежно, и жизнь казалась пустой и безсмысленной безъ ея любви. И если бы теперь ему пришлось лишиться этой жизни, такъ сразу, безъ боли и безъ мукъ, онъ бы спокойно пошелъ этому навстрѣчу.

— «А что, въ самомъ дѣлѣ», подходя къ окну, подумалъ онъ тяжело и сумасбродно сквозь пьяный угаръ и ѣдкій туманъ оскорбленнаго чувства: «вотъ грохнуться отсюда и баста!»

Онъ посмотрѣлъ внизъ: тамъ зеленовато-сѣрыми пятнами выступали деревья въ блѣдномъ разсвѣтѣ занимавшагося утра. Съ одного изъ деревьевъ до него донеслась коротенькая, однообразная пѣсенка птички, какъ прелюдія пробуждающейся жизни; бѣлая кошка, припавъ къ землѣ и вытянувъ шею, жадно и неподвижно смотря въ одну точку, кралась къ ней.

Туманъ разсѣялся. Только камни и крыши зданій были потны отъ его прикосновенія да вдали, на морѣ клочья его еще цѣплялись за воду, начинавшую блѣднѣть отъ занимавшейся на востокѣ зари.

На горизонтѣ небо бѣлѣло тяжелой оловянной полосой. Огни электрическихъ фонарей свѣтились блѣднымъ изнемогающимъ свѣтомъ, который колебался на водѣ. И тамъ гдѣ всходила заря, утренняя звѣзда торжественно и холодно свѣтилась, большая и прозрачная, какъ хрусталь. Но другія звѣзды незамѣтно исчезали: ихъ гасилъ предразсвѣтный свѣжій, чистый, влажный

утренникъ, ровно и бодро тянувшій съ моря. Онъ обдувалъ лицо Бугаева и освѣжалъ ему воспаленныя отъ слезъ, вина и безсонной ночи рѣсницы.

Становилось все свѣтлѣе. Пѣсенка птички замолкла, но откуда-то сыпалась трепещущая трель жаворонка. Тяжелый ревъ парохода покрылъ ее, и его басистое сочное гудѣніе долго колебало воздухъ.

Деревья внизу выступали рѣзче своими тонкими, едва опушенными зеленью, дрожащими вѣточками. Эти вѣтви тянулись вверхъ, довѣрчивыя, нѣжныя, какъ руки проснувшихся дѣтокъ. Гдѣ-то стукнула дверь, раздались одинокіе шаги, бодро и рѣшительно прозвучавшіе въ утренней тишинѣ.

Звуки все прибывали и прибывали, внося съ собой жизнь и движеніе. И отъ всего этого: отъ влажныхъ зданій, деревьевъ, неба, моря и ото всѣхъ голосовъ шло просвѣтленное предчувствіе улыбающагося весенняго дня и радостей жизни.

Бугаевъ, почти отрезвѣвшій и точно умытый этимъ влажнымъ утренникомъ, откинулъ съ поблѣднѣвшаго лба волосы, безотчетно впиталъ въ себя всю сочность и красоту молодого разсвѣта, и, какъ-то сразу охвативъ все это чуткими глазами художника и сдѣлавъ радостное движеніе рукою, точно поймавъ въ воздухѣ что-то дорогое и важное, бодро воскликнулъ:

— Э, чортъ возьми, можно жить на свѣтѣ, ей-Богу!

Глава X.

Ирина была еще въ постели, когда ея горничная Василиса, кроткая и слегка прихрамывающая дѣвушка, обожавшая барышню, осторожно просунула голову въ дверь и услышала совсѣмъ бодрый голосъ: «я не сплю, Василиса».

Она лежала, заложивъ за голову руки. Голубая струйка свѣта, просачиваясь въ ставень, вкось черезъ кровать протянулась къ лампадкѣ, горѣвшей на ночномъ столикѣ, давая ей знать, что ея обязанность кончена.

Тогда горничная съ радостнымъ лицомъ вошла, притворивъ за собою дверь, держа что-то бѣлое въ рукахъ завернутое въ папиросную бумагу и Иринѣ показалось, что вмѣстѣ съ ней влилась цѣлая волна, легкая, живая и привѣтливая. Съ тѣхъ поръ, какъ ей было сдѣлано предложеніе, она каждое утро просыпалась съ предчувствіемъ чего-то неожиданнаго, немного жуткаго, но красиваго и покоряющаго.

Она быстро привстала на постели и протянула руки впередъ.

«Ахъ, барышня!» съ радостнымъ и таинственнымъ лицомъ

воскликнула дѣвушка, бросаясь къ ней, и Ирина, нетерпѣливо взявъ изъ ея рукъ огромный букетъ, сорвала съ него папиросную бумагу, и оттуда еще сильнѣе хлынулъ ароматъ бѣлыхъ розъ, такой вкрадчивый и опьяняющій, что, казалось, имъ можно захлебнуться.

Василиса бросилась отворять окна, но Ирина остановила ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди... Оставь меня.

Та взяла папиросную бумагу, которая тоже вся была пропитана этимъ благороднымъ цвѣточнымъ запахомъ, и вышла, оставивъ барышню одну. Какъ только за ней затворилась дверь, Ирина, смѣясь отъ радостнаго восторга, какъ ребенокъ, окунула лицо свое въ цвѣты и упала навзничь, точно обливаясь влажнымъ ароматомъ и впитывая его еще не остывшей отъ сна кожей, глотая тонкими, раздувавшимися ноздрями и ртомъ, въ которомъ оставался сладкій, медовый вкусъ этого аромата на нёбѣ и на зубахъ, сохнувшихъ отъ него, какъ отъ дыханія теплаго вѣтра, какъ отъ поцѣлуя. Еще влажные, бѣлые цвѣты освѣжали ея лицо, но волновали кровь тѣмъ страннымъ и смутнымъ для цѣломудреннаго существа волненіемъ, въ тайнѣ котораго заключается могучій инстинктъ материнства, — чистый и божественный въ своемъ началѣ. Несомнѣнно, въ этихъ живыхъ цвѣтахъ было что-то родственное ему, иначе онъ не отзывался бы такъ трогательно и тонко, волнуя воображеніе неуловимыми грезами, которымъ никогда не бываетъ суждено во всей ихъ чистотѣ стать дѣйствительностью.

Закрывъ глаза и вся отдаваясь ласкѣ этихъ цвѣтовъ, она лежала неподвижно, прикасаясь къ нимъ губами и рѣсницами, какъ будто отдавая имъ взамѣнъ часть самой себя. Ей было пріятно чувствовать, что голова ея начинаетъ кружиться и блѣднѣть лицо. И тогда мысль о смерти, не пугающая, а наоборотъ, ласковая и успокоительная, всегда таинственно соприкасающаяся съ ощущеніями большого блаженства, почти счастья, заговорила въ ней, какъ музыка изъ другого міра. Припомнилось, что отъ цвѣточнаго аромата можно умереть, и такая смерть представилась ей необыкновенно привлекательной, какъ любовь. Но она только на мгновеніе остановилась на ней, а затѣмъ, почувствовавъ, что сердце въ самомъ дѣлѣ начинаетъ биться не такъ, какъ всегда, отвела цвѣты отъ лица и только тутъ съ благодарнымъ чувствомъ вспомнила о Вѣтвицкомъ. Она ни на минуту не сомнѣвалась, что цвѣты отъ него, и ей даже въ голову не могло придти спросить прислугу о карточкѣ или запискѣ при этомъ подаркѣ.

Но и отдаливъ нѣсколько цвѣты отъ себя, она еще долго не разставалась съ ними, лежа рядомъ, взглядывая на нихъ и ка-

саясь ихъ съ тою ласковою нѣжностью, съ какой она касалась бы къ лежащей съ ней въ одной постелѣ сестрѣ или подругѣ.

Наконецъ, она протянула руку къ кнопкѣ звонка, и опять вошла Василиса.

Василиса погасила лампадку, открыла ставню, и, точно обрадованный, свѣтъ ворвался въ спальню. Цвѣты были поставлены въ вазу, и хотя при свѣтѣ солнца въ нихъ уже не было ничего таинственнаго, но тѣмъ не менѣе она съ любовью и нѣжностью на нихъ глядѣла, сблизившись съ ними за эти минуты, проведенныя вмѣстѣ въ постели.

Къ чаю она вышла уже немного утомленная и томная и застала отца съ матерью не совсѣмъ дружно о чемъ-то бесѣдующими. До нея донеслись только послѣднія слова отца, сказанныя съ раздражительной насмѣшливостью:

— Ахъ, извѣстно, что въ каждой женщинѣ послѣ сорока пяти лѣтъ сидитъ сваха или еще что-то похуже.

Ирина догадалась, что разговоръ все объ этомъ событіи. При ея появленіи онъ сразу оборвался, и она съ особенной нѣжностью подошла и поцѣловала отца въ лобъ, зная, что все его недовольство проистекаетъ исключительно отъ любви къ ней и не столько вызвано боязнью за ея судьбу—чего же бояться, когда они любятъ другъ друга!—сколько тяжелымъ ожиданіемъ предстоящей разлуки, о которой сама она думала безъ всякаго сожалѣнія, какъ о чемъ-то вполнѣ естественномъ и даже забавномъ, хотя вся ея жизнь въ родительскомъ домѣ прошла, какъ свѣтлый день, въ холѣ и нѣжности.

Тогда, взволнованный этимъ поцѣлуемъ, отецъ взялъ свой стаканъ кофе и ушелъ въ кабинетъ, оговорившись, что ему надо заняться банковскими дѣлами. На смѣну ему вошелъ Николай въ новой сѣрой весенней парѣ, которая дѣлала его почти юнымъ. Онъ только что принялъ холодный душъ, который онъ принималъ каждое утро. Бѣлый шелковый, красиво повязаный галстухъ, очень шелъ къ его чернымъ усикамъ и съ дѣланной небрежностью расчесаннымъ чернымъ волосамъ. Онъ поцѣловалъ руку матери, а попутно чмокнулъ сестру въ щеку.

— Ну, что же? — неопредѣленно задалъ онъ вопросъ, грызя лепешку, въ ожиданіи, пока мать нальетъ ему кофе.

— Я получила чудный букетъ!—похвасталась его сестра.

И она, не дожидаясь никакихъ просьбъ съ ихъ стороны, сама побѣжала въ спальню и вернулась оттуда съ торжествомъ и не безъ усилій держа въ рукѣ большую вазу съ букетомъ.

Николай, не долго думая, выхватилъ изъ букета цвѣтокъ, прежде чѣмъ она успѣла съ негодованіемъ и ревностью защитить его. И опять-таки никому, ни матери, ни даже брату, не могло придти въ голову спросить, кто прислалъ этотъ букетъ.

— Очень мило, — отозвалась мать и, немного обезпокоенная происшедшей несерьезной размолвкой съ мужемъ, отправилась къ нему, захвативъ сахаръ и печенье, подъ предлогомъ, что онъ забылъ все это, а на самомъ дѣлѣ, чтобы возстановить миръ.

Василиса снова вошла и подала барышнѣ записку

Ирина торопливо разорвала конвертъ и пробѣжала глазами строки.

— Отъ Бориса?—спросилъ братъ, вдѣвая цвѣтокъ въ петлицу.

— Да.

— Ну, какъ его мигрень?

Она не замѣтила легкой насмѣшки, звучавшей въ тонѣ брата и ясно отвѣтила:

— Онъ пишетъ, что ему нездоровится и по этому случаю сегодня не будетъ сеанса, но обѣщаетъ утромъ зайти къ намъ, «переговорить съ мамой о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся предстоящаго событія»,—прочла она на запискѣ послѣднія слова. Ирина и мать, и самъ Вѣтвицкій почему-то избѣгали употреблять слово свадьба.

— Ирина!—обратился къ ней братъ, выпивъ чай и закуривая папиросу.

— А?

— Я хотѣлъ бы задать тебѣ одинъ очень важный вопросъ.

Она насторожилась.

— Будешь ты мнѣ давать деньги въ долгъ, когда станешь m-me Вѣтвицкой?

Она хотѣла разсердиться на него за этотъ вопросъ, но разсмѣялась и покачала головой.

— А вѣдь ты пребезпутный мальчишка, Николай.

— Скажите пожалуйста! — изумился онъ.—Ужъ не хочешь ли ты меня наставить на путь истины.—Нѣтъ, я серьезно тебя спрашиваю, вѣдь ты будешь очень богата.

— Перестань!

— Ну, вотъ ты все жалуешься, что я никогда серьезно съ тобой не разговариваю, а заговорилъ серьезно,—ты уклоняешься.

— Глупо. И куда ты дѣваешь столько денегъ? Я видѣла, ты вчера опять у мамы опустошилъ кошелекъ.

— Не могъ же я своихъ гостей поить скипидаромъ и кормить красками.

— Скажи, что такое Лосьевъ?—неожиданно заговорила она, когда онъ напомнилъ ей о гостяхъ.

— Лосьевъ?—Тигръ,—не задумываясь отвѣтилъ онъ.—Тигръ съ улыбкой ребенка.

— Ну, вотъ, опять глупости.

— Нисколько не глупости. Такъ его назвала очень милая ба-

рышня, которая, кажется, сразу влюбилась въ него, что мнѣ ужасно какъ не нравится.

— Ну, мнѣ это совсѣмъ не любопытно.

— А больше я ничего тебѣ не могу о немъ сказать, потому что тринадцать лѣтъ не видалъ его, но берегись, онъ человѣкъ опасный.

Она разсмѣялась и повторила:

— О, еще бы, тигръ! да еще съ улыбкой ребенка! Ты скатерть прожжешь,—неожиданно перебила она себя, замѣтивъ на скатерти горячій пепелъ, упавшій съ папиросы, и, стряхнувъ его, продолжала.

— Онъ вовсе не показался мнѣ такимъ страшнымъ.

— Потому, что ты произвела на него впечатлѣніе. Это я замѣтилъ по тому, какъ онъ ухаживалъ за мной.

«Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ»,

съ комическимъ хохотомъ продекламировалъ онъ. Она вспомнила слова скульптора о любви, падающей, какъ молнія, и на минуту задумалась, не вѣря такой любви.

— Во всякомъ случаѣ это интересный человѣкъ—продолжалъ Николай расхваливать его, какъ это дѣлалъ наканунѣ передъ Уникой.—Когда онъ говоритъ, а говоритъ онъ ярко, самъ себя воспламеняетъ, вспыхиваетъ. Въ немъ, повидимому, есть дьявольское упорство, но нѣтъ характера, какъ, напримѣръ, въ Борисѣ. Онъ производитъ иногда впечатлѣніе мужественнаго человѣка, а на самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, податливъ, какъ женщина. Онъ переливается, какъ солнечный спектръ, и быстро мѣняется въ настроеніяхъ; способенъ, вѣроятно, бѣшено влюбиться, но не любить, потому что у него культъ—природа, а природа не любитъ постоянства, что я вполнѣ одобряю. Вообще, если бы я былъ ты, я бы влюбился въ него.

— Какъ хорошо, что я не ты, — со смѣхомъ отвѣтила она на это шутливое заключеніе, неизбѣжно сопровождавшее каждое его обращеніе къ сестрѣ.

Раздался звонокъ, и Николай, поднимаясь со стула, произнесъ:

— А вотъ, навѣрно, и онъ. Проведите господина Лосьева, сюда, если это онъ,—приказалъ онъ прислугѣ.

Ирина хотѣла удалиться, но братъ насмѣшливо замѣтилъ:

— Ага, вѣрно испугалась за себя и бѣжишь.

— Я застрахована отъ тигровъ и всѣхъ другихъ звѣрей.

— Ну, такъ останься. Въ самомъ дѣлѣ, будь хозяйкой.

— Хорошо, я только не хочу, чтобы эти цвѣты были здѣсь.

И она снова бережно и любовно взяла обѣими руками вазу и пошла съ ней въ свою комнату.

Лосьевъ вышолъ легкой порывистой походкой, немного наклоняясь впередъ и они подали другъ другу руки.

— Хочешь стаканъ чаю или кофе?

— Пожалуй, кофе. Я отвыкъ за границей отъ чая, и хотя уже пилъ, но выпью еще съ удовольствіемъ.

— Сейчасъ придетъ сестра и нальетъ тебѣ. Я, прости, терпѣть не могу этой операціи. Ты вѣрно рано встаешь?

— Да, всегда въ семь часовъ, когда бы ни легъ.

Лосьевъ быстро взглянулъ по направленію ея двери и увидалъ Ирину.

Она вошла съ серьезнымъ, почти строгимъ лицомъ, подала ему руку и налила кофе.

«Приняла ли она? догадалась ли отъ кого?» съ нѣкоторымъ безпокойстовомъ подумалъ онъ, но тутъ же увидалъ розу въ петлицѣ Николая и уловилъ запахъ этихъ цвѣтовъ, среди ароматовъ гіацинтовъ и запаховъ чайнаго стола.

Первый вопросъ, такимъ образомъ, разрѣшился самъ собой, на второй, взглянувъ въ ея лицо, онъ отвѣтилъ—«нѣтъ», но не раскаялся, что не вложилъ въ букетъ своей карточки.

Почти одновременно съ ней, изъ кабинета мужа вышла Софья Матвѣевна съ улыбающимся лицомъ, но немного заплаканными глазами. Она нисколько не удивилась раннему гостю въ столовой, такъ какъ привыкла къ частымъ посѣщеніямъ товарищей Николая.

— Что же ты наливаешь такой кофе? — замѣтила она дочери.—Вѣрно все уже остыло.—Я сейчасъ подогрѣю,—любезно обратилась она къ Лосьеву и зажгла тутъ же спиртовую лампочку, очень хитро приложенную къ кофейнику. Лосьевъ сдѣлалъ движеніе, но Николай остановилъ его:

— Все равно, намъ некуда торопиться. Цвѣтаевъ, съ котораго мы начнемъ визиты, еще въ школѣ. У насъ больше часа въ распоряженіи.

Ирина уступила матери свое мѣсто, но не ушла, а осталась сидѣть за столомъ, чувствуя страшную неловкость и не зная, съ чего начать разговоръ, но Лосьевъ заговорилъ самъ.

Объ этомъ ясномъ утрѣ, о морѣ, куда его потянуло почему-то нынче прямо съ постели, о громадныхъ пароходахъ, которые въ немъ съ дѣтства возбуждали стремленіе оторваться отъ земли и уплыть неизвѣстно куда, о работахъ въ порту и о типахъ, которые встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу.

Попутно онъ разсказалъ хорошо и тонко нѣсколько комическихъ сценъ, которыя наблюдалъ утромъ въ порту; этимъ онъ разсмѣшилъ Ирину; неловкость ея разсѣялась.

— Вы себѣ представить не можете, какое наслажденіе вста-

вать рано утромъ съ мыслью, что опять увидишь небо, море, землю! Мнѣ, кажется, самое страшное несчастье быть слѣпымъ, потому что глаза могутъ замѣнить всѣ другія чувства: ими можно и осязать, и слышать, и даже обонять. Да вотъ я сейчасъ въ окно вижу море и ясно ощущаю его запахъ—этотъ солоновато-горькій запахъ, смѣшанный съ запахомъ тлѣющихъ на солнцѣ водорослей, который ощущаешь всегда больше кожей, чѣмъ дыханіемъ.

— Ты, вѣроятно, въ порту искалъ подходящихъ мотивовъ для работы?

— Нѣтъ, я никогда не задаюсь такими практическими соображеніями, когда смотрю на что нибудь, любуюсь чѣмъ-нибудь. Да это и безполезно; ошибка думать, что наши творческіе замыслы родятся отъ соприкосновенія съ близкой дѣйствительностью; они находятся въ насъ уже съ появленіемъ нашимъ на свѣтъ: это капли нашей крови, влитой въ насъ цѣлыми поколѣніями предковъ, и этимъ каплямъ крови суждено стать образами, творческой дѣйствительностью, часто даже пророчествомъ по отношенію къ будущему. Для этого достаточно какой-нибудь случайности, но роль этой случайности не больше, какъ...—онъ на минуту задумался и затѣмъ, застѣнчиво улыбаясь, закончилъ: какъ роль акушерки при рожденіи младенца.

Софья Матвѣевна слегка покосилась на него, не столько шокированная его свободнымъ послѣднимъ сравненіемъ въ присутствіи дочери, которую она считала ребенкомъ, сколько по какому-то странному враждебному инстинкту. Ей не нравилась его смѣлая, увѣренная манера говорить, его пристальный, откровенный взглядъ. Наливая ему сливки, она какъ-то безотчетно удержала въ молочникѣ аппетитную пѣнку, которая уже готова была упасть въ стаканъ.

Ирина слушала на этотъ разъ, повѣряя справедливость его мыслей, которыя такъ же просто и естественно исходили отъ него, какъ пламя исходитъ отъ свѣчи. Можетъ быть въ другой разъ она бы стала ему возражать. Онъ страннымъ образомъ за это короткое время вызывалъ въ ней желаніе противорѣчить ему. Но она съ минуты на минуту ждала Вѣтвицкаго и ей почему-то непріятно было думать, что онъ можетъ застать здѣсь Лосьева. Съ другой стороны онъ приковывалъ къ себѣ ея вниманіе, какъ гимнастъ, висящій въ воздухѣ на трапеціи, увѣренныя движенія котораго вызываютъ любопытство и страхъ, и это настроеніе было еще слегка возбуждено сообщеніемъ Николая, что она ему нравится. Она вздрогнула, когда въ столовую донеслось мягкое дребезжаніе электрическаго звонка, и выраженіе ея лица снова стало выжидательнымъ и холоднымъ.

Вѣтвицкій вошелъ въ столовую и, поцѣловавъ почтительно руку матери, направился къ Иринѣ, которая сразу какъ бы отразила въ себѣ его грустное спокойствіе и молчаливую задумчивость. Лицо его было блѣднѣе, чѣмъ наканунѣ, и эта блѣдность особенно оттѣнялась темнымъ, вяло-зеленымъ элегантнымъ костюмомъ и широкимъ, красивымъ, охватывающимъ весь воротникъ галстухомъ, слегка скрадывавшимъ его длинную, худую шею.

Онъ былъ немного удивленъ, встрѣтивъ такъ рано у нихъ Лосьева, и холодно поздоровался съ нимъ и Николаемъ.

— Мы сейчасъ ѣдемъ съ Лосьевымъ знакомиться съ нашими мэтрами и журавлями.

— Да, это любопытно,—вскользь, замѣтилъ Вѣтвицкій.

Тогда Ирина, чувствуя потребность влить тепло въ эту, начинавшую холодѣть атмосферу, съ нѣжнымъ и благодарнымъ взглядомъ сказала Вѣтвицкому:

— Я очень вамъ признательна за цвѣты. Они мнѣ доставили огромное удовольствіе; они въ моей комнатѣ.

Она еще не договорила послѣднихъ словъ, когда замѣтила въ глазахъ Вѣтвицкаго тревожное изумленіе.

Ей стало почти жутко: цвѣты были не отъ него... не отъ него! Она не могла удержать краску, которая заливала ея лицо, уши, и въ то же время не отрывала свой взглядъ отъ ставшихъ холодными глазъ Вѣтвицкаго, боясь взглянуть въ сторону.

— Я, къ сожалѣнію, не посылалъ вамъ сегодня цвѣтовъ.

Прошла тяжелая минута, которая, кажется, остановила въ комнатѣ даже стукъ часового маятника.

Мать, растерявшись, съ испугомъ и почти злобой взглянула на Лосьева, который стоялъ у окна, скрестивъ руки. Николай скользнулъ по нему взглядомъ и весело воскликнулъ:

— Браво! мой сюрпризъ удался. Но я удивляюсь твоей нечуткости. Мнѣ кажется, что цвѣты жениха должны имѣть особенный жениховскій ароматъ.

— Такъ это ты?—воскликнула мать облегченно.

— Ну, разумѣется я. Надѣюсь, я буду вознагражденъ за это соотвѣтствующимъ образомъ, такъ какъ цвѣты одно, а расходы другое.

Только одна мать повѣрила въ правдивость этого признанія. Но Ирина съ благодарностью взглянула на брата: это все же до нѣкоторой степени разрядило атмосферу.

И Вѣтвицкій тотчасъ же обратился къ матери съ нѣсколько принужденной улыбкой.

— Я, Софья Матвѣевна, уже шелъ къ вамъ съ намѣреніемъ поторопить это событіе; какъ видите, я не умѣю справиться со всѣми условностями роли жениха. Вообще, эта роль очень слож-

ная и отвѣтственная, и, пожалуй, налагаетъ больше обязательствъ, чѣмъ роль мужа.

— А я всю жизнь готовъ бы былъ быть женихомъ. — Тутъ есть перспектива,—сказалъ Николай.

— А мнѣ это положеніе кажется немного комичнымъ. Вѣроятно, все зависитъ отъ характера.—Съ этими словами онъ выжидательно посмотрѣлъ на мать.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало! Цвѣты есть, шафера на лицо, хоть сейчасъ подъ Исаія ликуй. Вѣдь ты не откажешься быть шаферомъ Ирины?—обратился Николай къ Лосьеву.

— Если это будетъ желательно невѣстѣ, отчего же!

Ирина была довольна, что все приняло такой оборотъ и улыбаясь отвѣтила:

— Я буду очень рада.

Она только въ первый разъ послѣ этой неожиданной неловкости взглянула прямо на Лосьева, и онъ ей показался совсѣмъ новымъ. Она опять покраснѣла. Эти цвѣты она ласкала съ такой нѣжностью, съ ними она безотчетно дѣлила свои, еще невѣдомыя ей дотолѣ волненія; они какъ бы невольно тайно сблизили ее съ нимъ, и она чувствовала себя виновной передъ Вѣтвицкимъ, почти преступной, какъ за измѣну, которую нельзяуже ничѣмъ исправить, стереть, какъ нельзя стереть поцѣлуевъ, которыми обмѣниваются фатально, по ошибкѣ, въ глубокомъ сумракѣ.

Лосьевъ прямо взглянулъ на Ирину; по этимъ неуловимымъ тѣнямъ на ея лицѣ, по приливамъ и отливамъ крови и переливамъ свѣта и тѣни въ ея глазахъ онъ точно угадывалъ то, что происходитъ въ ней: она чувствовала досаду за происшедшее, но онъ не уловилъ на лицѣ злобы и торжествовалъ, хотя торжество это покуда было безкорыстно: у него не было опредѣленныхъ стремленій, опредѣленныхъ намѣреній по отношенію къ Иринѣ, она почти уже принадлежала другому, это въ немъ было какъ бы откликомъ на тѣ предчувствія, которыя влекли его къ ней. Но онъ ясно видѣлъ, и это его смущало, что, несмотря на внѣшнюю слабость, тотъ однимъ своимъ видомъ порабощалъ ее и какъ бы окутывалъ своей проникающей слабостью, въ которой для многихъ женщинъ скрыто такое обманчивое очарованіе. Она такъ поддавалась этому очарованію, что на ней отпечатлѣвалось его настроеніе, выраженіе его лица и глазъ...

— Такъ ѣдемъ,—предложилъ Николай.

— Да,—сказалъ Лосьевъ, и они простились и вышли, товарищески обхвативъ другъ друга за талію. И Лосьевъ былъ благодаренъ за деликатность Николаю: тотъ ни словомъ не обмолвился о цвѣтахъ.

Съ этого дня у Падариныхъ началась обычная предсвадебная

горячка. Въ домѣ появились швеи, то и дѣло сновали модистки съ огромными коробами и кардонками,—а Николай, съ любопытствомъ слѣдя за ихъ жеманными фигурами, чаще оставался дома, подумывая, нельзя ли среди этихъ трудолюбивыхъ пчелокъ поймать себѣ новую натурщицу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

До выставки оставался мѣсяцъ съ небольшимъ, и среди художниковъ чувствовалось то безпокойство, мучительное и тревожное, которое всегда сопутствуетъ творческому подъему артистовъ въ ихъ, можетъ быть, безсознательномъ, но напряженно - упорномъ стремленіи впередъ. Эта выставка должна была стать боевой. Въ случаѣ удачи они намѣревались перенести ее въ столицу.

Каждый изъ тринадцати журавлей, помимо личнаго самолюбія, личныхъ интересовъ,былъ озабоченъ еще болѣе интересами товарищества, интересами ихъ ордена и честью его знамени.

Ни на товарищескихъ обѣдахъ, ни во время встрѣчъ они не разговаривали по поводу своихъ работъ и не совѣтывались другъ съ другомъ, разъ навсегда условившись не мѣшать другъ другу, чтобы непосредственнѣе выразить себя. Каждый изъ нихъ въ своей мастерской, какъ древній алхимикъ въ лабораторіи, старался добыть крупицу своего золота, въ которомъ истинное искусство видитъ единственную цѣль и удовлетвореніе, ревниво оберегая свои попытки отъ постороннихъ глазъ.

Одинъ только маленькій Кичъ въ огромной шляпѣ и съ толстой китайской палкой въ рукѣ, метался среди нихъ, растерянный и обезпокоенный неуспѣхомъ на минувшей выставкѣ и строгимъ судомъ журавлей: его тенденціозная и банальная картина была безпощадно осмѣяна и осуждена ими, несмотря на успѣхъ въ публикѣ. Его маленькая фигурка неизмѣнно съ цвѣточкомъ въ петлицѣ появлялась то на балу, то въ порту, то на бульварѣ среди толпы, то въ театрѣ и товарищи, добродушно посмѣиваясь, говорили: «нашъ маленькій маркизъ ищетъ самого себя». Иногда ему казалось, что онъ уловилъ то, что ему нужно... Онъ мысленно начиналъ обрабатывать, лихорадочно хватался за полотно, но при первыхъ же мазкахъ приходилъ въ отчаяніе, чувствуя, что душа его ничуть не откликается на это, хватался изящными руками за свою порядкомъ облысѣвшую голову и раздражительно и съ досадой кричалъ:

— Нѣтъ, это не то! Не то!

Иногда ему казалось, что все дѣло въ средствахъ, въ матеріалѣ, въ натурѣ. Онъ таинственно и съ гордостью намекалъ товарищамъ, что теперь все въ его рукахъ, а между тѣмъ, это «все» ограничивалось или переходомъ отъ полотна къ абсербанту, или новыми красками Рафаэлли, которыя казались ему изобрѣтенными какъ будто для него самого, или удачнымъ мотивомъ, натурой.

Но, приходя къ себѣ въ мастерскую, онъ очень скоро впадалъ въ отчаяніе, отсылалъ натурщицу, бросалъ краски Рафаэлли и абсербантъ и кричалъ, бѣгая маленькими шажками изъ угла въ уголъ, постукивая своими высокими каблучками.

— Не то! Не то!

Маленькій Кичъ даже похудѣлъ и его тихая заботливая мать и сестра напрасно старались изобрѣтать для него разныя питательныя блюда, даже прибѣгли къ кефиру и какому-то новому питательному препарату. Чтобы не огорчать мать, онъ все покорно сосредоточенно глоталъ, но это не улучшало его унылаго вида. Мрачно покручивая свои маленькіе черные усики, оставлявшіе открытыми его красныя добродушныя губы, онъ подходилъ къ отрывному календарю, на нѣсколько минутъ останавливалъ неподвижный, задумчивый взглядъ на числѣ, затѣмъ машинально начиналъ отсчитывать листикъ за листикомъ вплоть до условленнаго дня выставки, останавливался съ тѣмъ же задумчивымъ, неподвижнымъ взглядомъ передъ этимъ листикомъ, глубоко вздохнувъ, отдѣлялъ очередной листикъ и отходилъ, уныло заложивъ руки въ карманы коротенькаго чернаго, хорошо сидѣвшаго на немъ пиджачка. Мать сочувственно переглядывалась съ дочерью, онѣ обѣ также вздыхали, посвященныя въ его волненія, и одна изъ нихъ заботливо и робко спрашивала:

— Что, Леня, ничего не нашелъ?

На что онъ неизмѣнно раздраженно отвѣчалъ:

— Есть, много есть, да все не то. Хотѣлось бы закатить большое полотно, но осталось мало времени и денегъ нѣтъ.

Тогда сестра его, съ утра до ночи бѣгавшая по урокамъ, взглянула на свои маленькіе черные часики, висѣвшіе у пояса, скорбя, что они не золотые, и нерѣшительно проговорила:

— Да, что же деньги! Деньги, пожалуй, можно достать. Заложить что-нибудь.

— Конечно, можно,—поддакивала мать.—Да что заложить?

— А вы, мама, поройтесь въ вашемъ завѣтномъ сундукѣ. Тамъ много у васъ припрятано добра, никому ненужнаго.

— Никому не нужнаго!—съ огорченіемъ и укоромъ повторила мать.—Я для тебя все это берегла. Вотъ, думаю, замужъ выходить будешь...

— Ахъ, мама, перестаньте. Вы знаете, я не люблю, когда вы объ этомъ говорите!

Но Кичъ скептически отнесся къ этому оберегаемому въ сундукѣ добру.

— Да что у васъ путнаго тамъ можетъ быть? Хламъ какой-нибудь!

Мать даже обидѣлась.

— Напрасно ты такъ думаешь, Леня. Тамъ много дорогихъ, старинныхъ вещей: платьевъ, кружевъ. И по цѣнѣ дорогихъ: теперь ужъ такихъ матерій не выдѣлываютъ... Тамъ есть еще изъ приданаго матери и все это пріобрѣталось еще тогда, когда мы были очень богаты...

Онъ, попрежнему не вѣря въ цѣнность этихъ вещей, просто изъ любопытства, чтобы развлечь себя, сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, мама, покажите. Можетъ быть, что-нибудь найдется.

Мать медленно, какъ бы нехотя, встала изъ-за стола, порылась въ комодѣ, достала большой ключъ, точно отъ двери, взяла подсвѣчникъ, зажгла свѣчу.

— Зачѣмъ эта свѣча, мама?—съ удивленіемъ спросилъ сынъ.

— Да, вѣдь, темно же въ корридорѣ.

Старуха со свѣчой въ рукахъ медленно направилась въ корридоръ на старыхъ больныхъ ногахъ; за ней послѣдовала дочь и сзади Кичъ, который, подмѣтивъ комическую торжественность во всемъ этомъ шествіи, шутливо, но съ невольнымъ уваженіемъ къ этой торжественности, сказалъ:

— Мы, точно паломники, идемъ на поклоненіе прошлому.

Мать ничего не отвѣтила, и они молча вошли, какъ въ катакомбы, въ темный уголъ низкаго корридора, и колеблющееся пламя свѣчи упало на довольно широкій, большой сундукъ, окованный желѣзомъ, которое кое-гдѣ блестѣло скользящимъ свѣтомъ на обтертыхъ краяхъ и на поблеклыхъ красныхъ большихъ цвѣтахъ, нарисованныхъ на темно-зеленомъ увядшемъ фонѣ. Мать передала свѣчу дочери, согнувшись передъ сундукомъ, вложила ключъ въ широкую скважину замка и своей нетвердой дрожавшей рукой повернула ключъ въ замкѣ, изъ котораго вышелъ длинный, звеняще-ржавый звукъ.

Пламя свѣчи пронизывало ея совсѣмъ бѣлые, мягкіе, пушистые волосы и освѣщало часть ея опустившагося старческаго лица, оставляя другую часть въ тѣни, отчего морщины на освѣщенной сторонѣ казались глубже и рѣзче; но въ ея впавшихъ глазахъ появился незнакомый сыну возбужденный огонекъ. Онъ почувствовалъ, сколько дорогого для нея схоронено въ этомъ большомъ, крѣпкомъ кипарисовомъ гробѣ, и почтительно высту-

пилъ впередъ, чтобы помочь матери открыть его тяжелую крышку. И опять, когда подымалась крышка, послышался ржаво-тягучій скрипъ, и Кичъ подумалъ:

«Такой долженъ быть звукъ, когда отворяютъ двери склепа».

Мать приподняла легкую дымчатую пелену, и на него пахнуло сыроватымъ, терпкимъ и пріятнымъ запахомъ, похожимъ на запахъ свѣже-разрытой земли, кипариса, старины и еще какихъ-то смутныхъ, неопредѣленныхъ ароматовъ. И онъ почувствовалъ, какъ весь этотъ запахъ вошелъ въ него и вызвалъ изъ глубины сердца теплую волну, клубомъ подкатившую къ горлу и вызвавшую слезы на глазахъ.

Мать подняла сверху какую-то неопредѣленную, незначительную вещицу малиноваго бархата, точно примятую насѣвшимъ на нее временемъ и, поднявъ къ свѣчѣ, склоняя то въ одну, то въ другую сторону голову, словно вспоминая, проговорила съ довольной улыбкой:

— Это фижмы отъ моего визитнаго платья.

Она бережно положила это сверхъ дымчатаго покрова на табуретку, нѣжно разгладивъ бархатъ сухой рукой съ рѣзко проступавшими, развѣтвленными жилами, и снова склонилась къ сундуку.

И художникъ чувствовалъ, что въ немъ растетъ безотчетное возбужденное ожиданіе, что вотъ-вотъ изъ этой сокровищницы прошлаго появится женская фигура, съ нѣжными чертами, легкая, воздушная, съ широкими фижмами на плечахъ, съ колеблющейся тонкой таліей, и, съ улыбкой проговоривъ что-то милое и изысканное, сдѣлаетъ книксенъ, потонувшій въ широкихъ воланахъ платья и растаетъ, оставивъ послѣ себя ароматъ духовъ, похожихъ на запахъ увядшихъ цвѣтовъ.

Мать снова подняла что-то тяжелое, большое, на чемъ внизу бѣлыя, тонкія кружева ложились зубцами, окаймляя ткань, точно морская пѣна, готовая растаять.

И она со слезами на глазахъ сказала:

— Это платье, Леня, мнѣ подарилъ отецъ въ твои крестины

Онъ почувствовалъ трепетный холодъ въ колѣняхъ.

Сестра, растроганная, со своей грустной, милой, тихой улыбкой смотрѣла, какъ мать приподняла эту реликвію, широко и почти благоговѣйно держа на рукахъ, и опустила ее на малиновый бархатъ.

Дальше, занимая весь сундукъ, лежала полураспоротая абрикосоваго цвѣта ткань. Мать, еще не касаясь ея, проговорила опять съ тою же улыбкой, какъ и вначалѣ:

— Малиновыя фижмы отъ этого моего визитнаго платья,

Она, не переставая улыбаться, даже съ нѣкоторой граціей, приподняла его и также отложила въ сторону.

Затѣмъ обернулась къ сундуку, и лицо ея стало молитвенно-серьезнымъ, и, медленно склонившись, она какъ-то не сразу приподымала передъ собой, выпрямляясь сама, что-то бѣлое, воздушное, длинное, похожее на призракъ.

И она строго сказала:

— Въ этомъ платьѣ я вѣнчалась.

И отъ этихъ важныхъ словъ, отъ этого строгаго, даже нѣсколько суроваго сейчасъ лица, отъ этой призрачной бѣлизны онъ почувствовалъ мистическій трепетъ.

Мать все съ тѣми же глубоко-строгими движеніями разложила это платье сверхъ остальныхъ отложенныхъ вещей и проникновенно-тихимъ голосомъ сказала, обращаясь къ дочери:

— Я думала, ты одѣнешь это платье подъ вѣнецъ.

Братъ взглянулъ на сестру и увидѣлъ, какъ на ея глаза навернулись слезы и сверкнули при задрожавшемъ пламени свѣчи.

Старуха не сразу отклонилась отъ этого бѣлаго, похожаго на призрачную человѣческую фигуру платья, и въ этой склоненной женщинѣ, въ этой тишинѣ и сумракѣ, въ которомъ дрожалъ свѣтъ точно погребальной свѣчи, чувствовалось холодное дуновеніе умершей молодости.

Затѣмъ мать, медленно приблизившись къ сундуку, вдругъ заулыбалась ясно, свѣтло и даже молодо:

— Вотъ, милый!.. Вотъ платье, котораго я и сама очень давно не видала. Въ этомъ платьѣ было наше обрученье съ твоимъ отцомъ.

И она приподняла со дна нѣжно-розовое платье, какъ будто покрытое серебряной паутинкой, изъ подъ которой наивно, деликатно выглядывали зеленоватыя, тонкія вѣточки съ маленькими, алыми цвѣточками. Оно расправилось съ легкимъ серебристымъ шелестомъ, похожимъ на шелестъ весеннихъ листьевъ.

И мать съ какой-то дѣтской дрожью въ голосѣ сказала:

— Мнѣ очень шло это платье!

У сына затуманилось въ глазахъ.

Мать продолжала:

— Я въ этомъ платьѣ съ вашимъ отцомъ танцовала и даже помню...—она на минуту замолкла—что̀ я съ нимъ въ этотъ вечеръ говорила... закончила она почти шепотомъ.—И помолчавъ немного, добавила вздыхая: — Теперь ужъ нѣтъ такихъ танцевъ, нѣтъ такихъ платьевъ, да и людей такихъ нѣтъ. Видишь, Леня, что я здѣсь берегла. Это очень все дорогое.

Она приложила это платье къ дочери, и оно какъ-то сразу слилось со всей ея высокой тонкой фигурой, и ея нѣжныя, блекнущія правильныя черты умнаго лица съ бѣлокурыми, гладко зачесанными назадъ волосами, оттягивающими назадъ голову, при-

давая ей нѣсколько гордый, но грустный видъ, — оживили это платье и сами выступили въ немъ изъ чуткаго сумрака, освѣщенныя свѣтомъ свѣчи, точно изъ рамы.

Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ холодѣетъ кровь и передъ нимъ открывается что-то давно жданное, глубоко важное для него, полное огромнаго значенія и смысла. Онъ замеръ, прислушиваясь къ этому, наполнившему его настроенію, которому точно акомпанировалъ тихій, какъ-бы изъ прошлаго выливавшійся голосъ матери.

— Вѣдь эти платья мы не только носили, а въ нихъ была наша душа. Мы ихъ не бросали чуть не каждый день, какъ теперь это дѣлаютъ. Моды у насъ такъ часто не мѣнялись. Эти платья переходили отъ матери къ дочери, отъ дочери къ внучкамъ. Матерія отъ времени какъ будто не изнашивалась. Вотъ и теперь, смотри, ну, развѣ это не новое платье!

Старуха снова бережно подняла его на воздухъ, отчего оно снова зашелестѣло шелковымъ весеннимъ шорохомъ, и она съ глубокой грустью сказала:

— Неужели же это платье, въ которомъ я такъ много пережила, попадетъ въ грязныя руки оцѣнщиковъ, а потомъ въ ссудную кассу...

Ему что-то хлынуло въ голову. Онъ не далъ ей договорить, схватилъ ея сухія слабыя руки и со слезами въ голосѣ сказалъ

— Нѣтъ, мама, этого никогда не будетъ. Это платье... это дорогое платье... вы дайте его мнѣ... Я оживлю его... я заставлю его говорить. И ты, сестра... Ты мнѣ поможешь въ этомъ.

— Я?

— Да. Ты будешь мнѣ позировать въ немъ.

И онъ возбужденными глазами сталъ вглядываться въ сумракъ, колеблемый пламенемъ свѣчи, какъ будто провидя въ немъ все то прошлое, которое здѣсь наполнило его своимъ шелестомъ, тѣнями, ароматами.

— Да... У меня найдутся... найдутся краски, чтобъ заставить все это говорить. Такъ вы мнѣ отдадите, мама?

Мать сразу поняла его и, радостно смѣясь, сказала:

— Да, бери, дорогой мой, бери. Что, видно нашелъ?

— Нашелъ, мама! Нашелъ и теперь уже это не уйдетъ отъ меня.

И, горя нетерпѣніемъ скорѣе начать, онъ предложилъ матери:

— Давайте, мама, я вамъ помогу поскорѣе уложить остальныя вещи.

На что она отвѣтила:

— Нѣтъ, милый; эти вещи скоро укладывать нельзя. Вы себѣ идите, а мнѣ оставьте свѣчу: я ихъ сама уложу.

Онъ взялъ на руки, какъ самую драгоцѣнную вещь, это платье и мелкими быстрыми шажками направился къ себѣ въ мастерскую.

Съ этого дня ни на балахъ, ни на улицахъ, ни даже на товарищескихъ обѣдахъ маленькой фигурки маркиза не показывалось.

Глава II.

Когда прислуга доложила Лосьеву, что его желаетъ видѣть какая-то барышня, онъ былъ занятъ въ мастерской эскизомъ «Спрута» и подумалъ, что это натурщица, которую обѣщалъ ему прислать Николай.

— Попросите сюда,—приказалъ онъ, продолжая возиться съ глиной.

Прислуга удалилась.

Онъ былъ нѣсколько удивленъ, когда увидѣлъ на порогѣ Унику.

Прошло всего четыре дня съ того вечера, какъ они въ первый разъ встрѣтились; онъ не ожидалъ, что она исполнитъ свое обѣщаніе, да еще такъ скоро, и въ первую минуту казался немного смущеннымъ этимъ смѣлымъ появленіемъ и, можетъ быть, своимъ костюмомъ: грубой бѣлой рабочей блузой, доходившей ему до щиколотокъ.

Она какъ будто ждала его перваго слова, стоя у притолоки и не рѣшаясь спуститься внизъ съ трехъ ступенекъ, отдѣлявшихъ ее отъ пола мастерской. Тогда онъ поспѣшилъ ей на встрѣчу, съ руками, вымазанными въ глинѣ, съ лицомъ, еще не остывшимъ отъ возбужденія, всегда охватывавшаго его при любимой работѣ, но протягивая руку, опомнился и, засмѣявшись, воскликнулъ:

— Простите!

Онъ было двинулся къ крану, чтобы вымыть руки, но она остановила его:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это такъ идетъ къ вамъ...

Она притронулась къ кисти его руки и продолжала:

— Вы работайте. Если я не помѣшаю, посмотрю, какъ вы лѣпите. Я никогда не была въ мастерской скульптора.

Онъ вытеръ наскоро руки и осторожно помогъ снять ей весеннюю кофточку, рукава которой не сразу освобождали ея красивыя, въ мѣру полныя руки, и пригласилъ присѣсть на турецкій диванъ, покрытый ковромъ, почти единственную мебель здѣсь, на которую онъ бросался отдыхать во время работы. Но она только кивнула головой на его приглашеніе и продолжала знакомиться съ мастерской, стоя.

Она мелькомъ оглядѣла почти совсѣмъ еще пустую комнату съ большимъ новымъ окномъ, приспособленную по его требованію для мастерской, на эту массу зеленоватой глины въ цинковомъ ящикѣ, на горку палочекъ и начатый эскизъ, и улыбнулась ему.

Онъ не замѣтилъ ни тѣни смущенія или волненія въ ея лицѣ, въ ея улыбкѣ. Она только казалась какъ будто озабоченной.

— Это всѣ ваши инструменты?—указала она на палочки.

— Да, стэки,—машинально отвѣтилъ онъ, пристально вглядываясь въ ея лицо, находя изумительной матовую блѣдность ея кожи, цвѣтъ ея волосъ и почти не узнавая выраженія ея глазъ и губъ.

— Я вамъ кажусь иною, чѣмъ тогда? Не правда ли!

— Да.

— Еще бы. Ночью человѣкъ всегда иной, чѣмъ днемъ, а я особенно.

— Пожалуй.

— Мнѣ кажется, ночью я яснѣе для другихъ, смутнѣе для себя; днемъ—наоборотъ.

— Вы больше любите день или ночь?

— День. Ночь лжетъ и заставляетъ лгать. Я бы не повѣрила любви ночью.

Онъ усмѣхнулся про себя.

Эта барышня, такъ смѣло посѣщающая одинокихъ художниковъ и такъ свободно, въ такомъ тонѣ сама начинающая разговоръ о любви, несмотря на всю свою красоту, внушала ему поверхностный интересъ. Онъ снисходительно воскликнулъ на ея слова:

— О, да, вы философъ, Уника!

— О, нѣтъ! Я слишкомъ проста, чтобы быть философомъ.

Онъ не вполнѣ повѣрилъ этому признанію. Наоборотъ, она казалась ему хитрой, практичной и не особенно искренней,—то что называется—себѣ на умѣ. Онъ нѣсколько скептически относился къ ея невинности.

Внимательно приглядываясь со всѣхъ сторонъ къ еще мало оформленной глинѣ на его рабочемъ станкѣ, она спросила:

— Что это будетъ? Я различаю фигуру голой женщины и что-то еще около ногъ: не то ползучія вѣтки, которыя идутъ изъ земли и обхватываютъ ее, не то волны, которыя лижутъ ее струями.

— Это—спрутъ, впивающійся въ тѣло женщины своими щупальцами,—объяснилъ скульпторъ.

— Спрутъ! Что такое спрутъ?

— Отвратительная липкая и скользкая гадина, живущая въ океанѣ.

— Брр...

Онъ, снисходительно улыбаясь, продолжалъ, оглядывая ея фигуру.

— Представьте себѣ, Уника, что вы купались, и эта живая слизь увидѣла васъ со дна океана, подкралась безшумно, обвила ваше обнаженное тѣло своими мягкими, вьющимися щупальцами...

Она содрогнулась отъ отвращенія.

— Обвила мягко и даже нѣжно, такъ что вы не замѣтили сначала этого прикосновенія, а потомъ оно стало пріятно и тихо щекотать васъ, все глубже впиваясь въ то же самое время въ тѣло и жадно высасывая изъ него кровь.

Въ ея глазахъ отразился настоящій ужасъ, и лицо приняло дѣтски-безпомощное выраженіе. Голосомъ, повышеннымъ отъ неподдѣльнаго волненія, она воскликнула:

— Какъ вамъ пришло на мысль создать такой ужасъ?

— Какъ? Какъ? На этотъ вопросъ и очень трудно, и очень просто отвѣтить.

— Я предпочитаю простой отвѣтъ.

— Ну, конечно! Такъ вотъ... Я увидѣлъ въ одномъ музеѣ этого гада, на котораго смотрѣла прекрасная молодая женщина. Это былъ контрастъ. Остальное создалось само собой.

Онъ попросилъ разрѣшенія курить, на что она отвѣтила тономъ, заставившимъ его улыбнуться.

— Вотъ еще нѣжности! Курите себѣ. Ну,—а не простой?

— Что, не простой?

— Не простой отвѣтъ?

У него, особенно послѣ ея послѣдняго замѣчанія, не было никакой охоты пускаться въ объясненія о творческихъ замыслахъ, которые рождаются въ самомъ существѣ художника, какъ жемчугъ въ раковинѣ, а жизнь только даетъ имъ оправу. Онъ ограничился брошеннымъ вскользь незначительнымъ отвѣтомъ:

— Это символъ... Одинъ изъ символовъ, которыми насъ заряжаетъ сама природа.

— Только васъ?

— О, нѣтъ. Иначе насъ никто бы не понялъ. Но намъ болѣе или менѣе дана возможность проявить это. Ну, снимите же вашу шляпу, Уника. Можетъ быть, вы не откажетесь выпить со мною чашку чая?

Она сняла шляпу и поправила волосы передъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ диваномъ, для чего какъ-то по-дѣтски встала на диванъ на колѣни, чтобы лучше разглядѣть себя, и Лосьевъ видѣлъ при этомъ подошвы ея маленькихъ черныхъ сапогъ на пуговицахъ, почти безъ каблуковъ.

— Но я хотѣла бы видѣть, какъ вы работаете.

И эта поза, и вообще черточки чего-то ребяческаго были безусловно естественны въ ней и потому не только не вызывали

насмѣшки, а наоборотъ, придавали диковатую и милую грацію ея вполнѣ уже налившейся и почти законченной фигурѣ.

— Пожалуй,—невольно любуясь ею, согласился Лосьевъ.—Но станьте на минуту вотъ здѣсь, — онъ указалъ ей мѣсто немного поодаль отъ станка и шутливо добавилъ:

— Я кое-что украду изъ вашего лица.

Она изъ любопытства повиновалась и, когда скульпторъ взялъ въ руки палочки, стала слѣдить за нимъ съ серьезнымъ вниманіемъ и съ тѣмъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ которымъ она появилась передъ нимъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

Онъ пристально и какъ будто съ удивленіемъ вглядывался въ нее, точно видѣлъ ее въ первый разъ, и срѣзалъ стэкой глину съ одной и съ другой стороны лица.

Она старалась не шевелиться, но не сводила съ него глазъ.

Онъ осторожно провелъ по глинѣ пальцемъ, кое-гдѣ слегка нажимая и дѣлая въ то же время невольное движеніе губами, а затѣмъ опять тронулъ стэкой, проговоривъ:

— У васъ удивительно благородныя, правильныя черты.

Она покраснѣла отъ удовольствія, но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, подумавъ въ то же время со слабой надеждой: «вотъ если бы уговорить ее позировать!» Но эти дѣтскія черточки, которыя онъ уловилъ теперь въ очеркѣ ея бровей и губъ, обличавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ страстную, упрямую и сосредоточенную натуру, стирали эту надежду и смущали его скептицизмъ по отношенію къ ней, такъ что онъ въ концѣ концовъ, желая испытать ее, бросилъ стэки и тономъ, не лишеннымъ искренняго огорченія, заявилъ:

— Нѣтъ, что же, это одно баловство! Работать такимъ образомъ, значитъ только понапрасну раздражать себя.

— Почему?—наивно возразила дѣвушка.

Этотъ наивный тонъ еще болѣе обезкуражилъ его.

— Потому что вы все равно не будете позировать мнѣ... — онъ даже не произнесъ обычнаго слова «голая», а замѣнилъ его словомъ «вся».

И тотчасъ же забывъ объ испытаніи, продолжалъ уже съ настоящей искренностью, почти раздраженіемъ:

— Вѣдь къ такой головѣ нужно и тѣло... Такое тѣло, какъ ваше, а это труднѣе, можетъ быть, чѣмъ найти такую голову. У меня по газетному объявленію перебывало съ полдюжины натурщицъ, но я даже не раздѣвалъ ихъ... Мнѣ достаточно взглянуть на фигуру, будь она одѣта въ мѣшкѣ, на походку, на одно-два движенія, чтобы знать ее всю съ головы до ногъ. Это все какія-то сингапурскія макаки, а не женщины. Вотъ и изволь тутъ работать! Конечно, я не успѣю ничего сдѣлать къ выставкѣ, если

и натурщица, которую обѣщалъ прислать Николай, годна только для того, чтобы заключить ее въ банку со спиртомъ и показывать въ музеѣ уродовъ.

— А если натурщица, предоставленная вамъ, будетъ красива, успѣете сдѣлать все?

У него снова блеснула искорка надежды и загорѣлись глаза.

— Разумѣется. У меня эскизъ вполнѣ готовъ... А работаю я, какъ бѣшеный. Разумѣется, успѣю!—съ убѣжденіемъ повторилъ онъ.—Конечно, не въ мраморѣ, а въ глинѣ, въ гипсѣ... У меня все это уже здѣсь... Вотъ въ этихъ пальцахъ... Надо только приняться за глину.

— Отъ души желаю, чтобы вы на этотъ разъ оказались довольны натурщицей.

Это была даже не насмѣшка, которая все же оставляла бы соломинку, это было самое искреннее пожеланіе.

Тогда онъ почти въ отчаяніи воскликнулъ:

— Но помогите же мнѣ.

— Я?!—чистосердечно изумилась она.

— Да... Вы женщина... Дѣвушка... У васъ есть знакомыя подруги. Скажите имъ... Уговорите... Внушите имъ, что ихъ красота сослужитъ, можетъ быть, единственный разъ въ жизни службу людямъ, искусству, что стыдливость ихъ не только не будетъ страдать, а наоборотъ, вызоветъ только чистый восторгъ въ художникѣ...

— Что вы!.. Что вы!..

— Среди нихъ, вѣроятно, есть бѣдныя дѣвушки... Я заплачу сколько пожелаютъ, конечно, въ предѣлахъ благоразумія.

Она въ ужасѣ замахала руками.

— Что вы!... Что вы говорите!..

— Скажите, что это останется тайной... Никто не узнаетъ... Я измѣню черты лица... Мнѣ даже не надо лица... Я его найду, вылѣплю безъ натуры.

Но она продолжала отмахиваться все съ тѣмъ же неподдѣльнымъ ужасомъ и повторять:

— Что вы!.. Что вы!...

— Ну, вотъ! — раздосадованный, сказалъ онъ упавшимъ голосомъ. — Это даже пугаетъ васъ... Такъ и всѣ здѣсь! Проклятый, мѣщанскій городъ! Здѣсь лучше изъ-за денегъ согласятся пойти на позоръ, чѣмъ на позированіе.

Эта рѣзкость вырвалась у него невольно, и онъ тотчасъ же спохватился, но она не замѣтила ея. Повидимому, ей было искренно жаль его въ этой безпомощности, и она поспѣшила его успокоить:

— Ну, подождите, не отчаявайтесь... Я увѣрена, что новая

натурщица понравится вамъ, иначе бы Падаринъ не рекомендовалъ ее.

— Хоть бы ноги были настоящія. Остальное легче найти...— проговорилъ скульпторъ эту, совсѣмъ новую для нея фразу такимъ плачевнымъ голосомъ, что она разразилась неудержимымъ хохотомъ и увлекла этимъ хохотомъ его.

Онъ также быстро перешелъ отъ огорченія къ веселости и сталъ вторить ей. Смѣхъ ея на сильныхъ грудныхъ нотахъ лился, какъ водопадъ. Она вся качалась отъ него съ глазами, наполнившимися слезами, и, наконецъ, принуждена была въ безсиліи опуститься на диванъ.

Такъ они оба смѣялись, смѣхомъ молодости, здоровья и силы. Они на минуту остановились, но, взглянувъ другъ другу въ глаза, принялись смѣяться снова тѣмъ безудержнымъ смѣхомъ, въ которомъ забывается его причина, и онъ вспыхиваетъ, какъ порохъ, для котораго достаточно искры, блеснувшей въ глазахъ другого.

Они были очень удивлены, когда увидѣли въ дверяхъ прислугу, съ озадаченнымъ лицомъ смотрѣвшую на эту веселую пару.

Тогда она сразу остановилась еще съ глазами полными слезъ. Пришла натурщица, и прислуга явилась доложить о ней.

Уника собралась уходить.

— Подождите, вы увидите сами, что эта модель навѣрно окажется не лучше другихъ.

Понятное любопытство удержало ее, и когда вошла довольно стройная и миловидная дѣвушка, скромно одѣтая, жеманная, по виду швейка или модистка, Уника была немного разочарована. Лосьевъ, оживившись, пошелъ ей навстрѣчу.

— Вы по объявленію или...

Но она не дала ему договорить и, смущенная присутствіемъ другой женщины, тихо пробормотала:

— Я отъ Николая Михайловича Падарина.

— Вы позировали когда-нибудь такъ... такъ, какъ надо мнѣ?

— Да, одному художнику.

Тогда Лосьевъ, сразу принявъ дѣловой тонъ, сказалъ:

— Я долженъ видѣть васъ.

Уника, испугавшись этого яснаго намека, сдѣлала снова движеніе уйти, но Лосьевъ остановилъ ее:

— Пройдите въ ту комнату. Мы сейчасъ рѣшимъ.

Она торопливо удалилась съ бьющимся сердцемъ, какъ будто ей, отдѣленной только дверью, приходилось быть соучастницей чего-то предосудительнаго. Она стояла взволнованная, не рѣшаясь даже присѣсть, невольно настораживая слухъ къ шороху и глухому голосу Лосьева.

Она представляла себѣ эту дѣвушку, такъ не похожую на потерявшую стыдъ, обнажавшую себя передъ чужимъ, безразличнымъ ей человѣкомъ, котораго она видѣла въ первый разъ. Она почти ясно ощущала то же смущеніе, какое должна была испытывать эта бѣдная дѣвушка, принужденная изъ-за денегъ подвергать себя этому униженію, когда тебя разсматриваютъ не лучше, чѣмъ знатокъ осматриваетъ и оцѣниваетъ лошадь.

Она чувствовала, какъ у нея горѣли уши и руки сами собой сжимали ткань платья. Но это волненіе такъ же скоро уступило мѣсто другому чувству, пробивавшемуся сквозь природную стыдливость. Она боялась этому безотчетному чувству дать ясное опредѣленіе, но ей хотѣлось одного, чтобы эта дѣвушка оказалось негодной для его работы.

Ожиданіе и томительное безпокойство стало мучить ее, и она, увлекаемая неудержимымъ любопытствомъ, хотѣла наклониться къ замочной скважинѣ, но гордость не позволила ей подглядывать и это еще болѣе мучило ее вмѣстѣ съ тишиной, которая вдругъ наступила за этой дверью. Потомъ она услышала, какъ онъ произнесъ что-то одобрительное, вслѣдъ затѣмъ, щелкнувъ, повернулась ручка двери, чуть не задѣвъ ея лица, и она едва успѣла отпрыгнуть въ сторону, вся красная, трепещущая при мысли, что онъ могъ подумать о томъ, что она подсматривала. Но онъ былъ занятъ своимъ впечатлѣніемъ, и на его лицѣ все еще было это дѣловое спокойное выраженіе, съ которымъ она его оставила.

Въ то время, какъ натурщица продолжала за ширмой оканчивать свой туалетъ, онъ съ полуодобрительнымъ кивкомъ головы сообщилъ Уникѣ:

— Я нашелъ самое главное.

Натурщица одѣлась, но Уника боялась взглянуть на нее и только видѣла, какъ онъ, вѣжливо поклонившись на ея застѣнчивый кивокъ, произнесъ на прощанье:

— Такъ черезъ три дня въ пятницу утромъ жду васъ. Пожалуйста, будьте аккуратны.

Уника была рада, что онъ пошелъ проводить ее: это ей дало возможность придти въ себя, и когда онъ вернулся, она почти освоилась.

— Я нашелъ главное,—сказалъ онъ, продолжая курить папиросу,—ноги и руки, но грудь придется искать у другой модели.

Она, задѣтая этимъ сообщеніемъ, воскликнула:

— Но, вѣдь, это совсѣмъ будетъ не то.

— Что подѣлаешь, когда не удается всѣ имѣть оптомъ, приходится прибѣгать къ розницѣ.

Прислуга вошла спросить, гдѣ приготовить чай.

— Сегодня тепло, хотите пить чай на террасѣ?

— Съ удовольствіемъ, это въ нынѣшнемъ году первый чай на воздухѣ.

Они вышли на террасу, гдѣ нагрѣтый солнцемъ неподвижный воздухъ былъ теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ, и оба потянули его въ себя съ наслажденіемъ, отдаваясь его ласкѣ и пріятному ощущенію свободы, не стѣсненной стѣнами. Къ террасѣ примыкалъ небольшой цвѣтникъ, въ которомъ недавно раскутанныя туйки издавали запахъ смолы и ладона. Въ свѣже вскопанныхъ куртинахъ цвѣли высаженные гіацинты и тюльпаны, горѣвшіе на солнцѣ, какъ лампадки. Цвѣтникъ оканчивался обрывомъ, за которымъ широко размахнулось море; оно было тихое, почти такое же неподвижное, какъ небо, но свѣтло-лиловаго тона. На горизонтѣ море отдѣлялось отъ неба ровной, тонкой фіолетовой лентой, точно поясомъ. Лодки почему-то парами чернѣли на поверхности моря и съ стоящими въ нихъ рыбаками, закидывавшими сѣти, казались вырѣзанными изъ черной бумаги. Солнечные лучи падали въ воду сверкающими гвоздиками, шляпками внизъ, и въ полосѣ этого серебрянаго дождя извивались зеленовато-синія тропинки, точно арабскія надписи на щитѣ; и вся эта ширь была полна впечатлѣніемъ спокойнаго могущества.

— Какъ вы хорошо живете!—съ завистью воскликнула дѣвушка.

Онъ задумчиво возразилъ:

— Люди могли бы жить, какъ боги, а живутъ...

— Какъ животныя,—продолжала она.

— Хуже, какъ паріи.

— Но не у всѣхъ есть возможность такъ жить.

— Вы говорите о деньгахъ,—развѣ въ этомъ суть! Люди не любятъ природу, оторвались отъ нея... Убили въ себѣ способность ею наслаждаться. Отъ этого весь мракъ жизни, вся ея путаница. Разсудочность, практицизмъ, какъ спрутъ, высосутъ у нихъ всѣ соки, роднившіе ихъ съ природой.

Уникѣ многое хотѣлось ему возразить, напомнить о тѣхъ людяхъ, съ утра до ночи задавленныхъ трудомъ, неволей, каменными стѣнами городовъ, но онъ, точно на ея мысли, отвѣтилъ:

— Вся эта вражда съ природой, которую считаютъ заслугой человѣчества, создала рабство, поклоненіе грязнымъ чернымъ трубамъ и граммофонамъ.

Она слушала его, и когда на ея робкій вопросъ:

— Какъ же быть?

Лосьевъ рѣзко отвѣтилъ:

— Надо перестать быть рабами. Надо прислушаться къ этой природѣ, оставшейся въ насъ, съ презрѣніемъ отшвырнуть все, что облипаетъ ее, какъ щупальцы спрута.

Она безсознательно отнеслась къ его словамъ, какъ къ вызову, брошенному ей, и хотѣла быть гордой и смѣлой, такой, какъ требовалъ онъ.

Вѣтеръ незамѣтно зарябилъ море, и оно изъ свѣтло-лиловаго, скромнаго тона перешло сразу въ яркіе перламутровые тона. Уника машинально пила чай, притихшая и сосредоточенная, теряющаяся во власти, которая шла къ ней отъ этого человѣка, отъ его глазъ, голоса и движеній, и вдругъ, точно испугавшись чего-то, она встала и заторопилась уходить.

Онъ не задерживалъ ее, чувствуя въ виду найденной модели, потребность приступить къ работѣ; этотъ аппетитъ такой же жадный, какъ аппетитъ къ ѣдѣ, и онъ больше изъ вѣжливости спросилъ ее:

— Когда же вы снова придете?

Она отвѣтила:

— Я не знаю,—и ушла, удививъ его такимъ неожиданнымъ и нервнымъ уходомъ. Его удивило еще больше, когда она пошла не къ выходу, а свернула на тропинку, ведущую къ морю.

«Странная дѣвушка,—подумалъ Лосьевъ, слѣдя за ея высокой фигурой, колеблющейся между вѣтвями. Въ ней есть что-то дикое и сильное, какъ въ степныхъ цвѣтахъ.—Она кажется женщиной, но минутами лицо ея дышетъ весенней наивностью. Правда ли то, что говорилъ Николай, что она никого не любила?» Эти вопросы не задѣвали его глубоко и не помѣшали ему приняться за работу. Но двѣ-три черты дѣвушки, которыя онъ успѣлъ намѣтить въ глинѣ, невольно останавливали его вниманіе, и онъ продолжалъ на память возстановлять ея черты, этотъ низкій, упрямый лобъ съ выдававшимися надбровными дугами, удивительно прямой носъ и слегка выдающійся подбородокъ, который придавалъ ея лицу своевольное и гордое выраженіе.

Отъ лица его мысли перешли къ ея фигурѣ, и она смутно и притягательно рисовалась въ его воображеніи, и его мучила неудовлетворенность и раздраженіе художника. Глина послушно уступала его рукамъ, и онъ съ какимъ-то сладострастіемъ иногда проводилъ по ней пальцами, какъ будто лаская ее.

Уника спускалась по узкой, крутой и еще необхоженной тропинкѣ, мимо заколоченныхъ дачъ, разсѣянныхъ по скату. Иногда она оглядывалась назадъ, думая найти его глаза, слѣдящіе за ней—вѣдь онъ видѣлъ, какъ она пошла—но на обрывѣ никого не было.

Справа доносился сочный звукъ топора и одинокая пѣсня: тамъ строили плотники новую дачу, и оттуда вѣтерокъ доносилъ весенній запахъ свѣже-распиленнаго дерева

Между стволами сквозили косые лучи склонившагося къ западу солнца; одни изъ этихъ стволовъ казались золотыми, другіе—

совсѣмъ черными, а красныя вѣтви вереска вились по глинистымъ обрывамъ, точно струи крови.

Почти изъ-подъ ногъ ея со свистящимъ шорохомъ въ молодой зеленой травѣ, перепутавшейся съ засохшей прошлогодней травой, мелькнула серебристаго цвѣта ящерица, не успѣвшая еще принять той окраски, которая ее сливаетъ съ зеленой травой.

Можетъ быть, змѣя?

Дѣвушка вздрогнула, слегка похолодѣла и то жуткое ожиданіе чего-то новаго и громаднаго, что наполняло ее вотъ уже нѣсколько дней, стало еще сосредоточеннѣе, глубже и острѣй. Кровь поднималась отъ сердца къ головѣ, сообщая мыслямъ свои томительныя предчувствія и оттуда разливалась по всему тѣлу лихорадочнымъ трепетомъ, въ которомъ былъ и жаръ, и ознобъ, и жажда чего-то невѣдомаго.

Эти дни съ первой ихъ встрѣчи онъ не выходилъ у нея изъ головы, она слышала его напряженный, вибрирующій голосъ, дѣйствовавшій на нее, какъ музыка ночью; этотъ смѣхъ вспыхивающій, какъ его взглядъ, въ которомъ была скрыта для нея неотразимая, притягательная власть.

Она любила его. Любила въ первый разъ; эта любовь упала въ нее, какъ молнія, и зажгла ее всю.

Она знала это и съ испугомъ и радостью повторяла: «это любовь... это любовь... это любовь». И поразительно ново, могуче и властно звучало для нея это слово, она раздѣляла его на слога, видѣла мысленно каждую букву, оно казалось ей какой-то огненной птицей, пѣсни которой наполняли ея сердце. Она эта птица, жила здѣсь, вокругъ нея, на землѣ, въ небѣ, въ морѣ, въ зеленыхъ листьяхъ, въ ней самой. Ей хотѣлось опрометью подняться наверхъ и бросить ему это слово, со всѣмъ, что есть въ ней.

Но она шла впередъ, легкая и воздушная, не чувствуя своего тѣла, съ гордой улыбкой вспоминая его любовавшіеся ею глаза, его слова:

«У васъ удивительно благородныя правильныя черты».

Ей хотѣлось отъ этихъ словъ смѣяться веселымъ, звонкимъ смѣхомъ и говорить ему: «Вамъ нужна модель? Почему же ею не быть мнѣ? Мнѣ, которая васъ любитъ, понимаетъ ваши волненія? Почему передъ вами должна быть обнаженной другая женщина, а не я? Почему вы не можете отъ меня взять то, что такъ просто берутъ художники отъ природы».

Ей вдругъ все это представилось такъ естественно, какъ естественно, что она смотритъ на это открытое море, на вздымавшіяся волны, на живые переливы ихъ красокъ. Ей захотѣлось смѣяться, и она опустилась на песокъ совсѣмъ около волнъ и— свѣтлыя, крупныя слезы упали ей на колѣни.

Волны съ легкимъ шумомъ набѣгали на песокъ, почти касаясь ея ногъ и, какъ бы желая обласкать ее, шелестѣли успокаивающимъ, ласковымъ шорохомъ.

Между ихъ хрустально-зелеными изгибами расползалась пурпуровыми тонами тонкая сѣтка заката, и пѣна, при каждомъ набѣгѣ оторачивающая зубчатымъ узоромъ ихъ края, таяла на пескѣ, такая же легкая и розовая, какъ заря.

Воздухъ осушилъ на щекахъ слѣды протекшихъ слезъ, но долго она съ удовольствіемъ ощущала ихъ, и та же упорная мысль сдѣлала ея лицо рѣшительнымъ, даже суровымъ. Она встала и нѣсколько тяжелой, настойчивой походкой стала подниматься наверхъ.

Ни стука топора, ни голосовъ уже не было слышно; тишина точно выходила изъ земли, падала съ неба, вмѣстѣ съ сумерками. Она шла въ этой тишинѣ, въ этихъ сумеркахъ, странная и новая сама себѣ.

Въ ея мысляхъ мимолетно пронеслись образъ матери... отца, но ихъ смыла быстрая волна, и они показались ей далекими и чуждыми.

Когда она поднялась на верхъ и въ глубинѣ аллеи увидѣла его домъ, тамъ еще не было огня; домъ казался ей сказочнымъ и точно звалъ ее, какъ глазами, своими темными окнами.

Не встрѣтивъ никого въ первой комнатѣ, она прямо прошла къ нему въ мастерскую. Ей прежде всего мелькнула въ углу дивана огненная точка его папиросы. Эта точка поднялась, и передъ ней бѣлымъ призракомъ предстала его фигура—все еще въ рабочемъ балахонѣ.

— Уника! — удивленный произнесъ онъ и двинулся къ ней. Огненная точка, какъ свѣтлякъ, мелькнула въ воздухѣ и упала на полъ. Она прижавшись къ двери, стояла, придавленная жестокимъ, неумолимымъ упорствомъ ея чувства.

— Уника,—взволнованнымъ шопотомъ произнесъ онъ.

Она съ тѣмъ же упорствомъ въ голосѣ, какое было у нея въ крови, сказала:

— Я буду вамъ позировать.

Онъ понялъ все... Понялъ, что ее сюда привлекло, съ протянутыми руками сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней и почувствовалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Еще свѣжая отъ вечерней прохлады щека коснулась его щеки, онъ встрѣтилъ своими губами ея губы, ея горячее дыханіе скользнуло по его щекѣ къ уху и онъ сталъ покрывать поцѣлуями ея лицо, шею, руки, безсознательно повторяя:

— Какая вы милая... милая, Уника.

Ея близость опьяняла его кровь, и вдругъ, какъ холодная

молнія,—мысль пронизала его сознаніе, что сейчасъ можетъ совершиться непоправимое, роковое.

У него нашлось силы спросить ее:

— Вы... вы... никому... никого не любили?

Она поняла его боязнь и солгала:

— Да... нѣтъ... любила...

И она вдругъ почувствовала, какъ та огненная птица схватила ее сильными, властными крыльями и она потерялась въ ней.

Когда она открыла глаза, онъ стоялъ поодаль, закрывъ лицо руками и призрачно бѣлѣя въ сумракѣ.

Она встала и ушла, прежде чѣмъ онъ опомнился.

Глава III.

Утромъ Лосьевъ всталъ съ непріятной мыслью, что сегодня у него должна состояться первая суббота.

Три дня тому назадъ, посовѣтовавшись съ Николаемъ, онъ пригласилъ къ себѣ Цвѣтаева и Лозинскаго. Первый обѣщалъ но Лозинскій, этотъ гордый, замкнутый, всѣхъ дичившійся чудакъ, непріятно усмѣхаясь и гримасничая, отказался отъ приглашенія, даже не поблагодаривъ его.

«Отложить эту субботу? подумалъ онъ.—«Невозможно».

Онъ былъ потрясенъ и взволнованъ вчерашнимъ до глубины души. Она солгала... Солгала гордо, обдуманно, желая, очевидно, этимъ освободить его отъ всякой отвѣтственности, отъ укоровъ совѣсти. Надо было имѣть много силы и любви, чтобы рѣшиться на такую ложь. Это его волновало, трогало и привлекало къ ней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было оскорблено самолюбіе мужчины. могущество и власть котораго были унижены этимъ гордымъ подвигомъ. Это уничтожало то мягкое покровительственное чувство, которое имѣетъ особенное очарованіе для мужчины въ его отношеніяхъ къ женщинѣ.

Въ связи съ этой огромной жертвой съ ея стороны онъ съ досадой сознавалъ незначительность и односторонность своего чувства къ ней.

Занятый весь день невольными хлопотами къ предстоящему обѣду, онъ то и дѣло возвращался мысленно къ ней, взглядывалъ на часы и все ждалъ, что вотъ вотъ она появится... Ему мерещилось, какъ въ сумеркахъ, длиннымъ пятномъ, въ дверяхъ появилась ея фигура, и дрожь пережитого наслажденія пробѣгала по всѣмъ его членамъ.

Войдя въ мастерскую, онъ снялъ мокрыя тряпки и сталъ вглядываться въ мимолетно-намѣченныя черты, желая охватить

всю тайну ея поступка... и какъ бы проникнувъ ее, онъ съ жаромъ внутренняго восторга сказалъ самъ себѣ:

— Это великолѣпно. Это настоящій человѣкъ!

И то, что вчера еще смутно ему мерещилось, теперь являлось как бы угаданнымъ, точно, не видя ее, онъ съ поцѣлуемъ, впиталъ въ себя ея формы, какъ слѣпой, видѣлъ ее своимъ осязаніемъ.

Онъ сгладилъ всю глину, исключая лицо и сталъ быстрыми ударами стэкъ и пальцевъ намѣчать ея формы.

Журавли явились всѣ, за исключеніемъ Кича. Отсутствіе маленькаго Кича бросалось въ глаза: онъ никогда не пропускалъ субботъ.

Николай воскликнулъ:

— Господа! Не унесъ ли маленькаго маркиза коршунъ, принявъ его за цыпленка.

— Или онъ потонулъ въ новой шляпѣ?—подхватилъ Симоновъ.

— Гдѣ твоя половина?—пристали они къ Апостоли.

— Собственно говоря, шутки въ сторону, можетъ быть, онъ боленъ?—замѣтилъ гуманный баронъ.

— Нѣтъ, нѣтъ онъ здоровъ,—отвѣтилъ Апостоли,—но Алексѣй бѣшено работаетъ и никого не принимаетъ.

— Да, клянусь вамъ, его унесъ коршунъ.

Въ Соловковѣ, видѣвшемъ въ природѣ только траурныя пятна, какъ-то уживалась вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная склонность къ карикатурѣ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ набросокъ; огромный коршунъ схватилъ за воротникъ маленькаго Кича и уноситъ его въ облака; тотъ изъ всѣхъ силъ барахтается въ воздухѣ ручками и ножками, а его большая шляпа падаетъ и закрываетъ всѣхъ журавлей.

— Я видѣлъ его,—добавилъ Плотниковъ,—онъ мчался съ цѣлымъ ворохомъ книгъ.

— Ужъ не собирается ли онъ занять каѳедру философіи въ мѣстномъ университетѣ,—сострилъ Полозовъ.

— Или ищетъ себя въ книгахъ?

— Въ родословныхъ; вѣдь онъ маркизъ.

— Можетъ быть, въ родовспомогательныхъ.

Послѣднее нелѣпое слово разсмѣшило всѣхъ.

Однако, посмѣявшись, они искренно пожелали, чтобы Кичъ выставилъ на этотъ разъ что-нибудь интересное, чтобы возстановить свою репутацію.

Вѣтвицкій наканунѣ утромъ былъ у Лосьева съ короткимъ визитомъ. Онъ просто сказалъ, что обстоятельства ему не позволяютъ быть на обѣдѣ, но причинъ не объяснилъ, и никому и въ голову не приходило доискиваться ихъ: это было вполнѣ естественно въ его положеніи.

Столъ былъ накрытъ въ мастерской, какъ въ самой большой комнатѣ. Лосьевъ постарался его сервировать такъ, какъ онъ былъ сервированъ у Вѣтвицкаго, не были забыты и цвѣтущіе гіацинты посреди стола.

Художники оцѣнили эту деликатность. Она облегчала имъ послѣ шестилѣтней привычки переходъ къ новому мѣсту.

— Я точно овдовѣлъ,—тихо сказалъ Плотниковъ Перовскому.

— Да, братъ, вѣрно. Что ни говори тамъ, за собой мы оставили кусочки своей молодости.

— У васъ просто кошачья привычка къ мѣсту,—опредѣлилъ легкомысленный Симоновъ.

— Ну, да ты цыганъ, у тебя ничего нѣтъ святого, ты любишь смѣну.

— Соловковъ, увѣковѣчь этихъ меланхолическихъ овдовѣвшихъ котовъ,—нисколько не обидясь, обратился Симоновъ къ товарищу.

Но Соловковъ былъ занятъ другимъ. Изрѣдка взглядывая на Лосьева, онъ быстро, нервно гримасничая, чертилъ карандашомъ, а черезъ плечо его глядѣлъ Бугаевъ съ веселой улыбкой, расплывавшейся во все его широкое, рябое лицо, приговаривая;

— Здорово, ей-Богу, чортъ тебя подери.

Лосьевъ по просьбѣ Николая, съ видимой неохотой снявъ съ глины мокрыя тряпки, показывалъ ему почти законченный эскизъ.

При первомъ же взглядѣ на работу, на эти едва намѣченныя черты лица, опытный взглядъ художника уловилъ нѣчто знакомое. Онъ далекъ былъ отъ мысли, что Уника позируетъ ему, и счелъ это капризомъ воображенія скульптора. У него не было ревности; наскучивъ безплоднымъ ухаживаніемъ за Уникой, онъ перенесъ свое увлеченіе на одну изъ хорошенькихъ подругъ сестры, которыя вдругъ нахлынули къ нимъ въ домъ, узнавъ о событіи. Онъ вскользь спросилъ:

— Была у тебя моя натурщица?

— Да, спасибо. Она позировала тебѣ первому?

— Позировала?.. Да, первому,—съ усмѣшкой отвѣтилъ Николай.—Ты будешь ею доволенъ, она не совсѣмъ опытна, но зато будетъ стоять, какъ камень.

Бугаевъ, все съ той же широкой улыбкой, шелъ къ Лосьеву чтобы пригласить его посмотрѣть на каррикатуру. Но при первомъ же взглядѣ на эскизъ, улыбка быстро пропала въ его лицѣ, и глаза, почти испуганно остановились на глинѣ.

Лосьевъ медленно и ловко обернулъ глину мокрой тряпкой и пошелъ на зовъ товарищей, которые, смѣясь, приглашали его взглянуть на его портретъ.

Огромная женщина, похожая на обезьяну, кормила большой

полной грудью своего четверорукаго младенца, одѣтаго, однако, по послѣдней модѣ, даже съ повязаннымъ щегольски галстухомъ. Не только лицо, но и костюмъ, и галстухъ, все было уродливо смѣшно, но удивительно похоже на Лосьева.

Онъ не могъ не расхохотаться.

— Вы подарите мнѣ, непремѣнно подарите мнѣ эту каррикатуру! Я ее вставлю въ рамку и повѣшу у себя надъ постелью, какъ вѣчное «memento».

Онъ поднялъ каррикатуру наравнѣ со своимъ лицомъ и воскликнулъ:

— Лосьевъ и природа!

Всѣ безобидно разсмѣялись. Только одинъ баронъ щепетильно шепнулъ въ сторону:

— Собственно говоря, неловко это; онъ могъ обидѣться.

На самомъ дѣлѣ, это обстоятельство сдунуло еще одну тѣнь въ общемъ настроеніи и больше сблизило художниковъ съ Лосьевымъ.

Обѣдъ не начинался, потому что ждали Цвѣтаева.

Лосьевъ, чувствуя себя неспособнымъ въ этотъ день лично занимать гостей, обратилъ ихъ вниманіе на гравюры и офорты, привезенные имъ изъ-за границы.

Онъ любилъ это искусство, имѣющее въ своемъ распоряженіи только свѣтъ и тѣни: оно близко подходило къ скульптурѣ. Онъ поклонялся Максу Клингеру. Торжественная строгость его гравюръ, съ этими выкованными линіями поражала его своею пластичностью и изяществомъ, и онъ находилъ, что нѣкоторые мотивы производятъ въ гравюрѣ даже большее впечатлѣніе, чѣмъ въ краскахъ.

На него возстали, особенно колористы.

Соловковъ своимъ грубымъ, тяжеловѣснымъ языкомъ называлъ гравюры сущей мертвечиной.

— Вотъ вы все толкуете о природѣ, а гдѣ въ природѣ гравюра? Развѣ есть въ природѣ скелеты?

— Но вѣдь природа не только внѣшній міръ.

— Знаю. А все-таки гравюра—сущая мертвечина.

— Это вашъ вкусъ, а не убѣжденіе,—возразилъ Лосьевъ.

Но Соловковъ упорно и раздражительно стоялъ на своемъ.

— На камнѣ и на стали, тоже... иголкой воспроизводятъ эту природу.

Товарищи не поддерживали его односторонних и несправедливыхъ возраженій, тѣмъ болѣе, что знали его склонность къ противорѣчію и нетерпимость въ спорахъ.

Больной отъ сквернаго питанія въ молодости, онъ вѣчно возился съ какими-то желудочными недугами, сдѣлавшими его раз-

дражительнымъ и нервнымъ: они щадили его, но горячо возстали на защиту красокъ, отрицая мнѣніе Лосьева.

— Нѣтъ ничего, что нельзя бы было передать въ краскахъ.

— Я не знаю ничего, кромѣ красокъ, звуки и то имѣютъ свои краски,—горячился Плотниковъ.

Николай подтолкнулъ Лосьева и сказалъ:

— О, вы его еще не знаете! Это такой колористъ, что даже закуски къ водкѣ выбираетъ по тонамъ.

Перовскій, всегда прибѣгавшій къ сравненіямъ и образамъ въ своихъ рѣчахъ, проговорилъ:

— Я отчасти понимаю Соловкова; онъ колористъ по натурѣ, живописецъ, а у живописца всѣ впечатлѣнія, всѣ ощущенія должны идти къ краскамъ. Краски—это голоса природы. Развѣ они весной не поютъ гимнъ возрожденія, а осенью—реквіемъ!

— Ого, это геніально!—стукнувъ кулакомъ по столу, воскликнулъ Соловковъ.—Вотъ я то же самое говорю.

— Если хотите—краски это живые голоса природы, а гравюры—музыка,—тихо докончилъ Перовскій.

— И все же вы глубоко ошибаетесь, что гравюра не можетъ быть самостоятельнымъ творчествомъ. Взгляните, развѣ Клингеръ не геніаленъ здѣсь? Какъ это пластично, сильно и красиво! Развѣ вы не чувствуете этихъ живыхъ, колеблющихся линій тѣла?

Всѣ согнулись надъ картиной, которую Лосьевъ вытащилъ изъ-подъ остальныхъ гравюръ.

— Ничего не чувствую,—буркнулъ Соловковъ.

Разсматривая гравюру, никто не замѣтилъ, какъ вошелъ Цвѣтаевъ. Онъ былъ маленькаго роста, но отыскалъ себѣ мѣстечко среди склоненныхъ головъ, и съ своей мягкой улыбкой, которая всегда чувствовалась у него въ голосѣ, произнесъ:

— А, Клингеръ! Я его очень люблю.

Всѣ во главѣ съ Лосьевымъ радостно обернулись къ нему, почтительно здороваясь и привѣтствуя своего любимаго учителя, которому многіе изъ нихъ были обязаны свѣжестью своихъ стремленій въ живописи и, можетъ быть, пламенной любовью къ искусству.

Застѣнчиво улыбаясь сквозь сѣдые, густые усы, закрывавшіе его безхарактерный ротъ, учитель пожималъ имъ руки и дружески кивалъ головой въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія.

Какъ онъ ни упирался, его подъ руки, какъ архіерея, усадили на почетное мѣсто и поставили передъ нимъ всѣ цвѣты, потому что знали, что онъ любитъ цвѣты, какъ дѣтей.

Онъ былъ растроганъ и сконфуженъ этимъ пріемомъ, а они, несмотря на многіе годы, отдѣлявшіе ихъ отъ школы, чувство-

вали себя въ его присутствіи мальчиками, учениками, которымъ онъ поправлялъ работы, бранилъ и поощрялъ, и нерѣдко помогалъ не только совѣтомъ.

Его наперерывъ стали угощать, одинъ предлагалъ ему напитки, другой закуски.

Онъ не успѣвалъ отвѣчать.

— А икры, а семги, а ветчины?

Они весело прибавляли и прибавляли на тарелку всего, что было на столѣ, и когда Николай поднесъ Цвѣтаеву цѣлую гору всякой всячины, тотъ съ шутливымъ ужасомъ воскликнулъ, пародируя старину:

— Падаринъ, выйдите вонъ изъ класса!

Взрывъ веселаго, молодого смѣха покрылъ его слова.

И онъ самъ смѣялся не меньше другихъ, охваченный этимъ порывомъ молодости, согрѣтый теплой лаской благодарныхъ сердецъ, въ которой сказывалось, кромѣ того, глубокое уваженіе къ его таланту.

— Я чувствую, господа, какъ я молодѣю въ вашемъ обществѣ. Полозовъ, посмотрите, не растутъ ли у меня на головѣ волосы. Положительно я долженъ бывать на вашихъ субботахъ.

Всѣ съ веселымъ энтузіазмомъ встрѣтили его слова, плохо, однако, вѣря въ ихъ осуществленіе: художникъ обожалъ своихъ восьмерыхъ дѣтей, оставленныхъ ему годъ тому назадъ умершей женой.

Лосьевъ при первомъ же визитѣ къ нему засталъ его собственноручно обмывавшимъ ребенка, который плохо велъ себя въ люлькѣ. У него всегда кто-нибудь изъ дѣтей былъ боленъ, иногда по двое, по трое вмѣстѣ. Не довѣряя вполнѣ нянькѣ, онъ самъ возился съ ними, укачивая ихъ на рукахъ, измѣряя температуру, перемѣняя пеленки.

Такъ было и при женѣ, такъ провелъ онъ цѣлые годы, урывая часы для живописи отъ дѣтей и школы, которая давала ему необходимыя жалкія основныя средства для существованія. Надо было имѣть большой талантъ, чтобы не закиснуть окончательно среди этихъ пеленокъ и учениковъ, но онъ все еще держался и отъ времени до времени давалъ полныя нѣжной грусти, прекрасныя, колоритныя вещи, въ которыхъ отражалась его глубокая, чистая добрая душа. И даже профаны въ живописи, при взглядѣ на его тихіе пейзажи съ одинокими, грустными фигурами, говорили: «это писалъ Цвѣтаевъ».

Обѣдъ шелъ оживленно и весело. Къ концу всѣ порядочно выпили и засыпали своего учителя рѣчами. Даже трижды пропѣли ему «славу», правда не особенно стройно, но съ большимъ воодушевленіемъ. Онъ былъ растроганъ до слезъ, но плохо говорилъ,

когда дѣло не касалось искусства и дѣтей и потому отдѣлывался смущенной благодарностью и дружескимъ пожиманіемъ рукъ.

Въ самый разгаръ обѣда вошла горничная и направилась къ хозяину.

Прежде чѣмъ она успѣла что нибудь сказать, Лосьевъ поблѣднѣлъ: ему представилось, что пришла Уника, но прислуга доложила о приходѣ новаго гостя—Полунина. Лосьевъ, успокоенный, всталъ ему навстрѣчу.

Всѣ быстро рѣшили встрѣтить поэта свистками и шиканьемъ за опозданіе къ обѣду и церемонность. И едва на порогѣ появилась худощавая, прямая фигура, подъ руку съ хозяиномъ, градъ насмѣшекъ и свистковъ встрѣтилъ его.

— Не давать ему обѣдать, судить его...

Но вѣчно лечившійся отъ худосочія поэтъ, криво улыбаясь, объявилъ, что онъ на строжайшей діетѣ, и потому это наказаніе теряетъ для него свою силу.

Тогда они потребовали отъ него прочтенія новыхъ стиховъ.

Полунинъ согласился. Онъ охотно читалъ свои стихи въ этой чуткой, художественной компаніи.

Всѣ притихли, поддаваясь обаянію этого обманчиваго луннаго свѣта, такъ похожаго на любовь, окутывающаго все своей блѣдно-зеленой прозрачностью, отчего лицо любимой дѣвушки становится мертвеннымъ, пока счастливая слеза блеснетъ на лунномъ свѣтѣ, озаривъ тайну.

— Какъ это хорошо! Это почти живопись! Блѣдно-зеленая прозрачность и именно въ лицѣ любимой дѣвушки. Я давно ищу этихъ ночныхъ тоновъ, эту дрожащую музыку красокъ,—задумчиво-ревниво произнесъ Полозовъ.

— Нашъ толстякъ становится сентименталенъ, какъ бабочка,—сказалъ Симоновъ.

— Да, живопись въ послѣднее время все тѣснѣе и тѣснѣе соприкасается съ поэзіей и музыкой,—замѣтилъ Цвѣтаевъ.

— Немудрено, она ведетъ ихъ за собой,—сказалъ Перовскій.

— За Мане пошелъ Поль Верленъ, за геніальнымъ Беклиномъ пойдетъ вся поэзія.

Беклинъ былъ божокъ Перовскаго: онъ поклонялся ему и благоговѣлъ передъ нимъ.

— Ну, сѣлъ теперь на своего единорога,—крикнулъ Апостоли.

— А по твоему пойдутъ за Уистлеромъ?—насмѣшливо отвѣтилъ Перовскій.

— Очень просто.

Другіе тоже начали называть своихъ любимцевъ среди большихъ европейскихъ художниковъ, родственныхъ каждому изъ нихъ: кто своими тонами, кто таинственными мотивами.

Каждый своему любимцу приписывалъ первенствующую роль. Плотниковъ кричалъ: «Милле», Соловковъ—«Таулоу».

— Поди ты къ чорту со своимъ Таулоу, надоѣлъ онъ въ послѣднее время,—возмутился Апостоли.

Полунинъ сталъ оспаривать первенство поэзіи надъ живописью.

Лосьевъ возразилъ ему на это, что онъ не правъ, такъ какъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія воспринимаются глазомъ, а глазъ, естественно, болѣе изощренъ у художниковъ.

— Да вѣдь не всѣ же впечатлѣнія внѣшнія!—обрушился Полунинъ.—Есть еще цѣлый міръ впечатлѣній, который вы какъ будто не хотите знать. Есть добро и зло, истина и ложь, свобода и насиліе. Все это требуетъ также вниманія къ себѣ.

— А развѣ мы внѣ добра и зла, лжи и истины! Только мы не такъ непосредственно служимъ этому,—возразилъ Симоновъ,— какъ, ну скажемъ, проповѣдники.

— Ну, чего тамъ! Чему служимъ! Себѣ только служимъ!— Проворчалъ Соловковъ.

— Поди ты къ чорту! Лжешь самъ на себя и на живопись. Если ты служишь только себѣ, почему же ты не взялся въ ресторанѣ у Милова плафонъ расписать? Вѣдь тебѣ за это предлагали больше, чѣмъ ты заработаешь, ну, скажемъ, уроками.

— Противно, поэтому и не взялся.

— Вѣроятно, поэтъ хочетъ насъ упрекнуть въ томъ, что въ насъ мало гражданственности...—обидѣлся Виртъ.

— А что же, не правда это?—упорствовалъ Соловковъ.

— Такъ и писалъ бы нищаго, котораго гонятъ богачи, или оборваннаго мальчика, съ завистью глядящаго въ дверь школы.

— Все хорошо, что хорошо написано.

— Не о томъ вы,—пробовалъ возразить Полунинъ, но ему не давали говорить. Художниковъ задѣли его слова, въ которыхъ имъ почудился нѣкоторый упрекъ въ равнодушіи къ общественнымъ идеаламъ.

— У живописи своя область,—говорилъ Полозовъ,—какъ своя область у музыки, у слова.

— Однако, древніе умѣли сочетать...

— Ерунда!

— Нѣтъ, не ерунда.

— Живопись переживаетъ теперь кризисъ. Это лабораторія, гдѣ ищутся новыя формы, новыя средства.

— Живопись всегда переживала такой кризисъ!

Разгорѣлся споръ, въ результатѣ котораго оказалось, что изъ спорящихъ мало кто знакомъ не только съ древними мастерами, но и съ оригиналами своихъ любимцевъ. Тогда практическій и изобрѣтательный Апостоли сталъ кричать:

— Господа! Господа! Я намѣренъ вамъ сдѣлать предложеніе. Но голосъ его терялся въ общихъ крикахъ. Онъ умоляюще обратился къ Бугаеву:

— Ты, горластый, крикни имъ хорошенько, что я хочу сдѣлать важное предложеніе.

— Идетъ,—согласился тотъ и протрубилъ своимъ сильнымъ басомъ:

— Господа! грекъ хочетъ сдѣлать важное предложеніе, слушайте, слушайте.

Онъ поставилъ его на столъ съ такой легкостью, какъ будто это была кукла.

Апостоли, воспользовавшись минутнымъ молчаніемъ, провозгласилъ:

— Господа, я хочу сдѣлать вамъ одно важное предложеніе.

— Слышали! Къ дѣлу!—закричали со всѣхъ сторонъ.

— Грекъ хочетъ предложить намъ отправиться на ловлю губокъ.

— Что же, если красивыхъ губокъ, я не прочь,—скаламбурилъ Николай. Поднялся смѣхъ и свистъ. Апостоли сдѣлалъ обиженную гримассу.

— Вотъ черти, съ ними нельзя говорить серьезно.

— Слушайте, слушайте, грекъ хочетъ говорить серьезно!—опять протрубилъ Бугаевъ.

Кое-какъ удалось возстановить нѣкоторую тишину.

— Господа, я хотѣлъ бы сдѣлать вамъ одно такое предложеніе.

— Ну, я убью его, если онъ еще разъ повторитъ это,—возмутился Соловковъ.

— У меня явилась идея для изученія живописи устроить совмѣстную поѣздку за границу.

Почти всѣ сочли это за насмѣшку, засвистали, закричали:

— Долой съ трибуны!

Кто-то пустилъ въ него пробкой.

Но мало-по-малу успокоившись, согласились его выслушать.

Онъ не разъ былъ за границей, и по его вычисленіямъ, оказывалось, что если каждый въ субботнее собраніе будетъ вносить по два рубля, къ концу года поѣздка за границу обезпечена.

Къ этому предполагалась выставка и продажа этюдовъ, вся выручка съ которой должна была поступить въ общій вояжерскій фондъ. Апостоли подробно развивалъ планъ путешествія, куда входило странствованіе пѣшкомъ тамъ, гдѣ интересно. Это обѣщало быть заманчивымъ и забавнымъ.

Въ концѣ концовъ всѣ сдались. Тѣмъ, кто не могъ по отсутствію средствъ позволить себѣ путешествіе за границу, эта затѣя особенно улыбалась. Другіе также присоединились къ нимъ изъ

*

товарищескихъ соображеній. Первый взносъ здѣсь же былъ сдѣланъ самимъ Апостоли.

— Ты будешь нашимъ Кукомъ,—окрестилъ его Полозовъ.

Всѣ подхватили это прозвище. Кончили тѣмъ, что Кука, сначала встрѣченнаго насмѣшками, стали качать и онъ подлеталъ на воздухъ при смѣхѣ и крикахъ товарищей.

Цвѣтаевъ вполнѣ одобрилъ эту поѣздку и пожалѣлъ, что не можетъ отправиться съ ними, чтобы еще разъ взглянуть на своихъ любимцевъ, Тиціана, Рембранда, у которыхъ, по его словамъ, онъ многому научился.

Только одинъ Лосьевъ возсталъ противъ этого предложенія.

— Я не путешествіе имѣю въ виду, путешествіе—вещь превосходная и я съ удовольствіемъ присоединюсь къ вамъ. А вотъ это изученіе. Надо забыть все, что дѣлали геніи когда-то: въ искусствѣ лучше дать немного отъ себя, чѣмъ много отъ другихъ; краски, свѣтъ, движеніе—все это передъ вами. Изучайте ихъ въ природѣ, она богаче всѣхъ художниковъ міра. Надо стать дѣтьми, чтобы что-нибудь дать новое въ искусствѣ.

Цвѣтаевъ мягко возразилъ ему, что это крайность, что непосредственность большая вещь, онъ самъ стоитъ за нее, но въ искусствѣ есть техника. Вмѣсто того, чтобы добиваться ея лично, ее можно взять готовой; зачѣмъ открывать Америку, когда она уже открыта.

Обѣдъ былъ конченъ, кофе выпитъ. Въ мастерской стало душно и накурено; кто-то сдѣлалъ предложеніе пойти къ морю.

Цвѣтаевъ собрался уходить домой; онъ былъ не совсѣмъ здоровъ, къ тому же безпокоился о дѣтяхъ. Они не стали его задерживать и отпустили, шутливо ссорясь изъ-за того, кому помочь одѣть его: кто держалъ шляпу, кто кашне, а кто старенькое пальто, которое едва не разорвали, надѣвая на учителя.

Цвѣтаевъ въ передней продолжалъ:

— Возьмите вы, кто изъ великихъ мастеровъ не копировалъ стариковъ; они, какъ пчелы, брали съ этихъ цвѣтовъ лучшій медъ. И, увѣряю васъ, многое въ импрессіонизмѣ есть уже повтореніе стараго. Я помню руку на картинѣ Тиціана въ Венеціи. Когда я пристально въ нее вглядѣлся, я увидѣлъ ту же мозаику красокъ, которая считается теперь новаторствомъ, тѣ же черточки и точки, но только все это, какъ бы вамъ сказать, рафинированное.

Нѣкоторые ушли съ Цвѣтаевымъ, а остальные отправились къ морю.

По дорогѣ Лосьевъ вскользь спросилъ Николая, когда свадьба.

— Ровно черезъ три недѣли. Борисъ опомниться не даетъ, и отлично дѣлаетъ,—оно спокойнѣе,—докончилъ, смѣясь, Николай.

Лосьевъ пристально посмотрѣлъ на Николая, желая угадать, что онъ этимъ хочетъ сказать, но Николай, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ насвистывать итальянскую пѣсенку и этимъ снова возвратилъ мысли Лосьева къ Уникѣ.

Они спустились къ морю. Море было такъ спокойно, точно въ немъ спряталась сама тишина. Эффектъ вечерняго, луннаго свѣта былъ такъ необыченъ, что художники въ изумленіи остановились передъ нимъ.

Луна розовато-желтаго цвѣта отражалась на густой, неподвижной синевѣ широкимъ изумрудно-зеленоватымъ пятномъ, отъ котораго тоже въ свою очередь, исходило трепещущее сіяніе. Этотъ зеленоватый свѣтъ Полозовъ назвалъ развратомъ въ природѣ. Несмотря на позднія сумерки, заря еще отсвѣчивала, и воздухъ былъ весь напоенъ этимъ необычайно зеленовато-золотистымъ свѣтомъ.

Перовскій, снявъ шляпу, долго задумчиво стоялъ, очарованный этимъ капризомъ природы и, наконецъ, сказалъ:

— Кажется, что день еще смотритъ сквозь закрытыя рѣсницы.

Полунинъ поцѣловалъ его въ голову за эти слова.

Нѣкоторые пожалѣли, что не захватили этюдника. Другіе возстали на нихъ, считая грубостью пользоваться подобнаго рода эффектами, и потомъ надо же хоть когда-нибудь быть зрителемъ, а не только живописцемъ.

Возбужденное настроеніе ихъ не покидало. Они стали бросать рикошетомъ камни, кувыркаться, закапывали другъ друга въ песокъ, пѣли надъ закопаннымъ «вѣчную память».

Лосьевъ, охваченный безотчетной грустью, пошелъ вдоль берега и вдругъ увидѣлъ на пескѣ что-то бѣлое и легкое, какъ пѣна, это былъ платокъ, женскій платокъ, забытый или оброненный здѣсь.

Онъ оглянулся: ни одной женщины не было вокругъ него, тогда онъ вспомнилъ объ Уникѣ, несомнѣнно это она забыла платокъ. Время еще было глухое, никому не приходило въ голову гулять здѣсь. Онъ кончикомъ палки поднялъ этотъ платокъ. Отъ него все еще отдѣлялся едва уловимый ароматъ духовъ и морской сырости, впитанной имъ за эту ночь.

— Что это у тебя за знамя?—крикнулъ ему издали Николай.

— Знамя любви,—громко и возбужденно отвѣтилъ Лосьевъ, чувствуя снова приливъ силъ, молодости и радостныхъ ощущеній.

Онъ присоединился къ товарищамъ и они гурьбой пошли вдоль берега.

Глава IV.

Лосьевъ ждалъ Унику съ волненіемъ, почти съ раздраженіемъ, причину котораго онъ самъ не понималъ и не хотѣлъ объяснять себѣ, точно боялся, что это объясненіе вызоветъ какія-нибудь неожиданныя послѣдствія.

Ея приходъ сразу объяснитъ гораздо больше, чѣмъ онъ самъ въ силахъ это сдѣлать.

Достаточно будетъ ея перваго взгляда, чтобы угадать, если не все, то многое.

Былъ ли это только моментъ, стихійная вспышка, случайность?.. Но нѣтъ, о случайности тутъ не могло быть и рѣчи. Или что-нибудь болѣе важное, глубокое и фатальное? Во всякомъ случаѣ, къ этому нельзя отнестись такъ легко.

Онъ почти готовъ былъ негодовать на себя за то, что допустилъ это. Тѣмъ болѣе, что онъ никогда раньше не могъ упрекнуть себя въ распущенности. Что же его такъ толкнуло къ ней? Любовь? Если бы была любовь, она бы послужила ему оправданіемъ.

Другое лицо, другіе глаза проплыли передъ нимъ, какъ облако. Любви не было.

И все же, при мысли о ней онъ чувствовалъ безпокойное и томительное движеніе крови и странный холодокъ въ рукахъ и ногахъ. А въ мастерской было натоплено, жарко, въ ожиданіи натурщицы.

Ему хотѣлось сдѣлать сильное движеніе, поднять что-нибудь тяжелое; онъ схватилъ двадцатифунтовыя гири, но вспомнилъ, что для работы нужна твердая рука, а гимнастика утомила бы его мускулы.

Одна и та же мысль, неизмѣнно повторявшаяся въ его умѣ со вчерашняго дня, вставала и теперь передъ нимъ какой-то дикой загадкой: «Зачѣмъ она солгала?» И какъ онъ вчера не бросился за ней вслѣдъ, не догналъ ее и не спросилъ объ этомъ!

Онъ опустилъ гири на полъ и онѣ тихо покатились. Одна гиря догнала другую, стукнулись объ нее, и вмѣстѣ съ глуховатымъ металлическимъ звукомъ раздался стукъ въ дверь.

— Войдите!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ и самъ замеръ, подавшись впередъ съ напряженнымъ, жаднымъ вопросомъ въ глазахъ.

Какъ и наканунѣ, Уника остановилась на порогѣ, блѣдная до того, что казалась вся холодной. Она была страшно взволнована, но въ этомъ волненіи не замѣчалось и признака смущенія.

Глаза ея такъ же выжидательно были устремлены на него, но это было совсѣмъ иное выраженіе, чѣмъ въ его глазахъ. У нея не было ни малѣйшей тревоги, скорѣе было простое и горделивое сознаніе своего независимаго чувства, добровольно отданнаго во власть другому.

Первыя слова, которыя у него вырвались, были:

— Зачѣмъ вы солгали?

Ее какъ будто изумилъ этотъ вопросъ. Она подняла плечи и съ ясной, сразу вспыхнувшей безпредѣльной покорностью въ глазахъ, точно вбирая въ себя слова, проговорила однимъ дыханіемъ:

— Но вѣдь я люблю васъ.

Ей, очевидно, это представлялось также естественно, какъ полетѣть, когда есть крылья, или броситься въ волны, когда жарко.

И видя засіявшую въ ея лицѣ счастливую улыбку, которая мгновенно возвратила ей свѣжесть, румянецъ и тепло, онъ устыдился вдругъ своей нечистой тревоги и своего маленькаго раздраженія, схватилъ ея руки и сталъ цѣловать ихъ, не сводя съ нея восторженныхъ глазъ, видя ее совсѣмъ новой и близкой себѣ, повторяя все повышающимся и крѣпнувшимъ голосомъ:

— Вы чудо, вы чудо, вы чудо!

— Нѣтъ, я люблю васъ, я только люблю васъ, вотъ и все.

Она сказала это такъ просто, что навязчивый вопросъ, тревожившій его, распадался самъ собою, какъ разрѣзанный узелъ. Онъ ни въ чемъ уже не упрекалъ себя, не досадовалъ и ни въ чемъ не раскаивался. А слова ея, между тѣмъ, падали, падали, какъ первый весенній дождь.

— Я полюбила васъ, какъ только услышала вашъ голосъ. Я помню каждое ваше слово, каждое движеніе. Я помню, какъ вы со смѣхомъ сказали: «Это высоко, какъ Монбланъ! Вѣроятно, такую же лѣстницу видѣлъ Іаковъ во снѣ». И странно, всѣ мужчины, которые тамъ были, съ этой минуты какъ будто перестали для меня быть мужчинами.

Она засмѣялась, сама удивленная этимъ открытіемъ, и, инстинктивно сжимая его руки и глядя въ его глаза, тяжело перевела дыханіе и, поблѣднѣвъ, уже совсѣмъ другимъ, глубокимъ и серьезнымъ голосомъ, сказала:

— И я увидѣла, что вы, только одинъ вы... И вотъ я пришла...

Она не знала, что ей сказать дальше, закинула голову, закрыла глаза въ глубокомъ экстазѣ и, сразу взмахнувъ рѣсницами, отчего взглядъ ея блеснулъ какъ зарница, тихо, какъ бы безсознательно, поднесла его руку къ губамъ и поцѣловала нѣжнымъ, проникающимъ поцѣлуемъ.

И въ то же самое время онъ ощутилъ на своей рукѣ слезы. Ласково поднявъ за подбородокъ ея опущенную голову, онъ медленно поцѣловалъ сначала одинъ ея глазъ, потомъ другой, чувствуя на своихъ губахъ солоноватую влагу, вмѣстѣ съ которой онъ точно впиталъ въ себя всю мягкость и трогательную беззавѣтность ея чувства.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и, слегка запрокинувъ голову, поцѣловалъ ее прямо въ губы.

Она какъ-то вдругъ вся затихла, но тутъ же ласково и осторожно отстранивъ его, сказала:

— Теперь мы будемъ работать. Вѣдь я твоя натурщица.

Она въ первый разъ выговорила это «ты» съ удареніемъ, но безъ усилія; и въ этомъ сказывалась не только непосредственность и ясность ея чувства, но и довѣріе къ нему.

Онъ ощутилъ самоувѣренную бодрость и то веселое безпокойство передъ работой, которымъ онъ дорожилъ и которое самъ любилъ въ себѣ.

— А! Хорошо! Теперь будемъ работать! — воскликнулъ онъ, улыбаясь здоровой и трезвой улыбкой.

Товарищески взялъ ее за руки и почувствовалъ нервный трепетъ въ концахъ ея пальцевъ. Ободряюще пожавъ ея безпомощные въ эту минуту пальцы, онъ подвелъ ее къ высокой японской ширмѣ, съ вытканными на ней шелкомъ журавлями, и сказалъ, стараясь придать голосу возможно большую мягкость и непринужденность:

— Здѣсь ты раздѣнешься.

Она съ строгимъ лицомъ повернулась отъ него и пошла за ширмы медленной походкой, немного выдвинувъ впередъ грудь и выгибая спину.

Онъ взглянулъ ей вслѣдъ, и въ ея движеніи, въ переливающихся линіяхъ ея фигуры онъ угадалъ все, что она должна была сейчасъ испытывать. Его охватило глубокое волненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ гордость красивой и сильной побѣды. Онъ сдѣлалъ порывисто нѣсколько неопредѣленныхъ и быстрыхъ шаговъ, потомъ вдругъ остановился посреди мастерской и, какъ-то вытянувшись, не глядя на ширмы, весь обратился въ слухъ.

За ширмами было тихо.

Онъ ясно представилъ себѣ, какъ она стоитъ тамъ передъ зеркаломъ, не рѣшаясь дотронуться до перваго крючка, чтобы раздѣться.

Въ странномъ замѣшательствѣ, не зная, что ему дѣлать, машинально закурилъ онъ папиросу, но тотчасъ же забылъ о ней и она погасла, сломанная въ его пальцахъ. Онъ вспомнилъ объ

эскизѣ и снялъ съ глины мокрыя тряпки. Приглядѣлся, ткнулъ стэкой около бедра фигуры, но затѣмъ оставилъ это и сталъ, умѣряя свои движенія, лихорадочно формовать глину вокругъ каркаса, напѣвая въ то же время преслѣдовавшій его все это утро мотивъ испанскаго болеро, которое въ первый разъ услышалъ онъ въ ея исполненіи, но скоро онъ оборвалъ пѣніе.

Изъ-за ширмы донеслось:

— Пойте!

Тогда онъ громко и бравурно взялъ нѣсколько нотъ и тутъ же услышалъ за ширмой шелестъ и шуршаніе матеріи.

Она быстрыми, вѣрными движеніями сняла съ себя кофту, юбку, стоя передъ большимъ трюмо на коврѣ, на которомъ возлѣ кресла стояли маленькія греческія туфли. И по мѣрѣ того, какъ она обнажала свое тѣло, она ощущала теплую волну, которая текла отъ сильно нагрѣтой желѣзной печки, стоявшей поблизости.

Она спѣшно сорвала съ себя послѣднія части своей одежды, и вдругъ встала во весь ростъ передъ зеркаломъ, съ удивленіемъ и любопытствомъ оглядывая свое четкое отраженіе такими же чужими глазами, какіе смотрѣли на нее оттуда.

Она въ первый разъ видѣла всю себя: свое расцвѣтшее, но еще не пышное тѣло. Ей хотѣлось уловить въ себѣ смущеніе, стыдъ, и ее поражало, что этого нѣтъ.

Онъ все еще пѣлъ, но и въ голосѣ его слышалось ожиданіе. Она торопливо сунула ноги въ туфли, и ей тутъ же пришло въ голову, что эти туфли надѣвали другія; она сбросила ихъ и босая, спокойная и гордая, вышла изъ-за ширмъ.

Онъ не ожидалъ такъ скоро ея появленія, и когда, сдѣлавъ крутой поворотъ, обернулся къ ней, точно захлебнувшись послѣдними звуками мотива, какъ-то даже отшатнулся и невольно забормоталъ, оторопѣвъ:

— Боже! Боже!

Она, видя его восторгъ, улыбаясь, спросила:

— Гдѣ мое мѣсто?

Онъ ввелъ ее на туръ, покрытый медвѣжьей шкурой,—шутливо скомандовалъ: «Modèle à la pose», перенесъ маленькую керосиновую печку изъ-за ширмъ и поставилъ неподалеку отъ нея.

Во время этой суеты онъ не смотрѣлъ на нее, давая ей, такимъ образомъ, нѣсколько освоиться съ новымъ положеніемъ. Но это, наоборотъ, ее смущало. Почти вдохновенный порывъ ея гордой рѣшимости какъ-то самъ собою погасалъ и она вдругъ почувствовала свою наготу. Почувствовала, что ея тѣло начинаетъ сжиматься, какъ бы желая втянуть внутрь весь стыдъ наготы.

Она боялась сдѣлать движеніе, чтобы не выказать еще болѣе своей наготы, чтобы не вызвать къ себѣ его вниманія.

Когда онъ, наконецъ, отойдя отъ нея, неожиданно обернулся и охватилъ ее сразу холоднымъ и чуткимъ взглядомъ скульптора, она какъ-то сразу замерла, и боязнь, что ея сжавшееся тѣло, съ ослабѣвшими мускулами, съ невольно подгибающимися колѣнями, можетъ показаться ему некрасивымъ, жалкимъ, заставила ее вдругъ выпрямиться и сразу порвать ту внутреннюю паутину, которая начинала ее обволакивать. Она почувствовала себя свободной и легкой, легкой до того, что ей казалось, будто она стоитъ на воздухѣ, и не глядѣла на него; ея глаза были устремлены куда-то въ пространство помимо всего.

Онъ смотрѣлъ на модель, ощущая проникающій въ него отъ этой красоты экстазъ, таинственный, почти мистическій. Глаза какъ бы наполнялись этой красотой, напитывались ею, они проникали дальше этой внѣшней гармоніи линій и красокъ, какъ бы возсоздавали симфонію красоты.

Онъ забылъ о томъ, что это тѣло принадлежало ему, что она была ему близка,—она казалась ему теперь недосягаемо-далекой.

И какъ человѣкъ, который и во снѣ боится утратить несбыточное видѣніе, раскрыть глаза, очнуться, такъ и онъ стоялъ передъ ней, не шевелясь, поблѣднѣвшій и глубоко взволнованный. И прежде онъ испытывалъ подобное чувство при видѣ красивой натуры, но никогда съ такою силою и чистотою. Конечно, она была красивѣе всѣхъ. Но тутъ примѣшивалось что-то другое, высшее.

Однако, не смотря на этотъ восторженный экстазъ, отъ его взгляда не укрылось ни одного перелива линій.

Обычная зоркость скульптора помогла ему ясно все увидѣть и все прочувствовать въ этой красотѣ.

Она настолько угадала его настроеніе и между ними образовалась такая атмосфера, что достаточно было одного движенія его глазъ, чтобы она перемѣнила положеніе.

Тогда онъ вспомнилъ о глинѣ; взглянулъ на станокъ и воскликнулъ:

— Какъ я могъ! Какъ я смѣлъ!

Затѣмъ быстрымъ движеніемъ онъ приблизился къ станку, и хотя его поразило, что въ этомъ эскизѣ такъ много было угадано, онъ все же безъ сожалѣнія смялъ свою прежнюю работу, и принялся лѣпить снова, повторяя:

— Да, да... такъ. Откиньте немного торсъ... вправо... чуть-чуть влѣво... Такъ... такъ и надо... такъ и стойте... Это чудо! Это чудо что такое!

Онъ большими кусками поднималъ изъ ящика глину, набрасывалъ ее на каркасъ и въ то же время то быстрыми ударами стэки, то сильными движеніями рукъ придавалъ ей извѣстную форму.

Онъ не чувствовалъ жары, не чувствовалъ пота, который выступалъ на лицѣ и отъ котораго волосы тяжелѣли и прилипали ко лбу.

Мягкая, жирная глина какъ будто оживала подъ его руками и выдавала тайну творчества, разлитаго во всей природѣ и, какъ теперь, чудомъ сосредоточеннаго въ человѣческихъ рукахъ.

Онъ точно боялся, что это чудо можетъ исчезнуть, и, работая, не видѣлъ времени. То подходилъ къ ней, то къ своему станку, всматривался во всѣ тонкости ея линій и иногда, чтобы лучше прочувствовать ихъ, проводилъ осторожно по тѣлу пальцемъ, закрывая глаза.

Она сначала стояла легко, но затѣмъ мускулы ея стали постепенно тяжелѣть и дрябнуть, члены нѣмѣть и терять свою одухотворенную жизненность, между тѣмъ какъ тамъ эта безформенная масса, эта зеленоватая земля мало-по-малу принимала формы ея живого тѣла и какъ бы впивала въ себя ея жизнь.

Унику пугало, что она можетъ нарушить работу, ставшую ей близкой, родной.

Теперь для нея особенно выяснилась любовь къ нему, въ которой она видѣла высшее предназначеніе.

Напряженными усиліями воли она возвращала тѣлу прежнюю упругость, чувствуя кровь, которая разливалась подъ ея кожей, почти слыша этотъ гимнъ крови.

Въ ушахъ отъ напряженныхъ усилій раздавался отдаленный, однообразный, тягучій звонъ. Въ сдержанномъ свѣтѣ апрѣльскаго дня, проникавшаго черезъ широкое окно, заставленное бѣлымъ тонкимъ экраномъ, стояла синеватая дымка. «Отъ его папиросы» слабо мелькнуло у нея, но все же это придавало всему какое-то необъяснимое очарованіе.

Въ этой дымкѣ, вмѣстѣ съ усталостью какъ бы обволакивавшей ее, онъ терялъ въ ея глазахъ свой настоящій обликъ. Его движенія казались ей мощными, фигура такой громадной, величавой, что отъ всего этого на нее вѣяло первобытной легендой:

«И Богъ взялъ кусокъ глины, создалъ образъ и подобіе Свое и вдохнулъ въ него душу живую».

Въ эту минуту она сама себѣ казалась необходимымъ символомъ этого творчества. И нагота ея, въ которой она не видѣла уже ничего стыднаго, была какъ бы частью этой величавой библейской легенды.

Тепло, медленно восходившее отъ ногъ по ея тѣлу, какъ будто

поднимало ее и уносило, и ей хотѣлось опуститься, опереться на него.

Онъ началъ замѣчать, что въ ея тѣлѣ что-то мѣшаетъ ему работать.

Линіи какъ будто неуловимо измѣнялись. Онъ искалъ, въ чемъ эти измѣненія: какое-то темное пятнышко все чаще и чаще начинало мелькать у него въ глазахъ. Неужели это могло ему мѣшать? Онъ еще не разобралъ, что это за пятно, и, прищурившись, сталъ медленно приближаться къ ней, не сводя глазъ съ этого пятна на лѣвой рукѣ, немного пониже красиваго, чистаго ската плеча.

Вдругъ она замѣтила его взглядъ, поняла... вспомнила, и ей сразу показалось, что она летитъ куда-то въ бездну. Мгновенно захотѣлось сорвать изъ-подъ ногъ мѣхъ и натянуть на свое тѣло.

Лосьевъ стоялъ около нея и смотрѣлъ прямо въ эту точку.

Это была буква «Г», вытравленная на кожѣ, какъ это дѣлаютъ моряки. И ему вспомнилось, что съ именемъ Уники было связано имя какого-то моряка. Это открытіе его покоробило. У него сразу мелькнуло грубое и презрительное сравненіе: «клейменая, какъ лошадь». Все его чистое, творческое настроеніе схлынуло; онъ почувствовалъ себя грубо оскорбленнымъ, чуть ли не обманутымъ.

Скрививъ губы, онъ какъ-то снизу вверхъ взглянулъ на нее и увидѣлъ лицо, залитое той особой краской стыда и униженія, которая дѣлаетъ лицо жалкимъ и безпомощнымъ. Ея, какъ бы мгновенно увядшія губы, съ судорожной гримасой улыбки бормотали:

— Это ничего... это ничего. Клянусь тебѣ. Это ничего... Это я сама. Это вздоръ... Онъ даже не зналъ... клянусь тебѣ... Онъ не видѣлъ... Это шалость... глупость... Я уничтожу это!

Она какъ-то суетливо шевелила руками, точно боясь ихъ протянуть ему, но онъ безжалостно и даже зло смотрѣлъ на нее, тщательно счищая въ то же время съ рукъ глину и бросая ея мягкіе куски прямо на работу, не обращая вниманія на то, что они портятъ ее.

Влажная глина глухо шлепалась о влажную глину, и Уникѣ казалось, что эти комки, ставшіе грязью, оскорбительно липнутъ къ ея тѣлу.

Точно выдавленныя, крупныя капли слезъ выступили у нея на глазахъ. Она опустила голову и большая слеза упала на ея голую ногу.

Увидѣвъ эту каплю на голомъ пальцѣ ноги, она сразу вспомнила свою наготу и послѣ той сказки, которую переживала за минуту передъ этимъ, почувствовала себя страшно, незаслуженно

оскорбленной и униженной. Въ ней вспыхнула гордость. Она вызывающе тряхнула головой и прямо въ упоръ, почти съ ненавистью стала смотрѣть ему въ глаза.

Но въ то же время въ ней кипѣлъ страхъ, боязнь, что все сейчасъ погибло. Ей хотѣлось зубами вырвать этотъ кусокъ на рукѣ, сдѣлать какой-то безумный поступокъ, который заставилъ бы его устыдиться, раскаяться.

Лосьевъ холодно, съ той же презрительной улыбкой выдерживалъ ея взглядъ.

Уника дикими и растерянными глазами сбвела комнату. На табуреткѣ, среди горки стэкъ, поблескивала холодная сталь скульптурнаго ножа.

Она рванулась, однимъ прыжкомъ очутилась тамъ и, схвативъ ножъ, рѣзкими движеніями лезвія перекрестила эту букву.

Тонкими струйками выступила кровь и теплыми, красными ручейками полилась по ея рукѣ. Она почти не почувствовала боли, но, увидѣвъ эту кровь, какъ ребенокъ растерялась, выпустила изъ рукъ ножъ и тихо заплакала, опустившись на диванъ.

А. Өедоровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ **).

Событія 1830—1840 годовъ въ Ирландіи. О'Коннель и «Молодая Ирландія». Начало «великаго голода».

I.

Начавшіяся вскорѣ послѣ эмансипаціи католиковъ ирландскія волненія явственно обнаружили, что актъ 1829 года не только не все, но даже и не самое главное, что представлялось необходимымъ для

---

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь 1904 г.

**) Кромѣ общихъ работъ по исторіи Ирландіи въ XIX в., указанныхъ въ прежнихъ примѣчаніяхъ, а также уже названныхъ біографій О'Коннеля, написанныхъ Dunlop'омъ, Valsayre, la Faye, Lecky, см. еще слѣд.: 1) „Annual Register“ за 1830, 1831, 1832, 1833, 1835, 1840, 1841, 1842, 1843, 1846, 1847 гг.; 2) *Duffy*, „Joung Ireland“. A fragment of irish history 1840—1845 (Lond. 1896); 3) *Duffy*, „Four years of irish history (1845—1849)“. Lond. 1893; 4) *Lewis*, „On local disturbances in Ireland and on the irish church question“ (Lond. 1836); 5) *R. Barry O'Brien*, „Fifty years of concessions to Ireland 1831—1881“, (Lond. in. 8, годъ не обозначенъ); 6) „Two centuries of Irish history 1691—1870“, with introduction by I. Bryce, Lond. 1888 (авторы: *Sullivan, Sigerton, Bridges, Fitzmaurice, Thursfield*); 7) *Ball*, „The reformed church of Ireland“ (1537—1886), Lond. 1886; 8) *Bellesheim*, „Geschichte der Katholischen Kirche in Irland“ (Mainz, 1890); 9) Antonio *Pittaluga*, „La questione agraria in Irilanda, studio storico-economico“ (Roma, 1894); 10) *Gustave de Beaumont*, „L'Irlande sociale, politique et religieuse“, Paris. 1863; 11) „Reports of state trials“. New Series, V, 1843 to 1844 (Lond. 1893); 12) *Mac Carthy*, „Ireland since the union“, Lond. 1887; 13) *Nisbet*, „Land tenure in Ireland“. Edinb. 1887; 14) *Montgomery*, „The history of land tenure in Ireland“; 15) Два тома отчетовъ комитета палаты лордовъ 1824 г., „Minutes of evidence taken before the select commitee of the house of lords“, и такіе же отчеты 1832 г. (важны для пониманія соціально-экономическаго положенія Ирландіи и въ послѣдующее время); 16) *Hervé*, „La crise irlandaise depuis la fin du XVIII siecle jusqu'à nos jours“ (Paris, 1885); 17) „The irish crisis“ (статья о „великомъ голодѣ“ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, стр. 229—320, „The Edinburgh Review“, 1848 годъ, кн. 175, томъ 87, январь). 18) *Walpole*, „History of England“, vol. IV и V.

полнаго умиротворенія страны. Упадокъ цѣнъ на продукты земледѣльческаго труда, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ, отнюдь не препятствовалъ лендлордамъ съ усиленною суровостью требовать аккуратной уплаты арендныхъ повинностей и сгонять неисправныхъ плательщиковъ, ибо населеніе страны увеличивалось, и въ желающихъ арендовать тотъ или иной участокъ недостатка не было; арендная плата все росла и росла въ массѣ ирландскихъ округовъ; десятина въ пользу англиканской церкви взималась съ неукоснительностью. Въ 1830 году былъ голодъ, охватившій центральные округи, и всѣ обычныя бѣдствія ирландскаго крестьянина усилились. Стали особенно часты случаи, когда арендаторъ уплачивалъ деньги «посреднику» *), отъ себя снимавшему землю у лендлорда, а тотъ не уплачивалъ лендлорду ничего и уходилъ, послѣ чего лендлордъ сейчасъ же сгонялъ ни въ чемъ неповиннаго крестьянина, не слушая никакихъ моленій и убѣжденій и зная твердо, что законъ на его сторонѣ. Въ противуположность лендлордамъ Англіи, лендлорды Ирландіи не строили фермъ и не ремонтировали ихъ, вообще, ничего не дѣлали на пользу арендатора: они только давали ему кусокъ земли и требовали за нее условленную плату, а ужъ арендаторъ, если ему неугодно было спать подъ открытымъ небомъ, долженъ былъ выстроить себѣ жилище (откуда его и выгоняли вонъ, когда онъ не могъ уплатить арендныхъ денегъ за землю). Населеніе Ирландіи въ 1831 году было ровно 7.765.000 чел., т.-е. оно почти удвоилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1780 гг. страна выдвинула «бѣлыхъ парней», а количество земли, отдававшейся въ аренду—въ однихъ округахъ оставалось прежнее, а въ другихъ сократилось, вслѣдствіе расширенія пастбищъ; никакого прогресса агрикультурнаго тоже не было; невѣжество и темнота царили прежнія. И всѣ эти условія порождали прежнія явленія.

«Бѣлые парни» появились вновь, и съ начала 1830 годовъ усилились въ весьма серьезной степени. Они появились въ разныхъ графствахъ подъ разными кличками, хотя, обыкновенно, объединялись этимъ традиціоннымъ названіемъ; отдѣльными отрядами совершали они свои дѣла, и, какъ и прежде, окрестное населеніе укрывало и спасало ихъ своимъ соучастіемъ и своими свидѣтельствами; какъ и прежде, они вскорѣ навели ужасъ на землевладѣльческій классъ и на англиканское духовенство. Но нѣчто новое появилось въ ихъ организаціи; они ставили предъ собою вполнѣ сознательно опредѣленную общую цѣль: измѣненіе аграрной системы въ Ирландіи. Англійскій изслѣдователь (Льюисъ) говоритъ о нихъ: «ассоціацію бѣлыхъ парней можно разсматривать, какъ обширный трэдъ-юніонъ для покровительства ирландскому крестьянству, причемъ ихъ цѣль—не регулировать размѣры платы или количество рабочихъ часовъ, но сохранить за нынѣшнимъ аренда-

---

*) См. I главу этихъ очерковъ.

торомъ его землю и, вообще, устроить отношенія между лендлордомъ и арендаторомъ къ выгодѣ послѣдняго». Въ XVIII вѣкѣ бѣлые парни весьма много силъ посвящали борьбѣ противъ десятины и ея сборщиковъ; теперь же эта сторона ихъ дѣятельности нѣсколько отошла на задній планъ, и все вниманіе ихъ обратилось на лендлордовъ, на случай повышенія арендной платы, случаи изгнанія неисправныхъ плательщиковъ и семей умершихъ арендаторовъ съ ихъ участка и т. д. Въ эти же 1830 годы происходили и обширные коллективные отказы отъ уплаты десятины, но «бѣлые парни» въ этомъ спеціальномъ движеніи не играли руководящей роли. Они считались тутъ лишь съ репрессіей, вызывавшейся этимъ движеніемъ. Какой именно слой крестьянъ поставлялъ преимущественно «бѣлыхъ парней?» Трудно вполнѣ точно на этотъ вопросъ отвѣтить. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ парламентскою анкетою лицъ выразили убѣжденіе, что «бѣлые парни» вербовались, главнымъ образомъ, изъ бѣднѣйшаго класса арендаторовъ, изъ изгнанныхъ арендаторовъ и изъ батраковъ, наемныхъ сельскихъ рабочихъ, служившихъ какъ у землевладѣльцевъ, такъ и у арендаторовъ позажиточнѣе. Они, обыкновенно, по ночамъ избивали или убивали арендаторовъ, занявшихъ участокъ, откуда лендлордъ предъ тѣмъ изгналъ кого-либо; убивали управляющихъ, иногда лендлордовъ, жгли дома; съ 1832 года тѣ же явленія стали происходить все чаще и чаще среди бѣлаго дня. Окрестное населеніе молчаливо и незамѣтно укрывало убійцъ, пока не прекращался первый, горячій розыскъ. «Обращаются ли многіе къ этой ассоціаціи за покровительствомъ?» спросили парламентскіе слѣдователи въ 1832 году сквайра Диллона. «Да, они полагаютъ, что у нихъ нѣтъ другого покровительства», отвѣтилъ спрошенный. Къ «бѣлымъ парнямъ» крестьяне обращались не всегда, а, повидимому, преимущественно въ наиболѣе трудныхъ обстоятельствахъ, именно для борьбы съ лендлордами. Что касается до десятинной подати, то здѣсь, какъ сказано, чаще были случаи массовой борьбы, демонстративныхъ массовыхъ отказовъ и волненій, нежели проявленія террористической тактики, хотя и проявленія эти не отсутствовали. Въ графствѣ Мисѣ, въ 1831 году, крестьяне, путешествуя огромными толпами, разгоняли сельскихъ рабочихъ съ господскихъ земель, угоняли рабочій скотъ. Въ графствѣ Клэръ былъ убитъ въ томъ же году лендлордъ Блудъ, чрезъ мѣсяцъ другой лендлордъ Сайнджъ, спустя короткое время въ Тайперери зарѣзали судью, къ которому ворвались, чтобы достать имѣвшееся въ его домѣ оружіе. Было установлено, что въ этомъ 1831 году вслѣдствіе неурожая картофеля въ одной только западной побережной полосѣ Ирландіи около двухсотъ тысячъ человѣкъ жестоко страдало отъ голода и не имѣло никакихъ средствъ помочь себѣ и своимъ семьямъ.

Голодъ охватилъ графства Мэйо, Голвей, Слиго, Клэръ. Крестьяне съ женами и дѣтьми вооружались чѣмъ попало, дубинами, домашней

утварью и шли доставать оружіе открытымъ грабежомъ у лендлордовъ и всѣхъ, кто оружіе имѣлъ. Затѣмъ они, уже вооруженные, разрушали изгороди, объявляли пастбища уничтоженными и тутъ же начинали на этой землѣ работать, а иногда просто располагались бивуакомъ. Приходили войска и прогоняли ихъ, часто послѣ кровопролитной схватки. Крестьяне угоняли скотъ, принадлежавшій священникамъ англиканской церкви, или, если по условіямъ угнать его было нельзя, то избивали на мѣстѣ. Начались суды и смертныя казни. Усилились нападенія на военные отряды и полицейскія команды, приходившія для усмиренія. Въ іюнѣ 1831 года въ Уэксфордѣ населеніе деревни Сентъ-Мэри отказалось платить десятину и оказало отчаянное сопротивленіе, когда власти рѣшили описать имущество неплательщиковъ; было убито на мѣстѣ тринадцать крестьянъ и двадцать пять ранено. Отказы въ уплатѣ десятины участились въ невѣроятной степени. Въ ноябрѣ 1831 года въ Кильненни была кровопролитная схватка между войсками и крестьянами; крестьяне бѣжали, оставивъ нѣсколько труповъ на мѣстѣ. Спустя нѣсколько дней (тамъ же) крестьяне убили начальника полицейскаго отряда и двѣнадцать человѣкъ его подчиненныхъ, пришедшихъ взыскивать десятину. Ожесточеніе было такое страшное, что растерзали маленькаго сына этого начальника, который былъ съ отцомъ, и замучили тѣхъ полицейскихъ, которые не сразу умерли, а подавали еще признаки жизни. Въ 1832 г. волненія продолжались. Разомъ въ нѣсколькихъ ирландскихъ графствахъ стали жечь дома и убивать тѣхъ, кто не соглашался участвовать въ отказахъ отъ уплаты десятины. Констебли и всѣ чины, которые принимали участіе въ сборѣ десятины, умерщвлялись руками тайныхъ убійцъ или же, среди бѣла дня, отдѣльными крестьянскими отрядами. Въ Кэшелѣ убили камнями среди бѣла дня архидіакона изъ-за десятинной подати, на которой онъ настаивалъ. Тутъ же, въ полѣ, работали люди, но никто не вмѣшался и никто не выдалъ убійцъ. «Кто только какимъ-либо путемъ связывалъ себя со сборомъ десятины, не могъ впродолженіи хотя бы одного часа быть увѣреннымъ въ безопасности своего имущества или своей жизни», говоритъ современникъ. Въ Уэстмисѣ крестьяне напали на полицію съ намѣреніемъ отнять у нея оружіе; въ Донегэлѣ они врывались въ дома лендлордовъ и силою заставляли ихъ подъ угрозой немедленной смерти подписывать новые договоры (объ уменьшеніи арендной платы; въ Кильненни съ 1832 года возставшіе уже нерѣдко жестоко наказывали не только за уплату десятины, но и за платежъ аренды. Убійства людей, осмѣливавшихся занять ферму, съ которой лендлордъ прогналъ прежняго арендатора, быстро слѣдовали одно за другимъ. Судьи и прокуроры, объятые страхомъ предъ тайными и открытыми убійствами, иногда отказывались разсматривать дѣла объ аграрныхъ преступленіяхъ и откладывали ихъ. Такъ, въ мартѣ 1832 г., атторней въ Кильненни отложилъ уже назначенные къ слушанью про-

цессы объ убійствахъ полицейскихъ чиновъ, открыто заявивъ, что «по всей странѣ существуетъ столь распространенное соглашеніе противиться уплатѣ десятины и защищать всѣхъ, которые могутъ быть привлечены за это къ отвѣтственности,—что цѣли правосудія не могутъ быть достигнуты». Присяжные засѣдатели разбѣгались и прятались, несмотря на жестокіе штрафы (50 фунтовъ стерлинговъ), наказывавшіе неявку въ судъ. Привлекавшіеся къ суду часто оправдывались, несмотря на всѣ улики, а свидѣтелей обвиненія еще чаще находили послѣ суда либо убитыми на улицѣ, либо на дому. Англиканскихъ священниковъ убивали открыто, въ ихъ саду, на полѣ, на дорогѣ среди бѣла дня,—и виновные не находились. Оффиціально было установлено, что за одинъ только 1832 годъ ирландское движеніе выразилось въ чудовищныхъ цифрахъ. Въ этомъ году въ Ирландіи были совершены слѣдующія преступленія, вызванныя борьбою противъ лендлордовъ и десятинной подати: сто семьдесять два убійства, четыреста шестьдесятъ пять разбоевъ, пятьсотъ шестьдесятъ восемь ночныхъ грабительскихъ вторженій въ обитаемые дома, четыреста пятьдесятъ пять случаевъ избіеній и порчи скота, двѣ тысячи девяносто пять случаевъ угрожающихъ писемъ и незаконныхъ извѣщеній, четыреста двадцать пять незаконныхъ собраній, семьсотъ девяносто шесть злонамѣренныхъ поврежденій чужой собственности, семьсотъ пятьдесятъ три нападенія на фермы, двѣсти восемьдесятъ поджоговъ, три тысячи сто пятьдесятъ шесть случаевъ серьезныхъ нападеній на отдѣльныхъ лицъ. Въ общемъ же въ Ирландіи преступленій этого рода (аграрныхъ и противъ десятины) по оффиціальной статистикѣ, сообщенной парламенту лордомъ Греемъ, было совершено за одинъ только 1832 годъ девять тысячъ, считая и случаи сравнительно менѣе важные. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что вовсе не всѣ аграрныя преступленія становились извѣстны центральному правительству.

Положеніе вещей, когда, въ среднемъ, *ежедневно* въ странѣ происходитъ двадцать пять преступленій аграрнаго характера; когда это длится годами и ничуть не обнаруживаетъ тенденціи къ ослабленію; когда это творится на другой день послѣ реформы, долженствовавшей умиротворить страну,—такое положеніе вещей съ болѣзненной силой должно было приковать къ себѣ взоры и правительства Великобританіи, и имущихъ слоевъ Ирландіи, и человѣка, считавшагося національнымъ вождемъ. Изъ политиковъ и организаторовъ никто это аграрное движеніе тридцатыхъ годовъ не вызывалъ и даже не усиливалъ. Оно само вышло какъ изъ-подъ земли, и стало предъ испуганными взорами своихъ и чужихъ, ирландцевъ и англичанъ, католиковъ и протестантовъ.

II.

Эмансипація католиковъ знаменовала важный шагъ впередъ, ибо уравнивала въ правахъ исповѣдующихъ самую распространенную въ Ирландіи религію—съ протестантами. Но кабинетъ Веллингтона не только въ томъ отношеніи ошибся, что не предвидѣлъ вспыхнувшаго съ давно небывалой силой аграрнаго движенія, ибо онъ этою уступкою вовсе не облегчилъ также принятой имъ на себя задачи—борьбы противъ англійскихъ реформистовъ, противъ людей, требовавшихъ самымъ настойчивымъ образомъ измѣненія избирательной системы въ прямой ущербъ землевладѣльческой аристократіи и на пользу буржуазіи. На этихъ страницахъ не мѣсто, конечно, излагать бурную англійскую исторію конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, завершившуюся побѣдой реформистовъ и избирательнымъ закономъ 1832 года. 25-го іюня 1830 года умеръ Георгъ IV и на престолъ вступилъ Вильгельмъ IV; спустя мѣсяцъ произошла іюльская революція въ Парижѣ, могущественно повліявшая на усиленіе реформистскаго теченія въ Англіи; 15 ноября 1830 г. палъ, наконецъ, кабинетъ Веллингтона, виги овладѣли властью въ лицѣ графа Грея и взяли въ свои руки дѣло проведенія реформы; 7 іюня 1832 года послѣ долгаго и отчаяннаго сопротивленія палаты лордовъ, билль о реформѣ, прошедшій чрезъ всѣ чтенія въ обѣихъ палатахъ, былъ подписанъ королемъ и сталъ закономъ.

Виги торжествовали и властвовали; выборы, происшедшіе въ томъ же 1832 году, уже на основаніи новаго избирательнаго закона, упрочили ихъ могущество. Съ первыхъ же мѣсяцевъ послѣ того, какъ они смѣнили Веллингтона, министры-виги обнаружили тенденцію столь же суровыми мѣрами подавлять ирландскіе безпорядки, какъ прежде торіи. Изъ попытки О'Коннеля воспользоваться общею ломкою избирательнаго закона, чтобы вернуть ирландскимъ «сорокашиллинговымъ» фригольдерамъ утраченныя ими въ 1829 году избирательныя права,—изъ этой попытки, взывавшей къ самому примитивному чувству справедливости, ничего не вышло, несмотря на то, что подобная мѣра была въ полномъ согласіи съ либеральными основами проводившагося общаго билля. Наконецъ, когда волненія въ Ирландіи по поводу лендлордскихъ притѣсненій, голода и церковной десятины усилились, вигистскій кабинетъ (въ 1833 году) провелъ суровый актъ о подавленіи волненій въ Ирландіи, дававшій вице-королю самыя широкія полномочія для борьбы противъ неспокойныхъ элементовъ. Вице-король получилъ право немедленно закрывать любое общество и разгонять любое собраніе, если, по его мнѣнію, это нужно для спокойствія страны, причемъ участники могли быть имъ отданы подъ судъ; было воскрешено старое правило о томъ, что никто не имѣетъ права выходить со двора отъ заката до восхода солнца (если у него нѣтъ на это

*

уважительныхъ причинъ), подъ страхомъ суровой отвѣтственности; ни одинъ политическій митингъ не могъ собираться, если вице-король не былъ о немъ предупрежденъ за десять дней и не далъ на него своего согласія; вице-король получилъ полномочіе учреждать, гдѣ найдетъ нужнымъ, военные суды для сужденія дѣлъ, касающихся общественной безопасности; полиціи присвоивалось право свободнаго входа въ любую квартиру для поисковъ оружія; разбрасыватели мятежныхъ воззваній должны были отдаваться подъ судъ по весьма сурово карающей статьѣ закона; но была сдѣлана оговорка, что они будутъ освобождены отъ обвиненія, если выдадутъ тѣхъ лицъ, которыя поручили имъ эти прокламаціи разбрасывать. Несмотря на оппозицію О'Коннеля, этотъ билль прошелъ съ весьма немногими и несущественными измѣненіями. Аграрное движеніе продолжалось...

О'Коннель, добившись въ 1829 году билля объ эмансипаціи католиковъ, оружія складывать не хотѣлъ. У него были новые планы, новыя цѣли. Онъ сталъ говорить объ отмѣнѣ уніи 1800 года, о возсозданіи самостоятельнаго парламента. Но революціонное движеніе, возникшее и усилившееся среди крестьянскаго населенія, заставило его поставить на очередь дня другую задачу. Онъ неоднократно высказывался за то, чтобы Ирландія возможно скорѣе успокоилась; его слова не производили никакого впечатлѣнія на тѣ круги, отъ которыхъ зависѣло исполненіе этого желанія, или, вѣрнѣе, къ которымъ онъ это желаніе адресовалъ. Онъ видѣлъ вполнѣ ясно, что вся его популярность и весь престижъ совершенно безсильны въ данномъ случаѣ. Онъ видѣлъ, что столь же безсильны, съ другой стороны, солдаты и висѣлицы, оранжистскіе отряды и англиканскіе священники, лендлорды и чиновники, тюрьмы и усмирительные билли. Наконецъ, это волненіе, разразившееся почти тотчасъ послѣ такой большой политической реформы, какъ эмансипація католиковъ, вовсе не ставило своимъ лозунгомъ другую политическую реформу, въ родѣ отмѣны уніи, и тѣмъ самымъ это движеніе какъ бы напередъ говорило, что новая политическая реформа, если она даже и будетъ дана, такъ же мало посодѣйствуетъ его прекращенію, какъ старая политическая реформа (1829 года) мало помѣшала его возникновенію. Отношенія арендаторовъ и лендлордовъ—съ одной стороны, церковная десятина—съ другой стороны—вотъ о чемъ говорилось на незаконныхъ митингахъ и писалось въ незаконныхъ прокламаціяхъ. О'Коннель не совладалъ съ этимъ движеніемъ, но движеніе пріобрѣло О'Коннеля. Онъ взялъ на себя провести законодательнымъ путемъ то, что требовалось непосредственно самымъ бѣднымъ и самымъ многочисленнымъ слоемъ его согражданъ. Отъ своей мечты объ отмѣнѣ уніи онъ вовсе не отказался, но могущественно развитый у него инстинктъ практическаго политика не позволилъ ему уклониться отъ участія въ главномъ дѣлѣ, выдвинутомъ историческими обстоятельствами Ирландіи задолго до него и

не имъ рѣшенномъ, отъ участія въ посильномъ разрѣшеніи ирландскаго соціальнаго вопроса. Но это участіе онъ ограничилъ борьбой противъ десятины, т.-е. болѣе легкою задачею.

Соціальный вопросъ Ирландіи коренился въ отношеніяхъ безземельныхъ и (фактически) безправныхъ арендаторовъ, нищихъ и задавленныхъ арендной платой и всякими притѣсненіями, къ владыкамъ ирландской территоріи,—лендлордамъ. Это было основнымъ недугомъ ирландской жизни, порождавшимъ разнохарактерныя и неисчислимыя бѣдствія для огромнаго большинства населенія. Другимъ, меньшимъ, добавочнымъ, такъ сказать, зломъ, тоже сосредоточившимъ на себѣ ненависть Ирландіи, была въ тѣ годы десятина. Первое зло было гораздо больше и коренилось глубже, второе—было меньше и носило болѣе искусственный характеръ. И О'Коннель началъ борьбу именно со вторымъ, а не съ первымъ зломъ, съ десятиною, а не съ аграрными отношеніями, съ болѣе слабымъ изъ двухъ враговъ.

О десятинѣ мы уже имѣли случай говорить въ первой главѣ, гдѣ шла рѣчь о соціальныхъ недугахъ Ирландіи еще до возстанія 1798 г. Остановимся теперь на происхожденіи и развитіи этого зла.

Господствующая (англиканская) церковь изъ всѣхъ превратностей судьбы въ XVI—XVII вв. вышла побѣдительницей и утвердилась въ привилегированномъ положеніи своемъ какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. Вся земля въ Ирландіи была обложена десятинною податью, всѣ пользовавшіеся землею должны были вносить десятую часть добываемаго въ пользу англиканской церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію сами они ни принадлежали. Въ 1735 году было введено нѣкоторое измѣненіе въ законы объ уплатѣ десятины. Лендлордамъ и тѣмъ богатымъ англиканцамъ и пресвитеріанамъ, которые снимали у нихъ землю для устройства пастбищъ, удалось добиться, чтобы пастбищная земля была исключена изъ обложенія десятиною. Къ концу XVIII столѣтія положеніе вещей окончательно сложилось такъ: самыя богатыя помѣстья, занятыя разведеніемъ скота и обладающія огромными пастбищами, принадлежатъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ людямъ англиканскаго вѣроисповѣданія, и они въ пользу своей англиканской церкви ничего не платятъ; мелкіе земельные участки, обрабатываемые полунищими арендаторами, обложены десятиною въ пользу англиканской церкви, хотя эти арендаторы (тоже въ огромномъ большинствѣ случаевъ)—католики—обложены потому, что эти мелкіе участки служатъ, конечно, не для пастбищъ, а для разведенія картофеля и хлѣбопашества. Несправедливость подобныхъ порядковъ была кричащая, неприкрытая, наглядная до наивности: такъ, казалось, и заявляли эти законы о томъ, что они созданы господствующей кастою, съ полнѣйшимъ и намѣреннымъ пренебреженіемъ ко всякой логикѣ и ко всякому здравому смыслу, исключительно на пользу касты. Католическое духовенство питалось чѣмъ Богъ пошлетъ, больше

добровольными даяніями своей нищей паствы; пресвитеріанское—получало нѣкоторую поддержку отъ государства; англиканское же не только получало доходы отъ государства, но неукоснительно взыскивало подать съ католиковъ и пресвитеріанъ, населявшихъ Ирландію. Католическія церкви обваливались, приходили въ совершенно негодное состояніе, потому что не было денегъ на ремонтъ; ихъ было мало и онѣ были разбросаны въ огромныхъ разстояніямъ одна отъ другой; католическое духовенство голодало въ массѣ сельскихъ округовъ, а въ это же время англиканская церковь, насчитывавшая горсточку послѣдователей на всемъ островѣ, собирала регулярную дань съ презираемыхъ ею иновѣрцевъ. Пресвитеріане плохо съ этимъ мирились, но католиковъ, болѣе многочисленныхъ и болѣе бѣдныхъ, эта десятина прямо выводила изъ себя и всегда служила готовымъ предлогомъ къ возмущенію. Еще на сѣверѣ (въ Эльстерѣ) пресвитеріане, главнымъ образомъ населявшіе эти округи, успѣли добиться того, чтобы картофель былъ исключенъ изъ числа продуктовъ, подлежащихъ десятинному обложенію въ пользу англиканской церкви, но въ центральныхъ, западныхъ, южныхъ графствахъ, въ Коннаутѣ, Мэнстерѣ, Лейнстерѣ, населенныхъ католиками, эта подать взыскивалась также и съ этого непитательнаго, не дающаго силъ и здоровья продукта, который, однако, являлся главною пищею крестьянъ не только въ голодные, но и въ сравнительно урожайные годы. Въ серединѣ 1830-хъ годовъ (когда кипѣла «война противъ десятины») въ Ирландіи было 7.943.940 жителей *); изъ нихъ католиковъ насчитывалось 6.427.712 человѣкъ, англиканцевъ же 852.356 человѣкъ (остальные 664.000 слишкомъ—принадлежали къ пресвитеріанамъ и др. протестантскимъ исповѣданіямъ).

Для шести съ половиною милліоновъ человѣкъ не находилось ни достаточно церквей, ни порядочныхъ помѣщеній для церквей, ни возможности хоть какъ-нибудь обезпечить духовенство, ибо они, въ большинствѣ, были бѣдны, а государство ничего не давало. Но эти же шесть съ половиною милліоновъ обязаны были, при всей своей нищетѣ, поддерживать *чужое*, ненавидящее и презирающее ихъ духовенство. Англиканская іерархія въ Ирландіи состояла изъ четырехъ архіепископовъ, восемнадцати епископовъ и около двухъ тысячъ священниковъ и низшаго причта. Въ общемъ, на содержаніе ихъ всѣхъ шло около восьмисотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно (=почти 8 милліон. рублей). Были такіе приходы англиканской церкви, гдѣ не имѣлось ни единаго англиканца; такіе—гдѣ паства состояла изъ одного старика, изъ шести человѣкъ, изъ двухъ человѣкъ. Въ этихъ приходахъ жили десятки тысячъ католиковъ, которые и обязаны были содержать это чужое, и не только имъ, но и (въ приходахъ безъ

*) См. B. O. Brien. „Fifty years of concessions“, стр. 372 и слѣд.

единаго англиканца) абсолютно никому ненужное духовенство, высшіе чины котораго обыкновенно довольно рѣдко и заѣзжали въ Ирландію, а проживали получаемые съ Ирландіи доходы въ Лондонѣ и въ своихъ англійскихъ помѣстьяхъ, подобно ирландскимъ же лендлордамъ-абсентеистамъ, съ тою только разницею,—всецѣло въ пользу архіепископовъ,—что отъ ихъ отсутствія или присутствія ирландцамъ не становилось ни лучше, ни хуже, а отсутствіе лендлордовъ всегда еще болѣе отягощало несчастныхъ арендаторовъ. Лучшіе люди изъ англиканскаго духовенства сами тяготились подобнымъ безобразнымъ и рѣшительно ничѣмъ неоправдываемымъ положеніемъ вещей. Все установленіе господствующей (англиканской) церкви въ Ирландіи протестантскій архидіаконъ Глоуэръ открыто назвалъ въ 1835 году «аномаліею, не имѣющей ничего себѣ подобнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ». Но такихъ, какъ Глоуэръ, въ этой средѣ было, конечно, весьма немного. Несравненно чаще доказывалось съ наисладчайшею убѣдительностью, что такъ какъ земля—Божія, то и десятину съ ея плодовъ и злаковъ надлежитъ платить въ пользу единственно угодной Господу церкви; единственно же угодная Ему церковь, какъ общеизвѣстно, есть церковь англиканская. Впрочемъ, трудно даже и пересчитать разнообразнѣйшіе религіозные и историческіе аргументы, которыми подкрѣплялся законъ о десятинѣ. Усиленно дѣйствовавшее (хотя болѣе еще кричавшее о себѣ) «Новое реформаціонное общество», образованное въ 1824 году съ цѣлью уловленія прозелитовъ и обращенія католиковъ на путь истинный, взяло на себя миссію всѣми силами защищать десятинную подать отъ грозившихъ ей напастей. Оранжистскіе круги, съ своей стороны, помогали этой ассоціаціи. «Даніель О'Коннель доставитъ намъ избавленіе отъ десятины, какъ онъ уже далъ намъ эмансипацію», говорили католики прихода Грэги (лежавшаго на границѣ графствъ Кэрлоу и Килькенни) полковнику Гэрвею, убѣждавшему ихъ заплатить то, что требуется по закону. Съ весны 1831 года «война противъ десятины» вспыхнула разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и уже не прекращалась. И снова имя О'Коннеля настойчиво призывалось бунтовавшими и яростно поминалось усмирителями; первые выражали надежду на его помощь, вторые обвиняли его въ происходящихъ волненіяхъ. Успѣхъ, увѣнчавшій въ 1829 году его агитацію въ пользу католиковъ, все еще окружалъ его имя ореоломъ, какъ и въ первые дни, когда онъ, послѣ проведенія билля объ эмансипаціи, пріѣхалъ въ Ирландію. О'Коннель, съ одной стороны, увѣщевалъ католиковъ не бунтовать, а съ другой стороны просилъ у вице-короля, чтобы десятину хотя бы на время перестали выжимать изъ нищаго населенія,—пока парламентъ не рѣшитъ, нужно или не нужно удержать этотъ налогъ. Но вице-король и протестантское духовенство отказали ему въ этомъ. Борьба свирѣпѣла, и въ самомъ концѣ 1831 года произошло при Кэррикшонѣ цѣлое сраженіе, причемъ поли-

цейскій отрядъ былъ почти весь перебитъ или израненъ. Тотчасъ же послѣ этого извѣстія вице-король приказалъ сборщикамъ воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій по сбору десятины, а духовенство англиканской церкви получило спѣшно разосланный циркуляръ отъ своей высшей іерархіи не торопиться со сборомъ подати, пока парламентъ не рѣшитъ этого вопроса принципіально. Собравшійся въ декабрѣ 1831 года парламентъ началъ разслѣдованіе вопроса о десятинѣ, а уже 1-го іюня 1832 года появился на свѣтъ новый законъ, имѣвшій цѣлью сохранить всѣ преимущества и выгоды за англиканской церковью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка измѣнить прежнія формы, прежнюю внѣшность дѣла, чтобы этимъ путемъ нѣсколько успокоить Ирландію. Все вниманіе министерства и парламента было поглощено проходившею какъ разъ въ это время чрезъ послѣдній свой фазисъ избирательною реформою 1832 года и не только на протесты О'Коннеля противъ новаго закона о десятинѣ, но и на самый этотъ законъ почти никто никакого вниманія въ Англіи не обратилъ. Въ чемъ же состояли измѣненія, внесенныя парламентомъ 1832 года въ дѣло сбора десятины? Эти измѣненія (законы 1-го іюня и—дополнительный—16-го августа 1832 года) совершенно ни въ чемъ принципіально не измѣнили положенія вещей. Эти законодательные акты могли бы служить отчасти образчикомъ такихъ мѣропріятій, которыя преслѣдуютъ двѣ цѣли, ничего не дать никому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ инсценировать это чтобы могло съ перваго взгляда, впопыхахъ, показаться, будто что-то дано. Въ данномъ случаѣ подобная вѣра въ цѣлебныя свойства стилистики оказалась совершенно неосновательной. Ирландія узнала, что парламентъ возлагаетъ отнынѣ на государство обязательство выплачивать англиканскому духовенству Ирландіи почти всю сумму, приносимую десятиной податью, а съ плательщиковъ этотъ налогъ (уже не натуральный, а денежный) правительство будетъ взыскивать само. Другими словами, это было только избавленіемъ духовенства отъ хлопотъ и непріятностей, и ни въ малѣйшей степени не избавляло нищаго католическаго населенія отъ ненавистнаго бремени. На выборахъ 1832 года изъ ста пяти депутатовъ, которыхъ имѣла право прислать Ирландія, восемьдесятъ пять—принадлежали къ партіи О'Коннеля и явились въ парламентъ съ твердымъ желаніемъ начать упорнѣйшую борьбу противъ десятины. Около сорока человѣкъ (изъ этихъ 85), сверхъ того, примыкало и къ другому о'коннелевскому лозунгу—къ требованію отмѣны уніи и возстановленія самостоятельнаго парламента. Но этотъ другой лозунгъ пока еще отступалъ на задній планъ: главнымъ врагомъ являлась десятина. Эти выборы были многознаменательны не только потому, что они показали силу О'Коннеля, но и по другой причинѣ. Какъ писалъ О'Коннель лорду Дэнканнону въ началѣ 1833 года, «вся *бѣднота* нашихъ (ирландскихъ) графствъ организована», и организована вся борьба противъ десятины. Но за-

житочные фермеры, т.-е. именно тѣ, которые обладали избирательными голосами, по убѣжденію О'Коннеля, не принимали участія въ этой организаціи. Но именно они выбрали враговъ десятины въ парламентъ. Значитъ, выходило, что вся католическая Ирландія—кто какимъ способомъ можетъ—выражаетъ свою ненависть къ десятинѣ и желаніе ее уничтожить. Какъ мы видѣли, парламентъ въ 1833 году вмѣсто удовлетворенія этого требованія объявилъ страну чуть ли не въ осадномъ положеніи. Вице-король Энгльси и фактически заправлявшій дѣлами главный секретарь Ирландіи Стэнли всецѣло стояли за репрессію, особенно Стэнли, котораго О'Коннель называлъ упрямымъ маніакомъ. Стэнли, богатаго молодого аристократа, тогда начинавшаго только свою карьеру, можно было бы счесть любопытнымъ и чаще, нежели можно было бы ожидать, встрѣчающимся типомъ человѣка, который ненавидитъ нищихъ и голодныхъ именно какъ бы потому (или за то), что они нищіе и голодные. О'Коннель не совсѣмъ напрасно называлъ его своего рода маніакомъ. Онъ проявлялъ совершенно необузданную и ничѣмъ немотивированную, какъ бы *личную* вражду къ ирландцамъ, ровно ничего дурного никогда не сдѣлавшимъ. Такой человѣкъ и старавшійся его нѣсколько сдерживать, но все-таки подчинявшійся ему вице-король не стѣснялись широко пользоваться исключительнымъ закономъ 1833 года для усмиренія бунтующей страны.

О'Коннель продолжалъ играть свою все болѣе и болѣе раздвоявшуюся роль. Съ одной стороны, онъ «совѣтовалъ» (напр., въ письмѣ къ Дэнканнону) прислать побольше войскъ противъ бунтующихъ и указывалъ, что «со всякой точки зрѣнія лучше всего увеличить королевскія войска». А съ другой стороны, эти же бунтующіе самымъ фактомъ своего существованія давали ему главную точку опоры въ парламентской борьбѣ противъ десятины, ибо онъ вѣчно ссылался именно на ихъ существованіе, какъ на серьезнѣйшую причину, которая должна была побудить министерство къ уступкѣ. Наконецъ, съ третьей стороны, крестьяне, боровшіеся противъ десятины, и низшее католическое духовенство, весьма дѣятельно ихъ въ этой борьбѣ поддерживавшее, считали О'Коннеля главнымъ своимъ знаменоносцемъ въ борьбѣ противъ ненавистнаго англиканскаго побора. И въ парламентѣ, во время отчаянныхъ и тщетныхъ попытокъ задержать или измѣнить усмирительный билль, побѣдоносно проходившій чрезъ обѣ палаты, О'Коннель все напиралъ на то, что подобныя драконовскія мѣры нужно было бы направить противъ «бѣлыхъ парней», а не противъ всей страны, и т. д. Все это ни къ чему не привело. Въ эти годы (1832—1837) правительство, все равно какое — вигистское или торійское, — могло себя чувствовать увѣреннѣе, нежели раньше или позже, ибо агитація по поводу реформы уже окончилась, а агитація чартистская еще не разгорѣлась; Англія была въ эти годы сравнительно спо-

койна. Поэтому О'Коннель видѣлъ себя въ такомъ положеніи, что онъ не могъ даже желать паденія ненавистныхъ виговъ, ибо торіи, которые бы ихъ замѣнили, были еще гораздо ненавистнѣе. Когда убрали, наконецъ, изъ Ирландіи Стэнли, О'Коннель смотрѣлъ на это, какъ на рѣшительную заслугу правящихъ круговъ предъ его родиной. Былъ смѣненъ и Энгльси (его замѣнилъ Уэльсли, лучше относившійся къ своему «вице-королевству»). Но всѣ эти перемѣны вовсе не знаменовали наступленія лучшихъ дней для Ирландіи. Полиція усердствовала попрежнему, процессы противъ печати возбуждались неукоснительно. Въ это время въ Ирландіи все замѣтнѣе стало обозначаться новое теченіе, недовольное тѣмъ, что О'Коннель не торопится внести въ парламентъ давно уже владѣвшее и его мыслями, и мыслями ирландскихъ образованныхъ круговъ предложеніе объ отмѣнѣ уніи между Англіей и Ирландіей. Фиргэсъ О'Коннoръ, одинъ изъ представителей этого ирландскаго теченія (впослѣдствіи принимавшій живѣйшее участіе въ чартизмѣ) былъ выбранъ въ парламентъ и заявилъ, что внесетъ въ палату общинъ предложеніе объ отмѣнѣ уніи. Это побудило О'Коннеля, противъ желанія, съ неспокойнымъ сердцемъ, съ рѣдкою въ немъ неувѣренностью предупредить возникавшій расколъ и самому внести желательный радикальному теченію билль. Конечно, билль не могъ не провалиться, т.-е. провалилось даже то подготовительное предложеніе, предложеніе создать комитетъ для разсмотрѣнія вопроса, на которомъ настаивалъ О'Коннель. Ирландскій лидеръ въ своей рѣчи, къ которой онъ долго и тщательно готовился, больше всего говорилъ объ исторической сторонѣ дѣла, о тѣхъ подкупахъ и насиліяхъ, которыя были пущены въ ходъ англійскимъ правительствомъ въ 1798 — 1800 гг. для уничтоженія самостоятельнаго дублинскаго парламента. Онъ указывалъ весьма ядовито на то обстоятельство, что, вѣдь, англійскій парламентъ за тридцать три года, истекшіе со времени уніи, обнаруживалъ замѣчательную заботливость и попечительность относительно Ирландіи, вѣчно назначалъ комитеты, коммиссіи, разслѣдованія и т. д. о всякихъ, иногда самыхъ мелкихъ, фактахъ ирландской жизни. Почему же не назначить еще одинъ комитетъ для разслѣдованія историческаго вопроса о происхожденіи и способахъ осуществленія уніи 1800 года? Онъ и предлагаетъ джентльменамъ нижней палаты заинтересоваться этимъ предметомъ и назначить комитетъ. Но джентльмены не заинтересовались. Предложеніе О'Коннеля было отвергнуто большинствомъ 523 голосовъ противъ 38. Не только почти всѣ англичане, не только депутаты отъ Ирландіи, присланные оранжистами и, вообще, сторонниками англійскаго владычества въ Ирландіи, но и больше половины изъ тѣхъ 85 ирландцевъ, которые въ другихъ вопросахъ поддерживали О'Коннеля, либо не явились, либо голосовали противъ его предложенія. О'Коннель былъ совершенно подготовленъ къ этой неудачѣ. Дѣйствительно, давало ли хоть что-ни-

будь поводъ надѣяться на благопріятное рѣшеніе вопроса при тогдашнихъ условіяхъ? Конечно, ничего. Расторженіе уніи огромному большинству парламента, также какъ и министерству, какъ и королю Вильгельму IV, представлялось шагомъ самымъ опаснымъ, самымъ революціоннымъ, самымъ фатальнымъ не только для благополучія, но прямо для спокойнаго существованія англійской державы. Запугать англичанъ въ данномъ случаѣ у О'Коннеля тоже не было никакихъ шансовъ, да и народное движеніе, происходившее въ Ирландіи, направлялось не противъ уніи, но противъ лендлордовъ и церковной десятины. Требовать радикальнѣйшей политической реформы, не имѣя за собой равно никакой существенной поддержки, никакихъ серьезныхъ средствъ, можно было сколько угодно, но ни о малѣйшихъ надеждахъ осуществить это желаніе не могло быть и рѣчи. О'Коннель довольно неопредѣленно утѣшалъ себя и своихъ друзей тѣмъ, что идея расторженія уніи имѣла нѣкоторый «*моральный*» успѣхъ въ палатѣ. Если эта попытка имѣла какой-нибудь смыслъ, то развѣ въ томъ отношеніи, что сплотила вокругъ О'Коннеля часть ирландской оппозиціи, которая непремѣнно требовала, чтобъ эта попытка была совершена. Послѣ ея неудачи все вниманіе О'Коннеля и предводимой имъ оппозиціи изъ высшихъ и среднихъ слоевъ Ирландіи снова и всецѣло устремилось на вопросъ, попрежнему выдвигавшійся жизнью деревни, жизнью арендаторской голытьбы.

Никакія попытки англійскаго правительства въ началѣ 1830 гг. мнимыми облегченіями успокоить плательщиковъ церковной десятины не удавались; всѣ эти «реформы» были легкими измѣненіями внѣшности, но не сущности дѣла. Лѣтомъ 1834 года произошла нѣкоторая перестройка вигистскаго кабинета. Ушелъ премьеръ графъ Грей и (14-го іюля) его замѣнилъ лордъ Мельбурнъ; произошли и другія перемѣны личнаго состава. Мельбурнъ тотчасъ же поспѣшилъ заявить, что билль о подавленіи преступленій въ Ирландіи хотя и будетъ продолженъ (какъ было намѣчено при Греѣ) на будущее время, но уже безъ нѣкоторыхъ наиболѣе суровыхъ пунктовъ, напр., относительно предоставленія вице-королю права назначать военные суды и т. п. Эта мѣра быстро прошла чрезъ парламентъ, хотя подобное смягченіе билля 1833 года сильно разгнѣвало торіевъ. Но относительно десятины Мельбурнъ только продолжилъ ни къ чему не приводящую политику Грея, а попытка О'Коннеля (въ эту же лѣтнюю сессію), хотя и не уничтожить десятину, но, дѣйствительно, серьезно уменьшить эту тягость,—попытка, сочувственно встрѣченная въ нижней палатѣ, провалилась въ палатѣ лордовъ. Въ томъ же 1834 году произошло еще одно событіе: въ ноябрѣ Мельбурнъ подалъ въ отставку (больше всего по личному желанію Вильгельма IV) и съ 9-го декабря 1834 года по 8-ое апрѣля 1835 года власть находилась въ рукахъ торійскаго кабинета Роберта Пиля, послѣ чего снова перешла къ вигамъ.

И за эти нѣсколько мѣсяцевъ торіи тоже пытались уладить вопросъ о десятинѣ все на основаніи общаго принципа всѣхъ предшествующихъ попытокъ: сохранить за англиканской церковью бо́льшую часть ея доходовъ, перенеся всѣ труды по части сборовъ подати на правительство и самихъ лендлордовъ, собственниковъ земли, заставивъ ихъ выбивать изъ арендаторовъ эту десятину подъ видомъ части арендной платы. Но палата не пропустила министерскаго законопроекта (какъ двѣ капли воды похожаго на предшествующіе, благополучно ставшіе закономъ), ибо большинство поставило себѣ цѣлью непремѣнно проваливать министерство, навязанное парламенту королемъ, и вернуть виговъ къ власти. Ирландія всѣми этими мелочами вовсе не интересовалась; аграрныя преступленія продолжались, мѣсяцами стихая, мѣсяцами разгораясь съ новой силой. Вернувшійся къ власти въ апрѣлѣ 1835 года вигистскій кабинетъ Мельбурна долго продолжалъ эту политику, общую тогда и либеральнымъ, и консервативнымъ правящимъ кругамъ Англіи: не уступать Ирландіи и ея нищему населенію ничего, пока необходимость уступки съ точки зрѣнія государственной безопасности не становится на очередь дня. А такіе моменты случались въ первой половинѣ XIX вѣка только тогда, когда возникалъ кризисъ въ самой Англіи, когда приходилось бороться на два фронта. Тогда и являлась нужда выбирать меньшее изъ двухъ золъ. Выборы 1835 года, паденіе Пиля, возвращеніе Мельбурна, для котораго очень существенна была поддержка О'Коннеля при очень слабомъ перевѣсѣ виговъ надъ торіями въ нижней палатѣ, всѣ эти обстоятельства, казалось, очень благопріятствовали скорому парламентскому разрѣшенію вопроса, т.-е. уничтоженію десятины, и, однако, все-таки, какъ-то ничего не выходило.

III.

Положеніе вещей въ 1835 г. было такое. Премьеръ Мельбурнъ, нуждавшійся въ поддержкѣ О'Коннеля и его партіи въ парламентѣ, гдѣ торіи являлись не только яростной, но и многочисленной оппозиціей, рѣшилъ держаться примирительной политики относительно Ирландіи, насколько это было бы возможно безъ разрѣшенія вопроса о десятинѣ. Ибо, несмотря на нѣсколько законовъ, касавшихся англиканской церкви въ Ирландіи и, въ частности, десятины и изданныхъ съ 1832 по 1835 годъ, десятина продолжала существовать и никакого облегченія Ирландія въ этомъ отношеніи не чувствовала. Но Мельбурнъ рѣшилъ хотя администрацію въ Ирландіи назначить такую, которая отличалась бы, по возможности, наклонностями миролюбивыми и не раздражала бы ввѣренный край своими поступками и всѣмъ обхожденіемъ, въ противоположность Стэнли, который склоненъ былъ видѣть какъ бы серьезную заслугу свою предъ отечествомъ въ томъ,

что его въ Ирландіи терпѣть не могутъ. Новымъ вице-королемъ былъ назначенъ лордъ Мэльгрэвъ, главнымъ секретаремъ при немъ—лордъ Морфэтъ, а помощникомъ секретаря знаменитый въ ирландской исторіи Томасъ Друммондъ. Фактически Друммондъ въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1835 по 1840 годъ) сдѣлался представителемъ государственной власти въ Ирландіи. Чѣмъ прославился Друммондъ? Въ точности трудно на этотъ вопросъ отвѣтить; описательный отвѣтъ легче. Онъ прославился, главнымъ образомъ, благодаря тому, что и до, и послѣ него администрація, правившая Ирландіей, крайне рѣдко воздерживалась отъ насилій тамъ, гдѣ такъ называемыя «законныя» (по исключительнымъ законамъ) полномочія позволяли эти насилія пускать въ ходъ. Друммондъ же пускалъ оружіе въ ходъ въ рѣдкихъ случаяхъ и тогда, когда ему казалось это нужнымъ для защиты полиціи, на которую производились нападенія. *До* Друммонда администрація преслѣдовала пропаганду противъ уніи, противъ англичанъ и т. д., но покровительствовала пропагандѣ оранжистовъ, изъ которыхъ многіе проповѣдывали искорененіе католической вѣры,—и это одновременное преслѣдованіе одной революціонной пропаганды и ласковое отношеніе къ другой революціонной пропагандѣ, которая тоже стремится къ насильственнымъ перемѣнамъ, но только въ угодномъ начальству духѣ, было всегда особенно ненавистно, особенно возмущало и возбуждало умы. Друммондъ въ этомъ смыслѣ былъ безупреченъ; онъ, стоя за охраненіе порядка и спокойствія, все время являлся администраторомъ, а не эмиссаромъ одной изъ враждующихъ въ Ирландіи партій, который пользуется государственными средствами для подавленія другой партіи. Къ сознанію бѣдственнаго матеріальнаго положенія перестала примѣшиваться острая горечь обиды отъ пристрастныхъ, грубыхъ и вызывающихъ дѣйствій властей. Одинъ изъ біографовъ Друммонда указываетъ, какъ на самое лучшее доказательство успѣшной политики этого человѣка, на то, что *до* него такъ называемый «порядокъ» въ Ирландіи поддерживался при помощи двадцати четырехъ тысячъ солдатъ, *при* немъ нужны были всего пятнадцать тысячъ человѣкъ, а *послѣ* него—двадцать тысячъ съ небольшимъ. Далѣе, число человѣкоубійствъ во время его управленія уменьшилось на 18% сравнительно съ «нормальнымъ», такъ сказать, положеніемъ; число огнестрѣльныхъ покушеній на 55%; число поджоговъ на 17%; число нападеній на дома—на 63%; число избіеній или порчи скота—на 12%; сноса жилищъ—на 65%; число незаконныхъ собраній—на 70%. Конечно, не только Друммонду и его управленію слѣдуетъ приписать эти результаты, ибо именно въ эпоху его управленія произошло событіе, котораго такъ ждали и жаждали въ Ирландіи: произошло уничтоженіе десятины, — и случилось это какъ разъ въ срединѣ періода его управленія, и совсѣмъ независимо отъ результатовъ его управленія; все это нѣсколько усложняетъ разсчеты.

О'Коннель былъ въ мирѣ съ правительствомъ, въ хорошихъ отношеніяхъ съ Друммондомъ, не агитировалъ по поводу уніи, а движеніе въ странѣ все не прекращалось. Однимъ изъ условій соглашенія между кабинетомъ и О'Коннелемъ было (помимо назначенія лучшей администраціи въ Ирландіи) еще и серьезно-существенное излеченіе стараго недуга — уничтоженіе десятины, но Мельбурнъ съ этимъ дѣломъ не торопился, и не столько О'Коннель, сколько событія въ Ирландіи и Англіи сказали тутъ свое рѣшающее слово. Лѣтомъ 1835 г. О'Коннель обратился къ народу съ увѣщаніемъ—принять выжидающее положеніе, прекратить всякія враждебныя дѣйствія. И тѣмъ же лѣтомъ (въ іюлѣ и августѣ) подготовленный министерствомъ билль объ измѣненіи десятинной подати, хотя тоже палліативный, но все-таки болѣе существенный, нежели прежніе, прошелъ чрезъ палату общинъ и провалился въ палатѣ лордовъ, большинство которой упорно стояло за всѣ привилегіи англиканской церкви. Кабинетъ, удовольствовавшись исполненіемъ своихъ нравственныхъ обязательствъ предъ О'Коннелемъ, тотчасъ же оставилъ свой билль. Съ осени 1835 г. аграрныя преступленія вспыхнули съ новой силой; *не* эти годы (1835—1838) дали вышеприведенныя процентныя уменьшенія аграрныхъ дѣлъ, не это первое, самое трудное время друммондовской администраціи, хотя, въ извѣстной степени, Друммондъ, своимъ образомъ дѣйствій, и содѣйствовалъ даже въ эти тяжелые годы извѣстному уменьшенію кровопролитія. Но что могъ сдѣлать онъ со всею своею сдержанностью и гуманностью, что могъ сдѣлать О'Коннель, говорившій, что онъ тоже хочетъ всѣми мѣрами оградить порядокъ, со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и вліяніемъ противъ чувствъ злобы, отчаянія, страха голодной смерти, все болѣе и болѣе охватывавшихъ страну? Друммондъ обыкновенно не давалъ ни солдатъ, ни полиціи для взысканія десятины, и пускалъ силу въ ходъ только, когда нападающей стороной являлись плательщики. Въ 1836 г. опять послѣдовала попытка кабинета измѣнить законъ о десятинѣ,—и опять лорды провалили поддерживаемый правительствомъ билль. О'Коннель и послѣ этого продолжалъ всѣми мѣрами стремиться къ прекращенію аграрныхъ смутъ, но попрежнему съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ. Консервативные слои и приверженцы англиканскаго преобладанія въ Ирландіи перешли въ наступленіе. Газета «Times» напечатала стихотвореніе, въ которомъ О'Коннель осыпался градомъ самыхъ неприличныхъ ругательствъ, что даже произвело своего рода эффектъ въ виду обычной сдержанности этого органа. О'Коннель отвѣчалъ почти столь же неприличнымъ открытымъ письмомъ по адресу издателей «Times'a». Яростныя нападенія англійской руководящей прессы консервативной партіи на О'Коннеля объясняются желаніемъ совершенно дискредитировать въ глазахъ англійскаго общества личность и дѣло ирландскаго агитатора и воспрепятствовать кабинету Мельбурна въ его дальнѣйшихъ попыткахъ

исполнить главное, очередное требованіе О'Коннеля, т.-е. уничтожить десятину. О'Коннель предпринялъ было агитацію не только въ Ирландіи, но въ самой Англіи, — противъ палаты лордовъ, какъ противъ учрежденія, принципіально враждебнаго всякому прогрессу не только въ ирландскихъ дѣлахъ, но и въ англійскихъ. Было устроено нѣсколько огромныхъ митинговъ въ Манчестерѣ, Ньюкэстлѣ, Эдинбургѣ, Глэзго, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, но такъ митингами это дѣло и окончилось. Успѣшно бороться съ палатою лордовъ могъ бы только самъ Мельбурнъ, дѣйствуя въ полномъ союзѣ съ королемъ, который имѣлъ право назначить произвольное количество новыхъ лордовъ; и въ 1832 году одна угроза сдѣлать это заставила палату лордовъ уступить графу Грею, королю и палатѣ общинъ въ вопросѣ о парламентской реформѣ. Но въ данномъ случаѣ не только король, но и Мельбурнъ вовсе не сознавали необходимости прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, а митинговъ и рѣчей О'Коннеля лорды ни въ малѣйшей степени не опасались. Послѣ провала билля о десятинѣ въ 1836 году О'Коннель учредилъ «генеральную ассоціацію», которая спеціально взяла на себя содѣйствовать какъ освобожденію страны отъ десятины, такъ и проведенію билля о муниципальной реформѣ въ Ирландіи, чему также противились лорды. Изъ этой ассоціаціи тоже ничего не вышло, и она какъ-то сама собою заглохла спустя годъ. Грустное время наступило для О'Коннеля; его агитація явственно переставала отвѣчать, какъ отвѣчала прежде, чувствамъ политически активныхъ слоевъ народа, — не по основной цѣли своей, а по рекомендуемымъ методамъ дѣйствія, и хотя видимая популярность его не была убита, но безплодность всѣхъ парламентскихъ попытокъ въ связи съ сбивчивымъ отношеніемъ агитатора къ аграрной смутѣ отодвигала его понемногу на второй планъ. Въ концѣ 1836 года умерла его жена и это окончательно омрачило его личную жизнь. Но впереди былъ еще одинъ лучъ свѣта, одинъ успѣхъ ирландскаго дѣла, одна удача, въ послѣдній разъ порадовавшая старика: десятина, въ концѣ концовъ, все-таки поддалась усиліямъ ея враговъ.

20-го іюня 1837 года скончался Вильгельмъ IV и на престолъ вступила Викторія. О'Коннелю опять (какъ и за семнадцать лѣтъ до того) почему-то показалось нужнымъ обнаружить весьма оптимистическую надежду на то, что молодая королева нѣчто для Ирландіи сдѣлаетъ. «Ирландія теперь готова слиться съ имперіей. Мы готовы къ полному и вѣчному соглашенію... Но для этой цѣли существенно необходимо уравненіе въ правахъ, законахъ и вольностяхъ. Большаго мы не желаемъ, меньшаго не возьмемъ». Въ іюлѣ произошли общіе выборы, и О'Коннель въ качествѣ mot d'ordre для своихъ приверженцевъ далъ нижеслѣдующія слова: «королева и ея министры!» Выборы дали Мельбурну довольно ничтожное большинство: виговъ и ирландцевъ пришло въ парламентъ въ общей сложности на 34 человѣка

приблизительно больше, нежели торіевъ. Молодая королева съ своей стороны абсолютно никакихъ—ни хорошихъ, ни дурныхъ чувствъ къ Ирландіи не обнаруживала. Но въ 1837 году началось чартистское движеніе, въ 1838 году оно непрерывно продолжалось и развивалось. Капризъ удержанія десятины въ Ирландіи давно уже ненужной никому, по мнѣнію однихъ, кромѣ англиканскаго духовенства, а по мнѣнію другихъ, ненужной также и англиканскому духовенству, этотъ капризъ консервативной партіи палаты лордовъ долженъ былъ, наконецъ, быть оставленъ. Но характерно, что даже и тутъ министерство не могло рѣшиться провести свой билль въ томъ цѣлостномъ видѣ, какъ оно это задумало, а внесло проектъ, въ сущности дѣлавшій серьезную уступку требованіямъ лордовъ. Прежній проектъ вигистскаго кабинета, поддерживаемый все время О'Коннелемъ и хронически проваливаемый палатой лордовъ, былъ первоначально основанъ на томъ принципѣ, что англиканская церковь должна получать черезъ посредство государства не всю, а часть (до $^3/_4$) той суммы, которую она получаетъ изъ десятинной подати; что эта сумма уплачивается не арендаторами, а собственниками земли—государству въ видѣ особаго налога на землю; что государству предоставляется, сдѣлавъ такой разсчетъ, выкупить навсегда у духовенства это принадлежащее ему право полученія означенныхъ суммъ, причемъ каждые семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ ежегодной ренты, уплачиваемой данному приходу, погашаются навсегда, если государство единовременно выплатитъ этому приходу 1.600 фунтовъ стерлинговъ; со времени подобнаго погашенія эту подать получаетъ государство уже въ непосредственное свое распоряженіе и должно употреблять получаемыя суммы исключительно на нужды Ирландіи. Вотъ къ чему сводился и билль, внесенный отъ имени кабинета лордомъ Росселемъ въ палату общинъ, а лордомъ Мельбурномъ въ палату лордовъ—въ 1838 году. Не было тутъ только того пункта, изъ-за котораго, главнымъ образомъ, палата лордовъ проваливала подобные билли въ предшествующіе годы: прежніе билли, уничтожая больше половины англиканскихъ епископствъ (оставляя 10 вмѣсто 22-хъ) и всѣ приходы, въ которыхъ живетъ меньше пятидесяти англиканцевъ, отдавали получавшіеся отсюда три милліона фунтовъ стерлинговъ экономіи въ руки парламента, который воленъ былъ употребить эти деньги на общеполезныя цѣли. Противъ этого-то именно пункта яростно боролись лорды, на немъ-то упорно настаивали радикально настроенные члены партіи виговъ и ирландцы во главѣ съ О'Коннелемъ, его-то защищало и министерство лорда Мельбурна въ прежніе годы. И именно этотъ пунктъ былъ оставленъ министерствомъ въ 1838 году въ угоду торіямъ. Радикалы англійскіе рѣзко протестовали и даже сдѣлали попытку внести соотвѣтствующую поправку, но эта ничтожная группа оказалась одинока: не только торіи, не только большинство виговъ шедшее за министерствомъ, но и

самъ О'Коннель былъ противъ нихъ... Билль прошелъ, старое зло, десятина, было подкошено, «побѣда» была одержана старымъ ирландскимъ агитаторомъ, какъ говорили его друзья. На самомъ же дѣлѣ, если тутъ была чья-нибудь побѣда, то побѣдителемъ были историческія обстоятельства, заставлявшія не медлить съ устраненіемъ зла, которое легко устранить; сравнительная легкость задачи была очевидна: ничье классовое самосохраненіе не было мало-мальски серьезно затронуто этой реформой.

Такъ или иначе, законъ 1838 года былъ послѣднимъ лучомъ въ жизни О'Коннеля. Теперь намъ нужно обратиться къ повѣствованію о томъ, что похоронило О'Коннеля еще до физической его смерти, что вытѣснило его съ перваго мѣста въ ирландской общественной жизни.

IV.

Католическіе аристократы—лендлорды, католическіе средніе землевладѣльцы (крайне немногочисленные), католическій торгово-промышленный классъ, наконецъ, католическіе арендаторы изъ зажиточныхъ—вотъ какіе слои непосредственно воспользовались эмансипаціей 1829 года и вновь пріобрѣтенными политическими правами. Эти же слои въ 1830 годахъ и выдвинули то болѣе радикальное теченіе, о которомъ мы уже вскользь упоминали и которое заставило О'Коннеля поторопиться съ внесеніемъ въ парламентъ предложенія (тотчасъ же проваленнаго), имѣвшаго цѣлью подготовить расторженіе уніи между Англіей и Ирландіей. О'Коннель неохотно сдѣлалъ (въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни) эту попытку приступить къ парламентскому обсужденію вопроса; онъ (совершенно справедливо) опасался, что это еще слишкомъ преждевременно. Въ 1838 году разрѣшилась проблема о десятинѣ; въ 1840 году послѣ шестилѣтнихъ парламентскихъ споровъ и колебаній (не интересовавшихъ, впрочемъ, совершенно огромную массу ирландскаго населенія) министерство Мельбурна провело также новый актъ о муниципальной реформѣ въ Ирландіи. До тѣхъ поръ вопреки смыслу и духу акта объ эмансипаціи (1829 года) городское управленіе въ ирландскихъ городахъ продолжало оставаться въ рукахъ ничтожной (численно) протестантской горсточки, такъ что, какъ выразился О'Коннель въ одной изъ рѣчей своихъ по этому поводу, муниципальныя дѣла, затрогивавшія интересы нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ (т.-е. населенія городовъ), были въ рукахъ тринадцати тысячъ протестантовъ, которые, основываясь на традиціи и самыхъ разнообразныхъ злоупотребленіяхъ и толкованіяхъ запутанныхъ корпоративныхъ грамотъ, все еще удерживали въ своихъ рукахъ власть. Получалась такая аномалія, что въ англійскомъ парламентѣ католики сидѣли рядомъ съ протестантами, а въ ирландскихъ городахъ (кромѣ Туэма) въ составѣ городского управле-

нія ихъ не было. По закону 1840 года цензъ для лицъ, имѣющихъ право выбирать членовъ городскихъ управленій назначался очень высокій, реформа распространялась не на всѣ ирландскіе города, изъ вѣдѣнія городскихъ управленій оказывались изъяты и переходили въ вѣдомство администраціи многія существенно важныя функціи, но католики уравнивались въ правахъ съ протестантами.

Въ томъ же 1840 году умеръ Томасъ Друммондъ, единственный человѣкъ изъ англійскаго оффиціальнаго міра, не только желавшій преслѣдовать примирительныя цѣли, но и имѣвшій достаточно такта, чтобы осуществить это намѣреніе; лѣтомъ 1841 года министерство Мельбурна потерпѣло пораженіе въ нижней палатѣ (въ концѣ мая), распустило парламентъ, назначило новые выборы, и едва парламентъ (въ августѣ 1841 г.) собрался, какъ 360 человѣкъ противъ 269 вотировали отказъ въ довѣріи Мельбурну. Кабинетъ виговъ подалъ въ отставку и консервативный лидеръ Робертъ Пиль тотчасъ же сталъ во главѣ новаго правительства.

Уже выборы 1841 г., на которыхъ О'Коннель былъ забаллотированъ въ Дублинѣ и, чтобы пройти въ парламентъ, долженъ былъ искать другого округа,—уже эти выборы показали, что есть въ странѣ извѣстное недовольство, извѣстная оппозиція противъ него. Далеко не всѣ были довольны закономъ о десятинѣ 1838 года, который, по мнѣнію этихъ недовольныхъ, только формально снималъ тяготу съ нищаго арендатора, на котораго все равно лендлордъ возложитъ въ видѣ надбавки арендной платы, часть налога, перенесеннаго на лендлорда. Муниципальный законъ 1840 года, хотя и былъ привѣтствуемъ, какъ уничтоженіе протестантской монополіи въ дѣлахъ городского управленія, но онъ не могъ сдѣлаться особенно популярнымъ, когда ясно стало, что только ограниченная кучка состоятельныхъ людей допущена высокимъ цензомъ къ выбору и къ исполненію обязанностей городскихъ совѣтниковъ; да и, кромѣ того, этотъ законъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства къ сельскому населенію (т.-е. къ огромному большинству націи). Но дружба О'Коннеля съ вигами, стоявшими у власти, управленіе Томаса Друммонда, очень сильное уменьшеніе аграрныхъ преступленій послѣ новаго закона о десятинѣ,—все это сильно способствовало тому, что возникавшее неудовольствіе противъ агитатора не сказывалось сколько-нибудь значительно, ибо, въ общемъ, нація вѣрила въ О'Коннеля, и именно ему приписывала мягкое, гуманное и дружелюбное поведеніе администраціи въ странѣ, привыкшей къ угнетенію и произволу. Событія 1841 года измѣнили положеніе вещей. Робертъ Пиль и, вообще, консерваторы были прямо враждебны самымъ существеннымъ ирландскимъ домогательствамъ. Въ Ирландіи съ большимъ раздумьемъ вспоминали, что такія мѣры, въ сущности вовсе не коренныя, вовсе не затрогивающія главныхъ вопросовъ государственной жизни, какъ законъ о десятинѣ или какъ

законъ о муниципальной реформѣ, проходили въ парламентѣ черезъ пять-шесть лѣтъ послѣ внесенія первоначальныхъ биллей, и тянулась эта возня только вслѣдствіе яростной оппозиціи консерваторовъ въ палатѣ лордовъ. Теперь, съ 1841 года, консерваторы стали большинствомъ и взяли въ свои руки власть. Друммондъ умеръ, вигистскій вице-король, при которомъ могъ дѣйствовать человѣкъ, подобный Друммонду, ушелъ вмѣстѣ со своимъ главою, лордомъ Мельбурномъ, а новые ирландскіе правители, назначенные Пилемъ, обѣщали своимъ поведеніемъ отнюдь не походить на предшественниковъ. О'Коннель не скрывалъ отъ себя и своихъ друзей, что наступаютъ довольно трудныя времена. Но онъ не зналъ, до какой степени трудныя; не предвидѣлъ, что самые болѣзненные удары падутъ на него не изъ Англіи, но изъ Ирландіи, не изъ правительственнаго стана, но изъ новаго, еще не существовавшаго въ 1841 году лагеря.

Было настроеніе и начинала складываться особая фракція, особая тенденція политической мысли, но партія еще не существовала. Какъ партія, какъ особая, опредѣленно обозначенная политическая единица, «молодая Ирландія» сложилась лишь ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Въ 1841 году, когда О'Коннель демонстративно, какъ «первый католикъ», былъ выбранъ на ничего незначущее мѣсто дублинскаго лордъ-мера; когда онъ послѣ паденія виговъ, друзей его, снова переходилъ въ оппозицію торійскому кабинету; когда онъ опять поднималъ агитацію по вопросу объ отмѣнѣ уніи и опять настаивалъ на единственно-плодотворномъ, по его мнѣнію, строго-конституціонномъ образѣ дѣйствій, въ ирландскомъ обществѣ уже явно обозначилось новое теченіе, которому суждено было придти на смѣну этому высокоталантливому, шумному, не любившему противорѣчій, привыкшему къ обожанію, вѣрящему только въ себя «ирландскому диктатору».

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу объ этомъ новомъ теченіи, необходимо пояснить, каково было положеніе О'Коннеля въ началѣ сороковыхъ годовъ. Онъ все еще пользовался огромной популярностью, несмотря на то, что теперь уже онъ не шелъ впереди *всего* ирландскаго общества, какъ во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка. Тридцатые годы выдвинули рядъ вопросовъ, въ которыхъ О'Коннель не хотѣлъ разобраться. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ вмѣшательства государственной власти въ отношенія между рабочимъ и работодателемъ, и это въ эпоху самой ужасающей, самой жестокой нищеты и безпомощности рабочихъ классовъ. Даже скромныя профессіональныя трэдъ-юніонистскія организаціи ему не нравились. Все это поселяло отчужденіе между нимъ и широкими слоями если не сельскаго, то городского населенія, и иногда (въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ гг.) ему приходилось на митингахъ слышать и видѣть самые недвусмысленныя проявленія раздраженія со стороны собравшейся толпы.

Особенно грустно и болѣзненно разразился давно назрѣвавшій въ жизни О'Коннеля кризисъ вотъ по какой причинѣ. Съ самаго начала сороковыхъ годовъ въ качествѣ главной очередной политической задачи О'Коннель поставилъ предъ собою и хотѣлъ поставить предъ Ирландіею расторженіе уніи и возстановленіе самостоятельнаго парламента. Установленіе съ 1841 года враждебнаго О'Коннелю консервативнаго правительства еще болѣе обострило политическую атмосферу, въ которой началась и развивалась агитація противъ уніи. Ассоціація, учрежденная 15-го апрѣля 1840 года О'Коннелемъ (Repeal Association) со спеціальной цѣлью агитировать противъ уніи, явно стремилась объединить по возможности всю страну вокругъ намѣченнаго дѣла. Рабочимъ сулилась демократическая реформа парламента; арендаторамъ—законодательное упроченіе за ними ихъ земельныхъ участковъ, уничтоженіе (на этотъ разъ уже окончательное) преобразованной въ налогъ съ лендлордовъ церковной десятины, которая съ 1838 года потеряла, правда, свои наиболѣе раздражающія и угнетающія народъ свойства, но тѣмъ не менѣе могла сказываться до извѣстной степени на повышеніи арендной платы, средній и высшій классы предполагалось привлечь тѣмъ простымъ аргументомъ, что фактически власть и вліяніе послѣ уничтоженія уніи перейдутъ именно въ ихъ руки, и станетъ возможна національная политика, считающаяся во всѣхъ отношеніяхъ (въ томъ числѣ и въ экономическомъ) съ интересами не англійской, асвоей, ирландской жизни,—Ирландія перестала бы быть только рынкомъ для сбыта англійскихъ фабрикантовъ. Но именно разнородность элементовъ, которые желательно было объединить. и затрудняла логическое проведеніе столь разнохарактерной программы. Скудно и вяло посѣщались въ 1840—1841 гг. агитаціонныя собранія. Идея О'Коннеля была все та же, его постоянная: митинги, подача петицій парламенту, мирныя, но внушительныя своею численностью демонстраціи и т. п. Съ 1841 г., съ начала консервативнаго кабинета Роберта Пиля, отношеніе къ ассоціаціи со стороны ирландскаго общества нѣсколько измѣнилось: теперь уже О'Коннель говорилъ болѣе рѣзко, болѣе оппозиціонно и это казалось интереснѣе, не столь монотонно, какъ прежнія рѣчи, развивавшія всѣмъ извѣстные аргументы въ пользу расторженія уніи и сдобренныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, любезностями по адресу союзниковъ О'Коннеля — виговъ. Такъ или иначе,— О'Коннель все еще являлся единственнымъ рупоромъ политическихъ желаній и тенденцій своего народа Назрѣвали уже другія тенденціи и чувства, но только съ 1842 — 1843 гг. они нашли выраженіе. Эти новыя чувства и мысли и ихъ глашатаи такъ болѣзненно-остро поразили О'Коннеля не потому, что они выступили на сцену безъ него и направились противъ него, но потому, что они какъ бы не только не хотѣли считаться съ новой занятой имъ позиціей, а *именно* ее, эту позицію агитатора противъ уніи, сочли самой лучшей почвой для борьбы. Случилось это такъ.

Осенью 1841 года Чарльзъ-Гэвэнъ Дэффи, молодой человѣкъ, вращавшійся въ литературныхъ кружкахъ Ирландіи, встрѣтился и близко сошелся съ двумя молодыми дублинскими адвокатами: Джономъ Диллономъ и Томасомъ Дэвисомъ. Полная солидарность въ политическихъ взглядахъ и въ настроеніи очень скоро послѣ перваго знакомства натолкнула ихъ на мысль издавать сообща еженедѣльный журналъ. Сказано—сдѣлано. Поднявшись съ той скамьи въ дублинскомъ Фениксъ-паркѣ, гдѣ имъ пришла въ голову эта мысль во время гулянья *), три пріятеля разошлись по домамъ и тотчасъ же принялись за исполненіе своего намѣренія: деньги нашлись у Деффи,—значитъ, нужно было подыскать сотрудниковъ и выпускать проспектъ новаго изданія. Кромѣ будущихъ сотрудниковъ, увѣдомлять никого не представлялось необходимымъ, такъ что вице-король имѣлъ случай узнать о проектируемомъ журналѣ одновременно съ прочими читателями, на которыхъ разсчитывала молодая редакція. Къ книгѣ Дэффи, въ которой говорится о первыхъ годахъ дѣятельности его партіи, приложена гравюра изображающая трехъ друзей на скамьѣ Фениксъ-парка, и подъ гравюрой подписано: «Рожденіе «Націи». («Націей» они рѣшили назвать свой будущій журналъ). Дѣйствительно, какъ горько ни жаловались передовые ирландцы на общественныя условія, царившія на ихъ родинѣ, но если у человѣка, имѣвшаго хоть скóлько-нибудь подходящія денежныя средства, являлось желаніе издавать въ Ирландіи газету или журналъ, то этотъ моментъ появленія подобнаго желанія онъ и могъ впослѣдствіи называть «рожденіемъ» своего изданія. Никакихъ воспріемниковъ не требовалось. 15-го октября 1842 года появился первый нумеръ «Націи», задолго возвѣщенный и съ нетерпѣніемъ ожидаемый. Разошелся онъ безъ остатка въ первые же часы послѣ выхода, до полудня. Колоссальный успѣхъ встрѣтили и слѣдующіе нумера, и къ концу того же 1842 года «Нація» обозначалась какъ новая и крупная общественная сила. Чему же она учила и куда вела своихъ читателей?

Дэвисъ, Диллонъ, Дэффи и ихъ друзья задались сложными цѣлями. Они, по собственнымъ словамъ ихъ, хотѣли возстановить въ народѣ самоуваженіе и самоувѣренность въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. два качества, которыя англичане всячески хотѣли уничтожить въ Ирландіи, по ихъ мнѣнію. Они опредѣленно желали сѣять недовольство противъ англійскаго режима, говоря, что «низко—быть довольнымъ», когда родина страдаетъ «подъ бичомъ несправедливыхъ законовъ». По мнѣнію членовъ редакціи, мало было организовать общественное мнѣніе, какъ это неоднократно по разнымъ поводамъ дѣлалъ и пытался дѣлать О'Коннель: нужно еще его просвѣтить, дать знанія, ибо «человѣкъ ясныхъ убѣжденій и точныхъ знаній предста-

---

*) Все это разсказано у *Деффи* (см. прим. къ этой главѣ).

вляетъ собою бо̀льшую силу, нежели десять человѣкъ, нуждающихся въ этихъ дарахъ». Журналъ стремился дать своимъ читателямъ эти точныя знанія и ясныя убѣжденія. По воззрѣнію редакціи, «исторія Ирландіи изобиловала примѣрами благородства» и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминала эпическую поэму. Твердо рѣшившись всячески содѣйствовать поднятію національнаго самосознанія, журналъ изъ номера въ номеръ знакомилъ читателей съ лицами и фактами, прославившими Ирландію въ далекомъ и недавнемъ прошломъ. Была, напримѣръ, эпоха, когда Ирландія, наравнѣ съ Италіей, высылала въ дикія варварскія страны Европы проповѣдниковъ и апостоловъ христіанской вѣры. Въ это глухое время ранняго средневѣковья Ирландія стояла, относительно, на высшемъ уровнѣ культурнаго развитія, нежели, напр., англосаксонскія государства сосѣдняго острова. Помѣщая очерки изъ исторіи ирландскихъ религіозныхъ подвижниковъ, журналъ интересовался ими не вслѣдствіе религіознаго, но вслѣдствіе патріотическаго чувства, чувства гордости, которое они могли возбудить. Въ еще большей мѣрѣ освѣщались и иныя, болѣе близкія къ XIX вѣку эпохи. Систематически помѣщались статьи и очерки о выдающихся ирландцахъ, прославившихъ себя на службѣ военной и гражданской въ иныхъ странахъ. Наконецъ, въ прозѣ и въ стихахъ прославлялись люди, пожертвовавшіе своею жизнью изъ-за того, что они считали благомъ для Ирландіи. Давно забытыя, казалось, навсегда, наглухо затерянныя имена, имена вождей и участниковъ былыхъ возстаній, снова выходили на свѣтъ Божій; окровавленныя тѣни Вольфа Тона, лорда Фицджеральда, Роберта Эммета снова воскресали въ памяти ирландскаго общества. Герои болѣе стародавнихъ и еще болѣе забытыхъ возстаній вереницей проходили предъ читателями. Поэты журнала посвящали поэмы и лирическія произведенія выдающимся событіямъ ирландской исторіи и дѣятелямъ этихъ событій. Кромѣ исторіи, журналъ стремился еще знакомить своихъ читателей съ настоящимъ какъ Ирландіи, такъ и иныхъ странъ. Одною изъ главныхъ ихъ задачъ было полное примиреніе и объединеніе ирландцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій, т.-е. то, къ чему стремились въ 1790-хъ годахъ «объединенные ирландцы». Журналъ на примѣрѣ современной ему Франціи, управляемый протестантомъ Гизо, на примѣрѣ католической Бельгіи, въ которой король былъ протестантомъ, доказывалъ, что различіе въ религіи не обусловливаетъ непремѣнно вражды и невозможности мирнаго сожительства отдѣльныхъ группъ гражданъ въ одномъ государствѣ: вотъ почему ирландцы-протестанты не должны пугаться перспективы расторженія уніи съ Англіей и перехода власти надъ Ирландіею въ руки большинства ирландскаго населенія, т.-е. въ руки католиковъ. Вообще, на ознакомленіе ирландскаго общества съ континентальной Европой и Америкой редакція обратила серьезное вниманіе. Въ данномъ случаѣ журналу приходилось бороться кое-съ чѣмъ посильнѣе простого невѣжества. Простое невѣжество все-таки

есть tabula rasa, которая и представляется въ распоряженіе учителя. А тутъ на лицо были уже благопріобрѣтенныя нелѣпости и фальсификаціи, внѣдренныя въ умы народа, который былъ заброшенъ въ сторону отъ Европы и всѣ свои сужденія о ней воспринималъ чрезъ посредство оффиціальныхъ и оффиціозныхъ англійскихъ извѣстій. Дэффи, Диллонъ и Дэвисъ настаивали на томъ, что Ирландія, хотя она пока и несамостоятельна, должна имѣть свою собственную «иностранную политику», вовсе не совпадающую съ англійской. Это—на томъ основаніи, что интересы Англіи и Ирландіи отнюдь не тождественны; напр., всякій разъ, когда Англія воевала противъ Америки или Франціи,—для Ирландіи изъ англійскихъ неудачъ и пораженій проистекала прямая выгода, ибо Англія слабѣла и, хоть временно, шла на нѣкоторыя уступки, дѣлалась мягче! Поэтому, если англійскіе учебники и англійскія газеты даже и очень бранятъ какую-нибудь націю, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эта нація очень дурна и что ирландцамъ нужно ее ненавидѣть,—напротивъ. Что касается до положенія Ирландіи въ экономическомъ отношеніи, — то воззрѣнія журнала здѣсь были очень опредѣленны: нигдѣ нѣтъ такой ужасающей нищеты, такихъ частыхъ голодовокъ среди крестьянъ, такого обнищанія ремесленныхъ и промышленныхъ классовъ, такого угнетенія всѣхъ производительныхъ силъ, какъ именно въ Ирландіи. Экономическія бѣдствія тѣсно связывались съ недочетами и ненормальностями, отмѣчавшимися въ соціальной структурѣ въ законахъ и обычаяхъ: нигдѣ (по ихъ мнѣнію) землевладѣльцу не былъ предоставленъ такой широкій произволъ въ изгнаніяхъ фермеровъ съ участковъ, нигдѣ податное бремя не было распространено болѣе неравномѣрно и несправедливо, нигдѣ не проявлялось такого полнаго отсутствія всякихъ стремленій со стороны законодательства хоть немного посодѣйствовать развитію промышленности, улучшенію земледѣлія, охранѣ экономическихъ интересовъ народа. И всѣ эти соціально-экономическія бѣды сводились, къ свою очередь, къ тому, что дѣлами ирландскаго народа завѣдуютъ посторонніе ему люди—англичане, которымъ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ. Фракція, сгруппировавшаяся вокругъ журнала «The Nation» и получившая впослѣдствіи названіе «Молодой Ирландіи», объявляла себя всецѣло за расторженіе уніи,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прямую противуположность О'Коннелю, категорически отказывалась отъ мысли о какомъ-либо союзѣ съ одною изъ двухъ парламентскихъ англійскихъ партій. Виги, говорили они, столь же мало заслуживаютъ довѣрія Ирландіи, какъ и торіи, ибо и тѣ и другіе суть англичане, которымъ выгодно порабощеніе этой страны. Своего освобожденія ирландцы должны добиваться, полагаясь лишь на себя самихъ и позабывъ всѣ междоусобныя распри,—прибавляли они.

Было нѣчто помимо фактическаго содержанія, помимо развивавшихся въ журналѣ опредѣленныхъ политическихъ идей, что привле-

кало къ себѣ молодое поколѣніе, только вступавшее тогда на сцену. «Молодая Ирландія» вносила необыкновенный энтузіазмъ, почти экзальтацію во все, что она говорила и проповѣдывала! Напр., О'Коннель былъ принципіально враждебенъ всякимъ методамъ дѣйствія, напоминающимъ Вольфа Тона и его время; онъ говорилъ, что гораздо лучше для Ирландіи будетъ, если ея друзья останутся въ живыхъ, а не отправятся на тотъ свѣтъ. «Одинъ живой другъ стоитъ десяти мертвыхъ», эту фразу и подобныя ей любили повторять приверженцы стараго агитатора. Что же касается до редакціи новаго органа, то, по признанію Дэффи, его товарищи «мечтали стать мучениками». Для нихъ традиціи возстанія 1798 года были священны, а для О'Коннеля не было достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы достойно порицать это возстаніе. О'Коннель часто даже аффектировалъ свою полную лояльность, свое отвращеніе ко всякой мысли о чужеземной помощи противъ Англіи. Новое поколѣніе всячески подчеркивало благую для Ирландіи роль историческихъ враговъ англійскаго государства. И ставъ на тотъ путь, на которомъ уже стоялъ О'Коннель, «молодая Ирландія» обнаруживала явное желаніе пойти по этому пути болѣе бурнымъ аллюромъ, болѣе быстро и порывисто, нежели это было желательно старому вождю. «Не откладывай на завтра то дѣло, которое нужно дѣлать сегодня... будемъ полагаться на насъ самихъ», недвусмысленно говорилъ поэтъ журнала Джонъ О'Хэгэнъ. Мысли этого стихотворенія, напримѣръ, возмутили не только власти, но отчасти и О'Коннеля. Ему уже то было непріятно, что впервые чуть ли не за всю его жизнь иниціатива сознательнаго политическаго воздѣйствія на общество исходила не отъ него. Онъ былъ гордъ, во многомъ — деспотиченъ и долговременное всеобщее обожаніе не преминуло оказать обычные свои плоды, — оно пріучило его смотрѣть на себя, какъ на «ходячій разумъ» ирландскаго народа, какъ на единственную и высшую моральную власть въ странѣ. Холодность, потомъ отчужденіе, потомъ разрывъ, — все это не могло не произойти при подобныхъ условіяхъ, если принять во вниманіе, что и «молодая Ирландія» отнюдь не собиралась идти на уступки и покориться. Если бы дѣло происходило въ странѣ безъ тѣхъ политическихъ правъ и гарантій, какими пользовались ирландцы въ числѣ прочихъ англійскихъ подданныхъ, то этотъ процессъ отчужденія и разъединенія, быть можетъ, нѣсколько замедлился бы за отсутствіемъ непосредственной возможности открыто высказаться и сразиться. Здѣсь этого замедленія быть не могло, хотя все-таки не въ первые мѣсяцы произошелъ разрывъ.

Дѣло осложнялось тѣмъ, что «The Nation» сразу же, именно въ первый годъ своего существованія, самымъ несомнѣннымъ образомъ помогла О'Коннелю въ томъ послѣднемъ дѣлѣ его жизни, которому онъ посвятилъ остававшіеся годы, — въ дѣлѣ агитаціи противъ уніи. «Сборъ въ пользу ассоціаціи, образованной О'Коннелемъ для растор-

женія уніи, не достигавшій и 60 фунтовъ въ недѣлю, когда появилась «Нація», достигъ теперь (весною 1843 года), въ среднемъ 300 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю», пишетъ редакторъ этого журнала Дэффи. «Націю» читали на расхватъ и она пропагандировала идею расторженія уніи тамъ, куда до того никогда не проникала политическая пресса. И самъ О'Коннель не торопился сердиться и ссориться. Но О'Коннеля не даромъ называли (какъ спустя сорокъ лѣтъ Парнеля) некоронованнымъ королемъ Ирландіи: у него успѣлъ образоваться своего рода дворъ, гдѣ были приспѣшники и лакеи, сплетни и интриги, и все то мелкое, юркое, пошлое и ненужное, что фатально-неизбѣжно стремится присосѣдиться ко всякой силѣ. Сынъ О'Коннеля Джонъ, раздѣляя заблужденіе, свойственное сыновьямъ многихъ замѣчательныхъ людей, считалъ себя тоже, по праву родового наслѣдованія, призваннымъ учить съ политической трибуны согражданъ. Онъ выступалъ на собраніяхъ часто и охотно, говорилъ много и несвязно, полемизировалъ рѣзко и некстати. Онъ-то, въ числѣ прочихъ ближайшихъ къ О'Коннелю лицъ, стремился поскорѣе произвести разрывъ. Такъ, онъ напалъ въ публичной рѣчи на «Націю» за то, что ея симпатіи тяготѣютъ къ Франціи, странѣ, въ исторіи которой есть столь кровавая страница, какъ революція. Одинъ (случайный) сотрудникъ «Націи» тотчасъ же возразилъ оратору, что если онъ питаетъ такой ужасъ къ революціямъ, произведеннымъ силою меча, то ему слѣдовало бы также отвергнуть жертвуемые на ассоціацію, образованную его отцомъ, американскіе доллары, ибо Соединенные Штаты, какъ это ни предосудительно съ ихъ стороны, тоже освободились отъ Англіи силою меча. За этимъ споромъ слѣдовалъ рядъ другихъ несогласій. Главный вдохновитель новаго журнала Дэвисъ съ величайшимъ вниманіемъ и рѣшительнымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на кипѣвшее въ Англіи чартистское движеніе, охватывавшее промышленные города и округи страны. О'Коннель, сначала (въ 1838 г.) обнаруживавшій симпатію къ чартистамъ, теперь, въ сороковыхъ годахъ, не имѣлъ для англійской демократіи ничего, кромѣ самыхъ рѣзкихъ порицаній и пренебреженія. Журналъ «Нація», полагая, что въ данномъ случаѣ считаться съ мнѣніями О'Коннеля не слѣдуетъ, настойчиво рекомендовалъ приверженцамъ расторженія уніи сближаться съ чартистами, съ единственной группой англійскихъ гражданъ, не враждебной ирландскому освобожденію. О'Коннель началъ сердиться. Онъ сдѣлалъ шагъ, который ясно показывалъ, во-первыхъ, что самообожаніе въ немъ было необыкновенно сильно, во-вторыхъ, что интриги его ближайшихъ сотрудниковъ противъ «Націи» все усиливались и, въ-третьихъ, что «Нація» успѣла занять въ общественной жизни мѣсто, не позволявшее съ ней ссориться слишкомъ поспѣшно и необдуманно. О'Коннель далъ знать редактору журнала Дэффи, что замѣчающееся въ журналѣ отклоненіе отъ его, О'Коннеля, мнѣній многіе считаютъ плодомъ заговора противъ него, О'Коннеля; что онъ

самъ пока этому не вѣритъ, но если редакція не будетъ особенно осторожна, то подобное подозрѣніе можетъ, чего добраго, распространиться! Редакція приняла къ свѣдѣнію, но поведенія своего не измѣнила. Распространеніе журнала уже въ 1843 году констатировалось не только въ городахъ, не только среди интеллигенціи, но въ довольно глухихъ мѣстахъ, между арендаторами. Редакція не только не раздувала, съ своей стороны, начавшихся недоразумѣній, но всячески подчеркивала, что считаетъ О'Коннеля главой движенія, человѣкомъ, оказавшимъ огромныя услуги странѣ и продолжающимъ ихъ оказывать.

25-го февраля 1843 года О'Коннель внесъ на разсмотрѣніе дублинскаго городского управленія (гдѣ теперь, послѣ реформы 1840 г., сидѣли и католики) предложеніе возбудить петицію предъ парламентомъ о расторженіи уніи, т.-е. объ отмѣнѣ акта 1800 г. и о дарованіи Ирландіи вновь прежняго самостоятельнаго парламента (съ сохраненіемъ конечно, главенства царствующей династіи). Дебаты длились три дня и интересъ къ нимъ всего ирландскаго общества былъ огромный. Эти дебаты были лебединою пѣснью О'Коннеля, которому на этотъ разъ опять, какъ въ прежніе дни, рукоплескала вся страна, въ томъ числѣ и люди новаго теченія, приверженцы возникавшей литературно-политической партіи «молодой Ирландіи». О'Коннель выяснилъ, что послѣдній дублинскій парламентъ, подкупленный Питтомъ и Кэстльри, не имѣлъ ни малѣйшаго права объявлять себя уничтоженнымъ; что, несмотря на всѣ противодѣйствія англичанъ, ирландскій народъ въ лицѣ семисотъ тысячъ петиціонеровъ тогда же ходатайствовалъ о сохраненіи автономіи, но англійское правительство не обратило на это никакого вниманія. Онъ ярко очертилъ всѣ бѣдствія, проистекшія отъ этого акта для ирландской промышленности, торговли, земледѣлія. «Позвольте мнѣ спросить васъ,—воскликнулъ онъ:—знаете ли вы хоть одну страну, подчинившуюся рабскому состоянію, которая не подверглась одновременно съ этимъ и обнищанію; и знаете ли вы хоть одну страну, которая, возвысившись до свободы, не достигла бы въ то же время процвѣтанія?» Онъ окончилъ свою рѣчь торжественнымъ увѣреніемъ, что ирландскій народъ преданъ и останется вѣрнымъ королевѣ Викторіи, но что онъ долженъ имѣть и будетъ имѣть—самоуправленіе, безусловно необходимое для процвѣтанія націи. Между аргументами, приводившимися во время дебатовъ противъ О'Коннеля, едва ли не самымъ главнымъ являлся тотъ, что англичане ни за что самоуправленія не дадутъ, а потому агитація противъ уніи среди ирландскаго населенія можетъ привести къ революціонному взрыву. Если принять по вниманіе почву, на которой стоялъ О'Коннель, этотъ аргументъ въ глазахъ многихъ казался весьма существеннымъ. Тѣмъ не менѣе дублинская «корпорація» послѣ всѣхъ преній большинствомъ голосовъ рѣшила подать парламенту петицію объ отмѣнѣ уніи.

Эти дебаты и ихъ финалъ имѣли, разумѣется, лишь агитаціонное значеніе, зато оно было весьма велико. Въ огромной степени усилились сборы въ пользу агитаціонной ассоціаціи; идея отмѣны уніи быстро распространялась въ народѣ, большинство котораго, какъ часто случалось въ Ирландіи, начало думать, что найдена панацея отъ нищеты и голодовокъ, и все тѣснѣе примыкало къ знамени, выставленному среднимъ и высшимъ классами и ихъ представителемъ, къ требованію автономнаго парламента. Въ дни дебатовъ въ дублинскомъ городскомъ управленіи «молодая Ирландія», какъ сказано, всецѣло стояла на сторонѣ О'Коннеля. Но уже въ эти дни кое-что недоговоренное, невырѣшенное было между присутствующими, и обстоятельства сложились такъ, что это недосказанное стало вдругъ на очередь дня, и правительство, О'Коннель и новый журналъ должны были открыть другъ другу свои карты. Въ парламентѣ, въ отвѣтъ на запросъ оранжиста Родэна, какъ правительство намѣренно отнестись къ происходящей въ Ирландіи агитаціи, первый министръ сэръ Робертъ Пиль заявилъ, что всѣ средства, какія только находятся въ распоряженіи правительственной власти, будутъ пущены въ ходъ, чтобы воспрепятствовать «расчлененію» имперіи», т.-е. расторженію уніи. И если не хватитъ наличныхъ средствъ, то онъ, сэръ Робертъ Пиль, попроситъ у парламента особыхъ полномочій для борьбы со зломъ. О'Коннель, отвѣчая на эту угрозу, заявилъ на большомъ митингѣ, что онъ принадлежитъ къ націи, насчитывающей восемъ милліоновъ человѣкъ, и не боится угрозъ Пиля, не вѣритъ, чтобы тотъ «посмѣлъ» начать борьбу насильственными мѣрами, — разъ Ирландія вовсе не намѣрена устроить возстаніе. Редакція «The Nation» увидѣла, что, наконецъ, дѣло дошло до самаго остраго и болѣзненнаго пункта, и что нужно высказаться. Мнѣніе молодыхъ публицистовъ сводилось къ слѣдующему. О'Коннель неоднократно выражался въ томъ смыслѣ, что ни на минуту ирландскій народъ не долженъ выходить въ своихъ дѣйствіяхъ за предѣлы законности и конституціи; что «ни одно политическое улучшеніе не стоитъ и капли крови». Давая отпоръ Роберту Пилю, онъ сдѣлалъ по мнѣнію редакціи хорошее дѣло, но былъ ли онъ при этомъ послѣдователенъ? Онъ сказалъ, что Пиль «не посмѣетъ» пустить въ ходъ силу противъ людей, борящихся конституціонными средствами. А если посмѣетъ? Не превратится ли тогда гордый отпоръ О'Коннеля въ жалкую и смѣшную браваду, достойную полнаго презрѣнія? «Молодая Ирландія» рѣшила приковать общественное вниманіе къ этой болѣзненно-острой темѣ. Руководитель новаго теченія Дэвисъ написалъ статью, въ которой между прочимъ говорилъ: «Немного предусмотрительности избавляетъ отъ большой бѣды. Если у ирландскаго народа нѣтъ терпѣнія, благоразумія и храбрости; если ирландцы не готовы претерпѣть препятствія и преслѣдованія, строго повиноваться своимъ вождямъ и, наконецъ, если они будутъ потомъ колебаться при встрѣчѣ

съ страданіемъ, опасностью и самою смертью за свободу, то пусть они сразу бросятъ борьбу, для которой, значитъ, природа ихъ вовсе не приспособила». Дэвисъ выражалъ увѣренность, что на дѣлѣ у ирландцевъ найдутся всѣ качества, нужныя для успѣха; не совѣтуя торопиться, онъ тѣмъ не менѣе говорилъ... «Богъ можетъ смягчить сердца или просвѣтить умы англійскаго народа, теперь превращеннаго въ орудіе аристократіи, которая топчетъ насъ и грабитъ обоихъ (т.-е. и ирландскій, и англійскій народъ). Но если этого не будетъ, то Богъ придастъ силы нашей рукѣ въ угодный Ему часъ. Время есть исправитель зла. Время рождаетъ удобный случай». Другой вдохновитель журнала «Нація» Диллонъ заявилъ, съ своей стороны, уже не въ печати, а на митингѣ: «скорѣе, нежели удовлетворить просьбу всей Ирландіи, англійскіе министры готовы опустошить ея поля и покрыть ихъ тѣлами ея перебитаго народа. Что это какъ не замѣна народнаго согласія... грубою силою? И что же мы сами, какъ не рабы, если мы подчинимся этому?»

Огромные митинги, происшедшіе вскорѣ послѣ угрожающей рѣчи Пиля въ разныхъ мѣстахъ Ирландіи, раздраженное состояніе крестьянъ стекавшихся на эти митинги, и молодежи, рукоплескавшей новому журналу, все это повліяло на О'Коннеля. Попрежнему утверждая, что нападенія со стороны Ирландіи не будетъ, онъ прибавлялъ, что защищаться ирландцы будутъ, если ихъ къ тому вынудятъ. Онъ шелъ *за* движеніемъ, но огромнымъ своимъ авторитетомъ необыкновенно усиливалъ въ общественномъ мнѣніи тѣ позиціи, которыя занимались Дэвисомъ, Дэффи, Диллономъ, ихъ сотрудниками и уже многими ихъ читателями. Такъ пока шло дѣло. И пока оно было такъ, многія слова въ устахъ О'Коннеля, весь свой вѣкъ убѣждавшаго въ тщетѣ неконституціоннаго образа дѣйствій, пріобрѣтали въ глазахъ Англіи особенно зловѣщій смыслъ. На колоссальномъ митингѣ въ Коркѣ О'Коннель, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «представьте себѣ какого-нибудь ирландца безъ единаго пенни и босого, который переѣхалъ черезъ каналъ на палубѣ парохода, очутился въ Манчестерѣ или Сентъ-Джайльсѣ и собралъ вокругъ себя извѣстное число ирландцевъ; и вотъ кто-нибудь спрашиваетъ его: «что новаго?», а онъ отвѣтилъ бы (вопрошателю): «твой отецъ убитъ драгуномъ; твоя мать застрѣлена полисменомъ; твоя сестра... но я не хочу сказать, что съ ней случилось». Пусть это такъ произойдетъ, и я спрошу Роберта Пиля, сколько пожаровъ вспыхнетъ на англійскихъ мануфактурахъ? Я не предупреждаю васъ (членовъ митинга), чтобы вы не боялись (угрозъ Пиля), ибо это было бы смѣшно: я говорю, что Англія не въ состояніи ниспровергнуть васъ». За этимъ митингомъ слѣдовали другіе (въ Тайперэри и др.), на которыхъ собиралась колоссальная масса народа. Всюду О'Коннель убѣждалъ не бояться и сравнивалъ положеніе вещей съ тѣмъ, какое было наканунѣ акта объ эмансипаціи католиковъ.

Робертъ Пиль не спѣшилъ приводить угрозу въ исполненіе, ибо изъ числа солдатъ, стоявшихъ въ Ирландіи около половины были ирландцы. При такомъ сомнительномъ составѣ провокировать взволнованную страну въ восемь милліоновъ жителей представлялось неудобнымъ. Еще прискорбнѣе было то обстоятельство, что солдаты, находившіеся въ самой Англіи, очень могли пригодиться противъ все еще кипѣвшаго, все еще не сдававшагося чартизма, и трогать ихъ съ мѣста являлось тоже небезопаснымъ, такъ что ими не вполнѣ удобно было подкрѣпить въ случаѣ нужды слабый ирландскій гарнизонъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній министерство рѣшило презрительно не замѣчать того, что происходитъ въ Ирландіи; но долго этого метода нельзя было держаться, ибо ирландскіе оранжисты (несмотря на номинальное закрытіе ихъ ложъ въ 1830 гг., въ эпоху вигистскаго кабинета) были очень сильны своими связями и богатствами и рѣшительно требовали, чтобы противъ анти-уніонистовъ были приняты мѣры. Тогда правительство одного за другимъ стало выгонять въ отставку тѣхъ лицъ, которыя, находясь на государственной службѣ, позволяли себѣ присутствовать на о'коннелевскихъ митингахъ и обѣдахъ или, вообще, обнаруживали свою симпатію къ движенію. Двадцать четыре лица въ самое короткое время были удалены съ должности. Раздраженіе росло; но и Пиль, съ обычнымъ умомъ своимъ, понялъ, въ чемъ его сила, и, не прибѣгая къ осуществленію угрозы подавить движеніе открытою силою, онъ рѣшилъ использовать до конца всѣ предоставленныя ему по закону средства. Онъ зналъ, что они велики. Послѣ этихъ репрессій сборы въ пользу ассоціаціи, завѣдывавшей движеніемъ противъ уніи, дошли до 2.200 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю, т.-е. до цифры, которой, какъ замѣтилъ Дэффи никогда не достигали даже недѣльные сборы «католической ассоціаціи» предъ эмансипаціей католиковъ. Нищая страна давала послѣднее на борьбу противъ англичанъ, еще даже не разобравшись вполнѣ, какая именно будетъ эта борьба? Примкнулъ ли О'Коннель къ тактикѣ «The Nation» или изъ его словъ это еще вполнѣ не явствуетъ? Митинги дѣлались все огромнѣе.

Робертъ Пиль внесъ въ парламентъ «билль объ оружіи», сильно ограничивавшій для ирландцевъ возможность держать дома и пользоваться оружіемъ и устанавливавшій рядъ мѣропріятій, которыя позволяли бы контролировать дѣйствительность этого закона. Билль, внесенный въ палату въ маѣ, прошелъ въ третьемъ чтеніи 9-го августа того же (1843) года большинствомъ 66 голосовъ. Оппозицію составили ирландцы, радикалы и многіе либералы; консервативное большинство поддержало свое правительство. Еще въ маѣ началось движеніе нѣкоторыхъ (немногихъ) полковъ изъ Англіи въ Ирландію; много посылать нельзя было по указанной выше причинѣ. Въ теченіе всего лѣта, пока билль объ оружіи проходилъ черезъ палату,

«митинги-монстры», какъ выразился *) о нихъ «Times», не переставали собираться. О'Коннель все повышалъ и повышалъ свой тонъ. «Испугать насъ хотятъ? Веллингтонъ при Ватерлоо не былъ такъ силенъ, какъ я здѣсь!» крикнулъ онъ на одномъ собраніи, гдѣ считали болѣе ста тысячъ присутствующихъ. Редакція «The Nation» такимъ изъявленіямъ сочувствовала, но она должна была принимать въ соображеніе, что подобныя слова не мѣшали О'Коннелю говорить на тѣхъ же митингахъ, что только оставаясь вполнѣ мирнымъ, движеніе восторжествуетъ. Новые дѣятели не всегда признавали О'Коннеля послѣдовательнымъ, но историческая волна взмывала все выше, все выше и люди не успѣвали ссориться.

11-го іюня (1843 года) въ Мэллоу состоялся митингъ, на который сошлось и съѣхалось по скромной оцѣнкѣ **) четыреста тысячъ человѣкъ, а по счету тогдашнихъ англійскихъ газетъ полмилліона. Вокругъ рѣялъ эскадронъ гусаръ и двѣ роты пѣхотинцевъ, посланные на всякій случай по приказу Роберта Пиля. О'Коннель снова говорилъ объ угрозахъ перваго министра и, увлекаясь общимъ настроеніемъ, между прочимъ, воскликнулъ: «Они могутъ растоптать меня, но если они такъ поступятъ, то не съ живымъ человѣкомъ, а съ моимъ трупомъ». Еще болѣе рѣшительно прозвучали сказанныя вскорѣ послѣ этого слова О'Коннеля, что, въ случаѣ нападенія, у Ирландіи не будетъ недостатка въ друзьяхъ: эти слова прямо относились къ Соединеннымъ Штатамъ и къ Франціи,—гдѣ высказывалось открытое и довольно демонстративное сочувствіе ирландскому движенію. Ледрю-Роллэнъ, напримѣръ, прямо совѣтовалъ британскому правительству считаться съ тѣмъ, что, въ случаѣ насильственнаго нарушенія законныхъ правъ ирландцевъ, Франція, какъ и въ былые дни, можетъ оказать помощь угнетеннымъ. Конечно, въ Англіи хорошо знали, что Ледрю-Роллэнъ — всего только членъ французской радикальной оппозиціи, и что вовсе Франція не собирается ирландцамъ помочь, и не можетъ, и не сможетъ это сдѣлать, если бы даже захотѣла, и что все это одни только разговоры. Но воинственныя рѣчи въ устахъ О'Коннеля обратили на себя всеобщее и живѣйшее вниманіе; никогда онъ еще такъ не выражался. Митинги, бурные и колоссальные, учащались, иногда они происходили дважды въ теченіе одной недѣли. И вдругъ надъ Ирландіей разразился ударъ, съ которымъ такъ легко было считаться на словахъ, который уже началъ казаться отпарированнымъ еще до того, какъ врагомъ была сдѣлана попытка его нанести: Робертъ Пиль исполнилъ свою угрозу.

Е. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) См. Duffy, «Joung Ireland», ed. cit., стр. 121.

**) «Annuaire historique, 1843», стр. 485.

СИНГУАЛЛА.

Виктора Рюдберга.

(Переводъ со шведскаго **С. Вародель**).

Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten,
Die früh einst dem trüben Blieck gezeigt.
Göthe.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На холмѣ, у одного изъ озеръ Смоляндіи, расположился замокъ, принадлежавшій роду Монешёльдовъ. Замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ дубовыхъ построекъ съ гранитной башней по серединѣ. Повидимому, въ этомъ строительствѣ участвовало нѣсколько поколѣній, изъ которыхъ каждое слѣдовало вкусамъ своего времени. Въ XIII вѣкѣ замокъ имѣлъ видъ обширнаго цѣлаго, богатаго символическими украшеніями. Надъ колоннами портика красовались изображенія Унамана, Сунамана и Винамана, свидѣтелей кровопролитныхъ битвъ; своими, къ небу поднятыми руками, они молили о ниспосланіи благословенія на замокъ. Казалось, что въ этомъ замкѣ скрывались тайны прошлаго и будущаго; тишина, обыкновенно царившая тамъ, поддерживалась ради того, чтобы не тревожить думы о быломъ. Вокругъ тянулся сосновый лѣсъ, и въ озерѣ отражались каменистые берега; между березами виднѣлась стѣна монастыря, каменный фундаментъ котораго стоитъ тамъ по сію пору.

Однажды осенью я сидѣлъ тамъ. Сырой вѣтеръ завывалъ въ блѣдномъ тростникѣ; мертвыя травы, сохранившія еще свою запоздалую красоту, лежали у моихъ ногъ, на всемъ отражался грустный колоритъ смерти: рябина поддерживала еще на своихъ голыхъ сучьяхъ красныя ягоды, блиставшія какъ капли крови и какъ воспоминаніе о той порѣ, когда все жило и процвѣтало. Какъ назывался монастырь, никто не знаетъ, но преданіе говоритъ, что черная смерть обратила его въ развалины. Въ 1340 году рыцарь Бенгтъ Монешёльдъ владѣлъ замкомъ Екё. Шли слухи, что въ немъ давно царило молчаніе, а про владѣльцевъ сказывали, что слово стоитъ имъ дороже подаянія. Родъ Монешёльдовъ проходилъ жизненный путь такъ же беззвучно, какъ мѣсяцъ, который, по преданію, былъ другомъ языческаго осно-

вателя ихъ рода и подарилъ ему свое серебряное изображеніе, которое теперь помѣщалось надъ воротами, у ногъ Пресвятой Дѣвы. Когда разспрашивали Бенгта объ этой сказкѣ, онъ творилъ крестное знаменіе, отвѣчая: «то было во времена язычества». Народъ зналъ однако, почему въ родѣ Монешёльдовъ царило молчаніе. Когда ревнители христіанства, изображенные на воротахъ, впервые явились въ Смоляндію и съ ея высотъ говорили о бѣломъ Христѣ и о св. отцѣ въ Римѣ, тогда предокъ Монешёльдовъ возсталъ противъ нихъ, и собравъ народъ около жертвенниковъ, призывалъ его къ вѣрности богамъ; въ честь идоловъ онъ пѣлъ, подъ звуки арфы, такіе могучіе гимны, что, казалось, всѣ голоса творенія вторили ему. Сердца народа сдѣлались глухи къ Евангелію, и проповѣдники были изгнаны. Вотъ почему въ Екё царило молчаніе. Молчаніе это не тяготило теперь совѣсть, какъ прежде. Семь поколѣній искупили грѣхъ пѣвца язычника; ни одинъ крещеный Монешёльдъ не пѣлъ подъ открытымъ небомъ— никто, исключая Ерланда, сына рыцаря Бенгта, ребенка въ ту пору, когда начинается нашъ разсказъ. Голосъ его слушали съ удивленіемъ, когда онъ раздавался въ лѣсу, откуда юноша весело возвращался съ охоты. Онъ пѣлъ дикія, странныя пѣсни. Народъ находилъ въ этомъ мальчикѣ что-то дикое, безпокойное, остатокъ язычества, не всосавшаго въ себя брызги крещеной воды. Не духъ ли язычника Монешёльда, который не позволилъ соборовать себя и на смертномъ одрѣ бредилъ о валькиріяхъ и о безсмертномъ напиткѣ, поселился въ Ерландѣ? Объ этомъ не разъ народъ спрашивалъ себя; но слухи утверждали, что Ерландъ творитъ крестное знаменіе, читаетъ молитвы, слушаетъ родителей и учителя своего, патера Генриха, что онъ вспыльчивъ, но добръ и справедливъ. Егерь Расмусъ, покачивая головой, подтверждалъ эти слухи.

Рыцарь Бенгтъ ни мало не заботился объ оживленіи замка; жена его, благородная Ельфрида, въ глазахъ которой можно было прочесть нагорную проповѣдь, а на лбу увидѣть отблескъ преображенія, исполняла свой долгъ съ тихимъ спокойствіемъ.

Бывали въ Екё и праздники, на которые приглашались сосѣди. Тогда стѣны замка украшались дорогими тканями, а изъ погребовъ доставались рѣдкія вина. Веселіе не было запрещено, но все же гости чувствовали какую-то тяжесть, несмотря на изобиліе вина. Самъ Гудмундъ Ульфсаксъ, близкій сосѣдъ, не любившій стѣсняться, и тотъ старался въ Екё вспомнить латинскую молитву, когда его навеселѣ уводили спать.

Бенгтъ былъ рыцарь испытанный; онъ сражался съ Четильмундсономъ за дѣло герцоговъ и съ голштинцами; теперь онъ состарился и съ умомъ исполнялъ долгъ хозяина. Зимой онъ занимался въ столярной мастерской, съ датчаниномъ Хольстенсономъ, гдѣ оба молчаливыхъ человѣка вырѣзывали изъ дерева ангеловъ, святыхъ и апо-

столовъ. Такъ проводилъ Бенгтъ время въ теченіе многихъ зимъ; казалось, ему все было мало святыхъ, несмотря на то, что часовня и залы были полны ими. Въ одной части замка, сохранившейся со временъ язычества, стоялъ святой Зигфридъ, и передъ нимъ на колѣняхъ изображеніе того язычника, который предпочелъ Бальдера Христу и Удена св. Троицѣ; на лицѣ его выражалось раскаяніе, и онъ молилъ о томъ, чтобы будущія поколѣнія не пострадали за его грѣхъ; волшебная арфа, пѣвшая языческіе гимны, лежала разбитая около него. Часто, проснувшись ночью, Бенгтъ съ ужасомъ вспоминалъ о грѣшникѣ въ аду и утѣшался тѣмъ, что поминовеніе его души и добрыя дѣла потомства смягчатъ его участь. Патеръ Генрихъ, учитель Ерланда, объѣхалъ свѣтъ, раньше чѣмъ сталъ пріоромъ монастыря, въ глуши лѣсовъ Смоляндіи. Ученая репутація его была извѣстна въ чужихъ странахъ, и король Магнусъ кланялся ему такъ же низко, какъ архіепископу. Странники приходили къ нему съ письмами отъ папы и отъ ученыхъ университета. Патеру предлагали высокіе посты, но онъ нашелъ въ глуши то, къ чему стремился, – время для размышленія и науки и возможность запечатлѣть на пергаментѣ надежду на царствіе Божіе на землѣ. Онъ любилъ читать римскихъ авторовъ, несмотря на ихъ язычество, и стихи Виргилія «Magnus ab integro seclorum nascitur ordo» являлись пророческимъ словомъ; онъ читалъ даже книги съ странными буквами, о которыхъ говорили монахи: «graeca sunt, non legentur», ибо патеръ провелъ года два въ столицѣ греческихъ царей. Часто патеръ проводилъ вечера въ Екё въ обществѣ рыцаря и его супруги, и много разсказывалъ имъ. Онъ видѣлъ весь свѣтъ и читалъ о прошломъ. Ельфрида старалась о томъ, чтобы Ерландъ присутствовалъ въ такія минуты, и юноша охотно приходилъ слушать своего учителя. Случалось, однако, что его вниманіе ослабѣвало, и онъ съ трудомъ внималъ разсказамъ, особенно въ тѣ вечера, когда свѣтила луна. Луна казалась ему подчасъ багровой, какъ кровь, или представлялась серебрянымъ кораблемъ на голубомъ небѣ, или заглядывающей въ окна залы; иногда онъ видѣлъ ее теряющею свою половину для предка язычника; онъ видѣлъ сказочника Биля и Юке на лунномъ кораблѣ, онъ видѣлъ даже лунный свѣтъ въ складкахъ платья матери. Не былъ ли Ерландъ въ родствѣ съ луной? Трудно было Ерланду внимать патеру и тогда, когда волны шумѣли вдали, и вѣтеръ завывалъ въ лѣсу. Юноша слышалъ голоса, обѣщающіе разсказать ему тайны. Случалось, что ему представлялась арфа, громадная, какъ міръ, украшенная звѣздами, настроенная свѣтлой или мрачной безконечностью, съ дрожащими струнами подъ прозрачными пальцами, или струнами, потревоженными грозовыми тучами и голубой молніей; и отъ этой арфы мысли юноши летѣли къ разбитой языческой арфѣ у ногъ св. Зигфрида. Почему? Онъ самъ не зналъ и не думалъ объ этомъ.

Когда начинается нашъ разсказъ, Ерланду 17 лѣтъ; онъ красивъ, силенъ, ловокъ, любитъ науки, часто веселъ, иногда задумчивъ, вспыльчивъ; юноша въ иномъ, дитя въ другомъ. У вдовца Ульфсакса есть голубоглазая дочь Елена. Бенгтъ и Ульфсаксъ рѣшили соединить своихъ дѣтей, Ельфрида раздѣляетъ ихъ мнѣніе, и рѣшено, что черезъ нѣсколько лѣтъ Ерландъ и Елена будутъ мужемъ и женой. Но все имѣетъ свое время, также и любовь.

Сингуалла.

Однажды въ лѣтній день Ерландъ возвращался съ охоты. На вершинѣ холма росла молодая елка, и когда эта елка обрисовывалась на багровомъ вечернемъ небѣ, казалось, что она съ тоской глядитъ на міръ, стремясь туда, гдѣ растутъ стройныя пальмы... У подножія бѣжалъ ручей, берега котораго были усѣяны пестрыми цвѣтами. Ерландъ любилъ отдыхать на этомъ мѣстѣ, радуясь одиночеству и шелесту листвы. Сюда онъ направлялся и теперь; Чекъ и Грипъ — любимыя собаки Ерланда—сопровождали его. Взобравшись на вершину, Ерландъ остановился въ недоумѣніи; у ручья сидѣла дѣвушка, онъ могъ увидѣть лишь ея какъ уголь черные волосы, падавшіе на обнаженныя плечи, и темную одежду съ пестрыми лентами; она опускала ноги въ ручей, наслаждаясь, повидимому, свѣжестью воды. Вдругъ, она запѣла звонкимъ, пріятнымъ голосомъ, которому вторило эхо въ лѣсу. Кто она? По манерамъ, одеждѣ и пѣснѣ Ерландъ видѣлъ, что она не уроженка Смоляндіи. Но кто же она? Быть можетъ, эльфа или сказочная прицесса? Удивленный, стоялъ юноша на холмѣ, чувствуя что-то непонятное, страшное, но привлекательное. Собаки смотрѣли недобрыми глазами на незнакомку, и Грипъ пустился стремглавъ съ горы, готовый растерзать дѣвушку. Только тогда Ерландъ замѣтилъ опасность и кликнулъ собаку; но до этого еще дѣвушка обернулась, вскочила на ноги, и въ ту минуту, когда собака впилась въ ея платье, она вонзила ей въ горло кинжалъ. Съ клочкомъ платья въ зубахъ Грипъ упалъ мертвый. Глаза юноши заблистали гнѣвомъ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ воскликнулъ: «Кто ты осмѣлившаяся поступить такъ?»

Дѣвушка взглянула большими черными глазами на бѣлокураго рыцарскаго сына; щеки ея покрылись румянцемъ, губы задрожали.

— Быть можетъ, ты, хочешь убить меня?—спросила она сердито, съ иностраннымъ акцентомъ.—Глаза Ерланда и незнакомки встрѣтились гнѣвнымъ взглядомъ. Но скоро губы дѣвушки сложились въ улыбку.—Я не боюсь тебя,—сказала она, бросивъ кинжалъ, остріемъ вонзившійся въ дерево. Гнѣвъ Ерланда смѣнился удивленіемъ:

— Ты—странная дѣвушка, но было бы грустно, если бы я въ мужскихъ упражненіяхъ не могъ соперничать съ женщиной. Онъ взялъ охот-

ничій ножъ и бросилъ его по направленію того же дерева. Юноша подошелъ къ дереву и, вынувъ оба оружія, подалъ дѣвушкѣ кинжалъ.

— Ты красавица,—сказалъ онъ,—но очень странная... Хочешь, чтобы я убилъ другую собаку, потому что она сердита на тебя?

— Нѣтъ,—отвѣтила незнакомка, пряча кинжалъ.—Животныя становятся такими, какими дѣлаютъ ихъ хозяева; ты самъ злой и жестокій мальчишка.—И позвавъ собаку, которая ползкомъ приблизилась къ ней, она погладила ея кудрявую голову.

— Прости,—сказалъ Ерландъ,—я злой, жестокій, но я не желаю зла тебѣ.

— Мнѣ хочется тебѣ вѣрить. Она пристально взглянула на юношу.

— Ты здѣсь живешь?

— Да, прощай,—сказала она. Мы не встрѣтимся болѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, останься!—Онъ такимъ голосомъ произнесъ эти слова, что дѣвушка обернулась. — Скажи мнѣ имя твое, — сказалъ юноша, взявъ ея руку.

— Ты любопытенъ.

— Скажи лишь, откуда ты и почему намъ не встрѣтиться?

— Меня зовутъ Сингуалла. Я пришла издалека, и долго не остаюсь на мѣстѣ.

— И я не увижу тебя?

— Ты завтра меня забудешь.

— Забыть тебя я не могу!

Вмѣсто отвѣта, Сингуалла сорвала цвѣтокъ и, бросивъ его въ ручей, побѣжала въ лѣсъ. Ерландъ остался на мѣстѣ, онъ взглядомъ провожалъ ее и углубился въ мечтаніе. Завываніе Чека пробудило его; собака съ безпокойствомъ смотрѣла на хозяина, она не привыкла видѣть его такимъ. Ерландъ тихимъ шагомъ побрелъ на вершину холма.

На слѣдующій день Ерландъ снова пошелъ къ ручью. Онъ не думалъ объ охотѣ; онъ мечталъ о черноволосой незнакомкѣ. Ночью она снилась ему и ласково смотрѣла на него. Такіе сны Ерландъ не видѣлъ прежде; ему обыкновенно снились поединки, мохнатые обитатели лѣсовъ и сарацины. Сингуаллы не было у ручья. «Быть можетъ, она придетъ», подумалъ онъ, сѣвъ на то мѣсто, гдѣ она сидѣла наканунѣ. Но дѣвушка не приходила. Тогда ему показалось, что ручей шепчетъ: «ищи въ лѣсу». Ерландъ отправился въ лѣсъ. Онъ бродилъ въ тѣни сосенъ, карабкался по камнямъ и ущельямъ, и, наконецъ, пришелъ туда, гдѣ виднѣлись слѣды топора дровосѣка. Тутъ стояли палки, воткнутыя въ землю, и пока онъ размышлялъ о ихъ назначеніи, навстрѣчу вышелъ Расмусъ и разсказалъ, что толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ темной кожей, въ странной одеждѣ и съ необыкновеннымъ нарѣчіемъ, раскинула палатки на этомъ мѣстѣ и, пробывъ день, ушла на сѣверъ. Ерландъ сталъ догадываться, что

Сингуалла принадлежитъ къ этому народу; на землѣ онъ увидалъ красную бусу и, поднявъ ее, спряталъ около сердца, шептавшаго ему: «ты больше ее не увидишь»! Расмусъ, замѣтивъ грусть своего барина, сказалъ ему, что встрѣтилъ человѣка, несшаго ошейникъ Грипа въ замокъ, и что Грипъ лежитъ въ лѣсу, наполовину съѣденный волками. Ерландъ, вздохнулъ и, простившись съ Расмусомъ, вернулся въ замокъ. Каждый день онъ возвращался къ ручью. Думалъ ли онъ, что вернется Сингуалла? Но лѣто прошло, наступила осень; увяли цвѣты на берегу ручья; съ дубовъ, стоявшихъ тамъ и сямъ между сосенъ, падали жолуди на землю; день становился короче и небо мрачнѣе; перелетныя птицы потянулись къ югу; дождь падалъ ливнемъ, и ручей вздулся на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то сидѣла Сингуалла и куда послѣ нея такъ часто приходилъ Ерландъ. Рыцарь Бенгтъ недоумѣвалъ, глядя на перемѣнчивое настроеніе сына, и спрашивалъ его, не умерли ли всѣ волки и лисицы въ лѣсу и не улетѣли ли хищныя птицы, потому что Ерландъ перестаяъ охотиться; юноша не отвѣчалъ на вопросы, но Ельфрида радовалась перемѣнѣ въ характерѣ сына, ставшаго кроткимъ, хотя также спрашивала, не тяготитъ ли что-нибудь его душу. Ерландъ, отвѣчалъ: «нѣтъ», и смотрѣлъ черезъ окно на елку, возвышающуюся на холмѣ. Зимой Ерландъ занимался прилежно съ патеромъ и ежедневно отправлялся въ монастырь. Привратникъ, братъ Іоганесъ, высовывалъ голову, обритую блиномъ, въ отверстіе воротъ и открывалъ для юноши двери. Мимо келій монаховъ Ерландъ направлялся въ библіотеку, гдѣ обыкновенно находился пріоръ. Библіотека была украшена книжными шкафами съ картинками; переплетенныя въ кожу книги, цѣпью прикрѣплялись къ стѣнѣ; ключъ хранился у пріора. Такая предосторожность имѣла двойную цѣль, а именно, сберечь безцѣнныя произведенія отъ воровскихъ рукъ и помѣшать монахамъ читать книги безъ вѣдома пріора, ибо, какъ онъ говорилъ, многія изъ нихъ написаны римскими язычниками и опасны для неопытныхъ умовъ.

Ученикъ постепенно возрасталъ въ глазахъ преподавателя. Однажды, въ зимній вечеръ, когда Ерландъ сидѣлъ въ библіотекѣ, патеръ закрылъ «отца церкви» и торжественно подойдя къ шкафу, вынулъ книгу и раскрылъ ее передъ ученикомъ. «Онъ больше не ребенокъ,—подумалъ пріоръ,—умъ его зрѣетъ, я не колеблюсь дать ему эту книгу; она опасна, но такая именно опасность ожидаетъ его въ этомъ возрастѣ и можетъ стать менѣе опасной съ помощью друга». То была поэма Овидія «Метаморфозы». Пріоръ осторожно выбиралъ мѣста, и они стали читать про любовь Геро и Леандра; Ерландъ давалъ Геро черты Сингуаллы; они читали про Пирама и Тисбу, и Ерландъ видѣлъ Тисбу съ блестящими глазами Сингуаллы, съ ея смуглымъ лицомъ и пурпуровыми губами; онъ читалъ про ихъ грустную судьбу, и сказка трогала его до слезъ. Патеръ также радовался пе-

ремѣнѣ въ характерѣ юноши; онъ часто разсказывалъ ему что-нибудь изъ своей богатой опытомъ жизни, и часто какая-нибудь мысль оставляла тучу на его лицѣ; ему хотѣлось сказать Ерланду что-то, и онъ не рѣшался. Великія мысли бродили въ его головѣ, и онъ не зналъ, созрѣлъ ли умъ юноши для сѣмянъ, которыя онъ хотѣлъ посѣять. Однажды, ближе къ веснѣ, старикъ положилъ руки на плечи юноши, и глаза его заблистали восторгомъ. Таинственно и полушопотомъ онъ сталъ говорить о преимуществѣ духа надъ плотью и о невидимой власти слова надъ упрямствомъ ума, надъ князьями, властелинами, народами, даже если они были бы многочисленнѣе морскихъ песчинокъ.

Чужеземцы изъ Египта.

Настала весна; льдины на озерѣ растаяли отъ солнечныхъ лучей лѣсъ благоухаетъ. Видишь ли ты, Ерландъ, въ облакахъ стан перелетныхъ птицъ? Онѣ возвращаются съ юга. Чувствуешь ли ты свѣжій вѣтерокъ, входящій въ окна рыцарскаго зала? Онъ несетъ привѣтъ изъ далекихъ странъ. Не вернется ли она, память о которой зима не покрыла своимъ снѣжнымъ покровомъ? Слышишь! Въ лѣсу раздаются голоса, стукъ копытъ и скрипъ колесъ. Издали показывается пестрая толпа; мужчины въ кафтанахъ, женщины въ пестрыхъ платьяхъ, полунагія дѣти, лошади, телѣги, собаки; все это близится къ замку. Изъ оконъ высовываются головы, слуги перестаютъ работать и смотрятъ на чужеземцевъ. Рыцарь приказываетъ навести мостъ, и толпа становится передъ рыцаремъ. Мужчины берутъ струнные инструменты и трубы, черноглазыя дѣвушки въ бусахъ и украшеніяхъ отдѣляются отъ толпы и начинаютъ плясать своеобразные танцы. Живыя, какъ искры надъ горящимъ пламенемъ, легкія, какъ вѣтеръ въ зеленомъ полѣ, онѣ кружатся одна за другой подъ звуки пронзительной музыки до тѣхъ поръ, пока не умолкаютъ трубы и струны; танцы прекращаются, и дѣвушки возвращаются къ группѣ старшихъ женщинъ. На мосту появляется патеръ, онъ идетъ изъ монастыря, куда только что являлись чужеземцы. Одинъ изъ нихъ, богаче одѣтый, идетъ навстрѣчу патеру и низко кланяется ему. Они подходятъ къ рыцарю; человѣкъ, прикладывая руки ко лбу, кланяется владѣльцу Екё. Его длинные волосы и борода черны какъ смоль, взглядъ его гордый и въ то же время подобострастный. Человѣкъ этотъ молчитъ, и за него говоритъ патеръ:—«Этотъ народъ проситъ вашей милости, благородный рыцарь, и разрѣшенія раскинуть палатки въ вашемъ лѣсу на нѣсколько дней, послѣ чего они отправятся дальше. Люди эти принадлежатъ народу, которому Господь не даетъ ни отдыха, ни успокоенія; изъ поколѣнія въ поколѣніе они обречены странствовать по свѣту. Ихъ предки, какъ говорилъ мнѣ ихъ вождь, стоящій пе-

редъ вами, жили, болѣе чѣмъ тысячу триста сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ Египтѣ. Народъ былъ уважаемъ, онъ происходилъ отъ колѣна Измаила, сына Авраама и Агари, и владѣлъ землей и имуществомъ. Однажды пришелъ къ этому народу странникъ, съ женщиной и ребенкомъ, прося для себя и для нихъ убѣжища отъ холода и ночи. Всѣ отказали ему въ его просьбѣ, и каждый посылалъ къ сосѣду. Эти странники были св. Іосифъ, Пресвятая Дѣва и Спаситель міра. Въ наказаніе за этотъ грѣхъ Господь обрекъ народъ на двухтысячелѣтнее странствіе, поставивъ его въ зависимость отъ чужаго милосердія. Болѣе чѣмъ половина ихъ тяжелаго странствія совершена, но 23 поколѣнія должны еще, считая по три въ столѣтіе, умереть во время странствія, прежде чѣмъ будетъ достигнута цѣль, т.-е. отечество и примиреніе съ Богомъ. Люди, просящіе вашего гостепріимства, прошли многія страны и молили князей о той же милости. Слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на раскаявающихся грѣшниковъ, которыхъ всюду преслѣдуютъ. Несмотря на то, что чаша страданія въ ихъ рукахъ, они имѣютъ рекомендательныя письма отъ римскихъ императоровъ и являлись св. отцу въ Римѣ»...

Вождь вынулъ пергаментъ и, развернувъ, подалъ рыцарю. Послѣдній, увидавъ печать съ гербомъ римской имперіи, съ уваженіемъ взглянулъ на него и вернулъ пергаментъ вождю. Онъ обратился къ послѣднему и сказалъ: — «То, что слышу о васъ, очень любопытно, и я согрѣшилъ бы подобно вашему народу, если бы не оказалъ вамъ гостепріимства. Въ пищѣ и питьѣ вы нуждаться не будете, и я прошу вождя и его родственниковъ гостить подъ моей кровлей». — Вождь поблагодарилъ и объяснилъ, что обѣтъ, завѣщанный предками, запрещалъ его народу искать убѣжища подъ кровлей каменнаго или деревяннаго дома, до конца наложеннаго наказанія. Вождь также объяснилъ причину, заставившую его просить гостепріимства, а именно, онъ ждалъ остальную часть своего табора, которому назначилъ встрѣтиться здѣсь. Поблагодаривъ, народъ направился къ лѣсу, гдѣ уже раньше были раскинуты шатры. Среди дѣвушекъ, танцовавшихъ на дворѣ замка, Ерландъ узналъ Сингуаллу; она была дочь самого вождя и самая красивая изъ всѣхъ.

Вечеромъ Ерландъ, одѣвшись въ дорогія ткани и закинувъ черезъ плечо лукъ, вскочилъ на коня и съ Чекомъ помчался въ лѣсъ. Ельфрида, увидѣвъ его изъ окна, убѣждена была, что онъ отправился къ Ульфсаксу, и что онъ не вернется назадъ въ тотъ же день. Для кого ему было наряжаться, если не для красавицы Елены, его невѣсты? Однако, Ерландъ вернулся въ замокъ тотчасъ послѣ заката солнца. Онъ былъ въ лѣсу, вблизи табора, слышалъ шумъ, говоръ и плачъ дѣтей, видѣлъ пылающіе костры, но не рѣшался подъѣхать ближе. Зато Чекъ побывалъ въ таборѣ, привлеченный запахомъ пищи и

лаемъ чужихъ собакъ. Когда Ерландъ на дворѣ замка соскочилъ съ сѣдла, Чекъ прибѣжалъ изъ лѣса и бросился къ своему хозяину, какъ бы желая передать ему привѣтъ изъ табора; быть можетъ, оно такъ и было, потому что на косматой шеѣ собаки висѣлъ вѣнокъ полевыхъ цвѣтовъ. Задумчиво блеснули глаза юноши, когда онъ увидѣлъ цвѣты. Быть можетъ, они отъ Сингуаллы, подумалъ онъ. Снявъ ихъ съ Чека, онъ сунулъ ихъ подъ подушку, надѣясь, что ему приснится та, которая плела вѣнокъ.

На слѣдующее утро онъ снова отправился на холмъ въ роскошномъ нарядѣ. Ерландъ опустился на траву, и Чекъ положилъ голову къ нему на колѣни. Тогда на другомъ берегу, какъ будто они условились въ свиданіи, показалась Сингуалла. Дѣвушка кивнула ему и прямо черезъ ручей побѣжала къ нему. Ерландъ не смутился, ему только было весело. Сингуалла приблизилась и, положивъ руку ему на плечо, сказала:—Мое предсказаніе не сбылось, мы встрѣтились. У тебя добрый отецъ, оказавшій услугу моему отцу, будемъ и мы друзьями.

— Я давно жаждалъ видѣть тебя, Сингуалла, и видѣлъ тебя во снѣ. Ты не имѣешь болѣе злобы ко мнѣ?

— Нѣтъ,—сказала дѣвушка, сѣвъ рядомъ съ Ерландомъ.—Я не сержусь и нахожу, что ты красавецъ. Ассимъ, желающій взять меня въ жены, не можетъ сравниться съ тобой.

— Кто такой Ассимъ?

— Онъ сынъ прежняго вождя...

— И беретъ тебя въ жены?

— Да, но довольно о немъ. Мнѣ снилось, что я встрѣчу тебя здѣсь, потому я пришла. Мои сны вѣрнѣе моихъ предсказаній, что очень досадно; но этотъ даръ приходитъ къ намъ подъ старость; дай взглянуть на линіи твоей руки... Нѣтъ не надо... Если тебя ждетъ горе, мнѣ будетъ грустно.—Такъ лепетала Сингуалла, переходя отъ одного къ другому, и гладила Чека, который дружелюбно смотрѣлъ ей въ глаза. Ерландъ показалъ ей бусу и завядшій цвѣтокъ, вытащенный когда-то изъ ручья.

— Я дамъ тебѣ свѣжій цвѣтокъ,—сказала она.—Будемъ вмѣстѣ рвать полевые цвѣты.

Они набрали цвѣтовъ и стали связывать ихъ въ букеты, что плохо удавалось Ерланду; они обмѣнялись цвѣтами, и Сингуалла встала, сказавъ, что ей пора идти въ таборъ, иначе Ассимъ, отецъ и женщины будутъ искать ее.

— Иди.—сказалъ Ерландъ,—но я хочу видѣть тебя каждый день.

— Да, мы будемъ встрѣчаться,—сказала Сингуалла,—но послѣ заката солнца. У насъ есть обычай, позволяющій намъ гулять однѣмъ вечеромъ,—мы учимся въ лѣсу предсказанію будущаго. Завтра я скажу отцу, что иду въ лѣсъ, и прибѣгу сюда. Приди и ты въ нашъ таборъ сегодня; мой отецъ ждетъ рыцарскаго сына къ себѣ.

— Я приду, но лучше встрѣчать тебя одну, Сингуалла. Дѣвушка протянула ему руки, и они простились до слѣдующаго дня. — До завтра!—воскликнули оба и, кивнувъ другъ другу, разстались съ надеждой на новую встрѣчу.

Въ сумеркахъ у ручья.

Солнце ушло за склоны: верхушки деревьевъ облиты багровымъ свѣтомъ; птицы замолкли; монастырскій колоколъ, призывающій къ молитвѣ, раздается въ окрестности. Ерландъ стремится на свиданіе. Онъ каждый вечеръ встрѣчаетъ Сингуаллу у ручья, когда сумерки ползутъ по древеснымъ стволамъ.

— Нѣтъ на свѣтѣ красивѣе тебя,—говоритъ юноша Сингуаллѣ.

— Идя сюда, я смотрѣлась въ ручей, чтобы знать, понравлюсь ли тебѣ. Мало-по-малу оба становились молчаливѣе; Ерландъ обнимаетъ талію Сингуаллы, губы его жаждутъ ея губъ и встрѣчаются въ долгомъ поцѣлуѣ, который жжетъ и освѣжаетъ, зажигаетъ и тушитъ робкое желаніе.

Таборъ долго оставался во владѣніяхъ рыцаря, такъ какъ остальная часть его медлила приходомъ. Ни Ерландъ, ни Сингуалла не думали о разлукѣ; имъ думалось, что ничто не разлучитъ ихъ. Восемь дней подрядъ Сингуалла просила у отца позволенія уходить въ лѣсъ учиться предсказанію и, сдѣлавъ крюкъ, чтобы Ассимъ не нагналъ ее, прибѣгала къ юношѣ, гдѣ лишь Чекъ былъ свидѣтелемъ ихъ счастья. Послѣднее время Сингуалла сильно измѣнилась; она дрожала, когда, крадучись, бѣжала на свиданіе, не въ силахъ совладать съ собой, когда не видѣла рыцарскаго сына. Но ею овладѣвалъ страхъ при его близости, безпокойство и желаніе поочередно вызывали вздохи изъ груди ея; она избѣгала смотрѣть на Ерланда, глаза его жгли ее, а Ерландъ все смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее. Однажды, сидя прижавшись другъ къ другу, такъ что русые его локоны смѣшались съ ея черными кудрями, Ерландъ сказалъ:—Спой, Сингуалла! Она отвѣтила шопотомъ:—Я пѣть не могу больше!

Почему, скажи, тебѣ грустно? Развѣ я обидѣлъ тебя?

— Ты! О нѣтъ, Ерландъ! Я не знаю почему мнѣ грустно...

Быть можетъ потому, что намъ нужно разстаться...

— Разстаться! воскликнулъ Ерландъ, блѣднѣя,—Развѣ ты не хочешь остаться со мной?

— Я должна идти за отцомъ, но я умру въ разлукѣ, а пока буду мысленно съ тобой. Ты также будешь грустить, Ерландъ, и звать Сингуаллу, но она не услышитъ тебя...

Дѣвушка зарыдала. Ерландъ былъ блѣденъ и молчалъ; онъ раньше не думалъ о разлукѣ. На глазахъ его выступили слезы; мистическая сила любви, соединяя ихъ, заставляла ихъ чувствовать и горе и ра-

дость одинаково.—Не грусти, Ерландъ,—сказала она съ улыбкой.— Когда уйдетъ Сингаулла, ты успокоишься, забудешь ее.

— Тебя забыть! Нѣтъ,—сказалъ юноша,—я не могу тебя забыть, и не разстанусь съ тобой, я всюду пойду за тобой!

— Ты хочешь этого?—спросила Сингуалла съ блестящимъ взоромъ.— Ты покинешь отца, мать, замокъ, все дорогое тебѣ, и пойдешь за мной?

— Да,—сказалъ юноша.

—Тогда будемъ мужемъ и женой; я буду рабой твоей; я буду носить твои тяжести, освѣжать твои ноги водой, приготовлять тебѣ пищу, подавать тебѣ чарку, пѣть, когда тебѣ будетъ грустно, и страдать твоими страданіями. Я все исполню, потому что ты любишь меня.

— Нѣтъ,—сказалъ Ерландъ,—такъ оно не будетъ; я буду носить твои тяжести, потому что я сильнѣе тебя, я буду добывать на охотѣ и срывать для тебя любимые плоды; ты не будешь мнѣ рабой, я не хочу этого, но мужемъ твоимъ я буду.

— Хочешь стать моимъ мужемъ теперь? — спросила Сингуалла.— Тогда свершимъ обрядъ, существующій у моего народа.—И дѣвушка взяла камень, висѣвшій у ней на груди; на камнѣ былъ вырѣзанъ полумѣсяцъ, символъ ея бога, Алако; она положила камень въ правую руку Ерланда и спросила, согласенъ ли онъ любить ее одну до смерти и быть вѣрнымъ ей; уклоненіе отъ вѣрности даетъ ей право отнять у него жизнь и молитвами лишить его рая. Ерландъ, отвѣтилъ «да». Тогда Сингуалла взяла камень, дала такую же клятву, сказавъ, что будетъ рабой своего вѣрнаго мужа, перенесетъ все, исходящее отъ его гнѣва, исключая измѣны.—Теперь ты мужъ мой,—сказала Сингуалла,—и я подчинена волѣ твоей. Ставъ на колѣни, она взглянула на восходящую луну и произнесла слова, непонятныя Ерланду:—Онъ мой, котораго люблю! Знайте это всѣ женщины, онъ мой, и презираетъ васъ всѣхъ. Благодарю тебя, Алако, за то, что ты далъ мнѣ его». При другой обстановкѣ, Ерландъ удивился бы, что она зоветъ его мужемъ, когда священникъ не благословилъ ихъ и не было обмѣна колецъ. Но тутъ онъ не думалъ объ этомъ и ему было не трудно исполнить клятву, ибо, кромѣ Сингуаллы, онъ не желалъ ничего, и онъ былъ готовъ слѣдовать за ней до конца міра.—Я разскажу тебѣ преданіе моего народа,—сказала Сингуалла.—Говорятъ, мужчина и женщина, пившіе кровь другъ друга, чувствуютъ счастье, горе, здоровье и болѣзни въ одно время и одинаково, и что сердца ихъ не могутъ быть разлучены. Вѣришь ты этому?—Не знаю, но я слышалъ, что друзья, создающіе союзъ, смѣшиваютъ кровь свою

— Хочешь, Сингуалла, испить моей крови?

— Охотнѣе, чѣмъ изъ источника въ пустынѣ!—отвѣтила дѣвушка. Ерландъ обнажилъ руку; Сингуалла, вонзила тонкое остріе кинжала въ руку своего возлюбленнаго и губами всосала каплю молодой крови, выступившей наружу; потомъ она вызвала каплю сока своихъ жилъ,

которую Ерландъ поцѣлуемъ съ наслажденіемъ всосалъ въ себя. Онъ покрылъ поцѣлуемъ ея руку и обнялъ Сингуаллу...

Чей это силуэтъ поднимается при блѣдномъ свѣтѣ луны и молчаливымъ присутствіемъ смущаетъ влюбленныхъ? Вздрагивая, Сингуалла восклицаетъ: «Ассимъ!» Глухой смѣхъ отвѣчаетъ на ея возгласъ. Ерландъ взялся за кинжалъ. Сингуалла схватила его за руку, но онъ вырвался отъ нея; Ассимъ бросилъ ножъ въ голову Ерланда, но промахнулся. Ерландъ съ поднятымъ кинжаломъ приблизился къ нему; черные глаза Ассима зорко слѣдили за оружіемъ, чтобы въ удобный моментъ схватить руку противника.

— Ассимъ безъ оружія, будь милостивъ,—воскликнула Сингуалла.

Слѣдуя обычаю Скандинавіи, Ерландъ бросилъ кинжалъ, чтобы не сражаться противъ обезоруженнаго. И вотъ они наступаютъ другъ на друга. Бѣлокурый готъ бросилъ смуглаго чужеземца на землю, и рукой схватываетъ его за горло. Дѣвушка бѣжитъ къ борящимся и молитъ за побѣжденнаго. Ассимъ поднимается, но взоръ его прикованъ къ землѣ, онъ удаляется.—Горе! восклицаетъ Сингуалла.—Онъ разскажетъ въ таборѣ обо всемъ, люди будутъ презирать меня!—

— Нѣтъ, этому не быть, ибо мы мужъ и жена,—сказалъ Ерландъ.—Пойдемъ, не бойся,—и поднявъ Сингуаллу на руки, перенесъ ее черезъ ручей. Они скрылись въ лѣсу.

Таборъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположился таборъ, лѣсъ походилъ на черную стѣну, надъ которой, подобно крышѣ, простиралось звѣздное небо. Въ полѣ блистали огни и двигались тѣни; тамъ и сямъ виднѣлись палатки, и толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, шумъ голосовъ, звуки инструментовъ, лай собакъ, плачъ дѣтей, стукъ молотка—все это производило раздирающій уши шумъ. Ерландъ шелъ рядомъ съ Сингуаллой, являясь предметомъ любопытства и замѣчаній на непонятномъ языкѣ, сквозь толпу, играющую въ шашки и пьющую вино, сквозь толпу ссорившихся и кричавшихъ женщинъ, мимо полунагихъ дѣтей, телѣгъ и бочекъ, направляясь къ палаткѣ вождя, отца Сингуаллы. Ожидаемая часть табора прибыла въ тотъ день, и вождь объявилъ объ уходѣ на слѣдующее утро, поэтому въ таборѣ царило такое оживленіе. Вокругъ палатки вождя собрались старшіе въ таборѣ; группа женщинъ о чемъ-то оживленно разговаривала. Здѣсь были мать, сестры и родственницы Ассима; всѣ онѣ посмотрѣли на Сингуаллу, когда она съ рыцарскимъ сыномъ проходила мимо нихъ. Старуха, мать Ассима, походила на колдунью; красные глаза ея сверкали гнѣвомъ, а беззубый ротъ насмѣшливо улыбался. Ужасное лицо выражало злобу и месть, ибо Ассимъ успѣлъ разсказать о случившемся. Всѣ удивились приходу Ерланда; при видѣ его, Ассимъ скрылся, бросивъ

на Сингуаллу мрачный взглядъ. Вождь поклонился юношѣ, но на дочь бросилъ недобрый взглядъ. Дѣвушка была блѣдна; но она не боялась,— около нея стоялъ Ерландъ. Сынъ рыцаря объявилъ, что хочетъ говорить съ вождемъ безъ свидѣтелей. Что говорилось въ палаткѣ, никто не знаетъ, но полчаса спустя Ерландъ съ спокойствіемъ покинулъ палатку; Сингуалла гордо встрѣтила взгляды женщинъ. Ерландъ простился съ вождемъ, поцѣловалъ Сингуаллу и сказалъ:

— Я буду готовъ въ условленное время!

Рыцарь и Ельфрида давно уже спятъ. Ночная лампа въ опочивальнѣ бросаетъ изъ углубленія въ стѣнѣ матовый свѣтъ, и тѣни колеблются неопредѣленными очертаніями, собираясь глубже и темнѣе вокругъ занавѣсей алькова. Наполовину открытая дверь въ залъ; беззвучно отворяется совсѣмъ; въ темнотѣ на порогѣ стоитъ Ерландъ; онъ хочетъ тихо подойти къ родителямъ, еще разъ взглянуть на нихъ и проститься такъ тихо, чтобы имъ показалось, что это сонъ. Но сонъ старости не крѣпокъ, они могутъ проснуться; боязнь борется съ желаніемъ сердца, Ерландъ не смѣетъ войти. Облокотившись на дверь, онъ прислушивается къ дыханію дорогихъ существъ; щеки его блѣдны и глаза полны слезъ. Онъ возвращается назадъ. Юноша спѣшитъ, ему кажется, что изображенія святыхъ шевелятся и протягиваютъ къ нему руки. Ерландъ зоветъ Чека, направляется къ мосту и углубляется въ лѣсъ. На немъ его худшая одежда и нѣтъ ни одной монеты въ карманѣ изношеннаго кафтана. Вождь заявлялъ рыцарю и патеру, что онъ уходитъ на другой день; у него, вѣроятно, были причины говорить такъ; Ерланду онъ сказалъ: «приходи въ полночь, иначе опоздаешь».

Съ безпокойствомъ ждала Сингуалла Ерланда. Она сидѣла въ телѣгѣ отца, закутанная въ плащъ, и восторженно встрѣтила Ерланда; телѣги тянулись одна за другой, наполненныя женщинами и дѣтьми и всякой утварью. Мужчины постарше стояли тутъ же, оберегая имущество; молодежь шла позади вооруженная въ видѣ охраны. Вождь слѣдилъ за порядкомъ, торопилъ людей, волновался и даже не поздоровался съ новымъ членомъ табора и мужемъ Сингуаллы. Наконецъ, вождь подалъ знакъ къ отъѣзду; между деревьями засверкали факелы, и одна телѣга за другой исчезла въ темномъ лѣсу. Сингуалла пошла рядомъ съ Ерландомъ. Надъ деревьями сверкали звѣзды, и влюбленные слушали грустную пѣсню, которую пѣлъ кто-то въ таборѣ. Мимо скалъ и молчаливыхъ долинъ двигался таборъ въ эту короткую весеннюю ночь. На востокѣ становилось свѣтлѣе; свѣжій утренній туманъ окутывалъ землю, потомъ поблѣднѣли звѣзды и, наконецъ, исчезли совсѣмъ.

Ассимъ ѣхалъ на конѣ рядомъ съ матерью. И когда показалось солнце, онъ встрѣтилъ его пламенной молитвой.

— Сурья,—такъ молился Ассимъ,—извлеки потемки изъ души моей,

въ минуту, когда земля полна твоей славы! Солнце, чудная царица, выслушай съ твоей огненной колесницы сына предковъ, посвящавшихъ тебѣ гимны и приношенія! Сжалься! Я униженъ отсутствіемъ взаимности въ любви, кровь моя полна яда; я хочу смерти бѣлому, котораго любитъ она. Среди твоего сіянія, передъ моими очами ночь. Сурья, подари болящему листъ отъ вѣнка здравія! Верни мнѣ сердце Сингуаллы или уложи среди тѣней, лишенныхъ возможности видѣть твое величіе!

Солнце стояло уже высоко, когда измученные вождь, люди и животныя взобрались на холмъ, на которомъ мрачный вождь табора назначилъ привалъ. Здѣсь мужчины выпрягли лошадей и связали телѣги веревками, устроивъ изъ нихъ баррикады. Ерландъ удивился и спросилъ, что означаетъ это.

— Народу, у котораго много враговъ, нужна осторожность,—сказалъ вождь. Таборъ размѣстился группами; Ерландъ разглядывалъ оружіе и запѣлъ веселую пѣсню.

— Среди насъ врагъ,—сказалъ пожилой человѣкъ вождю.

— Усыпительный напитокъ,—шепнулъ вождь.

Женщины принесли пищу, таборъ разсѣлся на траву; сестра Ассима прислуживала, и принесла три кубка, которые она поставила передъ вождемъ, Ерландомъ и Сингуаллой. Ерланду показалось, что онъ узнаетъ эти кубки.

— Какъ они похожи на монастырскіе!—сказалъ онъ.

Сингуалла, догадываясь, поблѣднѣла; всѣ выпили, исключая ея. Вдругъ послышался шумъ; Ассимъ сталъ шептаться съ вождемъ.

— Что случилось?—спросилъ Ерландъ.

— Мы будемъ упражняться въ метаніи оружія,—сказалъ вождь и приказалъ Сингуаллѣ присоединиться къ женщинамъ.

Вождь повелъ Ерланда къ дереву, прося его выбрать оружіе. Когда юноша нагнулся, вождь подалъ знакъ; на Ерланда бросили веревку и въ мигъ связали его. Глаза его засверкали, жилы налились кровью.

— Привязать его къ дереву!—крикнулъ вождь. Среди женщинъ раздался крикъ, то была Сингуалла; она хотѣла бѣжать къ Ерланду, но мать Ассима костлявыми пальцами вцѣпилась въ ея волосы и прошипѣла: — Ты внесла стыдъ въ нашъ таборъ; твой любовникъ умретъ отъ яда, приготовленнаго моей рукой; ядъ дѣйствуетъ; взгляни на него, какъ пожелтѣли его щеки, подобно ядовитому цвѣтку. Другія женщины хватали Сингуаллу за руки и осыпали ее бранью. О Чекѣ также подумали; во время обѣда увели его въ лѣсъ и тамъ привязали къ дереву. Снова послышался шумъ, и вдали показалась толпа. Въ воздухѣ пронеслись стрѣлы.

— Не щадите святотатцевъ!—послышался чей-то голосъ. — Рѣжьте! Такъ говорилъ патеръ людямъ изъ замка, вооруженнымъ топорами и луками; они бѣжали въ погоню за чужеземцами. Патеръ, верхомъ на лошади, держалъ въ рукахъ мечъ.

Рыцарь шелъ во главѣ, безъ оружія, считая ненужнымъ тревожить свои доспѣхи для такого похода.—Бейте эту сволочь, не щадя никого, кромѣ женщинъ и дѣтей!—кричалъ онъ народу.—Они плохо отплатили за гостепріимство, ограбивъ монастырь—По приказанію вождя, Ассимъ, съ поднятымъ оружіемъ, всталъ около привязаннаго Ерланда.

— Чего вы хотите отъ насъ?—закричалъ вождь людямъ рыцаря.— Нельзя ли вести переговоры и уладить дѣло миромъ?

— Съ тобой нѣтъ переговоровъ, святотатецъ!—закричалъ патеръ, подъѣхавъ ближе.

— Взгляните туда, и вы смягчитесь, сказалъ вождь, указывая на дерево.

— Ерландъ!—воскликнулъ патеръ, блѣднѣя.

— Да, сынъ рыцаря, если вы сдѣлаете шагъ, я прикажу убить его.

— Да будешь ты проклятъ, язычникъ!—сказалъ патеръ и указалъ рыцарю на связаннаго Ерланда. Рыцарь поблѣднѣлъ, стараясь сдержать себя.

— Переговоры? повторилъ вождь.—Переговоры, отвѣчалъ рыцарь.

— Все, взятое нами, принадлежитъ намъ это нашъ взглядъ на собственность; разрѣшаете вы намъ удалиться безъ преслѣдованія? Рыцарь медлйлъ, молча взглянувъ на патера.—Мальчишку получите обратно, если поклянетесь вашимъ Христомъ, что не будете насъ безпокоить,—сказалъ вождь.

— Все для дорогого мальчика!—сказалъ патеръ со вздохомъ. Рыцарь и патеръ произнесли клятву.

— Освободи плѣннаго,—закричалъ вождь Ассиму.

— Не выдавай залога, они могутъ погубить насъ!—закричало нѣсколько человѣкъ изъ табора.—Успокойтесь, этотъ сѣверный народъ не нарушаетъ клятвы,—сказалъ вождь.—Благородный рыцарь,—продолжалъ онъ,—не подумайте, что мы силой привели сюда вашего сына! Онъ самъ пришелъ, ибо влюбленъ въ дочь мою.

— Ты лжешь,—сказалъ рыцарь, но я не желаю разговаривать съ тобой.

— Убирайся негодяй! — закричалъ патеръ. Вождь поклонился. Ерланда освободили и повели; онъ не могъ стоять и не сознавалъ случившагося, очутившись около своихъ, онъ упалъ на землю.—Что вы сдѣлали съ нимъ! — воскликнулъ рыцарь, приподнявъ голову сына. — Ничего, сказалъ вождь, испугъ подѣйствовалъ на него. — Испугъ,—повторилъ рыцарь съ гнѣвомъ, — мой сынъ не могъ испугаться предателей, онъ трусомъ быть не можетъ! Ерланда свезли въ замокъ и толпа рыцарскихъ людей сопровождала его. Удостовѣрившись въ уходѣ врага, вождь приказалъ привести къ нему Сингуаллу; дѣвушка бросилась къ ногамъ отца; лицо ея было изцарапано ногтями старой вѣдьмы, и волосы въ безпорядкѣ раски-

нулись по плечамъ. Мать Ассима и другія женщины съ крикомъ суетились около вождя.—Правосудіе! кричала старуха.—Потомокъ боговъ терпитъ оскорбленіе отъ дочери вождя! Развѣ Ассимъ не годится Сингуаллѣ! Нашъ родъ могучъ... и въ сравненіи съ твоимъ, что грязь въ сравненіи съ солнцемъ!

— Молчи, колдунья, или я отрѣжу тебѣ языкъ! Я не забываю правосудія, сказалъ вождь.—Отецъ! закричала Сингуалла, обвивая руками колѣни вождя, — бѣлокурый юноша мой мужъ, мы поклялись другъ другу передъ образомъ Алако, ты не можешь отнять его у меня!

— Она бредитъ! сказалъ вождь.—Гдѣ Ассимъ? спросилъ онъ. Даю тебѣ въ жены дочь мою, и въ знакъ союза разбиваю кувшинъ...

— Нѣтъ, сказалъ Ассимъ, ты еще не знаешъ, хочу ли я взять ее; я не ищу яблока, котораго вкусилъ другой. Вождь сдвинулъ брови; но боязнь родственниковъ Ассима остановила его гнѣвъ, который еще съ большей силой разразился надъ Сингуаллой.

— Прочь,—сказалъ онъ, — я всѣмъ докажу мою справедливость. Дочь, ты оскорбила потомка одного изъ десяти князей, выведшихъ народъ нашъ изъ Ассиріи! Ступай искать любовь бѣлаго, но здѣсь не ищи ничего, ты исключена изъ табора!—Въ таборѣ послышалось одобреніе. Этимъ поступкомъ вождь упрочилъ свою пошатнувшуюся власть. Совершивъ судъ, онъ ждалъ, что поднимутся голоса въ защиту Сингуаллы, но всѣ были рады, исключая Ассима. Всѣ кричали: «иди, ищи своего чужеземца!» Сингуалла встала, повернулась къ отцу и сказала:—Я пойду къ бѣлокурому юношѣ, ибо мы любимъ другъ друга. Но тебя я также люблю, отецъ, и когда мнѣ вернутъ мужа, я приду искать тебя, ты не можешь изгнать меня навѣки, ибо ты добръ.— Съ этими словами Сингуалла покинула таборъ.

Дѣвушка шла въ лѣсу; кругомъ ложились сумерки, когда она усталая увидѣла замокъ Екё. Она не посмѣла дать знать о своемъ присутствіи. Сингуалла сѣла на камень и заплакала. Она думала о всемъ случившемся, а въ особенности о словахъ матери Ассима, о ядѣ, влитомъ въ кубокъ Ерланда. «Она лжетъ», утѣшала себя Сингуалла, отгоняя отъ себя эту ужасную мысль. Вдругъ она очнулась отъ тяжелыхъ думъ, заслышавъ звукъ шаговъ, и увидѣла нѣсколько человѣкъ, собиравшихся броситься на чужеземку изъ табора. Страхъ овладѣлъ ею, и она быстро скрылась въ лѣсу. Въ воздухѣ пронеслись стрѣлы; она стала бѣжать, насколько позволяли ей силы. Долго слышала она за собой погоню, минутами она останавливалась, тьма пугала ее, и она снова бѣжала, какъ преслѣдуемая лань. Небо покрылось тучами, капли дождя, падая на лобъ, освѣжали и давали Сингуаллѣ силы продолжать путь. Наконецъ, изнемогая, она упала на мохъ; тьма окутала окрестность, буря ревѣла и дождь падалъ изъ прорвавшихся тучъ. Она звала Ерланда, но голосъ ея умиралъ среди ночныхъ звуковъ. Вдругъ по-

слышался вой. «Это волкъ,—подумала она,—я буду жертвой его». Сингуалла направилась туда, откуда послышался вой; дѣвушка увидѣла что-то прыгающее у дерева... Она приблизилась... почувствовала что что-то мохнатое кладетъ ей лапы на грудь... она упала... животное постояло, обнюхало ее и весело залаяло. — Чекъ! — воскликнула Сингуалла: добрый Чекъ, ты собака Ерланда, и я люблю тебя.—Она отвязала его и, обнявъ, сказала: — останься со мной, мнѣ страшно, люди отказались отъ меня и хотятъ убить меня». Всю ночь собака оставалась около дѣвушки, слушая жалобы и какъ бы понимая ихъ. Къ утру Сингуалла впала въ тревожный сонъ; ея хрупкое тѣло дрожало отъ холода, она проснулась отъ лая Чека. Передъ ней стоялъ Ассимъ.—Я всю ночь искалъ тебя, сказалъ онъ,—я хочу спасти тебя отъ бѣлыхъ; ты голодна, возьми хлѣбъ; тебѣ холодно, возьми мой плащъ! Если не любишь Ассима, дай ему спасти тебя.

— Уйди, ты и мать твоя убили Ерланда; я ненавижу тебя. Ассимъ молчалъ. — Ассимъ, сказала вдругъ Сингуалла — ты добръ, я полюблю тебя, если исполнишь мою мольбу, приведи мнѣ Ерланда!

— Ерландъ умеръ,—сказалъ Ассимъ, оскорбленный ея словами.

— Ты лжешь!

— Нѣтъ; я искалъ тебя около замка, я слышалъ какъ люди говорили, что онъ умеръ.

— Тогда уйди и дай умереть и мнѣ! Ассимъ приблизился, поднялъ ее на руки и понесъ съ собой. На холмѣ стояли лошади Ассима; онъ укуталъ Сингуаллу въ плащъ, привязалъ ее къ сѣдлу и, вспрыгнувъ на другую, поскакалъ къ югу. Чекъ слѣдовалъ за Ассимомъ и Сингуаллой.

Ерландъ не умеръ, но былъ близокъ къ смерти; благодаря сильной натурѣ и познаніямъ патера, его удалось спасти. Однако послѣдствія яда были ужасны, душевное состояніе разстроилось, и память о быломъ исчезла совсѣмъ. Онъ почти никого не узнавалъ. Патеръ, сидя у постели больного, развлекалъ его сказками о молодыхъ рыцаряхъ, заколдованныхъ волшебницами. Эти волшебницы принимали въ душѣ Ерланда образъ красавицы, которой онъ въ началѣ улыбался, но которая скоро стала казаться ему страшной и таинственной. То была Сингуалла; порой уста его произносили ея имя, но это случалось невольно, и звукъ этотъ, прежде столь любимый, наполнялъ его душу тоской. Онъ смутно припоминалъ происшествіе въ таборѣ, чувствовалъ себя связаннымъ и видѣлъ кинжалъ, направленный на него; рука, державшая кинжалъ, казалась ему подчасъ принадлежащей Сингуаллѣ. Образы свѣтлаго прошлаго также носились передъ нимъ; онъ видѣлъ себя у ручья, собиралъ цвѣты съ молодой дѣвушкой, но она не всегда походила на Сингуаллу; въ ней онъ видѣлъ нѣжныя черты Елены; это не было удивительно, ибо Елена часто сидѣла у его постели. Наконецъ, юноша сталъ выходить; опираясь на руку матери, въ сопро-

вожденіи Елены, онъ бродилъ по лѣсу, вдыхая живительный ароматъ. Случайно или, быть можетъ въ силу привычки, онъ приходилъ къ ручью, гдѣ когда-то встрѣчалъ Сингуаллу. Ерландъ садился на берегу, и блѣдныя воспоминанія чего-то дорогого рождались въ туманной памяти. Онъ оглядывался, видѣлъ Елену и цѣловалъ руку ея.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дитя печали.

Прошло десять лѣтъ. Хозяинъ въ Екё—рыцарь Ерландъ; супруга его, Елена, носитъ на рукахъ маленькаго Ерланда. Родители Ерланда умерли. Патеръ Генрихъ еще живъ и попрежнему посѣщаетъ замокъ. Ерландъ счастливъ съ женой, но счастье это не полное. Въ глубинѣ его души живетъ неясная вздыхающая тѣнь; рыцарь проклинаетъ ея вздохи, умоляя ее, какъ злого духа, остаться въ глубинѣ, но изгнать ее онъ не въ силахъ. Эта тѣнь—Сингуалла; она сопутствовала ему въ приключеніяхъ, въ радостяхъ и въ горѣ. Память о ней, хотя и просвѣтлѣвшая, все же представляется ему въ волшебномъ освѣщеніи. Это воспоминаніе всегда соединено съ святотатствомъ, ядомъ, волшебствомъ и язычествомъ; и все же онъ чувствуетъ, что любовью прикованъ къ этому образу. Въ такія минуты онъ не смотритъ въ глаза Елены, мчится на конѣ въ лѣсъ, гдѣ остается, пока земля не покроется сумерками. Однажды, въ такомъ настроеніи, гроза съ ливнемъ застала его въ лѣсу; онъ пошелъ искать убѣжища въ монастырѣ. Рыцарь засталъ своего стараго учителя за работой; библіотека не измѣнилась, березы бросали тѣнь на высокое окно, и книги лежали попрежнему на своихъ мѣстахъ; лишь ученикъ пересталъ быть юношей, ставъ мужчиной съ задумчивымъ лицомъ. Рыцарь сѣлъ; буря и дождь навели разговоръ на грустную тему. Стали говорить о разрушеніи земного, и пока рыцарь видѣлъ лишь исчезающее въ морѣ жизни, патеръ напоминалъ о вѣчности. Когда рыцарь замѣтилъ, что не находилъ чистаго металла въ человѣкѣ, патеръ говорилъ:—прахъ остается прахомъ, но даже въ прахѣ духъ повелѣваетъ; матерія подвержена духу, небо сойдетъ на землю и наступитъ новая эра.—Быть можетъ, строитель уже бродитъ по землѣ, очищая мѣсто новому зданію?—сказалъ рыцарь.—Что хочешь ты сказать?—спросилъ монахъ. — Я говорю о чумѣ, о черной смерти, опустошающей міръ. Вернувшись, я оставилъ позади кладбище; южныя страны полны стонами, смертью и гніеніемъ; люди падали, какъ колосъ отъ серпа. На улицахъ Любека лежало 9 тысячъ труповъ; въ другихъ городахъ умирало до ста тысячъ. Развѣ это не строитель, очищающій землю? И къ намъ придетъ очередъ.—Miserere Domine!—прошепталъ патеръ.—Взгляните,—продолжалъ рыцарь,—на эти капли, падающія на землю и образующія ручьи! Быть можетъ,

онѣ принесли съ собой чуму изъ зараженнаго юга; быть можетъ, эта туча—мантія ангела смерти, быть можетъ, каждая капля дождя содержитъ сѣмяна для уничтоженія всего живущаго.—Да будетъ Господь милостивъ къ тебѣ!—шепталъ патеръ. Въ комнатѣ стало еще темнѣе; молнія сверкала, освѣщая обоихъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, и казалось, что голосъ съ небесъ подтверждалъ слова рыцаря.

—Существуетъ преданіе,—продолжалъ послѣдній,—что приближенію чумы предшествуетъ видѣніе. Въ городскія ворота входитъ мальчикъ съ косой въ рукахъ; если онъ начинаетъ косить передъ домомъ, тамъ умираютъ многіе; но это лишь сказка.

Буря продолжалась; патеръ зажегъ лампу.—Пойдемъ въ капеллу... Голосъ Божій слышенъ и въ бурю!—сказалъ патеръ, вставая. Ерландъ послѣдовалъ за нимъ. Окончивъ молитву, рыцарь собрался домой, но въ эту минуту вбѣжалъ привратникъ и объявилъ, что мальчикъ необыкновенной наружности желаетъ видѣть патера. Рыцарь и патеръ подумали о видѣніи чумы. Худенькій мальчикъ лѣтъ 9-ти вошелъ въ комнату. Черты лица были красивыя, но выраженіе не дѣтское, и около рта лежалъ отпечатокъ страданія. Съ нимъ не было чудовищной косы, и онъ не былъ привидѣніемъ... —Кто ты?—спросилъ патеръ.—Меня зовутъ Дитя печали.—Странное имя! Но оно есть въ Св. Писаніи.—Ты христіанинъ?—спросилъ поспѣшно рыцарь.—Да.—Ты можешь произнести имя Бога и Христа?—спросилъ патеръ, чтобы убѣдиться.—Богъ, Христосъ,—повторилъ мальчикъ и перекрестился.—Скажи, зачѣмъ пришелъ, кто родители твои, а затѣмъ тебя накормятъ и уложатъ отдохнуть. Пока говорилъ патеръ, молнія такимъ свѣтомъ озарила комнату, что рыцарь и патеръ проговорили: «miserere!»—Подойди ко мнѣ,—сказалъ рыцарь Дитяти печали. Мальчикъ взглянулъ въ глаза рыцаря; Ерландъ не могъ оторваться отъ этихъ глазъ, они напоминали ему что-то далекое, прошлое; по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ, тѣнь, живущая въ его душѣ, начинала вздыхать и проситься ближе къ памяти. Рыцарь не зналъ, прижать ли ребенка къ груди или оттолкнуть его. Подробности о мальчикѣ патеръ узналъ послѣ долгихъ разспросовъ. Дитя печали долго странствовалъ въ городахъ и лѣсахъ и проѣхалъ много морей. Какъ назывались эти мѣста, онъ не зналъ. Странствуя, онъ былъ не одинъ, но кто были его спутники, онъ не сказалъ. Разсказомъ-же о цѣли своего странствія онъ не мало удивилъ слушателей. —Моя мать имѣла откровеніе; въ этомъ монастырѣ была совершена нѣсколько лѣтъ назадъ кража язычниками; ей было сказано, что черезъ меня будутъ найдены сокровища, если она со мной придетъ въ эту страну и если рыцарь, владѣтель страны, возьметъ меня въ услуженіе на сто дней. Мать говорила, что это надо исполнить ради души моего отца, не исполнившаго священнаго обѣта. Скажите мнѣ, тотъ ли это монастырь и здѣсь ли живетъ рыцарь Ерландъ?—Богъ, хранившій тебя въ пути, маленькій странникъ, привелъ тебя

въ тотъ монастырь, который ты ищешь, а рыцарь Ерландъ сидитъ здѣсь,—сказалъ патеръ и добавилъ:—быть можетъ, Господь совершитъ чудо; нерѣдко приходится слышать объ откровеніяхъ.—Развѣ ты рыцарь Ерландъ?—спросилъ ребенокъ.—Мать говорила, что ты молодъ, красивъ и безъ бороды.—Да, я рыцарь Ерландъ!... А ты, оборванецъ, скажи, кто твой отецъ, кто мать? Ты много говорилъ, но рѣчь твоя была скользкая и не оставила слѣдовъ!

Патеръ замѣтилъ рыцарю, что такое обращеніе со странникомъ, одинокимъ и малолѣтнимъ, недостойно, что рыцарь обязанъ принять мальчика въ услуженіе, ради того, чтобы узнать, желалъ ли Господь сотворить чудо. Далѣе, патеръ объявилъ, что оставитъ Дитя печали на ночь въ монастырѣ, и если рыцарь согласится взять странника въ замокъ, то это богоугодное дѣло ознаменуется богослуженіемъ на слѣдующій день.—Пусть будетъ по вашему,—сказалъ рыцарь,—но если бы я не слышалъ, какъ мальчикъ произносилъ имя Бога, я подумалъ бы что онъ злой духъ или твореніе ада; взгляните на его глаза,—развѣ это глаза ребенка? Окропите его святой водой, чтобы онъ не внесъ несчастья въ мой домъ!

Прошло нѣкоторое время; вдругъ рыцарь, поднялъ голову и сталъ прислушиваться; онъ съ удивленіемъ и страхомъ взглянулъ на дверь, откуда доносились звуки дѣтскаго голоса, подъ аккомпаниментъ необыкновенной музыки.—Это онъ? Какъ смѣетъ онъ пѣть, когда гремитъ громъ! Рыцарь хотѣлъ броситься къ мальчику, но патеръ остановилъ его. Послѣдній также удивился, слыша пѣніе и увидя мальчика на колѣняхъ, пальцомъ играющаго на какихъ-то стекляшкахъ, которыя онъ разложилъ на полу. Дѣти легко переходятъ отъ слезъ къ смѣху, но теперь, при этой обстановкѣ, это было удивительно.—Я стыжусь говорить такъ, сказалъ рыцарь—но этотъ ребенокъ смущаетъ меня. Мальчикъ не успѣлъ окончить пѣсню, какъ рыцарь вскочилъ, и наступивъ на стеклышки, разбилъ ихъ.—Ты не слышишь грома?—закричалъ онъ, хватая ребенка за руку.—Развѣ ты не знаешь что надо креститься и склонить голову передъ молніей, язычникъ? Мальчикъ посмотрѣлъ на разбитыя стекляшки, на рыцаря и спросилъ:—Могу я служить тебѣ сто дней?—Можешь, ибо я хочу знать кто ты; но эти дни не будутъ праздничными; ты будешь спать у моихъ дверей какъ собака, и я буду обращаться съ тобой, какъ съ собакой. Если монастырскія сокровища не будутъ найдены, какъ ты сказалъ, жди худшаго. Ребенокъ не испугался угрозъ, глаза его заблистали отъ счастья. Рыцарь удалился. Патеръ грустилъ, видя обращеніе съ странникомъ, и чтобы утѣшить его, ласкалъ его. Усадивъ его за монашескую трапезу, онъ разсказалъ о цѣли его странствія, и монахи съ уваженіемъ смотрѣли на Дитя печали.

Рыцарь и странникъ.

На слѣдующій день богоугодное дѣло Дитяти печали ознаменовали торжественной службой въ монастырѣ, въ присутствіи жителей замка. Рыцарь сообщилъ Еленѣ о встрѣчѣ со странникомъ. Елена была счастлива, ожидая въ этомъ проявленіе Божіей воли. По окончаніи богослуженія Елена обласкала Дитя печали, который послѣдовалъ въ замокъ за своимъ новымъ господиномъ. По дорогѣ въ замокъ, изъ лѣса выбѣжала старая собака, и подбѣжавъ къ Дитяти печали, стала лизать ему руки; затѣмъ, обнюхавъ рыцаря, она завизжала и хотѣла броситься къ нему. Рыцарь ударилъ ее, но разглядѣвъ, воскликнулъ:— Чекъ! Ты живъ еще! Откуда пришелъ? Рыцарь приласкалъ Чека, и удивлялся этой встрѣчѣ, ибо десять лѣтъ назадъ, Чекъ пропалъ, и думали, что онъ съѣденъ волками. Ерландъ не обрадовался этой встрѣчѣ, она возбудила въ немъ мрачныя воспоминанія, отъ которыхъ онъ хотѣлъ избавиться. Чекъ, между тѣмъ, несмотря на неудовольствіе новаго собачьяго поколѣнія, занялъ свое прежнее мѣсто на дворѣ замка. Рыцарь неохотно подвергался требованіямъ миссіи Дитяти печали; онъ долженъ былъ поселиться въ башнѣ и принимать лишь услуги странника. Мрачные взгляды и жестокія слова выпадали на долю Дитяти печали; подчасъ рыцарь собирался ударить мальчика и еле удерживалъ свой гнѣвъ. Уклоняясь отъ услугъ, онъ проводилъ время въ лѣсу. Въ эти часы Дитя печали былъ свободенъ и убѣгалъ съ преданнымъ Чекомъ или игралъ на стекляшкахъ, сидя въ одинокой башнѣ. Ночью онъ спалъ на полу у дверей рыцаря, который слушалъ вздохи, исходящіе изъ груди странника. Насталъ десятый день пребыванія Дитяти печали въ замкѣ. Когда рыцарь садился за столъ, служителя его не было на мѣстѣ.—Хорошій искупитель отцовскаго грѣха, сказалъ рыцарь. Едва онъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ въ залу вбѣжалъ Дитя печали. Рыцарь ударилъ его; Елена укоризненно посмотрѣла на мужа. Мальчикъ вытеръ слезу и подалъ рыцарю что то блестящее; то была корона Пресвятой Дѣвы. Елена вскрикнула отъ радости: — Гдѣ ты нашелъ корону? — спросилъ Ерландъ. — Въ лѣсу. — Ты все нашелъ?—Нѣтъ, черезъ десять дней найду больше, а черезъ сто дней все, такъ сказала мать.

Елена привлекла мальчика къ себѣ и прижавъ его къ груди, сказала: Прости рыцаря Ерланда! Мальчикъ заплакалъ. Рыцарь всталъ и пошелъ въ башню, странникъ послѣдовалъ за нимъ. Сквозь узкое окно сумерки блѣдно освѣщали опочивальню рыцаря. Онъ сидѣлъ молча, разсматривая старый мечъ; въ комнатѣ было такъ тихо, что слышно было, какъ переливался песокъ въ песочныхъ часахъ.—Наполни кубокъ!—приказалъ Ерландъ. Дитя печали подалъ рыцарю дрожащей рукой вино. — Вкусное вино, — сказалъ рыцарь. Ерландъ легъ, странникъ расположился на полу и замѣ-

тилъ, что постель его мягче обыкновеннаго.—Поправь мнѣ подушку, —сказалъ рыцарь; мальчикъ исполнилъ приказаніе. Прошло полчаса.— Ты спишь?—послышался снова голосъ рыцаря; но голосъ его звучалъ такъ нѣжно, заглушая вздохъ, готовый вырваться изъ груди.—Почему ты не спишъ? Тебѣ грустно? Я былъ жестокъ съ тобой! Бѣдный маленькій странникъ, одинокій, но любимый Богомъ. Прости меня!—Дитя печали отвѣтилъ рыданіемъ.

Елена радовалась перемѣнѣ въ рыцарѣ. Много способствовало этому то обстоятельство, что Дитя печали принесъ корону и тѣмъ оправдалъ откровеніе. Ребенокъ сталъ веселѣе. Каждый день онъ убѣгалъ въ лѣсъ вмѣстѣ съ Чекомъ.

Тамъ, поднимаясь по скаламъ, онъ приходилъ къ гроту, который теперь былъ обитаемъ; постель изъ моха, покрытая звѣриной шкурой, стояла у стѣны, по серединѣ плоскій камень вмѣсто стола, на полу лежали стрѣлы, мечъ и обгорѣлые сучья. Два существа сидѣли тамъ; мужчина, смуглый, худой, съ задумчивыми глазами, и женщина, также смуглая и красивая. Они молчали. Черты этой женщины выражали страданіе, но красота, какъ блѣдное сіяніе, осталась еще на этомъ олицетвореніи горя.

— Мать, я принесъ радостныя вѣсти,—сказалъ Дитя печали.

Сингуалла—эта женщина была Сингуалла—оживилась.—Радостныя вѣсти! Ты, сынъ жестокаго отца, несешь лучъ солнца?

— Ненависть отца ко мнѣ прошла.

— Ассимъ!—воскликнула Сингуалла, обращаясь къ смуглому человѣку.—Ты слышишь?—Слышу,—отвѣтилъ онъ глухо.—Сила будетъ дѣйствовать.—Онъ назвалъ тебя сыномъ,—продолжала Сингуалла,— а обо мнѣ онъ не спрашивалъ?—Нѣтъ, мать. Сингуалла заплакала.— Не грусти, мать,—сказалъ мальчикъ, ласкаясь къ ней.

— Дитя печали, ты приведешь отца сюда; у тебя есть сила, которую Алако даритъ своимъ избраннымъ, и ты свершишь великія дѣла. Ты сынъ юга и сѣвера, сынъ преданности и измѣны, язычницы и христіанина, первой любви и силы юности; бѣдное дитя! Ты рожденъ для горя, вздыхающая грудь вскормила тебя. Приведи его сюда; онъ клялся мнѣ въ вѣрности, онъ мой, я могу пролить кровь его, онъ сжалится надъ муками твоей матери!—Я приведу отца, но Ассимъ не долженъ убивать его.

— Какъ мать твоя прикажетъ, я рабъ ея, и измѣна отца твоего, дороже для нея моей преданности,—сказалъ Ассимъ.

— Прощай, мать, рыцарь ждетъ; въ ночь я приведу отца.

— Возьми сѣмена и положи ихъ въ кубокъ рыцаря, тогда сила лучше подѣйствуетъ,—сказалъ Ассимъ.—Черезъ 8 дней ты найдешь остальныя сокровища,—сказала Сингуалла, цѣлуя сына. Когда ушелъ Дитя печали, Сингуалла сказала Ассиму:—Встань, возьми сокровища и зарой ихъ около дерева, Дитя печали не долженъ заражаться ложью. Ассимъ отвалилъ камень, гдѣ хранились похищенныя вещи, онъ пошелъ

исполнить приказаніе Сингуаллы. Послѣ смерти ея отца, Ассимъ былъ нѣкоторое время вождемъ въ таборѣ, и покинувъ его, взялъ съ собой, похищенныя сокровища.

Думали, что Сингуалла и Ассимъ мужъ и жена, но это было невѣрно, онъ былъ лишь рабомъ ея.

Тайная сила.

Въ этотъ же вечеръ Дитя печали по обыкновенію послѣдовалъ за рыцаремъ на башню; сердце его содрогалось при мыслѣ о предстоящемъ. Тайная сила, о которой говорилось выше, была давно извѣстна въ Индіи; Дитя печали былъ одаренъ ею, и объ этомъ знала его мать. Рыцарь спитъ, песочные часы шепчутъ, звѣзды смотрятъ въ окно. Какъ тѣни, воздымаются руки Дитяти печали надъ спящимъ рыцаремъ; дыханіе его стихаетъ, онъ похожъ на мертвеца.

— Рыцарь, покинь постель и слѣдуй за мной,—говоритъ Дитя печали. Рыцарь одѣвается, мальчикъ беретъ его за руку, они спускаются внизъ, потомъ въ лѣсъ; воля рыцаря подвластна волѣ Дитяти печали Скоро сила должна еще сильнѣе дѣйствовать. Какъ у дерева ежегодно образуются новые круги, въ то время, какъ старые постепенно засыхаютъ, такъ и въ душѣ человѣка увядаютъ страсти и мысли, въ то время какъ новыя ложатся вокругъ увядшихъ; но первыя страсти и мысли ложатся у корня души, и потому-то воспоминанія дѣтства всегда сильнѣе и слаще; они ближе къ духовному сердцу. Пока Ерландъ бродилъ въ лѣсу, сила все глубже проникала въ его душу, и вновь возрождались увядшія страсти, наполняясь сокомъ изъ корня воспоминаній. Онъ становился такимъ, какимъ былъ тогда, когда рвалъ цвѣты на берегу ручья; тѣнь, покоющаяся въ глубинѣ, поднималась силой юношескаго чувства, и онъ почувствовалъ Сингуаллу.—Сядемъ отдохнуть, ночь прелестна; я люблю тебя какъ сына, бѣдное дитя; куда ты ведешь меня?—Я сынъ твой, и веду тебя къ моей матери!—Твоя мать Сингуалла... Сингуалла?..—Слезы брызнули изъ глазъ рыцаря. Они пошли дальше. Сначала показался свѣтъ изъ грота.—Я весь дрожу,—шепталъ рыцарь.

Сингуалла сидѣла на постелѣ, погруженная въ думу; Ассимъ точилъ мечъ.—Слышалъ шаги! Они идутъ,—воскликнула Сингуалла,—уйди Ассимъ.—Я буду стоять въ тѣни, и если захочешь, чтобы я убилъ сѣвернаго медвѣдя, подай знакъ,—сказалъ мрачно Ассимъ.—Иди!—повторила Сингуалла. Рыцарь вошелъ. Сингуалла стояла передъ нимъ и смотрѣла на него... Кто можетъ описать этотъ взглядъ? Жизнь, со всѣми ея превратностями и страстями, можетъ сосредоточиться во взглядѣ. Во взглядѣ Сингуаллы сосредоточился вопросъ, гордый, уничтожающій, вопросъ о воспоминаніи или забвеніи, о любви или ненависти.—Сингуалла,—послышался голосъ Ерланда; звукъ этого голоса отвѣчалъ на все, о чемъ спрашивала душа этой

женщины; онъ соединялъ въ себѣ любовь и мольбу о прощеніи. Голова ея опустилась къ нему на грудь.—Сингуалла,—повторилъ Ерландъ, и слезы блеснули на его рѣсницахъ. Она стояла, какъ блѣдная статуя. Ерландъ поднялъ Дитя печали и приблизился къ его матери; бѣлокурые локоны Ерланда смѣшались съ черными кудрями Сингуаллы. Въ гротѣ тихо; Ерландъ шепчетъ Сингуаллѣ; она не слышитъ, что и ей кажется, что вѣтерокъ, замирая, тихо шелеститъ верхушкою березы. Ассимъ стоитъ у входа; онъ хочетъ счастья Сингуаллы, но ему больно видѣть это счастье. Со слезами Сингуалла спрашиваетъ:

— Почему ты такъ блѣденъ, Ерландъ? Куда исчезли розы на твоихъ щекахъ? Ты страдалъ Ерландъ?—Гдѣ была ты такъ долго?—спрашиваетъ рыцарь.—Помнишь тотъ уголокъ счастья, гдѣ шелестѣла елка и журчалъ ручей? Мы снова молоды, пойдемъ на берегъ, звѣзды горятъ, насталъ часъ свиданія! Они вышли изъ грота. Сингуалла шла за своимъ рыцаремъ, не видя ни звѣздъ, ни деревьевъ. О, если бы это блаженство не имѣло конца! Если бы они могли умереть, пока не настанетъ утро, съ его холодной дѣйствительностью. Ночь, мечты, сновидѣнія, дрожащія тѣни, мерцающія звѣзды, неопредѣленные призраки, рождающіеся въ ночной тишинѣ. Что солнце съ его золотистымъ свѣтомъ, день съ ясными представленіями и холодной дѣйствительностью въ сравненіи съ ночью! Лицо Дитяти печали сіяло, и онъ запѣлъ. Они пришли на холмъ; прислонясь другъ къ другу, они молчали въ упоеніи, а Дитя печали пѣлъ для нихъ. Часы проходили, звѣзды потухли въ туманѣ запада; сѣрая мгла смѣшалась съ ночью, земля покрылась росой.—Вставай, отецъ, ночь проходитъ, — сказалъ Дитя печали. Съ болью проснулся рыцарь отъ мечтаній.

— Прощай,—шепнула Сингуалла рыцарю.—Нѣтъ, нѣтъ! Я останусь здѣсь вѣчно!—воскликнулъ рыцарь.—Мы свидимся, прощай!—сказала Сингуалла. Дитя печали повелъ рыцаря въ лѣсъ. Песочные часы шепчутъ, блѣдныя звѣзды смотрятъ въ окно, рыцарь спитъ, странникъ у его ногъ. Наступилъ разсвѣтъ; запѣли птицы, изъ лѣса доносится стукъ топора.

День и ночь.

Рыцарь проснулся съ тяжелой головой; Дитя печали всталъ съ воспоминаніемъ ночного счастья. Онъ хотѣлъ крикнуть «отецъ», но слово это замерло на его устахъ при видѣ мрачнаго рыцаря. — Проклятіе!—сказалъ послѣдній.—Мнѣ снился страшный сонъ; злые духи мучали меня, и одинъ изъ нихъ имѣлъ твои черты, Дитя печали.—Рыцарь выбѣжалъ освѣжиться утреннимъ воздухомъ. Весь день онъ былъ мраченъ, ни съ кѣмъ не говорилъ; къ вечеру онъ выѣхалъ верхомъ. Дитя печали поспѣшилъ въ гротъ; тамъ сидѣла сіяющая отъ ночныхъ воспоминаній Сингуалла; она обняла сына и спросила про отца.—Сегодня я не смѣю называть его отцомъ, онъ гнѣвенъ и говоритъ про

страшный сонъ. — Онъ любитъ меня,—возразила Сингуалла,—наши отцы говорятъ, что пока дѣйствуетъ тайная сила, человѣкъ бываетъ такимъ, какимъ онъ въ душѣ; сегодня ты снова приведешь его сюда; но до этого я покажусь ему; я пойду съ тобой въ замокъ. — Мать! Не ходи, тебя ждетъ несчастье, вспомни Елену! — Я единственная супруга рыцаря, меня одну онъ любитъ! — Увѣщеванія сына были напрасны, она пошла; Асси́мъ слѣдовалъ въ отдаленіи. Подойдя къ замку, Сингуалла увидѣла рыцаря верхомъ, лицо его было мрачно, онъ рукой провелъ по глазамъ и крикнулъ: — Проклятое привидѣніе! Язычница, колдунья! Ты и днемъ преслѣдуешь меня!—И схвативъ лукъ, онъ выстрѣлилъ. Но Асси́мъ схватилъ Сингуаллу и увелъ ее. — Сингуалла,— сказалъ Ассимъ,—хочешь, я убью его? — Убей,—сказала она.—Глаза Ассима загорѣлись, но счастье его было недолго; Сингуалла остановила его. — Подожди Ассимъ; сегодня въ ночь я буду судить измѣнника, и если я приговорю его, ты убьешъ его. Бѣлокурая властвуетъ надъ нимъ днемъ, но ночью онъ принадлежитъ мнѣ! Приведи его, Дитя печали. Длиннымъ показалось Сингуаллѣ ожиданіе. Ужасенъ былъ часъ для Дитяти печали, когда рыцарь снова попалъ подъ его власть. — Сынъ мой,—опять изъ устъ рыцаря послышалось это слово,—ты не знаешь, какъ я люблю тебя! — Оставь, я не хочу быть сыномъ твоимъ, пойдемъ скорѣй, дождь идетъ!—торопилъ Дитя печали. Дождь полилъ потокомъ, ни одна звѣзда не освѣщала путь, ночныя птицы кричали въ ущельяхъ, и рядомъ съ ребенкомъ шло блѣдное привидѣніе съ полузакрытыми глазами. Они пришли къ гроту; ребенокп остановился, подумавъ о мечѣ Ассима. — Дитя печали, веди меня къ Сингуаллѣ, я ей скажу, что ты былъ жестокъ съ отцомъ; не плачь, я не скажу твоей матери.—Рыцарь хотѣлъ идти впередъ.—Остановись! Ты не боишься, рыцарь? — Вѣтеръ стонетъ, я не боюсь вѣтра,—отвѣчалъ рыцарь. — Вѣтеръ разсказываетъ грустную сказку, ты долженъ бояться ея. — О чемъ же говоритъ вѣтеръ?—Ерландъ облокотился на скалу и взглянулъ на черное небо; въ ущельѣ скалы промелькнула тѣнь. — Вѣтеръ говоритъ: мать родила меня ночью на кладбищѣ, она искала могилу моего отца, но онъ не умеръ; мой отецъ рыцарь, онъ странствовалъ по свѣту, и измѣнилъ. Мать странствовала въ поискахъ его; она думала, что любима имъ; слезы ея падали на землю, какъ роса: мой отецъ забылъ ее, полюбилъ другую. Вздыхающая грудь вскормила меня, слезы убаюкивали меня. Рыцарь опустилъ голову.—Дитя печали, ты понимаешь голосъ вѣтра, скажи, что говоритъ онъ теперь?—Вѣтеръ говоритъ, что отецъ мой хотѣлъ убить мать мою. Отвѣчай рыцарь, зачѣмъ ты хотѣлъ убить ее? — Туманъ разсѣялся, и я вижу два міра; теперь я припоминаю, кто я; днемъ я безумный и ненавижу ее, потому что я безумный. Пускай мать твоя убьетъ меня за измѣну, жестокость, за всѣ муки, которыя я далъ ей.—Дитя печали отвѣчалъ:—Слышишь какъ стонетъ вѣтеръ: «могу я вести отца моего на смерть?» При мысли объ Ассимѣ, ребенокъ хотѣлъ увести его. Тогда

тѣнь, стоявшая тутъ, шепнула: — Бѣгите, Ассимъ жаждетъ крови, я пробудила его гнѣвъ, и не въ силахъ усыпить его.—Узнавъ голосъ, рыцарь хотѣлъ дотронуться до платья Сингуаллы, но она съ безпокойствомъ повторила:—Бѣги, Дитя печали! Мальчикъ бѣжалъ, уводя рыцаря. Сингуалла пошла за ними. Когда они отдалились отъ мѣста, гдѣ стерегла его смерть, рыцарь упалъ къ ногамъ Сингуаллы; она погладила его локоны. — Ерландъ,—сказала она,—на землѣ мы видимся въ послѣдній разъ! Прощай, возлюбленный! — Я хочу умереть. — Нѣтъ,—сказала она,—я хотѣла въ гнѣвѣ убить тебя, но ты долженъ жить для сына, для жены, ты любишь Елену... — Не говори о ней; днемъ, когда мой умъ смущенъ, я мирюсь съ ней, но ты, Сингуалла, моя первая, единственная любовь!—Вспомни, Сингуалла, зло, которое сдѣлалъ мнѣ отецъ твой; оно смутило мой умъ: для моей больной мысли ты стала образомъ ужаса; тогда явилась дѣвушка, она была для меня сестрой милосердія, когда я лежалъ больной; я подумалъ, что люблю ее, но я любилъ лишь тебя. Убей меня, ради клятвы, которую я нарушилъ, я содрагаюсь, думая о завтрашнемъ днѣ. Я не хочу проснуться безумнымъ, съ ненавистью къ тебѣ.—Я прощаю тебѣ, Ерландъ; ты долженъ жить; что значитъ безумство, когда ты бываешь счастливъ. Я прислала тебѣ нашего сына, чтобы онъ смягчилъ тебя. Я выбрала гротъ и жила въ немъ 11 дней, ожидая тебя, мнѣ хотѣлось еще разъ видѣть тебя передъ смертью; я чувствую, что скоро умру, я просила этого утѣшенія у Бога за всѣ муки, и Господь далъ мнѣ его; что нужно мнѣ еще! Дума о сынѣ тяжелѣе: что будетъ съ нимъ? Но Богъ не оставитъ его, или душа его останется бѣла, какъ снѣгъ. Ерландъ, мы разстанемся навсегда, ты вспомнишь обо мнѣ, какъ о тяжеломъ снѣ; образъ Сингуаллы не станетъ смущать тебя болѣе; но если бы она вновь воскресла въ твоей памяти, не вспоминай о ней, какъ о мстящей язычницѣ, о скорбящей женщинѣ. Нѣтъ, помни прощающую и счастливую за ту ночь любви, которую ты подарилъ ей на берегу ручья! Твоя жизнь протечетъ, какъ мирная рѣка среди луговъ, твой Ерландъ будетъ утѣшеніемъ твоей старости. Прощай, счастье и горе мое, мой супругъ! Сингуалла поцѣловала его послѣднимъ поцѣлуемъ, такъ думала она, затѣмъ исчезла. По щекамъ рыцаря текли слезы; онъ звалъ ее, но напрасно. — Дитя печали,—сказалъ рыцарь,—я убью тебя, если ты опять не приведешъ меня къ ней! Клянись! — Клянусь,—прошепталъ ребенокъ. Четверть часа спустя рыцарь отдыхалъ на своей постели. Ассимъ тщетно прокараулилъ свою жертву. Сингуалла сказала, что рыцарь не приходилъ. Бросивъ мечъ, Ассимъ сломалъ рукоятку, и убѣжавъ къ берегу, провелъ тамъ всю ночь, подражая крику ночныхъ птицъ.

Послѣднее ночное странствіе.

Дитя печали сдержалъ клятву. Сингуалла забыла свое рѣшеніе, когда на слѣдующую ночь рыцарь снова пришелъ въ гротъ. Онъ

ласкалъ ее, клялся въ любви. Какъ сладки были его ласки для бѣдной женщины! Какъ чудны были ночи любви!

На 12-й день послѣ своего появленія Дитя печали принесъ еще одно монастырское сокровище, которое было передано пріору; всѣ дивились чуду. Съ рыцаремъ произошла перемѣна, онъ былъ мраченъ, исхудалъ, и каждый день образовывалъ новую морщину на его лицѣ. Елена не смѣла спросить его и говорила съ патеромъ о своемъ безпокойствѣ. Патеръ рѣшилъ поговорить съ Ерландомъ, но рыцарь отвѣчалъ.—Не преслѣдуйте меня; когда настанетъ минута, я буду исповѣдаться; моя душа полна разбитыми образами, я стараюсь соединить ихъ, и потому задумываюсь. Рыцарь постоянно слѣдилъ за Дитятей печали, и недовѣрчиво относился къ нему; часто онъ наносилъ ему удары, ребенокъ страдалъ молча, и нетерпѣливо ждалъ ночи, когда лицо рыцаря становилось ласковѣе и дикіе взгляды спокойнѣе. Днемъ мать его сидѣла въ гротѣ съ мрачнымъ Ассимомъ, днемъ отецъ и онъ были несчастны, наступала ночь, и съ нею блаженство для всѣхъ. Но рыцарь заболѣлъ горячкой, и однажды, вскочивъ съ постели, хотѣлъ убить Дитя печали; пріоръ и монахъ, ухаживавшіе за больнымъ, спасли ребенка. Въ бреду рыцарь говорилъ о гротѣ, иногда называлъ Дитя печали сыномъ, подчасъ діаволомъ; болѣзнь была тяжелая и мозгъ наполненъ страшными образами. Въ эти дни Сингуалла напрасно ждала своего рыцаря. Выздоровѣвъ, Ерландъ захотѣлъ исповѣдаться, послѣ чего почувствовалъ облегченіе, но недугъ его вернулся снова. Проснувшись поутру, онъ вспомнилъ, что ночью его мучили злые духи. Однажды случилось, что онъ проснулся въ лѣсу, и когда онъ осмотрѣлся, то увидѣлъ что-то летающее и похожее на Дитя печали, когда же онъ открылъ дверь своей опочивальни, то нашелъ странника на обычномъ мѣстѣ. Съ этой минуты рыцарь рѣшилъ не засыпать по ночамъ. Онъ работалъ надъ соединеніемъ разбитыхъ образовъ, получалась чудовищная мозаика изъ неясныхъ воспоминаній, которая, однако, давала выпуклости и смутное понятіе о дѣйствительности. Онъ вспомнилъ о ночныхъ странствіяхъ, и днемъ старался найти дорогу; воспоминанія ускользали, и онъ уходилъ совсѣмъ въ другую сторону. Онъ задумалъ планъ; ложась спать, рыцарь надѣялся привести его въ исполненіе, но сила Дитяти печали торжествовала. На сороковой день, Ерландъ и странникъ отправились вечеромъ на башню, рыцарь еще до этого спряталъ ножъ въ свой кафтанъ. Оба легли; Дитя печали, услыша ровное дыханіе, думалъ, что рыцарь спитъ; тогда, подкравшись къ постели, ребенокъ сталъ водить руками по лбу спящаго... Сила какъ будто быстрѣе подѣйствовала. Рыцарь всталъ, и они скоро очутились въ лѣсу.—Куда ты ведешь меня? спросилъ Ерландъ. — Къ моей матери, развѣ ты не знаешь?—Они зашли въ глубь лѣса. Черныя тучи бѣжали по небу, луна лишь минутами освѣщала окрестность желтымъ больнымъ свѣтомъ; качающіеся сучья давали тысячу разнообразныхъ тѣней; казалось, всѣ образы жили, двигались и кружились въ

безпорядкѣ. Что то свѣтится между деревьевъ? Это пламя костровъ. Въ лѣсу раздаются голоса, но не голоса вѣтра. «Алако... Алако...» Дитя печали испугался, рыцарь шепчетъ: Духи ада собрались въ эту ночь.—Отецъ, молилъ ребенокъ, —мнѣ страшно!—Отецъ,—повторилъ рыцарь, — странное слово для духа изъ ада Не бойся,—сказалъ онъ громко, схвативъ его за руку—никто не отниметъ тебя отъ меня!

Они пошли дальше; голоса въ лѣсу продолжали взывать: «Алако, Алако». Въ завываніи бури, въ шумѣ волнъ, въ свѣтѣ луны, чувствовалось что-то зловѣщее, предвѣщающее смерть.—Алако, подумалъ рыцарь съ презрѣніемъ прислушиваясь къ возгласамъ,—что означаетъ это слово, гдѣ слышалъ я его раньше? Да, знаю... волшебство, наполнившее мою душу ужасомъ, но въ эту ночь оно звучитъ напрасно, волшебство безсильно противъ моего рѣшенія.

Рыцарь гнѣвно взглянулъ на луну, пятна которой яснѣе обыкновеннаго изображали лицо—лицо, запечатлѣнное неизвѣданной тайной. Рыцарь погрозилъ молчаливому наблюдателю на небѣ. — Ты, который серебрянымъ полумѣсяцемъ связалъ духъ моего поколѣнія съ твоимъ духомъ въ ночномъ небѣ! Ты, который мстишь за нашу вѣру въ Христа, подстрекая вампира, язычницу, сосать кровь моего сердца, ты Алако! Они пришли къ гроту.—Путь длиненъ къ твоей матери? Спросилъ рыцарь, ища кинжалъ.—Ты говоришь странно!—отвѣтилъ ребенокъ глядя на лицо отца; оно было страшно, и ужасная мысль пробѣжала въ головѣ мальчика.—Вернемся! Сказалъ онъ.—Смѣшно, когда мы шли такъ долго.—Вернемся, я приказываю тебѣ!—Ты шутишь! Не ты ли слуга мой?—Не было сомнѣнія, что тайная сила перестала дѣйствовать. Въ ужасѣ, Дитя печали упалъ на колѣни и молилъ: — Рыцарь... отецъ... не дѣлай мнѣ зла! — Вставай веди меня къ матери твоей. — Ты не убьешь ее?—Подумай лучше о себѣ и не смѣй мнѣ прекословить! — Я буду послушенъ... но обѣщай...—Молчи!—закричалъ рыцарь, и не въ силахъ сдерживаться, онъ вытащилъ кинжалъ.—Ты сообщникъ твоей матери и, также какъ она высосалъ кровь моего сердца, я убью тебя и доберусь до нее. Если въ эту ночь я не покончу съ ней, завтра зазвучатъ трубы, оружія будутъ вынуты изъ ноженъ и облава, какъ цѣпь, окружитъ эту колдунью, не играй моимъ терпѣніемъ, впередъ!..

— Нѣтъ! закричалъ Дитя печали, охвативъ колѣни рыцаря. Послѣдній съ омерзеніемъ освободился отъ рукъ его и толкнулъ ногой.—Негодяй, котораго я могъ бы однимъ ударомъ уничтожить! Вставай и веди меня! Слушайся или умри.

— Отецъ, пощади!—Отецъ, повторилъ рыцарь—ты отбросокъ ада, сынъ діавола и колдуньи, ты смѣешь оскорблять христіанина именемъ отца!—Мальчикъ не двигался, рыцарь схватилъ его и потащилъ; члены ребенка стукались о корни и пни, царапались о кусты, боль и страхъ вызывали стоны, жалобы и слабое сопротивленіе. Терпѣнія рыцаря было исчерпано. Онъ посмотрѣлъ на свою жертву съ отвращеніемъ, и вонзилъ ножъ въ его грудь. Онъ отошелъ отъ мѣста, обагреннаго

кровью и остановясь сказалъ:—«Отецъ»! Какая ложь! Я вернусь и закричу ему въ ухо:—Ты лгалъ... Я закричу: будь проклятъ за эту ложь!— Черная туча пробѣжала по небу, и стало совсѣмъ темно. Рыцарю послышалось хрипѣніе умирающаго, нога его наткнулась на тѣло, онъ нагнулся, туча исчезла и луна освѣтила искаженное, синеватое и обрызганное кровью лицо, лежалъ незнакомый трупъ. Грудь его была обнажена. Разглядывая его съ удивленіемъ, рыцарь увидѣлъ на груди признаки великаго истребителя: нарывы и пятна.—Чума! Прошепталъ рыцарь блѣднѣя. Онъ пошелъ дальше, самъ не зная куда, въ головѣ его стучала кровь, онъ ускорилъ шаги, и взглянулъ на грустную, блѣдно-желтую луну...

Рыцарь шелъ безъ цѣли, безъ мысли, прислушиваясь къ шопоту деревьевъ; ему казалось, что они говорятъ ему слова, то ужасныя отъ которыхъ онъ дрожалъ, то насмѣшливыя, приводившія его въ гнѣвъ, то смѣшанныя, отъ которыхъ онъ смѣялся, то грустныя, отъ которыхъ лились ручьемъ слезы. Но страннѣе всѣхъ шептала ему елка на холмѣ. Она стояла, какъ прежде, гордая и недоступная бурѣ. Грустила ли она надъ разбитымъ духомъ, надъ больнымъ образомъ, который въ прошломъ, хотя и въ болѣе благородной оболочкѣ, походилъ на нее силой и красотой. Или она смѣялась надъ нимъ?

Рыцарь вспомнилъ о кинжалѣ въ рукахъ; разглядывая его при свѣтѣ луны, онъ подумалъ: «Если это кровь отъ моей крови?» Бросивъ оружіе, онъ подумалъ, что все-таки счастливъ, потому что существо его разбито на столько частей, что онъ не знаетъ, которое изъ нихъ представляетъ его самого. Части раздробленнаго змѣя живутъ страшной подвижной жизнью, пока не окаменѣютъ, и становятся мертвыми частями того, что раньше составляло цѣлое; но чтобы части эти стремились къ соединенію, какъ гласитъ сказка, этого не могъ понять ночной странникъ. Для себя онъ не желалъ соединенія: лучше уничтоженіе. Теперь онъ могъ смѣяться надъ всѣмъ, зная, что чума странствуетъ по свѣту, вырывая съ корнемъ убійцу, который таится въ прахѣ. Потомъ, травы и цвѣты будутъ спокойно расти, не страшась зубовъ животныхъ; ни одинъ топоръ не срубитъ деревьевъ, которыя свободно будутъ плести свои вѣтви въ одну громадную крышу надъ землей; тогда на землѣ будетъ рай во всей своей красотѣ. Лишь бы только не явились новые Адамъ и Ева, чтобы испортить рай! Послѣ Адама явился бы новый Каинъ, который убилъ бы брата, а послѣ него отцы, убивающіе сыновей. Съ такими запутанными мыслями рыцарь шелъ по лѣсу. На разсвѣтѣ онъ увидѣлъ огонь и направился къ нему.

Разсвѣтъ.

Огонь свѣтился изъ грота. Эта ночь—такъ рѣшила Сингуалла—была послѣдняя ночь ея счастья. Блаженство, испытанное ею въ послѣд-

ніе дни, заставило ее позабыть страданія. Но она видѣла борьбу Ерланда съ раздвоенными ощущеніями дня и ночи и, жалѣя его, рѣшила разстаться. Она хотѣла провести остатокъ дней въ сновидѣніяхъ, сказавъ Ерланду послѣднее прости. Развѣ жизнь не можетъ быть сновидѣніемъ, гдѣ воображеніе удовлетворяетъ сердце, гдѣ прошлое является завоеванной дѣйствительностью, не оставляющее мѣста для пустоты? По ту сторону океана, на востокѣ есть страна, гдѣ пальмы возвышаются къ синему небу, и воздухъ пропитанъ усыпляющимъ ароматомъ цвѣтовъ; это страна отдыха и сновидѣній. Тамъ стоитъ на скалѣ храмъ, который стерегутъ молчаливые жрецы; тамъ дремлютъ на мягкихъ подушкахъ, въ тѣни портиковъ, жрицы, призваніе которыхъ танцовать при звукахъ колокола, въ одеждѣ изъ жемчуга и золота, и жить въ постоянномъ лицезрѣніи вѣчнаго *ничто*. Туда собиралась Сингуалла. Тамъ она разскажетъ пальмѣ о елкѣ, лотосу о водяной лиліи, а себѣ будетъ разсказывать безконечную сказку о голубоглазомъ юношѣ, убаюкивая свое сердце, пока оно не онѣмѣетъ совсѣмъ. Тамъ Дитя печали будитъ зажигать кадильницу боговъ и учиться отъ жрецовъ мудрости глубокой старины. Въ эту ночь Сингуалла была красивѣе, чѣмъ когда Ерландъ встрѣтилъ ее впервые; гротъ былъ украшенъ послѣдними розами осени: углубленная въ мечты, Сингуалла ждала Ерланда!—Онъ медлитъ сегодня,—сказалъ мрачный Ассимъ и вышелъ изъ грота. Онъ взглянулъ на луну, блуждающую между черныхъ тучъ, и прислушивался къ пѣснѣ бури. Чуднѣе никогда не звучалъ сѣверный лѣсъ; въ его грозной пѣснѣ звучалъ гнѣвъ, мужество, и мрачныя предсказанія. Среди этихъ звуковъ раздавались другіе: «Алако, Алако!» Ассимъ удивился и сказалъ Сингуаллѣ:—Въ лѣсу люди, взывающіе къ нашему богу!—Это отголосокъ моей молитвы,—сказала она,—не слышишь ли Ерланда и сына моего?—Нѣтъ!—Быть можетъ, Дитя печали сбился съ пути; пойди имъ навстрѣчу, Ассимъ.—Много придется увидѣть въ лѣсу эту ночь,—сказалъ Ассимъ и вышелъ. Вернувшись назадъ, онъ принесъ умирающее Дитя печали и положилъ его къ ногамъ матери

При блѣдномъ свѣтѣ луны трудно было лазить по скаламъ, но рыцарь нашелъ дорогу. Внезапно онъ остановился, подумавъ, что идетъ продолжать дѣло бога Тура и убить лѣсную колдунью. Но тутъ онъ вспомнилъ о чумѣ, пришедшей для уничтоженія всего живущаго, дѣлая все остальное уничтожающее ненужнымъ, мелочнымъ, безумнымъ. Онъ вспомнилъ о блѣдномъ мальчикѣ, забрызганномъ кровью, о елкѣ, о пѣснѣ. То было смущающее смѣшеніе воспоминаній, и онъ не могъ справиться съ ними. Почему не отнестись равнодушно ко всему, зачѣмъ придавать значеніе прошлому, настоящему и будущему? Странствуешь ради странствія, не думая о цѣли, входишь въ этотъ гротъ, потому что шаги привели сюда. Въ такомъ настроеніи рыцарь равнодушно вошелъ въ гротъ. Прислонившись къ стѣнѣ стоялъ мрач-

ный Ассимъ и сверкающими глазами смотрѣлъ на него. Но это не испугало рыцаря. Зато въ глубинѣ грота онъ увидѣлъ другое. Тамъ стояла женщина на колѣняхъ передъ мертвымъ сыномъ; въ ней онъ узналъ ту, которую любилъ и ненавидѣлъ, обожалъ и проклиналъ. Въ его памяти проносились солнечныя картины съ ароматомъ цвѣтовъ, мѣняясь съ картинами ужаса и тьмы.—Рыцарь здѣсь,—сказалъ Ассимъ.—Тебѣ не долго ждать смерти, Сингуалла; не колеблись, рыцарь, доканчивай то, что ты началъ! Она знаетъ, зачѣмъ ты пришелъ; Дитя печали передъ смертью успѣлъ разсказать все. Ты пришелъ отомстить за зло, которое она тебѣ сдѣлала, сдѣлавъ тебя солнцемъ своихъ очей, желаніемъ своего сердца и отцомъ своего сына; она оскорбила тебя любовью, и заслуживъ смерть, ждетъ ее отъ тебя; она хочетъ умереть рядомъ съ первой жертвой твоего правосудія. Она преступница; я могу подтвердить это, слышавъ вздохи, вызванные памятью о тебѣ, и слезы безъ счета, пролитыя ради тебя. Убей ее, рыцарь! Потомъ настанетъ часъ возмездія для меня!

— Ты правъ, я шелъ, чтобы убить ее, но лѣсъ внушилъ мнѣ иныя мысли; чума пришла, и никому не нужно помогать ей; многому научилъ меня лѣсъ въ эту ночь. Но эта женщина не та, которую я искалъ, это существо человѣческое, проливающее слезы надъ трупомъ сына, душа болитъ, глядя на нее.—Ты колеблешься!—воскликнулъ Ассимъ.—У тебя хватаетъ мужества идти назадъ?—Я не страшусь ничего, я хочу лишь обдумать: въ душѣ моей проясняется, и я скору соберу воспоминанія.—Скорѣй,—сказалъ Ассимъ,—не будь жестокъ къ несчастной; она ждетъ смерти, какъ милости! Она не сказала тебѣ ни единаго слова, тебѣ, убійцѣ ея сына, она осудила не тебя, а себя...—Я человѣкъ жестокій и презирающій людей,—сказалъ рыцарь,—эта женщина могла бы измѣнить мой нравъ, если бы я могъ сидѣть у ногъ ея и слушать о милосердіи Бога...—Ты говоришъ, какъ безумный,—воскликнулъ Ассимъ,—не собирай воспоминаній, потому что тогда тобой овладѣетъ раскаяніе. Оставь лучше при себѣ священные предразсудки, составляющіе твою броню и шлемъ, и ступай по дорогѣ, которую ты забрызгалъ кровью. Эта женщина существо другого міра, она дитя неизвѣданной природы, подобная цвѣтку, получившая крещеніе только отъ росы небесъ, и молившаяся лишь подъ сводомъ звѣзднаго неба; у ней нѣтъ надежды войти въ твой рай, она язычница, волшебница, заколдовавшая тебя; убей ее рыцарь! Убей колдунью!—Не смущай меня,—сказалъ рыцарь,—эта женщина не колдунья, она Божіе дитя; я готовъ плакать, раскаиваться, хотя не знаю, одинъ ли я согрѣшилъ, или судьба грѣшна передъ мной...—Рыцарь подошелъ къ Сингуаллѣ.—Клянусь моей рыцарской честью,—сказалъ онъ,—что я готовъ отдать жизнь, чтобы воскресить твоего сына; но я не могу этого сдѣлать, и обѣщаю тебѣ лишь то, что могу сдержать: не возвращаться подъ кровъ мой, и если меня пощадитъ чума, питаться корнями растеній и молить Бога о прощеніи до конца дней моихъ; я

буду жить въ лѣсу, искупая мой грѣхъ; тебя это не утѣшитъ, зато успокоитъ мою душу. Когда я гляжу на тебя, умъ проясняется, и я чувствую, что ты... О Боже... Ты Сингуалла, мечта юности моей... моя первая любовь!.. моя жена!.. Сингуалла наклонилась къ трупу сына и зарыдала. Онъ поднялъ ее и принялъ въ свои объятія; грудь его вздымалась, и сквозь слезы блеснулъ взглядъ прояснившагося духа. Какъ будто внезапная мысль промелькнула въ головѣ рыцаря; онъ схватился руками за голову и выбѣжалъ изъ грота.

Чума.

Насталъ день съ давящей атмосферой и мрачнымъ небомъ. Свѣтъ солнца казался блѣдно-желтымъ. Рано поутру монахи были пробуждены сильнымъ звонкомъ. Братъ Іоганесъ отворилъ ворота и встрѣтилъ человѣка въ пестрой одеждѣ, который пожелалъ видѣть пріора. Патеръ, увидя чужеземца, воскликнулъ:—Что нужно тебѣ? Ты принадлежишь народу, ограбившему монастырь!—Ты имѣлъ время забыть о томъ,—отвѣтилъ незнакомецъ;—я пришелъ просить помощи; мы прибыли въ ночь, и въ нашемъ таборѣ свирѣпствуетъ чума. — Чума?—повторилъ пріоръ въ ужасѣ.—Да, черная смерть.—Черная смерть?—повторили монахи, шатаясь и произнося: «Misirere Domine». Патеръ пришелъ въ себя и сказалъ незнакомцу:—Мы идемъ за тобой. Вставайте! сказалъ онъ монахамъ.—Собиратель жатвы пришелъ, готовьтесь къ торжественному шествію! Берите крестъ, святые дары, елей и мощи!— Шествіе тронулось, незнакомецъ показывалъ дорогу; встрѣчные по пути кидались на землю. Монахи пѣли гимнъ чумы. Въ таборѣ валялись трупы, больные и умирающіе; чувствовалось нѣмое отчаяніе и безпомощность. Когда показалось шествіе, стоны прекратились. Процессія, покрытая облакомъ изъ кадильницъ, обошла поле. Взявъ крестъ, патеръ обошелъ живыхъ и мертвыхъ и поставилъ святое изображеніе среди нихъ. Здоровые и больные наклоняли головы и окроплялись святой водой; умирающіе соборовались; здоровые рыли могилы для умершихъ. Скоро разнесся слухъ о появленіи страшнаго убійцы человѣчества; многіе старались человѣческими средствами отстранить несчастье и бѣжали въ одинокія лѣсныя хижины, стрѣляя въ каждаго, кто приближался къ нимъ; но стрѣлы не пугали страшную гостью, ангелъ смерти леталъ отъ одного жилища къ другому и никакое запрещеніе не останавливало его.

Елена съ сыномъ и служанками покинула замокъ и удалилась въ монастырь, надѣясь въ святой обители найти покой. Гдѣ находился рыцарь Ерландъ и маленькій странникъ, никто не зналъ.

Прошло семь дней, когда у воротъ монастыря, въ полночь, раздался звонокъ. Кто-то прошелся по корридору и спросилъ:—Кто тамъ? —Братъ привратникъ, другъ Іоганесъ! Я узнаю твой голосъ, отопри

рыцарю Ерланду Монешёльду!—Вы живы еще?—воскликнулъ Іоганесъ.—Ужели глаза обманываютъ меня? Блѣдное исхудалое лицо монастырскаго служителя, освѣщенное лампой, высунулось изъ воротъ. — Не бойся, я не привидѣніе, а живой человѣкъ, какъ оно ни покажется странно тебѣ и мнѣ,—сказалъ рыцарь,—куда ни глядѣли глаза мои, вездѣ поле такъ чисто, что нѣтъ почти ни одного колоса прямого... —Все измѣнилось, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ, господинъ рыцарь! Войдите въ эту обитель смерти, и вы будете единственнымъ живымъ существомъ, исключая меня.—Нѣтъ,—сказалъ рыцарь,—я далъ обѣтъ не входить подъ крышу, построенную рукой человѣка; но вся окрестность такая же обитель смерти. Міръ превратился въ кладбище, и ты, братъ Іоганесъ, похожъ на живого мервеца. Такимъ же мертвецомъ я чувствую себя; сердце мое умерло, похоронено и не можетъ вмѣстить въ себѣ горе.—И хорошо, иначе вамъ было бы слишкомъ тяжело. Супруга ваша умерла и всѣ преданные ваши слуги погибли! Учителя вашего, патера Генриха, нѣтъ болѣе въ живыхъ. Все исчезло, все.—Поставь лампу и слѣдуй за мной,—сказалъ рыцарь,—я помирился съ мыслью потерять все, что было мнѣ дорого.—Господь далъ, Господь отнялъ, да будетъ благословенно имя Его!—вздыхалъ монахъ, выходя изъ монастыря вмѣстѣ съ рыцаремъ.—Прошло лишь нѣсколько часовъ, какъ я похоронилъ моего обожаемаго пріора, и удивительно!.. Въ моихъ глазахъ не нашлось слезъ воспоминаній о немъ. Со мной случилось то же, что и съ вами; я похоронилъ свое сердце въ могилѣ братьевъ моихъ! —Кто умеръ раньше, жена или сынъ мой?—спросилъ рыцарь неувѣрѣннымъ голосомъ.—Сынъ вашъ живъ... Развѣ я не говорилъ этого?.. Онъ живъ, если не умеръ послѣ того, какъ я положилъ его въ руки утѣшительницы. Богъ послалъ мнѣ ангела, въ образѣ женщины, которая утѣшала супругу вашу, сидя у ея смертнаго одра; кто она, я не знаю, и никогда не встрѣчалъ ее раньше; умирающей госпожѣ Еленѣ она говорила чудныя слова и утѣшала ее, часто повторяя ваше имя.—Я знаю, кто эта женщина,—сказалъ рыцарь,—и ей ты отдалъ моего сына?—Что оставалось мнѣ дѣлать?—Ея здѣсь нѣтъ болѣе?—Нѣтъ, она послѣдовала за чужеземцами, или, вѣрнѣе, они пошли за ней. Удивительно было видѣть, когда она впервые явилась въ таборъ; отчаявающіеся восторгались, буйные успокоились, и эпидемія исчезла совсѣмъ. Она существо высшее, и сыну вашему будетъ хорошо въ ея рукахъ.

Нѣкоторое время оба человѣка шли молча. Рыцарь былъ спокоенъ, сознавая. что ему нечего терять и не на что надѣяться: онъ былъ свободнымъ и полнымъ хозяиномъ своей судьбы; все было у него отнято, но онъ не жаловался; неумѣстно было въ это время всеобщаго уничтоженія требовать счастья для себя и права владѣть чѣмъ-нибудь. Тотъ, кто принимаетъ участіе въ пестрой игрѣ жизненныхъ чувствъ, пойметъ суть этой игры. Блестящее золотомъ облако, плывущее по небу на зарѣ, не можетъ быть предметомъ

вѣчнаго чувства. Игра солнечныхъ лучей на поверхности воды, поднимающаяся и опускающаяся волна, шелестъ листьевъ на верхушкѣ дуба,— ты хочешь дать имъ вѣчность, которой они не имѣютъ, ты хочешь кристаллизировать ихъ въ форму, которая будетъ сопротивляться уничтоженію? Если ты не хочешь этого, тогда не требуй вѣчности отъ замковъ, отъ богатства, славы, любви, отъ всего, за что хватаешься неопытный, проливая столько безполезныхъ слезъ при потерѣ любимаго. Тотъ, кто твердо стоитъ на скалѣ вѣчности, не испугается, если оборвутся міровыя сферы, небо и земля исчезнутъ и превратятся въ атомы; это будетъ для нихъ лишь солнечными лучами, которые потухнутъ, волною, которая исчезнетъ, и шелестомъ, который замолкнетъ. Рыцарь взглянулъ на звѣзды и почувствовалъ, что какова бы ни была судьба написанная въ нихъ для него, онъ болѣе не могъ ни бояться, ни радоваться! Онъ былъ свободенъ—свободенъ по отношенію ко всему, что называется событіемъ, образомъ, случайностью, ко всему, что измѣряется временемъ. Рядомъ съ этимъ въ душѣ его проносилось другое, что не успѣло исчезнуть совсѣмъ. Образы Елены, сына, Дитяти печали и Сингуаллы, и то, что именно символизировалось ихъ появленіемъ и исчезновеніемъ, это было ему непонятно, и могло лишь выясниться впослѣдствіи.

Ерландъ и Іоганесъ бродили всю ночь въ лѣсу. Утреннее солнце взошло надъ мѣстомъ, которое не тревожило ни пѣніе птицъ, ни рогъ пастуха, ибо черная смерть, только что покинувшая его, оставила послѣ себя молчаніе. Такъ стояли оба человѣка на холмѣ у ручья. Іоганесъ сказалъ:—Братъ Ерландъ, ты хочешь, чтобы мы здѣсь рыли пещеру?

— Да,—отвѣтилъ Ерландъ,—здѣсь мы будемъ жить. Онъ взглянулъ на лужайку, гдѣ росли еще послѣдніе цвѣты осени; отсюда взоръ его перешелъ на лѣсъ, откуда приходила къ нему на свиданіе она.

— Рыть на восточной сторонѣ?—спросилъ Іоганесъ:—Мы будемъ тогда пробуждаться утренней зарей и встрѣчать солнце утреннимъ гимномъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Ерландъ,—будемъ рыть на западъ, ближе къ ручью, тамъ будемъ прощаться съ вечернимъ солнцемъ, символомъ нашей заходящей жизни.—Вернемся въ монастырь за лопатами! И за работу!—сказалъ Ерландъ...

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО ЯПОНІИ.

(*Продолженіе* *).

Родовой быть.

4.

Три главные момента опредѣлили первобытный экономическій и политическій строй древней Японіи. Во-первыхъ, основное занятіе ея жителей, обусловленное особенностями ея страны, во-вторыхъ, ихъ культъ и, въ-третьихъ, способъ переселенія ихъ въ новую страну.

Вслѣдствіе островного положенія Японіи и обилія рыбы у ея береговъ, рыбная ловля съ незапамятныхъ временъ составляла преобладающее занятіе ея жителей. Охота играла значительно меньшую роль, такъ какъ лѣса Японіи не особенно богаты животными. Во всякомъ случаѣ эти два вида промысловъ доставляли единственное пропитаніе туземнымъ жителямъ, если не считать дико растущихъ плодовъ. Завоеватели, во время своей долгой борьбы съ ними, принуждены были довольствоваться тѣмъ же. Но племя Ямато принесло съ собой изъ своей невѣдомой родины значительно болѣе высокій уровень потребностей, не удовлетворявшійся такими первобытными условіями жизни. Быть можетъ, вслѣдствіе особенностей страны, почти лишенной травянистыхъ луговъ и бѣдной животными, быть можетъ, вслѣдствіе принесенныхъ съ собой готовыхъ навыковъ, оно не проходило обычной послѣ охотничьяго и рыболовнаго періода стадіи кочевого и пастушескаго быта. Тамъ, гдѣ оно основывалось на постоянное жительство, оно переходило прямо къ земледѣлію.

Какъ оно собственно переселялось съ острова Кіу-Сіу въ центральную Японію, мы до нѣкоторой степени уже видѣли, когда касались легендъ о походахъ Джиму Тенно. Это было полузавоевательное, полупереселенческое движеніе цѣлаго племени, или во всякомъ случаѣ храбрѣйшей его части, главнымъ образомъ, мужчинъ, въ сопровожденіи, вѣроятно, относительно небольшого количества женщинъ. Двигались они, главнымъ образомъ, на лодкахъ по Внутреннему японскому морю,

---

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль 1904 г.

отъ Кіу-Сіу мимо Шикоку и южнаго Ниппона къ центральной Японіи или Ямато. По отдѣльнымъ лодкамъ переселенцы размѣщались не случайно. Каждую лодку занимали наиболѣе близкіе между собой люди—родственники, имѣвшіе главой своей старшаго между собой, своего родоначальника. Иногда нѣсколько лодокъ, наполненныхъ родственниками, соединялись въ одну небольшую флотилію подъ главенствомъ общаго родоначальника. Откуда надо вести начало родового быта, въ которомъ застаетъ племя Ямато переселеніе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперь уже установлено несомнѣнно, что переселялись они родами и военачальникомъ ихъ былъ глава старшаго рода. Эти же черты родового быта они сохранили, какъ мы увидимъ, и на новыхъ мѣстахъ.

Излагая древніе японскіе миѳы о происхожденіи міра и Японіи, мы близко подошли къ тому культу, который былъ непосредственно связанъ съ ними. Японскій народъ, или, лучше сказать, народъ, завоевавшій Японію, велъ, свое происхожденіе отъ первыхъ боговъ, создавшихъ Японію, или въ ихъ глазахъ—весь извѣстный имъ въ ту пору міръ. Поклоняясь богамъ, они чтили въ нихъ своихъ непосредственныхъ предковъ. Къ сонму этихъ божественныхъ предковъ съ теченіемъ времени присоединились и тѣ изъ умирающихъ людей, которые при жизни приносили чѣмъ-нибудь пользу другимъ, и прежде всего непосредственные потомки богини солнца—всѣ царствовавшіе микадо. Это были главные, такъ сказать, всенародные предки, въ культѣ которыхъ объединялся весь народъ. Но, кромѣ того, каждый родъ, пріѣхавшій и поселившійся вмѣстѣ на новой родинѣ, имѣлъ своихъ собственныхъ предковъ, которыхъ онъ почиталъ наравнѣ съ общими предками. Этотъ культъ предковъ, соединенный съ почитаніемъ нѣкоторыхъ силъ природы—солнца, луны, бога воды и т. п., или такъ называемая теперь религія Шинто, составляла единственную и общую религію японцевъ во весь первобытный періодъ ихъ исторіи вплоть до появленія тамъ буддизма въ VI в. по Р. X., т.-е. въ теченіе болѣе тысячелѣтія.

Такимъ образомъ на зарѣ исторіи мы застаемъ въ Японіи народъ, переселившійся туда родами, народъ, находящійся въ переходной стадіи отъ рыболовнаго къ земледѣльческому быту, и, наконецъ, народъ, религіозныя вѣрованія котораго вылились въ форму культа предковъ.

Посмотримъ теперь, какъ сложилась и не могла не сложиться его жизнь въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Прежде всего мы застаемъ племя ямато въ моментъ переселенія и въ моментъ борьбы. И то, и другое требовало предводителя и военачальника. Естественнымъ образомъ и то и другое соединялось въ лицѣ главы того рода, который велъ свою генеалогію прямо отъ солнца. Онъ былъ военнымъ вождемъ своего племени, его императоромъ, его микадо. Кромѣ того, какъ представитель первенствующаго рода, онъ былъ естественнымъ главою культа. Онъ приносилъ жертвы богамъ передъ

походомъ и воздвигалъ имъ храмы въ мирное время. Но этими двумя функціями и исчерпывается первоначально почти все содержаніе его власти. Впослѣдствіи къ этому присоединилась еще одна—разборъ столкновеній между отдѣльными родами. Такимъ образомъ въ понятіи микадо сливалось представленіе о трехъ видахъ власти—военачальника, главы культа и высшаго судьи.

Во всемъ остальномъ вліяніе его было очень незначительно. Племя завоевателей состояло, какъ мы видѣли, во время переселенія изъ отдѣльныхъ родовъ, передвигавшихся и поселявшихся вмѣстѣ. Осѣдлая жизнь еще усиливала родовую связь между членами рода. Земледѣліе, какъ мы уже упоминали, сопряжено въ Японіи съ особыми трудностями. Заниматься имъ въ одиночку въ первобытное время не представляло никакой возможности. Только значительная группа людей—родъ, могла сдѣлать тотъ или другой участокъ земли годнымъ для обработки. Этимъ опредѣлился весь строй хозяйственныхъ отношеній. Родъ завладѣвалъ извѣстнымъ участкомъ земли, который составлялъ послѣ того его собственность, родъ совмѣстно обрабатывалъ его и только по окончаніи уборки глава рода распредѣлялъ между членами полученный сборъ. Кромѣ земледѣлія, составлявшаго основное занятіе всѣхъ, всякій родъ производилъ внутри себя все необходимое, т.-е. и жилища, и утварь, и оружіе, и одежду, причемъ опять-таки глава рода опредѣлялъ, кому изъ членовъ чѣмъ заниматься сверхъ обработки земли. Постепенно по мѣрѣ расширенія родовъ они распадались на нѣсколько меньшихъ, причемъ хозяйственной единицей считались мелкіе роды или «уджи», весь же родъ въ цѣломъ «о-уджи», т.-е. большой родъ, связывался между собой, главнымъ образомъ, общностью предковъ и общностью живого главы рода. Возможно, что первоначально этимъ главою рода являлся его дѣйствительный родоначальникъ, т.-е. прародитель всѣхъ его членовъ. Но съ теченіемъ времени, при разростаніи и дробленіи большого рода на отдѣльныя вѣтви, такого реальнаго родоначальника они не могли, конечно, имѣть. Возможно, что главою рода оставался глава старшей вѣтви, но есть основанія предполагать, что званіе родовладыки было выборнымъ и занималъ его одинъ изъ старѣйшихъ членовъ рода по избранію. Недостатокъ источниковъ не даетъ возможности твердо установить это. Во всякомъ случаѣ избраніе было пожизненнымъ, и родовладыка имѣлъ полную неограниченную власть внутри своего рода. Онъ имѣлъ право суда и казни надъ всѣми членами рода и право продажи ихъ въ рабство.

Отдѣльный человѣкъ, какъ полноправная личность, какъ индивидуумъ не существовалъ совсѣмъ. Онъ былъ только членъ рода, не имѣвшій никакихъ правъ, но зато и не несшій никакой отвѣтственности передъ чѣмъ-нибудь высшимъ, чѣмъ его родъ. Представителемъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ рода и передъ богами, и передъ ихъ зем-

ными потомками — микадо — былъ родоначальникъ. Онъ совершалъ жертвы за весь родъ, онъ же собиралъ его и велъ на войну по требованію микадо и онъ же позднѣе вносилъ подати микадо. Первое упоминаніе о регулярныхъ податяхъ, платимыхъ микадо, встрѣчается при микадо Суджинѣ въ I в. до Р. Х. У границъ рода власть микадо кончалась, онъ имѣлъ дѣло не съ подданными людьми, а съ подданными родами, представителями которыхъ служили ихъ главы. Отдѣльный членъ рода зналъ только свою долю работы и свою долю результатовъ ея. Тѣмъ не менѣе онъ считался свободнымъ членомъ рода, такъ какъ, кромѣ свободныхъ, равныхъ между собою, хотя и подчиненныхъ родоначальнику, членовъ, въ составъ рода входили нерѣдко и рабы. По большей части эти рабы были взятые въ плѣнъ туземцы, хотя, быть можетъ, иногда это были провинившіеся и обращенные въ рабство члены родовъ. О положеніи этихъ рабовъ въ древнѣйшее время извѣстно мало. Судя по ихъ роли впослѣдствіи, они, вѣроятно, несли тѣ же работы, какъ и другіе члены родовъ, и жили приблизительно такъ же, какъ и остальные, представляя собою такую же необходимую рабочую силу.

Съ точки зрѣнія рабочей силы смотрѣли въ то время и на женщину, и этимъ объясняется, главнымъ образомъ, особенности ея положенія. Женщина была первоначально такимъ же равноправнымъ членомъ рода, какъ и мужчина, пожалуй, еще болѣе цѣннымъ, такъ какъ женская роль въ хозяйствѣ не менѣе необходима, а количество женщинъ у завоевателей было относительно невелико. Вслѣдствіе этого добыть женщину изъ другого рода представлялось чрезвычайно труднымъ, и браки совершались, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одного и того же рода между болѣе или менѣе близкими родственниками. Исключеніе ставилось только для единокровныхъ, т.-е. происходящихъ отъ одной матери братьевъ и сестеръ. Когда же внутри рода женъ не хватало, то мужчина соединялся съ женщиной другого рода, не приводя ее къ себѣ, т.-е. женщина продолжала оставаться членомъ своего коренного рода, хотя мужъ ея принадлежалъ къ другому роду. Позднѣе къ этому присоединилось насильственное умыканіе женъ изъ другого рода или полюбовный выкупъ женъ. Но жена и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продолжала оставаться самостоятельнымъ членомъ рода, т.-е. она зависѣла, какъ и мужчина, отъ главы рода и не становилась рабой мужа.

Внутренній строй старшаго рода, т.-е. рода микадо ничѣмъ неотличался отъ строя остальныхъ родовъ. Являясь только военачальникомъ и верховнымъ жрецомъ въ отношеніи другихъ родовъ, внутри своего рода, своего о-уджи микадо былъ такимъ же полновластнымъ начальникомъ и хозяиномъ, какъ и другіе родоначальники. Также какъ и другіе большіе рода—о-уджи, родъ микадо распадался на болѣе мелкіе—уджи. Причемъ родственные микадо уджи считались главными

или старшими среди остальныхъ. Позднѣе, когда уровень народныхъ потребностей повысился и каждому роду трудно было производить все необходимое его членамъ, стала появлятся бóльшая специализація труда. Но при этомъ интересно, что и эта специализація занятій не разбила рамокъ родовъ и не повысила въ началѣ значеніе индивидуума.

Каждымъ отдѣльнымъ ремесломъ стали заниматься не отдѣльные, способные къ нему члены, хотя бы и разныхъ родовъ, а цѣлые роды. Эти роды ремесленниковъ прежде всего стали выдѣляться изъ о-уджи микадо. Тамъ впервые появились роды оружейныхъ мастеровъ, роды зеркальщиковъ, роды ювелировъ и др.

Такимъ образомъ родовой бытъ, съ общиннымъ землевладѣніемъ, или такъ называемый строй «уджи», обнималъ собою всю жизнь древнихъ японцевъ. Въ основѣ этого строя лежали, конечно, главнымъ образомъ, хозяйственныя причины. Одинъ человѣкъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы обезпечить себѣ существованіе въ тѣ суровыя времена. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ опасностями, и природа не поддавалась его единичнымъ усиліямъ. Въ силу необходимости, онъ не отдѣлялъ себя отъ той группы людей, съ которыми былъ связанъ естественными отношеніями родства и сосѣдства. Культъ, основанный на почитаніи общихъ предковъ, еще укрѣплялъ эту естественную связь, придавалъ ей характеръ святости, характеръ божественнаго установленія. Большой родъ, «о-уджи», пріѣхавшій на одной флотиліи лодокъ, совмѣстно завладѣвшій участкомъ земли и совмѣстно обрабатывающій его, велъ свое происхожденіе отъ однихъ предковъ и тѣмъ обезпечивалъ нерасторжимость своихъ узъ. Отдѣльный человѣкъ, который вздумалъ бы отдѣлиться отъ него, оказался бы не только беззащитнымъ передъ лицомъ природы, но онъ былъ бы лишенъ покровительства боговъ. Боги знали его только, какъ члена рода, за котораго предстательствуетъ родоначальникъ. Одинъ—онъ ничто въ ихъ глазахъ. И не только отдѣльный человѣкъ, но даже отдѣльная семейная ячейка—«*ко*», или маленькій родъ—«уджи» оказывались въ такой же невозможности порвать свою связь съ «о-уджи». Японскіе историки посвящали очень много трудовъ подробному изслѣдованію этой древнѣйшей основы быта своей страны и въ половинѣ прошлаго вѣка среди японской молодежи было очень сильно теченіе, ставившее своимъ идеаломъ этотъ первобытный общинно-родовой строй. Но въ то самое время, какъ слагалась и укрѣплялась эта стройная система политической и хозяйственной организаціи общества, рядомъ съ ней начинали дѣйствовать силы, подрывавшія ея основанія.

Населеніе росло, росли постепенно и его потребности, особенно послѣ знакомства съ болѣе высокой культурой Кореи и Китая. Между тѣмъ, при существовавшемъ хозяйственномъ строѣ извлекать изъ земли больше не представляло возможности. Когда цѣлая значительная тер-

риторія принадлежала совмѣстно цѣлому роду и совмѣстно обрабатывалась его членами, хозяйство могло вестись только экстензивное. При увеличеніи населенія оно переставало удовлетворять потребностямъ всѣхъ его членовъ. Надо было одно изъ двухъ, или увеличить интенсивность культуры, или пріобрѣтать новые участки. И то, и другое одинаково вело къ ослабленію родовыхъ узъ. Для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ небольшія хозяйственныя группы - семьи или «ко» должны были получить больше самостоятельности, выдѣлиться въ болѣе тѣсно связанную и болѣе независимую отъ рода хозяйственную единицу. Съ другой стороны, пріобрѣтать новые участки по сосѣдству съ собой родъ не могъ, такъ какъ вся центральная Японія—«о-ямато» была занята и заселена племенемъ завоевателей; пустующія земли можно было находить только по окраинамъ, отчасти отвоевывая ихъ отъ сосѣдей. Цѣлые роды уже настолько осѣли къ этому времени, что предпринимать новыя переселенія для нихъ не представлялось удобнымъ. Они выдѣляли изъ себя небольшія группы, по большей части семейныя, которыя уходили искать счастья на новыя мѣста. Естественнымъ образомъ у этихъ колоніальныхъ группъ очень скоро ослабѣвала связь съ метропольнымъ родомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ и вообще поднятіе культуры въ странѣ и большая безопасность жизни дѣлали для человѣка менѣе настоятельно необходимой защиту рода. Но культъ предковъ, освящавшій родовыя отношенія, былъ еще очень силенъ; онъ глубоко проникъ въ сознаніе населенія и противодѣйствовалъ теченіямъ, подтачивавшимъ значеніе рода. Экономическія условія, создавшія данный строй, измѣнялись, но религіозный культъ, выросшій на почвѣ его, былъ еще очень проченъ и мѣшалъ разложенію его.

Для того, чтобы окрѣпнуть, новое теченіе должно было найти себѣ поддержку въ какомъ-нибудь новомъ культѣ, который разбилъ бы оковы рода, казавшіяся нерасторжимыми. Такимъ культомъ, принесшимъ съ собой совершенно новое міропониманіе, совершенно новое отношеніе человѣка къ самому себѣ, былъ буддизмъ. Онъ проникъ въ Японію черезъ Китай и Корею въ VI вѣкѣ по Р. Х. Въ эту эпоху буддизмъ уже далеко не былъ той отвлеченной моральной философіей, какъ въ первое время по основаніи его. Во время долгаго пути черезъ всю Азію онъ впиталъ въ себя части различныхъ, сначала индійскихъ, а потомъ и другихъ азіатскихъ религій. Въ Китаѣ подъ именемъ буддизма проповѣдывалась религія, имѣвшая очень мало общаго съ первоначальной, лишенной всякаго внѣшняго культа, теоріей самоусовершенствованія и самоотреченія. Это была многобожная религія, въ которой Будда или Амида занялъ мѣсто верховнаго бога на ряду съ другими богами и богинями. Особеннымъ почтеніемъ среди нихъ пользовалась тысячерукая Кванонъ — богиня милосердія и Фудо — богъ

огня и мудрости. Пріобрѣтя цѣлый сонмъ боговъ, буддизмъ пріобрѣлъ и соотвѣтствующія своему новому содержанію формы—жреческое сословіе, храмы, торжественные богослужебные обряды, однимъ словомъ, всю ту наружную пышность, съ которой онъ боролся вначалѣ. Но, поступившись такимъ образомъ своей первоначальной чистотой, онъ сталъ вмѣстѣ съ этимъ болѣе доступенъ и пріобрѣлъ бо̀льшую внѣшнюю привлекательность, не утративъ все-таки высоты своего моральнаго ученія. Появившись въ Японіи, онъ сразу пріобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ. Его внѣшность дѣйствовала на воображеніе, а его моральныя догмы поражали своей новизной и внутренней неопровержимостью. Первобытная японская религія не могла выдержать сравненія съ нимъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Она была лишена почти всякихъ внѣшнихъ формъ и всякаго мо̀ральнаго кодекса. Она не ставила никакихъ нравственныхъ требованій человѣку, она знала только родъ и требовала исполненія извѣстныхъ обрядовъ отъ его представителя. Японскіе ученые объясняютъ это отсутствіе этической стороны въ первобытной японской религіи тѣмъ, что японцы были народомъ отъ природы нравственнымъ и поэтому не нуждались въ особенномъ нравственномъ кодексѣ. Мораль же вообще придумываютъ народы безнравственные, какъ, напр., китайцы.

Какъ бы то ни было, распространеніе буддизма въ Японіи явилось въ ту эпоху большимъ шагомъ впередъ. Человѣческая личность вдругъ пріобрѣтала значеніе, передъ человѣкомъ ставился извѣстный нравственный идеалъ, отъ него требовалось соблюденіе извѣстныхъ заповѣдей, на него самого возлагалась отвѣтственность за его поступки. И, наконецъ, передъ нимъ открывалась перспектива будущихъ существованій, т.-е. перспектива будущей жизни. Религія Шинто совсѣмъ не говорила о посмертномъ существованіи для членовъ рода. На безсмертіе могли разсчитывать только микадо, родоначальники и особенно выдающіеся люди, въ родѣ военачальниковъ, обожествлявшіеся въ моментъ смерти.

Первымъ дѣятельнымъ пропогандистомъ буддизма въ Японіи былъ принцъ Шото-Кутаиши, сынъ императрицы Суико (593 — 628). Онъ самъ принялъ новую вѣру и распространилъ ее среди своихъ приближенныхъ и ближайшихъ родовъ. Но этотъ актъ вызвалъ сильное неудовольствіе въ странѣ и чуть не стоилъ власти микадо. Принцъ Шото-Кутаиши, увлеченный преимуществами буддизма, не обратилъ вниманія на то, что онъ вырываетъ самый фундаментъ власти микадо. Микадо правилъ какъ прямой потомокъ богини солнца, какъ глава всенароднаго культа. Утрачивая эти свойства, онъ утрачивалъ весь свой престижъ. Немедленно нѣсколько сильныхъ родовъ подъ предводительствомъ Сога-уджи воспользовались новой религіей, чтобы достичь полной независимости отъ центральной власти. Другіе роды соединились для

защиты старой религіи. Возникла междоусобная война, при началѣ которой принцъ Шото покончилъ съ собой, считая себя виновникомъ бѣдствій родной страны.

Но, конечно, буддизмъ могъ только по недоразумѣнію усилить могущество отдѣльныхъ родовъ. По всему своему содержанію онъ оказывалъ разрушительное вліяніе на самую сущность родового быта, на безусловное подчиненіе личности роду. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ именно въ томъ направленіи, какъ и тѣ экономическія теченія, которыя стали сказываться въ эту эпоху. Онъ санкціонировалъ стремленіе личности или хотя бы отдѣльной семейной ячейки выбиться изъ-подъ власти рода и начать жить за свой счетъ.

5.

Центральная власть—микадо и его совѣтники почувствовали начавшее зарождаться стремленіе личности къ самостоятельности и поспѣшили воспользоваться имъ въ пользу усиленія этой власти. Одинъ извѣстный историческій дѣятель Японіи, принцъ Нака-на-ойе, получившій очень широкое по тому времени китайское образованіе, предпринялъ рядъ реформъ, объединенныхъ впослѣдствіи подъ именемъ реформъ «таиква».

Но если въ экономическомъ отношеніи эти реформы опирались на нарождавшіяся уже въ обществѣ новыя теченія, то вся та соціально-политическая форма, въ которую они были облечены, была совершенно чужда Японіи и шла въ разрѣзъ съ ея предыдущей исторіей. Она была цѣликомъ заимствована изъ Китая и почти безъ измѣненія перенесена на Японскую почву. Въ этомъ отношеніи реформа «таиква» представляетъ большую аналогію съ попыткой Карла Великаго привить цѣликомъ идею римскаго государства къ новымъ общественнымъ формамъ, слагавшимся въ Западной Европѣ подъ двойнымъ вліяніемъ римскихъ традицій и новыхъ германскихъ отношеній. Какъ тутъ, такъ и тамъ эта привитая извнѣ реформа была заранѣе обречена на недолговѣчность.

Въ основу реформы «таиква» было положено представленіе о микадо какъ о неограниченномъ и полновластномъ монархѣ. Изъ этого представленія уже естественно вытекало уничтоженіе значенія родовъ, какъ независимыхъ и самоуправляющихся группъ, у предѣловъ которыхъ кончалась прежде власть микадо. Теперь всѣ жители страны были объявлены непосредственными подданными микадо, обязанными платить ему подати и браться за оружіе по его приказанію. Роды были оффиціально объявлены уничтоженными. Вмѣсто того вся страна была подѣлена на провинціи (около 300), управлявшіяся намѣстниками микадо и ихъ помощниками. Такимъ образомъ, вмѣсто федераціи почти независимыхъ родовъ подъ главенствомъ одного предводителя явилась

сразу неограниченная бюрократическая монархія. Административный механизмъ—въ подробности котораго входить, конечно, не стоитъ — былъ цѣликомъ перенесенъ изъ Китая и только слегка видоизмѣненъ согласно мѣстнымъ условіямъ. Но при всей своей стройности система эта не имѣла залоговъ прочности и очень скоро начала сама себя подтачивать. Чтобы уяснить себѣ это, намъ придется остановиться нѣсколько на тѣхъ экономическихъ реформахъ, которыя были предприняты одновременно, и на той организаціи общества, которая явилась слѣдствіемъ ихъ.

Объявивъ микадо неограниченнымъ монархомъ, смѣлые реформаторы объявили одновременно съ этимъ, что вся земля составляетъ его полную собственность. Подданные могутъ только временно владѣть ею. Вслѣдъ затѣмъ была произведена перепись населенія, земля нарѣзана на равные участки и подѣлена между всѣми. Родъ при этомъ совершенно не принимался во вниманіе. Земля давалась семьѣ по числу ея членовъ. На долю каждаго мужского члена считалось $2^1/_2$ тана, т.-е. около $^1/_4$ десятины *), женщины получали третью долю. Черезъ каждые шесть лѣтъ совершались передѣлы,—надѣлы умершихъ членовъ семьи отбирались, на долю дѣтей, достигшихъ 5-лѣтняго возраста, нарѣзались новые. Семья или «ко» была признана, такимъ образомъ, самой меньшей хозяйственной единицей. Это вполнѣ согласовалось съ тѣмъ теченіемъ, которое мы отмѣчали въ предыдущую эпоху внутри родовъ. Слѣдующей хозяйственной единицей была группа изъ 5 сосѣднихъ домовъ или семей, получившая названіе «гохо». Семьи, входившія въ составъ «гохо», были соединены между собой круговой порукой. Это была тоже своего рода община, организованная главнымъ образомъ въ фискальныхъ цѣляхъ. Съ нея взыскивались подати, если которая нибудь семья оказывалась въ недоимкахъ, она же должна была платить за выбывшихъ членовъ, до новаго передѣла, на ней же лежало содержаніе неспособныхъ къ труду членовъ.

Надѣлы производились исключительно изъ земель, приготовленныхъ подъ рисовую или садовую культуру. Лѣса, луга, неудобныя или просто нераспаханныя еще земли не вводились въ передѣлы. Лѣса считались общею собственностью. Этотъ взглядъ сохранился въ Японіи и до сихъ поръ и ведетъ къ такимъ же, какъ у насъ, столкновеніямъ изъ за порубокъ.

Неподѣленные еще остатки удобной земли, а также земли, считавшіяся неудобными, были объявлены личною собственностью микадо, и воздѣлывались за его счетъ подъ наблюденіемъ его намѣстниковъ. Вотъ эти-то государственныя земли и внесли зачатки разложенія въ эту стройно созданную крестьянско-бюрократическую монархію.

По закону всѣ чиновники должны были получать жалованье отъ

*) Танъ около $^1/_{10}$ дес.

микадо. Въ частности намѣстникъ могъ удерживать прямо опредѣленную часть податей, слѣдовавшихъ съ его провинціи. Очень скоро къ этому жалованью стали присоединяться участки земли, жалуемые намѣстникамъ «за службу», пока лишь во временное пользованье—нѣчто въ родѣ нашихъ помѣстій. Изъ этихъ же земель стали отрѣзаться куски и жаловаться просто любимцамъ микадо «за особыя заслуги» въ пожизненное или даже вѣчное владѣнье—нѣчто въ родѣ «вотчинъ». Оттуда же благочестивые микадо выдѣляли дары буддійскимъ монастырямъ, находившимся подъ ихъ особымъ покровительствомъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени и просто частные люди, наиболѣе предпріимчивые, получали разрѣшеніе поднять новь среди пустующихъ земель и оставить за собой въ полное владѣніе вновь обработанный участокъ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ общинными владѣніями, подлежавшими передѣламъ, возникла частная земельная собственность.

Не прошло и вѣка послѣ проведенія реформъ «таиква», какъ картина общества снова сильно измѣнилась. Вмѣсто небольшихъ крестьянскихъ общинъ, сплошь покрывавшихъ страну и всюду одинаково управлявшихся чиновниками, въ разныхъ мѣстахъ возникли болѣе или менѣе крупные земельные собственники, съ которыми микадо приходилось очень и очень считаться. Очень часто этими собственниками оказывались прежнія главы родовъ, соединившіе съ новой намѣстнической властью неугасшій еще въ глазахъ населенія престижъ родовладыки.

Бюрократическій строй совершенно не привился въ ту эпоху. Должности, которыя были созданы для того, чтобы сосредоточить въ рукахъ микадо власть, бывшую раньше у родовъ, очень скоро стали наслѣдственными въ семьяхъ, замѣнившихъ роды. Мало-по-малу страна, спаянная не надолго энергичной волею реформаторовъ, снова стала распадаться на отдѣльныя области, намѣстники которыхъ все меньше считались съ центральною властью и все сильнѣе враждовали между собой.

Нѣсколько разъ болѣе рѣшительные микадо или случайно возвысившіеся роды пытались положить конецъ этому дробленію и розни и снова объединить страну, но попытки ихъ всякій разъ терпѣли неудачу.

Въ этомъ отношеніи VIII, IX и X вв. въ Японіи представляютъ какъ мы увидимъ далѣе, много аналогій съ эпохой возникновенія феодализма во Франціи. Первые Каролинги оказались также безсильны бороться съ разложеніемъ своей искусственной имперіи, какъ и первые микадо послѣ энергичныхъ авторовъ реформъ. Вышедшіе изъ среды феодальной знати, Капетинги оказались также мало способны объединить Францію, какъ и возвысившійся въ X вѣкѣ родъ Фудживара—Японію. Слабость центральной власти зависѣла не отъ особенностей ея представителей, конечно, совершенно различныхъ въ обѣихъ странахъ, а отъ того общаго историческаго процесса, который совершался и тутъ, и тамъ. Въ Японіи, какъ и во Франціи, неуклонно

шелъ процессъ *феодолизаціи* и остановить его искусственно не было никакой возможности. Онъ долженъ былъ совершить весь свой циклъ, прежде чѣмъ пасть окончательно.

Мы остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на этомъ процессѣ, завершеніе котораго и привело Японію къ ея послѣднему перевороту.

Феодальная эпоха.

6.

Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, протекшаго со времени завоеванія племенемъ ямато Японіи до реформъ «таиква», вся страна представляла конгломератъ слабо объединенныхъ между собою соціальныхъ мірковъ. Сознанія государственнаго единства и общегосударственныхъ интересовъ не могло возникнуть. Не могла, слѣдовательно, и окрѣпнуть сразу введенная сверху централизація. Прежніе соціальные навыки должны были несомнѣнно такъ или иначе проявить себя, воспользоваться первой же оставленной имъ лазейкой, чтобъ вступить въ борьбу съ объединяющей властью. Такой лазейкой была допущенная сначала въ видѣ исключенія частная собственность на землю. Происхожденіе ея было разное, но вся она стремилась пріобрѣсти одинъ и тотъ же независимый отъ государства характеръ. Намѣстникъ, получая свои земли временно за службу, овладѣвалъ ими настолько прочно—особенно на окраинахъ—что не разставался съ ними и оставляя мѣсто. Но и послѣднее случалось рѣдко,—по большей части, когда должность попадала представителю какого-нибудь уважаемаго рода; она оставалась за нимъ не только на всю жизнь, но и закрѣплялась за его потомствомъ. Такой наслѣдственный намѣстникъ становился совершенно независимымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ своихъ земель.

Любимцы микадо и придворные, получавшіе земли «за особыя заслуги», прежде всего выхлопатывали, чтобы владѣнія ихъ не подлежали управленію намѣстниковъ, т.-е. обладали «иммунитетомъ». То же самое въ видахъ поощренія даровалось и тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя предпринимали за свой счетъ разработку дѣвственныхъ земель. Этотъ видъ землевладѣнія сталъ особенно быстро развиваться на окраинахъ и вообще на государственныхъ территоріяхъ, такъ какъ онъ давалъ возможность частнымъ людямъ обезопасить себя отъ произвола намѣстниковъ. Крестьянскія общины стали быстро разлагаться, выдѣляя изъ себя болѣе предпріимчивыхъ людей, отправлявшихъ на сторону искать счастья и пріобрѣтать болѣе независимое положеніе собственниковъ. Буддійскіе монастыри, конечно, тоже не замедлили пріобрѣсти иммунитетъ для своихъ земель. Естественнымъ слѣдствіемъ такой иммунитетности всѣхъ этихъ земель явилось пріобрѣтеніе владѣльцами ихъ нѣкоторыхъ правъ государственной власти. Дѣйствительно, если пра-

вительственный чиновникъ не имѣлъ внутри ихъ никакой власти, то эта власть сама собой переходила къ собственнику. Постепенно изъ землевладѣльца только онъ превращался въ правителя на принадлежащемъ ему участкѣ. Отрицательная привилегія данная ему въ видѣ иммунитетности его земли, т.-е. неподвѣдомственности правительственнымъ чиновникамъ, приводила къ положительной—къ пріобрѣтенію имъ самимъ извѣстныхъ правъ государственной власти. Землевладѣніе стало соединяться съ нѣкоторыми государственными правами—моментъ характерный для феодализма.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ государства выдѣлились снова независимые отъ него участки, получившіе названіе «шойеновъ». Владѣльцы ихъ назывались шойонами. Шойоны старались объединить въ своихъ рукахъ возможно больше земли, дававшей имъ больше власти, и вели между собой борьбу за высшія государственныя должности. Въ концѣ IX в. изъ среды этихъ шойоновъ особенно возвысился родъ Фудживара. Одинъ изъ представителей его достигъ такого могущества, что присвоилъ себѣ титулъ «регента» и сталъ управлять страной отъ имени совершенно безсильнаго въ то время микадо. Титулъ «регента» сталъ послѣ того наслѣдственнымъ въ роду Фудживара, и микадо продолжали царствовать лишь номинально.

Первое время регентамъ удалось внести нѣкоторый порядокъ въ дѣла управленія и поддержать внутренній миръ. Наступило временное затишье, и въ культурныхъ центрахъ страны стали быстро развиваться разныя искусства и литература. Этотъ періодъ—конецъ IX и X вѣкъ считается вѣкомъ перваго расцвѣта духовной жизни въ Японіи. Среди японскихъ ученыхъ того времени особенно прославился Сугавара Мичизане, получившій впослѣдстіи имя Тенджина. Мичизане считался первымъ знатокомъ китайской литературы, и самъ писалъ историческія сочиненія и поэмы на китайскомъ языкѣ. Мичизане былъ воспитателемъ наслѣднаго принца и, когда тотъ воцарился, получилъ званіе перваго министра. Но Фудживара не могли допустить возвышенія человѣка, не принадлежавшаго къ ихъ роду. Они добились его изгнанія, и онъ умеръ въ Кіу-Сіу въ 903 г. Родъ Мичизане, въ отличіе отъ другихъ родовъ, всегда отличался большой приверженностью къ наукамъ и литературѣ, и очень многіе литераторы и ученые Японіи въ послѣдующія эпохи носили эту фамилію, не исчезнувшую и до нашего времени. Имя ихъ полулегендарнаго предка до сихъ поръ пользуется тамъ большимъ почетомъ. Но не долго продолжалось мирное процвѣтаніе страны подъ властью Фудживара. Послѣдующіе регенты оказались такъ же мало способны уничтожить самый источникъ смутъ, какъ и микадо. Уже въ концѣ X и въ XI в. снова съ прежней силой вспыхиваютъ междоусобные раздоры. Къ этому времени организація общества на новыхъ началахъ сдѣлала еще шагъ впередъ.

Шойоны стали притягивать къ себѣ не только пустующія земли,

но и населенные участки. Иногда это дѣлалось добровольно, иногда по принужденію. Жизнь мелкихъ земельныхъ собственниковъ среди крупныхъ враждующихъ между собой сосѣдей оказывалась черезчуръ опасной. Правительственные чиновники не имѣли часто силъ защитить ихъ. Для нихъ выгоднѣе было обезпечить себѣ защиту какого-нибудь крупнаго шойона. Съ этою цѣлью они признавали верховную власть шойона надъ своимъ участкомъ и иногда обязывались выплачивать ему часть сбора. Взамѣнъ этого участокъ ихъ освобождался отъ власти намѣстника, и они получали поддержку въ случаѣ нападенія другого шойона. Возникала, слѣдовательно, феодальная зависимость мелкаго земельнаго собственника отъ крупнаго. Рядомъ съ этими земельными отношеніями такая же зависимость возникала и на почвѣ личныхъ отношеній.

Вслѣдствіе слабости правительственной власти крупнымъ шойонамъ для охраны своихъ владѣній необходимо было имѣть собственныхъ воиновъ. Съ другой стороны при разложеніи прежнихъ крестьянскихъ общинъ появились люди, не пріобрѣтшіе себѣ личной собственности и не имѣвшіе никакой прицѣпки къ землѣ. Эти люди охотно шли на службу къ крупному шойону, клялись ему въ вѣрности, составляли его постоянную вооруженную дружину, а взамѣнъ получали отъ него содержаніе—жилище и рисъ.

Эти два вида зависимости—земельная и личная часто сливались и переплетались. Воины, особенно у крупныхъ шойоновъ, съ теченіемъ времени стали получать въ вознагражденіе за службу вмѣсто жалованья участки земли и, такимъ образомъ, превращались въ вассаловъ, а болѣе крупные земельные собственники, отдававшіеся подъ его руку, получали право носить оружіе. Всѣ эти вассалы получили впослѣдствіи названіе *самураевъ*—имѣющихъ право носить мечъ. И тѣ, и другіе, по возможности, обрабатывали землю не собственными руками, а при помощи земледѣльческаго населенія.

Значительно ниже вассаловъ, приносившихъ шойонамъ свои болѣе или менѣе крупные земельные участки, стояла остальная масса населенія—бывшіе земледѣльцы-общинники. Когда наиболѣе сильные элементы выдѣлялись изъ общины и передѣлы перестали практиковаться, общины въ сущности перестали существовать. Остались мелкіе землевладѣльцы, сидящіе на ничтожныхъ надѣлахъ. Отстоять свою самостоятельность отъ крупныхъ шойоновъ они, конечно, были не въ силахъ. Лишенные поддержки слабѣющей правительственной власти, они часто сами предлагали одному изъ сосѣднихъ шойоновъ, или даже самураевъ, работать на него и платить ему подати за то, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ остальныхъ. Еще чаще тотъ принуждалъ ихъ къ этому силой. Въ обоихъ случаяхъ свободные прежде земледѣльцы постепенно превращались въ крѣпостныхъ, обязанныхъ обрабатывать земли шойоновъ и платить подати за свои участки не государству, а имъ.

Подати эти постепенно все росли и ко времени полнаго расцвѣта феодализма поднялись отъ первоначальныхъ 2—3% до 50, 60% всего сбора. Въ общихъ чертахъ картина закрѣпощенія мелкаго земледѣльческаго населенія здѣсь совершенно таже, что и въ Западной Европѣ.

Къ началу XII вѣка процессъ постепенной феодализаціи общества почти закончился. Теперь монархическая власть въ Японіи существовала лишь номинально. Въ дѣйствительности страна распалась на множество отдѣльныхъ феодальныхъ мірковъ. Во главѣ каждаго такого мірка стоялъ независимый земельный участокъ, тоже что аллодъ въ Западной Европѣ, называвшійся шойономъ, а въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ него располагались вассальные земли самураевъ. На самомъ низу соціальной лѣстницы стояли крѣпостные земледѣльцы.

Въ своихъ владѣніяхъ шойоны, получившіе позднѣе наименованіе дайміосовъ («высокое имя»), были совершенно полноправными властителями. Никто не могъ вмѣшиваться въ отношенія ихъ съ подданными. Впрочемъ, характеръ зависимости отъ дайміоса различныхъ группъ населенія его владѣній былъ далеко не одинаковъ. Въ отношеніи земледѣльцевъ, обрабатывавшихъ его поля, власть его была совершенно неограниченна, по характеру своему она ближе всего подходила къ власти нашихъ помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами. Въ отношеніи своихъ вассаловъ-самураевъ онъ являлся скорѣе въ качествѣ ихъ предводителя, главы рода. Конечно, феодальная ячейка, состоявшая изъ дайміоса и его самураевъ, не имѣла ничего общаго съ прежнимъ родомъ, такъ какъ между самураями и ихъ главою—дайміосомъ не было никакого родства. Ихъ связывалъ лишь свободный договоръ. Но по традиціи новая феодальная группа продолжала носить названіе рода. Для поддержанія этой фикціи самурай, вступая на службу къ дайміосу и получая отъ него землю, выпивалъ съ нимъ общую чашу, въ которой должны были заключаться нѣсколько капель крови того и другого. Этотъ обрядъ символизировалъ то, что между дайміосомъ и самураями должны были существовать родственныя отношенія. Въ строгомъ смыслѣ слово родъ слѣдовало бы примѣнять только къ династіямъ самихъ дайміосовъ, но, распространяя, его примѣняли ко всей совокупности феодальной группы. Примѣняя названія по аналогіи, быть можетъ, правильнѣе поступаютъ тѣ историки, которые называютъ этотъ новый феодальный родъ «кланомъ»». Во всякомъ случаѣ оба эти названія надо понимать условно, относя ихъ ко всей совокупности лицъ, связанныхъ между собой феодальными отношеніями.

Право владѣнія шойономъ переходило по наслѣдству отъ отца къ которому-нибудь изъ его сыновей по его назначенію. Но дробить свое владѣніе дайміосъ по обычаю не могъ. Впослѣдствіи этотъ обычай перешелъ и въ законодательство.

Взаимныя отношенія отдѣльныхъ шойоновъ или даймiосовъ между собой не были рѣшительно ничѣмъ урегулированы. Они опредѣлялись только соотношеніемъ ихъ силъ. Они переманивали другъ у друга самураевъ, оттягивали земли и крѣпостныхъ,—постоянныя кровопролитныя столкновенія между ними господствовали на всемъ протяженіи страны. Единственнымъ закономъ общимъ для всѣхъ было право меча.

Военное ремесло стало считаться единственнымъ достойнымъ благороднаго человѣка. Кто не носилъ меча, тотъ заслуживалъ презрѣнія. Зато владѣніе оружіемъ, дѣйствительно, доведено было у нихъ до совершенства. Спеціально для мечей приготовлялась у нихъ удивительная сталь, и самурай гордился тѣмъ, что онъ можетъ своимъ мечемъ перерубить сразу три трупа, положенные другъ на друга. «Мечъ—душа самурая», говоритъ старая японская пословица. Съ дѣтства упражнялись они въ военныхъ пріемахъ и воспитывали въ себѣ храбрость и рѣшительность. Въ военномъ отношеніи самураи были идеальные воины. Они и въ настоящее время составляютъ основу японскаго войска. Офицерство сплошь состоитъ изъ бывшихъ самураевъ, да и среди солдатъ при всеобщей воинской повинности попадается очень много потомковъ прежнихъ благородныхъ рыцарей.

Въ эпоху расцвѣта феодализма впервые произошло обособленіе военнаго сословія. Первоначально всякій земледѣлецъ по требованію микадо или намѣстника долженъ былъ становиться воиномъ. Теперь же война и подготовка къ ней стала поглощать столько времени, что уже перестала совмѣщаться съ какими бы то ни было другими занятіями. Обработка земли, торговля, умственныя занятія—все это считалось ниже достоинства самурая. Въ родовомъ смыслѣ самураями назывались всѣ носящіе оружіе, т.-е. и даймiосы, въ томъ числѣ; самурай соотвѣтствуетъ рыцарю въ Европѣ. При такихъ условіяхъ культура страны не могла сколько-нибудь значительно развиваться Единственными очагами просвѣщенія оставались буддійскіе храмы и монастыри. За исключеніемъ ихъ, вся страна превратилась въ сѣть вооруженныхъ лагерей, а населеніе распалось на крѣпостныхъ земледѣльцевъ и, жившихъ на ихъ счетъ и воюющихъ между собой, рыцарей-самураевъ.

Нельзя не упомянуть, что при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ феодализмъ создалъ и въ Японіи свою особую, часто очень возвышенную, «рыцарскую» мораль. Понятіе о долгѣ, вѣрности и чести достигло тамъ крайней степени своего развитія, конечно, въ высшемъ военномъ сословіи. За честь всякій самурай готовъ былъ положить жизнь. Оскорбленіе чести смывалось только кровью. Вѣрность своему роду и своему даймiосу ставилась выше всѣхъ остальныхъ добродѣтелей. Общее презрѣніе обрушивалось на тѣхъ, кто рѣшался измѣнить ей ради какихъ-нибудь корыстныхъ разсчетовъ. Если кто-нибудь изъ самураевъ добровольно переходилъ къ болѣе богатому даймiосу, всѣ его прежніе товарищи отвертывались отъ него и считали унизительнымъ всякое общеніе съ

нимъ. Особенно низкой считалась измѣна въ ту минуту, когда весь родъ испытывалъ какое-нибудь бѣдствіе. Своеобразное военное братство связывало между собою всѣхъ самураевъ одного рода. За оскорбленіе одного возставали всѣ; если оскорбленнымъ былъ представитель рода—дайміосъ, каждый самурай готовъ былъ положить свою жизнь для возстановленія его чести. При обиліи поводовъ для разнаго рода столкновеній они происходили постоянно, и почти не бывало момента, чтобы въ той или другой части страны не раздавался звонъ оружія. Въ мирные промежутки самураи проводили время въ военныхъ упражненіяхъ и играхъ. Старшіе учили младшихъ владѣть оружіемъ и соперничали другъ съ другомъ въ разныхъ военныхъ пріемахъ. Иногда эти военныя игры обставлялись очень торжественно—происходило нѣчто подобное рыцарскимъ турнирамъ въ Европѣ, съ тою только разницею, что самураи упражнялись обыкновенно пѣшіе. Порой они такъ увлекались борьбой, что наносили другъ другу серьезныя раны, или даже одинъ изъ соперниковъ оставался мертвымъ на аренѣ состязаній. Поединки между самураями тоже не были тамъ рѣдкостью. При повышенномъ представленіи о чести, малѣйшее нарушеніе выработавшагося тамъ постепенно сложнаго феодальнаго этикета считалось оскорбленіемъ и вело къ поединку, нерѣдко имѣвшему смертельный исходъ. Сходство японскаго рыцарства съ европейскимъ сказалось еще въ одномъ явленіи, развившемся на его почвѣ. Тамъ, какъ и въ Европѣ, въ періодъ расцвѣта рыцарства стали появляться странствующіе рыцари. То тутъ, то тамъ изъ среды самураевъ выдѣлялись личности съ болѣе высокими нравственными требованіями, съ болѣе тонкимъ нравственнымъ чувствомъ,—царившая кругомъ неправда, угнетеніе слабыхъ сильными глубоко оскорбляли ихъ, и они рѣшали посвятить свои силы защитѣ слабыхъ и борьбѣ съ насиліемъ. Они выходили изъ своего рода,—самурай не былъ прикрѣпленъ къ дайміосу, договоръ ихъ былъ расторжимъ,—и отправлялись странствовать по свѣту. Съ выходомъ изъ рода они теряли все, что имѣли, и землю, и содержаніе, но это не пугало ихъ,—бѣдные, часто полуголодные, но съ неизмѣнными двумя мечами у пояса, скитались они по дорогамъ, вступая во всякую борьбу, которая казалась имъ законной, заступаясь за всякаго, кто казался имъ несправедливо обиженнымъ. Въ японскихъ историческихъ романахъ можно встрѣтить не одинъ типъ этихъ японскихъ Донъ-Кихотовъ, всегда нѣсколько наивныхъ, но всегда высоко благородныхъ и безукоризненно чистыхъ.

Впослѣдствіи въ эпоху разложенія феодализма эти странствующіе самураи-«ронины», какъ ихъ называли, сильно измѣнили свой первоначальный характеръ, какъ и всѣ самураи вообще. Очень часто изъ защитниковъ слабыхъ они превращались въ настоящій бичъ населенія,—въ вооруженныхъ бродягъ, грабившихъ мирныхъ жителей.

Но и въ блестящую эпоху рыцарства «ронины» эти являлись, ко-

нечно, только свѣтлыми исключеніями на мрачномъ фонѣ средневѣковой японской жизни. Правиломъ была безпощадная война всѣхъ противъ всѣхъ. Роды соперничали между собой, усиливались за счетъ сосѣдей и снова падали, не выдерживая постоянной напряженной самообороны. То одинъ, то другой родъ выплывалъ на поверхность и временно заставлялъ всѣхъ признавать свое главенство.

7

Въ началѣ XII вѣка двумъ родамъ удалось достичь наибольшаго могущества—роду Таира и Минамото. Между ними, конечно, возникло жестокое соперничество, очень скоро перешедшее въ открытую войну. Долгіе годы длились кровопролитныя стычки, пока, наконецъ, Минамото совершенно обезсилѣли, предводитель ихъ былъ убитъ въ битвѣ, а войско разсѣяно. Побѣдители завладѣли ихъ землями, изгнали вассальныхъ землевладѣльцевъ и между, прочимъ, захватили въ плѣнъ мать жены павшаго даймiоса. Женѣ его съ тремя маленькими сыновьями удалось бѣжать и скрыться. Но когда она узнала, что мать ея въ плѣну, въ ней поднялась сильнѣйшая борьба между дочернимъ и материнскимъ долгомъ. Ради дѣтей она должна была спасаться и прятать ихъ отъ рукъ безжалостнаго врага, но чувство дочери побуждало ее вернуться спасать мать. Наконецъ, она рѣшила попытаться достичь того и другого. Она снова пустилась въ путь со всѣми дѣтьми и пошла прямо во дворецъ къ своему врагу Кіимори. Единственной ея защитой должна была быть ея красота. Разсчетъ ея оказался вѣренъ, Кіимори не могъ устоять противъ слезъ прекрасной женщины. Онъ отпустилъ на свободу ея мать и обѣщалъ пощадить ея дѣтей, подъ условіемъ, чтобы она согласилась стать его наложницей. Токива принесла эту жертву своимъ сыновьямъ, и Кіимори отослалъ ихъ всѣхъ въ разные буддійскіе монастыри. Старшій изъ нихъ былъ Іоритомо, будущій возстановитель чести и могущества рода Минамото. Второй—Йошитсуне—одинъ изъ любимыхъ народныхъ героевъ Японіи. Монахи, воспитавшіе ихъ, получили предписаніе употребить всѣ усилія, чтобы посвятить ихъ тоже въ монашескій санъ. Но мальчики не проявляли наклонности къ этому. Когда второму—Йошитсуне—исполнилось 16 лѣтъ, онъ убѣжалъ изъ монастыря, отправился тайно по прежнимъ вассаламъ своего отца—напомнить имъ ихъ клятвы. Заручившись ихъ поддержкой, онъ явился въ убѣжище, къ старшему брату и предложилъ ему возобновить борьбу за честь своего рода. Іоритомо согласился, они собрали войско, и старшій братъ сейчасъ же выступилъ въ походъ. Но предводитель былъ еще неопытенъ и войско незначительно. Многіе изъ прежнихъ самураевъ Минамото не присоединились къ нему, такъ какъ не вѣрили въ успѣхъ его предпріятія. Въ первой же рѣшительной битвѣ онъ былъ разбитъ на голову и самъ спасся только

благодаря находчивости одного своего тайнаго сторонника. Убѣгая отъ побѣдителей, онъ спрятался въ дуплѣ одного громаднаго дерева. Посланный за нимъ воинъ оказался прежнимъ самураемъ его отца. Онъ подбѣжалъ къ дереву, замѣтилъ въ немъ сына своего господина, ткнулъ мечомъ въ дупло такъ, чтобъ не повредить его, и крикнулъ, что въ дуплѣ только пауки ткутъ свою паутину, да птицы охотятся за ними. Въ отвѣтъ на это изъ отверстія, дѣйствительно, выпорхнули два голубя. Воины Таира удалились, и Іоритомо былъ спасенъ. Съ этихъ поръ родъ Минамото не употреблялъ въ пищу голубей.

Іоритомо снова принялся собирать своихъ сторонниковъ. Йошитсуне въ это время былъ на сѣверѣ и вернулся оттуда съ большимъ войскомъ. Силы Минамото все росли и постепенно перевѣсъ сталъ клониться на ихъ сторону. Въ это время старый вождь Таира—Кіимори умеръ. Его послѣдними словами были: «Я жалѣю только о томъ, что не видѣлъ головы вождя Минамото—Іоритомо. Когда я умру, не молитесь Буддѣ и не читайте священныхъ книгъ. Срубите голову Іоритомо и положите ее на мою могилу».

Сынъ Кіимори—Мунемори сталъ терпѣть одно пораженіе за другимъ. Наконецъ, ему удалось собрать значительное войско и укрѣпиться въ столицѣ Японіи—Кіото. Іоритомо послалъ противъ него своего брата Йошитсуне, и тамъ между двумя войсками произошла послѣдняя битва (въ 1189 г.). Мунемори былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ на могилѣ своего отца, ближайшіе его родственники перебиты, а всѣ вассалы рода Таира подверглись изгнанію и и разграбленію. Во время битвы у Кіото, микадо, въ то время семилѣтній мальчикъ, тоже погибъ. По преданію его мать утопилась вмѣстѣ съ нимъ въ морѣ, чтобъ не дать побѣдителямъ завладѣть имъ. Она сама происходила изъ рода Таира и не могла пережить его пораженія. Неограниченная власть находилась теперь въ рукахъ Іоритомо. Прежде всего онъ посадилъ на престолъ того изъ родственниковъ прежняго микадо, который стоялъ въ этой борьбѣ на сторонѣ рода Минамото. Самъ онъ остался жить въ прежней резиденціи своего рода—Камакурѣ. По преданію въ самомъ началѣ своего фактическаго господства надъ страной онъ запятналъ себя низкой местью брату. Когда Йошитсуне покорилъ Кіото и возвращался въ Камакуру съ побѣдоноснымъ войскомъ, братомъ его овладѣла зависть къ его побѣдамъ и страхъ передъ его растущей славой. Онъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не шелъ въ Камакуру, сдалъ посланному всѣ трофеи и ждалъ его приказаній въ монастырѣ въ Еношимѣ. Йошитсуне, глубоко оскорбленный такой встрѣчей, написалъ брату письмо, въ которомъ доказывалъ, какъ тотъ неправъ въ своихъ подозрѣніяхъ, и какъ онъ всегда и во всемъ руководился только вѣрностью долгу и честью рода. Но объясненія не повели ни къ чему. Іоритомо приказалъ ему оставаться въ заточеніе. Его уединеніе тамъ раздѣлялъ только

его старый слуга и вѣрный другъ изъ союзнаго рода Фудживара—Хидехира. Но вскорѣ Хидехира умеръ, а сынъ его, желая заслужить милость Іоритомо, предательски умертвилъ друга своего отца.

Вѣсть о смерти Йошитсуне произвела сильное впечатлѣніе среди населенія, и Іоритомо, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, долженъ былъ примѣрно наказать своего черезчуръ усерднаго приверженца. Но народъ не могъ примириться съ ранней смертью своего любимца, и имя Йошитсуне воскресаетъ во множествѣ легендъ. По одному изъ преданій Йошитсуне переправился на азіатскій материкъ и впослѣдствіи покорилъ всю Азію подъ именемъ Чингисъ-хана.

Восторжествовавъ надъ своими врагами и избавившись отъ опаснаго соперничества брата, Іоритомо рѣшилъ упрочить положеніе свое и своего рода. Въ 1192 году онъ принудилъ микадо дать ему титулъ *Сеи-таи-шогуна* (побѣждающаго враговъ генерала). Съ этихъ поръ шогунъ *) неизмѣнно стоитъ рядомъ съ микадо, а фактически вся власть микадо переходитъ въ сущности въ его руки. Изъ военнаго генерала и перваго министра онъ постепенно превращается въ главу правительства, оставляя на долю микадо только внѣшнія почести и ореолъ божественнаго происхожденія. Власть шогуна растетъ вмѣстѣ съ усиленіемъ центральной власти вообще и ко времени упадка феодализма онъ является реальнымъ правителемъ страны, хотя микадо никогда не перестаютъ номинально царствовать, и всѣ распоряженія верховной власти неизмѣнно дѣлаются именемъ микадо.

Присвоивъ себѣ званіе шогуна, Іоритомо рѣшилъ, не теряя времени, обезпечить гегемонію своего рода надъ остальными родами. До сихъ поръ мы видѣли, что слагавшійся естественнымъ путемъ феодальный строй Японіи вылился въ многоголовое феодальное общество, т.-е. феодальные мірки, состоявшіе изъ іерархіи вассальныхъ земель, имѣли во главѣ своей совершенно независимый земельный участокъ-шойенъ, соотвѣтствующій аллоду въ западной Европѣ. Теперь Іоритомо припомнилъ прежній законъ, по которому вся земля составляла собственность микадо и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, объявилъ всѣхъ дайміосовъ ленниками престола, главою же ихъ объявилъ представителя микадо—шогуна, т.-е. въ данный моментъ самого себя. Онъ не стремился, такимъ образомъ, вступить въ борьбу съ феодальнымъ строемъ и уничтожить его, онъ только далъ ему его естественное завершеніе—довелъ до конца феодальную лѣстницу. Изъ многоголоваго феодализмъ сталъ теперь одноголовымъ. Во главѣ его стоялъ всеобщій сеньоръ—шогунъ; далѣе шли его ленники—дайміосы,

---

*) Слово это допускаетъ двоякое правописаніе шогунъ и сіогунъ, такъ какъ первая буква его произносится въ Японіи звукомъ среднимъ между смягченнымъ с и ш. Тоже самое можно замѣтить относительно всѣхъ словъ начинающихся этимъ звукомъ, какъ шинто, шойонъ, Шикоку и др.

*

далѣе ихъ вассалы, и вассалы ихъ вассаловъ—самураи и, наконецъ, въ самомъ низу—крѣпостная масса населенія. Въ качествѣ всеобщаго сеньора шогунъ получилъ право верховнаго суда надъ дайміосами. Въ случаѣ ссоръ между собой, они должны были обращаться къ нему за разборомъ и безусловно подчиняться его рѣшенію. Іоритомо не былъ основателемъ феодализма, какъ считаютъ нѣкоторые авторы, онъ былъ только его завершителемъ. И даже болѣе, приведя феодальную систему къ одному центру, онъ тѣмъ самымъ проложилъ путь ея будущему паденію. Паденіе это наступило еще очень не скоро, только черезъ два вѣка, но первый шагъ къ нему все-таки былъ сдѣланъ Іоритомо въ началѣ XIII вѣка.

Конечно, Іоритомо могъ поддерживать свое господствующее положеніе только силою оружія и своего личнаго авторитета; его потомки очень скоро утратили обаяніе его власти и выпустили изъ своихъ рукъ званіе шогуна. Но самый титулъ шогуна, какъ леннаго сеньора, продолжалъ существовать и служилъ вѣчнымъ яблокомъ раздора между наиболѣе могущественными родами.

Уже въ концѣ того же XIII вѣка шогунатъ переходитъ въ родъ Ходжо. Во время господства рода Ходжо Японіи угрожала громадная опасность монгольскаго нашествія. Въ Китаѣ въ это время водворилась монгольская династія, и основатель ея Кублай-ханъ, подчинивъ, себѣ Корею, задумалъ овладѣть и Японіей. Сначала онъ посылалъ туда пословъ съ предложеніемъ признать его верховную власть и выплачивать ему дань. Но когда предложеніе это было съ негодованіемъ отвергнуто шогуномъ, онъ снарядилъ большой военный флотъ и отправилъ его на Японію (въ 1281 г.). Въ Японіи это нашествіе вызвало сильный подъемъ національнаго чувства. Всѣ дайміосы наперерывъ посылали свои войска, и подъ предводительствомъ шогуна собралась стотысячная армія. Она была посажена на корабли и отправлена навстрѣчу китайскому флоту. У одного изъ острововъ между Японіей и Кореей произошло столкновеніе, и японцы одержали рѣшительную побѣду. Налетѣвшій тифонъ разсѣялъ остатки непріятельскаго флота, и попытка нашествія на Японію окончилась полной неудачей.

Но воскресшее на одинъ моментъ сознаніе національнаго единства заглохло также быстро, какъ и разгорѣлось. Снова начались раздоры феодальныхъ родовъ, еще болѣе непримиримые, чѣмъ раньше. XIV и XV вѣка считаются самымъ смутнымъ и кровопролитнымъ періодомъ японской исторіи. Власть шогуна переходитъ изъ одного рода въ другой и не можетъ сдержать столкновеній отдѣльныхъ родовъ. Даже императорская власть становится игрушкою въ рукахъ возвысившихся родовъ. Неугодные всесильнымъ шогунамъ микадо принуждаются къ отреченію отъ престола, наслѣдники объявляются по ихъ указанію. Бывали моменты, когда кромѣ царствовавшаго микадо въ живыхъ бывало по два и даже по три эксъ-микадо. Въ XIV вѣкѣ между двумя

претендентами на престолъ вспыхнула настоящая война, продолжавшаяся болѣе полувѣка съ 1326—1392 гг. Въ сущности это была, конечно, война не между самими претендентами, а между выставлявшими ихъ могущественными родами—между начинавшимъ падать родомъ Ходжо и возвышавшимся родомъ Ашикага. Эта продолжительная междоусобная война получила въ Японіи названіе, напоминающее войну алой и бѣлой розы въ Англіи,—война красной и бѣлой хризантемъ. Хризантема—цвѣтокъ императорскаго герба, одинъ изъ претендентовъ избралъ себѣ красный, а другой бѣлый цвѣтъ.

Въ этой войнѣ, переполненной драматическими эпизодами—геройскими подвигами и низкими измѣнами, прославились особенно два героя—Нитта Йошисада и Кузуноки Масашиге. Оба они были въ войскахъ Ходжо и болѣе законнаго претендента, и оба въ концѣ концовъ были побѣждены болѣе многочисленными противниками. Несмотря на это, имена ихъ до сихъ поръ пользуются большимъ почтеніемъ въ Японіи. Нитта Йошисада считалъ своимъ долгомъ сражаться за то дѣло, которое представлялось ему правымъ, и въ то же время страдалъ при мысли, какія бѣдствія испытываетъ отъ вѣчныхъ войнъ его родина. Однажды, когда онъ со своимъ войскомъ встрѣтился съ арміей Ашикага, онъ вышелъ впередъ и сказалъ предводителю непріятелей: «Долго длится война въ странѣ. Началась она соперничествомъ двухъ микадо, но исходъ ея теперь зависитъ отъ васъ и отъ меня. Вмѣсто того, чтобы губить милліоны народа, кончимъ ее поединкомъ между вами и мной». Но предводитель Ашикага не рѣшился на такой героическій выходъ. Войска вступили въ бой, и войско Нитты было разбито болѣе многочисленными непріятелями. Самъ онъ, чтобы избѣжать позора, не только совершилъ надъ собой хара-кири, но еще предварительно изувѣчилъ себѣ лицо, чтобы не быть узнаннымъ врагами.

Кузуноки Масашиге былъ послѣднимъ предводителемъ силъ законнаго императора. Онъ отдалъ все свое состояніе, всѣ силы и всѣ дарованія правому въ его глазахъ дѣлу. Не отступая ни передъ чѣмъ, не впадая въ уныніе, онъ боролся до послѣдней возможности, до тѣхъ поръ, пока всѣ попытки остановить побѣдоносное движеніе Ашикага, были испробованы, пока всѣ войска Ходжо были разбиты. И тутъ еще онъ продолжалъ биться за свой страхъ съ небольшой горстью приверженцевъ. И только когда онъ и въ этотъ разъ потерпѣлъ пораженіе, онъ уже не смогъ пережить позора и также совершилъ надъ собой хара-кири. Шестьдесятъ его преданныхъ друзей покончили съ собой вмѣстѣ съ нимъ. Масашиге считается однимъ изъ самыхъ благородныхъ примѣровъ беззавѣтной преданности долгу въ японской исторіи. Съ его смертью дѣло Ходжо было окончательно проиграно. На престолѣ въ Кіото былъ посаженъ второй претендентъ, а шогунатъ окончательно укрѣпился за родомъ Ашикага. Онъ уже не выходилъ болѣе изъ ихъ рукъ до половины XVI вѣка, т.-е. въ теченіе 1½ вѣковъ.

Періодъ господства рода Ашикага можно считать періодомъ полнаго расцвѣта феодализма. Всѣ его характерныя черты достигли полнаго выраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ стали развиваться явленія, сыгравшія впослѣдствіи роль при его паденіи.

8.

Обычная форма феодальныхъ поселеній въ то время представляла собой замокъ дайміоса и его ближайшихъ самураевъ, окруженныхъ поселеніемъ крѣпостныхъ, воздѣлывавшихъ его земли. Въ отличіе отъ европейскихъ замковъ японскіе никогда не окружались стѣнами. Ихъ живой оградой должны были служить окружавшія ихъ жилища подданныхъ. Изъ этихъ поселеній и развились впослѣдствіе почти всѣ японскіе города. Долгое время они были резиденціями помѣстныхъ владѣльцевъ. Съ теченіемъ времени изъ среды крѣпостной массы, жившей вокругъ помѣщика, стали выдѣляться люди, занимавшіеся кромѣ земледѣлія тѣмъ или другимъ ремесломъ. Растущія потребности феодальной знати вызывали все большую спеціализацію этихъ ремеслъ и мало-по-малу люди, занимающіеся ими, были освобождены отъ обязанности воздѣлывать землю и стали заниматься исключительно тѣмъ или другимъ видомъ промышленнаго труда. Но, избавляясь отъ обязанности обрабатывать земли помѣщика, ремесленники не избавлялись, конечно, отъ крѣпостной зависимости. Впрочемъ, дайміосы особенно въ началѣ не притѣсняли ремесленниковъ. Они готовы были, наоборотъ, оказывать имъ всякія льготы за то, чтобы пользоваться результатами ихъ труда. Сначала, когда промышленность была еще на первой стадіи развитія, каждая феодальная ячейка удовлетворяла себя, и торговли между ними почти не существовало. Въ то время ремесленники платили сеньорамъ подати непосредственно своими произведеніями. Но съ развитіемъ промышленности стала возникать и торговля, и вмѣстѣ съ этимъ дайміосы стали налагать извѣстный оброкъ на право занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ или торговлей.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ жизни такихъ крѣпостныхъ городовъ было основаніе ремесленныхъ гильдій или «*ца*». Первоначальная цѣль устройства этихъ «ца» была чисто фискальная, только не общегосударственная, а мѣстная, шоенная. Даймiосу неудобно было имѣть дѣло съ каждымъ ремесленникомъ въ отдѣльности. Онъ предпочиталъ назначать извѣстный оброкъ со всѣхъ, занимающихся даннымъ ремесломъ. Но для того, чтобы этотъ оброкъ могъ собираться, необходимо было всѣмъ работающимъ, въ данной отрасли составить одну корпорацію или гильдію. Гильдія съ своей стороны требовала немедленно нѣкоторыхъ гарантій. Важнѣе всего для нея было, чтобы никто, не принадлежащій къ гильдіи, не могъ заниматься даннымъ ремесломъ въ данной мѣстности. Для нея это было очень существенно,

такъ какъ такой единичный ремесленникъ былъ бы поставленъ въ болѣе выгодныя условія, сравнительно съ членами гильдіи, не платя никакого оброка. Сеньоръ охотно давалъ такую гарантію, такъ какъ это совпадало и съ его интересами.

Постепенно во всѣхъ городахъ выдѣлился рядъ замкнутыхъ гильдій, съ самыми строгими обычаями, опредѣляющими ихъ права и обязанности и подкрѣпленными силою оружія феодала. Въ XIV и XV вѣкѣ, ко времени шогуната рода Ашикага гильдейскіе обычаи настолько выработались, что они были превращены въ общеобязательные законы, изданные шогуномъ, какъ общимъ леннымъ сеньоромъ. Число членовъ каждой мѣстной гильдіи было строго опредѣлено, также какъ и платимый каждымъ оброкъ, а за тайное занятіе нѣкоторыми, особенно привилегированными, ремеслами полагалась смертная казнь. Участіе въ гильдіи переходило по наслѣдству и его запрещалось перепродавать постороннимъ. Впрочемъ, случаи продажи своего права все-таки бывали довольно часто.

Постепенно ремесленники и торговцы стали преобладающимъ населеніемъ городовъ. Земледѣльцы оттѣснены были къ окраинамъ или выселялись совсѣмъ, ближе къ своимъ участкамъ. Города пріобрѣтали, главнымъ образомъ, промышленный и торговый характеръ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно приморскихъ, значительно развилась торговля, и не только внутренняя, но даже и внѣшняя—съ Кореей и Китаемъ. Тѣмъ не менѣе города эти считались крѣпостными владѣніями дайміосовъ и управлялись непосредственно ими или кѣмъ-нибудь изъ ихъ вассаловъ. Нѣсколько иначе развивались города на территоріи шогуна. Они возникли позднѣе, не переживали совсѣмъ земледѣльческаго періода, сразу стали промышленными центрами и обладали значительно большей самостоятельностью.

Дальнѣйшее развитіе городовъ тѣсно связано съ эволюціей, происходившей въ XIV и XV вѣкахъ внутри самого феодальнаго строя.

Достигнувъ полнаго расцвѣта къ XIII вѣку, онъ сталъ роковымъ образомъ самъ себя подтачивать. Война, составлявшая его душу, должна была погубить его.

Постоянныя столкновенія между отдѣльными родами страшно ослабляли ихъ и разоряли населеніе. Отношеніе между военной и земледѣльческой частью населенія каждаго феода постепенно сильно измѣнилось. Непроизводительное военное сословіе непропорціонально разросталось, и содержаніе его ложилось непосильнымъ бременемъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ. Дайміосъ не могъ уже теперь, какъ прежде, довольствоваться небольшой дружиной изъ своихъ вассаловъ, имѣвшихъ собственные участки и бравшихся за оружіе по его приказанію. Роду, который хотѣлъ возвыситься надъ другими, нужны были большія массы войскъ. Конечно, всѣ эти солдаты не могли быть земледѣльцами, для нихъ не хватило бы никакихъ земель. Они просто

содержались на счетъ доходовъ самого дайміоса и составляли его постоянное войско. Въ составъ этого войска входили самые разнообразные элементы: и младшіе сыновья горожанъ, не имѣвшіе доступа въ гильдію, и окончательно разорившіеся крѣпостные съ собственныхъ земель, и бѣглые изъ другихъ владѣній. Конечно, эти воины новой формаціи не были уже прежними рыцарями-самураями, хотя они продолжали носить названіе самурая и имѣли два традиціонныхъ меча у пояса. Они не выпивали общей чаши съ дайміосомъ и не входили въ составъ рыцарскаго братства, они какъ бы не принадлежали къ самому роду, а только были у него на службѣ. Содержаніе этого войска стоило очень дорого, а между тѣмъ доходы дайміосовъ увеличивались туго. При постоянныхъ войнахъ, населеніе страшно страдало, непріятельскіе солдаты безъ зазрѣнія совѣсти грабили его, часто цѣлыя селенія опустошались, и поля стояли невоздѣланныя. Единственнымъ крупнымъ источникомъ дохода были города и особенно купцы. Постоянно нуждавшіеся въ деньгахъ дайміосы часто попадали въ настоящую зависимость отъ нихъ. Чтобы получать съ нихъ деньги, дайміосы готовы были давать имъ какія угодно привилегіи и всячески поощряли ихъ начавшуюся внѣшнюю торговлю съ Кореей и Китаемъ.

Благодаря этимъ привилегіямъ, города стали быстро расти и богатѣть. Но вмѣстѣ съ этимъ они, конечно, пріобрѣтали значительную самостоятельность и постепенно освобождались отъ подчиненія дайміосу. Желая создать изъ нихъ постоянный источникъ дохода, феодалы незамѣтно для себя дали имъ развиться настолько, что они стали опасны для нихъ самихъ. Рядомъ съ феодалами появилась новая сила, съ которой имъ приходилось считаться и которую они часто не въ состояніи были держать въ повиновеніи. Эти народившіеся торговопромышленные центры — города сильно страдали отъ постоянныхъ войнъ и смутъ, царившихъ въ странѣ, отъ отсутствія какихъ-нибудь прочныхъ законовъ, регулирующихъ общественную жизнь и обезпечивающихъ личную и имущественную безопасность жителей. Отъ этого же какъ мы видѣли, страдало и сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сами дайміосы сознавали это и старались оградить населеніе отъ окончательнаго разоренія. Но частныя мѣры, принимаемыя ими, имѣли мало результата, такъ какъ они не могли дать главнаго—обезпечить миръ, необходимый для культурнаго развитія страны. Сами дайміосы часто не въ силахъ были отстаивать свою самостоятельность отъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Болѣе мелкіе роды разорялись совершенно или главы ихъ должны были отдаваться въ вассальную зависимость болѣе могущественнымъ феодаламъ. Крупные, наоборотъ, страшно усиливались и превращались въ настоящихъ удѣльныхъ князей, объединявшихъ въ своихъ рукахъ громадныя земли и постоянно воевавшихъ между собой. Среди нихъ къ срединѣ XVI вѣка особенно уси-

лился знаменитый впослѣдствіи родъ Токугава, соединившій въ своихъ рукахъ до трети всей территоріи Японіи.

Такимъ образомъ, объединенный по мысли Іоритомо, феодальный строй распался и снова сталъ на дѣлѣ многоголовымъ. Страна болѣе чѣмъ когда-нибудь страдала отъ этого разъединенія. Но шогуны изъ рода Ашикага были совершенно безсильны совершить необходимый для страны шагъ къ объединенію. Ихъ родъ упалъ и обезсилѣлъ.

Переселившись изъ прежней резиденціи шогуновъ Камакуры въ Кіото, Ашикага перестали считаться главнокомандующими и утратили окружавшій первыхъ шогуновъ ореолъ военнаго могущества. Они соперничали въ пышности съ микадо и требовали себѣ равныхъ съ нимъ почестей. Въ концѣ концовъ они даже совсѣмъ отказали микадо въ слѣдуемыхъ ему по закону знакахъ вѣрноподданническаго почтенія. Такимъ образомъ, они, съ одной стороны, перестали внушать страхъ, а съ другой—возбудили противъ себя неудовольствіе недостаткомъ видимаго уваженія къ источнику власти микадо.

Въ половинѣ XVI вѣка они держались болѣе по инерціи и нужно было только обладать нѣкоторою предпріимчивостью, чтобы лишить ихъ власти. Такая предпріимчивость досталась въ удѣлъ Оты Набунаги, перваго изъ трехъ крупныхъ историческихъ дѣятелей Японіи второй половины XVI вѣка. Эти три человѣка—Набунага, Хидейоши и Іеязу сыграли большую роль въ исторіи Японіи. Они прекратили, наконецъ, истощавшія ея междоусобицы и положили начало тому порядку вещей, который длился до самой революціи 1868 года.

9.

Ота Набунага велъ свое происхожденіе отъ стариннаго рода Таира разбитаго нѣкогда Іоритомой. Къ началу XVI вѣка одна его вѣтвь, Ота, снова усилилась, пріобрѣла значительныя земли въ центрѣ Японіи, и стала соперничать съ другими могущественными родами. Въ срединѣ XVI вѣка, глава ея, Набунага, сблизился съ шогуномъ и получилъ званіе полководца. Но скоро между обоими возникли несогласія. Набунага, пользуясь преданностью войскъ, арестовалъ внезапно прежняго шогуна, низложилъ его и объявилъ самое званіе шогуна уничтоженнымъ (1564 г.) Все это произошло такъ быстро, что микадо узналъ объ этомъ только post factum. Понятно, что при такихъ условіяхъ уничтоженіе должности шогуна не вернуло микадо реальной власти. Въ дѣйствительности она просто перешла къ Набунага, хотя онъ принялъ только званіе наи-даи-джина, т.-е. перваго министра.

Набунага отличался большой энергіей и выдающимися военными талантами. Устранивъ шогуна, онъ немедленно принялся за успокоеніе страны. Онъ напомнилъ дайміосамъ о ихъ зависимости отъ микадо и напомнилъ самымъ дѣйствительнымъ способомъ—съ оружіемъ въ ру-

кахъ. Тамъ, гдѣ вспыхивали раздоры, и феодалы отказывались подчиниться верховному суду правительства, являлся Набунага съ войскомъ, и мечомъ водворялъ миръ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ усмирилъ почти всѣхъ непокорныхъ феодаловъ и заставилъ ихъ положить оружіе. Но самую непримиримую борьбу онъ велъ съ буддійскими монастырями.

Мы упоминали уже, что буддійскіе монастыри одними изъ первыхъ стали пріобрѣтать частную земельную собственность. Постепенно изъ пожертвованій благочестивыхъ микадо и частныхъ лицъ у нихъ составились очень значительныя земельныя угодья, въ которыхъ духовныя лица пользовались всѣми сеньорьяльными правами. Однимъ словомъ. они превратились въ такихъ же феодальныхъ владѣльцевъ, какъ и дайміосы, и ни мало не отставали отъ нихъ въ воинственныхъ нравахъ. Въ этомъ отношеніи исторія буддизма представляетъ значительныя аналогіи съ исторіей католической церкви въ Европѣ. Буддійское духовенство, также какъ и католическое, не желало ограничиться одной духовной областью, и также стремилось къ свѣтской власти, явившейся и тутъ источникомъ громадныхъ злоупотребленій. Въ довершеніе аналогіи въ XIV и XV вв. среди японскихъ буддистовъ возникло сильное реформаторское теченіе. Появилось нѣсколько новыхъ сектъ, и нѣкоторыя изъ нихъ стояли не исключительно на религіозной почвѣ. Самыя популярныя изъ нихъ, секты Шинъ и Ничиренъ, носили даже до нѣкоторой степени революціонный характеръ. Между этими сектами и приверженцами стараго ортодоксальнаго буддизма шла жаркая борьба. Очень часто изъ области преній борьба эта переходила въ область кулачной расправы, и земли тѣхъ или другихъ монастырей становились ареною кровавыхъ столкновеній. Къ началу XVI вѣка эти религіозныя распри достигли своего апогея. Явилось нѣсколько религіозныхъ центровъ, привлекавшихъ къ себѣ массы народа и служившихъ очагами постоянныхъ волненій.

Набунага рѣшилъ покончить со всѣмъ этимъ. Самъ онъ получилъ воспитаніе въ шинтоистскомъ монастырѣ и въ немъ съ дѣтства укоренилась ненависть и презрѣніе къ буддійскимъ монахамъ, безъ различія направленій. Секты, какъ различныя теченія религіозной мысли, мало интересовали его, онъ смотрѣлъ на нихъ главнымъ образомъ какъ на источникъ смутъ. Больше же всего онъ вооружался противъ свѣтской власти монастырей, и ортодоксальныхъ, и перешедшихъ въ сектантство. Для того, чтобы положить конецъ всему этому, онъ рѣшилъ уничтожить нѣсколько особенно могущественныхъ монастырей. Прежде всего онъ отправился къ острову Бива, гдѣ былъ монастырь секты Шинъ, привлекавшій къ себѣ десятки тысячъ богомольцевъ.

У подножія горы онъ остановился и приказалъ своимъ генераламъ сжечь монастырь. Тѣ сначала были смущены такимъ приказаніемъ и отказывались повиноваться. Тогда Набунага сказалъ имъ цѣлую рѣчь,

доказывая, что отъ этихъ монастырей исходитъ главная смута въ странѣ. Сами монахи только пьютъ и ѣдятъ, обирая легковѣрныхъ людей и нарушаютъ даже собственные уставы, а своихъ поклонниковъ возбуждаютъ къ неповиновенію. Поэтому на нихъ надо смотрѣть, какъ на мятежниковъ и поступать съ ними также, какъ онъ поступалъ съ непокорными дайміосами.

Убѣжденные его краснорѣчіемъ, генералы не протестовали болѣе, и монастырь былъ уничтоженъ. Множество монаховъ было перебито при этомъ, а земли ихъ отобраны въ казну. Такая же участь постигла и другой монастырь, принадлежавшій сектѣ Ничиренъ. Вообще, могуществу буддійскихъ монастырей Набунага нанесъ сильный ударъ, отъ котораго они долго не могли оправиться.

Въ противовѣсъ буддистамъ Набунага оказывалъ большое покровительство христіанамъ, незадолго передъ тѣмъ впервые появившимся въ Японіи. Вся исторія христіанства въ Японіи занимаетъ менѣе одного столѣтія, мы остановимся на ней теперь, чтобы не возвращаться къ ней въ нѣсколько пріемовъ.

Первымъ христіанскимъ миссіонеромъ въ Японіи былъ іезуитскій патеръ Францискъ Ксаверій, причисленный позднѣе за свою миссіонерскую дѣятельность къ лику святыхъ. Онъ проповѣдывалъ сначала въ Китаѣ, а потомъ, послѣ вторичнаго путешествія Пинто въ Японію, отправился туда съ двумя обращенными имъ ранѣе японцами. Въ Японіи онъ прожилъ всего два года, съ 1549 по 1551 годъ, и въ этотъ небольшой періодъ достигъ тамъ громадныхъ результатовъ. Вокругъ него образовалась цѣлая японская паства. Ходили разсказы, что онъ совершаетъ чудеса, и любопытные стекались къ нему со всего юга Японіи. Послѣ его отъѣзда и смерти въ 1551 году, дѣло христіанской проповѣди шло также успѣшно. Къ концу XVI вѣка новообращенные считались уже десятками и сотнями тысячъ. Наиболѣе осторожные историки опредѣляютъ максимальное количество христіанъ въ ту эпоху въ 600.000, бóльшинство же полагаетъ, что ихъ было болѣе милліона.

Такой громадный успѣхъ христіанства или, лучше сказать, католицизма на первыхъ порахъ объясняется, конечно, различными причинами. Мы уже говорили, что въ ту эпоху въ Японіи началось вообще сильное религіозное броженіе, и внутри буддизма образовались различныя секты. Новая религія, окруженная еще бóльшимъ блескомъ и пышностью. чѣмъ буддизмъ, сильно дѣйствовала на впечатлительныхъ японцевъ. Обѣщаніе непосредственной загробной награды выгодно отличало въ ихъ глазахъ новую вѣру отъ буддизма съ его безконечнымъ рядомъ существованій. Іезуитскій орденъ, организовавшій первую японскую миссію, не щадилъ средствъ для ея процвѣтанія. Значительныя суммы, какими располагали проповѣдники новой религіи тоже не остались безъ вліянія на судьбу ихъ проповѣди. Вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ дайміосы чувствовали къ нимъ невольное уваженіе и охотно вступали

съ ними въ болѣе тѣсныя отношенія. Ко времени возвышенія Набунаги весь островъ Кіу-Сіу былъ уже заселенъ новообращенными христіанами. Набунага увидѣлъ въ нихъ естественныхъ союниковъ противъ ненавистныхъ ему буддійскихъ бонзъ. Буддійскіе монахи казались ему главнымъ образомъ опасными своимъ вторженіемъ въ свѣтскія дѣла, своимъ растущимъ землевладѣніемъ и своими раздорами, приводившими къ вооруженнымъ столкновеніямъ между сторонниками разныхъ сектъ. Въ христіанскихъ же патерахъ онъ видѣлъ исключительно религіозныхъ миссіонеровъ, чуждыхъ всякихъ мірскихъ стремленій.

Но очень скоро новые проповѣдники заставили измѣнить первоначальное мнѣніе о себѣ; соотвѣтственно съ этимъ круто перемѣнилось и отношеніе къ нимъ, искренно дружелюбное вначалѣ. Быстрые успѣхи іезуитовъ привлекли въ Японію множество миссіонеровъ разныхъ другихъ католическихъ орденовъ—францисканцевъ, доминиканцевъ и августинцевъ. Вмѣстѣ съ стремленіемъ заполучить новыхъ овецъ въ свое стадо, они принесли съ собой тотъ духъ нетерпимости и религіознаго фанатизма, который царилъ въ ту эпоху въ Европѣ—особенно въ Испаніи, откуда пріѣзжало большинство изъ нихъ. Эта религіозная нетерпимость проявлялась не только по отношенію къ мѣстнымъ языческимъ вѣрованіямъ, но и во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ различныхъ католическихъ орденовъ. На новой почвѣ между ними сейчасъ же разгорѣлась старая вражда, еще болѣе яростная тутъ, гдѣ дѣло шло о новообращенныхъ душахъ. Взаимныя обвиненія, угрозы, жалобы Риму, отлученія отъ церкви—весь арсеналъ выработанныхъ въ старомъ отечествѣ пріемовъ борьбы, пускался въ ходъ здѣсь къ соблазну прозелитовъ и къ большой радости буддійскихъ бонзъ.

Способы религіозной пропаганды тоже не всегда были безукоризненны. Прежде всего миссіонеры старались обыкновенно пріобрѣсти вліяніе на мѣстнаго дайміоса. Благодаря возможности не стѣсняться въ денежныхъ средствахъ имъ это по большей части легко удавалось. Если дайміосъ изъявлялъ согласіе креститься, остальное дѣлалось при его помощи самымъ упрощеннымъ способомъ. Побуждаемый своимъ духовнымъ отцомъ, а, быть можетъ, и принуждаемый имъ, дайміосъ издавалъ приказъ, повелѣвающій всѣмъ его подданнымъ принять новую вѣру, а буддистскимъ и шинтоистскимъ монахамъ—оставить его владѣнія. Нерѣдко такіе приказы подкрѣплялись еще и оружіемъ. Миссіонерамъ оставалось только пожинать обильную жатву. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ отчетовъ іезуитскихъ патеровъ, рисующихъ ихъ успѣхи. «Въ 1577 году лордъ (дайміосъ) острова Амакузы издалъ указъ, которымъ его подданнымъ—все равно бонзамъ или дворянамъ (самураямъ), ремесленникамъ или торговцамъ—предписывалось принять христіанство или оставить его владѣнія. Они почти всѣ подчинились и приняли крещеніе, такъ что въ короткое время въ его владѣніяхъ

образовалось болѣе двадцати церквей. Богъ творитъ чудеса, чтобы укрѣпить вѣрныхъ въ ихъ вѣрѣ». Но не всегда дѣло обходилось такъ мирно. «Король Омуры (опять-таки дайміосъ, миссіонеры плохо разбирались въ политическомъ строѣ страны), сдѣлавшійся христіаниномъ въ 1562 г. объявилъ открытую войну дьяволамъ (т.-е. бонзамъ). Онъ разослалъ нѣсколько отрядовъ по своему королевству, чтобы разрушать храмы и уничтожать идоловъ, не обращая вниманія на ярость бонзъ». Дайміосъ области Бунго превратилъ въ пепелъ одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ буддійскихъ храмовъ и разрушилъ триста монастырей. Іезуитскій патеръ замѣчаетъ по этому поводу: «Пламенное усердіе этого принца явно доказываетъ силу его христіанской вѣры и любви» *).

Такого рода доказательства христіанской любви не могли, конечно, расположить населеніе къ новой вѣрѣ, которую въ началѣ оно встрѣтило очень сочувственно. Но всего больше вооружала противъ иностранцевъ вообще и противъ миссіонеровъ въ частности ихъ *торговля рабами*. Этотъ ужасный видъ торговли совершенно не былъ извѣстенъ до тѣхъ поръ въ Японіи. Если тамъ и существовала продажа крѣпостныхъ, то это была во всякомъ случаѣ продажа съ землей и въ предѣлахъ одной и той же страны, скорѣй перемѣна подданства, чѣмъ чѣмъ перепродажа. Европейцы, наоборотъ, широко развивали эту торговлю во всѣхъ вновь открытыхъ странахъ. Они же попытались привить ее и въ Японіи. Страна была страшно разорена въ ту пору, и доставать рабовъ не представляло особыхъ затрудненій. Всевозможные европейскіе авантюристы, нахлынувшіе туда вслѣдъ за миссіонерами и хитростью, и силою, и деньгами безъ труда овладѣвали людьми и увозили ихъ на продажу въ другія страны. Миссіонеры, если и не участвовали непосредственно въ этихъ гнусныхъ продѣлкахъ, во всякомъ случаѣ покрывали ихъ своимъ авторитетомъ.

Не мудрено, что черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго появленія Франциска Ксаверія и черезъ двадцать лѣтъ послѣ Набунаги, въ 1587 г. микадо издаетъ декретъ объ изгнаніи иноземныхъ миссіонеровъ. Въ началѣ декретъ этотъ не оказалъ особеннаго вліянія. Миссіонеры, разсчитывая на свое мѣстное вліяніе и на слабость центральнаго правительства, продолжали свою дѣятельность и открыто смѣялись надъ всѣми указами микадо. Тогда противъ нихъ рѣшено было употребить болѣе крутыя мѣры. Въ 1596 г. нѣсколько францисканскихъ и іезуитскихъ патеровъ были схвачены и казнены въ Нагасаки.

Послѣ того снова наступило временное затишье, которымъ воспользовались миссіонеры для укрѣпленія своего вліянія на югѣ. Возникло даже подозрѣніе, что они замышляютъ предать Японію въ руки иноземцевъ. Встревоженный этимъ тогдашній шогунъ Іеязу рѣшился на

---

*) Griffis „The mikado's Empire, ст. 253.

энергичную мѣру, онъ приказалъ схватить всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, къ какому бы ордену и какой бы націи они ни принадлежали, посадить ихъ на джонки и вывезти изъ предѣловъ страны.

Всего было вывезено около 300 священниковъ, но и послѣ того оказалось, что ихъ осталось еще значительное количество и въ слѣдующемъ году онъ рѣшилъ оружіемъ разгромить главный оплотъ ихъ Осаку. По словамъ іезуитскихъ историковъ во время этого похода Іеязу погибло до 100.000 христіанъ. Съ этихъ поръ преслѣдованія христіанъ не прекращались до 1624 г., когда былъ изданъ эдиктъ объ изгнаніи не только миссіонеровъ, но и всѣхъ вообще иностранцевъ, исключая китайцевъ и голландцевъ. Однако и послѣ того христіанство не сразу угасло въ Японіи. Среди многихъ тысячъ обращенныхъ только для счета душъ тамъ оказалась довольно значительная группа искренно принявшихъ новую религію. Они не хотѣли такъ легко разстаться съ ней и продолжали оставаться христіанами, несмотря на всѣ запрещенія и даже гоненія. Исторія этихъ одинокихъ христіанскихъ общинъ въ Японіи полна примѣрами геройской твердости и горячей преданности вѣрѣ. Наконецъ, въ 1637 г., доведенные до отчаянія преслѣдованіями, японскіе христіане, по большей части простые земледѣльцы, овладѣли замкомъ Шимбара на Кіу-Сіу и подняли знамя возстанія. Войска, посланныя на усмиреніе ихъ, встрѣтили мужественное и отчаянне сопротивленіе. Только по истеченіи двухъ мѣсяцевъ упорной осады съ воды и суши крѣпость была взята. Большая часть осажденныхъ были перебиты или сброшены въ море, со скалы Паппенбургъ, остатки бѣжали на Формозу. Послѣ того былъ изданъ новый эдиктъ, возвѣщавшій, что «вредная секта», наконецъ, истреблена окончательно. Этимъ же эдиктомъ подтверждалось, что покуда солнце свѣтитъ надъ Японіей ни одинъ иностранецъ не будетъ жить въ ней и ни одинъ японецъ не покинетъ ее. Исключеніе опять-таки было сдѣлано для нѣсколькихъ десятковъ голландцевъ, получившихъ разрѣшеніе жить въ мѣстечкѣ Дешима близъ Нагасаки. Разъ въ годъ къ нимъ приходилъ голландскій корабль изъ Индіи и происходилъ обмѣнъ японскихъ товаровъ на голландскіе. Такое исключительное благоволеніе японскаго правительства къ голландцамъ объясняется тѣмъ, что они никогда не занимались миссіонерствомъ, не вмѣшивались во внутреннюю политику страны и безпрекословно подчинялись налагаемымъ на нихъ ограниченіямъ. Торговля же съ ними приносила несомнѣнныя выгоды.

Послѣ 1637 года христіанство можно считать уничтоженнымъ въ Японіи, и страна опять больше чѣмъ на два вѣка совершенно замкнулась для иноземныхъ вліяній. Едва ли не единственными слѣдами вѣкового знакомства съ европейцами осталось тамъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, табаку и нѣсколько европейскихъ словъ, сохранившихся въ языкѣ. Внѣшняя торговля опять стала ограничиваться тихоокеанскими побережьями, а буддійскіе бонзы снова стали укрѣплять

свое пошатнувшееся было могущество. Мы вернемся, впрочемъ, нѣсколько назадъ къ тому времени, когда Набунага еще велъ борьбу и съ ними, и съ непокорными вассалами.

Набунага стоялъ во главѣ правительства всего 9 лѣтъ съ 1573 по 1582 г. Но за этотъ короткій періодъ ему удалось сдѣлать многое для объединенія Японіи и прекращенія въ ней внутреннихъ раздоровъ. Конечно, преслѣдуя эту цѣль, Набунага не останавливался передъ средствами, онъ велъ борьбу съ феодалами и монахами круто, жестоко, порой безчеловѣчно. На своихъ враговъ онъ наводилъ паническій ужасъ. Нѣкоторые европейцы, описывая кровопролитную исторію его владычества, не находятъ словъ, чтобъ заклеймить этого варвара среди варваровъ, сравниваютъ его съ Нерономъ и даже съ Навуходоносоромъ. Намъ кажется, что нѣтъ надобности забираться такъ далеко въ глубь временъ. Стоитъ только припомнить, что и въ Европѣ это была эпоха когда царствовали Филиппъ II и Генрихъ VIII, прославившіеся на весь міръ своей жестокостью, а у насъ современникомъ Набунаги былъ Іоаннъ Грозный. Во всякомъ случаѣ въ Японіи жестокость Набунаги не осталась безъ возмездія. Онъ палъ отъ руки одного изъ глубоко оскорбленныхъ имъ дайміосовъ.

10.

Въ моментъ внезапной смерти Набунаги оба его сына были въ отдаленныхъ провинціяхъ, и мстителемъ за него явился одинъ изъ его генераловъ—Хидейоши. Хидейоши былъ первый въ Японіи человѣкъ, выбившійся изъ низшихъ слоевъ народа и достигшій высокого положенія, не принадлежа къ знатнымъ родамъ. Онъ былъ сынъ крестьянина. Раннее дѣтство его окружено цѣлымъ рядомъ легендъ. Достовѣрно одно, что какимъ-то случайнымъ образомъ онъ попалъ въ войско Набунаги, понравился ему своей смѣлостью и находчивостью и сталъ быстро возвышаться по ступенямъ военной іерахіи. Когда Набунага палъ отъ руки убійцъ, Хидейоши былъ уже генераломъ и сражался съ однимъ изъ феодальныхъ властителей. Онъ быстро сообразилъ, какъ проложить себѣ путь къ дальнѣйшему возвышенію. Не теряя ни минуты, онъ съ войскомъ пошелъ на Кіото, куда только что явился Акеши, убившій Набунагу. Въ три дня онъ разбилъ силы Акеши и умертвилъ его самого. Теперь власть была фактически въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствовалъ именемъ внука Набунаги, отъ его старшаго, умершаго сына. Остальные два сына были для него не опасны. Единственную опасность представлялъ зять Набунаги, тоже воинственный полководецъ Шибата. Съ нимъ Хидейоши рѣшилъ помѣряться силами. Не ожидая, пока тотъ придетъ въ Кіото оспаривать у него власть, онъ самъ пошелъ ему навстрѣчу и осадилъ его замокъ. Послѣ долгаго сопротивленія Шибата увидѣлъ, что дѣло его проиграно,

и, по японскому обыкновенію, чтобы не отдаться живымъ въ руки врага, совершилъ надъ собой хара-кири.

Хидейоши, также какъ и Набунага, никогда не былъ шогуномъ, но онъ потребовалъ, чтобы ему былъ данъ титулъ *квамбаку*—одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Въ просторѣчіи же онъ именовался обыкновенно Таико-сама (великій господинъ). Впрочемъ, у него и кромѣ того было много прозвищъ. Такъ, за нимъ съ дѣтства осталось прозвище «сару-матзу», т.-е. хилая обезьяна, данное ему за его безобразіе. Когда онъ возвысился, враги стали называть его «сару-кванъ» (коронованная обезьяна).

Во время своего владычества Хидейоши энергично продолжалъ начатое Набунагой усмиреніе феодаловъ и объединеніе страны. Его біографы находятъ, что онъ обладалъ болѣе широкимъ государственнымъ умомъ, чѣмъ Набунага, и что реформы, предпринятыя впослѣдствіи Іеязу, были, въ сущности, задуманы Таико-самой. Во всякомъ случаѣ онъ подготовилъ почву для этихъ реформъ, заставивъ всѣхъ феодаловъ положить оружіе и признать фактически власть центральнаго правительства. Послѣднимъ предпріятіемъ Хидейоши былъ походъ въ Корею.

При послѣднихъ шогунахъ изъ рода Ашикага Корея совершенно перестала выплачивать дань Японіи. Хидейоши рѣшилъ напомнить ей ея бывшую зависимость. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало сравняться въ славѣ съ Іоритомо и даже превзойти его. Однажды, когда онъ увидѣлъ изображеніе Іоритимо въ Камакурѣ, онъ воскликнулъ: «Ты—другъ мой. Вся власть на землѣ (въ Японіи) принадлежала тебѣ. Только ты и я способны на это. Но ты происходилъ изъ знатнаго рода, а я—изъ крестьянъ. И я намѣренъ покорить весь міръ, даже Китай. Что ты объ этомъ думаешь?»

Онъ снарядилъ большой флотъ и отправилъ его въ Корею. Самъ онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы лично стать во главѣ своей арміи. Онъ оставался въ Японіи и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами своихъ войскъ, безъ труда разбивавшихъ корейцевъ. Но окончательнаго торжества японцевъ ему не суждено было дождаться. Онъ умеръ въ серединѣ похода, а полководцы, поспѣшно заключили миръ и, выговоривъ нѣкоторую контрибуцію, вернулись назадъ.

Хидейоши прилагалъ много заботъ къ улучшенію японскаго флота вообще. Японскіе корабли въ эту эпоху достигли большого совершенства. По постройкѣ они считаются выше кораблей Колумба и не уступаютъ голландскимъ и португальскимъ торговымъ судамъ того времени.

И Набунага, и Хидейоши въ періодъ своего владычества умѣли держать дайміосовъ въ повиновеніи и заставлять ихъ считаться съ центральнымъ правительствомъ. Но оба они достигли этого только съ

помощью оружія, путемъ непосредственнаго принужденія. Они не смогли еще внушить тѣмъ идеи о необходимости и неизбѣжности объединенія всей страны вокругъ одного государственнаго центра. Поэтому со смертью каждаго изъ нихъ снова вспыхивали волненія. Привыкшіе къ полной независимости дайміосы надѣялись, что по смерти ихъ врага кончится и ихъ подчиненіе центральной власти. Каждый разъ возстановленное съ такимъ трудомъ объединеніе страны снова грозило распасться. Такъ было и по смерти Хидейоши. Сразу образовалось нѣсколько враждующихъ партій. Одна выставляла претендентомъ сына Хидейоши - Хидейори; другая племянника Набунаги, который считался, между прочимъ, покровителемъ христіанъ. Третья, наконецъ, объединилась подъ предводительствомъ Іеязу, опытнаго военачальника, сражавшагося еще въ войскахъ Набунаги и Хидейоши, происходившаго изъ могущественнаго рода Токугава. Представители знатныхъ родовъ сразу почувствовали въ Іеязу опаснаго противника, который въ случаѣ побѣды заставитъ ихъ тяжело почувствовать свою власть. Они всѣ объединились противъ него и долго и упорно оказывали ему сопротивленіе. Послѣдняя жестокая битва произошла въ 1600 году у Секигахары, близъ озера Бива. Іеязу одержалъ рѣшительную побѣду. Битва при Секигахарѣ считается самой жестокой и кровопролитной въ японской исторіи. Японскіе историки полагаютъ, что убито было до 40.000 человѣкъ, но это, по всей вѣроятности, преувеличеніе. Большая часть предводителей союзной арміи совершила надъ собой хара-кири.

Побѣда Іеязу считается поворотнымъ моментомъ въ исторіи Японіи. Нѣкоторые историки придаютъ ей совершенно исключительное значеніе: «Эта битва,—пишетъ Гриффисъ,—опредѣлила судьбу Японіи болѣе чѣмъ на два столѣтія, опредѣлила паденіе рода Набунаги и Хидейоши и упроченіе шогуната въ родѣ Токугава, она рѣшила судьбу христіанства, обособленіе Японіи отъ всего міра, утвержденіе системы дуализма и феодализма, славу и величіе Іедо и миръ въ Японіи на 268 лѣтъ» *).

Въ этихъ словахъ, конечно, очень много преувеличенія. Кромѣ чисто личнаго вопроса о преобладаніи одного рода надъ другимъ,—и то въ значительной степени обусловленнаго исключительнымъ могуществомъ рода Токугава,—всѣ остальные вопросы, рѣшавшіеся въ этой битвѣ, были уже предрѣшены исторіей. Мы видѣли, что судьба христіанскихъ миссіонеровъ была обусловлена внутренними причинами, а не случайными симпатіями или антипатіями къ нимъ правителей. Мы видѣли, что феодализмъ закончилъ свою эволюцію къ тому времени, и страна настоятельно требовала объединенія и мира. И это объединеніе уже было въ значительной степени осуществлено непосредствен-

*) Griffis, ст. 266.

ными предшественниками Іеязу. Битва при Секигахарѣ была только послѣдней отчаянной попыткой сопротивленія со стороны неуступающихъ еще силъ прошлаго, но попыткой заранѣе обреченной на неудачу. Конечно, это страшное пораженіе нанесло имъ окончательный ударъ, и Іеязу могъ безъ помѣхи заняться теперь выработкой основъ того новаго строя, который водворился съ тѣхъ поръ въ Японіи на два съ половиною вѣка. Сущность этого строя была уже опредѣлена ходомъ событій—она заключалась въ объединеніи, въ централизаціи. Она несомнѣнно должна была привести Японію къ такой же абсолютной полицейски-бюрократической монархіи, какая явилась и въ европейскихъ государствахъ на смѣну феодализма. Отличительной чертой японской монархіи служитъ лишь дуалистическій характеръ центральной власти. Власть была одна, но носителемъ считался микадо, а осуществлялъ ее какъ бы по уполномочію шогунъ.

Вся детальная разработка основъ новаго строя принадлежитъ цѣликомъ Іеязу и сохранилась почти безъ измѣненія въ теченіе всего періода, пока шогунатъ находился въ ея наслѣдственномъ владѣніи. Мы остановимся теперь на характеристикѣ этого строя, обезпечившаго Японіи миръ и возможность дальнѣйшаго культурнаго развитія и позволившій ей накопить силы для слѣдующаго шага въ историческомъ развитіи — ограниченія центральной власти.

Господство абсолютизма.

11.

XVII и XVIII вѣка въ Японіи очень часто называютъ временемъ господства феодализма. Это такъ же вѣрно, какъ если бы мы назвали эпохой расцвѣта феодализма тѣ же самые вѣка во Франціи. Внѣшность феодальныхъ формъ, дѣйствительно, сохраняется и тутъ, и тамъ, а въ экономической области феодальныя отношенія еще и очень даютъ себя чувствовать. Феодальныя путы, наложенныя на населеніе, еще очень крѣпки и сильно мѣшаютъ свободному развитію хозяйственной жизни страны. Но политическій строй покоится уже совершенно на другихъ основахъ. Отъ прежней независимости отдѣльныхъ владѣльцевъ не остается и слѣда. Вмѣсто того водворяется власть одного центральнаго правительства, подчиняющаго себѣ всю страну. Сначала эта центральная власть даетъ странѣ вздохнуть, а потомъ въ свою очередь подчиняетъ ее своему не менѣе тяжелому гнету.

Вся полнота правительственной власти и теперь, какъ во времена реформъ «таиква», считается принадлежащей микадо. Микадо—единый неограниченный монархъ. Онъ сохраняетъ свое божественное происхожденіе и обладаетъ божественной абсолютной властью надъ всѣми подданными. Но онъ слишкомъ высокъ, чтобы непосредственно поль-

зоваться своею властью для управленія людскими дѣлами. Поэтому онъ поручаетъ это управленіе, т.-е. довѣряетъ свою власть своему уполномоченному шогуну. Этотъ хитрый силлогизмъ былъ изобрѣтенъ, конечно, шогунами, чтобы узурпировать всю власть микадо, оставаясь подъ охраною ихъ божественнаго происхожденія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого разсужденія было то, что за микадо сохранился только декорумъ власти, вся же ея сущность перешла къ шогуну. Шогуны изъ рода Токугава прекрасно понимали, всѣ выгоды своего положенія и старались всячески укрѣпить его, обставляя всякой пышностью и всякимъ почетомъ микадо, и въ то же время лишая его всякой возможности имѣть непосредственныя сношенія со страной. Микадо жилъ въ Кіото, окруженный блестящимъ дворомъ, чины котораго (куге) считались выше всѣхъ остальныхъ правительственныхъ чиновниковъ и дайміосовъ и даже выше самого шогуна, но въ то же время не имѣли никакой реальной власти ни надъ чѣмъ. Кіото былъ высокой и заповѣдной страной. Ни одинъ дайміосъ, не говоря уже о другихъ, не могъ показываться туда, подъ страхомъ большого наказанія. Особа микадо была слишкомъ высока, и своимъ приближеніемъ простой смертный могъ оскорбить ее. Въ дѣйствительности причиной этого запрещенія служила, конечно, боязнь, чтобы дайміосы не вошли въ сношенія съ микадо и не начали интриговать противъ шогуна.

Въ этомъ дуализмѣ власти, олицетворившейся въ микадо, а осуществлявшейся шогуномъ, заключается главное отличіе японскаго абсолютизма, водворившагося въ началѣ XVII вѣка, отъ Европейскаго. Въ сущности этотъ дуализмъ имѣлъ очень мало значенія, и о немъ вспомнили, какъ мы увидимъ, только тогда, когда пошатнулось положеніе самого абсолютизма. Въ первые два вѣка его существованія такой двухсторонній характеръ происхожденія власти не сказывался ни въ чемъ. Власть была единая и сосредоточивалась она въ рукахъ шогуна. Микадо былъ только какъ бы его верховной санкціей. Всѣ же подданные и вся страна имѣли дѣло только съ шогуномъ.

Сфера непосредственнаго вліянія микадо ограничивалась Кіото, который былъ выдѣленъ и представлялъ совершенно особый придворный городъ. Но и то нѣкоторыя должности въ немъ замѣщались шогуномъ. Остальная страна вся находилась въ управленіи шогуна. При этомъ характеръ управленія нѣсколько отличался въ двухъ частяхъ страны,— въ тѣхъ областяхъ, которыя составляли раньше владѣнія рода Токугава, и теперь превратились въ нѣчто въ родѣ государственныхъ земель, и въ бывшихъ владѣніяхъ независимыхъ дайміосовъ. Личные вассалы шогуна, считавшіеся прежде самураями, теперь были переименованы въ фудаи-дайміосовъ и сравнены вообще въ правахъ съ остальными дайміосами. Центральное правительство (говоря о правительствѣ, мы будемъ теперь подразумѣвать исключительно правительство шогуна) состояло изъ самого шогуна и нѣкотораго рода совѣта министровъ

«горогу», состоявшаго изъ 5 членовъ и помогавшаго ему въ дѣлахъ общаго управленія страной. Все центральное управленіе шогуна въ цѣломъ называлось «бакуфу».

При верховномъ совѣтѣ было еще особое отдѣленіе изъ шести членовъ, которые имѣли назначеніе надзирать за выполненіемъ всѣхъ вообще предписаній центральной власти, за дѣйствіями чиновниковъ и, главнымъ образомъ, за поведеніемъ дайміосовъ. Агенты этого центральнаго жандармскаго учрежденія были распространены по всей странѣ, они старались проникать всюду, даже въ семьи, надзирать за всѣмъ, даже за образомъ мыслей дайміосовъ, бывшихъ въ началѣ особенно опасными для правительства, и обо всѣмъ доносить шогуну. Эта система шпіонства, чрезвычайно тщательно разработанная первыми шогунами, составляла одну изъ главныхъ опоръ ихъ власти. Посредствомъ своихъ шпіоновъ они могли узнавать о всякомъ зародышѣ неудовольствія и прекращать его раньше, чѣмъ оно могло развиться. Этой остроумной системѣ они считали себя обязанными за то, что со времени водворенія ихъ рода, всякія смуты въ странѣ исчезли и порядокъ ни разу серьезно не нарушался. Но, конечно, система эта могла поддерживать и дѣйствительно поддерживала порядокъ только до тѣхъ поръ, пока, весь связанный съ ней государственный строй соотвѣтствовалъ реальнымъ потребностямъ страны, а какъ только въ странѣ развились новыя силы и новыя потребности, не вмѣщавшіяся въ данномъ государственномъ строѣ, такъ эта система самозащиты оказалась совершенно неспособной охранить его.

Второй опорой власти шогуновъ должна была служить централизованная бюрократія, въ рукахъ которой сосредоточилось постепенно все управленіе страны. На слѣдующей степени послѣ государственнаго совѣта, имѣвшаго функціи общегосударственныя и кромѣ того представлявшаго высшую судебную власть, стояли нѣсколько министерскихъ коллегій или бугіосъ. Первоначально ихъ было три, впослѣдствіи число ихъ увеличилось. Главныя изъ нихъ были — коллегія финансовъ, коллегія внутреннихъ дѣлъ или полиціи, коллегія городского управленія и коллегія церковныхъ дѣлъ. Позднѣе къ нимъ присоединилась еще коллегія иностранныхъ сношеній. Въ вѣдѣніи этихъ центральныхъ учрежденій сосредоточивалась въ послѣднемъ итогѣ вся администрація страны, какъ той ея части, которая составляла бывшее феодальное владѣніе рода Токугава, такъ и остальной. Мѣстное управленіе въ той и другой частяхъ имѣло значительные пункты различія. Область, составлявшая такъ сказать государственную собственность и обнимавшая къ тому времени около половины страны, была раздѣлена на провинціи, каждая изъ которыхъ управлялась намѣстникомъ. Власть его была нѣсколько шире власти нашего губернатора, такъ какъ она носила не только административный, но и судебный характеръ. Около намѣстника стоялъ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго управленія. Провинціи раздѣлены были на

болѣе мелкіе участки, во главѣ управленія которыхъ стоялъ чиновникъ, называвшійся «даикванъ» и по типу ближе всего стоящій къ нашему земскому начальнику. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и административныя, и судебныя и даже нѣкоторыя хозяйственныя функціи. На немъ лежалъ сборъ податей и онъ даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе на установленіе ихъ, такъ какъ онъ же представлялъ необходимыя для того данныя центральной власти; онъ назначалъ низшихъ сельскихъ властей, онъ разбиралъ судебныя дѣла, однимъ словомъ, по тогдашней японской поговоркѣ «счастье и несчастье уѣзда зависитъ отъ даиквана». Всѣ правительственные чиновники, начиная отъ членовъ верховнаго совѣта и кончая даикваномъ, замѣщались исключительно изъ вассаловъ шогуна, высшіе изъ фудаи-дайміосовъ, низшіе изъ простыхъ самураевъ.

Во главѣ каждаго отдѣльнаго селенія стоялъ назначенный даикваномъ и подчиненный ему старшина—нануши или шойя. Онъ слѣдилъ за порядкомъ, взималъ подати, велъ регистры населенія и судилъ за небольшіе проступки. Помощниками его были низшія сельскія власти, избираемыя населеніемъ, въ родѣ нашихъ старостъ.

Каждое селеніе распадалось на нѣсколько группъ, не менѣе пяти семействъ въ каждой. Группы эти, куми или гуми, представляли нѣчто въ родѣ артели, всѣ члены которой обязаны были поддерживать и помогать другъ другу во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, обрабатывать землю въ случаѣ болѣзни, сообща помогать при постройкахъ и т. п. Эти гуми очень напоминаютъ общины организованныя во время реформъ таиква съ тою только разницею, что тамъ и земля была въ общинномъ пользованіи, теперь же всякій домохозяинъ былъ собственникомъ своего участка. Всѣ домохозяева одной куми избирали сообща одного представителя, который участвовалъ въ общемъ сходѣ всего селенія. Вообще извѣстными правами пользовались только отцы семействъ. Семья попрежнему составляла одну хозяйственную единицу, и сыновья даже взрослые не выдѣлялись до смерти отца. По смерти же его весь его участокъ долженъ былъ по закону переходить къ старшему сыну, младшіе же сыновья должны были оставаться при немъ. Но жизнь, конечно, не допускала такого стѣсненія правъ личности, и законы противъ семейныхъ раздѣловъ съ увеличеніемъ населенія стали постоянно нарушаться. Во всякомъ случаѣ быть членами куми и участвовать въ сельскомъ управленіи могли только самостоятельные домохозяева. Сходъ, состоявшій изъ выборныхъ куми и собиравшійся подъ предсѣдательствомъ нануши, рѣшалъ всѣ сельскія дѣла, распредѣлялъ натуральныя повинности, налагаемыя даикваномъ и т. п.

Въ составъ мѣстнаго населенія сельской общины входилъ и мѣстный крупный землевладѣлецъ изъ бывшихъ самураевъ шогуна или вассаловъ отдѣльныхъ дайміосовъ. На земляхъ шогуна онъ былъ иногда подчиненъ даиквану, а иногда непосредственно намѣстнику, но ни въ какомъ случаѣ не старшинѣ. Эти бывшіе мелкіе вассалы, остав-

шіеся на землѣ и не превратившіеся въ воиновъ, составили классъ наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ Японіи. При переворотѣ 1868 г. они не лишились своихъ правъ на землю, какъ дайміосы, и потомки ихъ до сихъ поръ остаются болѣе или менѣе крупными помѣщиками.

Положеніе сельскаго населенія на государственныхъ земляхъ было въ общемъ все-таки лучше, чѣмъ на земляхъ дайміосовъ. Подати взимались и тутъ громадныя, не менѣе 50% сбора, но шогуны все-таки обращали вниманіе на то, чтобы не разорить окончательно земледѣльческое население, которое доставляло наибольшій доходъ государству. Такъ въ XVIII в. по всей странѣ были устроены запасные магазины, изъ которыхъ въ случаѣ неурожая населенію продавался по умѣреннымъ цѣнамъ рисъ. Рядомъ съ этимъ стали издаваться законы, требующіе того же и отъ дайміосовъ.

На земляхъ, принадлежавшихъ дайміосамъ, управленіе сельскаго населенія было устроено также, какъ и во владѣніяхъ шогуна. Отдѣльныя селенія распадались на такія же группы—гумми, и во главѣ ихъ тоже былъ старшина, сходъ и старосты. Только вмѣсто правительственныхъ чиновниковъ во главѣ мѣстнаго управленія стояли чиновники, назначенные дайміосомъ. И подати, еще болѣе высокія тутъ, уплачивались не шогуну и его чиновникамъ, а по прежнему дайміосу. Въ болѣе крупныхъ «ханахъ», какъ назывались ихъ владѣнія въ отличіе отъ провинцій «кеновъ», дайміосы являлись въ роли намѣстниковъ, въ болѣе мелкихъ они какъ бы замѣняли даиквана съ тою только разницей, что они были подчинены непосредственно шогуну, и отъ провинціальныхъ намѣстниковъ ни въ какомъ случаѣ не зависѣли.

Внутри своихъ хановъ они сохранили почти всѣ свои прежнія права, дѣлавшія ихъ гнетъ такимъ тяжелымъ для населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пріобрѣли нѣкоторыя новыя обязанности, превратившія ихъ постепенно въ послушныя орудія центральной власти. Прежде всего на нихъ были возложены нѣкоторые обязательные налоги. Ради сохраненія за ними внѣшняго вида независимости, эти налоги назывались «подарками». Но подарки эти были обязательны, состояли частью изъ сырыхъ продуктовъ, частью изъ донегъ и дѣлались ежегодно въ опредѣленные сроки шогуну. Затѣмъ ежегодно дайміосы обязаны были являться въ Іедо лично, чтобы докладывать шогуну о положеніи дѣлъ въ ихъ владѣніяхъ. Со временемъ вошло въ обычай, а потомъ было укрѣплено закономъ, чтобы каждый дайміосъ имѣлъ въ Іедо собственный домъ и проводилъ въ немъ одинъ годъ изъ двухъ. Семьи же ихъ оставались въ Іедо на постоянное жительство, составляя какъ бы постоянный живой залогъ въ рукахъ шогуна. Въ случаѣ неповиновенія какого-нибудь дайміоса, шогунъ могъ захватить его семью. Наконецъ, право суда надъ дайміосами было очень расширено и окончательно подчинило ихъ шогуну. Теперь шогунъ разбиралъ не только ссоры между дайміосами, но и всякій проступокъ каждаго отдѣльнаго дай-

міоса. При этомъ онъ могъ налагать на него слѣдующія наказанія 1) выполненіе какихъ-нибудь исключительныхъ работъ, дорого стоющихъ построекъ и т. п., 2) передача своего владѣнія наслѣднику, 3) переводъ на другой менѣе доходный участокъ, 4) полное отнятіе участка и, наконецъ, 5) смертная казнь посредствомъ хара-кири и уничтоженіе самого рода провинившагося дайміоса.

Такимъ образомъ шогунъ присвоилъ себѣ право переводить дайміосовъ изъ одного феода въ другой и даже совсѣмъ лишать ихъ владѣнія землей. Положимъ, вначалѣ это разсматривалось какъ мѣра наказанія въ случаяхъ важныхъ преступленій. Но шогуны очень скоро стали пользоваться этимъ въ политическихъ цѣляхъ, ссылая казавшихся имъ опасными дайміосовъ въ отдаленные участки или совсѣмъ лишая ихъ власти. Это право суда было страшнымъ оружіемъ въ рукахъ шогуна.

Послѣднимъ шагомъ въ смыслѣ подчиненія дайміоса шогунамъ было требованіе утвержденія въ правахъ наслѣдства каждаго новаго владѣльца феода. Сначала это было введено просто какъ формальность, какъ требованіе этикета. Новый владѣлецъ долженъ былъ представляться шогуну и получать отъ него бумагу, удостовѣряющую его права. Но постепенно это право пріобрѣло совершенно реальное содержаніе, и шогунъ могъ по произволу не утвердить въ правахъ владѣнія неугоднаго ему наслѣдника. Рядомъ съ этимъ дайміосы были обставлены множествомъ другихъ стѣснительныхъ требованій. Такъ, они должны были получать отъ шогуна разрѣшеніе на бракъ, на усыновленіе, на продажу части своей земли и т. п. Въ концѣ концовъ, по словамъ Токузы Фукуды, «несмотря на сохраненіе рыцарской внѣшности и рыцарскихъ пріемовъ дайміосы превратились изъ независимой аристократіи, боровшейся съ центральнымъ правительствомъ, въ блестящую и ничтожную придворную знать, вращающуюся вокругъ одного солнца» *). По большей части они даже не управляли лично своими владѣніями, а поручали это особымъ управляющимъ.

На ряду съ этими новыми обязанностями, ставившими прежняго феодала, въ сущности, въ положеніе такого же правительственнаго чиновника, какъ и намѣстникъ, дайміосы сохранили одну чрезвычайно важную привилегію—привилегію имѣть собственное войско, и самимъ приводить его по требованію шогуна. Но привилегія эта, которой дайміосы по традиціи очень дорожили, и которая впослѣдствіи дѣйствительно сослужила имъ большую службу, оказывалась при данныхъ условіяхъ тяжелымъ бременемъ. Военныя столкновенія послѣ водворенія въ Іедо рода Токугавы прекратились совсѣмъ, а между тѣмъ содержаніе многочисленныхъ самураевъ стоило очень дорого. Изъ своихъ неувеличивающихся доходовъ дайміосы должны были теперь и платить государственныя подати подъ видомъ приношеній шогуну, и содержать

*) Tokuza Fukuda, ст. 133.

свой значительный штатъ. Выдѣлять теперь участки своимъ самураямъ, совершенно оторвавшимся отъ земли за долгій періодъ непрестанныхъ войнъ, было не изъ чего и имъ приходилось платить постоянное жалованье, обыкновенно рисомъ.

12.

Даймiосы, фудаи-даймiосы и самураи, были ли они на государственной службѣ или нѣтъ, считались принадлежащими къ высшему, благородному сословію, сословію имѣющему право носить мечъ.

Все вообще населеніе было по новымъ законамъ раздѣлено на четыре сословія: 1) благородные, носящіе мечъ, 2) земледѣльцы, 3) ремесленники и 4) купцы. Внѣ этихъ сословій стояли люди, занимающіеся профессіями, считавшимися неблагородными (актеры, танцовщицы) или нечистыми (живодеры, скорняки). Внутри эти сословія подраздѣлялись еще на многочисленныя группы. Различныя подраздѣленія благороднаго сословія положительно неисчислимы. Сословія эти не носили такого замкнутаго характера, какъ индійскія касты, напримѣръ. Переходъ изъ одного въ другое былъ возможенъ, хотя совершался, главнымъ образомъ посредствомъ усыновленія. Общимъ же правиломъ была наслѣдственность всѣхъ сословій и всѣхъ родовъ занятій.

Купцы и ремесленники стояли совершенно особнякомъ отъ первыхъ двухъ сословій. Они жили въ городахъ и имѣли свою особую организацію и администрацію. Для управленія городами существовало даже спеціальное высшее правительственное учрежденіе. Ему были подвѣдомственны сначала только 16 городовъ, находившихся на земляхъ шогуна. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ былъ особый намѣстникъ по назначенію шогуна и при немъ совѣтъ изъ городскихъ старшинъ. Внутри города были раздѣлены на группы, сходныя по характеру съ сельскими куми, но здѣсь эти куми не имѣли такого важнаго значенія, какъ въ деревняхъ, а съ теченіемъ времени, когда образовалась очень значительная разница между состояніями, эти организаціи мало-по-малу совершенно исчезли, между тѣмъ какъ въ деревняхъ онѣ сохранялись въ полной силѣ до самого переворота. Города, основанные на земляхъ даймiосовъ, управлялись или непосредственно ими или ихъ уполномоченными, но внутренняя организація ихъ была та же, что и въ остальныхъ городахъ.

Жители городовъ къ этому времени уже всѣ занимались или ремеслами или торговлей. И тѣ и другіе были организованы въ гильдіи, хотя прежнее драконовское законодательство, охранявшее гильдіи, было отмѣнено. Впрочемъ и при отсутствіи законовъ, каравшихъ смертной казнью за занятіе ремесломъ внѣ гильдіи, фактически это оставалось невозможнымъ. Одиночка ремесленникъ не въ состояніи былъ бы конкурировать съ гильдіями, пользовавшимися очень значительными привилегіями. Регла-

менты гильдій были очень детально разработаны и права и обязанности каждаго члена опредѣлены самымъ тщательнымъ образомъ. Членами гильдій могли быть только домохозяева, т.-е. отцы семействъ или отдѣленные сыновья. Семья и здѣсь, какъ и въ земледѣльческомъ сословіи, считалась нерасторжимой единицей, и отдѣльные члены ея всегда занимались сообща одной и той же работой. Продолжать занятіе отца считалось обязательнымъ для сыновей, причемъ по смерти отца старшій сынъ, если онъ могъ представить доказательства своего искусства, принимался тоже въ члены гильдіи.

Купеческія гильдіи были тоже обставлены самой детальной регламентировкой. Словомъ, вся жизнь горожанъ, не только ихъ права и обязанности въ отношеніи къ власти, но и ихъ хозяйственныя отношенія были разъ навсегда заключены въ опредѣленныя рамки и закрѣплены закономъ.

Это стремленіе создать твердые незыблемые устои для жизни всего народа проникало собой всю дѣятельность первыхъ шогуновъ изъ рода Токугавы. Начавъ съ объединенія страны путемъ оружія, Іеязу, а потомъ и его преемники, особенно его внукъ Іемитсу, стремились всѣми силами упрочить это объединеніе и навсегда обезпечить миръ Японіи. Для этого недостаточно было создать пригодные органы управленія—централизованную и проникнутую полицейскимъ духомъ бюрократію, надо было жизнь самого общества влить въ твердо установленныя формы и возможно прочнѣе закрѣпить ее въ нихъ. Они понимали, или, быть можетъ, инстинктивно чувствовали, что только тогда все зданіе получитъ устойчивый фундаментъ и приметъ законченный видъ. Во всякомъ случаѣ они съ рѣдкимъ упорствомъ проводили эту мысль на практикѣ. Они твердо установили дѣленіе общества на сословія и поддерживали ихъ обособленность. Лишивъ высшее сословіе реальной власти, они въ то же время всячески поддерживали его внѣшній престижъ, увеличивали строгость этикета особенно въ отношеніяхъ низшихъ сословій къ высшему. Этикетъ этотъ доведенъ былъ до мельчайшихъ деталей поведенія и обнималъ собою всю жизнь высшаго сословія. Прежніе рыцарскіе обычаи не только не были упразднены теперь, когда исчезла ихъ внутренняя сущность, но, напротивъ, были еще болѣе разработаны и закрѣплены. Отчасти, въ этомъ сказывалась, быть можетъ, сила традиціи, благодаря которой бытовыя формы часто переживаютъ сущность соціальныхъ отношеній, отчасти же—дальновидная мысль законодателя, желавшаго закрѣпить данныя формы общественныхъ отношеній, закрѣпостить самое общество.

Подавляющая масса сложныхъ требованій этикета, поражающихъ въ Японіи и теперь, ведетъ свое начало съ той эпохи. Тысячи поклоновъ, условныхъ жестовъ, трафаретныхъ улыбокъ должны были сопровождать всякую встрѣчу между людьми, особенно встрѣчу низшаго съ высшимъ. Это постоянно напоминало о разницѣ происхожденія и

подчеркивало сословную обособленность. Къ этому же вели и «законы о роскоши», запрещавшіе низшимъ классамъ окружать себя такою же роскошью, какъ представители благороднаго сословія.

Установленныя закономъ торговыя и ремесленныя гильдіи, строго соблюдаемая наслѣдственность всѣхъ видовъ занятій и, наконецъ, почти полная нерасторжимость семейныхъ узъ—все это проводило еще далѣе принципъ обособленія разныхъ группъ населенія и неизмѣняемости соціальныхъ отношеній. Всякому человѣку указано было разъ навсегда его мѣсто въ обществѣ, ему нечего было опасаться потерять его, но нечего и надѣяться измѣнить. Жизнь влита была въ строго опредѣленное русло, а администрація и полиція слѣдили за тѣмъ, чтобы она гдѣ-нибудь не начала подмывать плотины.

Все это не было, конечно, достигнуто сразу по щучьему велѣнію, вся первая половина XVII вѣка была заполнена этимъ стремленіемъ со стороны правительства закрѣпостить общество, чтобы такимъ образомъ убить въ зародышѣ самую возможность волненій, безпорядковъ и тѣмъ болѣе вооруженныхъ столкновеній внутри страны. Но во всякомъ случаѣ направленіе, въ которомъ должна была развиваться дѣятельность правительства, было дано еще Іеязу. Самыя формы административнаго механизма Іеязу, также какъ и законодатели реформъ таиква,—заимствовалъ въ значительной степени изъ Китая. Но тогда какъ въ ту эпоху мысль законодателя шла въ разрѣзъ съ соціальными тенденціями того момента, въ данное время она наоборотъ вполнѣ отвѣчала назрѣвшимъ потребностямъ въ спокойствіи и развитіи мирной культуры. Поэтому реформа таиква потерпѣла крушеніе, а реформы Іеязу создали строй, просуществовавшій $2^1/_2$ вѣка.

Заимствовавъ изъ Китая формы административнаго механизма, Іеязу оттуда же привлекъ и высшую санкцію проектированнаго имъ незыблемаго строя. Этой санкціей долженъ былъ служить конфуціанизмъ. Трудно найти морально-философскую теорію, которая болѣе соотвѣтствовала бы идеалу устойчиваго и неподвижнаго соціально-политическаго строя. Душа конфуціанства—консерватизмъ. Вся его мораль зиждется на послушаніи и вѣрности: вѣрности установленнымъ отношеніямъ и послушаніи младшихъ и по возрасту, и по соціальному положенію—старшимъ. Понятіе грѣха сливается съ понятіемъ проступка или преступленія.

Это смѣшеніе понятій цѣликомъ отразилось на законодательствѣ Іеязу и на оставленномъ имъ въ назиданіе потомкамъ «Завѣщаніи». Недостатокъ добродѣтели часто карается тамъ уголовнымъ порядкомъ, а нарушеніе закона разсматривается, какъ грѣхъ. Такой взглядъ, конечно, очень способствовалъ упроченію установленнаго строя, также какъ и покорность, положенная въ основу нравственности.

Полное соотвѣтствіе конфуціанства новому порядку, водворившемуся въ Японіи съ начала XVII вѣка, породило даже мнѣніе, что самый этотъ

порядокъ возникъ именно благодаря ему. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться уже по одному тому, что ученіе Конфуція было извѣстно въ Японіи со времени первыхъ сношеній ея съ Китаемъ, и тѣмъ не менѣе въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія оно оставалось только въ области морали, не оказывая вліянія на политику. Несомнѣнно только то, что Іеязу, дѣйствительно, оказывалъ всяческое покровительство китайской литературѣ вообще и конфуціанской философіи въ частности. Китайскій языкъ сталъ обязательнымъ въ школахъ, занятія китайской литературой всячески поощрялось. Съ этого времени китайскія вліянія окончательно торжествуютъ, въ японской школѣ и въ японской наукѣ до тѣхъ поръ, пока противъ нихъ не поднимается сознательная идейная борьба.

Іеязу и его первые преемники могли съ полнымъ правомъ считать, что цѣль ихъ достигнута. Японія представляла теперь единое государство, въ которомъ вмѣсто прежнихъ раздоровъ водворился миръ и порядокъ. Страна отдыхала. И благіе результаты этого не замедлили сказаться. Культура быстро двинулась впередъ. Заброшенныя поля снова начали воздѣлываться, города отстраивались, торговля и промышленность, избавленныя отъ вѣчныхъ опасеній, широко развивались.

Духовная жизнь тоже испытала на себѣ вліяніе болѣе благопріятныхъ условій. Въ городахъ стали основываться школы, частныя и правительственныя, главнымъ образомъ, для самураевъ, и даже библіотеки. Типографское искусство, извѣстное въ Японіи еще ранѣе изъ Китая, только теперь получило широкое примѣненіе, благодаря устроенной Іеязу казенной типографіи. Китайскіе классики были переведены на японскій языкъ и изданы по приказанію Іеязу. Покровительствуя наукѣ вообще, онъ первый обратилъ вниманіе на японскія древности,—приказывалъ разыскивать и сохранять древнія лѣтописи и другіе документы, имѣющіе историческую цѣнность, и даже основалъ спеціальное учрежденіе, занимавшееся переписываніемъ древнихъ рукописей и архивовъ отдѣльныхъ даймiосовъ. Благодаря этому стало возможно серьезное изученіе исторіи. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка по почину даймiоса области Мито группа японскихъ ученыхъ приступила къ составленію первой подробной японской исторіи, написанной по-китайски и законченной только къ концу XVII вѣка. Изслѣдованіе это составило 243 тома.

Въ 1625 году появилось и другое извѣстное историческое сочиненіе, называвшееся «Таико» и описывавшее время господства Хидейоши. Оно состояло изъ 11 томовъ и было написано на японскомъ языкѣ. Рядомъ съ историческими сочиненіями стали появляться и самостоятельные ученые труды по другимъ областямъ. Положимъ, за исключеніемъ исторіи, другія отрасли науки находились въ это время подъ сильнымъ вліяніемъ Китая. Медицинскія сочиненія, также какъ и философскіе трактаты, носили на себѣ явный отпечатокъ китайщины и

конфуціанства. Но тѣмъ не менѣе на почвѣ этого чужеземнаго вліянія выростали собственныя теоріи, нѣкоторые японскіе ученые того времени пользовались широкой извѣстностью въ своей странѣ и основали даже собственныя школы.

Разные виды искусства и изящная литература тоже достигли въ эту эпоху высшаго процвѣтанія. Живопись, развивавшаяся въ первые вѣка послѣ распространенія буддизма, главнымъ образомъ, около буддійскихъ монастырей и носившая по преимуществу религіозный характеръ, пережила въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ эпоху секуляризаціи и приняла болѣе близкій къ жизни характеръ. Въ XVII вѣкѣ появляется цѣлая плеяда японскихъ художниковъ, среди которыхъ есть имена, не потерявшія и до сихъ поръ значенія для живописи не только въ Японіи, но и въ Европѣ. Рядомъ съ этимъ въ этотъ же періодъ достигаютъ высшаго совершенства и знаменитыя японскія изящныя ремесла — выжиганье по дереву, лакировка, рисованіе по фарфору и т. п.

Для изящной литературы XVII вѣкъ тоже не прошелъ безслѣдно. Но тогда какъ наука въ эту эпоху испытала сильное вліяніе китаизма и вслѣдствіе этого осталась совершенно недоступной для широкихъ круговъ населенія, литература, наоборотъ, сильно популяризировалась. Благодаря большей безопасности жизни и относительно большему благосостоянію, наступившему вслѣдъ за водвореніемъ Токугавы, потребность въ чтеніи, въ книгѣ страшно возросла и распространилась. Въ предыдущіе вѣка роскошь книги могли позволить себѣ только могущественные феодалы или придворные, болѣе или менѣе безопасные и обезпеченные въ своихъ замкахъ, и монахи въ буддійскихъ монастыряхъ. Вслѣдствіе этого и литература носила или духовный, или утонченно-свѣтскій характеръ. Произведенія рыцарской эпохи, не особенно многочисленныя по количеству, достигали иногда высокой степени совершенства по формѣ. Теперь рядомъ съ феодальной аристократіей явился другой читатель, несравненно менѣе утонченный во вкусахъ но зато гораздо болѣе многочисленный—горожанинъ. И въ отвѣтъ на это широкой волной хлынула новая литература, болѣе грубая, но отвѣчающая многообразнымъ запросамъ новаго читателя, его настоятельной потребности въ духовной пищѣ. Къ этому времени относится возникновеніе многихъ новыхъ видовъ литературы: популярныя драмы, историческіе романы, разсказы изъ народной жизни, комическія пѣсенки и легкія юмористическія сценки, въ родѣ водевилей.

Т. Богдановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПТИЦЫ.

На пути къ плѣнительному югу
Собрались въ покинутомъ гнѣздѣ
Всѣ онѣ—размыкать эту вьюгу,
Эту ночь, нависшую вездѣ.

И въ гнѣздѣ имъ было такъ чудесно,
Далеко отъ стужи и земли,
И въ кружокъ онѣ усѣлись тѣсно
И согрѣться долго не могли.

А съ зарей—согрѣлись, отдохнули
И, одна поднявшись за другой,
Въ синевѣ прозрачной утонули,
Улетѣвъ на полдень золотой.

И заботы—холодъ, ночь и вьюга,
Общій ужасъ... Каждая крыломъ
Оттолкнуть спѣшитъ ночного друга
И летѣть—отдѣльно—напроломъ.

И отстали птицы послабѣе.
А одна, что прорвалась впередъ,
Бьетъ крыломъ все чаще и сильнѣе
И отставшихъ вѣтромъ обдаетъ.

Л. Василевскій.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV. XV и первая половина XVI вѣка).

(*Продолженіе* *).

Глава шестая.

Духовная культура Новгорода и Пскова.

При изученіи духовной культуры Новгорода и Пскова мы будемъ держаться того же порядка, какой былъ принятъ при изслѣдованіи соотвѣтствующихъ вопросовъ въ кіевскій періодъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на *нравственное состояніе общества.*

Общество кіевской Руси отличалось, какъ намъ извѣстно, въ этомъ отношеніи большой примитивностью; въ массѣ господствовали тогда самые грубые, элементарные животные инстинкты. Это въ значительной степени приходится повторить и о вольныхъ городахъ удѣльной Руси. Однимъ изъ признаковъ того, что нравственное развитіе новгородскаго и псковскаго общества недалеко ушло впередъ сравнительно съ прошлымъ является крайняя импульсивность народной массы: всякое впечатлѣніе немедленно переходитъ въ дѣйствіе и притомъ въ дѣйствіе крайне насильственное, въ убійство и грабежъ. При чтеніи новгородскихъ лѣтописей вниманіе очень скоро утомляется описаніемъ дикой расправы народа съ тѣмъ, кто ему былъ неугоденъ. Типическимъ примѣромъ такого описанія можетъ служить разсказъ о томъ, какъ новгородцы въ 1209 году «створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его». Они пошли на ихъ дворы «грабежомъ», зажгли ихъ дома, «а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изъискаша и поимаша безъ числа, а избытокъ раздѣлиша по зубу, по три гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потомъ похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаеть, а отъ того мнози разбогатѣша». Дмитръ скоро умеръ, и во время похоронъ его тѣло «новгородци хотяху съ моста соврещи, но возбрани имъ архіепископъ

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль 1904 г.

Митрофанъ». Подобныя и еще болѣе необузданныя расправы не были вовсе исключеніемъ, составляли заурядное, обычное явленіе чуть не повседневной дѣйствительности: о нихъ можно прочитать въ лѣтописяхъ подъ 1215, 1218, 1220, 1230, 1232, 1257, 1259, 1270, 1316, 1340, 1342, 1350, 1418, 1421, 1446, 1447 и другими годами. Поэтическимъ отраженіемъ подобнаго рода общественныхъ нравовъ является извѣстная былина о Васильѣ Буслаевичѣ, разсказывающая о его буйствахъ съ дружиной въ городѣ на улицахъ и на пиру, названномъ «братчиной Никольщиной». Корыстолюбіе, жадность, стремленіе къ насильственному захвату чужого достоянія не были притомъ отличительнымъ свойствомъ одного простого, чернаго народа: даже такое высокопоставленное и по положенію своему обязанное служить нравственнымъ примѣромъ лицо, какъ архіепископъ новгородскій, не гнушалось насиліемъ, сулившимъ ему матеріальныя выгоды: подъ 1435 г. псковская лѣтопись разсказываетъ, напр., что владыка Евѳимій, пріѣхавъ въ Псковъ, «учалъ дѣяти новину, а старину покинувъ», софіяне вступили въ бой съ псковичами, и, наконецъ, архіепископъ уѣхалъ, «а попомъ и игуменомъ учинилъ протора много, не бывало такъ ни отъ первыхъ владыкъ».

Въ одномъ отношеніи порвоначальные, грубые инстинкты, элементарныя эгоистическія чувства были поставлены въ границы,—въ отношеніи къ женщинѣ. Намъ уже извѣстно, что юридически, въ гражданскомъ правѣ, женщина въ Новгородѣ и Псковѣ была вполнѣ и безусловно равна мужчинѣ. Этому высокому семейному и гражданскому положенію женщины по закону соотвѣтствовала и дѣйствительность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о выдающейся политической роли, которую играла знаменитая Марѳа Борецкая.

Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что реальныя хозяйственныя, соціальныя и политическія условія жизни вольныхъ городскихъ общинъ способствовали развитію высшихъ, болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ,—удали, стремленія къ новизнѣ впечатлѣній, честолюбія, славолюбія. Былины о Чурилѣ Пленковичѣ, Садкѣ - богатомъ гостѣ, Васильѣ Буслаевичѣ, недавно найденная былина о «камскомъ побоищѣ», т.-е. о пораженіи новгородцевъ на рѣчкѣ Камѣ въ Югорской землѣ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ въ пользу этого. То же подверждается и лѣтописными данными: не изъ-за одной корысти, а изъ молодечества ходили, напр., изъ Новгорода на Волгу въ 1366 году «люди молодые». Ушкуйники или повольники—очень хорошо извѣстное и характерное для Новгорода явленіе. Юго-восточный аванпостъ Новгорода—Вятка—былъ основанъ именно ушкуйниками.

Исторія Новгорода и Пскова бѣдна фактами, свидѣтельствующими о силѣ этическихъ, альтруистическихъ побужденій. Даже заботы новгородскихъ архіепископовъ во время эпидемій о погребеніи умершихъ и уходѣ за больными объясняются не столько желаніемъ придти на

помощь ближнему изъ чувства христіанскаго милосердія, сколько тѣмъ, что новгородскій владыка вообще вѣдалъ дѣла высшей полиціи, заботился о благоустройствѣ и благосостояніи города. Тѣмъ же объясняется и благожелательное отношеніе владыки къ иностранцамъ, и заботы его о внутреннемъ мирѣ, о прекращеніи усобицъ. И новгородскіе и псковскіе святые—основатели монастырей—вовсе не отличались особеннымъ милосердіемъ и благотворительностью: предаваясь аскетическимъ подвигамъ и строго исполняя обряды, монахи въ то же время не забывали обогащать свои обители землями.

Уровень моральнаго развитія общества въ значительной степени опредѣляется господствующими въ немъ понятіями о правѣ и справедливости. Прежде всего важно въ этомъ отношеніи гораздо далѣе, чѣмъ то было въ кіевскій періодъ, проведенное различіе между уголовнымъ преступленіемъ и гражданской неправдой. Когда у насъ шла рѣчь о судопроизводствѣ, какъ функціи государственной власти въ вольныхъ городахъ, то было указано, что цѣлью уголовнаго процесса служило открытіе матеріальной истины путемъ оцѣнки судьею судебныхъ доказательствъ по существу, тогда какъ при гражданскомъ процессѣ имѣли въ виду формальную справедливость притязанія, такъ что роль судьи была пассивной. Затѣмъ, мѣняется самый взглядъ на преступленіе и наказаніе. Въ эпоху «Русской Правды» преступленіе разсматривалось по преимуществу какъ матеріальный вредъ—«обида» и «пагуба», — и наказаніе было, слѣдовательно, главнымъ образомъ, средствомъ возмѣстить матеріальный ущербъ, понесенный потерпѣвшимъ. Это не исчезло вполнѣ и въ изучаемое время: денежный штрафъ, — вина или продажа, -- занимаетъ видное мѣсто въ системѣ наказаній Псковской и Новгородской судебныхъ грамотъ. Но, несмотря на эти значительные остатки старины, усиливается тотъ элементъ, который въ понятіи о преступленіи по «Русской Правдѣ» былъ новымъ и слабо развитымъ: преступленіе разсматривается уже по преимуществу какъ общественное, нравственное зло, какъ нарушеніе закона, а наказаніе имѣетъ своимъ назначеніемъ не возмѣщеніе матеріальнаго ущерба, а устрашеніе и нравственное возмездіе. Вотъ почему изъ прежняго «потока и разграбленія» выдѣляется смертная казнь, и сфера ея примѣненія оказывается уже довольно широкой: смертной казнью карались татьба, совершенная преступникомъ-рецидивистомъ въ третій разъ, татьба кромская, т.-е. кража изъ крома, хотя-бы рецидива и не было, конокрадство, поджогъ и измѣна. Характерно, наконецъ, что образуется понятіе преступленія противъ общества или государства,—какова измѣна.

Въ тѣсной связи съ нравственнымъ состояніемъ общества находятся его *религіозныя вѣрованія*. Въ этомъ отношеніи, наряду съ остатками старины, наблюдаются существенныя и знаменательныя перемѣны. Старина характеризовалась въ религіозномъ отношеніи, какъ

извѣстно, двоевѣріемъ. Такое же двоевѣріе было типично и для вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, хотя, конечно, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ прежде: оно превратилось теперь въ рядъ суевѣрій, наивныхъ религіозныхъ представленій. Въ 1228 году всю осень стояло ненастье; нельзя было ни косить сѣно, ни сѣять озимое. Это бѣдствіе въ глазахъ простого народа, по словамъ лѣтописца, было слѣдствіемъ преступленія архіепископа Арсенія, низложившаго и замѣстившаго прежняго владыку, Антонія: «того дѣла стоить тепло долго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, (т.-е. въ Хутынскій монастырь), а самъ сѣлъ, давъ мзду князю». Въ первой половинѣ XVI вѣка новгородскій архіепископъ Василій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, въ своемъ посланіи къ тверскому епископу выражаетъ твердую увѣренность въ существованіи на землѣ матеріальнаго, вещественнаго, «саженаго» рая и ада. Адъ онъ описываетъ такъ: «на западѣ существуетъ мѣсто муки, гдѣ на дышащемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубовный и рѣка молненная, гдѣ трижды въ день рѣка входитъ въ преисподнюю и опять исходитъ вонъ». Рай, по его словамъ, видѣли новгородцы Моиславъ, сынъ его Яковъ и ихъ товарищи: на одной горѣ они видѣли изображеніе Христа необыкновенной величины, написанное нечеловѣческими руками чудной лазоревой краской; солнца не было, но исходилъ несказанный свѣтъ; за горами было слышно ликованіе; одинъ изъ спутниковъ поднялся на гору, но какъ только взглянулъ за нее,—всплеснулъ руками и бросился туда; то же повторилось съ другимъ; третьяго привязали на веревку, и когда онъ, подобно двумъ первымъ, хотѣлъ броситься впередъ, за горы, его стащили обратно, но онъ оказался мертвымъ. Наряду съ суевѣріями господствовалъ крайній формализмъ въ религіи: обряды цѣнились наравнѣ съ догматами; внѣшнему благочестію придавалось первенствующее значеніе. Подъ 1471 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи замѣчаніе, что «нѣкоторые философы» находили нужнымъ пѣть «О Господи помилуй», а другіе «Осподи помилуй». Въ Псковѣ въ XV вѣкѣ горячо спорили о томъ, нужно ли двоить или троить аллилуію. Чтобы стяжать себѣ царство небесное, стоило только, по мнѣнію людей того времени, сдѣлать богатый земельный или денежный вкладъ въ монастырь или построить на свои средства монастырь или церковь. Этимъ побужденіемъ, наряду съ тщеславіемъ, именно и объясняется то обстоятельство, что почти каждая богатая новгородская боярская фамилія имѣла свой монастырь или церковь, о постройкѣ которыхъ и встрѣчаются постоянно извѣстія въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Наконецъ, и въ массѣ общества вольныхъ городовъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ въ то время, распространено было убѣжденіе, что черезъ 7.000 лѣтъ послѣ сотворенія міра наступитъ свѣтопреставленіе: подъ 1402 годомъ лѣтописецъ прямо говоритъ: «время послѣднее приходитъ, и конецъ житію приближается».

Но наряду съ этими обломками прошлаго, все еще державшими въ плѣну умы народной массы, наблюдаются явленія, совершенно невѣдомыя кіевской Руси: являются попытки глубже войти въ духъ христіанства и отнестись критически къ господствующимъ преданіямъ, суевѣріямъ и церковному строю. Самостоятельная религіозная мысль, пробудившись, приняла при этомъ крайнее направленіе, выразилась въ еретическихъ движеніяхъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что ереси въ Псковѣ и Новгородѣ сложились отчасти подъ иностраннымъ и иновѣрнымъ вліяніемъ, которое стало возможно вслѣдствіе живыхъ экономическихъ и культурныхъ связей вольныхъ городовъ удѣльной Руси съ западомъ Европы. Но не слѣдуетъ преувеличивать это вліяніе и нельзя забывать, что оно не могло бы проявиться, если бы не нашло благопріятной для себя почвы въ мѣстныхъ условіяхъ. Въ ряду этихъ условій обращаютъ на себя наше вниманіе въ данномъ случаѣ и соціально-политическія обстоятельства: въ XIV и XV вѣкахъ аристократія побѣдила народъ и въ Новгородѣ и въ Псковѣ; олигархическій гнетъ давалъ себя сильно чувствовать, и потому протестъ, основанный на принципѣ освобожденія, былъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Но помимо этого и во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше, этого вліяли чисто-религіозныя и церковныя явленія: религіозный формализмъ, суевѣрія, низкій нравственный уровень духовенства, свѣтскій характеръ церковной іерархіи и администраціи, фискальное отношеніе владыки къ духовенству,—все это не вязалось съ развитымъ религіознымъ чувствомъ, вызывало критику и противодѣйствіе. Подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльнаго періода появились одна за другой двѣ ереси — стригольниковъ въ XIV вѣкѣ и жидовствующихъ въ XV.

Изученіе этихъ еретическихъ движеній представляетъ довольно значительныя затрудненія, происходящія, главнымъ образомъ, отъ скудости и тенденціозности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ: сочиненія еретиковъ не уцѣлѣли, сохранились только обличенія ихъ, первое мѣсто между которыми принадлежитъ сочиненію Іосифа Волоцкаго «Просвѣтитель». Полемическія, обличительныя цѣли мѣшали безпристрастію, какъ бы ни хотѣлъ авторъ оставаться добросовѣстнымъ. Такимъ состояніемъ источниковъ объясняются весьма сильныя разногласія изслѣдователей, занимавшихся изученіемъ обѣихъ ересей. Внѣшняя исторія стригольничества не возбуждаетъ сомнѣній: оно зародилось и распространилось въ Псковѣ во второй половинѣ XIV вѣка; главой ереси былъ стригольникъ (т.-е. цирюльникъ) Карпъ, изгнанный за еретичество въ 1375 году вмѣстѣ со своимъ послѣдователемъ Никитой и еще третьимъ еретикомъ, имя котораго остается неизвѣстнымъ. Но съ казнью главныхъ еретиковъ ересь не прекратилась: въ XV вѣкѣ она переходитъ въ Новгородъ и замираетъ, какъ цѣльное,

массовое явленіе, лишь въ началѣ второй четверти этого столѣтія, когда сохранились только отдѣльные ея послѣдователи, слабо связанные между собою. Но характеръ и содержаніе ученія стригольниковъ понимаются отдѣльными изслѣдователями различно: одни видятъ въ стригольничествѣ простой расколъ, отрицавшій лишь обряды и церковную іерархію, другіе считаютъ его настоящей ересью, касавшейся и догматовъ. Второе мнѣніе, повидимому, ближе къ истинѣ, потому что, несомнѣнно, стригольники отрицали воскресеніе мертвыхъ и таинство покаянія: исповѣдь, по ихъ мнѣнію, не должна совершаться передъ священникомъ; покаяніе — простой актъ духовнаго раскаянія человѣка, имѣющаго при этомъ дѣло только со своей совѣстью: такъ надо понимать ученіе стригольниковъ, что каяться надо не попу, а землѣ. Второй характерной чертой стригольниковъ является мистицизмъ: въ религіозномъ экстазѣ стригольники проповѣдывали и бичевали себя, что даетъ поводъ сблизить ихъ съ нѣмецкими гейсслерами или флагеллантами. Въ связи съ мистицизмомъ, въ основѣ котораго лежитъ, какъ извѣстно, представленіе о непосредственномъ воздѣйствіи Божества на каждаго отдѣльнаго человѣка, находятся третья и четвертая особенность стригольничества, какъ религіознаго ученія: именно признаніе за каждомъ міряниномъ права толковать свободно священное писаніе, относясь къ нему критически и принимая за основу критики евангеліе, и отрицаніе церковной іерархіи и обрядовъ. Это послѣднее подкрѣплялось еще указаніемъ, что всѣ епископы, священники и діаконы поставлены по мздѣ и ведутъ недостойную жизнь. На этомъ основаніи отвергалось также и монашество.

Ересь стригольниковъ, какъ показываетъ только что сдѣланное изложеніе ея основъ, была религіознымъ движеніемъ почти исключительно отрицательнаго характера. Созидательныхъ, положительнымъ элементовъ въ ней было очень мало. Это и естественно: когда начинается критическое отношеніе къ современности, то обыкновенно сначала все вниманіе сосредоточивается на разрушеніи существующихъ воззрѣній. Созидательная работа—дѣло будущаго; она составляетъ уже второй моментъ начала всякаго умственнаго движенія. Такимъ вторымъ моментомъ, естественнымъ продолженіемъ стригольничества, связаннымъ съ нимъ генетическими узами, была ересь жидовствующихъ. Первые признаки ея зарожденія относятся къ 1471 году, когда вмѣстѣ съ литовскимъ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ прибылъ въ Новгородъ ученый еврей Схарія. Его послѣдователями, развившими и обосновавшими все ученіе, были новгородскіе священники Денисъ и Алексѣй, къ которымъ примкнули священники Григорій, Герасимъ, Гавріилъ, Максимъ, Василій, много другихъ священнослужителей и мірянъ, между которыми особенно выдавался посадникъ Григорій Тучинъ. Характерно, что за ересь высказались простое священство и также бояре, какъ Тучинъ, который былъ сторонникомъ Москвы, слѣдовательно,

*

вождемъ демократической партіи: этимъ опредѣляется наличность въ ереси струи соціальнаго протеста противъ господства олигархіи. Еретики были образованные и способные люди. Неудивительно, что въ 1479 году великій князь Иванъ III перевелъ главныхъ изъ нихъ въ Москву: Алексѣй былъ назначенъ протопопомъ Успенскаго собора, а Денисъ священникомъ Архангельскаго собора. На новой почвѣ ересь привилась очень скоро: однимъ изъ горячихъ ея приверженцевъ сдѣлался видный и даровитый государственный дѣятель, думный дьякъ, начальникъ или главный судья Посольскаго приказа, Өедоръ Курицынъ; къ ней, повидимому, примкнулъ архимандритъ Симонова монастыря Зосима, скоро сдѣлавшійся и митрополитомъ московскимъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ еретичество Зосимы. Во всякомъ случаѣ, Зосима былъ такой человѣкъ, который своими нравственными свойствами, весьма низменными, могъ только дискредитировать всякое движеніе, сторонникомъ котораго онъ являлся. Въ 1488 году съ ересью познакомился ярый приверженецъ традиціонныхъ религіозныхъ воззрѣній, архіепископъ новгородскій Геннадій. Онъ разослалъ посланія къ митрополиту и епископамъ, въ которыхъ высказывался за суровое преслѣдованіе еретиковъ по примѣру испанской инквизиціи, противъ преній на церковномъ соборѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ одинъ соблазнъ, за то, что надо безпощадно казнить, именно вѣшать и жечь, еретиковъ. Но, несмотря на всю энергію Геннадія, ему удалось сначала достигнуть немногаго: ему едва удалось добиться разрѣшенія чинить розыскъ о ереси и предавать еретиковъ гражданскимъ властямъ для наказанія. Когда затѣмъ вь 1490 году былъ созванъ соборъ для сужденія о ереси, то главные еретеки остались нетронутыми, а второстепенные наказаны слабо: преданы анаөемѣ и заточены. Тогда Геннадій призвалъ къ борьбѣ противъ ереси Іосифа Санина, основателя Волоколамскаго монастыря. Іосифъ сталъ писать для духовенства и вліятельныхъ лицъ посланія противъ ереси, а для массы народа обличительныя слова: и здѣсь и тамъ—и въ словахъ, и въ посланіяхъ — Іосифъ выказалъ крайнюю нетерпимость, признавалъ необходимымъ совершенное и безпощадное истребленіе еретиковъ. Наконецъ, въ 1504 году произведенъ былъ суровый розыскъ о ереси, и созванъ соборъ, окончательно ее осудившій. Въ Москвѣ и въ Новгородѣ сожжены главные еретики: Иванъ Курицынъ, Максимовъ, Пустоселовъ, Рукавовъ, архимандритъ Кассіанъ, Иванъ Самочерный и др.

Такова внѣшняя исторія ереси жидовствующихъ, не возбуждающая никакихъ сомнѣній и вызывающая очень мало разногласій. Что касается сущности еретическихъ воззрѣній и ихъ происхожденія, то въ этомъ отношеніи изслѣдователи раздѣляются на три главныхъ группы: одни считаютъ ересь чистымъ іудействомъ, другіе, наоборотъ, считаютъ іудейскій элементъ случайнымъ, поверхностнымъ и малозначительнымъ

и первенствующее значеніе придаютъ раціоналистическимъ представленіямъ чисто мѣстнаго, новгородскаго происхожденія не безъ примѣси, однако, западно-европейскихъ вліяній; третьи занимаютъ промежуточное положеніе между этими двумя крайними воззрѣніями. Противъ взглядовъ третьей группы изслѣдователей говоритъ крайняя неопредѣленность, неясность ихъ, сквозящая въ нихъ робость мысли. Мнѣніе изслѣдователей первой группы, какъ справедливо замѣчено, не выдерживаетъ критики по той причинѣ, что между ересью жидовствующихъ и іудейской религіей наблюдаются слишкомъ большія различія: во-первыхъ, жидовствующіе отвергали кончину міра, тогда какъ іудеи этого не дѣлаютъ; во-вторыхъ, жидовствующими не были приняты іудейскіе обряды. Ближайшее изученіе воззрѣній еретиковъ приводитъ къ убѣжденію, что раціоналистическія начала выступали въ нихъ на первый планъ, а знакомство съ еврейской ученостью было лишь средствомъ для разрушенія нѣкоторыхъ суевѣрій. Важнѣйшимъ изъ этихъ суевѣрій, какъ намъ уже извѣстно, было ожиданіе конца міра въ 1492 году—семитысячномъ отъ сотворенія міра. Еретики, познакомившись съ книгой еврейскаго ученаго Иммануила-бенъ-Якуба «Шестокрылъ», содержавшей въ себѣ астрономическія таблицы, увидѣли въ ней другое лѣтосчисленіе, по которому 1492 годъ оказывался лишь 5244-мъ отъ сотворенія міра, и на этомъ основаніи отвергли суевѣрное ожиданіе скораго свѣтопреставленія. Но этимъ отрицаніемъ распространеннаго суевѣрія жидовствующіе не ограничились: вслѣдъ за стригольниками они отрицали кончину міра, воскресеніе мертвыхъ и второе пришествіе. Это было уже догматическимъ отрицаніемъ. Отъ стригольниковъ заимствовали жидовствующіе и критическое отношеніе къ священному писанію и особенно къ писаніямъ апостоловъ и отцовъ церкви. Но мистическаго элемента, столь характернаго для стригольничества, у жидовствующихъ не было, и потому положительное ихъ ученіе содержательнѣе, чѣмъ у стригольниковъ, и отрицаніе догматовъ и обрядовъ строже и сильнѣе мотивировано и яснѣе формулировано: жидовствующіе отрицали божественность Іисуса Христа, но признавали его пророкомъ, отрицали искупленіе, рожденіе Христа отъ Дѣвы, воскресеніе Христово, отвергали почитаніе святыхъ, догматъ пресуществленія, не покланялись кресту и иконамъ. Во всемъ этомъ ясно выступаютъ раціоналистическія воззрѣнія, передъ которыми совершенно блѣднѣетъ вліяніе іудейства. Названіе еретиковъ «жидовствующими» не должно насъ смущать: оно дано современными ереси сторонниками православія, въ глазахъ которыхъ іудейское вліяніе пріобрѣтало преувеличенные размѣры. Этой крайностью особенно страдаетъ изложеніе еретическаго ученія въ сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, хорошимъ противовѣсомъ которымъ является изложеніе ученія жидовствующихъ, занесенное въ лѣтопись на основаніи соборнаго дѣянія 1504 года.

Мы характеризовали, такимъ образомъ, нравственное и религіозное

состояніе новгородскаго и псковскаго общества съ XIII по XV вѣкъ и наблюдали и въ томъ и въ другомъ отношеніи наряду съ сохраненіемъ остатковъ старины, традицій историческаго прошлаго, важныя и значительныя перемѣны. Съ подобными же явленіями приходится встрѣтиться, переходя къ изученію исторіи *искусства* въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода. Исходнымъ моментомъ исторіи новгородскаго и псковскаго каменнаго зодчества является постройка каменнаго Софійскаго собора, относящаяся еще къ XI вѣку, т.-е. къ предшествующему періоду исторіи Россіи, но по тѣсной связи этого образца съ позднѣйшими сооруженіями не разсмотрѣнная нами раньше, такъ что необходимо не надолго остановиться на ней теперь. По плану своему соборъ св. Софіи въ Новгородѣ былъ такимъ же подражаніемъ византійскимъ образцамъ, какъ и кіевскій Софійскій соборъ: сохранена была форма квадрата. Построенъ онъ былъ изъ сѣраго камня съ прослойкой кирпичей, имѣлъ первоначально одну главу съ круглымъ куполомъ. Климатическія условія русскаго сѣвера заставили внести существенныя архитектурныя измѣненія: во-первыхъ, были уменьшены размѣрами окна вслѣдствіе зимнихъ холодовъ, причемъ, однако, на внѣшности стѣнъ остались слѣды прежняго большого окна; во-вторыхъ, обиліе атмосферическихъ осадковъ—лѣтнихъ и зимнихъ—заставило передѣлать форму кровли: была заимствована восьмискатная кровля романскаго стиля. Всѣ эти архитектурныя черты были усвоены затѣмъ при постройкѣ другихъ каменныхъ новгородскихъ и псковскихъ церквей, напр., Спаса въ Нередицахъ, Спаса Преображенія на Ильинской улицѣ, псковскаго Мирожскаго монастыря и т. д. Любопытной особенностью и новостью сравнительно съ предшествующимъ временемъ являются колокольни: онѣ строились обыкновенно отдѣльно и лишь позднѣе стали соединяться въ одно цѣлое съ церквами. Оригинальна была колокольня Софійскаго собора, построенная въ 1439 году: она была подобіемъ крѣпостной стѣны, увѣнчанной небольшимъ куполомъ и крестомъ; очевидно, первоначально колокола собора св. Софіи висѣли дѣйствительно на стѣнѣ. Но главный вкладъ въ исторію русской архитектуры внесли деревянныя постройки Новгорода и Пскова. Эти постройки, конечно, не сохранились, но мы можемъ судить о нихъ по нѣкоторымъ изображеніямъ деревянныхъ церквей на старинныхъ иконахъ и по тѣмъ позднѣйшимъ вліяніямъ, какое имѣло деревянное зодчество на постройки изъ камня. Новгородцы, издавна извѣстные какъ искусные плотники, создали типъ русскихъ деревянныхъ построекъ со множествомъ рѣзныхъ украшеній, съ точеными столбами, чешуйчатыми крышами, бочкообразными или похожими на кокошники фронтонами.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ новгородская иконографія. Живопись Софійскаго собора, главнымъ образомъ фрески,—мозаичнымъ былъ лишь орнаментъ,—отличается вполнѣ византійскимъ характеромъ, лишена всякой оригинальности. Еще въ XII и даже въ XIV вѣкахъ

въ Новгородѣ были греческіе иконописцы. Но подъ 1386 годомъ встрѣчаемъ первое извѣстіе о туземныхъ, новгородскихъ иконникахъ, а въ XVI вѣкѣ можно назвать даже нѣсколько именъ мѣстныхъ иконописцевъ, каковы въ Новгородѣ Андрей Лаврентьевъ, Иванъ Дермаярцевъ, Никифоръ Грабленый и въ Псковѣ Алексѣй Малый. Въ XV и XVI вѣкахъ новгородское иконописаніе достигаетъ своего расцвѣта, причемъ сказывается уже не только одно византійское, но и западное, итальянское вліяніе, напр., Чимабуэ и Перуджино. Иностранные образцы подвергаются переработкѣ, носящей на себѣ печать нѣкоторой оригинальности, развитія эстетическаго вкуса, хотя и невысокаго. Въ новгородскомъ иконописаніи различаютъ три типа: одинъ съ преобладаніемъ зеленой краски, другой—коричневой, третій—желтой. Уже это разнообразіе раскраски свидѣтельствуетъ о нѣкоторой эстетической дифференціаціи. Человѣческія фигуры и лица отличаются еще схематичностью и однообразіемъ: всѣ фигуры--коротки, съ длинными лицами, съ большимъ носомъ, съ такъ называемыми «движками», т.-е. черточками надъ глазами, губами, на лбу, носу, на суставахъ ногъ и рукъ. Одежда украшена крестами и клѣтками и написана длинными, прямыми чертами, причемъ складки окрашены въ иной цвѣтъ, чѣмъ вся одежда. Зданія, изображенныя на иконахъ, отличаются простотой, горы раздѣланы шашками и кружками, травы и деревья просты.

Если къ этому прибавить, что, судя, напр., по былинѣ о Садкѣ-богатомъ гостѣ, въ Новгородѣ развивалась свѣтская музыка, и что въ области церковнаго пѣнія Новгородъ сталъ создавать нѣкоторые оригинальные распѣвы и вообще славился хорошими пѣвцами, то будетъ ясно, что въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси искусство сдѣлало нѣсколько замѣтныхъ шаговъ впередъ сравнительно съ кіевскимъ періодомъ.

Переходя къ исторіи литературы въ Новгородѣ и Псковѣ, необходимо прежде всего замѣтить, что традиціи перваго періода были всецѣло восприняты вольными городами, что все богатство древнѣйшей народной поэзіи и книжной письменности было унаслѣдовано ими вполнѣ. Извѣстно, напр., что такія произведенія, какъ «Повѣсть о Девгеніи Акритѣ», какъ рядъ поученій кіевскаго періода, читались въ Новгородѣ и Псковѣ. Всего яснѣе выступаютъ на видъ литературныя связи вольныхъ городовъ съ древнѣйшей Русью въ томъ фактѣ, что, какъ хорошо извѣстно, былинное богатство русской народной поэзіи сохранилось цѣликомъ на сѣверѣ, куда оно перешло, несомнѣнно, черезъ посредство Новгорода. Но литературно-историческая роль вольныхъ городовъ удѣльнаго періода, конечно, не ограничилась однимъ храненіемъ и передачей литературнаго наслѣдства прошлаго: и Новгородъ и Псковъ дали образцы самостоятельнаго словеснаго творчества. Это творчество выразилось прежде всего въ той же народной былинной поэзіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что былины о Садкѣ и Васильѣ Бу-

славичѣ носятъ на себѣ печать чисто-новгородскаго происхожденія. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи русскаго былевого эпоса справедливо признаютъ новгородскими также и такія былины, какъ о Чурилѣ Пленковичѣ, о Микулѣ Селяниновичѣ, о камскомъ побоищѣ. Дѣло состояло не только въ томъ, что старые былинные сюжеты заново перерабатывались и осложнялись новыми добавленіями, но и въ томъ, что создавались цѣликомъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, новыя сказанія. Народное творчество сказывалось не только въ былевомъ эпосѣ, но и въ зарожденіи особаго вида поэзіи, близкаго по характеру къ драмѣ. Въ Новгородѣ, начиная со второго дня Рождества Христова, ходили по улицамъ ряженые окрутники («окрутникъ» значитъ, «клеветникъ, обманщикъ, забавникъ»), заходившіе въ дома, въ окнахъ которыхъ въ знакъ приглашенія ставились зажженныя свѣчи, и дававшіе здѣсь представленія, близкія къ драматическимъ и состоявшія изъ шутокъ, каррикатурныхъ имитацій и пляски.

Въ чисто литературномъ, письменномъ творчествѣ вольныхъ городовъ обращаютъ на себя вниманіе три вида: паломническія путешествія, легенды и историческія сочиненія. Изъ паломническихъ путешествій извѣстно составленное въ половинѣ XIV вѣка сказаніе о святыняхъ Царьграда Стефана новгородца. По темѣ къ нему близко подходитъ «Бесѣда о святыняхъ Цареграда», относящаяся, вѣроятно, также къ XIV вѣку и, можетъ быть, принадлежащая перу новгородскаго архіепископа Василія, литературной дѣятельности котораго намъ сейчасъ еще придется коснуться. Новгородская и псковская легенда дошла до насъ въ цѣломъ рядѣ чрезвычайно важныхъ образцовъ; сюда относятся: извѣстное уже намъ посланіе архіепископа Василія къ тверскому епископу Ѳеодору объ адѣ и раѣ, сказаніе о князѣ Довмонтѣ, житія Антонія Римлянина, Нифонта, Іоанна, Варлаама Хутынскаго, архіепископа Моисея, Зосимы и Савватія, Михаила Клопскаго, Евфросина псковскаго, сказаніе о знаменіи Богородицы при нашествіи на Новгородъ полчищъ Андрея Боголюбскаго. Источники этихъ легендъ отличаются нѣсколько бо̀льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ прежде: это не только мѣстныя преданія и разсказы, но и письменныя замѣтки и даже иногда, какъ, напр., въ посланіи объ адѣ и раѣ, иностранные легенды апокрифическаго характера. Бо̀льшимъ разнообразіемъ отличаются и мотивы, руководившіе авторами легендарныхъ сказаній: здѣсь сказывается не одно стремленіе къ нравственному поученію, но и патріотизмъ, желаніе прославить и возвысить мѣстныя святыни. Патріотическими тенденціями отличались особенно архіепископы новгородскіе Евѳимій и Іона, занимавшіе каѳедру въ промежутокъ времени отъ 1430 до 1471 года и много сдѣлавшіе для литературнаго развитія легенды. Литературные пріемы авторовъ и художественныя свойства ихъ произведеній также обращаютъ на себя серьезное вниманіе. Новгородская легенда довольно далеко ушла уже отъ древнѣйшаго типа

краткихъ, проложныхъ житій и стала пріобрѣтать риторическую окраску, особенно усилившуюся въ XV вѣкѣ подъ вліяніемъ литературной дѣятельности жившаго тогда на Руси серба Пахомія Логоѳета, извѣстнаго въ свое время агіобіографа, т.-е. составителя житій святыхъ. Впрочемъ, непосредственная свѣжесть фантазіи еще сохранялась, а сила и сжатость изложенія, которыя наблюдались уже нами въ кіевскій періодъ въ древнѣйшемъ новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, составляли отличительную черту и легендъ, созданныхъ вольными городами удѣльной Руси.

Исторію лѣтописанія въ Новгородѣ и Псковѣ въ періодъ ихъ политической самостоятельности возстановить чрезвычайно трудно, потому что подлинные новгородскіе и псковскіе лѣтописные своды (не говоря уже о первообразныхъ лѣтописяхъ) до насъ не дошли: слѣды лѣтописей, составлявшихся въ обоихъ вольныхъ городахъ, и притомъ слѣды довольно многочисленные уцѣлѣли въ цѣломъ рядѣ лѣтописныхъ сборниковъ—въ четырехъ такъ называемыхъ новгородскихъ лѣтописяхъ, въ двухъ псковскихъ, двухъ софійскихъ, тверской и т. д.; но всѣ эти сборники—позднѣйшаго, московскаго происхожденія, такъ что въ нихъ встрѣчается много передѣлокъ и добавленій. Тѣмъ не менѣе фактъ сильнаго развитія лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ и Псковѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Прежде всего можно считать доказаннымъ, что въ первой половинѣ XIII вѣка въ Новгородѣ былъ составленъ лѣтописный сводъ подъ заглавіемъ «Софійскій Временникъ». Это заглавіе сохранилось въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ вмѣстѣ съ краткимъ предисловіемъ, которое заключается обѣщаніемъ разсказать «все по ряду отъ Михаила царя до Александра (т.-е. Алексѣя) и Исакія»: византійскіе императоры Алексѣй и Исаакъ Ангелы царствовали до 1204 года, когда Константинополь былъ взятъ крестоносцами; ясно, слѣдовательно, что сводъ относится къ XIII вѣку. Полагаютъ, что «Софійскій Временникъ» былъ составленъ въ 40-хъ или въ первой половинѣ 50-хъ годовъ XIII столѣтія. Но кромѣ этого свода мы вправѣ предполагать существованіе въ Новгородѣ и Псковѣ еще другихъ лѣтописныхъ сборниковъ и первообразныхъ лѣтописей. Дѣло въ томъ, что, изучая извѣстія несомнѣнно новгородскаго или псковскаго происхожденія въ упомянутыхъ сейчасъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ московскаго времени, легко замѣтить въ этихъ извѣстіяхъ большую разногласицу взглядовъ, рѣзкое различіе симпатій тѣхъ, кто ихъ записалъ. Возьмемъ, напр., такъ называемыя новгородскія лѣтописи. Просматривая ихъ за первое десятилѣтіе XIII вѣка, мы наблюдаемъ аристократическую боярскую тенденцію въ освѣщеніи передаваемыхъ событій. Разсказывая подъ 1206 годомъ объ изгнаніи ставленника бояръ князя Ярослава Всеволодовича, лѣтописатель замѣчаетъ: «и жьляху по немъ въ Новѣгородѣ *добріи*, а *зліи* радовахуся». Въ слѣдующемъ году Ярославъ вернулся, и «добро все бысть», по словамъ лѣ-

тописца. Въ разсказѣ о событіяхъ 1209 года чувствуется несочувствіе автора къ разграбленію народомъ имущества посадника Дмитра, одного изъ вождей аристократической партіи. На ряду съ этимъ въ извѣстіяхъ отъ 1210 до 1270 года наблюдается противоположная, демократическая тенденція: въ разсказѣ о событіяхъ 1210, 1214, 1215 и 1218 годовъ сквозитъ сочувствіе такому любимцу простого народа, какъ князь Мстиславъ Мстиславичъ; подъ 1220 г. находимъ такое характерное мѣсто: «не хотя же дьяволъ добра роду крестьяньску и злии человѣчи, и вложи князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твердислава, а безъ вины»; подъ 1255 годомъ лѣтописецъ, замѣчая, что «бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи», называетъ дѣло «меньшихъ»—«правдой новгородской»; наконецъ, въ разсказѣ 1270 года о изгнаніи Ярослава Ярославича видно сочувствіе автора обвиненіямъ, предъявленнымъ этому князю партіей черныхъ людей. Идя далѣе, въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемся опять съ лѣтописателемъ, неблагосклонно относившимся къ черни: «простая чадь» названа «крамольниками» въ 1332 и 1337 годахъ; въ 1388 демократическая Софійская сторона дѣйствуетъ «навоженіемъ діаволимъ» противъ аристократическаго посадника Есипа Захарьинича. Новая перемѣна наблюдается въ XV вѣкѣ: грубая расправа боярской партіи съ противниками въ 1418 году въ высшей степени непріятна повѣствователю,—онъ называетъ ее «наученіемъ діаволимъ»; подъ 1446 г. помѣщена горькая жалоба на то, что «не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и суда, и бѣ кричъ и рыданіе и вопль и клятва на старѣйшины наши». Въ Софійской 2-й лѣтописи находится разсказъ о паденіи Новгорода, проникнутый опять боярскими тенденціями. Такая же разноголосица составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ псковскихъ лѣтописей.

Одной изъ важныхъ особенностей лѣтописанія въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси надо признать свѣтскій, не церковный характеръ большей части повѣствованія. Политическій и общественный интересъ стоялъ для лѣтописателей Новгорода и Пскова на первомъ планѣ. Правда, очень часто встрѣчаются извѣстія о построеніи церквей, но и здѣсь виденъ не столько религіозный интересъ, сколько результатъ тщеславія отдѣльныхъ боярскихъ фамилій, каждая изъ которыхъ непремѣнно хотѣла имѣть свою церковь. Если къ этому прибавить, что наблюдается также и нѣкоторый интересъ къ исторіи иныхъ странъ, выразившійся, напримѣръ, въ помѣщеніи въ лѣтописи сказанія о взятіи Константинополя крестоносцами, то будетъ понятно, что историческая литература вольныхъ городовъ удѣльнаго времени отличалась весьма значительной оригинальностью, большой жизненностью и нѣкоторой широтой захвата. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что, по справедливому мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ Новгородѣ возникла и «Толковая Палея», сочиненіе вмѣстѣ и историческое, и обличительное противъ евреевъ.

Въ непосредственной связи съ литературой находится просвѣщеніе и наука. Само собою разумѣется, что въ изучаемое время нельзя предполагать распространенія образованія и даже простой грамотности въ массѣ населенія: народъ оставался попрежнему совершенно невѣжественнымъ; по свидѣтельству архіепископа новгородскаго Геннадія, въ концѣ XV вѣка трудно было даже найти достаточное количество вполнѣ грамотныхъ людей для занятія священническихъ мѣстъ. Но при всемъ томъ среди образованнаго меньшинства, несомнѣнно, росли научные интересы, увеличивался запасъ знаній, умножалось и самое число грамотныхъ и по своему времени даже вполнѣ просвѣщенныхъ людей. Существовали уже особые «мастера», обучавшие дѣтей и юношей за плату натурой, но общественныхъ или государственныхъ школъ попрежнему не было. Архіепископы новгородскіе XV вѣка, Евѳимій и Іона, обучались чтенію и письму въ своей юности, «вданы были учитися» или «наказатися божественнымъ книгамъ»: очевидно, обученіе производилось путемъ заучиванія наизустъ азбуки, часослова и псалтыри. Мы уже видѣли, что въ Новгородѣ были знакомы и съ древнѣйшей русской литературой, и съ западными апокрифическими преданіями. Митрополитъ Филиппъ въ своемъ посланіи къ новгородцамъ въ 1471 году называетъ ихъ «разумными въ книжной мудрости». По словамъ Іосифа Волоцкаго, еврей Схарія, основатель ереси жидовствующихъ, былъ «изученъ чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи». Имъ вѣроятно, былъ завезенъ въ Новгородъ знаменитый «Шестокрылъ» еврейскаго ученаго Иммануила-бенъ-Якуба, сдѣлавшійся цѣлымъ откровеніемъ въ области астрономическихъ знаній. По свидѣтельству архіепископа Геннадія, еретики были вполнѣ образованными, интеллигентными людьми, читали, напр., слѣдующія книги: «Сильвестръ папа римскій», «Слово Козьмы пресвитера противъ богомиловъ», «Посланіе патріарха Фотія къ болгарскому князю Борису», «Книга пророковъ», «Книга бытія», «Книга царствъ», «Притчи», «Менандръ», «Іисусъ Сираховъ», «Логика», «Діонисій Ареопагитъ». Таковы уцѣлѣвшія до нашего времени свидѣтельства о развитіи образованія въ вольныхъ городахъ удѣльнаго времени: успѣхи несомнѣнны, тѣмъ болѣе, что многое, конечно, не сохранилось, не дошло до насъ.

Остается теперь установить связь изслѣдованныхъ нами явленій духовной культуры Новгорода и Пскова съ извѣстными уже намъ процессами развитія экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ явленій. Посредствующимъ звеномъ, какъ намъ уже извѣстно изъ исторіи кіевской Руси, является психологическій складъ общества. Мы видѣли, какой неорганизованностью отличалась общественная психологія кіевской Руси. Въ Новгородѣ и Псковѣ удѣльнаго періода наблюдаются и въ этомъ отношеніи новыя явленія,—нѣкоторая дифференціація, выдѣленіе изъ неорганизованной матеріи, существовавшей

раньше, отдѣльныхъ психическихъ типовъ, разумѣется, еще не вполнѣ организованныхъ. Конечно, это опять-таки не относится къ массѣ народа, которая попрежнему представляла собою сырой матеріалъ для будущей эволюціи, но въ высшихъ слояхъ общества психическая дифференціація становится замѣтной, несмотря на недостаточность нашихъ источниковъ. Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія тотъ общій характеръ дѣйствій, какимъ отличается общественное поведеніе аристократической партіи въ Новгородѣ XIV и XV вѣковъ. Намъ уже знакомо это поведеніе: оно сводится къ трусости передъ народомъ, къ лицемѣрію и вѣроломству и къ крайнему корыстолюбію; бояре боялись могущества вѣча и потому поддерживали сильныхъ и властныхъ князей, а затѣмъ, скапливая въ своихъ рукахъ громадные денежные и земельные капиталы и прибирая такимъ образомъ подъ свою фактическую власть купцовъ и черныхъ людей, пользовались плодами упорной борьбы, которую вела демократическая партія съ князьями: благодаря такому образу дѣйствій всѣ политическія пріобрѣтенія XIII и XIV вѣковъ пошли на пользу не народу, а аристократіи. Тѣ два отличительныхъ свойства, которыя сквозятъ во всемъ этомъ,—трусость въ соединеніи съ лицемѣріемъ и вѣроломствомъ и корыстолюбіе—составляютъ, какъ намъ извѣстно, основные признаки людей эгоистическаго типа. Слѣдовательно, можно думать, что въ XIII вѣкѣ и не позднѣе XIV въ вольныхъ городахъ выдѣлился именно этотъ психическій типъ, а въ XV вѣкѣ эгоистическіе характеры достигли уже господства. Не трудно замѣтить, что это новообразованіе связано генетическими нитями съ тѣми хозяйственными преимуществами, соціальными привилегіями и политическимъ могуществомъ, которыя такъ характерны для высшихъ слоевъ новгородскаго и псковскаго общества. Могутъ замѣтить, что приведенныя сейчасъ соображенія основаны на скудномъ и отрывочномъ матеріалѣ, что они покоятся скорѣе на догадкахъ, чѣмъ на несомнѣнныхъ данныхъ, но, во-первыхъ, почему палеонтологу дозволяется возстановлять допотопное животное по одной найденной кости, а историку по двумъ характернымъ чертамъ нельзя возстановить духовный обликъ человѣка? а во-вторыхъ, мы можемъ взять и нѣкоторыя конкретныя личности для изображенія другихъ психологическихъ новообразованій, въ то время слагавшихся. Три типа намѣчаются путемъ такихъ конкретныхъ наблюденій: характернымъ представителемъ одного является извѣстный посадникъ XIII вѣка Твердиславъ Михалковичъ, выразительницей другого служитъ знаменитая Мароа Борецкая, третій представленъ новгородскими еретиками конца XV вѣка. Мы остановимся сначала на двухъ послѣднихъ типахъ, потому что они отличаются цѣльностью и чистотой, и потомъ уже перейдемъ къ первому, какъ болѣе сложному.

Едва ли можно предполагать, что Мароа Борецкая сколько-нибудь под-

давалась низшимъ, элементарнымъ эгоистическимъ чувствованіямъ въ родѣ страха или мелкаго корыстолюбія: она смѣло, безъ всякаго трепета и колебанія рѣшилась на смертный бой съ великимъ княземъ московскимъ, который представлялъ собою въ то время почти непреодолимую силу. Она не жалѣла и денегъ для подкупа «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», которые должны были на вѣчѣ отстаивать интересы боярской партіи и кричать противъ московскаго великаго князя и за Казимира литовскаго. Наряду съ этимъ въ характерѣ Мареы сразу бросается въ глаза большая властность, страстное стремленіе къ личному свободному самоопредѣленію, жажда силы и величія. Изъ-за этого и начала она борьбу съ Иваномъ III; этимъ продиктованы были и условія договора съ Казимиромъ, слабость власти котораго особенно бросается въ глаза, если сравнить этотъ договоръ съ извѣстной уже намъ договорной грамотой Новгорода съ Иваномъ III, относящейся къ 1471 году. Властный характеръ Мареы Борецкой давалъ себя чувствовать и въ ея семьѣ и во всей новгородской аристократической партіи: ея сыновья и сторонники безпрекословно ей подчинялись. Это превосходно понималъ Иванъ III, и вотъ почему Мареа была удалена изъ Новгорода въ ссылку послѣ паденія вѣчевого строя: ее было опасно оставлять даже и на развалинахъ старыхъ порядковъ; силой своей энергіи она могла еще хотя бы на минуту вдохнуть жизнь въ отжившее политическое тѣло. Все это, какъ кажется, даетъ право причислить Мареу Борецкую къ тѣмъ характерамъ, которые мы назвали индивидуалистическими. Разумѣется, типъ еще не сложился вполнѣ, но намѣчались главныя его характерныя черты. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что къ сдѣланной сейчасъ краткой характеристикѣ можно еще прибавить указаніе на крайнюю рѣшительность Мареы,—отличительное свойство индивидуалистовъ,—и отмѣтить также одинъ вторичный признакъ, свойственный ей, какъ и вообще людямъ индивидуалистическаго склада: она, поводимому, не чужда была нѣкоторыхъ эстетическихъ запросовъ; такъ извѣстно что у нея былъ въ Новгородѣ «чудный дворъ», по свидѣтельству лѣтописца; эпитетъ «чудный» указываетъ на красоту этого двора, на архитектурныя его отличія. Характерно въ данномъ случаѣ и то, что эстетическій вкусъ сказался именно по отношенію къ архитектурѣ, а не по отношенію къ литературѣ. Можно предполагать даже, что борьба сама по себѣ привлекала Мареу новизной ощущеній и богатствомъ впечатлѣній, какъ въ свое время Садко богатаго гостя влекло на чужбину не только желаніе коммерческой выгоды, но и жажда новыхъ, невѣдомыхъ раньше наслажденій. Индивидуалистическіе характеры были воспитаны всей напряженной хозяйственной дѣятельностью высшихъ слоевъ общества вольныхъ городовъ, горячей, продолжительной политической борьбой и постоянной правительственной дѣятельностью знати. Нельзя только, конечно, предполагать, чтобы такіе характеры господствовали

въ изучаемое время,—напротивъ они были очень еще рѣдкимъ, едва зарождавшимся и далеко не вполнѣ развитымъ явленіемъ.

То же приходится повторить и объ этическихъ характерахъ, которые начали слагаться именно въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, и представителями которыхъ надо признать лучшихъ, наиболѣе искреннихъ изъ новгородскихъ еретиковъ конца XV вѣка. Отрицаніе мздоимства, требованіе нравственной жизни, порицаніе религіознаго формализма, высокая оцѣнка моральной стороны христіанства при низкой оцѣнкѣ метафизической, догматической стороны религіи—все это черты, очень характерныя для людей этическаго склада. Если къ этому прибавить неутолимую потребность примѣнить свои знанія тотчасъ же и безъ всякихъ поправокъ къ практической дѣйствительности, полную непрактичность большинства еретиковъ, ихъ непримиримость, ничѣмъ не сдерживаемую смѣлость и рѣшительность дѣйствій, то зарожденіе людей этическаго склада въ Новгородѣ и Псковѣ въ удѣльный періодъ окажется явленіемъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Но такъ же, какъ и индивидуалисты, они были ничтожной горстью среди массы, психически еще совершенно не организованной. Когда шла рѣчь объ исторіи ересей, были уже указаны тѣ реальныя—хозяйственныя, соціальныя и политическія силы, которыя вызвали къ жизни эту новую психическую разновидность. Характерно также, что этическіе характеры впервые проявляютъ себя въ исторіи въ формѣ религіозной.

Связующимъ звеномъ между новгородскими индивидуалистами и людьми этическаго склада являются характеры двойственные, съ двумя господствующими чертами, нерѣдко борющимися между собою,—этическіе индивидуалисты. Когда, при изученіи исторіи кіевской Руси, у насъ шла рѣчь о методахъ изученія психологіи общества и объ основныхъ психическихъ типахъ, которые слѣдуетъ различать, то были оставлены безъ разсмотрѣнія характеры сложные, двойственные. Такъ какъ теперь намъ придется имѣть дѣло именно съ такимъ двойственнымъ характеромъ то, прежде чѣмъ перейти къ конкретной характеристикѣ его представителя въ изучаемое время, необходимо установить основныя отличительныя черты людей этого склада. Для этой цѣли удобнѣе всего воспользоваться произведеніемъ, весьма выдающимся въ своемъ родѣ и по силѣ и, можно сказать, по художественности, искренности изображенія: я говорю о недавно вышедшемъ между прочимъ и въ рускомъ переводѣ «Дневникѣ Лассаля». Дѣло въ томъ, что Лассаль уже въ своей юности, къ которой какъ разъ и относится его дневникъ является типичнымъ этическимъ индивидуалистомъ, т.-е. человѣкомъ, въ духовнымъ складѣ котораго болѣе сложныя эгоистическія чувства играютъ такую же роль, какъ и моральные запросы и требованія. Судя по дневнику, Лассаль былъ сильно зараженъ склон-

ностью къ разнообразію впечатлѣній, чувствомъ новизны, т.-е. однимъ изъ эгоистическихъ чувствованій высшаго порядка. На это указываетъ уже тотъ мотивъ, который вызвалъ самое появленіе дневника: мотивъ этотъ—«мысль о томъ удовольствіи, которое получится черезъ нѣсколько лѣтъ при чтеніи своего дневника, вызывающемъ въ воспоминаніи все, чѣмъ прежде наслаждался и что выстрадалъ». То же сильное стремленіе къ разнообразію впечатлѣній видно, напр., изъ такой записи: «я не переживалъ еще такихъ счастливыхъ дней, какъ въ Берлинѣ: я переходилъ отъ удовольствія къ удовольствію, изъ одного театра въ другой». Здѣсь понятіе «счастье» прямо отожествляется со смѣной разнообразныхъ впечатлѣній. Далѣе: чувство самоуваженія, соединенное съ любовью къ одобренію (честолюбіемъ), отличалось у Лассаля чрезвычайно высокой степенью развитія. Онъ постоянно любуется собою, съ особеннымъ удовольствіемъ записываетъ полученныя имъ похвалы, надѣляетъ свою личность необыкновенными талантами, считаетъ себя неизмѣримо выше окружающихъ. 2-го января 1840 года Лассаль записываетъ: «до сихъ поръ я еще не блисталъ»,—и тѣмъ даетъ понять, что время блеска скоро наступитъ, по его убѣжденію. Оно и наступило въ тотъ же вечеръ: «я въ этотъ вечеръ тоже хорошо говорилъ», читаемъ въ дневникѣ ниже, а затѣмъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ авторъ заноситъ на страницы своего дневника похвалы д-ра Шиффа его остроумію и отзывъ о себѣ одного знакомаго. «вы прекрасный и остроумный малый не по лѣтамъ». Лассаль въ совершенномъ восторгѣ отъ словъ Бархерта, который признавалъ его «геніальнымъ» и «необыкновеннымъ мальчикомъ». Совершенно понятно, что, при такомъ взглядѣ на свою личность, Лассаль смотрѣлъ свысока, съ пренебреженіемъ, даже съ презрѣніемъ на другихъ людей, по крайней мѣрѣ на большинство ихъ; онъ прямо заявляетъ: «мои товарищи по школѣ уступаютъ мнѣ въ способностяхъ, пониманіи, геніи, силѣ сужденія и умѣ»; объ одномъ приказчикѣ своего отца отзывается въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «оселъ! точно онъ могъ смотрѣть на меня свысока, будь онъ хоть въ три раза больше». Въ связи съ такимъ высоко развитымъ чувствомъ самоуваженія стоитъ легкая и сильная возбудимость Лассаля, необыкновенная склонность его къ крайнимъ проявленіямъ неукротимаго чувства гнѣва. Вотъ какъ онъ описываетъ свой гнѣвъ на сестру: «кипя яростью, я бросился на колѣни, заломилъ, какъ сумасшедшій, руки и закричалъ съ такой силой, что мой голосъ охрипъ: «Боже, сдѣлай такъ, чтобы я не забылъ никогда этого часа! змѣя, заливающаяся крокодиловыми слезами, ты пожалѣешь объ этомъ часѣ. Клянусь Богомъ! буду ли я жить 50 лѣтъ или 100, я не забуду этого до смертнаго часа. Не забудешь и ты». Отъ этого порыва сильной ярости я совершенно обезсилѣлъ». Находя, что учитель Тширнеръ несправедливъ къ нему, Лас-

саль записываетъ: «меня охватила неудержимая злоба», «въ этотъ моментъ я готовъ былъ выпить всю кровь изъ Тширнера». Разсердившись на отца за побои, Лассаль едва не утопился.

Зато два низшихъ, элементарныхъ эгоистическихъ чувства—чувство страха во всѣхъ его проявленіяхъ и корыстолюбіе—были чужды Лассалю. Смѣлость, даже дерзость его ясно обрисовываются уже многими изъ приведенныхъ сейчасъ цитатъ; каждая страница дневника подтверждаетъ, что авторъ его не былъ трусомъ или даже сколько-нибудь робкимъ человѣкомъ. Правда, денежный вопросъ, какъ видно изъ дневника, игралъ видную роль въ жизни юноши Лассаля, но во всемъ, что говорится о деньгахъ, мы тщетно стали бы искать хотя бы малѣйшихъ слѣдовъ корыстолюбія: деньги Лассалю были нужны не сами по себѣ, но ради удовольствій, ими доставляемыхъ. Вотъ почему Лассаля никакъ нельзя назвать эгоистомъ, но индивидуалистическія чувства имѣли, несомнѣнно, первостепенное значеніе въ его духовной природѣ.

Но наряду съ индивидуалистическимъ элементомъ большую роль игралъ въ психическомъ складѣ Лассаля и элементъ этическій. Первый и несомнѣнный признакъ этической натуры—это живая и непреоборимая потребность въ нравственномъ идеалѣ и его осуществленіи. Въ этомъ отношеніи молодой Лассаль достаточно типиченъ: для него очень цѣнны «святые интересы человѣчества», онъ жаждетъ дѣятельности для ихъ осуществленія, съ одушевленіемъ замѣчаетъ: «Богъ далъ мнѣ силы, которыя—я чувствую это—дѣлаютъ меня способнымъ къ борьбѣ». Характерны нѣкоторые мотивы, руководившіе Лассалемъ, когда онъ рѣшилъ вести свой дневникъ: «если я поступилъ несправедливо, то не буду ли я краснѣть, записывая это? и не буду ли я еще больше краснѣть, читая объ этомъ впослѣдствіи?» Переходя къ другимъ нравственнымъ эмоціямъ, необходимо отмѣтить прежде всего очень сильную, даже страстную любовь Лассаля къ родителямъ, особенно къ отцу. 1-го января 1840 г. онъ записываетъ: «я былъ тронутъ добротой отца». Подъ 4-е января читаемъ: «мои добрые родители меня очень любятъ». «Мой отецъ такой любящій, такой нѣжный, какъ немногіе изъ отцовъ», пишетъ Лассаль дальше. Еще болѣе горячія проявленія сыновней любви проявляются вслѣдъ затѣмъ: «я люблю своего отца до экстаза, и съ радостью отдалъ бы за него жизнь»; «существуетъ ли на свѣтѣ еще такая мать?—спрашиваю я». Понятно послѣ всего этого, какъ тяжело было Лассалю прощаться съ родными при отъѣздѣ изъ Бреславля въ Лейпцигъ. Чувство дружбы было свойственно Лассалю не менѣе, чѣмъ любовь къ родителямъ; друга своего Исидора онъ любилъ «больше всѣхъ изъ своихъ знакомыхъ»; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «отрадное чувство имѣть друга, который можетъ понять тебя». Гдѣ бы ни жилъ Лассаль, вездѣ онъ быстро сближается съ другими и сильно привязывается къ своимъ друзьямъ: припомнимъ, напримѣръ, его дружбу съ Цандеромъ и Беккеромъ въ

Лейпцигѣ. Такая общительность, привязчивость, такія живыя стремленія къ духовному сближенію съ другими—несомнѣнно, одна изъ отличительныхъ чертъ натуры, въ психическомъ содержаніи которой этическіе элементы играютъ видную роль. И въ чувствѣ любви, поскольку оно было въ тѣ ранніе годы свойственно Лассалю, ясно выступаетъ нравственный элементъ: «мнѣ кажется,—читаемъ въ дневникѣ,—я ни за что не пошелъ бы къ продажной женщинѣ, я долженъ восхищаться красотой женщины, долженъ любить ее или, по крайней мѣрѣ, воображать, что люблю. Я могу желать обладать только опредѣленной женщиной, а не слѣдовать грубому животному инстинкту». Сказаннаго достаточно для доказательства того положенія, что этическій элементъ въ психической природѣ Лассаля лишь немногимъ уступалъ по своей силѣ элементу индивидуалистическому.

Намъ уже извѣстно, какъ слабо чувство красоты у людей чисто этическаго склада; извѣстно также и то, что индивидуалисту эстетическія эмоціи свойственны въ большей степени, и чувство красоты доступно въ большей чистотѣ, чѣмъ этическому характеру. Но индивидуалистъ къ своимъ эстетическимъ восторгамъ примѣшиваетъ чуждые эстетикѣ элементы: онъ ищетъ въ произведеніяхъ искусства преимущественно того, что родственно *его* натурѣ, собственное *я* для него всегда на первомъ планѣ, и потому больше всего его восхищаетъ выраженіе въ искусствѣ чувства разнообразія, смѣлости, силы, энергіи. Изучая эстетическія чувства Лассаля по его дневнику, легко убѣдиться, что двойственность его натуры наложила на нихъ яркій отпечатокъ; Лассаль—болѣе эстетикъ, чѣмъ человѣкъ этическаго типа, но характеръ его чувства красоты близокъ къ индивидуалистическому. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что живопись, скульптура, архитектура и музыка имѣли въ глазахъ Лассаля меньше значенія, чѣмъ поэзія и драматическое искусство; сила этическаго элемента и индивидуалистическихъ чувствъ—вотъ тотъ двигатель, который располагалъ различныя искусства въ такой перспективѣ. Во всемъ дневникѣ мы тщетно стали бы искать восторговъ передъ картинами, статуями, зданіями. О музыкѣ встрѣчаемъ только одно замѣчаніе, правда восторженное, но въ то же время не свидѣтельствующее объ особенномъ развитіи музыкальнаго вкуса у автора. Зато драматическій театръ Лассаль посѣщалъ весьма часто и съ большимъ увлеченіемъ; въ Берлинѣ онъ «переходилъ изъ одного театра въ другой»; въ Лейпцигѣ 27-го іюня 1840 г. ему «очень хотѣлось пойти въ театръ», а 28-го—это желаніе уже осуществилось; 12-го іюля Лассаль смотрѣлъ въ театрѣ «Гамлета», а 19-го—«Фіеско»; 9-го августа онъ присутствовалъ на представленіи шиллеровской мелодрамы «Коварство и любовь», 10-го ноября видѣлъ на сценѣ «Разбойниковъ». Вкусы и наклонности автора ярко выступаютъ уже при одномъ только перечнѣ пьесъ, которыми онъ увлекался. Еще болѣе привлекали Лассаля поэзія эпическая и

лирическая; онъ читаетъ романъ Гёте «Wahlverwandtschaften», его драму «Clavigo», увлекается Байрономъ; но особенно замѣчательно его отношеніе къ лессингову «Натану Мудрому», къ «Вильгельму Мейстеру» Гете и произведеніямъ Гейне: «Натана» молодой Лассаль прочелъ «100 разъ» и—что особенно любопытно — потому, что Лессингъ «мастерски защищаетъ мой народъ» (т.-е. евреевъ); читая «Вильгельма Мейстера», Лассаль интересуется тѣми чертами характера героя, которыя дѣлаютъ послѣдняго психически ему родственнымъ; наконецъ, стихи Гейне его «глубоко волнуютъ» и вызываютъ у него слѣдующій восторженный диеирамбъ, въ которомъ много вѣрнаго, но много и индивидуалистическихъ элементовъ, чуждыхъ чистой эстетикѣ: «я люблю этого Гейне, онъ—мое второе *я*. Какія смѣлыя идеи и какая сокрушающая сила языка! Онъ умѣетъ нашептывать намъ такъ же нѣжно, какъ зефиръ, цѣлующій розу; онъ умѣетъ пламенно и горячо изображать любовь; онъ вызываетъ въ насъ и сильную страсть, и нѣжную грусть, и необузданный гнѣвъ. Къ его услугамъ всѣ чувства и настроенія. Его иронія такъ убійственна и мѣтка!» Если, наконецъ, къ сказанному прибавить, что Лассаль читалъ еще Виланда, Ауэрбаха, Мольера и восхищался «Иліадой» и поэтами Эллады, то будетъ ясно, что любовь къ изящной литературѣ господствовала у Лассаля надъ другими эстетическими чувствами, хотя, какъ сказано было выше, чистой эстетики и здѣсь было мало.

Чтобы закончить анализъ эмоціональной стороны духовной природы Лассаля, намъ остается характеризировать его чувства религіозныя и общественныя. Религія имѣла въ глазахъ молодого Лассаля большую важность: 1-го января 1840 г. онъ не могъ идти играть на билліардѣ, «потому что во время богослуженія это запрещается»; благоговѣйная молитва Богу доставляла Лассалю большое утѣшеніе и успокоеніе; онъ восхищается проповѣдью Гейгера и испытываетъ отъ нея глубокое впечатлѣніе; но что особенно характерно, — это общее отношеніе Лассаля къ догматической и обрядовой сторонамъ религіи: будучи противникомъ атеизма и выражая свою преданность іудейской религіи, Лассаль въ то же время рѣзко высказывается противъ обрядоваго формализма. Здѣсь, какъ и вообще въ религіозныхъ чувствахъ Лассаля, виденъ человѣкъ, психикѣ котораго были не чужды этическіе элементы. Но замѣтна также и индивидуалистическая примѣсь: отвращеніе къ внѣшнему принужденію и склонность къ свободѣ мысли, проявлявшаяся съ особенной силой въ восхищеніи идеями такого новатора въ іудействѣ, какимъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ Гейгеръ. Наконецъ, въ общественныхъ чувствахъ Лассаля въ его молодые годы, также какъ и въ зрѣлые, отвлеченный этическій идеализмъ, выспреннія мечтанія соединялись со страстнымъ индивидуализмомъ, съ сознаніемъ правъ человѣческой личности, съ жаждой ея господства въ общественныхъ отношеніяхъ и вѣрой въ личный успѣхъ и свою бле-

стящую будущность на политической аренѣ. Все это ясно изъ слѣдующихъ цитатъ. Ничто такъ не оскорбляетъ Лассаля, какъ пренебрежительное отношеніе къ евреямъ; чтобы добиться уваженія къ нимъ, онъ готовъ «пожертвовать «жизнью», идти на эшафотъ; его ужасаетъ положеніе евреевъ въ Дамаскѣ, онъ приходитъ отъ этого въ ярость, считаетъ необходимымъ возстаніе. Читая книгу Эльснера «Знаменитые дни въ жизни Наполеона», Лассаль восхищается негодованіемъ автора противъ «деспотіи тирановъ» и его «любовью къ свободѣ». Очень характерны такія замѣтки въ дневникѣ: «родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы и душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ простого бюргера, то буду въ свое время демократомъ», «я читалъ письма Берне; они мнѣ очень понравились. Если посмотрѣть на эту тюрьму — Германію, какъ въ ней попираются человѣческія права, сердце сжимается при видѣ глупости этихъ людей»; «я хочу провозгласить свободу народамъ, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть въ этой попыткѣ»; «я хочу выступить передъ германскимъ народомъ и передъ всѣми другими и пламенными рѣчами призвать ихъ на борьбу за свободу».

Переходя къ особенностямъ ума Лассаля, можно сдѣлать апріорный выводъ, что въ силу преобладанія индивидуалистическаго элемента въ его натурѣ его умъ былъ болѣе объективенъ и отличался большей наблюдательностью, чѣмъ умъ людей этическаго склада. Знакомство съ дневникомъ только подтверждаетъ это апріорное предположеніе: такъ, Лассаль очень тонко и объективно анализируетъ мотивы запрещенія ему отцомъ игры на билліардѣ, вѣрно и прекрасно характеризуетъ приказчика Л., тонко и мѣтко указываетъ: «у Фредерики (сестры Лассаля) такой характеръ, что открытое сопротивленіе только укрѣпляетъ ее въ ея мнѣніи». Нельзя, однако, же отрицать, что въ умственномъ складѣ Лассаля были нѣкоторые этическіе элементы: это обнаруживается, между прочимъ, въ его отношеніи къ теоретическому знанію и къ знанію прикладному. Онъ не признавалъ чистой науки какъ таковой и ждалъ отъ теоріи отвѣтовъ на практическіе запросы, но подъ практической стороной дѣла онъ разумѣлъ не ремесло и не разныя узкоприкладныя свѣдѣнія, а общіе выводы, необходимые для примѣненія научныхъ построеній къ общественной жизни. Это лучше всего удостовѣряется его заявленіемъ отцу послѣ жизни въ Лейпцигѣ, что онъ хочетъ изучать исторію, а не медицину и юриспруденцію, такъ какъ «врачъ и адвокатъ—купцы, торгующіе своими знаніями», а исторія «связана съ самыми святыми интересами человѣчества». Рѣшительность воли, непреклонность цѣлей и энергія въ ихъ достиженіи—вотъ черта, всего болѣе роднящая индивидуалистовъ съ людьми этическаго типа; она—естественное слѣдствіе того, что и у тѣхъ, и у другихъ энергія направлена въ одну опредѣленную сторону, и потому не можетъ быть сомнѣній и колебаній. Лассаль—

этическій индивидуалистъ, въ его духовной природѣ нравственный элементъ по своей силѣ слѣдуетъ сейчасъ же послѣ индивидуалистическаго, лишь нѣсколько ему уступая; вотъ почему колебанія и сомнѣнія могли обуревать Лассаля лишь при столкновеніи этихъ господствующихъ въ немъ мотивовъ, въ остальныхъ же случаяхъ непреклонность рѣшенія и энергія въ его осуществленіи была вполнѣ обезпечена. Недаромъ Лассаль самъ говорилъ про себя: «я не отличаюсь нерѣшительностью», и чуть ли не каждая страница его превосходнаго дневника убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу этого горделиваго заявленія.

Итакъ, общая формула, въ которой могутъ быть выражены основныя психологическія особенности этическихъ индивидуалистовъ,—такова: наибольшимъ развитіемъ у нихъ отличаются индивидуалистическія чувства, къ которымъ по силѣ близко подходятъ этическія; эти два проявленія эмоціональной жизни придаютъ своеобразную окраску чувствованіямъ эстетическимъ, религіознымъ и общественнымъ; умъ не отличается полнымъ объективизмомъ; воля—рѣшительна и сильна.

Типъ этическаго индивидуалиста зародился—опять-таки лишь въ видѣ очень рѣдкаго исключенія—также въ изучаемое время въ Новгородѣ. Его представителемъ можно до нѣкоторой степени считать знаменитаго, неоднократно уже намъ встрѣчавшагося новгородскаго посадника XIII вѣка Твердислава Михалковича. Вотъ краткая его біографія, насколько насъ съ нею знакомятъ новгородскія лѣтописи. Твердиславъ былъ сынъ одного изъ вождей демократической партіи въ Новгородѣ, Михалка Степанича, и, унаслѣдовавъ отъ отца выдающееся мѣсто въ этой партіи, былъ выбранъ въ первый разъ въ посадники въ 1209 году. Въ слѣдущемъ году, вмѣстѣ съ княземъ, Твердиславъ въ качествѣ степеннаго посадника руководилъ удачными военными операціями новгородцевъ противъ Литвы. Въ 1211 году изъ Суздальской земли вернулся бывшій тамъ въ плѣну другой предводитель демократической партіи, Дмитръ Якуничъ, и Твердиславъ уступилъ ему посадничество добровольно, какъ старшему. Сдѣлавшись такимъ образомъ старымъ посадникомъ, Твердиславъ продолжалъ однако играть очень видную активную политическую роль въ своей партіи: когда новгородцы въ 1214 г., по призыву извѣстнаго народнаго любимца князя Мстислава Мстиславича, отправились походомъ на Кіевъ противъ самовластно распоряжавшагося въ южной Руси Всеволода Чермнаго, дорогой поссорились со смольнянами и хотѣли вернуться домой, то Твердиславъ убѣдилъ ихъ продолжать походъ, сказавъ: «братья! вѣдь и дѣды наши и отцы страдали за Русскую землю». Въ 1215 г. въ Новгородѣ появился самовластный князь Ярославъ Всеволодовичъ, угодный боярской партіи и врагъ народа. Онъ напрасно пытался подкупить Твердислава,—тотъ остался при прежнихъ убѣжденіяхъ. Узнавъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ новгородцамъ этимъ княземъ, вернулся

изъ южной Руси Мстиславъ Мстиславичъ, одержалъ извѣстную побѣду при Липицѣ, и Твердиславъ снова получилъ степенное посадничество. На этотъ разъ онъ занималъ эту должность до 1219 года. Это были бурные годы: сначала Твердиславъ съ княземъ ходили походомъ на чудь, потомъ аристократическая торговая сторона вмѣстѣ съ Неревскимъ концомъ несправедливо обвинила Твердислава въ вѣроломной выдачѣ князю виднаго члена аристократической партіи Матвѣя Душильцевича и подняла возстаніе. «Твердиславъ же позря на св. Софію и рече: даже буду виноватъ, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправи, Господи». Усобица кончилась побѣдой народной партіи. Но князь Святославъ потребовалъ отъ вѣча смѣны Твердислава безъ вины со стороны послѣдняго, по собственному признанію князя. Твердиславъ сказалъ на вѣчѣ: «я радъ, что за мной нѣтъ вины, а вы, братья, въ посадникахъ и князьяхъ вольны». Тогда вѣче наотрѣзъ отказало князю въ его требованіи. Второе посадничество Твердислава кончилось по той причинѣ, что часть демократической партіи заподозрила его въ сношеніяхъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ суздальскимъ, и, повидимому, не безъ основаній, потому что лѣтописецъ, раньше и позднѣе отмѣчающій несправедливость взводимыхъ на Твердислава обвиненій, въ данномъ случаѣ на такую несправедливость не указываетъ: очевидно, Твердиславъ былъ новаторомъ среди демократовъ, первый понялъ, что сильный князь можетъ служить опорой простого народа противъ бояръ. Впрочемъ, въ томъ же 1219 году Твердиславъ въ третій разъ сдѣлался степеннымъ посадникомъ. Въ 1220 году князь Всеволодъ Мстиславичъ несправедливо, по словамъ лѣтописца, разгнѣвался на Твердислава, и снова едва не началась усобица, но Твердиславъ самъ добровольно отказался отъ посадничества, будучи боленъ, и постригся тайкомъ отъ своей семьи въ Аркажѣ монастырѣ, построенномъ однимъ изъ его предковъ; въ 1224 г. онъ съ братомъ построилъ церковь св. Михаила. Умеръ Твердиславъ Михалковичъ въ одинъ изъ ближайшихъ затѣмъ годовъ въ монашествѣ.

Передъ нами бурная, дѣятельная, преисполненная борьбы и опасностей жизнь, показывающая, что тотъ, кто ее прожилъ, не любилъ сидѣть, сложа руки, и неудержимо рвался къ проявленію своей крупной личности, къ живымъ и разнообразнымъ новымъ впечатлѣніямъ. Все время этотъ человѣкъ игралъ первую роль въ своей партіи,—даже тогда, когда не былъ степеннымъ посадникомъ. Онъ высоко ставилъ свою личность и безъ малѣйшаго страха вступалъ въ борьбу для самозащиты. Личная его храбрость не подлежитъ сомнѣнію, потому что онъ не только смѣло боролся съ политическими противниками, но и нѣсколько разъ участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Твердиславъ не былъ корыстолюбивъ: не даромъ онъ не пошелъ на подкупъ. Однимъ словомъ, при силѣ высшихъ, болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ, онъ былъ чуждъ элементарнаго эгоизма. Индивидуалистическій, а не

чисто эгоистическій, элементъ выступаетъ на первый планъ въ его духовной природѣ.

Но это былъ не чистый индивидуалистъ. Стремленіе къ нравственной правдѣ, стойкость и принципіальность въ политическомъ отношеніи, глубокое и серьезное религіозное чувство, покоящееся на твердомъ убѣжденіи, что Божество блюдетъ и хранитъ идеалъ правды на землѣ, привязанность къ семьѣ, заставляющая его скрыть отъ нея свое намѣреніе постричься въ монахи, рыцарская честность въ отношеніи къ старшему товарищу, которому по праву принадлежалъ высокій постъ,— все это черты, показывающія въ достаточной мѣрѣ, насколько силенъ былъ въ духовномъ складѣ Твердислава Михалковича этическій элементъ. Если къ этому прибавить самостоятельность, оригинальность и силу ума, достаточно объективнаго, чтобы понять истинные интересы народа, и рѣшительность воли, проявляющуюся въ каждой моментъ жизни и дѣятельности, то будетъ ясно, что передъ нами находится, по крайней мѣрѣ въ процессѣ своего развитія, если не завершенія, настоящій этическій индивидуалистъ.

Въ результатѣ произведенныхъ сейчасъ наблюденій надъ психологическимъ развитіемъ новгородскаго общества получается тотъ выводъ, что въ этомъ отношеніи достигнута была уже значительная дифференціація, строго притомъ соотвѣтствовавшая дифференціаціи экономической, соціальной и политической и бывшая, очевидно, подкладкой тѣхъ новыхъ явленій въ нравахъ и обычаяхъ, въ религіи, въ искусствѣ, литературѣ и образованности, которыя были предметомъ нашего изученія. Сложившіеся характеры появились лишь въ высшихъ общественныхъ слояхъ, масса же народа оставалось косной и психически слабо организованной.

Глава седьмая.

Литература по исторіи вольныхъ городовъ удѣльной Руси.

Болѣе подробное изученіе исторіи вольныхъ городовъ удѣльной Россіи, какъ и изученіе всякаго другого отдѣла исторіи, должно начаться чтеніемъ общихъ сочиненій по данному вопросу. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи нельзя указать для исторіи Новгорода работы, стоящей на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Соотвѣтствующіе отдѣлы въ «Исторіи Россіи» Соловьева и «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина устарѣли, хотя первая изъ этихъ работъ должна быть прочитана, какъ и также устарѣвшія въ очень многомъ «Сѣвернорусскія народоправства» Костомарова и вторая книга «Разсказовъ изъ русской исторіи» Бѣляева. Лучше обстоитъ дѣло съ исторіей Пскова: здѣсь есть хорошая книга Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова».

Вторую ступень составляетъ изученіе монографіей, посвященныхъ отдѣльнымъ сторонамъ исторической жизни Новгорода и Пскова. Что касается природы страны, то новыхъ сравнительно съ кіевскимъ періодомъ пособій указывать не приходится. Важнѣйшія сочиненія о населеніи и колонизаціи—это въ большинствѣ случаевъ тѣ же, которыя трактуютъ и о экономическомъ бытѣ. Таковы особенно слѣдующія: Никитскаго «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода»; рецензія на эту книгу г. Лаппо-Данилевскаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1895 г., № 12, подъ заглавіемъ «Критическія замѣтки по исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода»; «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в.» г. Бережкова; о колонизаціи, землевладѣніи и хозяйствѣ на сѣверѣ трактуютъ работы г-жи Ефименко «Изслѣдованія народной жизни», томъ I (статья «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ»); г-на Иванова «Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ» (въ изданіи «Древности. Труды археографической коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества», томъ II, выпускъ 1), г-на Ключевскаго «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ» («Московскія университетскія извѣстія» за 1866—67 г., № 7); Попова «Колонизація Заволочья и обрусѣніе Заволоцкой Чуди» («Бесѣда» за 1872 г., № 2); еп. Макарія «Христіанство въ предѣлахъ Архангельской епархіи» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1878 г., книга III). Исторіи хозяйства и населенія въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка посвящены отчасти сочиненія Ильинскаго: «Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1876 годъ, № 6, и въ «Историческомъ Обозрѣніи», томъ IX), г. Чечулина «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ».

По соціальной исторіи вольныхъ городовъ очень мало спеціальныхъ работъ: кромѣ многихъ названныхъ выше трудовъ, заслуживаютъ особаго вниманія еще X глава книги г. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси», г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество-патронатъ» (въ «Запискахъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» за 1897 годъ), а также тѣ сочиненія, въ которыхъ изображается гражданскій порядокъ въ Новгородѣ и Псковѣ: г. Владимірскаго-Буданова «Обзоръ исторіи русскаго права», г. Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Руси», Энгельмана «Гражданскіе законы Псковской судной грамоты».

Многія изъ вышеназванныхъ сочиненій и особенно упомянутые сейчасъ труды гг. Ключевскаго, Дювернуа и Энгельмана относятся и къ политической исторіи Новгорода и Пскова. Кромѣ того, тутъ важны сочиненія Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ

князьямъ» и Неволина «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (въ «Запискахъ Императорскаго Географическаго Общества», томъ VIII). Исторіи борьбы партій посвящены статьи Пассека «Новгородъ самъ въ себѣ» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1869 годъ, книга IV) и Рожкова «Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вѣковъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1901 годъ, № 4).

Лучшее сочиненіе по исторіи церкви и религіи въ Новгородѣ— это книга Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ»; слѣдуетъ познакомиться также съ книгой г. Голубинскаго «Исторія русской церкви», томъ II, половина первая: въ ней также, между прочимъ, идетъ рѣчь о церковной исторіи вольныхъ городовъ.

Для вопроса объ искусствѣ первыми пособіями могутъ служить сочиненія г. Новицкаго «Исторія русскаго искуства» и Ровинскаго «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка» («Записки Императорскаго Археологическаго Общества», томъ VIII).

Основнымъ пособіемъ по исторіи литературы и просвѣщенія остается «Исторія русской литературы» г. Пыпина, въ которой есть и подробная библіографія. Но наряду съ ней надо съ самаго начала поставить и нѣкоторые спеціальные труды, особенно слѣдующіе: «Очерки русской народной словесности» г. Миллера, «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» г. Ключевскаго, «Начало русскаго театра» Тихонравова (во II томѣ его «Сочиненій»), г. Сенигова «Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева», г. Тихомирова «Нѣсколько замѣтокъ о новгородскихъ лѣтописяхъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1892 годъ, № 9), его же «Обозрѣніе состава московскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (тамъ же за 1895 г., № 8), г. Шахматова «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ».

Только послѣ ознакомленія съ указанными сочиненіями можно переходить къ изученію источниковъ, а затѣмъ и менѣе важныхъ пособій.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СТАРОЙ АНГЛІИ.

(ЖЕЛТЫЙ ФУРГОНЪ).

Романъ **Ричарда Уайтинга.**

Переводъ съ англійскаго **Л. Сердечной.**

(*Продолженіе* *)

Глава 8.

Желтый фургонъ положительно засталъ Малый Слокумъ врасплохъ. Никто не обратилъ на него вниманія, когда онъ въѣхалъ въ деревню, такъ какъ онъ походилъ на тотъ фургонъ, въ которыхъ разъѣзжаютъ по отдаленнымъ ярмаркамъ великаны и феноменально-толстыя женщины. Но мудрѣйшіе изъ обитателей быстро поняли, что имъ придется раскаяться въ своемъ равнодушіи. Объявленіе, призывающее «возвратить землю народу и народъ землѣ», и ловко подобранный рядъ мыслей великихъ людей объ этомъ предметѣ говорили за себя. Худшимъ знакомъ служило то, что экипажъ, казалось, прочно устроился на бивакѣ, и его хозяинъ, выпрягши старую лошадь, отправился на поиски ночлега.

Все это доложили любопытные ребятишки, которыя уже начали толпиться передъ дверью фургона.

Герцогиня остановила лошадей и настаивала на томъ, чтобы остаться послушать лекцію, но тутъ Мери пришла на помощь м-ру Рэйфу.

— Объ этомъ нечего и думать, Августа. Это прямо невозможно. Герцогиня Аллонби, присутствующая на подобномъ сборищѣ! Развѣ вы не знаете, что все это значитъ?

— Почемъ же я знаю, пока не услышу?

— Я увѣрена, что герцогъ будетъ недоволенъ.

Не говоря больше ни слова, герцогиня хлестнула своихъ пони, предоставивъ Малому Слокуму на свободѣ наслаждаться таинственнымъ зрѣлищемъ. Еще нѣсколько времени ни звука не слышалось внутри фургона, но, наконецъ, долготерпѣніе молодыхъ наблюдателей было

---

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль, 1904 г.

награждено: внутри заплакалъ ребенокъ, а въ дверяхъ показалось кроткое лицо молодой женщины, предложившей пенни тому, кто принесетъ ей ведро воды. Но явленіе это показалось угрожающимъ, и вся толпа моментально обратилась въ поспѣшное бѣгство.

По совѣсти говоря, страшнаго не было ровно ничего. Маленькій домикъ на колесахъ былъ просто проповѣднической повозкой одного изъ «движеній» и заѣхалъ въ деревню во время своей ежегодной кампаніи противъ феодальной системы. Участь его всегда была одинакова: со стороны крестьянъ только равнодушіе или страхъ, со стороны представителей феодальной системы гордый и пренебрежительный отказъ отъ борьбы, а вообще полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ, которое въ Англіи необходимо сопровождаетъ всякое предпріятіе, не находящееся подъ покровительствомъ дворянства. Никто ничего не давалъ обществу. Его странствующіе проповѣдники едва могли заработать свое скудное пропитаніе, но и ихъ, и всю маленькую организацію поддерживала горсточка энтузіастовъ, которые какъ-то умудрялись заполнять, хотя и не особенно густо, подписные листы. Положеніе было интересное: съ одной стороны, законы и обычаи, пустившіе глубокіе корни въ почву Англіи, съ другой—эта крошечная желтая штучка, самое маленькое военное орудіе, когда-либо выставленное противъ гигантскаго могущества, катапульта противъ скалъ Гибралтара.

Въ должное время лекторъ снова появился, и жена передала ему дѣвочку, чтобы онъ пустилъ ее побѣгать на свободѣ. Лекторъ былъ высокій, хорошо сложенный молодой человѣкъ съ правильными чертами и властнымъ ораторскимъ огонькомъ въ глазахъ. Всѣ его манеры выдавали, что онъ умѣетъ овладѣвать толпою. Онъ разогналъ вернувшихся ребятишекъ повелительнымъ: «Отправляйтесь по домамъ и скажите своимъ отцамъ, чтобы они приходили на митингъ, когда матери уложатъ васъ спать», и въ то же время представилъ свою жену собирающейся толпѣ, извинившись, что «на этотъ разъ это не цыганка».

— Я нашелъ предсѣдателя митинга, Эми, и мѣсто для фургона, двухъ зайцевъ убилъ однимъ выстрѣломъ. Онъ даетъ намъ цѣлое поле на всю ночь за восемнадцать пенсовъ. Это вовсе не дурно. Но зато намъ придется еще сдѣлать двѣ мили до ночлега.

— Кончай поскорѣе, пожалуйста,—возражала жена,—не то опять у васъ затянется до полуночи, а въ темнотѣ по этимъ полямъ такъ страшно трясетъ.

— Ничего не было, пока я уходилъ?

— Нѣтъ, милый; все тѣ же шутки по поводу фургона.

— Ну, мнѣ кажется, что я ихъ всѣ ужъ наизусть знаю, и онѣ даже ужъ больше въ цѣль не попадаютъ.

— Кто-то сказалъ: «вотъ ѣдетъ желтая лихорадка».

— Это что-то новенькое, и мы должны быть благодарны за маленькое разнообразіе. Мы знаемъ, что такое изо дня въ день слышать однѣ и тѣ же остроты съ мѣстными варіаціями отъ Лэнди-Энда до Джонъ-о-Гротса. Правда, голубка?

— Я думаю, я сейчасъ уложу дѣвочку спать. Она никакъ не можетъ заснуть, если не удастся угомонить ее до рѣчи председателя.

Дѣвочку, которая гонялась за любопытной уткой, поймали и потащили въ фургонъ не безъ обычнаго протеста съ ея стороны. Но отецъ скоро далъ другое направленіе ея мыслямъ, открывъ дверь и вынувъ всѣ матеріалы для каѳедры, которую онъ приспособилъ передъ фургономъ. Устроивъ все, онъ попрощался съ дочкой, поцѣловалъ ее на ночь, и, затворивъ дверь за своимъ семействомъ, превратился изъ супруга и отца въ народнаго трибуна.

Онъ вызвалъ изъ толпы суроваго, косматаго человѣка и помогъ ему взобраться на каѳедру, чтобы предложить его въ председатели митинга. Избраніе этого должностного лица было честь-честью предложено толпѣ и утверждено замѣчаніемъ:

— Да это старикъ Сперръ!

Выборъ лектора свидѣтельствовалъ объ его здравомъ смыслѣ, такъ какъ видъ знакомаго фермера, владѣвшаго по сосѣдству крошечнымъ участкомъ и круглый годъ работавшаго, какъ каторжникъ, для уплаты налоговъ, произвелъ на толпу замѣтно ободряющее впечатлѣніе. Они стали меньше прижиматься другъ къ другу и ближе подвинулись къ фургону. Самъ лекторъ, будучи человѣкомъ совсѣмъ чужимъ, врядъ ли могъ такъ привлечь ихъ, несмотря на свой внушающій довѣріе видъ.

Ближе всего подошли Джорджъ Херіонъ и Роза, остановившіеся на минутку во время своей вечерней прогулки. Они и еще нѣсколько человѣкъ являлись представителями скромныхъ поселянъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ егерь Нессъ и констэбль Пискодъ казались олицетвореніемъ феодальной системы, зоркой, но слегка перевѣшиваемой противникомъ, такъ какъ на ихъ сторонѣ оказался только м-ръ Гримберъ, бывшій торговецъ, всегда поддерживавшій высшіе интересы, и м-ръ Кнеби, лондонскій дѣлецъ, арендовавшій сосѣдній общественный залъ. Этотъ послѣдній наблюдалъ за происходившимъ съ высоты своего коня, по временамъ выразительно поигрывая хлыстомъ и похлопывая его ручкой по своему щегольскому сапогу.

М-ръ Спёрръ оказался образцовымъ предсѣдателемъ. Онъ не высказывалъ намѣренія отбивать хлѣбъ у послѣдующихъ за нимъ ораторовъ. Его общія замѣчанія по земельному вопросу потерпѣли полное крушеніе, можетъ быть, по той причинѣ, что онъ откровенно заявилъ, что не желаетъ никого обижать, занявъ должность предсѣдателя. Такъ много есть бѣдныхъ, такъ много людей убиваются надъ работой, что, по его мнѣнію, не грѣхъ попробовать чего-нибудь новенькаго. Кромѣ

этого, онъ ничего не желаетъ. Всѣмъ своимъ видомъ и манерами онъ напоминаетъ Іова, просящаго немножко мази, только для пробы. Не удастся опытъ — все-таки легче будетъ покориться и сносить свои болѣзни.

— По правдѣ говоря, сосѣди, мнѣ никогда не удается уплатить налоги и свести концы съ концами. Если я не свезу на базаръ все до послѣдней крошки, за мной недоимка, зато на черствый хлѣбъ хоть кусочекъ сала попадетъ. А теперь послушайте-ка этого молодого человѣка.

Лекторъ взобрался на каѳедру и черезъ минуту или двѣ овладѣлъ своими слушателями. Онъ оглядывалъ ихъ исподлобья и хорошо зналъ, въ какой моментъ надо разсмѣяться, когда пустить слезу.

— У васъ нѣтъ земли,—была его главная мысль,—и пока вы будете беземельны, вы будете нищими. Если завтра что-нибудь приключится съ вашими фабриками, а съ ними скоро кое-что случится, вамъ придется класть зубы на полку. Городъ не можетъ долго поддерживать деревню, а мы всѣ поколѣемъ съ голоду, если ни до чего не додумаемся.

— Неужели такъ-таки поколѣемъ?

Замѣчаніе вызвало смѣхъ, на что, кажется, и разсчитывалъ его авторъ.

Оно было сдѣлано пискливымъ голосомъ и исходило изъ кучки замковыхъ конюховъ.

— Ни одинъ изъ цивилизованныхъ народовъ во всемъ мірѣ не является такимъ чужимъ на собственной землѣ, какъ вы. Какихъ-нибудь пятьсотъ пэровъ владѣютъ цѣлой третью обработанной земли во всей странѣ. Остальные должны довольствоваться ихъ остатками. Бóльшая часть земли служитъ для усадьбы богачей, для украшенія, а не для пользы, подъ парками и садами, заповѣдными охотами и чортъ знаетъ чѣмъ. Порядочный кусочекъ принадлежитъ банкамъ, хотя какъ будто имъ и владѣютъ дворяне и помѣщики. У дворянчиковъ по городамъ много друзей-пріятелей, которые тоже не прочь послушать кукушечку для разнообразія.

Голосъ изъ толпы: «Ку-ку!»

Лекторъ, очевидно, травленный волкъ, не обратилъ вниманія на этотъ возгласъ.

— Большинство крупныхъ землевладѣльцевъ могутъ жить припѣваючи на одни проценты со своихъ капиталовъ. Они не желаютъ жить на землѣ. Даже если она и даетъ доходы, то все-таки ихъ не хватаетъ, чтобы прокормить всѣхъ трехъ: владѣльца, фермера и пахаря, поэтому пахарю остается протягивать руку за подаяніемъ. Ему платятъ мѣдяками въ то время, какъ нужно золото, чтобы не подохнуть съ голоду. А не хочешь мѣдяковъ — убирайся къ чорту. Они обращаютъ поля въ выгоны и велятъ вамъ идти въ городъ, и волей-неволей вы

идете. Найдите мнѣ хоть одинъ акръ земли, гдѣ бы вы могли жить и кормиться безъ ихъ милостиваго дозволенія. Попробуйте открыть лавочку въ деревнѣ или вспахать поле на свой собственный страхъ, и вы увидите, что скажутъ вамъ господа. Сколько народу кормилось въ Большомъ Слокумѣ въ прежніе годы? Мы знаемъ по отчетамъ—втрое больше противъ теперешняго. Поглядите на размѣры старой церкви.

Тотъ же голосъ изъ толпы: «А ну-ка поглядимъ».

Предсѣдатель: «Заткни глотку! Слышишь?»

Это было слишкомъ, даже для лектора.

— По очереди, господа. Сначала я, послѣ хамы. Замѣчаніе вызвало смѣхъ и молчаніе.

— Феодальная система давитъ васъ безпрерывно, измѣнилась развѣ только по формѣ, и новая форма хуже старой. У прежняго лорда были обязанности, и онъ платилъ за право владѣнія своими ближними, давая людей и деньги для службы государству. У новаго только его права, и главное изъ нихъ—загнать бѣдняковъ подальше, чтобы они не мозолили ему глаза. Что не нужно было дворянамъ прежде, оставалось въ пустошахъ на пользованіе бѣдняковъ, и они жили кое-какъ. А теперь что имъ осталось? Все расписано и огорожено—подходи кто не боится! Саксонскимъ вождямъ и норманскимъ лордамъ во всей ихъ власти далеко до теперешнихъ помѣщиковъ! Они забрали васъ, ваше тѣло и душу. Наши священники — на дѣлѣ ихъ ставленники, часто даже бѣдные родственники. Фермеры, единственные работодатели кромѣ нихъ, ихъ плательщики и зачастую должники. Торговцы въ деревняхъ платятъ имъ аренду, а если не платятъ, то они могутъ ихъ разорить, глазомъ не моргнувъ. Пахари живутъ въ ихъ хижинахъ и отъ ихъ произвола зависитъ возможность нанять, — нанять, а не купить!—клочокъ земли. Они же являются чиновниками, и такимъ образомъ представителями закона, который долженъ стоять между ними и вами.

Онъ говорилъ теперь безъ перерыва, пока не раздался изъ фургона крикъ: «Папа!» тотчасъ же заглушенный. Однако, онъ все-таки нарушилъ патетическій тонъ, и оратору пришлось заторопиться, чтобы спасти положеніе.

— До послѣднихъ временъ у васъ въ деревняхъ было сильнѣе самоуправленіе, чѣмъ за цѣлыя столѣтія до и послѣ завоевателя. Но замѣтьте себѣ: будущей весной Малый Слокумъ будетъ впервые выбирать свой приходской совѣтъ, и этимъ сравняется со всѣми остальными деревнями. Выставьте своихъ собственныхъ кандидатовъ, мужчинъ или даже женщинъ, если найдутся желающія, и старайтесь получше обдѣлать свои маленькія дѣла, чтобы вы могли справиться съ великими, когда дойдетъ до нихъ чередъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Кто постоитъ за себя, когда придетъ время, и кто хочетъ поработать теперь?

— Я вашъ человѣкъ, учитель!—закричалъ Джорджъ Херіонъ.— Запишите меня!

При этомъ неожиданномъ заявленіи толпа была точно громомъ поражена, и констэбль Пискодъ, ловя говорящаго на словѣ, записалъ что-то въ свою книжку. М-ръ Кнеби металъ глазами молніи. Это былъ единственный признакъ оживленія. Ни одинъ изъ крестьянъ не пошевелился и даже не взглянулъ на Джорджа. Парень сильно волновался во время рѣчи, но даже тѣ изъ населенія, что обратили вниманіе на его волненіе, не ожидали отъ него подобной выходки. Теперь его собственная дерзость заставила его въ ужасѣ замолчать, хотя онъ продолжалъ смотрѣть вызывающе и рѣшительно. Въ глазахъ Розы выразился нескрываемый страхъ. Мужская половина Малаго Слокума, наконецъ, осмѣлилась сдѣлать видъ, что крайне занята набиваніемъ трубокъ, искоса поглядывая на представителей власти—сквайра и полицейскаго. М-иссъ Артифексъ попробовала замѣтить очень некстати: «Что правда, то правда». Но этого врядъ ли было достаточно для лектора и онъ продолжалъ:

— Не желаетъ ли кто предложить вопросъ?

Никто не пожелалъ предлагать вопросовъ.

— Можетъ быть, кто-нибудь желаетъ возразить?

Слушатели отнеслись къ этому предложенію также, какъ обыкновенно относились къ предложенію попробовать побороть атлета въ ярмарочномъ балаганѣ.

Митингъ начиналъ таять по краямъ. Дѣти, потерявшія всякое уваженіе къ пришельцу, съ явными намѣреніями поглядывали на подножки каѳедры. М-ръ Кнеби снова похлопывалъ себя хлыстомъ по ногѣ.

— Негодяй!—крикнулъ онъ, грозя лектору хлыстомъ.—Предупреждаю тебя и всѣхъ этихъ дураковъ, что за первое незаконное дѣйствіе и за первыя незаконныя слова ты поплатишься! А ты, щенокъ,—обратился онъ къ Джорджу,—только посмѣй показаться въ моемъ домѣ!

Наступило полное молчаніе, только звуки копытъ лошади разгнѣваннаго помѣщика угрожающе раздавались въ тишинѣ.

— Ну вотъ, Джорджъ, радуйся теперь!—жаловалась деревенская красавица.—Господи, что скажутъ въ замкѣ, когда узнаютъ, что и я здѣсь была!

Парень безпомощно оглянулся.

— Кровь у меня вскипѣла,—сказалъ онъ.

— А меня лихорадка трясетъ!—воскликнула дѣвушка, стараясь говорить шутливо, но она разрыдалась и бросилась бѣжать.

Опять настала минута нерѣшительноси, когда положеніе вещей зависило всецѣло отъ случая. Лектору, конечно, желательно было снова завладѣть вниманіемъ собравшихся на митингъ. Онъ хотѣлъ въ короткихъ словахъ предложить свою резолюцію. Но едва замолкъ звукъ

копытъ лошади м-ра Кнеби, какъ въ отдаленіи раздался топотъ нѣсколькихъ лошадей, точно онъ поѣхалъ за подкрѣпленіемъ, и на поворотѣ дороги появились два шарабана изъ замка.

Это была часть гостей герцога, торопившихся съ охоты, чтобы успѣть переодѣться къ обѣду; другими словами представители феодальной системы во всю прыть неслись къ мѣсту митинга. Передъ глазами испуганныхъ крестьянъ пронеслись весело болтая Лиддикоты, Бюси, Лавертоны, Моганы, Нивье и Инкнедоны, все представители мѣстной власти. Казалось, всѣ высшія сословія страны сосредоточились въ этихъ двухъ шарабанахъ: члены парламента, военные, чины престола, господствія, начала и власти. Гербертъ Пискодъ вытянулся и отдалъ честь, а за нимъ всѣ присутствующіе невольно обнажили головы. Когда лекторъ, глазѣвшій на господъ со всѣми прочими, повернулся, чтобы кончагь свою рѣчь, на площади никого, кромѣ него, не было.

Глава 9.

— Ну, Эми, теперь мы отправимся. Еще двѣ мили до ночлега.

Лекторъ на цыпочкахъ вошелъ въ фургонъ и нѣжно смотрѣлъ на крѣпко привязанную къ стѣнѣ постельку, въ которой спала его единственная дочка.

— «Какъ она хорошо себя вела сегодня,—сказала жена, поправляя одѣяльце.—Я очень испугалась, когда этотъ человѣкъ на лошади началъ кричать. Кто онъ?

— Одинъ изъ язычниковъ. Дѣвочка скоро къ нимъ привыкнетъ. А все-таки онъ помѣшалъ нашему голосованію и продажѣ брошюръ. Если бы онъ подождалъ еще минутъ пять, мы бы продали пенсовъ на восемнадцать.

Онъ пошелъ запрягать лошадь, а жена его стала прибирать вещи въ виду предстоявшаго тряскаго путешествія; она потушила лампу и убрала посуду въ мягко обитый ящикъ.

— Крѣпче держись, Эми! Но-о, пошелъ, Томъ!

Экипажъ со скрипомъ двинулся съ мѣста, и молодая женщина усѣлась въ темнотѣ у кроватки, положивъ на нее одну руку, а другою крѣпко держась за вбитый въ стѣну крючокъ.

Обыкновенно воображаютъ себѣ, что агитаторы катаются, какъ сыръ въ маслѣ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, и борцы за соціальную идею считаютъ себя счастливыми, если они кончаютъ день съ цѣлыми костями и полнымъ желудкомъ. Конечно, они свободны или, вѣрнѣе, воображаютъ себя свободными, и удовлетворяются этимъ. Съ каждымъ годомъ все меньше и меньше бродячаго люда встрѣчается на дорогахъ, такъ какъ цивилизація прежде всего требуетъ осѣдлой жизни и почтоваго адреса. Повозки эмигрантовъ давно уже уступили мѣсто переселенческимъ поѣздамъ. Скоро настанетъ время, когда по-

слѣдній король цыганъ или, скорѣе, просто послѣдній вольный сынъ табора, такъ какъ предводители таборовъ обыкновенно кончаютъ свою жизнь хозяевами мелочныхъ лавочекъ, сваритъ свою послѣднюю похлебку на послѣднемъ придорожномъ кострѣ и потонетъ во мракѣ городской трущобы. Зато фургонъ является верблюдомъ въ пустынѣ нашего благодушія и кое-какимъ кровомъ надъ головою тѣхъ пророковъ, которые только потому еще не побиты камнями, что вѣчно переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Скрипъ открываемыхъ воротъ и болѣе сильные ухабы при переходѣ съ шоссированной дороги на траву показали, что фургонъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія.

Старикъ Спёрръ, предсѣдатель митинга, ждалъ ихъ съ фонаремъ, и его растрепанная фигура въ рубашкѣ то появлялась, то снова исчезала въ темнотѣ, пока онъ провожалъ ихъ на мѣсто ночлега.

— Поставьте-ка вашу повозку за домами, тамъ она не такъ въ глаза бросится, какъ въ открытомъ полѣ. Онъ, вѣдь, рано встаетъ и все кругомъ обнюхиваетъ.

— Кто?

— Сквайръ Кисби.

— А ему что за дѣло?

— Ну, если вы отсюда раненько утромъ не уберетесь, такъ онъ вамъ покажетъ. Берите-ка!—И онъ сконфуженно сунулъ въ фургонъ небольшую корзинку. Жена вамъ посылаетъ кварту молока да яичекъ. Нечего разговаривать. За все вы мнѣ заплатили.

Эми пошла поблагодарить хозяйку и купить у ней кое-какой провизіи. Лошадь была выпряжена и выпущена въ поле. Когда молодая женщина вернулась, старикъ привѣтливо попрощался съ ними, и путники остались одни.

Одной изъ прелестей кочевой жизни въ фургонѣ являются всѣ неожиданности, которыми она полна. Что можетъ обѣщать фургонъ? А между тѣмъ онъ можетъ дать все по очереди. Въ этой коробкѣ въ девять футовъ длины и семь ширины была и кухня, и столовая, и дѣтская, и даже библіотека и гостиная, хотя эта послѣдняя напоминала дачную гостиную на морскомъ берегу. Конечно, тутъ была еще и спальня и даже чердакъ, служившій если не для употребленія, то все-таки для полноты картины.

Хозяйка зажгла лампу и вытащила крошечный кухонный очагъ, который можно было топить только тогда, когда фургонъ стоялъ неподвижно. Потомъ она опустила занавѣски, чтобы придать помѣщенію уютный видъ. Этого нельзя было сдѣлать въ одну минуту. На каждой изъ четырехъ стѣнокъ фургона было по окну съ кисейными занавѣсками на день и шерстяными на ночь. Слуховое окно въ крышѣ не закрывалось ничѣмъ, такъ какъ нельзя было заподозрить звѣзды въ дерзкомъ любопытствѣ. Окна представляли изъ себя восемнадцать

дюймовъ въ квадратѣ, а такъ какъ занавѣски были скроены ровно по мѣркѣ, то казались ужасно куцыми.

Приходится признаться, что кладовая состояла просто изъ двухъ полокъ; на верхней лежали съѣстные припасы, на нижней стояли горшки и сковородки. Крошечная плита скоро раскалилась докрасна, причемъ на это пошло микроскопическое количество топлива. Особенность этой плиты состояла въ томъ, что можно было на ней готовить только одно блюдо заразъ, поэтому, когда бараньи котлеты зарумянились, картофель уже успѣлъ простыть. И все искусство человѣка, или, вѣрнѣе, въ данномъ случаѣ, его прекрасной половины, не могло достигнуть того, чтобы и то и другое подать горячимъ. Задача эта, съ трогательною настойчивостью невыполнимаго идеала, преслѣдовалась прекрасной половиной, въ то время какъ непрекрасная половина была занята уборкой библіотеки. Эта часть ихъ почти слишкомъ обширнаго помѣщенія состояла изъ ящика съ направленными слегка кверху полками, чтобы книги не вылетали отъ толчковъ на полъ. Большая часть памфлетовъ, написанныхъ съ цѣлью пропаганды, находилась на лицо, и рядомъ съ ними—такова слабость нашей природы—лежали трубка и кисетъ съ табакомъ и портсигаръ, который, однако, былъ предназначенъ для болѣе почетнаго употребленія, такъ какъ въ немъ хранились чернильница и перья.

Всѣ эти вещи во время хода фургона подскакивали къ краю полокъ, заглядывали въ пропасть подъ ними и затѣмъ вновь стремительно исчезали во моракѣ въ глубинѣ ящика. Но библіотека, какъ подобаетъ учрежденію, посвященному служенію человѣческому уму, не помѣстилась вся въ этихъ скромныхъ границахъ, и часть ея нашла себѣ пріютъ на той же полкѣ, которая служила кроваткой малюткѣ. Дѣтская находилась въ опасномъ сосѣдствѣ съ чердачнымъ окномъ, но такъ какъ послѣднее было еще цѣло, то надо предположить, что дѣвочка Эми принадлежала къ числу безкрылыхъ ангеловъ, которые никогда не брыкаются во снѣ. Во всякомъ случаѣ она отлично приспособилась къ окружающей ее обстановкѣ.

Подъ заботливымъ взглядомъ матери она крѣпко спала даже во время движенія фургона. За рѣдкими исключеніями та же ангельская улыбка, игравшая теперь на ея личикѣ, не покидала его даже, когда ея подвижной домъ колыхался по кочкамъ или члены какого-нибудь городского митинга высказывали свое единодушіе оглушительнымъ ревомъ.

— Если хочешь, голубка, я накрою на столъ.

— Пожалуйста.

Середина фургона превратилась въ столовую при помощи двухъ складныхъ табуретовъ и складного стола, въ обыкновенное время скромно занимавшаго свое мѣсто у одной изъ стѣнокъ.

Котлеты, по крайней мѣрѣ, были горячи, и, при нѣкоторой долѣ

доброй воли, картофель могъ сойти за мороженое. Они ѣли свой обѣдъ, прислушиваясь къ ровному дыханію ребенка, скорѣе видимому, чѣмъ слышанному, хотя они сидѣли совсѣмъ близко отъ маленькой постели.

Ихъ волшебная коробочка подверглась новой перемѣнѣ и превратилась въ спальню съ постелью изъ двухъ досокъ на козлахъ.

Лекторъ вышелъ на улицу выкурить трубочку и скоро вернулся, погладивъ на прощанье старую лошадь, ласково терщуюся мордой объ его плечо. Въ фургонѣ воцарилась полная тишина. Коровы на полѣ, со свойственнымъ ихъ полу любопытствомъ, не могли удержаться, чтобы не подойти къ фургону въ цѣляхъ изслѣдованія. Ихъ громкое дыханіе у самыхъ стѣнъ помѣщенія могло бы возбудить въ его обитателяхъ мысли о привидѣніяхъ, если бы они не такъ крѣпко спали. Но оно осталось незамѣченнымъ, также какъ и зловѣщій стукъ роговъ, запутавшихся въ колесѣ. Всю ночь раздавались кругомъ странные звуки, знакомые тому, кому приходилось ночевать въ полѣ. Природа какъ будто бодрствуетъ, когда мы спимъ, звѣзды проявляютъ болѣе замѣтную дѣятельность, шорохъ ползущихъ существъ и трескъ крыльевъ летающихъ слышнѣе въ темнотѣ.

Можетъ быть, страхъ человѣка принуждаетъ пугливыя мелкія существа бодрствовать въ самые невозможные часы, и земля, презирающая его, въ это время полна самого разнообразнаго движенія.

На слѣдующее утро желтый фургонъ снова пустился въ путь, прежде чѣмъ круглая, какъ луна, физіономія констебля Пискода успѣла показаться на огороженномъ лугу. Дѣвочка, сидя на постелькѣ, трубила въ грошовую трубу, въ ту минуту, какъ они проѣзжали подъ стѣнами Аллонби. Но стѣны устояли.

Глава 10.

Джорджъ ушелъ съ митинга вслѣдъ за Розой, и ему удалось догнать ее прежде, чѣмъ она дошла до дому, но для этого пришлось нарушить права собственности и пробѣжать по тропинкѣ, шедшей черезъ частныя владѣнія. Онъ едва поспѣлъ во-время. Дорога шла по камнямъ и Роза какъ разъ подымалась на послѣдній холмъ, когда онъ очутился передъ нею. Еще нѣсколько шаговъ и она была бы въ виду своей хижины, главное, ее могли оттуда увидѣть. А теперь ихъ видѣлъ только мѣсяцъ.

Она все еще была очень сердита и хотѣла пройти мимо него, не говоря ни слова. Его страстное восхищеніе пробудило въ ней женщину со всѣми ея причудами, и это превращеніе совершилось внезапно. Еще вчера, кажется, она была дикой дѣвочкой съ растрепанными волосами, не думавшей ни о чемъ, кромѣ своей тяжелой работы дома и на фермѣ, знавшей жизнь только по урокамъ воскресной школы. Важное открытіе, что она причастна къ красотѣ міра, совсѣмъ сразило ее,—она такъ

была увѣрена, что ея удѣлъ—тяжелый трудъ и смиренная доля. Все ея воспитаніе способствовало выработкѣ такого взгляда. Она ничего не читала, ничего не видѣла, кромѣ ежегоднаго школьнаго праздника въ паркѣ замка. Главный городъ графства былъ для нея чужой страной, огромный Лондонъ—другимъ міромъ. И вдругъ явился товарищъ дѣтскихъ игръ и своимъ грубымъ восхищеніемъ и сладкими рѣчами пробудилъ въ ней новое и волшебное чувство сознанія своей личности.

Значитъ, въ ней было что-то особенное, если онъ такъ старался угождать ей, сталъ такимъ нѣжнымъ и внимательнымъ? И вдругъ теперь онъ забываетъ о ней и слушаетъ какого-то ярмарочнаго болтуна! Заставлять его волноваться составляло ея неотъемлемую привилегію. Нелѣпость такой ревности не ускользнула отъ нея, но это только ухудшало еще положеніе вещей. Ея соперницей являлось даже не созданіе изъ плоти и крови, а дурацкая избирательная записка. Кромѣ того, ей было стыдно, что она расплакалась и этими слезами выдала себя. Развѣ она можетъ такъ скоро простить его и себя?

— Роза!

— Иди своей стороной дороги! Нечего тебѣ здѣсь дѣлать, ты это очень хорошо знаешь!

Это замѣчаніе, казалось, болѣе подобающее ссорящимся извозчикамъ, имѣло, однако же, свое основаніе. По общественному этикету Слокума молодые люди различнаго пола должны были держаться разныхъ сторонъ дороги, если не хотѣли дать повода сплетнямъ. Даже влюбленные соблюдали это правило, для тѣхъ же, кто не считалъ себя влюбленнымъ, оно было обязательно. Пренебречь имъ значило дать поводъ всѣмъ сплетницамъ «распустить языки». Дороги были узки, можетъ быть вслѣдствіе снисхожденія дорожнаго начальства къ бѣднымъ овечкамъ, но, несмотря на это, путникамъ разныхъ половъ строго предписывалось держаться правой и лѣвой стороны, даже если они шли въ одну сторону. Мѣстные Пирамы и Тисбы, уважающіе себя и законы, всегда были раздѣлены воздушной стѣной и, кромѣ того, обыкновенно еще ночной темнотой, такъ что ихъ признанія казались голосами безплотныхъ духовъ. Если въ данномъ случаѣ стѣны мрака не было, то въ этомъ всецѣло виновата была луна.

Картина была чудная. По обѣ стороны обработанныя поля поднимались и опускались вмѣстѣ съ извивами дороги, и ихъ живыя изгороди и группы кустовъ на низкихъ мѣстахъ, излюбленныя пѣвчими птичками, казалось, были полны таинственностью. И хотя этотъ пейзажъ лежалъ въ самомъ сердцѣ Англіи, но, освѣщенный волшебнымъ свѣтомъ, онъ былъ дорогъ и могъ говорить сердцу каждаго человѣческаго существа. Дикому лѣсному человѣку непроницаемыя черныя тѣни по откосамъ дороги, съ блистающей серебряными искорками поверхностью ручья навѣрное напомнили бы что-то родное. Все кругомъ казалось такъ дико и нетронуто, только одна дорога, обнесенная живою

изгородью, напоминала, что здѣсь прошла рука человѣка. Можетъ быть, много лѣтъ тому назадъ парочки дикихъ кельтовъ проходили по этимъ же мѣстамъ, а римскій солдатъ, стоявшій на часахъ невдалекѣ, посылалъ проклятіе судьбѣ, загнавшей его въ эту дыру, въ то время какъ его черноокая возлюбленная въ роскошной Кампаньи утѣшается съ его соперникомъ.

— Держись своей стороны!

— И не подумаю; я хочу поближе тебя видѣть. О, Роза, ты самая красивая дѣвушка во всемъ мірѣ!

— Вотъ выдумалъ!

— Что-жъ, я самъ этого прежде не думалъ, а теперь вдругъ увидалъ. Какъ подумаешь, что я совсѣмъ не замѣчалъ тебя, Роза, когда мы еще въ школу бѣгали.

— А я и теперь знать тебя не хочу, вотъ и вся разница!

— А ужъ озорница же ты была! Ты помнишь, какъ я тебя выдралъ за волосы за то, что ты мой обручъ стащила? Какъ ты теперь славно причесываешься.

— Какой ты глупый баранъ, право! Бэ-э-э!

— А теперь я бы для тебя жизни не пожалѣлъ! Просто не знаю, чему это приписать. Твоему длинному платью, что ли?

— На юбкѣ помѣшался! Если бы я была парнемъ, такъ стыдилась бы въ этомъ признаться!

— Вовсе не на юбкѣ. Глаза у тебя такіе, да и все! Я по ночамъ не сплю, все думаю, въ чемъ тутъ дѣло. Ребята бы засмѣяли меня, если бы не боялись моихъ кулаковъ. Ахъ, Роза, какая ты красавица! Молится на тебя хочется!

— Грѣшно это. Въ библіи написано, что за меньшіе грѣхи Богъ на людей внезапную смерть насылалъ.

— Не можетъ этого быть. Съ тѣхъ поръ, какъ я ребенкомъ былъ, я никогда не чувствовалъ себя такимъ хорошимъ, какъ теперь. Кромѣ шутокъ, Роза. А что до барана, такъ ты права. Дуракомъ я себя чувствую, а въ то же время такая во мнѣ сила! Голову готовъ свернуть каждому, на кого ты посмотрѣла! И кажется мнѣ, точно я по облакамъ хожу. Только не болтай объ этомъ, а то я убью каждаго, кто надо мною посмѣется. Никогда въ жизни у меня такого чувства не было. Роза, ты должна за меня выйти, а то я умру.

Звѣзды такъ ярко блестѣли надъ головами, листья и цвѣты едва шелестѣли и наполняли ночной воздухъ таинственнымъ шопотомъ. Дивная ночь говорила ихъ душѣ, но они,—во всякомъ случаѣ одинъ изъ нихъ,—не сознавали этого. Крестьянинъ лишаетъ себя многихъ радостей только потому, что привыкъ смотрѣть на небо, лишь какъ на предсказателя погоды. Но крестьянская дѣвушка часто лучше него освѣдомлена.

— Вечеръ ужъ очень хорошъ, вотъ ты и разнѣжился, — сказала

Роза такимъ тономъ, точно жалѣла, что онъ простудился. Она старалась быть насмѣшливой, но, помимо ея воли, въ ея голосѣ звучала нѣжность и участіе.—А днемъ тебѣ до меня дѣла нѣтъ.

— Отчего?—свирѣпо спросилъ онъ, переходя на свою сторону дороги.

— Связался съ балаганщикомъ какимъ-то. Развѣ этого мало? Подумай, вѣдь онъ-то завтра уѣдетъ по добру по здорову, а ты-то съ кѣмъ останешься? Вѣдь онъ тебѣ работы не дастъ.

— И не нуждаюсь я въ этомъ. Самъ себѣ работу найду.

— Да какую работу? Джорджъ, Джорджъ? Что можетъ сдѣлать кто-нибудь изъ насъ, когда мы господъ оскорбили?

— На дороги идти!

— На дороги!—тихо повторила она.

— Ну да, вѣдь можно не однѣми книжками торговать въ разносъ; мало ли товару—горшки да сковородки, свѣчи да коленкоръ, ножи да вилки, нитки да иголки, чай да сахаръ. Я себѣ лавочку на колесахъ заведу, всякой всячиной торговать буду. Я объ этомъ не разъ задумывался, когда о тебѣ думалъ. Хорошія деньги нажить можно. Вѣдь отсюда за каждой плошкой въ Ропсфордъ бѣжать нужно. Я буду всѣ деревни на двадцать миль кругомъ Аллонби объѣзжать. Право, богатство наживу! Да я все не свѣтѣ готовъ сдѣлать, если ты мнѣ только руку протянешь.

Ни одинъ рыцарь не могъ съ большей гордостью стремиться на поиски драконовъ или великановъ; ни одинъ современный намъ человѣкъ къ высокимъ гражданскимъ или церковнымъ должностямъ. Все въ этомъ мірѣ относительно, и по масштабу Малаго Слокума Джорджъ Херіонъ былъ настоящій герой романа.

Перспектива такой блестящей участи была соблазнительна, но Роза не рѣшалась слишкомъ скоро повѣрить ей. А кромѣ того, она была въ самомъ дѣлѣ встревожена. Какъ отнесется общественное мнѣніе—осудитъ или поддержитъ? Что скажетъ мать?

— Ничего у тебя не выйдетъ, Джорджъ. Какъ ты себѣ свидѣтельство достанешь? Охъ, трудно на этомъ свѣтѣ пробиваться, очень трудно!

— Не бойся, все я сдѣлаю, только скажи «да».

— Джорджъ, боюсь я за тебя, оттого и молчу. Развѣ ты не можешь подождать?

— Подождать? Чего?—чтобы м-ръ Кисби меня обратно взялъ?

— Никогда, Джорджъ, я тебѣ не позволю этого! Ты отлично знаешь.

— Такъ чего же ждать? Ждать и голодать? Голодать и тебя потерять? Нѣтъ, ты сейчасъ дашь отвѣтъ, или я уйду далеко и не вернусь никогда.

Она поблѣднѣла такъ, что это было замѣтно даже при лунномъ свѣтѣ.

— Далеко, далеко!..

— Роза, слушай меня, говорятъ, война будетъ гдѣ-то въ Африкѣ. Помнишь, мы ее вмѣстѣ когда-то на картѣ отыскивали. Тамъ драться собираются изъ-за того, чтобы рѣшить, кто сильнѣе—королева или старый Крюгеръ. Такъ вотъ туда я и пойду, и простись со мною навѣки!

Эти слова рѣшили все дѣло. Ужасъ при мысли, что ея отказъ пошлетъ его на смерть, овладѣлъ ею, а вмѣстѣ съ ужасомъ сознаніе, что уйди онъ, жизнь для нея потеряетъ цѣну и значеніе.

Она перешла на его сторону дороги,—пусть старыя сплетницы выдумываютъ, что хотятъ! Она быстро подбѣжала къ нему и, рыдая, бросилась къ нему на грудь. Потомъ, внезапно поднявъ голову, отвѣтила на его горячій поцѣлуй и, не сказавъ ни слова, бѣгомъ пустилась домой.

Онъ не пробовалъ даже догнать ее. Онъ сѣлъ на каменный заборчикъ, поднялъ глаза къ небу и въ первый разъ въ жизни замѣтилъ, что оно не только предсказатель погоды. Его душа была въ томъ сладкомъ волненіи, которое мы испытываемъ только разъ или два въ жизни. Природа обыкновенно бываетъ скупа на подобныя откровенія, ибо они показываютъ самыя сокровенныя ея тайны. Только сильныя потрясенія вызываютъ ихъ—чудная музыка, великая любовь. А вмѣстѣ съ этимъ возникло и чувство неудовлетворенности: ему казалось, что открывшаяся ему тайна недостаточно велика, не достаточно полна по его теперешнему настроенію. Если бы онъ только умѣлъ, то воскликнулъ бы словами нѣмецкаго поэта:

„Земля, неужели у тебя нѣтъ другихъ, еще прекраснѣйшихъ цвѣтовъ?
Небо, нѣтъ ли у тебя болѣе яркихъ звѣздъ?
Мое сердце такъ полно счастья, что оно перельется черезъ край".

Представьте себѣ, что простой деревенскій парень почувствовалъ въ себѣ и вѣру, и поэзію только потому, что скотница, обыкновенная скотница, поцѣловала его! Право, этого достаточно, чтобы повѣрить, что все ваше основательное введеніе въ кругъ наукъ и искусствъ— только безсмертная любовь.

Глава 11.

Это былъ первый дебютъ Августы въ роли хозяйки Аллонби и большое для нея испытаніе. На ней лежала вся отвѣтственность хозяйки и въ то же время она чувствовала себя посторонней зрительницей, такъ все это было чуждо ей. Неудача ея перваго деревенскаго сезона равнялась бы для нея полному провалу, а чтобы имѣть успѣхъ, ей необходимо было въ теченіе многихъ недѣль занимать и развлекать сотни постоянно смѣняющихся лицъ. Такое огромное сборище всегда болѣе или менѣе является республикой, гдѣ каждый дѣлаетъ, что хочетъ, но это должна быть лишь свобода выбора удовольствій

и развлеченій, и что вы тамъ не говорите, хозяинъ и хозяйка отвѣтственны въ этомъ. Что бы ни случалось, гости не должны скучать ни одной минуты иначе, какъ по собственной волѣ. Только подумайте, какой это трудъ, съумѣть угодить каждому да еще постоянно мѣнять программу въ зависимости отъ погоды.

А угодить, дѣйствительно, нужно было на всѣ вкусы: среди гостей были и государственные люди, и военные, и артисты, и свѣточи литературы, и просто свѣтскіе кавалеры и дамы, и большинство изъ нихъ, кромѣ того, спортсмены. Они пріѣзжали отдѣльными кружками и оставались на три или на пять дней, и для каждаго кружка Аллонби долженъ былъ быть волшебной сказкой на яву. Августа даже во снѣ не видѣла ничего подобнаго, такъ какъ всѣ доступныя ей раньше описанія были слишкомъ блѣдны въ сравненіи съ дѣйствительностью. Ей бы больше всего хотѣлось стоять тихонько въ уголку и съ безмолвнымъ любопытствомъ смотрѣть на цвѣтъ Англіи и на всѣхъ прочихъ въ минуту ихъ самаго пышнаго общественнаго расцвѣта. А теперь ей приходилось занимать первое мѣсто и давать тонъ общему веселью. Эта обязанность была бы выше ея силъ, если бы у нея не было драгоцѣнныхъ помощниковъ. Тетя Эмма въ важныхъ случаяхъ подавала свой совѣтъ, для всѣхъ остальныхъ ее окружали важные чиновники герцогскаго двора. Къ счастью, и господа, и ихъ слуги обнаруживали одинаковое невѣдѣніе мелочей жизни. Аллонби можно было управлять только какъ имперіей, на широкую ногу. Для своего перваго сезона наша герцогиня, урожденная Августа Гудингъ, съ радостью исполняла только то, что ей говорили, подчинялась своей бюрократіи, какъ султанъ или шахъ.

Роскошь, богатство, безумная расточительность Аллонби не поддаются описанію. Какъ въ Лондонѣ торжествомъ искусства пріемовъ является соединеніе контрастовъ и украшеніе стола зимой лѣтними цвѣтами и фруктами, такъ здѣсь приходится преобразовать мирную деревенскую жизнь, созданную для отдыха и размышленій, и внести въ нее шумъ и суматоху города. Не въ сезонъ Аллонби было также великолѣпно однообразно, какъ вершины Андовъ, а теперь замокъ былъ полонъ самаго блестящаго общества, собравшагося для веселья, и только для веселья, нарушить которое могло лишь одно небо. Что за трудъ—подобрать подходящую компанію и устроить такъ, чтобы они взаимно развлекались! И отъ того, успѣетъ ли Августа въ своей задачѣ или получитъ пораженіе, вліяніе всей семьи возрастетъ или поколеблется, даже до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Англіи. Потому что каждый гость уносилъ свои впечатлѣнія во всѣ дома, куда онъ отправлялся гостить и которые составляли непрерывный кругъ его удовольствій пока эти впечатлѣнія не становились темой для разговоровъ во всѣхъ гостиныхъ и курительныхъ комнатахъ. Въ этомъ году, по случаю свадьбы, ожидался особенно многолюдный съѣздъ. Слава о необыкно-

венной любви герцога разнеслась далеко, и всѣмъ хотѣлось видѣть его побѣдительницу. Маленькая станція едва могла справляться съ усиленнымъ движеніемъ, хотя ея служебный персоналъ былъ временно вдвое увеличенъ. Особенно по ночамъ станція напоминала адъ громкими криками и вспышками свѣта въ темнотѣ. Каждаго вновь прибывшаго надо было снабдить соотвѣтственнымъ его положенію экипажемъ, начиная отъ скромной деревенской повозки до роскошной герцогской коляски и брэка для грудъ сундуковъ, усѣивавшихъ платформу. Багажъ этотъ могъ просто привести въ отчаяніе. Ужъ у мужчинъ его было достаточно, особенно у спортсменовъ, что же касается до женщинъ— вы сами можете себѣ представить, что это было, имѣя въ виду смѣну трехъ-четырехъ туалетовъ въ день, и каждый день все разные. Со многими изъ гостей пріѣзжали ихъ личные слуги—англичане-лакеи, француженки-горничныя, надзиравшіе за сундуками, похожими на саркофаги, или силившіеся поднять громадные тюки, зашитые въ коричневую парусину. Горничныя оставались болѣе на виду и энергично расталкивали толпу, бережно неся порученные имъ баулы съ драгоцѣнностями и не менѣе драгоцѣнные дорожные несессеры. Понятно, что и слуги, подобно господамъ, требовали помѣщенія, и ихъ жизнь въ огромныхъ подвальныхъ помѣщеніяхъ отличалась отъ жизни въ гостинныхъ лишь меньшимъ разнообразіемъ. Господа ихъ, казалось, завладѣли всѣми уголками огромнаго зданія для своихъ спаленъ, уборныхъ и даже отдѣльныхъ гостиныхъ для супружескихъ паръ.

Съ той минуты, какъ гости въѣзжаютъ за рѣшетку замка, жизнь ихъ начинаетъ течь по заранѣе обдуманному, строго опредѣленному плану. Завтра съ утра почти всѣ мужчины отправятся стрѣлять куропатокъ, а дамы займутся каждая по своей собственной фантазіи. Фазаны остаются неприкосновенными и заповѣдными до перваго числа слѣдующаго мѣсяца. Теперь ихъ старательно охраняютъ для будущей забавы въ огороженныхъ пространствахъ, заросшихъ густымъ папоротникомъ: всю ночь ихъ охраняютъ отъ браконьеровъ спеціальные егеря, кормятъ ихъ чуть не съ ложечки вареной кукурузой, которую сторожа въ корзинахъ приносятъ къ ихъ гнѣздамъ, свисткомъ сзывая птицъ къ обѣду. Охотники встаютъ рано и завтракаютъ одни по походному. Настоящій завтракъ подается тогда, когда внизъ сходятъ дамы въ очаровательныхъ утреннихъ туалетахъ и ухаживающіе за ними кавалеры. Но этотъ завтракъ лишенъ всякихъ формальностей. Каждый изъ гостей приходитъ, когда ему вздумается, самъ беретъ кушанье съ открытаго буфета, кто не хочетъ идти въ столовую— требуетъ завтракъ въ свою комнату. Вообще свобода полная. Нѣкоторыя изъ дамъ переодѣваются въ охотничій костюмъ и присоединяются къ стрѣлкамъ, иногда даже сами стрѣляютъ. Герцогиня не сопровождаетъ ихъ, но не потому, чтобы она не умѣла стрѣлять. Она прекрасно попадаетъ въ цѣль, дикая лѣсная жизнь съ дѣтства окру-

жала ее, но она никогда еще не наводила ружья на живое существо. Но иногда она присоединяется къ охотникамъ на привалѣ во время лёнча въ полѣ или въ какой-нибудь фермѣ, смотря по тому, гдѣ назначена охота. Иногда спичъ устраивается въ одномъ изъ маленькихъ охотничьихъ домиковъ, раскинутыхъ по лѣсу. Картина—достойная кисти Ватто, но лишенная его искусственности и его довольно-таки неприличной граціи. Всѣ заняты птицами. Каждая мелкая подробность картины, совершенно новой для Августы, свидѣтельствуетъ о торжествѣ и значеніи спорта: важные егеря — цари на часъ; покорные сторожа, говорящіе шопотомъ или знаками, чтобы птица, которую собираются разстрѣливать чуть не артиллеріей, не испугалась громкаго голоса или шаговъ; загонщики, на обязанности которыхъ лежитъ подгонять дичь къ мѣсту бойни и робкій, запуганный видъ которыхъ ясно говоритъ, что и ихъ судьба не лучше куропатокъ. Всѣ остальныя утѣхи жизни должны ждать своей очереди, до тѣхъ поръ, когда чай соединяетъ все общество замка въ большой залѣ, гдѣ больше простора для движенія и эффекта. Августа уже здѣсь, въ новомъ туалетѣ, на своемъ посту, единственная невольница обязанностей, такъ какъ она должна слѣдить, чтобы ничто не мѣшало ея гостямъ пользоваться неограниченной свободой. Если они не желаютъ пользоваться предложенными имъ развлеченіями, они могутъ зарисовывать развалины, уединиться въ библіотеку, играть на билліардѣ, кататься верхомъ или въ экипажѣ или просто спать. Ея дѣло слѣдить, чтобы ничто не мѣшало имъ дѣлать, что они хотятъ, и чтобы въ то же время они не чувствовали самой утонченной и самой непріятной помѣхи—слишкомъ большой заботы объ ихъ удобствахъ, то-есть ей приходилось сообразовываться съ желаніемъ каждаго, не подавая виду, что это дѣло ея рукъ. Старушка тетка всегда при ней и по временамъ повторяетъ: «душа моя, только предоставляйте ихъ самимъ себѣ». Многіе изъ гостей безсознательно помогаютъ ей, такъ какъ они прекрасно знакомы съ такой жизнью и отлично знаютъ, чего хотятъ. Чтобы почувствовать всю тяжесть церемоній въ Англіи, надо выпить чашку чая въ одномъ изъ предмѣстій города.

Послѣ чая всѣ вновь расходятся до перваго колокола къ обѣду, когда собственно начинается общественная жизнь. Но и здѣсь ничто какъ будто не происходитъ по шаблону, хотя все, даже шарады экспромтомъ, случается какъ разъ во-время. Французскіе артисты, пріѣхавшіе изъ Лондона для шарадъ, приглашены за плату, но ихъ принимаютъ, какъ равныхъ по общественному положенію, съ чуть замѣтныхъ оттѣнкомъ, который можетъ привести въ заблужденіе всѣхъ, кромѣ нихъ самихъ.

Чтеніе мыслей, кажущееся внезапнымъ вдохновеніемъ, подстроено заранѣе. Почтенная тетушка подала мысль пригласить знаменитаго писателя, который теперь раздаетъ свои автографы. Вся ея жизнь

проходитъ въ подобныхъ услугахъ и она справедливо гордится тѣмъ, что можетъ «добыть» какую угодно знаменитость, которая въ данную минуту представляетъ интересъ для свѣтскаго общества. Все, что она проситъ взамѣнъ—это маленькую поддержку со стороны тѣхъ, для кого она старается. «Конечно, я могу достать его, если вы хотите; но вы должны потрудиться прочесть его книгу. Если вамъ это все равно, то подумайте хоть обо мнѣ! Такъ непріятно, когда люди таращатъ на него глаза и заговариваютъ съ нимъ о погодѣ, точно онъ пріѣхалъ только куропатокъ стрѣлять!»

Герцогъ гордится успѣхомъ своей жены, и успѣхъ ея внѣ сомнѣній. Со старинными фамиліями не возникло ни малѣйшаго затрудненія. Ихъ требованія родословной куда скромнѣе требованій тѣхъ людей, которые ея вовсе не имѣютъ. Да кромѣ того, герцогъ доволенъ не даромъ: скромность Августы, ея здравый смыслъ и увѣренность въ себѣ вооружили ее противъ всѣхъ случайностей, и если у нея нѣтъ воспитанія ея новаго важнаго круга знакомыхъ, она въ совершенствѣ переняла ихъ тонъ.

Но, несмотря на это, ей не легко избѣжать смущенія, когда одна изъ ея собственныхъ титулованныхъ компатріотокъ деликатно пригласила ее подтвердить мнѣніе, что только кровь имѣетъ цѣну.

Герцогу было не по себѣ, но онъ улыбнулся, хотя у него улыбка иногда служитъ признакомъ неудовольствія.

— Кровь?—переспросила его жена.—Вѣдь есть столько разновидностей ея.

— Я говорю о голубой крови,—объяснила пріятельница.

— Да, иногда голубая кровь напоминаетъ мнѣ рекламу о чернилахъ,—ласково сказала Августа.

— Я никогда не читаю объявленій!

— Голубыя, когда вы пишете, но при дальнѣйшемъ употребленіи чернѣютъ.

— Я говорила объ обществѣ!

— А я,—возразила Августа,—говорю о семидесяти милліонахъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ.

— Къ сожалѣнію, должна признаться, я съ ними не знакома. Можетъ быть, въ этомъ мое несчастье, но не легко было бы пожать столько рукъ.

— У римлянокъ нѣкогда были жесткія руки, но жилось тогда не хуже.

— Возможно; а было время, я думаю, когда и американки сами сыръ дѣлали.

— Надѣюсь, онѣ и теперь его дѣлаютъ; это очень полезное занятіе.

— Совсѣмъ изъ моды вышло, увѣряю васъ.

— Очень жаль. Не подрывайте нашей вѣры въ американскія идеи.

Я до сихъ поръ съ удовольствіемъ еще мечтаю, что если бы нашли способъ вскипятить воду въ Бостонской гавани, то можно было бы весь свѣтъ напоить чаемъ.

Герцогъ фыркнулъ; чего же еще нужно его женѣ?

Всѣ хорошо другъ друга знаютъ, а это главное. Они такъ часто встрѣчаются другъ съ другомъ, здѣсь и въ другихъ домахъ, что составляютъ точно одну громадную семью. Но несмотря на это, они восхитительно правовѣрны въ своихъ вкусахъ, интересахъ и взглядахъ на жизнь. Привычки, воспитаніе и преимущества въ нихъ сильнѣе породы и они очень близко подходятъ къ описанію той старѣйшей изъ аристократій, которая обладала громадными помѣстьями, говорила особымъ языкомъ и считалась неспособной на преступленія. Особенности ихъ языка не идутъ дальше жаргона, но у нихъ жаргонъ является признакомъ независимости. Они сами пишутъ свои законы. За исключеніемъ немногихъ изъ ихъ среды, которые работаютъ, всѣ они живутъ только для своего удовольствія и способны умереть съ чувствомъ неудовольствія противъ небрежности и невнимательности Провидѣнія. Кажется, труды столѣтій пошли на устройство ихъ праздной жизни. Теперь они стрѣляютъ куропатокъ; затѣмъ будутъ охотиться за оленями, травить лисицъ, ловить лососей или другую какую-нибудь тварь на землѣ, въ водѣ или въ воздухѣ. Деревенское пребываніе смѣняется короткимъ сезономъ въ Лондонѣ, зимою на Ривьерѣ или въ Египтѣ, въ погонѣ за развлеченіями. Они увѣрены, что большинство людей, тѣхъ людей, которые не принадлежатъ къ ихъ избранному кругу, живутъ только на половину и жалѣютъ ихъ, какъ мы жалѣемъ несчастныхъ дѣтей, рожденныхъ въ трущобахъ. Чтобы поддержать въ себѣ чувство жизненности, они не отступаютъ ни передъ какимъ экспериментомъ, если только онъ обѣщаетъ имъ новое ощущеніе.

Одна изъ графинь держитъ модный магазинъ на Бондъ-стритѣ и, конечно, она не сама имъ управляетъ, но и не пробуетъ скрывать этого отъ своего круга. Другая развлекается соціализмомъ; не потому, чтобы она вѣрила въ него, она вообще ни во что не вѣритъ, но это, во всякомъ случаѣ, нѣчто новенькое и своего рода поза. А кромѣ того, она такъ невѣжественна даже въ самой азбукѣ своей ереси, что самъ національный демакратическій союзъ былъ бы тронутъ до слезъ. «Вѣдь это только бэби шалитъ», да и ружье-то не заряжено. Высокопоставленный raconteur, изъ сплетницъ мужского пола, разсказываетъ анекдоты изъ своей дѣятельности, способные развеселить даже соціалиста. Онъ въ безопасности подъ покровомъ профессіональной тайны. Импровизированные танцы принадлежатъ также къ вечернимъ развлеченіямъ, но обыкновенно мужчины слишкомъ устали въ теченіе проведеннаго на охотѣ дня, чтобы принимать участіе въ нихъ. Они оживаютъ только въ курительной комнатѣ, когда дамы уже удалились на покой, и здѣсь они смакуютъ анекдоты до самаго утра. Когда

нѣтъ подходящей скандальной темы, ведутся охотничьи разговоры: обсуждаются достоинства понтеровъ и лягавыхъ, старыхъ способовъ и новыхъ; превосходство ружей различныхъ системъ и т. д., пока у человѣка, не привыкшаго къ подобнымъ разговорамъ, голова не пойдетъ кругомъ.

Въ воскресенье птицамъ дается отдыхъ, и онѣ могутъ на свободѣ пересчитать недостающихъ друзей своихъ. Ихъ враги идутъ въ церковь, шатаются по конюшнямъ, по псарнѣ и даже заходятъ въ картинную галлерею, если имъ еще остается для этого время безъ нарушенія божественнаго постановленія покоя для седьмого дня.

Все вышеописанное заставляло одну бѣдную молодую герцогиню чувствовать, что свѣтъ — обширнѣйшее и болѣе странное мѣсто, чѣмъ ей когда бы то ни было снилось во время урока географіи, больше даже, чѣмъ самыя фантастическія ея понятія о пространствахъ. У нея въ вискахъ стучитъ отъ такого сознанія. Что за удивительное поле дѣйствія! И какихъ удивительныхъ вещей натворитъ она— владѣтельница Аллонби!

Глава 12.

Герцогиня была приглашена завтракать въ Лиддикотъ, одинъ изъ старыхъ, окруженныхъ рвомъ замковъ, уцѣлѣвшихъ еще въ этой удивительной странѣ. Сэръ Генри Лиддикотъ у себя дома являлся рѣдкимъ образцомъ типичнаго британскаго сквайра. Цѣлыхъ тысячу лѣтъ уже его семья жила здѣсь, не въ самомъ замкѣ Лиддикотъ, конечно, но въ этомъ помѣстьѣ.

Они считали завоеваніе нововведеніемъ и читали про Вильгельма Норманнскаго, какъ мы читаемъ утреннія газеты, удивляясь, есть ли въ нихъ что-нибудь новенькое, и увѣренные, что оно не дорого стоитъ. Слухи о постройкѣ его кораблей были принесены имъ скороходами съ юга, и они сейчасъ же, собравъ свою дружину, двинулись на помощь королю саксовъ, повинуясь королевскому приказу, присланному съ сѣвера. Во времена Альфреда они были всѣми уважаемой фамиліей и съ сомнѣніемъ покачивали головами надъ расширеніемъ королевства, когда одинъ изъ послѣдующихъ королей завоевалъ Манчестеръ. Смутные слухи о магометанскомъ нашествіи въ Индіи были сообщены благочестивыми пилигримами за кружкою пива у огня ихъ столовой.

Съ тѣхъ поръ, конечно, въ замкѣ произошли большія перемѣны. Онъ много разъ перестраивался, прошелъ всѣ стадіи англійской культуры, начиная съ крѣпости саксовъ, и въ настоящее время представлялъ достопримѣчательность своего рода.

Такъ жили Лиддикоты, стараясь извлечь пользу изъ всего хорошаго, что при нихъ случилось. Можетъ показаться нетруднымъ добиться удачи, но удержать ее въ семьѣ впродолженіи тысячи лѣтъ!

Это случается рѣдко даже въ Англіи, гдѣ пэры выростаютъ какъ грибы. Фамиліи возвышаются и падаютъ, и это дѣлается такъ легко, говорятъ, для этого достаточно бываетъ самаго легкаго прикосновенія. Основатель трудится, сынъ основателя ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, внукъ ведетъ себя какъ дуракъ и, съ помощью ростовщиковъ, возвращается въ первобытное состояніе.

Лиддикоты съ самаго начала представляли изъ себя мудрое соединеніе тигра съ лисицей. Они во-время и надлежащимъ образомъ подчинились первому Вильгельму, и онъ осыпалъ ихъ милостями. Они держали сторону величайшаго изъ Эдуардовъ во время его борьбы за домашнюю власть, въ то время, когда всѣ мудрѣйшіе ихъ партіи были противъ него. Такъ же мудро поступили они при послѣднемъ Генрихѣ, который за ихъ труды далъ имъ два-три монастырскихъ имѣнія, и при Вильгельмѣ Оранскомъ. Послѣ этого, хотя и не сразу, а постепенно, признаки того долгаго сна, который рано или поздно овладѣваетъ всѣми нами, стали овладѣвать ими. Они медленно усваивали себѣ заключеніе, что больше дѣлать нечего, нужно лишь стараться поддерживать въ равновѣсіи существующій порядокъ вещей. Задача постояннаго покоя такъ же трудна, какъ и задача постояннаго движенія, и она съ незапамятныхъ временъ нерѣдко занимала вниманіе цѣлыхъ поколѣній самыхъ уважаемыхъ фамилій.

Они даже придумали цѣлую философію, теорію переутомленія, которая въ настоящее время достигла самаго полнаго своего расцвѣта. Добрый старый баронетъ относился съ честнымъ терпѣніемъ ко всѣмъ проявленіямъ превосходства мысли и дѣйствій и былъ типичнымъ англичаниномъ своего времени. Весь его жизненный путь опредѣляется прочно укоренившеюся подозрительностью къ первымъ ея принципамъ. Онъ живетъ изо дня въ день, придерживаясь благочестиваго изреченія: «довлѣетъ дневи злоба его». Онъ неизлѣчимо подозрителенъ ко всѣмъ попыткамъ дойти до корня вещей въ политикѣ, литературѣ, наукѣ и искусствахъ. «Господи, какъ люди любятъ копаться въ мелочахъ!» протестующе восклицаетъ онъ. Онъ стоитъ за умѣренность во всѣхъ вещахъ,—даже умѣренность, по его словамъ, «не должна заходить слишкомъ далеко».

Онъ выработалъ свою жизненную теорію: въ своемъ старомъ домѣ, въ старомъ помѣстьѣ, онъ тихонько доживаетъ свой вѣкъ, безъ неудобствъ и безъ потрясеній. Все, чего онъ желаетъ,—жить на своей землѣ, какъ до него жили его отцы, заставляя ее платить за ихъ грѣхи. Его фермеры хозяйничаютъ нелѣпо, рабочіе бѣгутъ отъ него въ города, у него мотъ-сынъ, служащій въ арміи и, подобно своему отцу, лучшій малый въ мірѣ. Но при всемъ томъ ему никогда не приходитъ въ голову, что его безпорядочное хозяйство, закладныя на имѣніе, завѣщаніе, вся громоздкая система патріархальной зависимости, не входитъ въ естественный порядокъ вещей.

Онъ не тори, а консерваторъ, приверженецъ «разумныхъ реформъ», напримѣръ, реформы, касающейся преимуществъ баронетовъ; не протекціонистъ, самое это названіе для него непріятно, но человѣкъ, желающій умѣренныхъ пошлинъ въ видахъ поощренія земледѣлія. Онъ умѣренный приверженецъ церкви, конечно не слишкомъ высокой и, безъ сомнѣнія, не низкой, а церкви, способной смягчить требованія восточнаго направленія легкимъ поворотомъ на сѣверо-востокъ. Онъ не отвергаетъ исповѣди и по временамъ приглашаетъ къ обѣду своего викарія и обсуждаетъ съ нимъ нѣкоторые вопросы нравственности за стаканомъ вина. Во всей его жизни есть только одинъ недостатокъ— онъ родился слишкомъ поздно: двѣсти лѣтъ тому назадъ онъ былъ бы сэромъ Роджеромъ де-Коверлей. Его замокъ—его очагъ въ полномъ смыслѣ слова. Да и гдѣ же могъ бы онъ жить, какъ не въ этомъ замкѣ, окруженномъ рвомъ, до сихъ поръ полнымъ воды? Онъ попрежнему каждый вечеръ поднимаетъ свой подъемный мостъ и опускаетъ его каждое утро только потому, что такъ поступали его отцы впродолженіи столѣтій, и онъ просто не чувствовалъ себя въ правѣ не дѣлать этого. Онъ не можетъ нарушать своихъ привычекъ для такихъ пустяковъ, какъ новыя постановленія полиціи графства. Какое счастье думать, что его домъ стоитъ, какъ скала, среди вѣчнаго прилива и отлива! Вы можете безъ труда войти въ замокъ съ другой стороны, по постоянному каменному мосту, которымъ всегда пользуются всѣ торговцы, но это въ счетъ не идетъ.

Глава 13.

Наконецъ глазамъ герцогини представился замокъ, выглядывающій изъ-за опоясывающихъ его густыхъ деревьевъ. Деревья эти были тоже частью стариннаго плана укрѣпленія. Можно было смѣло пройти мимо нихъ, не подозрѣвая, что за ними скрывается жилище людей. Гарнизонъ скрывался въ засадѣ или нападалъ на врага врасплохъ, смотря по обстоятельствамъ. Теперь, когда прошла надобность скрываться, сквозь порѣдѣвшія деревья проглядывалъ то уголокъ крыши, то кусочекъ фасада. Съ одной стороны былъ даже виденъ цѣлый флигель временъ Тюдоровъ, поднимавшійся прямо изо рва, такъ что часть его, покоящаяся на крѣпкихъ каменныхъ столбахъ, походила на человѣка, стоящаго въ водѣ по колѣна. Судя по другому фасаду, можно было заключить, что владѣльцы во время постройки его были въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ. Бурное время прошло. Никто больше не собирается тревожить Лиддикотовъ. Поэтому строитель раскинулъ лужки, спускающіеся къ самой водѣ, перекинулъ черезъ ровъ каменный мостъ и прорубилъ въ густой занавѣси деревьевъ нѣсколько просѣкъ, позволяющихъ издали любоваться его произведеніями.

Подъемный мостъ опущенъ, «въ шутку», какъ обѣщала Мери, которая весело привѣтствуетъ свою гостью изъ-подъ зубчатыхъ воротъ.

Августа въ отвѣтъ ей машетъ платкомъ и въ эту же минуту замѣчаетъ и хозяина дома. Онъ удитъ рыбу во рву прямо изъ окна своего кабинета и убѣгаетъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, чтобы достойно встрѣтить гостью на порогѣ своего жилища. Баронетъ средняго роста, крѣпокъ и приземистъ, и этимъ напоминаетъ свой замокъ. Онъ выглядитъ привѣтливо-суровымъ, упрямымъ и замкнутымъ, но сердце у него золотое—когда онъ этого хочетъ, но не иначе. Манеры его рѣзки почти до грубости. Его способъ выражаться чрезвычайно кратокъ, и это происходитъ исключительно отъ желанія какъ можно скорѣе «сбыть все съ рукъ». Но теперь обычное выраженіе его суроваго лица уступило мѣсто искренней радости при видѣ гостьи. Онъ низко, со старинной вѣжливостью, склоняется надъ ея рукой, доводитъ ее до величественной дубовой лѣстницы и, передавъ ее здѣсь дочери, самъ отправляется въ столовую, ждать ея возвращенія.

— Мери, что за дивный домъ! — шепчетъ герцогиня, когда онѣ сходятъ внизъ.

— Подождите, пока вы все увидите!—смѣется хозяйка.

— Отецъ, дай-ка мнѣ лучше быть проводникомъ; ты слишкомъ неповоротливъ. Я и тебя при этомъ случаѣ покажу, если ты будешь себя вести хорошо.

— Прекрасно, моя душа. Я буду на мѣстѣ, когда понадоблюсь тебѣ. Только не вѣрьте ея хронологіи, герцогиня: какъ только она углубится до реставраціи, мнѣ приходится вытаскивать ее.

Глубокій миръ охватываетъ душу Августы, когда она медленно проходитъ по темнымъ дубовымъ галлереямъ, по низкимъ спальнямъ, просторнымъ пріемнымъ этого памятника старины, наполненнымъ прекрасно сохранившеюся мебелью, рукописями, оружіемъ и бездѣлушками.

— У насъ есть все, что полагается для подлиннаго стараго замка, просто говоритъ Мери,—до отсутствія кровати, на которой спала королева Елизавета, включительно. Эти кровати существуютъ только въ современныхъ поддѣлкахъ старинныхъ домовъ, и магазины Уордуръ-Стрита едва могутъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Если вы хотите видѣть нѣчто не поддѣльное въ этомъ родѣ, мы можемъ показать вамъ кровать съ матрацомъ изъ кроличьей шерсти, которая замѣняла пухъ въ прежніе времена. Не смотри такъ серьезно, отецъ, милый.

— Не дури, Мери.

— Ну, забудемъ про кровать. Но, Мери, милая, мнѣ хочется видѣть привидѣніе, хоть самое маленькое.

— Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго,—сказалъ сквайръ.

— Отецъ!

— Ахъ, это стуки-то? Все это вздоръ, воображеніе! Когда-то по-

вѣсили здѣсь не того, кого слѣдуетъ—простая оплошность и вообразили, что онъ ходитъ. Струсили—вотъ и все. А кромѣ того, это было нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и какое намъ до этого дѣло?

— Конечно, только они его повѣсили наверху, отецъ.

— Наверху?—вздрогнула Августа.

— Старина, герцогиня, вы знаете. Въ то время все приходилось устраивать въ своихъ стѣнахъ, и судъ и прочее. Съ тѣхъ поръ много усовершенствованій, судебные округа, тюрьмы и все прочее. А тогда все дѣлалось дома, въ каждомъ домѣ даже мастерскія свои были. У насъ есть полное саксонское вооруженіе, все стальное и все сдѣлано дома.

— Это прекрасно, когда дѣло касается оружія, сэръ Генри, осмѣлюсь вамъ замѣтить. Но что касается до висѣлицы — кто далъ имъ право?

— Феодальное право, знаете — каждый лордъ въ своемъ замкѣ былъ и судья, и присяжный, и палачъ. Увѣряю васъ другого пути не было. Большія усовершенствованія теперь и все къ лучшему, я не сомнѣваюсь.

— Герцогиня желала бы видѣть эту комнату, отецъ.

— Мери! Мери!—воскликнули заразъ и гостья и хозяинъ. Но, однако онъ пошелъ впередъ, она послѣдовала за нимъ. Хотя собственно говоря и смотрѣть-то было нечего: длинный, пустой чердакъ подъ самой крышей, съ толстыми, выбѣленными известкой балками, свѣтлыми полосами выдѣлявшимися въ искусственномъ полумракѣ. Сквайръ почувствовалъ, что нѣсколько словъ оправданія были бы умѣстны.

— Видите ли, было ужасно трудно помѣшать крестьянамъ покидать свое сословіе и свои деревни и идти въ городъ, заниматься торговлей или ремеслами. Это и теперь не легко, увѣряю васъ. Предки наши бывали иногда крутеньки, не могу отрицать этого. Въ старыхъ книгахъ внизу есть прекурьезныя замѣтки, тамъ про клейма на лобъ и прочее. Просто позоръ! Я ненавижу неумѣренность во всемъ. Но я предполагаю, что данный случай былъ, дѣйствительно, прескверный. Это единственный подобный случай въ нашей семьѣ, насколько мнѣ извѣстно. Дѣдъ моего дѣда обыкновенно прибѣгалъ только къ колодкамъ, а и его назвали бы теперь неблагоразумнымъ. Надо идти наравнѣ со временемъ.

— О, мы были довольно безшабашной шайкой въ свое время! — смѣется Мери.—Мы можемъ показать вамъ комнату въ башнѣ, въ другомъ флигелѣ, гдѣ одна изъ нашихъ отдаленныхъ прабабушекъ провела свой медовый мѣсяцъ за семью замками и рѣшетками, такъ какъ ее выкрали изъ родительскаго дома.

— Они слишкомъ увлекались, вѣдь я говорилъ тебѣ, что они слишкомъ увлекались, — съ неудовольствіемъ замѣчаетъ сквайръ, выходя изъ комнаты.—Чего тебѣ еще нужно? Но даже и у нихъ мы могли бы кое-чему научиться. За ленчемъ я угощу васъ, герцогиня, карпомъ,

пойманнымъ сегодня утромъ во рву и роднымъ братомъ по вкусу и приготовленію тому карпу, который былъ сваренъ въ винѣ для короля Генриха VII, когда онъ пріѣзжалъ сюда четыреста лѣтъ тому назадъ.

— Дайте мнѣ рецептъ для Аллонби, сэръ Генри.

— Мери переведетъ его вамъ на современный англійскій языкъ. Онъ записанъ въ нашей старой кухонной книгѣ—одинъ изъ самыхъ лучшихъ образчиковъ въ нашей библіотекѣ. Только нужно умѣть читать ее. Это монастырскій почеркъ и такія же каракули, какъ на рукописяхъ Эдуарда III.

— Да еще съ картинками, замѣтьте,—прибавляетъ Мери.—На одной изъ заставокъ изображенъ одинъ изъ первыхъ Лиддикотовъ за обѣдомъ, управляющійся всей пятерней вмѣсто ножа и вилки, а другой утираетъ ротъ рукавомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Право, мы были преприличной семейкой во время оно! Пожалуйста, не спрашивайте про посуду и серебро, герцогиня. Большая часть его, то, что современные мазурики называютъ «добычей», и вывезена изъ разграбленныхъ замковъ однимъ изъ Лиддикотовъ, который служилъ подъ командою регента Бетфорда во время войны съ Франціей.

— Мери, не дразни меня,—грозитъ ей отецъ.

Послѣ спича дамы великодушно оставили баронета поспать, подъ предлогомъ прогулки по замку. Въ картинной галлереѣ оказалась обычная смѣсь хорошаго и дурного, большая часть картинъ были старинныя, но мало оригиналовъ. Нѣкоторыя изъ картинъ Тиціана были положительно незнакомы ему. Но, несмотря на это, они служили предметомъ гордости и восхищенія прежнихъ Лиддикотовъ, пріобрѣтшихъ ихъ во время своихъ походовъ. Въ перемежку съ картинами висѣли фамильныя портреты: дамы и дѣвицы разныхъ эпохъ (во многихъ проявлялись фамильныя черты и онѣ походили на Мери въ маскарадномъ костюмѣ), судьи и солдаты, а между ними тамъ и здѣсь короли, которымъ они служили. Хозяйка и гостья остановились передъ новымъ портретомъ современнаго кавалерійскаго офицера, загорѣлаго отъ спорта на свѣжемъ воздухѣ, хорошо сложеннаго, съ рѣшительнымъ подбородкомъ, круглой, коротко выстриженной головой, съ жизнерадостнымъ выраженіемъ, присущимъ тѣмъ баловнямъ судьбы, которымъ она никогда еще не отвѣчала «нѣтъ».

— Это мой братъ, Томъ,—съ любовью говоритъ Мери, отвѣчая на вопросительный взглядъ своей гостьи.—Онъ пріѣдетъ на будущей недѣлѣ.

— Какой красавчикъ! То-есть я хотѣла сказать, какой красивый, интересный молодой человѣкъ. Это просто совершенство!

— О, до совершенства ему далеко, я всегда говорю это, но онъ—самое добродушное созданіе въ мірѣ. Только онъ немножко дорого стоитъ бѣдному отцу. Онъ тутъ не при чемъ, очень ужъ полкъ его дорогой.

— Я думаю, онъ очень много занимается теперь, когда въ виду осложненія въ Африкѣ.

— А я не думаю. Видите ли, ему пришлось держать экзаменъ, чтобы поступить, а разъ поступилъ, ему ужъ незачѣмъ себя утруждать. Кромѣ того, онъ отличный наѣздникъ и несравненный стрѣлокъ, такъ что ему даже нечему учиться.

— Мнѣ кажется, что всегда есть чему учиться,—серьезно говоритъ герцогиня.—Впрочемъ, онъ вѣрно и такъ очень занятъ.

— У него никогда нѣтъ свободной минуты, а теперь онъ приглашенъ гостить въ четыре дома. Въ этомъ году лондонскій сезонъ былъ ужасенъ, онъ теперь пріѣдетъ отдохнуть.

— Пожалуйста, милочка, привезите его въ Аллонби на этой недѣлѣ. Я надѣюсь, что и я скоро покажу вамъ моего брата. Я уже выписала Артура, который только что кончилъ колледжъ. Я зову его малюткой, потому что онъ на три года моложе меня, но онъ можетъ сойти и за взрослаго.

— Какъ это будетъ славно!

Мери хочетъ идти дальше, но герцогиня останавливается и разсматриваетъ другой портретъ, висящій рядомъ съ портретомъ Тома. Это сама Мери. Она очень красива, высока и стройна. Въ ней много достоинства, породистаго, кроткаго достоинства, которое отнюдь не переходитъ въ высокомѣріе героинь мелодрамы, хотя она держитъ голову высоко. Ея кружевное платье, насколько оно видно изъ-подъ наброшеннаго длиннаго плаща, легко и граціозно облегаетъ ея фигуру. У нея нѣжный овалъ лица, прямой греческій носикъ. Большіе карія глаза, ясные и добрые, и маленькій, правильный ротикъ придаютъ лицу честное и нѣжное выраженіе.

На высокій лобъ легкимъ облакомъ спускаются завитки высоко зачесанныхъ густыхъ волосъ. Эти темные волоса покрываетъ большая черная шляпа со страусовыми перьями, напоминающая головные уборы на портретахъ Веласкеза, а складки темнаго плаща, изъ-подъ котораго блеститъ свѣтлый атласъ и кружева, роскошно спускаются съ плечъ до самаго пола. Но Мери—не дѣвушка Веласкеза, съ таинственными глазами, смотрящими на васъ загадочнымъ взглядомъ. Несмотря на ея живописный плащъ и шляпу съ перьями, Веласкезъ или прямо отказался бы писать ее, или далъ бы ей другіе глаза и другое выраженіе.

Прощаясь со своей гостьей, Мери даетъ ей букетъ рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ папоротниковъ, собранныхъ въ трещинахъ стѣнъ и съ осыпающихся краевъ рва, и которые могли бы послужить предметомъ многихъ ученыхъ лекцій любому профессору ботаники.

Глава 14.

Вернувшись домой, герцогиня нашла герцога совершенно внѣ себя.

— Онъ не хочетъ продавать, чортъ его возьми!—сказалъ онъ, по-

давая ей письмо своего адвоката. Въ письмѣ была вложена записка ихъ сосѣда, м-ра Кнеби, владѣльца Грэнджа, ни подъ какимъ видомъ не желающаго разстаться съ клочкомъ земли.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ роковую минуту, когда агентъ герцога былъ занятъ въ другомъ мѣстѣ, м-ръ Кнеби успѣлъ подхватить одно-два поля, которыя нарушили правильность границы герцогскихъ владѣній.

Захваченная имъ земля прямо врѣзалась въ землю герцога и портила красоту линіи. Дерзкій похититель завладѣлъ ею, предложивъ безумную цѣну ея нуждающемуся владѣльцу, въ то время какъ ходатаи его свѣтлости только собирались дѣлать первые шаги. Кнеби мечталъ объ имѣніи, и вотъ явилась возможность пріобрѣсти его такъ близко отъ одного изъ величайшихъ помѣстій Англіи. Поэтому онъ завладѣлъ имъ путемъ покупки, подобно тому, какъ предки герцога завладѣвали землями другими способами. Его свѣтлость предложилъ черезъ своихъ повѣренныхъ кругленькую сумму отступного, но м-ръ Кнеби при подобномъ предложеніи только насмѣшливо улыбался и держался за свою покупку обѣими руками.

— Виноградникъ Навуѳея въ Аллонби,—замѣтила Августа.—Кто бы подумалъ это?

— Не совсѣмъ такъ, однако, этотъ разбогатѣвшій извозчикъ изъ города, этотъ проходимецъ, который неизвѣстно чѣмъ и какъ пріобрѣтаетъ средства къ жизни, становится помѣщикомъ, землевладѣльцемъ!

— Я начинаю понимать. А когда я совсѣмъ пойму, то, пожалуй, разсержусь, какъ ты.

— Меня злитъ вся его компанія,—со смѣхомъ сказалъ онъ.—Слышала ты, какой они устроили шабашъ среди ночи?

— Я приняла ихъ за воронъ и думала, что это очень поэтично.

— Отъ такого шума сами вороны проснулись.

— Вѣдь мы не обязаны съ ними разговаривать.

— Разговаривать! Я не выношу, когда ко мнѣ втираются.

— Кнеби, кажется, не собирается втираться къ намъ?

— Нѣтъ, хуже всего то, что они начинаютъ удовлетворяться собственнымъ обществомъ. Они протягиваютъ руки другъ другу черезъ все графство, и ихъ глашатаи трубятъ объ ихъ успѣхахъ изъ дому въ домъ.

— Я еще не дошла до этого,—сказала она,—но чувствую, что скоро дойду.

— До чего?

— До ужаса, что я живу на одномъ полушаріи съ этими чудовищами. Отчего не поискать другого мѣста.

— Слишкомъ много есть мѣстъ. Да и они-то вездѣ. Они хватаютъ всѣ старыя помѣстья, которыя можно захватить, и въ одну

ночь снабжаютъ ихъ не только мебелью и прислугой, но даже гостями, готовыми сѣсть за ихъ столъ. Увѣряю тебя, этотъ негодяй буквально покупаетъ младшихъ сыновей и даже старшихъ, которые побѣднѣе и которые не попали въ Аллонби. И представь себѣ, ему это удается.

— А знаешь почему? Потому что я слышала, если хочешь, въ открытое окно, что у нихъ болѣе безцеремонно веселятся. Ихъ звѣзды съ открытой сцены гораздо болѣе оживлены, чѣмъ Баирейтскія, у нихъ бываютъ представители искусства и литературы особаго рода, даже поэты изъ мелкихъ созвѣздій и мыслители, такъ какъ метафизика и хорошій обѣдъ попрежнему притягиваютъ другъ друга.

— Да, да,—сказалъ онъ со вздохомъ.—Если они не всегда знаютъ, что имъ дѣлать съ представившимся случаемъ, они выучиваются со временемъ. Вестъ-эндскіе портные не даромъ существуютъ, чтобы одѣвать ихъ въ охотничій костюмъ, который по большей части сидитъ ни нихъ, какъ на коровѣ сѣдло; егеря учатъ ихъ цѣлиться изъ ружья и даже носить его; модные игроки на билліардѣ—математики развлеченій, а что касается гольфа, то самые драгоцѣнные экземпляры изъ Сенъ-Андрео все же настолько хорошіе политики, что, ругаясь отъ отвращенія, благоразумно отворачиваются въ другую сторону. Девизъ ихъ—ничѣмъ не брезгать. Для нихъ ничего не значитъ спросить лакея, сколько ему полагается на чай, и затѣмъ грозить выгнать его, если его требованіе не соотвѣтствуетъ предлагаемой ими суммѣ. Это говоритъ само за себя. Они покупаютъ старинные замки только изъ-за одного названія, и на ихъ мѣстѣ строятъ новые изъ мрамора и зеркальныхъ стеколъ, увѣшиваютъ стѣны стариннымъ оружіемъ и соединяютъ телефономъ башенную комнату съ биржей. Они думаютъ, что дѣлаютъ выгодное дѣло, въ этомъ-то и есть весь юморъ! И будутъ вести свою линію вплоть до страшнаго суда.

— Меня подобные люди только смѣшатъ,—возразила Августа.

— А мнѣ грустно дѣлается.

— Конечно, это болѣе достойное положеніе.

— Не смѣйся, Августа. Помнишь ты того нахала, котораго мы видѣли въ Римѣ и на котораго мнѣ пришлось жаловаться хозяину гостинницы?

— Могу ли я когда-нибудь забыть его.

— Ну, такъ это одинъ изъ бароновъ Кнеби. Я встрѣтилъ его вчера, и онъ имѣлъ нахальство поклониться мнѣ. Нѣкто разсказалъ мнѣ его исторію: началъ онъ цирковымъ наѣздникомъ, потомъ былъ маркеромъ, женился на вдовѣ ростовщика и сталъ дворяниномъ на ея счетъ, такъ какъ употребилъ часть ея приданаго на покупку титула. Интервью съ нимъ печатаются въ газетахъ, и онъ выдаетъ себя за непобѣдимаго бреттера, который можетъ обскакать и перегнать всѣхъ мадьяровъ и ведетъ чертовскую жизнь. Говорятъ, что презабавно изловить его въ городѣ въ одной изъ его излюбленныхъ трущобъ.

Послѣ усиленныхъ трудовъ онъ является въ пивную и заказываетъ себѣ кружку пива. Это одинъ изъ завсегдатаевъ Грэнджа. Я надѣюсь, что и тебя теперь Кнеби удручаетъ.

— Нѣтъ, мнѣ попрежнему смѣшно.

— Ну, такъ послушай еще. Я слышалъ, что онъ имѣлъ дерзость выпросить, занять или украсть карточку Мери Лиддикотъ и повѣсить ее въ своей гостиной, когда онъ въ жизни своей не сказалъ ей ни слова.

— За это его стоитъ казнить,—согласилась Августа.

Глава 15.

Приближаясь къ деревнѣ, странствующій торговецъ зазвонилъ въ колокольчикъ, и въ дверяхъ домовъ показались женщины. Это были не только покупательницы, но и слушательницы. У торговца былъ товаръ, котораго онѣ не могли достать на мѣстѣ; кромѣ того, онъ приносилъ всѣ мѣстныя новости. Въ его телѣжкѣ было все, что могло удовлетворить ихъ требованіямъ: глиняная и жестяная посуда, дешевыя украшенія, простыя матеріи и принадлежности костюма, писчая почтовая бумага, трубки и кисеты для мужчинъ, украшенія изъ бисера и фальшивыя драгоцѣнности для женщинъ, игрушки для дѣтей и керосинъ для убійственныхъ деревенскихъ лампочекъ.

Все это было въ живописномъ безпорядкѣ разложено на телѣжкѣ; хозяинъ съ закрытыми глазами могъ бы отыскать карандашъ или иголку, а между тѣмъ, вы не могли бы стащить пачку булавокъ безъ того, чтобы онъ тотчасъ же не уличилъ васъ. Но никто и не желалъ его грабить. Казалось, всѣ любили его и были въ дружественныхъ отношеніяхъ даже съ его лошадью. Торговецъ былъ красивый парень, и обращеніе, представлявшее соединеніе осторожной фамиліарности и добродушной насмѣшливости, привлекало къ нему всѣ сердца. Онъ продавалъ свой товаръ и въ видѣ преміи присоединялъ къ нему веселыя шутки. Онъ направлялся въ Малый Слокумъ, хотя до этого мирнаго мѣстечка оставалось еще много миль, и то мѣстечко, гдѣ онъ теперь находился, представляло, пожалуй, еще болѣе мирную картину. Его колокольчикъ, казалось, привелъ всю деревню въ волненіе.

Скоро онъ былъ окруженъ толпой, привлеченной, главнымъ образомъ, его товарами. Въ такой массѣ сокровищъ всегда найдется что-нибудь, что привлечетъ глазъ. Кажется, ни одному человѣческому существу не можетъ понадобиться глиняная корова, въ животѣ у которой вставлена панорама Брайтона, а между тѣмъ торговецъ нашелъ покупательницу въ лицѣ дѣвушки-невѣсты, которой онъ изобразилъ мрачными красками домъ, лишенный красивыхъ бездѣлушекъ.

Особенностью подобныхъ покупокъ является то, что покупатель начинаетъ раскаиваться въ ту же минуту, какъ торгъ заключенъ Мо-

лодая дѣвушка, уходя, скрыла успѣвшую уже разочарвать ее покупку подъ передникомъ. Онъ торговалъ бойко, но съ перемѣннымъ счастьемъ, такъ какъ нерѣдко покупатели не сходились съ нимъ. Послѣдняя стычка у него произошла съ почтенной матроной, которая жаловалась ему на поведеніе часовъ, купленныхъ у него недѣлю тому назадъ. Женщины вообще очень падки какъ на лесть, такъ и на бойкія дерзкія выходки, которыя, повидимому, совершенно исключаютъ ее. Въ манерахъ торговца было и масло, и уксусъ, но послѣдній только придавалъ имъ нѣкоторую остроту и дѣлалъ ихъ особенно нѣжными, какъ хорошій салатъ.

— Не идутъ, сударыня! Пустяки! Позвольте взглянуть!»—Онъ протянулъ руку за провинившимися часами и окинулъ ихъ пристальнымъ, испытующимъ взоромъ. Это была довольно несчастная на видъ вещица изъ раскрашеннаго дерева, однако ступенью выше ноева ковчега. — Ага, такъ я и зналъ: они капризничаютъ, вотъ въ чемъ штука. Вы слишкомъ дешево купили ихъ, сударыня, право-слово. У часовъ есть свое самолюбіе, какъ у всѣхъ добрыхъ христіанъ, они терпѣть не могутъ, когда изъ-за нихъ торгуются и сбиваютъ имъ цѣну. А вы всегда торгуетесь! Удивляюсь, какъ я вамъ ихъ даромъ не отдалъ, пожалуй бы и отдалъ, если бы вы еще поторговались.

— Нечего зубы-то заговаривать!

— А можетъ съ ними дѣтки поиграли? Я это безъ всякаго злого умысла спрашиваю; дѣткамъ все простить можно, что съ нихъ спрашивать!

— Часы на верхней полкѣ стояли, туда дѣтямъ не забраться.

— Такъ я и думалъ! Имъ скучно стало. Ну, теперь все въ порядкѣ.

— Должно быть, они васъ боятся, а какъ вы спину повернете, такъ они опять станутъ.

— Деньги возвращаю, если товаръ не нравится; только попробуйте еще. Знаете, что я сначала подумалъ?—прибавилъ онъ, чтобы оставить за собой послѣднее слово.—Я думалъ, что видно кое-кто поѣдомъ ѣстъ муженька. Отъ бабьяго языка бываетъ, что часы останавливаются. Не стоитъ благодарности!

Послѣднія слова, очевидно, служили знакомъ лошади и означали то же самое, что «пошелъ!» на обыкновенномъ лошадиномъ языкѣ. Они были произнесены съ особеннымъ выраженіемъ, и, услышавъ ихъ, вѣрное животное двинулось впередъ, дернувъ телѣжку такъ, что всѣ товары зазвенѣли. Отступленіе походило на бѣгство, и въ одну минуту лошадь и ея хозяинъ очутились внѣ предѣловъ мщенія. Да этого нечего было опасаться. Женщина добродушно расхохоталась и съ часами подъ мышкой направилась къ своему дому. Передъ тѣмъ какъ покинуть границы прихода, торговецъ поймалъ маленькую дѣвочку и, подкупивъ ее горстью мятныхъ леденцовъ, уговорилъ взять

кучу печатныхъ листковъ для раздачи по домамъ. Въ листкахъ было увѣдомленіе о будущихъ выборахъ въ приходскій совѣтъ и горячій призывъ къ прогрессивной партіи вообще о назначеніи достойныхъ кандидатовъ. Подобные же листки онъ оставлялъ на голыхъ живыхъ изгородяхъ, откуда они слетали на траву и казались странными, поздними цвѣтами особаго вида.

Этотъ человѣкъ, вы вѣрно догадались, былъ Джорджъ Херіонъ. Многое произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились съ нимъ въ послѣдній разъ. Во-первыхъ, онъ женился; во-вторыхъ, завелъ свою лавочку на колесахъ, при помощи которой онъ грозилъ бороться съ неблагосклонной судьбой, при извѣстныхъ намъ обстоятельствахъ. Успѣхъ его ослѣпилъ Розу и почти заставилъ Малый Слокумъ забыть свой страхъ передъ героическими идеалами. Нашъ искатель приключеній началъ свою торговлю весьма осторожно: онъ купилъ небольшой запасъ товара, нагрузилъ его на ручную телѣжку и проходилъ каждый день около двадцати двухъ миль, возвращаясь по вечерамъ другой дорогой и останавливаясь для отдыха въ городкѣ на рыночной площади. Ничего не могло противостоять такой настойчивости. Что не прельщало покупателей первой половины пути, могло найти себѣ сбытъ въ городкѣ или въ другихъ деревняхъ на обратномъ пути. Когда Джорджъ скопилъ десять севереновъ въ уголкѣ своего платка, онъ сказалъ Розѣ, что пора назначить день. Она назначила его безъ колебанія, убѣдившись что Джорджъ можетъ пробить себѣ дорогу. Вся деревня узнала объ ея рѣшеніи въ тотъ же вечеръ, герцогиня—на другое утро; и, благодаря покровительству такого высокаго лица, черезъ двѣ недѣли они поселились въ своемъ собственномъ домикѣ послѣ самой веселой свадьбы, которая когда-либо праздновалась въ Маломъ Слокумѣ.

Если бы не Августа, то молодые остались бы безъ крова. Слокумъ держался такой мудрой экономіи въ домахъ, что для новой пары не было мѣста. Джорджъ жилъ со своей матерью, Роза со своей, и свободныхъ домовъ въ деревнѣ не было. Нечего было и думать о постройкѣ собственнаго дома: пространство для людскихъ жилищъ было ограничено по законамъ самой природы. Деревня была герметически закрыта для всякихъ новыхъ пришельцевъ. Даже появленіе дѣтей считалось несправедливостью и явленіемъ нежелательнымъ, такъ какъ въ одинъ прекрасный день они могли выросги и предъявить тѣ же требованія, что предъявлялись теперь Джорджемъ и Розой. Какъ отдѣльные индивидуумы, они оба имѣли право существованія, какъ чета—являлись незванными.

Матерямъ пришла счастливая мысль, какъ уладить недоразумѣніе: поселившись вмѣстѣ, они освободятъ одну хижину. Но герцогскій уполномоченый былъ не расположенъ санкціонировать такую перемѣну,

пока герцогиня не подтвердила, что мысль эта заслуживаетъ полнаго ея одобренія. И вотъ Роза поселилась хозяйкой въ той хижинѣ, гдѣ она жила ребенкомъ и гдѣ она впервые увидѣла свѣтъ.

Послѣ свадьбы Джорджу пришлось работать еще больше, и онъ принялся за работу съ удвоеннымъ мужествомъ. Онъ работалъ до тѣхъ поръ, пока ему не удалось придѣлать оглобли къ своей тележкѣ и запречь въ эти оглобли лошадь. Черезъ нѣсколько времени люди стали заглядывать въ Слокумъ, когда имъ нужны были булавки или иголки, и гордое владычество Рандсфорда было поколеблено. Теперь Розѣ больше ничего не надо было, чтобы считать себя самой счастливой женщиной въ мірѣ, такъ что даже воспоминанія о недавнихъ огорченіяхъ не могли омрачить ея счастья. Джорджъ попрежнему интересовался деревенской политикой; этотъ интересъ былъ вызванъ въ немъ проѣздомъ черезъ деревню желтаго фургона и стоилъ ему милостей «господъ» въ лицѣ м-ра Кнеби. Но идеаломъ благосостоянія въ Маломъ Слокумѣ была жизнь безъ всякихъ взглядовъ и мнѣній, какъ первое условіе безмятежнаго существованія. Роза дрожала за своего мужа, то тревожимая смутными предчувствіями, то исполненная радости въ убѣжденіи, что онъ съумѣетъ все уладить.

Весело напѣвая пѣсенку, Джорджъ переходилъ изъ деревни въ деревню, во время обычнаго своего путешествія. Иногда ему приходилось сторониться и давать дорогу экипажу, запряженному парой породистыхъ лошадей, окруженныхъ облакомъ поднимаемой ими пыли. Онъ едва успѣвалъ узнать знакомыя ливреи и снять шапку, какъ герцогиня, улыбаясь и весело бросивъ ему «Здравствуйте, Херіонъ!», уже скрывалась изъ виду. Господа все еще жили въ замкѣ, но уже приготовлялись переѣзжать въ городъ. Гости всѣ разъѣхались, избранный англійскій мірокъ спѣшилъ къ открытію парламента и въ вихрь лондонскаго сезона.

Интересъ Августы къ Джорджу, который сначала былъ только слѣдствіемъ ея интереса къ Розѣ, выросъ при ближайшемъ знакомствѣ. Онъ нравился ей и самъ по себѣ, и за то разнообразіе, которое его предпріимчивость и отвага внесли въ монотонную деревенскую жизнь. Онъ дѣйствовалъ освѣжительно на фонѣ всеобщаго однообразнаго смиренія и напоминалъ ей ея родину.

Однако, она старалась удовлетворяться тѣми образцами, которые ей преподносились, вовсе не изъ покорности судьбѣ, а какъ философъ въ юбкѣ, или, что то же, какъ свѣтская женщина. Здѣсь была ея новая родина, ея жилище, и здѣсь она должна привить себѣ новый взглядъ на вещи. Здѣсь милліоны людей живутъ и жили, и, повидимому, не даромъ, въ величественномъ порядкѣ, главный принципъ котораго подчиненіе. Что за контрастъ, и весьма утѣшительный иногда, съ тѣми шумными милліонами людей «по ту сторону», гдѣ каждый чело-

вѣкъ просыпается утромъ съ мыслью, какъ бы ему обскакать своего сосѣда!

Августа вспоминаетъ разсказъ дяди Гудинга, какъ строили великую желѣзную дорогу на западъ. По его словамъ, всѣхъ рабочихъ поставили гуськомъ, и самыхъ ретивыхъ сзади. «Передніе должны были не отставать отъ заднихъ, понимаете, господа? не то они получали киркой по пяткамъ, если попадись. Ей-Богу, одинъ ретивый парень подгонялъ всѣхъ остальныхъ и такимъ образомъ внушалъ имъ, что имъ необходимо изъ кожи лѣзть!». Когда торговецъ возвращался домой, жена встрѣчала его поцѣлуемъ въ кухнѣ, которую смѣло можно считать лучшей комнатой въ домѣ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, она была безъ претензій. Но предметомъ восхищенія и Джорджа, и Розы была другая комната, въ которую они любовно заглядывали каждый разъ, какъ проходили мимо ея двери. Тамъ красовались въ плюшевыхъ рамкахъ портреты Джорджа въ лучшемъ сюртукѣ и Розы въ подвѣнечномъ платьѣ, раскрашенные, «какъ живые»; мебель была покрыта вязанными салфеточками, на полу лежалъ коверъ съ необыкновенными букетами цвѣтовъ. Они оба смотрѣли на свою гостиную почти что съ благоговѣніемъ, она была свѣтлымъ лучомъ изъ сѣренькой жизни. Джорджъ мысленно давалъ себѣ клятвы быть достойнымъ своего счастья. Роза съ благодарностью упоминала о ней въ своихъ молитвахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ НЕПОГОДУ.

(Разсказъ).

Старая, старая, вся будто поросшая мохомъ, съ темнымъ сморщеннымъ лицомъ, на которомъ изъ-подъ желтыхъ клочковатыхъ бровей чуть мерцали выцвѣвшіе отъ старости глаза, согнутая и сгорбленная въ дугу, отчего и спать-то она могла только сидя, Матвѣиха, кряхтя, поднялась на постели и прислушалась.

Въ избѣ было тихо, такъ тихо, что можно было разслышать легкое потрескиваніе фитиля въ лампадкѣ, но это тишина какъ бы подчеркивала и усиливала цѣлый хаосъ звуковъ, носившихся по улицѣ. Тамъ рѣзко и дико завывалъ вѣтеръ, свирѣпыми порывами налетая на избенку, шурша соломой на крышѣ, завывая въ трубѣ, дребезжа стекломъ убогой рамы. Порой онъ обдавалъ окно цѣлымъ потокомъ дождя, и тогда слышно было, какъ крупныя и холодныя капли его, словно горохъ, сыпались на стекло, барабанили, и потомъ сразу, когда вѣтеръ снова подхватывалъ ихъ, переставали. Иногда вѣтеръ умолкалъ, точно останавливался передохнуть и собраться съ новыми силами, и въ эти промежутки можно было различить глухой, однообразный, но полный свирѣпой мощи, шумъ волнъ. Они ревѣли, журчали, съ шипѣніемъ обрушивались на берегъ, шурша мелкой галькой, перебрасывая съ мѣста на мѣсто ракушки и щепки. Передохнувъ, вѣтеръ снова налеталъ на избушку и его вой такъ смѣшивался съ шумомъ волнъ, что нельзя было разобрать и отличить одинъ отъ другого эти звуки, сливавшіеся въ одно общее безпорядочное цѣлое.

Временами сквозь вой вѣтра и грохотъ волнъ слышались людскіе голоса и топотъ ногъ. Мимо избушки кто-то пробѣжалъ раза два, потомъ бѣгущихъ было нѣсколько и они перебрасывались короткими, громкими фразами.

— Костеръ гляди... Гляди костеръ, не то вѣтеръ...—могла только разобрать Матвѣиха, такъ какъ конецъ фразы, подхваченный налетѣвшимъ вѣтромъ, унесся куда-то далеко, въ темноту и холодъ ночи.

— Падара, буря... опять падара,—бормотала Матвѣиха, качая своей трясущейся головой,—напасть Господня... Опять падара... а ловцы-то, ловцы!..

Она еще покачала головой, побормотала что-то—не то молитву, не то опять по поводу бури, и стала подыматься. Но съ первымъ движеніемъ она раскашлялась, захрипѣла, и казалось, что кашель задушитъ ее. Онъ колотилъ ея старое, согнутое дугой тѣло такъ, что голова безпомощно моталась, а въ груди что-то скрипѣло и визжало, какъ въ старой, уже испорченной машинѣ. Матвѣиха кашляла долго, хваталась руками за грудь, трясла головой, ея сѣдые, разбившіеся космами волосы выбились изъ-подъ повойника, и въ избенкѣ долго раздавались хриплые, похожіе на собачій лай, звуки кашля старухи. Сверчокъ, трещавшій гдѣ-то у пола, испугался этихъ звуковъ и долго молчалъ, прислушиваясь къ нимъ.

Откашлявшись, Матвѣиха, кряхтя, поднялась и стала натягивать на себя полушубокъ. Полушубокъ былъ такой же старый какъ и она сама, до того старый, что уже закаленѣлъ на спинѣ горбомъ по формѣ горба Матвѣихи. Почему-то Матвѣихѣ сегодня онъ показался особенно старымъ и истрепаннымъ.

— Надо-бы новый,—шептала она провалившимися и ушедшими куда-то внутрь рта губами,—старъ сталъ... Надо бы поновѣе, да вотъ ужо... Ужо къ зимнему Николѣ справимъ, сѣти нявяжемъ и справимъ...

Матвѣиха всегда шептала. Какъ будто мысли ея, старыя, одинокія мысли, дѣлались яснѣе и опредѣленнѣе отъ того, что она ихъ чуть слышно шептала сама себѣ. Она была одинока, рѣдко выползала изъ своей избенки и говорить ей было не съ кѣмъ. Она говорила сама съ собой, возражая себѣ и всегда нашептывала. И разговаривая сама съ собой она никогда не говорила: «я пойду», «я сдѣлаю», а всегда: «мы пойдемъ» и «мы сдѣлаемъ».

Не успѣла старуха отворить дверь на улицу, какъ вѣтеръ, точно поджидавшій ее до сихъ поръ, съ злобной радостью и воемъ налетѣлъ на нее, толкнулъ въ сторону, вырвалъ изъ рукъ дверь, хлопнулъ ею изо всей силы и затрепеталъ рваными полами полушубка. Матвѣиха справилась съ дверью, поймала ее и закинула щеколду.

— Вотъ такъ-то, ничего, ничего,—шептала она,—мы тоже еще можемъ...

Она сошла съ покосившихся и жалобно пищавшихъ ступенекъ крыльца и медленно побрела къ берегу, гдѣ большимъ краснымъ заревомъ пылалъ костеръ.

Дождь билъ ее, барабанилъ по затвердѣвшей кожѣ полушубка, мочилъ лицо и, словно слезы, сбѣгалъ по морщинамъ его и пря-

тался въ нихъ. Вѣтеръ, будто играя старухой, то переставалъ совсѣмъ, улетая куда-то, то вдругъ, вырвавшись изъ какого-нибудь проулка, снова подхватывалъ ея сгорбленное тѣло, пузырилъ юбку, разметывалъ въ стороны полы полушубка, и Матвѣиха никакъ не могла справиться съ ними.

— Ахъ... ахъ ты...—шамкала она, съ трудомъ пробираясь по грязной, скользкой дорогѣ,—ахъ ты пропащій!..

До берега было недалеко, деревушка прилѣпилась на самомъ обрывѣ, но Матвѣиха, пока доползла до него, сильно устала. На обрывѣ, на самомъ краю, горѣлъ громадный костеръ и красное, мечущееся подъ вѣтромъ, зарево его, словно боролось съ наступавшимъ отовсюду мракомъ. Вѣтеръ налеталъ на костеръ, огонь его извивался, мотался въ стороны и тогда изъ мрака выступали темные, словно присѣвшіе отъ страха къ землѣ, силуэты избъ, снѣтосушильныхъ печей, сараевъ. Порывъ проходилъ, огонь снова выпрямлялся и стремился вверхъ, празднуя побѣду надъ непогодой. На свѣтломъ пятнѣ его мелькали черныя фигуры людей, пробѣгали передъ нимъ и снова скрывались въ темнотѣ.

Старуха подошла къ костру и увидѣла, что тутъ было много народа. Вся деревня высыпала на берегъ. И всѣ стояли и сидѣли на сваленныхъ вблизи бревнахъ молча, изрѣдка только перебрасываясь отрывочными замѣчаніями, и казалось, всѣхъ придавила и испугала непогодь. Порой слышался только чей-нибудь громкій вздохъ, оханье да бабье причитаніе. Всѣ молчали, напряженно прислушивались къ вою вѣтра и грохоту волнъ, бушующихъ гдѣ-то тамъ, подъ берегомъ, гдѣ разверзлась черная какъ могила пропасть. Въ этой пропасти нельзя было ничего разглядѣть, но чудилось, что тамъ все полно жизни и движенія. Черныя, невидимыя, но могучія волны налетали на берегъ, обдавала его холодной, ледяной водой, гремѣли камнями, шуршали и снова мчались назадъ, въ озеро, чтобы потомъ съ новой силой накинуться на землю. Несмотря на то, что берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень высокъ, волны, ударившись въ его стѣну, вспрыгивали вверхъ и тогда тысячи мелкихъ холодныхъ брызгъ летѣли въ костеръ и на людей, сбившихся въ одну общую кучу на сваленныхъ бревнахъ.

— Ишь бьетъ, силища-то какая—страсть!—замѣчалъ тогда кто-нибудь и въ голосѣ говорившаго проскальзывало нѣчто похожее на страхъ.

— Расходилась падра...—слышался въ отвѣтъ другой голосъ и снова наступало молчаніе, въ которомъ еще рѣзче и громче завывалъ вѣтеръ, еще сильнѣе и злобнѣе грохотали волны.

По озерному повѣрью въ бурю, или по мѣстному падару, всѣ утонувшіе въ озерѣ всплываютъ наверхъ, мечутся по волнамъ

и воютъ и стонутъ отъ муки. И дѣйствительно, въ воѣ вѣтра, казалось, носились еще какіе-то дикіе звуки, чьи-то стоны и крики, чей-то хохотъ и плачь. И люди слушали эти стоны и плачъ и прижимались другъ къ другу, и страшились. Матвѣиха сидѣла на бревнѣ, вслушивалась во всѣ эти страшные и дикіе звуки, качала своей трясущейся головой и шептала:

— Такъ, такъ, такъ, такъ... Души померщія, загубленныя... Такъ, такъ... Господи помилуй, Господи помилуй, спаси и помилуй!.. Души померщія, потонувшія стонутъ, могилы просятъ... Господи, спаси и помилуй!

И ей казалось, что она различаетъ голоса давно уже умершихъ, потонувшихъ въ озерѣ людей, которыхъ она знала. Вотъ будто Карпъ-жерникъ, хозяинъ артели, вскрикнулъ, ровно его голосъ; зычный былъ у Карпа голосъ, сильный былъ онъ человѣкъ... Со всей дружиной потонулъ, льдомъ затерло... Давно это было, ухъ, какъ давно было... Полвѣка тому назадъ, когда не больше. Тоже такая ночь была, только холоднѣе было, дѣло передъ Казанской случилось. Выѣхали —вѣтерокъ былъ, такъ, не большой, а тамъ, въ ночь, и поднялась падара... Съ Чудского озера ледъ пошелъ, льдины огромадныя, ну и затерло... Темно, не видать, между льдинъ, видно, ладья попала и сплющило ее... Вся дружина, двѣнадцать человѣкъ... Послѣ четырехъ только нашли: самого Карпа-жерника да трехъ палавщиковъ. Карпа-то ажъ къ Будовижу выбросило—ишь верстъ тридцать будетъ! Да! Вотъ и воетъ, и плачетъ! Безъ покаянія, безъ соборованія кончину прiялъ. Да... озеро, озеро, ты и кормилецъ, ты и губитель! А вотъ будто Настинъ голосъ... Тоже затонула... И тоже въ падару, только съ весны то было. На красную горку свадьбу хотѣли играть съ Митькой Козловымъ, все приготовили. На лову, въ ночь, въ падару, на три камня, что у Шартова, лодья налетѣла, два человѣка только и спаслось: Митька да Шатуновъ. Митька-то все Настю на себѣ волокъ, приволокъ, а она мертвая... Надо быть, о камень вдарилась, какъ изъ лодьи вышибло... Да, плачетъ, стонетъ... Тоже давно было!

Матвѣиха вспоминала то, что давно было, прислушивалась къ вѣтру и къ немолчному рокоту волнъ, и озеро подсказывало ей новые случаи, новыя воспоминанія.

— А помнишь,—говорило ей озеро,—батюшка-то твой Матвѣй Савельичъ, распьяно-пьяный въ падару на челночкѣ въ озеро махнулъ, въ Лисье за виномъ полетѣлъ? Какъ только Богъ спасъ, Царица небесная, долго-ль до бѣды? Челнокъ-то долбежка, душегубка, онъ одинъ, да въ этакую падару! Выѣхалъ-то смѣло, да еще смѣлѣй прiѣхалъ: какъ врѣзалъ челнокъ въ берегъ—глядитъ—деревня. Народъ также вотъ у костра ловцовъ ждетъ.

Спрашиваетъ «Что за деревня?»—«Баглицы», говорятъ. А Баглицы противъ Лисей, на другомъ берегу, верстъ двадцать пять будетъ «Ну,—говоритъ,—ладно, давай водки, да и назадъ! Добре, что не пустили...» Грѣхи, грѣхи, все винцо да удаль!..

— А помнишь, — снова напоминало озеро, — какъ Петя сушильщикъ въ Талабскъ за фершаломъ ѣздилъ? Тоже ледъ почти становится, а у него дочка Надюшка горломъ занедужилась... Въ ночь, въ падару въ Талабскъ за фершаломъ на ладьѣ въ два весла... Это тридцать-то верстъ! Поѣхалъ и пропалъ... Дочь померла и день прошелъ, и два, а его нѣтъ... Послѣ ужъ никакъ черезъ мѣсяцъ нашли — въ Дубу лодья разбитая на берегъ выкинута и онъ съ развороченной головой... Что—какъ? Ничего не извѣстно!

— Охъ Господи многомилостливый, Никола Угодникъ, Косьма и Демьянъ безсребряные... — бормотала старуха, качая головой.

— Что колдуешь, старая?—вдругъ услышала Матвѣиха и подняла голову. Рядомъ съ ней, закутавшись съ головой въ армякъ, сидѣла темная фигура.

Матвѣиха вглядѣлась и узнала ее.

— Это ты, Проша?

— Я, самолично я...—фигура не докончила начатой фразы и поперхнулась. Она силилась откашляться, харкала и плевала, низко нагибаясь къ землѣ, такъ что голова уходила совсѣмъ въ колѣни. Во время этихъ усилій армякъ съѣхалъ съ головы и можно было разсмотрѣть желтое—исхудавшее молодое лицо

— Все бьетъ?—полюбопытствовала Матвѣиха.

— Бьетъ... Страсть бьетъ,—отвѣчалъ парень, — все время... Ровно засѣло что въ груди, не отплюнуться...

Парень, наконецъ, откашлялся, передохнулъ и вытеръ рукавомъ рубахи потъ, выступившій на лбу.

Наступило опять молчаніе. Вѣтеръ попрежнему завывалъ, волны тщетно колотились объ обрывъ берега, плескали и разбрасывали брызги. Огонь костра попрежнему метался изъ стороны въ сторону и сырыя полѣнья въ немъ шипѣли и потрескивали. Изъ темноты выступилъ тяжелый силуэтъ мужика въ кожухѣ и, подойдя къ огню, принялся мѣшать палкой въ дровахъ.

— Охъ, Господи, Господи, — вздохнулъ кто-то и по голос можно было догадаться что это была женщина.

— Воѐтъ-то, Воѐтъ-то какъ,—отвѣчалъ другой бабій голосъ.

— Страсть...

— Господи спаси и помилуй!

— Темень-то—зги не видать,—замѣтилъ мужикъ,—вотъ гдѣ вцамъ жуть!

— Не дай Богъ!

— Не тронулъ бы ледъ, будетъ тогда...—послышался хриплый басъ и крякнулъ.

— Не долженъ бы... Дождь силенъ. А когда дождь—льду не бываетъ.

— Сказалъ: не бываетъ! И сколько угодно даже бываетъ!

— Надо думать, что сколько угодно,—вступилъ новый голосъ.

— И завсегда даже бываетъ!

— Лѣтось тоже вотъ падара была, дождь, снѣгъ, а ледъ пошелъ съ Чудского озера,—проворилъ тотъ, что замѣтилъ о темени, и вслѣдъ затѣмъ изъ мрака поднялся мужикъ и подошелъ къ костру. Мужикъ наклонился, долго копался въ кострѣ и, вынувъ, наконецъ, изъ него маленькій уголекъ, закурилъ. Потомъ онъ выпрямился и прислушался.

— Ты чего?—спросили съ бревенъ.

— Тише... Быдто звонъ гдѣ-то? отвѣчалъ онъ, снимая шапку, чтобъ лучше слышать.

Дѣйствительно, порывъ вѣтра, вмѣстѣ съ своимъ дикимъ завываньемъ, принесъ новые звуки. Гдѣ-то звонили, звонили какъ въ набатъ, торопливо и часто. Вѣтеръ подхватывалъ эти звуки, рвалъ ихъ, иногда заглушая, иногда усиливая и тогда казалось, что звонили совсѣмъ близко.

— Это въ Лисьяхъ,—замѣтилъ мужикъ и сталъ раскуривать трубку.

— Должно, въ Лисьяхъ... Ловцовъ сзываютъ...

— Не иначе какъ въ Лисьяхъ. Тамъ въ падару попъ завсегда приказываетъ огонь на колокольнѣ зажигать и звонить въ большой колоколъ.

— Тамъ попъ хорошій...

— Ничего батя... Ишь отзваниваетъ!

Опять всѣ прислушались. Но вѣтеръ, словно разсердившись на звонъ, завылъ и загудѣлъ сильнѣе. Только изрѣдка, когда онъ улеталъ за деревню, въ низкое мокрое поле, съ озера опять доносились все тѣ же торопливые, безпорядочные звуки, отрывистые и слабые, едва могущіе бороться съ грохотомъ волнъ и злостью вѣтра.

— А ловцовъ не слыхать,—сказалъ мужикъ у костра.

— Помилуй Господи—нѣтъ...—согласились съ нимъ.

— Какъ-то доберутся? Ждешь-ждешь, индо сердце изболитъ все,—замѣтилъ бабій голосъ.

Кое-гдѣ раздались вздохи. Всѣ ждали, у всѣхъ изболѣло сердце. У всѣхъ въ воображеніи вставала картина, какъ гдѣ-то тамъ, на холодномъ просторѣ бушующаго озера, борятся съ волнами ихъ отцы, мужья, братья, дѣти... Свирѣпыя волны кидаютъ ихъ лодьи, обрушиваются на нихъ, вѣтеръ рветъ изъ

рукъ весла, дождь хлещетъ ихъ, а они плывутъ, выбиваются изъ силъ, гребутъ...

Всѣ какъ-то сразу замолчали, никто не хотѣлъ говорить, всѣ притихли и слушали. Вѣтеръ попрежнему носился и вылъ, съ яростью озлобленнаго, упорнаго звѣря кидались на берегъ волны, ревѣли, что-то швыряли, что-то ломали. Порою онѣ ударялись въ стѣну берега съ такой силой, что грохотъ ихъ походилъ на грóхотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Изрѣдка среди всѣхъ этихъ звуковъ, издалека, словно совсѣмъ изъ другого міра, доносился торопливый, тревожный звонъ.

Вдругъ Матвѣиха подняла голову. Среди завыванія бури, среди этихъ разнородныхъ звуковъ разгнѣванной стихіи, ей почудился новый звукъ, звукъ такъ не похожій на прежніе побѣдные звуки бури — слабый, беспомощный, звукъ человѣческаго голоса.

Матвѣиха даже не могла сказать навѣрное: слышала ли она этотъ голосъ или онъ ей только почудился. Она склонила голову на бокъ, отвернула отъ уха платокъ, которымъ была повязана, и чутко прислушалась. Все свое вниманіе она сосредоточила на томъ, чтобы въ шумѣ и грохотѣ бури различить почудившійся ей человѣческій голосъ. Она хотѣла не обращать вниманія ни на плескъ волнъ, ни на завыванія вѣтра, ни на трескъ и гудѣніе пламени костра, она искала и хотѣла выдѣлить изъ всѣхъ этихъ звуковъ робкій, жалобный людской крикъ. Но если онъ не показался ей, а былъ на самомъ дѣлѣ, онъ былъ слишкомъ слабъ, слишкомъ безпомощенъ въ сравненіи съ яростными и могучими звуками бурной ночи.

Матвѣиха слушала долго, упорно, собравъ все свое вниманіе на почудившемся ей и пропавшемъ безслѣдно голосѣ. И отъ того ли. что она вся ушла въ желаніе услышать этотъ голосъ и не обращать вниманія на звуки бури, или отъ того, что голосъ этотъ сталъ сильнѣе и громче, но ей показалось, что буря ушла куда-то далеко, пролетѣла мимо, а вмѣсто ея воплей и стоновъ явственно донеслось:

— ...о-о-и-и-те-е-е-е!!! о-о-и-и-те-е-е!!!

Словно кто-то толкнулъ старуху. Она рѣзко, не по лѣтамъ быстро, поднялась.

— Что ты?—спросилъ ее сидѣвшій рядомъ парень.

Матвѣиха качнула головой и снова стала прислушиваться.

— ...о-о-и-и-те-е-е!!! о-о-и-и-те-е-е!!!—отчетливо и ясно услышала она.

— Кричатъ!.. Вóпятъ!—громко и словно не своимъ голосомъ сказала старуха.—На озерѣ вóпятъ!..

Люди заволновались. Сидѣвшіе на бревнахъ поднялись, многіе

подошли къ самому обрыву берега, подъ которымъ въ клубившемся тамъ мракѣ бились и швырялись брызгами волны. Сразу всѣ вдругъ заговорили, загалдѣли и сразу умолкли, насторожившись. Но сначала, кромѣ воя вѣтра и плеска волнъ, они ничего не могли разобрать. Только теперь, чутко прислушавшись, среди этого плеска можно было уловить, какъ на изрубьѣ, границѣ, гдѣ кончается полуверстная берегевая отмель и сразу обрывомъ начинается трехсаженная глубина, съ особой яростью сталкивались волны. Тѣ, которыя ударялись въ берегъ, въ безсильной злобѣ стремились назадъ и на изрубьѣ сталкивались съ новыми, мчавшимися изъ мрака озера, столкнувшись взлетали вверхъ и, обезсиленныя, побѣжденныя новыми волнами, летѣли опять назадъ, на берегъ, чтобы съ дикимъ остервенѣемъ наброситься на него и разсыпаться тысячью брызгъ.

Собравшіеся на берегу люди слышали эту борьбу волнъ, слышали стоны вѣтра и среди нихъ не могли различить слабаго голоса людей. Они не могли выдѣлить этотъ голосъ бури, не могли, какъ Матвѣиха, сосредоточить все свое вниманіе на немъ и напряженіемъ воли и вниманія пропустить мимо всѣ остальные звуки.

Когда играетъ полный оркестръ, надо собрать много вниманія, сдѣлать большое усиліе, чтобы различить среди сливающихся звуковъ многихъ инструментовъ звукъ какой-нибудь флейты или скрипки. Но разъ это удалось, разъ успѣлъ уловить хоть на моментъ одинъ этотъ звукъ—ухо невольно начинаетъ слѣдить за нимъ и всѣ другіе звуки остальныхъ инструментовъ дѣлаются какъ-то незамѣтны, пролетаютъ мимо.

Матвѣихѣ удалось среди безпорядочнаго концерта бушующаго озера поймать ноту человѣческаго голоса. И теперь она улавливала только этотъ голосъ, и голоса бури летѣли мимо нея, не оставляя по себѣ почти никакого впечатлѣнія.

— ...о-о-и-те-е-е!!! По-мо-ги-те-е!—слышала она, слышала такъ ясно, такъ отчетливо, что различала даже, что кричитъ голосъ не одного человѣка, а нѣсколькихъ.

— О-о-и-и-те-е-е!

Вѣроятно, и всѣмъ прислушивающимся на берегу удалось сосредоточить вниманіе и они поймали этотъ крикъ. И сразу всѣ вдругъ зашевелились, засуетились, закричали. Нѣкоторые даже пытались крикнуть въ отвѣтъ что-то, но крикъ этотъ, подхваченный налетѣвшимъ съ озера порывомъ вѣтра, унесся за деревню. Всѣ перекликались между собой, бѣгали, хлопали себя по поламъ полушубковъ и армяковъ, произносили короткія, отрывочныя и въ сущности ничего не выражающія замѣчанія—и все это было какъ-то безпорядочно, растерянно, безпомощно.

Мысль, что гдѣ-то тамъ, въ этомъ черномъ, холодномъ мракѣ, не дальше какъ за полверсты отсюда, на изрубьѣ погибаютъ люди, пришибла, придавила всѣхъ, отняла вдругъ способность думать и соображать. Всѣ безтолково совались изъ стороны въ сторону, куда-то бѣгали, что-то кричали, растерянные, безпомощные, начинали спорить, что-то хотѣли предпринять и ничего не предпринимали. А изъ тьмы ночи, тамъ, гдѣ съ пѣною сшибались другъ съ другомъ, прыгали и клокотали волны, бѣшено носился вѣтеръ, захватывая собою цѣлые потоки дождя — по прежнему почти безнадежно, но теперь ясно и отчетливо доносилось:

— По-мо-ги-те! По-мо-ги-те!

И люди метались еще безтолковѣе, говорили еще громче, спорили еще оживленнѣе и дѣлались все болѣе безпомощны. Казалось, этотъ крикъ разомъ отшибъ у нихъ умъ.

— Это на изрубьѣ, безпремѣнно на изрубьѣ,—кричалъ высокій бородатый мужикъ, и дикій страхъ, нагнанный доносившимся крикомъ, искажалъ нервной судорогой его мокрое отъ дождя, морщинистое лицо.

Молодой парень хлопалъ себя по ляжкамъ и растерянно пов торялъ:

— На камняхъ сѣли... На изрубьѣ на камняхъ сѣли...

А какая-то бабенка, съ вытаращенными отъ страха глазами, страстнымъ движеніемъ прижимала руки къ груди и твердила:

— Ахъ, ахъ, ахъ!..

И всѣ метались, всѣ бѣгали, всѣ ужасались и никто ничего не дѣлалъ.

А буря по прежнему носилась надъ озеромъ, подхватывала волны, бросала ихъ въ берегъ, вѣтеръ то тоскливо стоналъ, то рыдалъ, то вылъ... И всѣ эти звуки были такъ ужасны, такъ сильны, что при одной мысли броситься теперь туда, гдѣ грохотали словно пушечные выстрѣлы волны, гдѣ злобно ревѣлъ и рвалъ вѣтеръ, гдѣ гибли теперь люди, броситься въ озеро—смертельный холодъ сжималъ сердце человѣка.

Крикъ, донесшійся съ озера, полный отчаянія и ужаса, крикъ гибнувшихъ людей, въ каждомъ изъ стоявшихъ на берегу пробудилъ, помимо состраданія, помимо участія, помимо боязни за участь родныхъ—еще одно страшное по своей силѣ и безпощадности чувство: эгоизмъ жизни.

Тамъ, цѣпляясь за обломки разбитой волнами и застрявшей между камнями изрубья лодки, изнемогали люди и въ смертельномъ отчаяніи требовали помощи. Здѣсь на берегу стояли ждавшіе ихъ, боявшіеся за нихъ, любящіе ихъ и слушали этотъ крикъ

топтались на мѣстѣ, ужасались и не помогали. Эгоизмъ жизни убилъ въ нихъ все, убилъ предпріимчивость, смѣлость, даже любовь. Броситься туда, въ этотъ бушующій волнами адъ теперь, сейчасъ—почти значило погибнуть. Волны послѣ первыхъ же взмаховъ веселъ подхватили бы лодку и, какъ щепку, швырнули бы въ камни берега, разбивъ ее въ дребезги. И мысль о погибели, о смерти «сейчасъ» — чувство самосохраненія существа полнаго жизни, протестующаго противъ уничтоженія—оказалась сильнѣе любви, сильнѣе родственныхъ узъ, сильнѣе разсудка...

Матвѣиха все время стояла и прислушивалась. Казалось, она въ эти минуты была внѣ жизни, внѣ той обстановки, которая окружала ее. Она ждала. Чего? Она сама не могла бы сказать, но она спокойно стояла, попрежнему склонивъ свою сѣдую, косматую голову, съ которой платокъ сбился и сползъ на шею, и ждала. И вдругъ, оглянувшись кругомъ, она замѣтила нѣчто странное. Она замѣтила, что всѣ стояли на берегу, топтались на мѣстѣ, и никто никуда не побѣжалъ, никто ничего, казалось, и не думалъ предпринимать.

Сперва Матвѣиха изумилась. Потомъ она внимательнымъ, острымъ взглядомъ своихъ выцвѣвшихъ глазъ, чуть мерцавшихъ изъ подъ нависшихъ бровей, вглядѣлась въ лица толпящихся людей и мотнула головой. Она даже не поняла, что происходитъ въ душѣ каждаго изъ этихъ растерянно топчущихся мужиковъ и бабъ, не поняла сложнаго процесса, который творился тамъ, а просто своей бабьей душей почуяла, что дѣло не ладно. А почуявши, она еще разъ мотнула головой, какъ быкъ, который внезапно разсердился, и, стукнувъ о землю своей старой, какъ и она сама, и такой же кривой клюкой, вдругъ заговорила.

Если бы ее потомъ, когда-нибудь, спросили, что и какъ говорила она тогда на берегу,—она подумала бы, постаралась припомнить и, покачавъ головой, откровенно созналась бы «не упомню!». И она дѣйствительно не помнила.

Она заговорила вдругъ, неожиданно, заговорила громко, какъ будто не своимъ голосомъ, заговорила просто и гнѣвно. Она не искала выраженій, даже не думала о томъ, какъ она скажетъ и поймутъ ли ее, но она говорила ясно и говорила такъ, что всѣ невольно стали ее слушать. И по мѣрѣ того, какъ говорила эта согнутая въ дугу, словно поросшая мохомъ, старуха, страхъ за жизнь, охватывавшій всѣхъ слушавшихъ ее людей; какъ-то таялъ, расплывался, а на смѣну ему являлось новое, невѣдомое дотолѣ чувство, такое же простое и ясное, какъ просты и ясны были слова старухи. Привязанность къ жизни, боязнь за нее, подлый, нелѣпый страхъ смерти незамѣтно отходилъ отъ этихъ людей, и

они поняли, такъ ясно и хорошо поняли, что они *должны* помочь. Это было такъ ясно и такъ просто, что можно было только удивляться, какъ не могли они понять этого раньше.

— Бога, Бога забыли, креста на васъ нѣту! — пересиливая вой бури, кричала Матвѣиха, грозно стуча клюкою по бревнамъ, —есть ли Богъ въ васъ? Что вы? Опом-ни-тесь!!! О чемъ задумались? Христа забыли! Сказано есть: положи животъ свой... Али запамятовали?!

И чѣмъ дальше она говорила, тѣмъ крѣпче становился ея голосъ, рѣзче выраженія, сердитѣе видъ. И странно, и чудно было смотрѣть на эту сгорбленную старуху, одѣтую въ рваный полушубокъ, полы котораго рвалъ и моталъ вѣтеръ, сердитую, старую, рѣзкимъ чернымъ силуэтомъ выдѣлявшуюся на фонѣ костра.

— Христа забыли,—твердила Матвѣиха, сердито стуча своей клюкою,—помните, грѣшники, слова его...

Она вдругъ, такъ же внезапно, какъ и заговорила, умолкла, показала рукой въ ту сторону, откуда неслись крики гибнущихъ людей, и коротко добавила:

— Съ Богомъ!..

Потомъ махнула рукой, раскашлялась старческимъ хриплымъ кашлемъ и, опустивъ голову, присѣла на бревно. И долго еще среди воя бури раздавался ея скрипящій, похожій на собачій лай, кашель, отъ котораго, казалось, въ старой груди ея лопаются и рвутся какія-то ржавыя струны.

А пока она кашляла, у снѣтосушильныхъ печей, тамъ, гдѣ берегъ спускался къ водѣ отлогимъ скатомъ, за деревней, суетились люди, кричали, тащили весла, багры, веревки и выводили изъ заводи ладью. И черезъ нѣсколько минутъ большая ладья, ныряя какъ чайка въ волнахъ, то взлетая наверхъ, то упадая въ бездну, боролась съ откидывающими ее назадъ волнами и стремилась туда, гдѣ все тише и тише раздавались хриплые, полные отчаянія крики:

— Помогите, помогите!..

Матвѣиха дождалась возвращенія лодки. Она все время сидѣла сгорбившись на бревнахъ и что-то бормотала своими ввалившимися губами. И нельзя было понять, шепчетъ ли она молитву, или просто разговариваетъ сама съ собой, или продолжаетъ еще бранить робкихъ, оторопѣвшихъ людей, допускавшихъ на своихъ глазахъ гибель близкихъ.

Черезъ два часа, когда стало еще холоднѣе и силуэты предметовъ стали отчетливѣе и плотнѣе выдѣляться въ сумеркахъ едва занявшагося утра, когда вѣтеръ нѣсколько ослабъ и волны озера не такъ свирѣпо набрасывались на берегъ, словно онѣ

устали, истомились за долгую бурную ночь, пришла назадъ лодка. Матвѣиха пересмотрѣла всѣхъ вернувшихся, убѣдилась, что всѣ цѣлы и никто не погибъ, узнала обстоятельства гибели рыбацкой лодьи, пожалѣла пропавшія снасти и отправилась домой, въ свою одинокую хибарку. Она шла медленно, устало, продрогшая отъ холода и дождя, и на душѣ у нея было тихо и покойно. Прислушиваясь къ этой тишинѣ, она удивлялась, почему и откуда она явилась, и не могла понять этого. То, что она сдѣлала, было такъ просто и несложно, что она почти забыла объ этомъ. Какъ не думала она тогда, когда говорила оторопѣвшимъ и растерявшимся людямъ, поддавшимся слабости жизни, такъ не думала она и теперь, когда все было кончено, сдѣлано. Маленькую искру, совсѣмъ готовую потухнуть, она раздула въ яркое пламя и для нея это было такъ просто...

Она вошла въ избенку, поправила нагорѣвшій фитиль лампадки и стала снимать свой старый полушубокъ.

— Охъ, старъ, старъ сталъ полушубокъ-то,—бормотала она, —ну, да ничего... ужо справимся... сѣти вывяжемъ... ужо... Охо-хо-хо-хо!..

Потомъ она залѣзла на свою убогую кровать, скрипѣвшую и стонавшую словно отъ боли, и—старая, старая, вся сморщенная и сгорбленная, сѣдая и трясущаяся—тихо, какъ ребенокъ, заснула.

Фитиль въ лампадкѣ опять нагорѣлъ и слегка потрескивалъ, однообразно и скучно верещалъ гдѣ-то сверчокъ.. Сѣренькій, бѣлесоватый разсвѣтъ глядѣлъ въ окошко, порой дребезжало заклеенное бумагой стекло подъ порывами обезсилѣвшаго уже вѣтра, да издали, съ озера, доносился усталый плескъ измучившихся и успокаивающихся волнъ...

Викт. В. Муйжель.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ И СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА СЪ НИМЪ.

(Санаторіи, санитарія).

Изъ всѣхъ болѣзней туберкулезъ представляетъ наибольшую соціальную опасность. Онъ подкапывается подъ благосостояніе общества тихо, безъ шума, безъ той помпы, которой сопровождается тріумфальное шествіе чумы или холеры. Онъ дѣлаетъ свое дѣло исподволь, не спѣша, и жертвы его погибаютъ такъ медленно, что туберкулезъ почти пріучилъ къ себѣ и почти примирилъ съ собой людей. У него мягкіе, вкрадчивые аллюры, онъ щадитъ надежду больного до самого конца и даетъ близкимъ его достаточно времени, чтобы освоиться съ мыслью о смерти несчастнаго. И это очень долго маскировало истинный, ужасающій обликъ туберкулеза,—только въ послѣднее время тщательно собранныя цифры открыли обществу глаза. Оказалось, что сравнительно съ туберкулезомъ всѣ Божьи бичи стараго времени—чума, холера, оспа—прямо ничтожны. Я приведу нѣсколько цифръ. Холера со дня появленія ея во Франціи за 70 слишкомъ лѣтъ унесла около 400.000 жертвъ. Туберкулезъ за то же время стоилъ Франціи 6.000.000. Въ Парижѣ и Сенскомъ департаментѣ онъ даетъ въ 38 разъ больше смертей, чѣмъ соединенные итоги оспы и скарлатины, въ 16 разъ больше, чѣмъ тифъ, въ четыре съ половиной раза больше, чѣмъ оспа, скарлатина, тифъ и дифтеритъ вмѣстѣ взятые *). Въ большихъ городахъ каждый пятый, а кое-гдѣ даже и четвертый человѣкъ долженъ умереть отъ туберкулеза. Франція теряетъ благодаря ему ежегодно 150.000 человѣкъ, Германія—170.000, Россія—500.000 и т. д. Эти цифры прямо ужасаютъ. Годовой итогъ потерь человѣчества отъ туберкулеза по такому разсчету долженъ колебаться около 5.000.000 людей и за какихъ-нибудь одно или два столѣтія этотъ, недавно открытый Кохомъ, ничтожный, невидимый врагъ въ состояніи убить больше людей, чѣмъ это сдѣлали всѣ прошлыя катаклизмы, землетрясенія, вулканическія изверженія, войны и страшнѣйшія эпидеміи, взятыя вмѣстѣ.

---

*) Leon Petit. „Le Phthisique et son traitement hygienique“, 1895, 11—15.

*

Какъ я уже говорилъ, мы притерпѣлись къ туберкулезу и не замѣчаемъ ужаса, среди котораго живемъ. Опасность постоянно носится вокругъ насъ: въ поцѣлуѣ, въ глоткѣ молока, въ кусочкѣ мяса, хлѣба, масла, въ самомъ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, во всемъ, что приходитъ съ нами въ соприкосновеніе, можетъ скрываться смерть, и нужно въ сущности удивляться не громадному проценту туберкулезныхъ, а тому, что все-таки еще есть здоровые люди *). Когда туберкулезъ отойдетъ далеко въ прошлое (а это случится рано или поздно), люди будутъ вспоминать съ содроганіемъ наше время, подобно тому, какъ мы сами теперь вспоминаемъ додженнеровскую эпоху.

Но это не все. Вредъ, наносимый туберкулезомъ человѣчеству, не исчерпывается преждевременными, безчисленными смертями. Нужно имѣть въ виду, что туберкулезъ дѣлаетъ человѣка инвалидомъ, задолго прежде, чѣмъ убить его, и что милліоны такихъ несчастныхъ цѣлые годы ждутъ избавленія отъ страданій, лишая общество милліоновъ рабочихъ лѣтъ (рабочіе дни слишкомъ мелкая единица въ этомъ вопросѣ), которые гибнутъ съ ними, отнимая у него другіе милліоны лѣтъ труда, необходимаго для поддержанія ихъ жизни на все время ихъ долгой агоніи. Какая-то страшная язва на общественномъ организмѣ, безостановочно разъѣдающая его и вширь, и вглубь!

Больше всего поражаетъ туберкулезъ бѣдный классъ. Въ Копенгагенѣ на 100.000 жителей умираетъ за годъ отъ него только 260 человѣкъ средняго и высшаго класса, въ то время какъ бѣдный людъ теряетъ 560 человѣкъ. Въ Парижѣ это отношеніе возрастаетъ до 1 : 5 **). Въ Вѣнѣ въ 1891 году туберкулезъ далъ 33% всѣхъ вообще случаевъ смерти (дѣти до 15 лѣтъ были исключены изъ этого разсчета). Въ рабочей средѣ ихъ было за тотъ же годъ 60% ***). И это вполнѣ понятно: дурное питаніе, дурное жилище, тѣснота, непосильный, нездоровый трудъ—всѣ эти спутники бѣдности вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе помощники туберкулеза. Бѣдность и туберкулезъ протягиваютъ другъ другу руку надъ головой человѣка, и оба одинаково толкаютъ его въ могилу. Бѣдность широко отворяетъ двери дома туберкулезу, но послѣдній не остается въ долгу и слишкомъ часто съ первымъ лекарствомъ въ домъ входитъ нищета. Иногда даже трудно сказать, что было причиной и что слѣдствіемъ. Въ одномъ только нельзя ошибиться—въ развязкѣ.

Хотя уже древніе авторы писали о φτίσιο'ѣ, но сущность туберкулезнаго процесса оставалась неизвѣстной до послѣдняго времени. От-

*) Впрочемъ, на основаніи недавнихъ работъ Негели, Буркхардта, Франца и др., слѣдуетъ думать, что во второй половинѣ жизни почти всѣ заражены туберкулезомъ, только, конечно, не въ равной степени.

**) Leon Petit, loc. cit, 8.

***) I. Rabe. „Einfluss der Beschäftigung auf die Morbidität und Mortalität der Tuberculose“, 72 (Verein „Heilanstalt Alland“, „Die Tuberculose“, 1898).

крытія Вильмена и Коха и опирающіяся на нихъ безчисленныя работы двухъ поколѣній врачей ярко освѣтили эту темную область патологіи. Цѣлая армія ученыхъ съ жадностью набросилась на изслѣдованіе всего, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ туберкулезу, и изучили его въ мельчайшихъ деталяхъ, со всевозможныхъ сторонъ. Литература по этому вопросу чрезвычайно велика и все продолжаетъ расти. Каждый день приноситъ, если не новое знаніе, то новыя и новыя книги. Всякое утвержденіе, всякое отрицаніе контролируется десятки и сотни разъ и имѣетъ своихъ сторонниковъ и противниковъ, усердно ломающихъ копья въ слишкомъ многочисленныхъ работахъ. Безконечныя колонны цифръ собираются съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, группируются всевозможнымъ образомъ и даютъ новыя цифры и новое освѣщеніе той или иной детали. И ко всему, даже къ мелочи, заботливо прикрѣпляется этикетка съ какимъ-нибудь собственнымъ именемъ. Чувствуешь себя точно передъ какимъ-то океаномъ, безбрежнымъ и все выше вздымающимся, на которомъ, какъ волны, съ шумомъ и плескомъ сталкиваются идеи. Иногда волнѣ болѣе могучей удается всколыхнуть этотъ океанъ до послѣднихъ глубинъ его (сообщеніе Коха на лондонскомъ конгрессѣ, 1901). Но ни одна изъ нихъ не донесла еще страдающее человѣчество къ другому, желанному берегу, и безконечная и звонкая игра ихъ до сихъ поръ оставалась безплодной. Можетъ быть, мы наканунѣ великаго открытія... Но если нѣтъ? Вѣдь это «наканунѣ» длится уже такъ долго! Колоссальный сорокалѣтній трудъ столькихъ талантливыхъ людей лишь выяснилъ точнѣе то, о чемъ догадывались уже давнымъ давно. Но и только *).

Какъ древніе евреи, скитается уже 40 лѣтъ человѣческая мысль по этой усыпанной костями пустынѣ и все еще не отыскала исхода изъ нея. Она имѣла уже много Моисеевъ, но Навинъ, который выведетъ ее, еще не пришелъ.

Мы знаемъ основательнѣе, чѣмъ раньше, какъ и почему умираютъ отъ туберкулеза, и такъ же мало можемъ помѣшать этому, какъ и сто лѣтъ назадъ. Терапія не извлекла еще ничего существеннаго изъ открытія Коха. Если профилактика туберкулеза и сдѣлала громадный шагъ впередъ, то требованія, которыя она ставитъ, совершенно не подъ силу дѣйствительности, и уберечься отъ палочки Коха мы всетаки не въ состояніи.

Я очень желаю, чтобы мои слова не были ложно поняты. Я не провозглашаю «банкротства» науки. Наука ничего не обѣщаетъ и никого не обманываетъ; и если земля не рай, то не науку слѣдуетъ винить

---

*) Убѣжденіе въ заразительности туберкулеза восходитъ до древности. Въ концѣ XVIII вѣка патолого-анатомы (Morgagni) избѣгали вскрывать чахоточныхъ, боясь заразиться. Въ Италіи еще до 48 года врачи, не доносившіе о больныхъ туберкулезомъ, подвергались строжайшему наказанію и т. д.

въ этомъ. Я искренно и глубоко вѣрю въ нее и убѣжденъ, что только она какимъ-нибудь новымъ, неслыханнымъ облегченіемъ труда разорветъ цѣпь, все еще привязывающую къ землѣ всѣ мысли и поступки большинства людей, и сдѣлаетъ существованіе будущаго человѣка легкимъ и радостнымъ. И если что-нибудь въ насъ протестуетъ противъ безобразія теперешней жизни, то это не разумъ, а душа, голосъ которой спрашиваетъ все громче—когда же будетъ этому конецъ? На глазахъ у насъ, врачей, изъ года въ годъ, изо дня въ день гибнутъ люди, помочь которымъ мы не въ состояніи; мы поддерживаемъ надежду, когда ей уже нѣтъ мѣста, и обманываемъ до послѣдней минуты; не должно ли намъ временами казаться, что человѣчество движется впередъ черепашьимъ шагомъ, не естественна ли овладѣвающая нами нервность, нетерпѣніе или даже недовѣріе скептицизмъ? Не готовы ли и другіе иногда сказать то же самое, что и я? И только тотъ, кто никогда не переживалъ подобныхъ минутъ, кто въ состояніи безмятежно ждать и уповать, пусть кинетъ мнѣ упрекъ въ нападкахъ на науку.

Итакъ до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ специфическаго средства противъ туберкулеза. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ окружающимъ насъ густой тучей ужаснымъ маленькимъ врагомъ и, въ сущности, не знаемъ, что дѣлать. Правда, у насъ есть порядочный арсеналъ микстуръ и порошковъ, и нѣкоторые врачи, не потерявшіе надежды, усердно сражаются этимъ оружіемъ, но, какъ въ извѣстной баснѣ, чаще прихлопывается человѣкъ, чѣмъ кусающая его муха. Другіе, извѣрившіеся, только помахиваютъ этимъ картоннымъ мечомъ, желая дать больному хоть иллюзію защиты. Что бы, однако, мы ни дѣлали, палочки Коха, для которыхъ наши легкія представляютъ такую превосходную питательную среду—остаются побѣдителями. Давно уже врачи, въ виду своего безсилія, стали совѣтовать больнымъ бѣжать отъ врага въ теплыя мѣста, на чистый воздухъ, подальше отъ города, его пыли и шумной, изнуряющей жизни—и, въ результатѣ, благодатные уголки, почти не знавшіе туберкулеза, теперь не уступаютъ въ этомъ отношеніи большимъ городамъ. Все же этотъ принципъ бѣгства изъ города, видоизмѣненный, дополненный и теперь строго регламентированный, считается дающимъ наилучшіе результаты, и въ немъ начали видѣть спасеніе.

Остановимся подробнѣе на этомъ вопросѣ. Уже Гиппократъ считалъ туберкулезъ излечимымъ и совѣтовалъ больнымъ жить на свѣжемъ воздухѣ, въ горахъ или у моря и хорошо питаться. Затѣмъ это было основательно забыто на 2.000 слишкомъ лѣтъ. Въ серединѣ прошлаго вѣка методъ Гиппократа былъ снова открытъ. Въ началѣ 50-ыхъ годовъ англичанка миссъ Найтингаль, сидѣлка, заразившаяся туберкулезомъ, видя безуспѣшность всякаго леченія, отправилась жить

въ деревню. Тамъ она проводила день и ночь на воздухѣ, много и хорошо ѣла и, къ радости своей, стала замѣчать, что силы и здоровье постепенно возвращаются къ ней. Лондонскій врачъ Беннеттъ, лечившій ее, тоже туберкулезный, желая провѣрить на себѣ благодѣтельные результаты такого режима, поселился на югѣ Франціи и, подражая образу жизни своей паціентки, сталъ быстро поправляться. Онъ описалъ оба случая, нѣсколько объяснилъ ихъ и нашелъ много сторонниковъ. Д-ръ Бремеръ въ 1859 году основалъ первую санаторію для туберкулезныхъ въ Герберсдорфѣ, послужившую моделью для большей части другихъ заведеній такого же рода.

Мало-по-малу стали устраивать санаторіи для состоятельныхъ больныхъ, такъ какъ, между прочимъ, оказалось, что вложенные въ это дѣло капиталы помѣщены чрезвычайно выгодно. Leon Petit *) опредѣляетъ дивидендъ такого предпріятія въ 10%, за вычетомъ процентовъ на капиталъ и опредѣленной суммы на амортизацію его. Безъ всякаго сомнѣнія, соображенія коммерческаго характера сыграли громадную роль въ этомъ вопросѣ. Но въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка начинаютъ возникать санаторіи-госпитали и для бѣдныхъ. Въ Швейцаріи, въ Heiligen Schwendi, въ 1891 году, въ Германіи въ 1891—1892 году близъ Фалькенштейна, въ Австріи (1894) въ Alland'ѣ, близъ Бадена и т. д. Въ 1903 году въ одной Германіи уже около 80 такихъ санаторій. Франція, Россія, Италія вступили на тотъ же путь. Англія давно имѣетъ спеціальные полу-госпитали, полу-санаторіи для туберкулезныхъ.

Едва ли какой-нибудь другой медицинскій вопросъ возбуждалъ за послѣдніе годы такой интересъ, какъ леченіе туберкулеза въ санаторіяхъ. И это понятно: результаты леченія, бывшіе въ первое время чрезвычайно скромными, постепенно росли, въ той же степени, какъ и увлеченіе санаторіями. Бремеръ въ 1888 году указалъ 9% выздоровленій и 12% улучшеній. Детвайлеръ изъ Фалькенштейна, сдѣлавъ подсчетъ за 10-лѣтній періодъ, съ 1876 по 1886 годъ, имѣлъ всего 24% выздровленій и улучшеній. Турбанъ изъ Давоса даетъ уже 50% благопріятныхъ исходовъ **). Тотъ же Турбанъ въ отчетѣ, появившемся въ 1899 году, указываетъ уже 66% ***). Госпиталь Wentnor за 1896 — 1897 годъ — 79%, д-ръ Lalesque изъ Аркашона—70% ****), Hahm въ отчетѣ Рупетсгайнской санаторіи за 1896—1898 годъ—79%, Вайкеръ изъ Герберсдорфской санаторіи — 88% и только 6% безъ улучшенія *****), Энгельманъ на лондонскомъ конгрессѣ—

*) l. c., 258.

**) L. Petit, l. c., 97—100, 153.

***) K. Turban. „Beiträge zur Kenntniss der Lungentuberculose“, 1899, 154.

****) Paul Ralle. „Les sanatoriums et l'hospitalisation des turebc. indigents au IV Congr. de la Tuberculose“, 25.

*****) Th. Sommerfeld. „Zur Geschichte der Lungenheilstättenfrage“, 1898, 67, 68.

74%, Билефельдъ на этомъ же конгрессѣ—почти тѣ же цифры *) и т. д., и т. д.

Съ другой стороны, стали замѣчать, что смертность отъ туберкулеза начинаетъ понижаться (Англія, Германія),—все заставляло думать, что найденъ вѣрный путь, пройдя который человѣчество навсегда избавится отъ туберкулеза. Антитуберкулезное движеніе приняло грандіозные размѣры. На санаторіи стали тратиться колоссальныя суммы—въ одной Германіи въ 1900 году ушло около 4.000.000 марокъ—спеціально на содержаніе туберкулезныхъ въ санаторіяхъ.

Отъ санаторій, очевидно, ждутъ многаго. Но что онѣ въ дѣйствительности могутъ дать?

Горячіе сторонники ихъ говорятъ обыкновенно слѣдующее:

«Мы не имѣемъ специфическаго средства отъ туберкулеза, но со временъ Скоды знаемъ, что онъ излечимъ во всѣхъ стадіяхъ. Туберкулезный можетъ спастись скорѣе всего у насъ, въ санаторіяхъ,—это доказывается получаемыми нами великолѣпными результатами (тутъ они повторяютъ приведенныя выше цифры). Можно ли ихъ достигнуть инымъ путемъ? Такого постояннаго медицинскаго надзора, такихъ удобствъ не могъ бы себѣ доставить ни одинъ больной. Много ли въ самомъ дѣлѣ такихъ людей, которые были бы въ состояніи имѣть въ качествѣ домашнихъ врачей Бремера или Детвайлера? Въ санаторіи это доступно всякому, даже человѣку безъ большихъ средствъ. Больной получаетъ у насъ какъ бы лоттерейный билетъ и можетъ выиграть свою жизнь. Обнадеживая его, мы сами увѣрены въ этомъ». Врачъ можетъ сказать больному, что туберкулезъ излечивается, вѣдь это правда; что нѣтъ болѣзни, болѣе подающейся леченію, если оно начато заблаговременно и внимательно проводится, и это тоже правда, что излеченіе стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія—послѣднее, хотя и менѣе вѣрно, но все же случается достаточно часто **). Тамъ, гдѣ уже нельзя спасти, мы облегчаемъ и дѣлаемъ самую смерть менѣе мучительной. Надежда больного, которая при всякомъ другомъ леченіи, такъ часто смѣняется тяжелымъ разочарованіемъ и отчаяніемъ, въ санаторіи никогда не покидаетъ его: ему кажется, что здѣсь болѣзнь теряетъ надъ нимъ свою силу и, въ самомъ дѣлѣ, онъ начинаетъ чувствовать себя у насъ лучше, успокаивается, и, какъ бы послѣ ему ни было плохо, онъ все надѣется. Больной, побывавшій въ санаторіи, выноситъ спасительныя привычки, онъ воспитанъ наново и никогда не будетъ источникомъ заразы для окружающихъ.

---

*) „Verhandlungen der ständigen Tuberculose Commission der Gesellsch. deutsch. Naturforscher uud Aerzte“, in Hamburg, 1901, 99.

**) Послѣднія фразы принадлежатъ проф. Grancher: „Rapport sur la prophylaxie de la tuberculose“. „Bull. de l'Acd. de med.“ 1898, t, XXXIX, p. 483.

Покончивъ съ гуманитарной стороной дѣла, сторонникъ санаторій переходитъ къ указанію на экономическія выгоды, представляемыя ими. «Сколько бы денегъ общество ни затратило на санаторіи, — продолжаетъ онъ,—всегда оно будетъ въ выигрышѣ. Въ Германіи, напримѣръ, ежегодно умираетъ отъ туберкулеза 90.000 человѣкъ въ возрастѣ между 15 и 60 годами. Если допустить, что 12.000 больныхъ помѣщаются въ санаторіяхъ, и что, благодаря этому леченію, 9.000 могутъ вернуться къ своему труду еще на 3 года, то, считая годовой заработокъ въ 500 марокъ, валовой соціальный выигрышъ выразится въ суммѣ 13.500.000 марокъ. Послѣ вычета изъ этой суммы стоимости леченія и процентовъ на вложенные капиталы, остается еще 7.500.000 марокъ *). Эти выгоды успѣли уже учесть германскія страховыя общества отъ инвалидности и старости. Онѣ нашли возможнымъ лечить своихъ туберкулезныхъ, у нѣкоторыхъ имѣются даже собственныя сенаторіи. Такія общества никогда не ошибаются и не бросаютъ денегъ на вѣтеръ. Ежегодно уносятся въ землю колоссальныя суммы. Благодаря санаторіямъ, мы имѣемъ въ рукахъ средство остановить эти хроническія потери изъ кассы народнаго благосостоянія. Пока въ нихъ спасеніе. Поэтому нужно устроить какъ можно больше санаторій, и только тогда, когда ихъ будетъ достаточно, позволительно надѣяться выйти побѣдителями изъ борьбы съ туберкулезомъ.

Когда аудиторія подготовлена такимъ образомъ, обыкновенно раздается призывъ къ самой широкой общественной благотворительности и указывается на чрезвычайную отзывчивость общества въ какой-нибудь чужой странѣ.

Эти немногія мысли составляютъ базисъ, на которомъ покоится уже обширная литература. Онѣ разростаются, смотря по таланту, эрудиціи и воодушевленію авторовъ, въ болѣе или менѣе интересные доклады, рѣчи, статьи и книги. И нужно сознаться, что увлеченіе заводить апостоловъ антитуберкулезнаго движенія слишкомъ далеко и часто лишаетъ ихъ способности критически относиться къ цифрамъ и фактамъ. Мнѣ не разъ приходилось наталкиваться на страницы, чтеніе которыхъ прямо вызывало непріятное чувство. Какое-то нарочитое, беззавѣтное довѣріе къ разнаго рода отчетамъ, подсчетамъ, разсчетамъ, какое-то надоѣдливое безсильное топтаніе на одномъ мѣстѣ съ многословнымъ пережевываніемъ давно уже на весь свѣтъ выкрикнутыхъ идей!

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ оспопрививаніе стало обязательнымъ, оспа почти уничтожена. Въ Германіи въ 1897 году отъ нея умерло только трое. По старому же, додженнеровскому коэффиціенту смертности она должна была бы дать свыше 100.000. Ничтожная операція, всѣмъ

*) Netter et Beaulavon. «Du traitement des tuberculeux indigents dans les sanatriums». «Presse médicale», 3 août 1898, № 64, p. 61.

доступная, почти ничего не стоющая, спасаетъ ежегодно милліоны жизней.

Предположимъ на минуту, что Дженнера не было, и что мы вынуждены бороться съ оспой извѣстными намъ гигіеническими и санитарными мѣрами. Кто станетъ утверждать, что намъ удалось бы когда-либо достигнуть этимъ путемъ результатовъ оспопрививанія: одной смерти на 18 милліоновъ населенія? Мы постоянно находились бы въ осадномъ положеніи, въ вѣчномъ страхѣ, громадныя суммы тратились бы на госпитали, на изоляцію, на конгрессахъ громко и тщетно требовались бы тѣ или иныя измѣненія въ совмѣстной жизни людей, а оспа дѣлала бы свое дѣло. Методы леченія возникали бы, какъ грибы, на оспѣ создавались бы репутаціи, слава, состоянія, но поколѣнія сходили бы одно за другимъ въ землю и все не видѣли бы конца ей. Борьба съ туберкулезомъ находится еще въ подобной стадіи.

До сихъ поръ неизвѣстно, какъ сдѣлать человѣческій организмъ неуязвимымъ для палочки Коха, и пока приходится брать ее, такъ сказать, изморомъ. Чтобы провести до конца борьбу съ туберкулезомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ это теперь считается необходимымъ, нужно было бы:

Изолировать всѣхъ неизлечимыхъ больныхъ въ спеціальные пріюты и держать ихъ тамъ до смерти.

Помѣстить всѣхъ подающихъ надежды на излеченіе въ санаторіи и оставить ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока они не перестанутъ быть опасными для общества.

Перерѣзать весь больной туберкулезомъ скотъ, сколько бы его ни было.

Видоизмѣнить или уничтожить громадное число производствъ и доставить каждому здоровое жилище и достаточную здоровую пищу. Если вспомнить, что всѣ эти операціи нужно было бы сдѣлать въ одинъ разъ (по очень понятной причинѣ), что туберкулезные исчисляются милліонами, что койка въ санаторіи обходится около 1.500 руб. *), что содержаніе больного стоитъ около рубля въ день, что больныхъ слѣдуетъ лечить неопредѣленно долгое время **), что нельзя уничтожить всего больного скота ***) и т. д.; если вспомнить, что будь даже

*) Въ Руперсгайнѣ—3.466 мар., въ Мюнхенѣ—4.460, въ Альбертсбергѣ—2.515, въ Брунсвикѣ—3.100, въ Галле—5.500, въ Альтонѣ—2.500 (Beaulavon).

**) Тѣ нѣсколько недѣль, которыя бѣдные больные проводятъ въ санаторіяхъ, совершенно недостаточны. Въ санаторіяхъ, устроенныхъ для платныхъ больныхъ, время леченія длится гораздо дольше. Въ отчетѣ д-ра Турбана за 1889—1896 г. 408 паціентовъ пробыли у него въ Давосѣ 90.789 дней, т.-е. каждый около семи мѣсяцевъ въ среднемъ, причемъ многіе оставались дольше года, другіе (17%) возвращались въ санаторію 2—3 раза.

***) Впрочемъ, если будущее оправдаетъ надежды, вызываемыя послѣдними работами Беринга по иммунизаціи рогатаго скота, то эта мѣра станетъ излишней.

невозможное возможнымъ, все-таки этимъ путемъ не удалось бы очистить земной шаръ отъ палочки Коха*), и что черезъ нѣкоторое время пришлось бы все начинать сначала, то современный принципъ борьбы съ туберкулезомъ покажется въ своеобразномъ свѣтѣ.

Вѣдь степень жизненности, пригодности его состоитъ именно въ возможной для него ширротѣ примѣненія, и если онъ на дѣлѣ приводитъ къ абсурду, то, какъ принципъ, онъ никуда не годенъ.

Мы видѣли, какое большое количество положительныхъ исходовъ леченія показываютъ отчеты о дѣятельности санаторій.

Если сопоставить данныя, полученныя врачами, *непричастными* къ санаторіямъ, то получается совершенно иная картина **). Цифры и факты, которымъ теперь поклоняются, говорятъ такимъ же двусмысленнымъ языкомъ, какъ и древнія божества, и всякій можетъ истолковывать ихъ, какъ ему угодно. Старые полу и совершенно заброшенные методы леченія туберкулеза давали въ рукахъ своихъ творцовъ такіе же блестящіе результаты, какъ и современные, напр: вдыханія паровъ фтористо-водородной кислоты доставили Garcin'у 76% положительныхъ результатовъ ***), провѣренныхъ двухлѣтнимъ наблюденіемъ. Подкожныя вспрыскиванія 1% и 2% раствора карболовой кислоты по Filleau et Petit ****) излечили вполнѣ 30 человѣкъ и значительно улучшили состояніе здоровья у 61 изъ 122 больныхъ, которые были подвергнуты ими этому леченію. Burlureaux, вспрыскивающій подъ кожу своимъ больнымъ колоссальныя дозы креозота и доводящій ихъ до менингита *****), тоже имѣетъ въ своемъ распоряженіи превосходную статистику и т. д., и т. д.

Въ отчетахъ санаторій красивыя цыфры могутъ получаться чрезвычайно легко—неудобные для ихъ авторовъ случаи спокойно исключаются, а остальные безъ всякаго затрудненія размѣщаются по подходящимъ рубрикамъ ******). О строгой точности и достовѣрности не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ дѣло идетъ объ очень растяжимыхъ понятіяхъ. И дѣйствительно, какъ установить рѣзкія грани для руб-

---

*) Доводы Flügge «Deutsche Medic. Wochenschrift» 1904, № 5), противъ повсемѣстной распространенности (Ubiquität) туберкулезной бациллы не совсѣмъ убѣдительны. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности остановиться на этомъ.

**) Pfeiffer. „Zeitschrift für Krankenpflege", 1897, № 6.

***) Communication á l'Academie de Medecine le 20 Septembre 1887.

****) Filleau et Petit. Recherches experimentales et cliniques sur le traitement aseptique de la phthisie pulmonaire".

*****) „Discussion à la société médicale des hopitaux" (Paris) Tavier et Fevrier 1896.

******) Sommerfeld, loc. cit, 70, говоря объ отчетѣ санаторіи въ Rehburg'ѣ указываетъ на то, что изъ него исключены случаи, въ которыхъ туберкулеза либо не было, либо онъ былъ сомнителенъ. Онъ отмѣчаетъ это обстоятельство потому, что въ отчетахъ другихъ санаторій этого не дѣлается! Все сваливается въ одну кучу.

рикъ: выздоровѣлъ, очень поправился, просто поправился, способенъ къ труду, условно способенъ къ труду, или Erfolg I, Erfolg II, Erfolg III *)? Все это чисто субъективныя, вполнѣ произвольныя оцѣнки. Объективныхъ данныхъ почти нѣтъ, а имѣющіяся могутъ быть разно истолкованны **). Д-ръ Турбанъ въ своей статистикѣ ***) не употребляетъ слова «излеченіе», говоря, что въ немъ можно убѣдиться лишь на секціонномъ столѣ, въ то время какъ отчеты другихъ врачей пестрѣютъ терминами geheilt, gueri. Кохъ, которому трудно отказать въ компетентности въ этомъ дѣлѣ, на лондонскомъ конгрессѣ возставалъ противъ увлеченія санаторіями: по его мнѣнію, достигаемые въ нихъ результаты сводятся только къ тому, что 20% больныхъ по окончаніи леченія не имѣютъ больше бациллъ въ своихъ мокротахъ. Вдобавокъ, Кохъ придаетъ этому скорѣе профилактическое, чѣмъ терапевтическое значеніе. Pfeiffer утверждаетъ, что улучшеніе сказывается, главнымъ образомъ, въ благотворномъ психическомъ воздѣйствіи на больного. Это внушеніе дѣлаетъ, по его мнѣнію, сноснымъ для больного его состояніе, особенно по сравненію съ товарищами по несчастью, о леченіи которыхъ не заботятся такъ внимательно ****). Какъ мы далеки отъ восторженности Leon Petit, Beaulavon'а и многихъ другихъ! И такое противорѣчіе во мнѣніяхъ встрѣчается на каждомъ шагу: одни, напр., утверждаютъ, что ослабленіе туберкулеза въ Англіи вызвано удачнымъ леченіемъ больныхъ въ санаторіяхъ, другіе видятъ въ этомъ слѣдствіе изоляціи неизлечимыхъ. Для однихъ Германія обязана пониженіемъ смертности отъ туберкулеза своимъ санаторіямъ, для другихъ это пониженіе только кажущееся: смертность только задержана на нѣсколько времени и т. д. и т. д. Эти вѣчныя продолжающіяся и по сегодняшій день несогласія во взглядахъ и выводахъ показываютъ, какъ мы еще далеки въ вопросѣ о туберкулезѣ отъ настоящаго непреложнаго знанія.

Но въ этомъ вопросѣ есть еще одинъ чрезвычайно важный моментъ. Туберкулезъ не у всѣхъ протекаетъ одинаково. Подъ вліяніемъ еще неизвѣстныхъ причинъ болѣзнь словно чѣмъ-то задерживается, больной начинаетъ чувствовать себя лучше, онъ меньше кашляетъ, аппетитъ и полнота возвращатся, рвота, жаръ и поты исчезаютъ. Эти

---

*) Sommerfeld, l. c., 70.

**) Напримѣръ, увеличеніе вѣса больныхъ постоянно отмѣчалось и отмѣчается съ величайшею точностью. Въ сущности оно имѣетъ очень небольшое значеніе. Sommerfeldl. c. 85 по этому поводу говоритъ: я припоминаю цѣлый рядъ больныхъ, вернувшихся изъ санаторій пополнѣвшими, вызывавшихъ у меня невольныя восклицанія удивленія и восторга. Занявшись своимъ старымъ дѣломъ, они умирали спустя короткое время. Это можетъ подтвердить каждый врачъ.

***) K. Turban, l. c., 134.

****) Pfeiffer. Zeitschrift für Krankenpflege, 1897, № 6, S. 135.

остановки его, картинно называемыя французами trêves—перемиріемъ, могутъ длиться цѣлые годы, иногда цѣлую жизнь. Вскрытія Вибера въ парижскомъ Моргѣ, Loomis'а въ Нью-Іоркѣ и др. доказали это съ достаточночною ясностью. Это знали уже Laënnec, Gueneau de Mussy, Scoda. Зарубцевавшіеся бугорки, даже каверны, не представляютъ рѣдкихъ находокъ секціоннаго стола, и то, что Ziemssen, Ollivier, Loomis и др. въ такихъ старыхъ давно потухшихъ очагахъ туберкулеза находили все еще вирулентныхъ бациллъ, только устанавливаетъ интересный фактъ, но нисколько не ослабляетъ возможности прожить до старости съ многочисленными колоніями бациллъ въ легкихъ.

Какимъ путемъ идетъ природа въ этихъ случаяхъ—мы не знаемъ, но съ ними нужно считаться, такъ какъ они несомнѣнно увеличиваютъ активы (если не создаютъ ихъ) всякой терапіи туберкулеза. И если при разсмотрѣніи результатовъ леченія въ санаторіяхъ приходится имѣть въ виду съ одной стороны вѣроятность намѣренныхъ и ненамѣренныхъ ошибокъ и увеличеній въ отчетахъ, и съ другой—возможность самоизлеченій, то едва ли какая-либо оцѣнка можетъ быть названа чрезмѣрно-низкой.

Но такое огульное отрицаніе метода, дающаго, какъ многіе утверждаютъ великолѣпные результаты, недостаточно. Чтобы точнѣе оцѣнить его, подойдемъ поближе къ этимъ «великолѣпнымъ результатамъ».

Предположимъ, что изъ санаторіи выписывается больной geheilt, guéri, gebessert, amélioré или съ какой-нибудь другой подходящей этикеткой. Онъ въ восторгѣ и полонъ радужныхъ надеждъ, онъ поправился, поздоровѣлъ и чувствуетъ себя превосходно. Предположимъ еще, что нашъ больной, прощаясь со своимъ врачомъ, спрашиваетъ его: «Что же вы мнѣ посовѣтуете теперь, докторъ?» Богатому человѣку врачъ отвѣтитъ приблизительно слѣдующее: «Продолжайте вести дома такой же образъ жизни, какъ у насъ, и вы будете долго жить; но если когда-нибудь вы почувствуете себя плохо, то вернитесь къ намъ какъ можно скорѣе». (Ученикъ Бремера скажетъ ему: «Живите, если можете, тамъ, гдѣ вы вылечились»). Перспектива такого будущаго должна сразу омрачить настроеніе больного. Жить такъ, какъ въ санаторіи! Это значитъ вѣчно думать о ѣдѣ, о воздухѣ, о солнцѣ, о своихъ мокротахъ, о кашлѣ—и никогда о радостяхъ, заботахъ и нуждахъ жизни. Что же это за излеченіе? Что это за жизнь? Больной не можетъ не казаться самому себѣ какой-то дорогой игрушкой съ сложнымъ механизмомъ, испорченной, плохо исправленной и поэтому негодной ни для игры, ни для дѣла, и только, если инстинктъ жизни въ немъ чрезвычайно силенъ, можетъ быть ему и удастся исковеркать свое существованіе на требуемый ладъ.

Бѣдняку, леченіе котораго оплачивается страховымъ обществомъ или какимъ-нибудь другимъ учрежденіемъ, врачъ скажетъ иное. «Вы пробыли у насъ 13 недѣль, вы поправились и снова можете взяться

за ту же работу. Избѣгайте излишествъ, ѣшьте побольше и свободное время проводите на свѣжемъ воздухѣ». Совѣтовать бѣдному человѣку жить покойно, не утомляясь, хорошо питаться и т. д.—это значитъ смѣяться надъ нимъ. Больной идетъ на смерть, и врачъ это знаетъ. Больного ждетъ его старая трудовая жизнь, та же фабрика, тоже ремесло, та же темная и тѣсная квартира, которымъ онъ обязанъ своею болѣзнью. Жалкія 13 *) недѣль которыя онъ провелъ въ санаторіи, дали ему возможность отдохнуть, можетъ быть наѣсться до сыта, но вѣдь онъ не выздоровѣлъ. Жизнь, въ которую онъ вошелъ крѣпкимъ и бодрымъ юношей, сломила его здоровье. Долго ли выдержитъ онъ на этотъ разъ съ тѣми же израненными, только слегка зажившими легкими?

Но врачъ знаетъ также, что при даровомъ леченіи не жизнь больного, не благородные и гуманные мотивы стоятъ на первомъ планѣ, а нѣчто другое. Въ санаторіяхъ, содержимыхъ страховыми обществами, цѣль ясна: тутъ просто и откровенно имѣется въ виду спекуляція. Спекуляціей опредѣляется отборъ больныхъ, спекуляціей обусловливается продолжительность и стоимость леченія, спекуляціи служитъ врачъ-директоръ санаторіи. Больной долженъ вернуть себѣ не здоровье, а работоспособность—до перваго обществу нѣтъ дѣла. Истощенный организмъ, во-время поддержанный, можетъ доставить еще кое-какіе барыши, и санаторіи помогаютъ выколачивать изъ умирающихъ все звонкое золото, которое они раньше уносили съ собой въ могилу.

Вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ бѣдныхъ больныхъ—одинъ изъ важнѣйшихъ. Оказалось, что спустя 3—4 года послѣ выхода изъ санаторіи результаты леченія сохраняются только у немногихъ (и то только въ смыслѣ работоспособности), остальные за это время обыкновенно умираютъ **). Та истина, что чахоточнаго невозможно превратить въ здороваго рабочаго, ярко сіяетъ сквозь всѣ статистическіе туманы, и вѣчный, не дающій покоя вопросъ—что же нужно дѣлать—попрежнему стоитъ передъ нами. Было предложено много прекрасныхъ вещей: улучшеніе жилищъ, борьба съ алкоголизмомъ, экономическій подъемъ рабочихъ массъ и т. д. Но на первый планъ выдвигалась необходи-

*) Больной обыкновенно не остается дольше 13 недѣль въ этихъ санаторіяхъ („Verhandlungen der ständ. Tuberc. Commission", l. c. 102).

**) По отчету германскаго санитарнаго вѣдомства, изъ 2.147 больныхъ, за которыми слѣдили впродолженіи четырехъ лѣтъ, через полгода работоспособность сохранилась у 80%, через три съ половиной—четыре года—у 20%, остальные умерли, либо потеряли работоспособность. Чрезвычайно странно слѣдующее обстоятельство: у другой категоріи больныхъ, плохо поправившихся и выписавшихся изъ санаторій неработоспособными, черезъ 4 года оказалось 18% *работоспособныхъ!!* (Коварскій „Русскій Врачъ", 1903 г., № 22, стр. 847—849). Энгельманъ даетъ, правда, высшій процентъ—40%, къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о томъ, въ какомъ состояніи были легкія этихъ счастливцевъ.

мость доставить больнымъ болѣе легкій и здоровый трудъ, такъ какъ прежній оказывался для нихъ непосильнымъ и гибельнымъ. Не трудно понять, что въ этомъ направленіи можно достигать кое-чего, только пока число санаторій и лечившихся въ нихъ больныхъ незначительно. Но, вѣдь, никто не думаетъ ограничивать этого числа. Наоборотъ. Что же будетъ, если когда-либо придется имѣть дѣло съ десяткомъ или десятками тысячъ больныхъ? Куда ихъ дѣвать по окончаніи леченія? Можно ли для всѣхъ найти занятіе легкое, здоровое и экономически обезпечивающее ихъ существованіе? Медицински неразрѣшимый вопросъ становится соціально неразрѣшимымъ. Какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ безсильно вертится человѣческая мысль! Въ самомъ дѣлѣ, леченіе небольшого числа даетъ возможность сдѣлать для нихъ все необходимое, зато остальные—большинство будутъ погибать, оставшись безъ помощи. Но если поставить своею цѣлью леченіе большихъ массъ, то нужно заранѣе примириться съ преждевременною гибелью ихъ вскорѣ по окончаніи леченія. Какъ въ нашихъ былинахъ: направо—худо, налѣво—и того хуже.

Подведемъ итоги: санаторіи даютъ только суррогатъ леченія, и суррогатъ неудобный, громоздкій и невѣрный. Онѣ доступны преимущественно богатому классу и лишь рѣзче подчеркиваютъ соціальное неравенство, царящее въ нашемъ обществѣ. Уже поэтому одному нужно искать что-нибудь другое, лучшее. Антидифтеритная сыворотка вспрыскивается одинаково ребенку князя и ребенку послѣдняго нищаго, точно также прививка отъ бѣшенства, прививка оспы—вотъ идеалъ всенароднаго, вседоступнаго средства. Если бы существовалъ законъ, по которому эти спасающіе методы были-бы привилегіей одного какого-нибудь класса, мы всѣ считали бы его ужаснымъ, безчеловѣчнымъ, невозможнымъ, и наше негодованіе сломило бы такой законъ. Но теперешнее состояніе туберкулезнаго вопроса именно столь же ужасно и невозможно. Общественный организмъ усыпанъ безчисленными, неизлечимыми язвами, а намъ съ паѳосомъ предлагаютъ въ складчину заклеить двѣ-три изъ нихъ. Это, по меньшей мѣрѣ, смѣшно. Это закрываетъ наши глаза, это обманываетъ насъ и, обманывая, успокаиваетъ. Филантропія, къ которой постоянно взываютъ, обѣщающая открыть каждому за грошъ двери въ царство небесное, такъ часто вызываемая мотивами столь далекими отъ душевной доброты и сочувствія къ несчастнымъ, съ большимъ трудомъ и съ большимъ шумомъ приготовляетъ кусочки цѣлебнаго пластыря для этого организма, и такъ какъ подъ нимъ болѣзненный процессъ менѣе замѣтенъ, то на весь міръ кричатъ объ ея успѣхахъ. Правда, изъ шума, поднятаго вокругъ туберкулезнаго вопроса, медленно выростаетъ реформа современной больницы, но это не измѣнитъ дѣла, такъ какъ больничная

реформа можетъ только облегчить смерть для немногихъ, но не въ силахъ удержать улетающей жизни *).

Бо́льшихъ, но не большихъ результатовъ можно ожидать и отъ гигіены, профилактики.

Гигіена и санитарія чрезвычайно тяжелыя и неудобныя орудія въ борьбѣ съ болѣзнями. Онѣ походятъ на старинныя стѣнобитныя машины, которыми наши предки когда-то пытались брать укрѣпленныя мѣста. Съ большимъ трудомъ подвѣшивались громадныя бревна на подвижныхъ помостахъ, медленно, какъ черепахи, подползали къ стѣнамъ, долго раскачивались на удерживавшихъ ихъ канатахъ и, наконецъ, ударяли въ стѣны. Но крѣпкія стѣны въ отвѣтъ только насмѣшливо гудѣли.

Изъ твердыни, которую себѣ создали въ человѣческомъ обществѣ всевозможныя заразныя болѣзни, гигіенѣ удается выбивать отдѣльные кирпичики, небольшіе камешки, драгоцѣнные, я съ этимъ согласенъ, но все-таки колоссальное зданіе еще прочно и попрежнему налегаетъ на насъ всею своею тяжестью. Гигіена, жонглирующая услужливыми цифрами, охотно, точно на большомъ вселенскомъ смотру парадируетъ своими успѣхами въ нѣсколькихъ густо населенныхъ

*) На Западѣ увлеченіе санаторіями приходитъ къ концу. Даже въ Германіи послѣ того, какъ на санаторіи было израсходовано 40 милліоновъ марокъ, начали охладѣвать къ нимъ. Стало яснымъ, что все время гнались за химерой, и что за дѣло взялись не съ начала, а съ конца. Послѣ десятилѣтняго опыта убѣдились, что возможное теперь леченіе туберкулеза и предохраненіе отъ него сводятся въ главномъ къ одному и тому же—къ установленію болѣе сносныхъ формъ существованія; рѣшили, что не слѣдуетъ, спокойно сложа руки, смотрѣть, какъ гибнетъ рабочій, и окружать его запоздавшими попеченіями только тогда когда онъ сталъ инвалидомъ. Центръ тяжести антитуберкулезнаго движенія переносится на улучшеніе гигіеническихъ и экономическихъ условій жизни бѣднаго люда. И такъ какъ это потребуетъ большихъ затратъ, то ростъ санаторій долженъ остановиться (Коварскій. „Русскій Врачъ", 1903 г., № 22, стр 847—849). Будущее покажетъ, что дастъ новое направленіе.

Во Франціи въ самое послѣднее время ассигнованы громадныя суммы на устройства новыхъ больницъ для туберкулезныхъ и на приспособленіе старыхъ для той же цѣли.

Урокъ Германіи, очевидно, пропадаетъ даромъ для Россіи. Мы имѣемъ уже 15 санаторій, 5 строятся, 22 въ проектѣ („Münchener Medicinische Wochenshrift", 1904 г., № 19, стр. 845); будутъ, слѣдовательно, потрачены милліоны на дѣло въ настоящее время уже осужденное. Мы и бѣднѣе западно-европейскихъ государствъ, и въ гораздо большей степени, чѣмъ они, нуждаемся въ разумной медицинской помощи населенію. Отъ туберкулеза, напр., у насъ однихъ гибнетъ ежегодно почти столько же, сколько во всей Западной Европѣ. Поэтому мы должны быть очень осмотрительны и очень осторожны, мы должны ловить на лету и пользоваться самыми новыми, самыми послѣдними результатами опыта Западной Европы, а не ходить за ней съ вѣчнымъ опозданіемъ.

Въ этомъ вопросѣ Германія направилась по ложному пути и, пройдя его, оказалась снова у той же исходной точки. Мы стоимъ на полдорогѣ—развѣ ужъ такъ необходимо и намъ идти до конца?

*

пунктахъ нашей планеты — благоустройствомъ большихъ городовъ, канализаціей, водопроводами, садами, большими больницами, широкими солнечными улицами и другими благами, доступными для ничтожнаго меньшинства человѣчества. Но, какъ на всякомъ парадѣ, всѣ безсчетные, затхлые, темные углы, вся грязь и соръ оставляются въ тѣни. Нужно самому пожить въ подобномъ углу, гдѣ жизнь людей не имѣетъ почти ничего человѣческаго, гдѣ царятъ невѣжество, нищета, тѣснота и болѣзни, гдѣ эпидеміи, разъ появившись, не прекращаются, нужно собственными глазами видѣть, какъ невыполнимы въ громадномъ большинствѣ случаевъ простѣйшія указанія гигіены и профилактики, чтобы понять, какъ долженъ быть ограниченъ возможный районъ ихъ примѣненій. Кромѣ того ненужно забывать, что работа гигіенистовъ плодотворна только при постоянной, размѣренной, установившейся общественной жизни, и что при неизбѣжныхъ отклоненіяхъ отъ сложившихся нормъ все идетъ на смарку (казарменная жизнь, тюрьмы, войны, эмиграціонные потоки).

Гигіена подобна кормчему, способному вести свое судно только въ тихіе дни, по зеркально-неподвижной водѣ, и теряющему руль въ бурю. Можно ли чувствовать себя спокойномъ на этомъ суднѣ?

Существеннѣйшій принципъ современной, да, впрочемъ, и всякой жизни —производить цѣнности, какъ можно быстрѣй и дешевле. Вмѣшательство гигіены и санитаріи становится ему поперекъ дороги; полученные благодаря имъ успѣхи были первыми, и, поэтому, самыми легкими и большими. Чѣмъ дальше, тѣмъ каждый шагъ будетъ меньше и труднѣе. Не надо обманывать себя и строить на нихъ воздушные замки,—при первомъ столкновеніи съ гигантскимъ механизмомъ, опутавшимъ невидимыми неразрывными нитями земной шаръ и держащимъ въ нихъ незыблемо весь укладъ нашей жизни, эти замки разлетятся, какъ дымъ. Горькія разочарованія уже были испытаны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ засѣдалъ конгрессъ, посвященный, главнымъ образомъ, выработкѣ предохранительныхъ мѣръ противъ распространенія туберкулеза—предложено было уничтоженіе зараженнаго мяса, дезинфекція боенъ, ежедневная дезинфекція вагоновъ и трамвая желѣзной дороги, дезинфекція отелей и меблированныхъ комнатъ и т. д. Французское правительство, которому постановленія конгресса были представлены на разсмотрѣніе, нашло ихъ невыполнимыми въ виду громадности требуемыхъ ими издержекъ. Требованія гигіены повсюду натолкнутся на подобный отвѣтъ. Продезинфецировать нашу планету и одними правительственными декретами доставить ея обитателямъ безбѣдное и здоровое существованіе одинаково невозможно *).

*) Многія изъ вышеприведенныхъ соображеній въ полной мѣрѣ относятся и къ такъ называемой амбулаторной помощи туберкулезнымъ, почему я о ней не буду говорить особо. Больныхъ лечатъ на дому, имъ выдаютъ лекарства, семьѣ, если нужно, оказываютъ матеріальную поддержку, ее знакомятъ съ основными правилами гигіены, дезинфецируютъ повторно квартиру

Туберкулезный вопросъ во всемъ своемъ ужасѣ стоитъ передъ нами такъ же открытымъ, какъ и во времена Гиппократа. Уже десятки вѣковъ люди тщетно ждутъ чуда, которое избавило бы ихъ отъ этого неумирающаго минотавра. Теперь мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что оно не заставитъ себя долго ждать. За послѣдніе годы съ окружающаго насъ неизвѣстнаго въ разныхъ точкахъ была сдернута завѣса, наука о природѣ неожиданно шагнула впередъ, когда почти казалось, что дальше идти некуда, и открыла новые, удивительные горизонты, и будетъ прямо большой незадачей, большимъ несчастьемъ, если въ открывающейся предъ человѣчествомъ свѣтлой полосѣ, не найдется того, что ему такъ нужно.

Д-ръ Мих. Юшкевичъ.

От ъ редакціи. Мы согласны съ д-ромъ Юшкевичемъ, что всѣ мѣры, предлагавшіяся для борьбы съ туберкулезомъ, въ томъ числѣ и санаторіи, нужно считать только палліативами и «суррогатами» настоящаго леченія и излеченія, но съ другой стороны мы считаемъ справедливымъ выдвинуть и другую точку зрѣнія, о которой въ своихъ широкихъ общественныхъ и медицинскиихъ переспективахъ авторъ забылъ,—точку зрѣнія самихъ больныхъ. Конечно, для общественной санитаріи не имѣетъ большого значенія, что тотъ или иной чахоточный проживетъ на 3 года больше послѣ леченія въ санаторіи, не имѣетъ значенія, во-первыхъ, потому, что больной этотъ все же навсегда останется инвалидомъ, и во-вторыхъ, что даже такихъ счастливцевъ немного: у большинства больныхъ не хватаетъ средствъ и на такое леченіе. Все это такъ, но для *самого* больного три лишнихъ года жизни и нѣсколько болѣе сносное существованіе далеко не безразличны. Поэтому, если санаторіи въ силахъ гарантировать такой «суррогатъ» чахоточнымъ, то уже оправдываютъ свое существованіе и ихъ дѣятельность нужно признать большимъ шагомъ впередъ.

Также нужно смягчить, по нашему мнѣнію, и суровый приговоръ д-ра Юшкевича по отношенію къ гигіенѣ и санитаріи. Всякому ясно, что одно знаніе научныхъ нормъ безсильно улучшить условія жизни въ русской деревнѣ, въ лондонскихъ трущобахъ и у папуасовъ, но въ этомъ, конечно, не виновата ни гигіена, ни санитарія, и безпорно, что водопроводы и канализація все же сильно понизили смертность въ большихъ европейскихъ городахъ. *Ред.*

и т. д. Помощь по возможности индивидуализирована, врачъ сообразуется съ особенностями каждаго даннаго случая. Какъ ни симпатична сама по себѣ эта идея, все-таки пока амбулаторная помощь туберкулезнымъ остается, да будетъ мнѣ позволено это выраженіе, „суррогатомъ суррогата". Она можетъ получить общественное значеніе только послѣ того, какъ будетъ найдено specificum отъ туберкулеза.

* * *

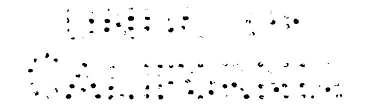
Мы были на пребрежьи возлѣ скалъ.
Насъ обвѣвалъ веселый вѣтеръ южный.
Подъ шорохъ волнъ, таинственный и дружный,
Всю жизнь мою тебѣ я разсказалъ.

У волнъ въ пескѣ гурьбой рѣзвились дѣти,
Звенѣли крики, смѣхъ и голоса,
И ясно улыбались небеса
На этотъ шумъ, счастливѣйшій на свѣтѣ.

Ты ласково спокойныхъ умныхъ глазъ
Отъ моего лица не отводила,
И руку ты въ моей рукѣ забыла,
И слушала безмолвно мой разсказъ.

Все, что тогда въ твоемъ я встрѣтилъ взорѣ,
Мнѣ не забыть... и первый день весны,
И шумъ дѣтей, и пѣніе волны,
И счастіе, открытое, какъ море.

А. Ѳедоровъ.

Предсмертный завѣтъ Антона П. Чехова.

† 2-го іюля 1904 г.

Печальная вѣсть изъ Баденвейлера о внезапной кончинѣ Антона П. Чехова какъ разъ въ то время, когда въ состояніи его здоровья наступало, повидимому, улучшеніе, отзывается тяжелымъ ударомъ въ сердце. Есть что-то безумно-роковое въ этой смерти, такъ неожиданно подорвавшей надежды на «новое слово», котораго дожидались отъ Чехова по мѣрѣ проясненія его міросозерцанія. Давно уже ощущались просвѣты; все настойчивѣе провидѣлъ Чеховъ наступленіе лучшаго будущаго, которое, по его мнѣнію, такъ же неизбѣжно должно было смѣнить настоящее, «какъ за іюлемъ идетъ августъ», но онъ замеръ на смутной вѣрѣ въ это будущее, которое еще отъ насъ далеко, и не далъ своимъ ожиданіямъ опредѣленной формулы, не воплотилъ предтечей лучшаго будущаго въ образы, съ ясно указанными положительными чертами. Художникъ и поэтъ переходной эпохи, онъ съ большей силой обличалъ, клеймилъ, разоблачалъ,—правда, дѣлая все это мягко, даже любовно по отношенію къ человѣческимъ свойствамъ изображаемаго лица, которыя могли служить противовѣсомъ отрицательнымъ чертамъ типа,—чѣмъ создавалъ новое, долговѣчное не только по мастерству изображенія,—ибо въ этомъ отношеніи, конечно, произведенія Чехова переживутъ вѣка,—но по сущности изображенныхъ характеровъ, типовъ, свойствъ человѣческой природы. Положительныя черты есть, но ихъ немного, и выражаются они больше въ стремленіяхъ, въ чаяніяхъ и надеждахъ, а не въ дѣйствіи.

И все-таки Чеховъ куда-то насъ велъ. За послѣдніе годы каждое его новое произведеніе имѣло значеніе литературнаго событія. Къ нему съ жадностью прислушивались и все ожидалось еще что-то новое, большое; казалось, не время подводить итоги; вотъ, посмотримъ, что онъ дастъ въ слѣдующій разъ, какъ довершитъ намѣченное вскользь въ прежнихъ произведеніяхъ... Ибо Чеховъ работалъ, такъ сказать, въ открытую. Между его произведеніями есть интимная, органическая связь, и въ позднѣйшихъ вещахъ авторъ досказывалъ, дорисовывалъ то, что раньше было лишь эскизнымъ наброскомъ. Его произведенія группируются по серіямъ и творческая работа автора развертывается передъ читателемъ, при болѣе внимательномъ изученіи этихъ серій. Авторъ шелъ со своимъ поколѣніемъ, впереди него, но онъ пережилъ тѣ же фазисы духовнаго

броженій, тѣ же колебанія, смутныя думы, разочарованія и поиски, что и его сверстники—поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ. Онъ долго казался одинокимъ. Между тѣмъ у него были близкіе сверстники между писателями, выступившими еще въ концѣ 70-хъ годовъ,—Гаршинъ, Короленко,—отъ которыхъ его отдѣляло лишь нѣсколько скептическое отношеніе къ «догматамъ» прежняго міровоззрѣнія, желаніе идти своимъ путемъ и дѣйствительное освобожденіе отъ всего традиціоннаго и всего апріорнаго, какъ въ воззрѣніяхъ на жизнь, такъ и въ пріемахъ творчества. Начало его литературной карьеры очень своеобразно. Ко многому онъ вернулся, или, вѣрнѣе, пришелъ самостоятельно къ тому же, отъ чего вначалѣ сторонился. Его «человѣкъ съ молоточкомъ»—знаменательный поворотъ въ его міросозерцаніи, съ призывомъ къ дѣятельному добру и широкой любви къ человѣчеству. За послѣдніе годы онъ страшно выросъ; заговорили о «чеховской волнѣ» въ новѣйшей литературѣ; Антонъ Павловичъ оказался во главѣ цѣлаго поколѣнія молодыхъ писателей, которые всѣ, въ томъ или другомъ отношеніи, къ нему примыкаютъ. Онъ былъ старшимъ между ними и сталъ казаться уже давнимъ. Прошлой зимой даже зашла рѣчь въ печати объ его предстоящемъ юбилеѣ, въ виду, какъ оказывается, ошибочной даты, приведенной почти во всѣхъ біографическихъ очеркахъ о Чеховѣ,—будто онъ выступилъ въ литературѣ еще въ 1879 году. «Увѣряю васъ,—писалъ намъ по этому поводу А. П. Чеховъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—юбилей мой (если говорить о 25-тилѣтіи) еще не наступилъ и будетъ не скоро. Я пріѣхалъ въ Москву, чтобы поступить въ университетъ, во второй половинѣ 1879 г. (19-ти лѣтъ); первая бездѣлушка въ 10—15 строкъ была напечатана въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1880 г., въ «Стрекозѣ»; если быть очень снисходительнымъ и считать началомъ именно эту бездѣлушку, то и тогда мой юбилей пришлось бы праздновать не раньше, какъ въ 1905 году»... Его, оказывается, не суждено было вовсе праздновать, но дань признательности общества была все же принесена автору, благодаря иниціативѣ московскаго художественнаго театра, безъ пріуроченія къ какой-либо «юбилейной» датѣ, въ январѣ текущаго года. «Какъ бы то ни было,—продолжалъ А. П. Чеховъ въ томъ же письмѣ,—на первомъ представленіи «Вишневаго сада», 17-го января, меня чествовали, и такъ широко, радушно и въ сущности такъ неожиданно, что я до сихъ поръ никакъ не могу придти въ себя»... Авторъ выражалъ признательность,—«самую глубокую, прямо отъ сердца»—тѣмъ, которые о немъ вспомнили. Сочувственное отношеніе общества дорого художнику, какъ стимулъ къ дальнѣйшей творческой дѣятельности: въ данномъ случаѣ, однако, это было лишь признаніе прошлыхъ заслугъ, послѣдній, прощальный привѣтъ общества человѣку, котораго дни были сочтены, но онъ унесъ съ собой отрадное сознаніе, что онъ работалъ не даромъ, что нашелъ еще при жизни широкій откликъ своимъ созданіямъ...

Признаніе Чехова первокласснымъ художникомъ совершилось не сразу, но и самъ онъ въ своей дѣятельности «Чехонтэ» не давалъ возможности предугадать того, кѣмъ онъ сталъ уже черезъ пять-шесть лѣтъ послѣ своихъ пер-

выхъ дебютовъ въ литературѣ. «Степь» и въ особенности «Скучная исторія» была для многихъ настоящимъ откровеніемъ относительно объема дарованій молодого автора юмористическихъ разсказовъ. Послышалась трагическая нотка въ перемежку съ искрами ранняго неистощимаго остроумія, которое вспыхнуло живыми блестками и въ послѣднемъ его произведеніи, въ «Вишневомъ саду». Но «Скучная исторія», затѣмъ «Палата № 6», «Іонычъ», вся серія «пестрыхъ разсказовъ», «Хмурыхъ людей» и, наконецъ, «Мужики», «Моя жизнь», «Въ оврагѣ»—раскрывали все болѣе и болѣе мыслителя въ художникѣ, который раньше казался не только безпристрастнымъ, но и, до нѣкоторой степени, какъ бы безучастнымъ созерцателемъ безотрадной жизни. Въ авторѣ почуялась глубина. Стали подыскивать формулы для опредѣленія основной черты его міровоззрѣнія и пріемовъ его творчества. Напомнимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, Н. К. Михайловскій вскорѣ послѣ появленія «Скучной исторіи», назвалъ автора *поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости*. Скабичевскій видѣлъ въ Чеховѣ *крайняго идеалиста*, а г. Андреевичъ характеризовалъ его настроеніе, какъ *героическій пессимизмъ*; г. В. Волжскій называетъ Чехова *пессимистическимъ идеалистомъ*, т.-е. признающимъ моральную цѣнность идеала, однако, безъ увѣренности въ его фактическомъ торжествѣ въ жизни. Въ Чеховѣ усматривали преемника Гоголя и Щедрина, причемъ пр. Овсянико-Куликовскій, развивая эту параллель, опредѣлялъ пріемы сатиры Чехова какъ бы своего рода *художественные опыты*, при намѣренно одностороннемъ и даже предвзятомъ подборѣ чертъ, которыми авторъ характеризуетъ изображаемое имъ лицо. Обратно г. Овсянико-Куликовскому, г. В. Альбовъ выставлялъ положеніе, что Чеховъ совсѣмъ не сатирикъ по основному тону своихъ произведеній: *онъ слишкомъ чутокъ къ боли*. На всѣ явленія онъ смотритъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія—«смысла и цѣли». По мнѣнію г. Л. Оболенскаго, Чеховъ высказываетъ *любящую жалость ко всему на свѣтѣ*... Всѣ приведенныя опредѣленія и характеристики касаются разныхъ сторонъ дарованій и воззрѣній Чехова, и, при кажущемся противорѣчіи между ними, возможно до нѣкоторой степени ихъ примирить при совокупномъ и цѣлостномъ разсмотрѣніи литературной дѣятельности покойнаго писателя. Теперь, подъ впечатлѣніемъ горестнаго извѣстія, не мѣсто входить въ подробный разборъ его произведеній. Намъ уже приходилось раньше высказываться противъ опредѣленій міросозерцанія Чехова, какъ пессимистическаго по существу: «просвѣты» не сразу явились, а подготовлялись исподволь и, вообще, оказались возможными только потому, что ранній пессимизмъ Чехова никогда не сводился къ выработанной системѣ. Онъ видѣлъ мрачныя стороны жизни и изображалъ ихъ въ соотвѣтствующихъ краскахъ, но отнюдь не обобщалъ, какъ нѣчто неизмѣнное и роковое. Поэтому, его позднѣе выраженная вѣра въ приходъ и конечное торжество свѣтлаго будущаго является естественнымъ продуктомъ духовной эволюціи автора, который пришелъ лишь къ окончательному выводу, что таинственный міровой процессъ завершается въ человѣкѣ, который живетъ не для себя, а для другихъ, грядущихъ поколѣній, и когда наста-

*

нутъ миръ и счастье на землѣ, «помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь»... Автору присущъ своеобразный, *динамическій* пантеизмъ, который, выясняя смыслъ всего существущаго, указываетъ на цѣль долженствованія, на опредѣляющее послѣдовательное претвореніе того, что есть, въ то, что желательно и что должно быть. И такимъ образомъ въ концѣ своей литературной дѣятельности Чеховъ уже не былъ только «поэтомъ тоски по общей идеѣ», но проповѣдникомъ такой идеи на фонѣ еще далекой отъ ея воплощенія сумерочной дѣйствительности.

Онъ все же, какъ художникъ, ближе всего стоялъ къ этой дѣйствительности и по преимуществу только ее и изображалъ. Его личныя воззрѣнія прорывались въ небольшихъ лирическихъ вставкахъ, субъективный характеръ которыхъ сталъ особенно чувствоваться въ его пьесахъ. Изъ нихъ то они и были, главнымъ образомъ, восприняты, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ Чехова. Конечно, именно вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ,—въ «Дядѣ Ванѣ», въ «Трехъ сестрахъ»,—они сильнѣе ощущались какъ субъективныя признанія автора. Ихъ почти нѣтъ въ его послѣдней пьесѣ «Вишневый садъ», которая неожиданно оказалась его лебединой пѣснью, и невольно возникаетъ вопросъ, въ чемъ именно сказался предсмертный завѣтъ автора, не поддался ли онъ опять пессимистическому настроенію, представивъ рядъ изобличительныхъ картинъ? Пьесы Чехова, вообще, возбуждаютъ многіе сложные вопросы, которые мы не имѣемъ въ виду рѣшать теперь же. Онъ выступилъ у насъ въ театрѣ новаторомъ, въ какой бы мѣрѣ ни вдохновлялся западными образцами новѣйшей формы драмы, одновременно реалистичной и символичной; онъ совершенно оригиналенъ въ содержаніи—въ выборѣ и обработкѣ сюжетовъ своихъ пьесъ; онъ создалъ *свой* театръ, который ужъ пріобрѣлъ адептовъ данной школы; онъ объективенъ въ воспроизведеніи явленій реальной жизни, оставаясь весьма субъективнымъ въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ дѣйствительности. Не даромъ его драматическія произведенія были названы «театромъ настроеній». Такъ въ чемъ же выразилось «настроеніе» Чехова въ его послѣднемъ произведеніи, какая его основная идея въ смыслѣ прощальнаго завѣта обществу художника-мыслителя въ его предсмертномъ творческомъ актѣ?

Намъ эта идея, принимая во вниманіе прежнюю дѣятельность Чехова, представляется скорѣе утѣшительной, несмотря на преобладаніе отрицательныхъ свойствъ въ выставленныхъ личностяхъ, на опредѣленную сатирическую окраску, приданную всему произведенію, на отсутствіе вполнѣ новыхъ типовъ и въ особенности типовъ положительныхъ. Нѣкоторые намеки на положительное міросозерцаніе усматривались въ рѣчахъ студента Трофимова и въ стремленіяхъ Ани, которую сопоставляли съ героиней одного изъ послѣднихъ разсказовъ Чехова—«Невѣста». Однако, не трудно замѣтить, что авторъ отнюдь не имѣлъ въ виду выставить Аню и Трофимова какими-то героями: Трофимова онъ надѣлилъ нѣкоторыми «смѣшными» чертами «облѣзлаго барина» съ явно обличительными намѣреніями; Аню представилъ въ блѣдныхъ тонахъ, какъ самую обыденную, «среднюю» дѣвушку, которая ни по личнымъ свойствамъ, ни въ

особенности по полученному безтолковому воспитанію, не подходитъ къ роли героини. Кто-то сравнивалъ эту парочку съ картиной Рѣпина—«Какой просторъ», и сравненіе это вполнѣ вѣрно. Юношескій порывъ есть, но, въ переносномъ смыслѣ, Аня и Трофимовъ также, какъ студентъ и молодая дѣвушка на картинѣ Рѣпина, словно плывутъ на какой-то льдинѣ, едва держащейся у берега, навстрѣчу волнамъ, охваченные жаждой простора, но безъ ясной программы жизни, бсзъ опредѣленно выраженной цѣли и направленія дѣятельности. Они показатели средняго уровня. Конечно, не такія лица создаютъ движеніе, а движеніе ихъ создаетъ, и въ этомъ смыслѣ они особо знаменательны: стало быть, движеніе есть, стало быть, оно сильно, если захватываетъ въ свои ряды даже такихъ среднихъ личностей, безъ выдающихся индивидуальныхъ свойствъ, даже безъ большой личной инициативы. На нихъ мы видимъ лишь отраженіе волны, и, какъ во всякомъ отраженіи, рельефнѣе выступаютъ нѣкоторые недостатки отражаемаго образа, въ увеличенномъ размѣрѣ. Но съ откровенностью, достойной всякаго сочувствія, Трофимовъ приходитъ къ сознанію, что—«надо перестать восхищаться собой: надо бы только работать». Его идеализмъ, также какъ и мечты Ани, отличается нѣкоторой смутностью, кромѣ этого главнаго, преобладающаго сознанія, что—«хорошіе разговоры у насъ только для того, чтобы отвести глаза себѣ и другимъ». Остановка за дѣломъ, а дѣло требуетъ не словъ, а работы. Трофимовъ это сознаетъ, но извѣстно, что сознаніе только половина исправленія, и Любовь Андреевна съ полнымъ правомъ бросаетъ ему въ глаза пресловутое словечко Фирса—«недотепа». Это выраженіе становится, съ легкой руки Чехова,—классическимъ. Оно примѣняется, поочередно, чуть что не ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ и въ самой комедіи Чехова и едва ли не символизируетъ главную мысль даннаго его произведенія: Россіи нужны люди, люди дѣла, работники, а пока въ ней преобладаютъ «недотепы», едва ли не во всѣхъ классахъ общества, представители которыхъ выставлены въ «Вишневомъ саду»: тутъ дворяне, купецъ изъ крестьянъ, учащаяся молодежь, старый слуга, полуинтеллигентный приказчикъ, новый типъ прислуги, наконецъ, даже гувернантка изъ бывшей балаганной фокусницы (выборъ чрезвычайно характеренъ для разлагающагося барскаго рода,—ибо, очевидно, что не будь и сама Любовь Андреевна въ своемъ родѣ тоже «недотепой»—она не рѣшилась бы взять въ воспитательницы для дочери дѣвушку изъ среды акробатовъ; но какъ тонко съумѣлъ авторъ выдѣлить трагическую нотку въ этой несчастной Шарлоттѣ Ивановнѣ, безъ роду, безъ племени, даже «безъ фамиліи» и безъ опредѣленнаго пристанища, и какъ сильно пробиваются «слезы сквозь смѣхъ» особенно въ ея послѣднемъ фокусѣ, когда она укачиваетъ мнимаго ребенка въ своемъ дорожномъ пледѣ). Не забытъ мимоходомъ и «босякъ» (прохожій)—эта современная разновидность лишнихъ людей, тоже не нашедшихъ себѣ настоящей работы.

Умыселъ автора, намъ кажется, всего рельефнѣе выступаетъ при сравненіи двухъ, вполнѣ противоположныхъ по свойствамъ своей натуры личностей, но раздѣляющихъ въ нѣкоторомъ отношеніи общую участь. Это—Епиходовъ и Ло-

пахинъ. Оба отчасти новыя явленія въ русской жизни, не абсолютно новые, конечно, но созданія послѣреформенной эпохи, безъ привязей въ далекомъ прошломъ. По личнымъ свойствамъ они глубоко противоположны: Епиходовъ глупъ, но онъ честенъ, прямодушенъ и зараженъ «умственными стремленіями» (даже Бокля читалъ!). Его преслѣдуютъ «22 несчастья», потому что онъ весь какой-то недодѣланный. Дайте ему болѣе законченное, хотя бы и отнюдь не «высшее» образованіе, поставьте въ извѣстную колею, даже надѣньте, если угодно, шоры, которыя необходимы такимъ ограниченнымъ натурамъ, и изъ него выйдетъ человѣкъ, какихъ много; онъ будетъ даже полезнымъ. А пока и онъ «недотепа».

Въ противоположность Епиходову—Лопахинъ обладаетъ весьма недюжиннымъ природнымъ умомъ, у него громадная энергія, смѣлость и проницательность въ практическихъ вопросахъ; онъ талантливый предприниматель и, несмотря на свое «плебейское происхожденіе», обладаетъ нѣкоторыми рыцарскими чувствами къ владѣльцамъ Вишневаго сада. Однако, онъ также, какъ Епиходовъ, постоянно попадается въ просакъ, и авторъ, повидимому, намѣренно приводитъ его къ тому, что Лопахинъ дѣлаетъ все напротивъ своимъ настоящимъ намѣреніямъ. Только у Епиходова его неудачи происходятъ по внѣшнимъ обстоятельствамъ, такъ какъ онъ не въ состояніи руководить своей жизнью, а у Лопахина—въ силу внутреннихъ недочетовъ въ немъ самомъ, вслѣдствіе чего онъ справляется только съ нѣкоторыми сторонами жизни, а другія отъ него ускользаютъ. Въ самомъ дѣлѣ—онъ тоже «недодѣланный», и отсюда двойственность его натуры и особенно—непослѣдовательность въ его стремленіяхъ и поступкахъ. Сложный образъ, мастерски очерченный авторомъ. Лопахинъ исключительно своимъ умомъ вышелъ въ люди, нажилъ большое состояніе, пріобрѣлъ нѣкоторый внѣшній лоскъ цивилизованнаго человѣка. А настоящей культурности, которою опредѣляется умѣнье пользоваться даже прирожденными свойствами и направлять ихъ, въ немъ все же нѣтъ. Книжекъ читать онъ не можетъ, не понимаетъ, и приходитъ къ грустному сознанію, что—«ежели подумать и разобраться, то остался мужикъ мужикомъ». Онъ въ вѣчномъ противорѣчіи съ собой, все по причинѣ той же недодѣлки, и въ немъ постоянно чередуются — кулакъ и порядочный человѣкъ, какъ двоится его образъ на рѣдкость смышленаго предпринимателя съ «неотесаннымъ мужикомъ», окутаннымъ потемками невѣжества. Въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ удружить совѣтомъ своимъ бывшимъ «благодѣтелямъ», а въ результатѣ—отчасти, конечно, по ихъ винѣ, отчасти по неудержимому влеченію не упускать выгоднаго случая наживы (если бы этого свойства за нимъ не было, то какъ бы онъ разбогатѣлъ?)—онъ оказывается въ концѣ концовъ самъ владѣльцемъ вишневаго сада, самъ принужденъ выселить тѣхъ, кому онъ искренне желалъ добра. И никто за это на него не претендуетъ, ибо — такова жизнь. Лопахинъ не могъ придумать иной комбинаціи—все это вышло какъ-то нечаянно. Не могъ онъ и жениться на Варѣ, хотя давно зналъ объ ея расположеніи къ нему (любовь — было бы слишкомъ сильное слово въ данномъ случаѣ), и самому она нравилась, не

могъ, ибо чего-то въ ней не хватало, а въ себѣ онъ не чувствовалъ умѣлости, чтобы сдѣлать изъ нея настоящаго человѣка, себѣ подъ пару. Варя — пустоцвѣтъ, заѣденный домашними заботами. Какъ пріемышъ въ домѣ, она чувствовала себя подавленной сложными обязательствами и утратила, въ безплодной борьбѣ съ нелѣпыми обстоятельствами разоряющейся барской семьи,—свою индивидуальность, стала не самостоятельной личностью, а словно какимъ-то движущимся механизмомъ для надзора за хозяйствомъ. Какъ ей устроить свою личную жизнь, когда она сама по себѣ почти что не существуетъ; какъ Лопахину взять ее себѣ въ жены, когда онъ отъ нея и слова не слышитъ «отъ себя», а все только про хозяйственныя дрязги и заботы, внѣ которыхъ у нея какъ бы нѣтъ своей личной жизни. Лопахинъ, повидимому, это почувствовалъ въ рѣшительную минуту объясненія, да такъ и не сумѣлъ выразить, не сумѣлъ пробудить въ Варѣ стремленіе къ иной жизни. Экономку онъ всегда сможетъ себѣ достать, а вотъ чего-то иного, большаго, что онъ ожидалъ бы отъ жены— этого онъ въ Варѣ не нашелъ. И не сумѣлъ этого высказать, конечно, ибо тогда проблема гораздо проще разрѣшилась бы. Чеховъ слишкомъ большой художникъ, чтобы досказывать свои замыслы устами своихъ героевъ: они не говорятъ больше того, что могутъ сказать; остальное представляется выводу читателей или зрителей. Намѣчается этотъ выводъ—именно противорѣчіями Лопахина и тѣмъ, что онъ до конца попадается въ просакъ. Такъ и въ послѣднемъ актѣ: приказавъ, очевидно, дровосѣкамъ придти рубить лѣсъ, когда прежніе «господа» уѣдутъ, онъ назначилъ день отъѣзда, не сообразивъ, что рубить могутъ начать рано, до выѣзда на станцію,—что и случилось, и Лопахинъ снова мучается своей «недовоспитанностью» и получаетъ справедливый упрекъ въ недостаткѣ простого такта. Тоже и во многомъ другомъ. Итакъ, разница въ несчастьяхъ, преслѣдующихъ Епиходова, и въ неудачахъ Лопахина заключается только въ томъ, что Лопахинъ, какъ человѣкъ инціативы, больше ощущаетъ отвѣтственность за свои промахи, да и на самомъ дѣлѣ больше за нихъ отвѣтственъ. Но его «недодѣланность» исключительно зависитъ отъ общаго состоянія культурныхъ условій въ Россіи. Когда перемѣнятся эти условія—онъ станетъ цѣльнымъ и сильнымъ человѣкомъ. Онъ уже самъ теперь содѣйствуетъ въ извѣстномъ смыслѣ ихъ измѣненію, ибо умѣетъ работать. Пройдетъ немного времени и между Лопахиными и томящимися по живому дѣлу Трофимовыми, которые пока умѣютъ только «хорошія слова» говорить, установится большая близость на почвѣ взаимнаго восполненія: слова и дѣла сольются, мысли воплотятся въ работѣ.

Раневская и ея братъ, Гаевъ, отчасти повтореніе типовъ, уже представленныхъ Чеховымъ въ его «Чайкѣ». Но отношеніе къ нимъ автора — новое. Мы не будемъ здѣсь настаивать на этомъ сравненіи, ограничившись указаніемъ, что Раневская гораздо глубже и симпатичнѣе очерчена, чѣмъ актриса въ «Чайкѣ», и Гаевъ, несмотря на комическій шаржъ въ его обрисовкѣ, надѣленъ бо́льшими положительными свойствами, чѣмъ братъ Треплевой. Раневскую, при всемъ ея непростительномъ легкомысліи и безтолковой жизни,

Аня по праву называетъ—«милой, доброй, прекрасной», указывая, что у нея есть еще жизнь впереди и осталась ея — «хорошая, чистая душа». Конечно, врядъ ли эта жизнь будетъ отвѣчать тѣмъ планамъ, которые рисуются въ мечтахъ Ани (откуда бы этой дѣвочкѣ, не знающей жизнь, и создать болѣе опредѣленную и болѣе правдоподобную программу жизни), но возможно, что когда Раневская «изживетъ» свой романъ, она найдетъ себѣ какое-нибудь дѣло въ большемъ согласіи съ ея положительными душевными качествами. Развѣ мало такихъ случаевъ? Личная жизнь неудачно прожита; горькій опытъ выяснилъ всю недостаточность прежнихъ навыковъ и прежняго воспитанія. Человѣкъ и въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ можетъ себя передѣлать, когда сознаніе указало, въ чемъ именно заключались заблужденія прошлаго. Но пускай саму Раневскую и затянетъ тотъ камень, который у нея шеѣ, который, — какъ она говоритъ, она любитъ такъ, что «безъ него жить не можетъ»; она отдѣлалась отъ другихъ романтическихъ грезъ и суевѣрій, связанныхъ съ вишневымъ садомъ. Въ ней отнынѣ проснулся человѣкъ, вмѣсто прежней «барыни», и эту спасительную операцію невольно совершилъ Лопахинъ. Раневская попрежнему къ нему расположена, любезна, внимательна, даже несмотря на то, что онъ не женится на Варѣ, что онъ у нихъ отнялъ завѣтное помѣстье. Это не спроста. Она чувствуетъ, что тутъ дѣло не въ самомъ Лопахинѣ, а въ чемъ-то иномъ, большемъ, что должно перевернуть всѣ ея взгляды. Сердиться на Лопахина было бы не только мелко, недостойно, но было бы совершенно ребяческимъ пріемомъ въ родѣ того, какъ побить скамейку, о которую ушибся. Въ душѣ Раневской долженъ произойти сложный процессъ и въ концѣ концовъ, она, мнившая,—въ разговорѣ съ Петей,— что знаетъ и понимаетъ настоящій смыслъ жизни, теперь чувствуетъ, что онъ, пожалуй, откроется и въ другомъ направленіи. Сознаніе въ ней еще неполное; но оно скоро окончательно прояснится, и исчезнетъ та смутная недодѣланность, которая пока является главной причиной, парализующей ея добрые порывы. Она съ ужасомъ узнаетъ, что вслѣдствіе ея постоянной растерянности и хроническаго легкомыслія, хотя лишь косвеннымъ образомъ по ея винѣ (она распорядилась, конечно, иначе), Фирсъ остался въ домѣ послѣ ихъ отъѣзда. Разумѣется, всѣ шансы за то, что за Фирсомъ вернутся (Аня посылаетъ въ догонку письмо къ доктору, думая, что Фирса уже отвезли въ больницу, такъ что ошибка должна скоро открыться), но автору нужно было показать, до какихъ предѣловъ *можетъ* довести усвоенное съ дѣтства легкомысліе и непониманіе условій реальной жизни. Въ смиреніи Раневской, какъ бы подавленной сознаніемъ собственной вины, отражается наличность новыхъ идей и новыхъ требованій жизни, въ силу которыхъ она не протестуетъ противъ своей судьбы, а какъ бы склоняется передъ вѣяніями новой жизни, почуявъ ихъ могучій приливъ. И даже въ смутныхъ рѣчахъ Ани ей должна слышаться новая благовѣсть. Гаевъ, также какъ и его сестра, человѣкъ добрый, съ «чистой душой», также выступаетъ жертвой нелѣпаго воспитанія и подавленъ своимъ безплоднымъ фразерствомъ. Но онъ именно «подавленъ» этимъ сознаніемъ своей непри-

годности, а элементы къ положительной дѣятельности въ немъ все же есть. Его рѣчи не столько глупы сами по себѣ, какъ представляются некстати, по нелѣпымъ поводамъ. При другихъ условіяхъ, онъ, конечно, не сталъ бы обращаться съ «привѣтствіями» къ шкапамъ и его рѣчистость приняла бы форму хотя бы парламентаризма. Еще шагъ—и изъ него могъ бы выработаться настоящій ораторъ. Гаевъ тоже недовоспитанный и въ своемъ родѣ «недодѣланный», за отсутствіемъ живого дѣла, въ которомъ бы нашли примѣненіе его способности. Одна и та же мысль автора послѣдовательно проведена имъ черезъ всѣ дѣйствующія лица его пьесы, не исключая второстепенныхъ, какъ горничная полу-барышня Дуняша и нахватавшійся внѣшняго лоска лакей Яша. Этотъ Яша уже видитъ смѣшныя стороны своего бывшаго барина, передъ кѣмъ не только не чувствуетъ никакой приниженности, но по временамъ прямо съ нимъ дерзокъ. Своихъ недостатковъ онъ, конечно, не ощущаетъ, а только чувствуетъ, что остаться при прежнихъ условіяхъ жизни, въ «необразованной» странѣ, не можетъ. Ну, этотъ пускай себѣ уѣзжаетъ въ Парижъ или куда угодно: это самое ничтожное лицо въ пьесѣ и если мы о немъ вспомнили (какъ могли бы перечислить и другіе эпизодическія лица комедіи), то потому лишь, что въ «Вишневомъ саду» усматривается удивительная стройность и цѣльность композиціи: всѣ части цѣлаго органически сплетаются, какъ необходимыя звенья, черезъ которыя проходитъ нитью одна и таже основная мысль автора, показанная съ разныхъ сторонъ. Вообще, по ясности плана и цѣлостности замысла это одно изъ самыхъ законченныхъ, а пожалуй, что и самыхъ совершенныхъ, съ формальной стороны, произведеній автора. Идея же Чехова, изобличающаго одинъ изъ самыхъ серьезныхъ недочетовъ русской жизни—нашу общую невыдержку, недодѣланность, недостатокъ правильной культуры, при отсутствіи соотвѣтствующихъ формъ жизни, сводится къ указанію, что жизнь требуетъ лишь *трансформаціи*, а не полнаго уничтоженія прошлаго, такъ какъ лучшее будущее можетъ возникнуть изъ положительныхъ элементовъ, заключающихся и въ прошломъ. Чеховъ намъ представляется по своему міропониманію именно «трансформистомъ», и это стоитъ въ связи съ его общими пантеистическими взглядами, которыхъ мы здѣсь разсматривать не будемъ. Но въ этой своей точкѣ зрѣнія онъ очень далекъ и отъ того безразличія, въ которомъ его одно время упрекали, и отъ пессимизма, приводящаго къ полному безвѣрію въ жизнь и людей. «Просвѣты» міросозерцанія Чехова превратились за послѣдніе годы въ настоящее сіяніе, только своимъ полнымъ блескомъ оно направлено къ далекому еще будущему. Быть можетъ, впрочемъ, не столь уже далекому: замѣтимъ, что Чеховъ теперь изображалъ уже не «хмурыхъ», надорванныхъ, непригодныхъ болѣе къ жизни людей, не «нытиковъ», а только — недодѣланныхъ. Всякая же недодѣлка исправима и даже, быть можетъ, весьма быстро, когда сознано, въ чемъ именно она заключается.

Проясненію этого сознанія и служила плодотворная работа художника, и въ призывѣ къ работѣ заключается его предсмертный завѣтъ. «Вся Россія

нашъ садъ», говоритъ Трофимовъ, и этотъ садъ нуждается только въ воздѣлкѣ. Пусть вырубаются «вишневые сады», служащіе ненужными перегородками для болѣе широкихъ посѣвовъ; на мѣсто этихъ тормозящихъ пережитковъ старины возникнутъ новыя плантаціи. Жизнь требуетъ вездѣ исправленій, но вы чувствуете между строкъ вѣру автора, что они вполнѣ возможны. Дайте иное воспитаніе однимъ, перемѣните условія жизни для другихъ, и тѣ же средніе, не выдающіеся «геніальными» свойствами люди станутъ все же полезными дѣятелями общества. Лопахинъ даровитъ, но онъ, конечно, не геній, и въ другой обстановкѣ, съ пріобрѣтеніемъ внутренней культурности, онъ не будетъ мученикомъ раздвоенности своихъ побужденій и дѣйствій; Трофимовъ не вполнѣ по своей винѣ «вѣчный студентъ», получившій прозвище «облѣзлаго барина»; Раневская, излеченная отъ сентиментальной привязанности къ старому «столику», «шкапику», принеся послѣднюю жертву на алтарь романтической любви, найдетъ иное примѣненіе сокровищамъ своей души; и Епиходовы, и Симеоны-Пищики и т. д. найдутъ себѣ подобающія мѣста. Важно то, что художникъ далъ намъ почувствовать «исправимость жизни», даже при изобличеніи отрицательныхъ явленій. Этотъ выводъ, намъ кажется, особенно существенъ, опредѣляя положительныя стороны художественной программы Чехова, вѣрившаго въ трансформацію явленій жизни.

Итакъ, предсмертный завѣтъ Чехова далекъ отъ того, чтобы вселять уныніе. Это бодрый призывъ къ толковой и плодотворной работѣ, къ довершенію культуры, къ тому, чтобы обратиться къ настоящему дѣлу. Не опредѣляя схематичной программой, въ чемъ должна заключаться эта работа, къ которой онъ насъ призываетъ (такая программа, конечно, не могла и не должна была войти въ рамки художественнаго произведенія), авторъ даетъ намъ ее почувствовать по контрасту съ тѣмъ, какъ поступаютъ дѣйствующія лица; онъ указываетъ также, изъ чего новое можетъ сложиться, по отстраненіи недостатковъ того стараго, которое должно быть разрушено. Именно отстраняя предразсудки прошлаго, изобличая «суевѣрія»,—и это относится ко всей его дѣятельности,—онъ открываетъ путь къ лучшему будущему. Грустно за самого автора; грустно думать, что онъ ушелъ, не досказавъ еще многаго. Онъ шибко горѣлъ за двадцать четыре года своей неустанной, напряженной, творческой дѣятельности. Наслѣдство его велико и имя славно въ ряду лучшихъ нашихъ писателей, но горько и обидно преклониться передъ фактомъ, что недугъ сломилъ его въ 44 года, когда для иныхъ лишь наступаетъ моментъ расцвѣта силъ, что, быть можетъ, онъ преждевременно надорвалъ себя, получивъ роковой недугъ (повидимому, во время поѣздки на Сахалинъ), что онъ ушелъ, не давъ всего, что могъ дать... И невольно вспоминаются слова Иванова, героя драмы Чехова подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Взвалилъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула», вслѣдъ затѣмъ ставившаго, однако, вопросъ—«я не знаю, можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много!..» Если Ивановыхъ было «мало», то самъ Чеховъ, конечно, былъ одинъ.

И его сломило бремя, и онъ почилъ. Именно «почилъ». По словамъ бывшей при его кончинѣ жены его, Ольги Леонардовны, смерть настала такъ тихо, покойно, внезапно, что казалось, что нѣтъ совсѣмъ смерти, а только преображеніе. Лицо стало неподвижнымъ, но морщины какъ-то разомъ сгладились и закрытые глаза, казалось, свѣтились улыбкой. Чеховъ сознавалъ, что умираетъ и дважды повторилъ это слово, по-русски и по-нѣмецки, обращаясь къ доктору, но затѣмъ ему дали шампанское, которое онъ выпилъ залпомъ, оставивъ лишь одинъ глотокъ. Жена предложила ему допить его. Антонъ Павловичъ сказалъ: «потомъ, послѣ»... Это были его послѣдніе слова... И это «послѣ» въ моментъ смерти звучало указаніемъ на непрерывность жизни, согласно пантеистическимъ воззрѣніямъ покойнаго писателя: во вселенной нѣтъ абсолютной смерти, вездѣ преображеніе, «трансформація», переходъ изъ одного состоянія въ другое, раствореніе на миріады атомовъ, которые *послѣ* представятся въ новыхъ сочетаніяхъ... Конечно, въ этихъ перемѣщеніяхъ не умирающей матеріи только при извѣстной, опредѣленной комбинаціи атомовъ получается то, что именуется жизнью и что создаетъ душу человѣка. Этой души Чехова съ нами больше нѣтъ, но она растворилась въ сотняхъ его произведеній, которыми опредѣляется ея вѣчность въ средѣ живыхъ людей. И они, дѣйствительно, проникаютъ во всѣ сферы, во всѣ уголки реальной жизни, неустанно напоминая объ ихъ творцѣ. Совсѣмъ не нужно было, чтобы Чеховъ написалъ «большой романъ», какъ объ этомъ ему нещадно твердили: выступивъ въ переходный моментъ развитія нашего общества, онъ неизбѣжно долженъ былъ отдаться аналитической, дробной работѣ, лишь въ основныхъ воззрѣніяхъ подготовляя синтезъ будущаго. Его художественный синтезъ сводился лишь къ указанію отношенія отдѣльныхъ моментовъ жизни къ запросамъ высшаго порядка. Въ этомъ заключается ихъ «идейность», т.-е. идейность чисто художественная, въ томъ значеніи, что всякая художественность есть необходимо и актъ философскаго мышленія. Съ точки зрѣнія запросовъ дѣйствительности, нуждъ реальной жизни, мы уже указывали, что въ этомъ отношеніи завѣтомъ Чехова былъ призывъ къ неустанной культурной работѣ, какъ бы тоска по болѣе упорядоченной, осмысленной жизни, при лучшихъ формахъ общественности. Та же мысль не покидала его въ послѣдніе дни жизни. Онъ любовался внѣшними прерогативами западной культуры; его интересовала всякая мелочь обихода жизни въ цивилизованныхъ странахъ: чрезвычайное развитіе гласности, выражающееся во множествѣ мѣстныхъ газетъ въ Германіи и въ Швейцаріи, бойкая дѣятельность почтоваго отдѣленія даже въ маленькомъ городкѣ, въ Баденвейлерѣ, гдѣ онъ находился послѣднее время; наблюденіе за дѣтьми, не оставляемыми безъ призора, жизнь крестьянъ, осмысленное отношеніе во всякомъ дѣлѣ и т. д. За всѣмъ этимъ наблюдалъ Антонъ Павловичъ, сопоставляя разумную упорядоченность жизни на западѣ съ нашей «растерянностью» и неумѣніемъ русскихъ устраивать свою жизнь... Но это, говорилъ онъ женѣ, придетъ со временемъ, только бы скорѣе воздѣлать ниву, цвѣты взойдутъ, жизнь преобразуется... Кстати о цвѣтахъ: Антонъ Пав-

ловичъ не любилъ, чтобы срывали или срѣзывали при немъ цвѣты. Дайте имъ жить; пусть на стеблѣ цвѣтокъ проживетъ свой срокъ и затѣмъ преобразуется, завяжется сѣмя... Узнавъ объ этой особенности Антона Павловича, его нѣмецкіе почитатели въ Баденвейлерѣ обставили гробъ исключительно растеніями въ горшкахъ, осыпавъ его только зеленью. Конечно, «жалость» къ срѣзанному цвѣтку есть крайнее выраженіе чувствительности, которое могло казаться сентименатализмомъ, если бы оно такъ не вязалось съ идеями пантеистическаго трансформизма Чехова. На могилѣ покойнаго писателя въ Москвѣ много срѣзанныхъ цвѣтовъ и въ вѣнкахъ, и въ пучкахъ, и просто разбросанныхъ... Желавшіе почтить память усопшаго могли и не знать объ его данной особенности, и даже зная, не считаться съ нею, такъ какъ, очевидно, и самъ Антонъ Павловичъ не столь уже безусловно отстаивалъ то, что было только личнымъ настроеніемъ, проявленіемъ внѣшней чувствительности, а не разума. Но словно сама природа озаботилась удовлетворить эту, скажемъ, хотя бы его прихоть, послѣ его смерти: могила Чехова помѣщается на кладбищѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ густой, тѣнистой липой, которая только что зацвѣла. И по мѣрѣ отцвѣтанія будутъ сыпаться на могилу лепестки «несрѣзанныхъ» цвѣтовъ и завязываться на стебляхъ сѣмена, заключающія въ себѣ зачатки новой жизни: такъ вѣчный процессъ преобразованія и органическаго перехода изъ одного состоянія въ другое изъ года въ годъ будетъ совершаться надъ могилой того, кто, кротко любя жизни, вѣрилъ въ ея непрерывность, и въ ея исправимость, и въ непреложность ея трансформацій...

Ѳ. Батюшковъ.

О СОВРЕМЕННОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ.

(По поводу сборниковъ «Знанія»).

I. Символизмъ въ послѣдней драмѣ А. П. Чехова.—Три реалистическихъ очерка.— Символистическое трактованіе сельскихъ мотивовъ.

Воспроизводитъ ли современное художество нашу современную дѣйствительность? Вотъ вопросъ, который лѣтъ 40, 30 назадъ, въ годы расцвѣта нашего реализма, не могъ быть и поставленъ, такъ самоочевиденъ былъ утвердительный отвѣтъ на него. Но въ послѣдніе годы онъ не разъ служилъ предметомъ дебатовъ въ такъ называемой «широкой» прессѣ. Въ 60-е и 70-е годы эта самая пресса могла подкапываться подъ то освѣщеніе, въ какомъ изображалась жизнь въ литературѣ того времени, могла находить это освѣщеніе тенденціознымъ, предвзятымъ, но по существу вопросъ былъ ясенъ и для нея. Въ реалистическомъ художествѣ того времени всѣ видѣли прямое зеркало: оно могло быть изъ краснаго или изъ синяго стекла, могло по своему окрашивать предметы, но отражало очертанія предметовъ и конфигураціи ихъ съ несомнѣнной, для всѣхъ очевидной, точностью, именно—какъ зеркало.

Въ наше время этотъ вопросъ, если не ошибаюсь, уже не обладаетъ такой «зеркальной» ясностью. Вопросъ, поднятый широкой прессой, представляетъ, насколько я понимаю, извѣстный интересъ... Для насъ, конечно, совершенно не важно, къ какому рѣшенію пришли въ своихъ дебатахъ г. Буренинъ, г. Сементковскій и проч. Они, кажется, пришли къ отрицательному выводу; но, вѣдь, для того, чтобы придавать этому выводу какую-нибудь цѣнность, надо прежде всего знать, имѣютъ ли эти господа опредѣленный отвѣтъ на другой вопросъ: надо знать, что именно разумѣютъ они подъ современной дѣйствительностью, которая, по ихъ мнѣнію, не находитъ своего отраженія въ современномъ художествѣ... для меня лично болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они сколько нибудь опредѣленно могли отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ... Какая-то растерянность, какое-то безъисходное недоумѣніе является, на мой взглядъ, самымъ характернымъ ихъ настроеніемъ въ наши дни; а въ результатѣ этой растерянности — постоянное, у кого развязно-ругательное, у кого тупое и меланхолическое, — брюзжаніе по адресу современности, и вздохи на тему: «да, были люди въ наше время» и пр. Но самый вопросъ, ими поднятый, повторяю, не лишенъ интереса, и даже довольно безпокойнаго интереса, и для насъ... Не о томъ, разумѣется, рѣчь, является ли современная беллетристика продук-

томъ своего времени. Дѣло не въ соціологіи,—тутъ вопроса быть не можетъ, и указать несомнѣнные признаки кровнаго родства нашей современной литературы съ исторіей нашихъ дней было бы, разумѣется, совсѣмъ не мудрено. Но, вѣдь, художество есть не только продуктъ жизни, а и *активное* вмѣшательство въ нее. Оно не пассивно отражаетъ дѣйствительность; сравненіе съ зеркаломъ можетъ быть только метафорой: литература всегда подводитъ итоги жизни, располагаетъ явленія жизни въ извѣстной умышленной или вѣрнѣе учувствованной системѣ... И вотъ, если эта система была для всѣхъ совершенно ясна въ нашей литературѣ эпохи реализма, то въ современной беллетристикѣ она не такъ наглядна и ощутительна. Мы лично, признаемся, не безъ колебаній отвѣчали на поднятый «широкой прессой» вопросъ... Мы, конечно, видѣли, что то тамъ, то сямъ въ современной беллетристикѣ выхватывается изъ жизни и ставится ребромъ тотъ или иной глубоко-жизненный вопросъ; мы не могли не замѣчать, что то здѣсь, то тамъ, подъ новымъ угломъ зрѣнія, освѣщается тотъ или иной уголокъ дѣйствительности, и освѣщается подчасъ ярко и глубоко. Но это, казалось намъ, были именно «вопросы» и «уголки»—только попытки охватить жизнь, а не охватываніе ея. Цѣлаго, обобщающаго, все собою охватывающаго итога мы не усматривали, «системы» не находили.

Въ самомъ дѣлѣ, не необузданная же моральная пропаганда Горькаго, въ ея «босяческомъ» облаченіи, могла служить для насъ образчикомъ подобныхъ итоговъ и системъ. Критика усматривала въ ней не разъ изображеніе новаго угла жизни, новаго класса; но мы и этимъ утѣшаться не могли, ибо ясно видѣли, что изображенія нѣтъ, и новаго класса нѣтъ, а есть только пропаганда и настроеніе... Точно также не могли мы усмотрѣть художественнаго воспроизведенія дѣйствительности и въ символической, философской беллетристикѣ г. Л. Андреева... А это главыя силы нашего новаго художества, прокладывающія ему русло, наиболѣе для него характеристичныя... И невольно, съ тревогой думалось: какъ не похожа современная беллетристика на писанія Тургеневыхъ, Толстыхъ, Успенскихъ, въ каждой строчкѣ которыхъ, ужъ по истинѣ, какъ солнце въ каплѣ воды, отражался весь укладъ того времени — отражался ничуть не меньше, чѣмъ въ публицистическихъ произведеніяхъ Салтыкова, Михайловскаго. Выходило такъ, что и мы какъ бы готовы были пристать къ хору хулителей современости: «не то, что нынѣшнее племя: богатыри — не вы»... И въ то же время ясно чувствовалось, что есть въ подобномъ выводѣ какая-то несомнѣнная фальшъ... Мало-по-малу, однако, дѣло начало разъясняться. Мы поняли причину и нашего колебанія въ отвѣтѣ на вопросъ, съ котораго мы начали настоящую статью, и причину невольной и какъ бы неискренней зависти къ эпохѣ «зеркальной ясности»; поняли, что неправильно ставили самый вопросъ, а потому получали фальшивый, неудовлетворившій насъ отвѣтъ на него. Лежащіе передъ нами два тома беллетристическаго сборника, изданнаго редакціей «Знанія», навели насъ на мысли, еще болѣе разсѣявшія прежнее недоразумѣніе. Этими мыслями мы и хотимъ подѣлиться съ читателемъ.

Въ статьѣ о г. Л. Андреевѣ, напечатанной на страницахъ «Міра Божія»

въ апрѣльской книжкѣ прошлаго года, мы пытались отмѣтить внѣшнія особенности, новые пріемы, характеризующіе современное наше художество. Теперь постараемся заглянуть во внутреннія его стороны, въ самый характеръ его концепцій, въ его отношеніе къ жизни.

Всѣ представители лучшей современной беллетристики фигурируютъ въ сборникахъ «Знанія». Я не скажу, чтобы всѣ они были удачно представлены— далеко нѣтъ. Я не скажу даже, чтобы и вообще, съ художественной точки зрѣнія, сборники вышли особенно удачными. Есть въ нихъ не мало и слабаго, а кое-что — даже совсѣмъ пустяковое и никчемное. Но, въ указанномъ смыслѣ, сборники даютъ очень много.

На первый взглядъ, можно бы даже подумать, что они составлены по опредѣленному плану, что редакторъ руководился именно мыслью дать отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ, возразить на ходячія обвиненія, или что участники сборниковъ писали по предварительному между собою соглашенію... Разсѣянныя по различнымъ повременнымъ изданіямъ, перемежаемыя обычной, то рутинной, то просто макулатурной «всячинкой», работы тѣхъ же авторовъ не давали чувствовать эту черту съ такою ощутительностью... А можетъ быть, переживаемое нами напряженно-тяжелое время, переживаніе этихъ трагедій, этихъ тяжбъ между жизнью и смертью для многихъ сотенъ и тысячей семей, дѣйствительно сказались въ болѣе нервномъ и чуткомъ, воспріимчивомъ, углубленномъ отношеніи къ біенію пульса современности...

Заглянемъ же въ содержаніе сборниковъ. Но предварительно устранимъ изъ поля нашего разсмотрѣнія то «никчемное», что, не имѣя ничего общаго съ современнымъ художествомъ, какъ мы его понимаемъ, не можетъ служить намъ и основаніемъ для нашихъ выводовъ. Такихъ вещей, впрочемъ, всего двѣ — «Деревенская драма» г. Гарина и очеркъ г. Телешева «Между двухъ береговъ». Не совсѣмъ легко сообразить, почему попала сюда эта «драма» г. Гарина, являющаяся такимъ диссонансомъ среди общаго серьезнаго тона сборниковъ. Г. Гаринъ, повидимому, позавидовалъ драматическимъ лаврамъ Чехова и Горькаго. Съ наивной, до смѣшного, подражательностью онъ накрошилъ кусочки изъ «Власти тьмы», чеховскихъ «Мужиковъ» и «Дна» М. Горькаго; сдобрилъ этотъ винигретъ соусомъ собственнаго безпредѣльнаго легкомыслія, и преподнесъ читателямъ. Ему ни почемъ, что подъ руку ему подвернулась одна изъ самыхъ мрачныхъ драмъ нашихъ дней—драма современной деревенской жизни... Онъ, положимъ, не поскупился на «мрачность», наоборотъ, даже все «сажей смазалъ», какъ выражаются живописцы: его герои прелюбодѣйствуютъ, насильничаютъ, отравляютъ и вообще кокошатъ другъ друга всѣми возможными способами. Это должно создавать трагическій фонъ пьесы, но, разумѣется, только усиливаетъ ея балаганный, лубочный характеръ. Если бы «Деревенская драма» была написана какимъ-нибудь зауряднымъ поставщикомъ театральной макулатуры, мы просто обошли бы ее молчаніемъ. Но автору «Трехъ лѣтъ въ деревнѣ», «Ицки и Давыдки» и чудеснаго «Дѣтства Тёмы» мы скажемъ словами Лопахина изъ «Вишневаго сада»: «всякому безобразію есть свое приличіе». Нельзя дѣлать балагана изъ такихъ вещей.

Въ иныхъ вопросахъ, передъ лицомъ иныхъ явленій легкомысліе бываетъ и преступнымъ. По мнѣнію г. Гарина, его «драма», очевидно, изображаетъ безъисходную неурядицу современной деревни... По нашему мнѣнію, она ровно ничего не изображаетъ, кромѣ легкомыслія ея автора.

«Между двухъ береговъ» г. Телешова есть вещь въ такъ называемомъ «идейномъ» жанрѣ, — холодно, искусственно надуманная, лишенная красокъ жизни,—во вкусѣ произведеній г. Рубакина, разныхъ «Искорокъ» и пр. Это попытка положить на музыку таблицу умноженія, художественная фальсификація. Въ этомъ родѣ писали въ старину Каронины, Цебриковы и мн. др. Но это было въ «этомъ родѣ», а не *такъ*, и имѣло свой смыслъ и значеніе... Почему?—къ этому вопросу мы еще вернемся. Нынѣ же, на нашъ взглядъ, этотъ родъ утратилъ и смыслъ, и значеніе. «Искорки» гг. Рубакиныхъ никому нынче не свѣтятъ и не грѣютъ, и даже «идей» не проводятъ, а только чадятъ...

Для проведенія своей «идеи» г. Телешовъ посадилъ на пароходъ и повезъ по Иртышу разношерстную компанію: какой-то молодой капитанъ, затѣмъ офицеръ тюремной команды, учитель, старый чиновникъ и занимающійся продажей тайно выкуренной водки-«самосидки» бывшій мѣщанинъ, а нынѣ ссыльный. Къ нимъ очень ловко приставленъ иностранецъ шведъ, по профессіи химикъ, совершенно «естественно» интересующійся русскими людьми и ихъ бытомъ: онъ исполняетъ роль тѣхъ служащихъ въ музеяхъ-паноптикумахъ, которые демонстрируютъ почтеннѣйшей публикѣ выставленныя рѣдкости. Компанія мерзнетъ на холодной осенней погодѣ; кое-кто играетъ въ карты, пьетъ водку, заарестованную на общее благо офицеромъ у мѣщанина. Начинается бесѣда. Завѣдующій музеемъ иностранецъ одобряетъ русскія слова, въ родѣ: «заподозрѣнный», «подстрекательство», «угрызеніе», и подмигиваетъ читателю: замѣчайте!.. Отсюда наклевывается тема: у насъ, русскихъ, вообще много хорошихъ словъ, да въ дѣло-то они не переходятъ. Логической связи между двумя темами мало, но зато обѣ «идейныя». Далѣе, мѣщанинъ начинаетъ доказывать, что наше общество не цѣнитъ, а мучаетъ своихъ великихъ людей при жизни, послѣ смерти же ставитъ имъ памятники. Иностранецъ очень одобряетъ его слова и жметъ ему руку, и развиваетъ его мысль. Тогда мѣщанинъ идетъ дальше и заявляетъ, что у насъ много «почетныхъ гражданъ», а настоящихъ гражданъ нѣту... Наступаетъ ночь. Офицеръ тюремной команды играетъ на гусляхъ и тутъ обнаруживается, что онъ рожденъ композиторомъ, а по волѣ судьбы попалъ въ тюремную команду. Иностранецъ спѣшитъ дать поясненіе: «очевидно русскіе не хозяева жизни». Капитанъ поясняетъ еще болѣе: «гдѣ у насъ счастливые? Нѣтъ ихъ. У всякаго изломана жизнь, у всякаго и на душѣ камень, и за пазухой камень. Всѣ мы плывемъ между двухъ береговъ: отъ одного берега отошли, а къ другому не подошли. Ну и «плыветъ нашъ челнъ по волѣ волнъ». Глупо, конечно. Но что-жъ подѣлаешь?»

Читателю становится совершенно ясно, почему очерку дано заглавіе «Между двухъ береговъ». Но автору этого не достаточно. Онъ заставляетъ учителя подчеркнуть то обстоятельство, что мы «все жалуемся да пла-

чемся, точно евреи на рѣкахъ вавилонскихъ.. Только нѣтъ у насъ, какъ у нихъ, одного общаго Іерусалима: у насъ у всякаго свой личный Сіонъ! Всѣ мы разрознены и одиноки, потому такъ и безсильны. Нѣтъ у насъ одной общей вѣры, одного общаго дѣла, одного для всѣхъ Іерусалима... Жалкіе мы люди!» Офицеръ играетъ и поетъ «На рѣкахъ вавилонскихъ»; мѣщанинъ «съ дрожью въ голосѣ» вторитъ ему. А когда они кончаютъ и всѣ пригорюнились, иностранцу жаль ихъ. «Онъ хотѣлъ встать и крикнуть имъ:—Проснитесь!» Но чиновникъ не далъ ему исполнить свое намѣреніе—«чиновникъ громко зѣвнулъ и проговорилъ лѣниво: «Пойдемте—*многоточіе*—спать!» Не правда ли, какая наглядность, читатель?—Совсѣмъ 2×2=4...

Допустимъ даже, что идея г. Телешова интересна. Хотя, по моему, она невѣрна. Можетъ быть, у насъ и нѣтъ одного Сіона, одной вѣры въ одно божество, но зато, выражаясь въ стилѣ «Новаго Пути», есть, и все больше укрѣпляется, вѣра въ одного *чорта*. Это тоже можетъ въ своемъ родѣ служить скрѣпляющимъ, хотя и отрицательнымъ цементомъ. Разумѣется, Сіонъ много предпочтительнѣе... Но не въ этомъ дѣло. Не проще ли, не честнѣе ли, въ художественномъ смыслѣ, было г. Телешову прямо высказать, прописавъ ее всѣми буквами, чернымъ по бѣлому, эту простую мысль? Что прибавилъ онъ къ ней, построивъ свой пароходъ, повезши на немъ по Иртышу свою ноющую компанію? На нашъ вглядъ,—ровно ничего, кромѣ скуки для читателя и излишней траты чернилъ, бумаги и времени для себя. Голый, какъ скелетъ, остовъ его мысли торчитъ въ каждой строкѣ; его ничуть не прикрываютъ описаніе пустынной рѣки, «одинокіе» протяжные вопли парохода и вообще вся эта тщательная, слишкомъ даже тщательная «отдѣлка», которая, очевидно, должна дать соотвѣтствующее «настроеніе». Мысль тутъ есть, но художественной идеи нѣтъ и слѣда. А это надо различать. Мы, можетъ быть, слишкомъ яростно обрушились на очеркъ г. Телешова и вообще слишкомъ много занимались имъ. Но мы сдѣлали это потому, что его очеркъ является отличнымъ отрицательнымъ образцомъ — образцомъ того жанра, который, на нашъ взглядъ, ничего общаго съ истиннымъ художествомъ не имѣетъ.

Дѣло не въ темѣ: всякая тема хороша, если она прочувствована, пережита, наполнена тѣмъ содержаніемъ, которое не поддается логической безобразной формулировкѣ. Неподдающееся формулировкѣ содержаніе и есть то новое, пророческое, что есть въ каждомъ истинно - художественномъ произведеніи и составляетъ весь его смыслъ. А публицистическая, ничего, кромѣ раціональнѣйшихъ публицистическихъ элементовъ, не содержащая мысль должна быть выражена публицистически. 2×2 можетъ быть связано съ 4 только ариѳметическимъ знакомъ равенства. Все прочее между ними—излишне и лишено смысла... и, пожалуй,—даже немножко оскорбительно для читателя: въ самомъ дѣлѣ, почему это авторъ сомнѣвается въ нашихъ ариѳметическихъ познаніяхъ, не надѣется, что мы поймемъ его, если онъ выскажетъ свою мысль, не прибѣгая къ побасенкѣ?.. Къ счастью, этотъ «жанръ» видимо вымираетъ, «идейныхъ» побасенокъ съ каждымъ годомъ появляется все меньше и меньше. Мы

съ читателемъ можемъ, стало быть, надѣяться, что вскорѣ насъ и вовсе перестанутъ обижать подобными произведеніями.

Обращаемся теперь къ тѣмъ образцамъ художества, которые придаютъ сборникамъ «Знанія» большой интересъ и въ художественномъ, и въ жизненномъ смыслѣ (это, впрочемъ, съ нашей точки зрѣнія—тавтологія).

Начнемъ съ лебединой пѣсни покойнаго А. П. Чехова, съ его послѣдней драмы—«Вишневаго сада». Она значительна не только какъ всякое произведеніе, исходившее изъ-подъ пера этого большого мастера, и не только какъ послѣдній, предсмертный плодъ его творчества, послѣдній, прощальный даръ, который онъ оставилъ намъ на память о себѣ (одно это обстоятельство въ глазахъ всякаго любящаго родное художественное слово уже придаетъ «Вишневому саду» особенную цѣнность); помимо этого, «Вишневый садъ» — значителенъ и интересенъ, какъ яркое свидѣтельство о переломѣ, происходившемъ въ творчествѣ А. П. Чехова, — переломѣ, представляющемъ, на нашъ взглядъ, знаменіе времени. Ни въ одномъ изъ предшествующихъ произведеній покойнаго художника не сказалась такъ явственно тенденція, характерная для всего нашего современнаго художества,—я разумѣю тенденцію *къ символизму*. Но это именно—тенденція, и притомъ еще не завершившаяся, еще не подыскавшая для своего окончательнаго выраженія надлежащихъ формъ.

Чеховъ есть продуктъ переходнаго времени: онъ занимаетъ промежуточное мѣсто между полосой *реализма*, которой принадлежитъ большая часть его очерковъ, и полосой современнаго художества. Его послѣдняя драма какъ бы запечатлѣла собою этотъ переходъ отъ одной полосы къ другой, и ее, поэтому, можно назвать *символической* въ двухъ смыслахъ: и во-имя тѣхъ символическихъ пріемовъ изображенія дѣйствительности, къ которымъ прибѣгаетъ въ ней художникъ, и въ смыслѣ символа того переходнаго состоянія, которое переживаетъ все современное художество.

Я не буду излагать содержанія драмы. Каждое чеховское произведеніе должно быть прочитано въ оригиналѣ, а тѣмъ болѣе—лебединая пѣснь его. Я буду говорить объ этихъ образахъ, которыми онъ на прощаніе заселилъ сознаніе наше, какъ о знакомыхъ и родныхъ читателю образахъ...

Я увѣренъ, что встрѣтясь впервые съ главными героями «Вишневаго сада»—съ помѣщикомъ Гаевымъ или его сестрой Раневской, на сценѣ ли «Художественнаго театра»—въ прекрасномъ исполненіи г. Станиславскаго и г-жи Книпперъ,—или при чтеніи драмы въ сборникѣ «Знанія»,—читатель именно призналъ въ нихъ давно знакомыя и родныя черты слабыхъ волей, рефлектирующихъ, добрыхъ и измученныхъ чеховскихъ героевъ—знакомыя и родныя и по чеховскимъ произведеніямъ, и изъ жизни. Но рядомъ съ знакомыми чертами и тоже давно знакомой тонко-реалистической—«чеховской»—ихъ обработкой читатель, вѣроятно, ощутилъ въ ихъ фигурахъ и нѣчто новое. Онѣ какъ-то черезчуръ вѣрны и равны себѣ на всемъ протяженіи драмы, черезчуръ выпуклы; образы ихъ какъ бы обведены черезмѣрно рѣзкимъ контуромъ. Это и живые люди, окрашенные всѣми цвѣтами живой дѣйствительности, и въ то же время схемы этой дѣйствительности, какъ бы готовые

итоги ея. Авторъ торопится съ характеристикой ихъ, пользуется каждымъ ихъ выходомъ, почти каждымъ ихъ жестомъ и словомъ, заставляя ихъ какъ бы аттестовать себя передъ зрителемъ съ самой характерной для нихъ стороны. На этихъ образахъ чувствуется какъ бы легкій налетъ ложноклассицизма съ присущей ему «автохарактеристикой» персонажей *).

Это и живые конкретные типы, и въ то же время—символы. Можетъ быть, читатель припомнитъ, что мы отмѣчали аналогичную двойственность и въ повѣстяхъ г. Л. Андреева. Но если фигуры г. Андреева представляются намъ чистой воды символами, которые только прикрыты облаченіемъ реалистически трактованной дѣйствительности, то фигуры чеховской драмы—наоборотъ, суть глубоко реалистическіе типы, какъ бы прокипяченные на огнѣ символизма и сгущенные до степени схемъ. Для насъ важно отмѣтить, что и тамъ, и тутъ—*двойственность* переходного времени... Отмѣтимъ еще, что символизмъ Чехова начался не съ «Вишневаго сада»: онъ давалъ себя чувствовать и въ повѣстяхъ послѣдняго періода его творчества, если не ошибаемся,—начиная съ «Человѣка въ футлярѣ», гдѣ проявился особенно рѣзко...

Полуреалистическіе, полусимволическіе пріемы Чехова обусловливаютъ то двойственное впечатлѣніе, которое производитъ его драма. И жизненная правда, и «сгущенные контуры», и почти фотографически характерное и точное воспроизведеніе рѣчи и обстановки, и символы, какъ бы отстающіе отъ этого реальнаго фона... Недаромъ два такіе спеціалиста по части всякихъ символизмовъ, какъ г. Антонъ Крайній изъ «Новаго Пути» и г. Андрей Бѣлый изъ «Вѣсовъ», пришли къ діаметрально противоположнымъ выводамъ о «Вишневомъ садѣ»: г. Андрей нашелъ въ немъ «кружевную ткань» символизма съ «пролетами» въ «Вѣчность», а г. Антонъ изъ «Новаго Пути» окончательно забраковалъ пьесу за пошлый реализмъ и отсталость, напоминающую ему «изно-

---

*) Кстати: эта особенность „Вишневаго сада" обнаруживаетъ себя сильнѣе на сценѣ, чѣмъ при чтеніи драмы. Выходитъ такъ, будто актеры *переигрываютъ*... Но виноваты тутъ не они, не актеры, а одна особенность всѣхъ вообще драматическихъ произведеній Чехова. Уже давно отмѣчено, что въ нихъ мало дѣйствія, что это драмы *настроенія*, а не дѣйствія. Актерамъ поневолѣ приходится восполнять это отсутствіе движенія собственными мимическими комментаріями. Драмы Чехова какъ разъ общепризнанный конекъ труппы „Художественнаго театра", смотрѣть ихъ въ исполненіи другихъ труппъ, послѣ „Станиславовцевъ" прямо—невозможно. И однако труппа г. Станиславскаго именно въ чеховскихъ драмахъ обнаруживаетъ тенденцію переигрывать, которую мы не замѣчали въ исполненіи ею Ибсена и Гауптмана. И нигдѣ эта тенденція не обозначалась такъ ясно, какъ именно при исполненіи „Вишневаго сада". Кромѣ обычнаго недостатка драматическаго движенія, это объясняется именно символически сгущенными контурами драмы. Курьезная разница впечатлѣній: когда мы смотрѣли драму на сценѣ, намъ думалась: вотъ драма, которую спасаетъ только прекрасная игра артистовъ, такъ мало въ ней дѣйствія; а когда мы читали драму—намъ вспомнилась игра и думалось: а вѣдь они изрядно испортили пьесу, грубѣе ее сдѣлали—такъ много психологическихъ и „повѣствовательныхъ" тонкостей разбросано въ драмѣ, даже въ *ремаркахъ*...

шенныя калоши». Мы, впрочемъ, не ручаемся, что онъ именно по этому случаю помянулъ старыя калоши, но это и не существенно...

Пожалуй, съ художественной точки зрѣнія, можно видѣть въ этой двойственности—недостатокъ послѣдней драмы Чехова. Но несомнѣнно, что, именно благодаря ей, Чехову удалось подвести психикѣ изображенной имъ среды такой опредѣленный, такой рѣшительный итогъ, какой иначе онъ врядъ ли бы далъ намъ. Итогъ этотъ—полная внутренняя, психическая несостоятельность представителей разлагающагося дворянскаго гнѣзда. У насъ много писали на тему о дворянскомъ «оскудѣніи», о практической неприспособленности дворянства къ измѣнившимся, усложнившимся условіямъ сельскаго быта. Но, кажется, никто до Чехова не заглянулъ такъ глубоко именно въ психику, порождающую всю эту практическую несостоятельность и безпомощность. Вскормленная и вспоенная «Вишневыми садами» душа страдаетъ, по мысли Чехова, особымъ видомъ безсилія воли—крайней непрочностью, перемѣнчивостью психическихъ состояній, отсутствіемъ *глубины* воли, если можно такъ выразиться.

Въ драмѣ даны и черты, специфически характеризующія современное дышащее на ладанъ «дворянское гнѣздо», подвергшееся смягчающему, подтачивающему прежнюю «твердость», вліянію прогрессивныхъ взглядовъ. Прежней сословной спѣси почти и слѣда не осталось. Бывшій дворовый, старый лакей Фирсъ скорбитъ о томъ времени, когда на балахъ въ барскомъ домѣ бывали «генералы и адмиралы»: «а теперь посылаемъ за почтовымъ чиновникомъ и начальникомъ станціи, да и тѣ не въ охотку идутъ». Всѣ они, и глава дома Гаевъ, и его сестра, Любовь Андреевна, необыкновенно деликатны и обходительны съ прислугой... Сцены, гдѣ Гаевъ только безсильными иронически-презрительными рипостами отвѣчаетъ на наглыя выходки лакея Якова, побывавшаго съ барыней во Франціи и вывезшаго оттуда непреоборимую развязность,—эти сцены кажутся даже невѣроятными, слишкомъ подчеркнутыми.

А вотъ наиболѣе рѣзкія ноты. Къ старику Фирсу Любовь Андреевна относится прямо любовно... Это не мѣшаетъ ни ей, ни всѣмъ прочимъ позабыть о немъ въ день отъѣзда и оставить его больного въ заколоченномъ домѣ. Любовь Андреевна только и переходитъ, что отъ слезъ къ смѣху, отъ трогательныхъ воспоминаній о молодости и погибшемъ ребенкѣ къ насмѣшкамъ надъ «облѣзлымъ бариномъ», репетиторомъ ея покойнаго сына, или къ другимъ мимолетнымъ радостямъ. Гаевъ не успѣетъ кончить сантиментальную «идейную» рѣчь, во вкусѣ застольныхъ спичей, какъ уже переходитъ къ шутовской поговоркѣ «желтаго въ середину дуплетомъ», при которой онъ изображаетъ соотвѣтствующее тѣлодвиженіе, дѣлаемое въ билліардной игрѣ... И это въ самые серьезные, чтобы не сказать трагическіе моменты жизни. Съ дѣтскихъ лѣтъ близкій къ ихъ семьѣ купецъ Лопахинъ съ самаго перваго акта предупреждаетъ ихъ о грозящей бѣдѣ,—о предстоящей продажѣ съ аукціона ихъ чудеснаго «Вишневаго сада» и всего имѣнія. Но они почти не хотятъ, не могутъ его слушать и во всякомъ случаѣ не въ состояніи придумать какой-нибудь практическій исходъ. Для взноса платежей по закладнымъ надо имѣть около двухсотъ тысячъ, а они мечтаютъ о любезной подачкѣ отъ тётушки, которая, по ихъ

собственному признанію, въ лучшемъ случаѣ пришлетъ имъ тысячъ десять—пятнадцать. Происходитъ слѣдующій разговоръ:

Лопахинъ. Простите, такихъ легкомысленныхъ людей, какъ вы, господа, такихъ недѣловыхъ, странныхъ, я еще не встрѣчалъ. Вамъ говорятъ русскимъ языкомъ—имѣніе ваше продается, а вы точно не понимаете.

Любовь Андреевна. Что же намъ дѣлать? Научите, что?

Лопахинъ. Я васъ каждый день учу. Каждый день говорю все одно и то же. И вишневый садъ, и землю необходимо отдать въ аренду подъ дачи, сдѣлать это теперь же, поскорѣе,—аукціонъ на носу! Поймите! Разъ окончательно рѣшите, чтобъ были дачи, такъ денегъ вамъ дадутъ сколько угодно и тогда вы спасены.

Любовь Андреевна. Дачи и дачники—это такъ пошло, простите.

Гаевъ. Совершенно съ тобой согласенъ.

Лопахинъ. Я или зарыдаю, или закричу, или въ обморокъ упаду. Не могу. Вы меня замучили. (*Гаеву*) Баба вы!

Гаевъ. Кого?

Это характерное «кого?» есть послѣдній остатокъ барской спѣси въ фигурѣ Гаева. Этимъ презрительнымъ, но невиннымъ «кого?» онъ отстрѣливается и и отъ хамски-наглыхъ выходокъ лакея Якова, и отъ слишкомъ развязнаго и очевидно лишеннаго, на его взглядъ, всякой тонкости чувствъ Лопахина.

Пусть все это слишкомъ подчеркнуто, слишкомъ выпукло и сгущено. Пусть современные представители даже и разлагающихся дворянскихъ гнѣздъ нѣсколько больше, чѣмъ герои чеховской драмы, походятъ на обыкновенныхъ, нормальныхъ людей. Мы повторяемъ: всѣ эти образы сознательно «сгущены» до степени символовъ, какъ ни полны они въ то же время черточками глубоко-реалистической живописи. А эти символы—поютъ истинное психологическое de profundis барскому укладу жизни, барской культурѣ и поютъ въ высшей степени выразительно.

Не трудно было бы доказать, что наши дни являются именно временемъ окончательной ликвидаціи этой барской культуры—не только въ смыслѣ экономически оскудѣвающихъ и разлагающихся «дворянскихъ гнѣздъ», но и въ сферѣ идей. Всю полосу нашего народничества, и соотвѣтствующую ей полосу народническаго реализма, въ литературѣ, можно разсматривать, какъ порожденіе именно дворянской культуры, выросшей на почвѣ барско-крестьянскихъ отношеній. Чеховъ, выросшій и дѣйствовавшій въ эпоху постепенной ликвидаціи этой культуры, въ эпоху, когда внутреннее содержаніе народничества уже изсякало, въ эпоху «толстовства» и «малыхъ дѣлъ» (онъ по собственному признанію въ письмѣ къ г. Суворину отъ 1894 г. одно время увлекался «опростительствомъ», а своеобразное отраженіе этого періода можно видѣть въ его повѣсти «Моя жизнь»),—Чеховъ, самъ происходя изъ крестьянской семьи, несомнѣнно, однако, являлся продуктомъ той же полосы, той же культуры. Онъ только жилъ въ тотъ глухой моментъ, когда «влюбленность» уже совсѣмъ прошла; въ упомянутомъ письмѣ къ г. Суворину онъ уже отмѣчалъ: «Похоже, будто всѣ были влюблены, разлюбили теперь, и ищутъ новыхъ увлеченій». «Новыя увлеченія» какъ-то мало коснулись Чехова, но эпоху ликвидаціи *стараго* романа онъ изучилъ и изобразилъ хорошо. И въ его ле-

бединой пѣснѣ можно усмотрѣть какъ бы отходную, которую крестьянскій сынъ поетъ на прощаніе взростившей его чуждой ему культурѣ... На первый взглядъ, нѣтъ большей антитезы, какъ та, которую представляетъ крестьянская психика—психикѣ барства, съ его волей, разслабленной на готовыхъ и даровыхъ, «легкихъ» хлѣбахъ, съ его поверхностной, непрочной впечатлительностью, съ его «improductivité slave», которую художники à la Сенкевичъ поспѣшили возвести въ расовую черту славянскаго племени... Кряжистыя, упорныя, медленно, но прочно и глубоко реагирующія на впечатлѣнія крестьянскія фигуры не разъ, наоборотъ, трактовались искусствомъ, какъ самые типичные продукты вѣковѣчной, упорной тяжелой работы крестьянства надъ землей. Слѣдуетъ, однако, вспомнить о «Мишанькахъ» Гл. Успенскаго, въ которыхъ онъ съумѣлъ такъ глубоко отмѣтить *непрочность* и крестьянской психики, какъ только она попадаетъ въ водоворотъ новыхъ, усложненныхъ условій городской жизни. Выходитъ, что не одни «готовые хлѣба» приводятъ къ тому же результату. Можетъ быть, вѣрнѣе видѣть здѣсь результатъ той упрощенности, той элементарности уклада жизни и жизненныхъ отношеній, которыя характерны для деревни, и притомъ для обоихъ этажей ея—и для трудового человѣка, и для пробавляющагося его трудомъ обладателя «Вишневаго сада». Вотъ что *готово*: жизненныя отношенія; надъ ними думать не приходится, люди живутъ, не напрягая своихъ силъ въ области соціальнаго творчества, живутъ *готовымъ*... Но чуть они попадаютъ въ водоворотъ города или чуть начнутъ разлагаться и оскудѣвать «вишневые сады» — они обнаруживаютъ полную несостоятельность. Кряжъ у себя, на родной пашнѣ, превращается въ городѣ въ tabula rasa для всякихъ вліяній—въ «Мишаньку»; бывшіе уѣздные столпы, высоко державшіе «знамя» и т. д.—въ Гаевыхъ и Раневскихъ... Пожалуй, и ту полосу нашей жизни, которой Чеховъ спѣлъ de profundis въ своей послѣдней драмѣ и ликвидацію которой онъ такъ пристально изучалъ всю свою жизнь, можно было бы назвать полосой не «дворянской» только, а вообще—*деревенской* культуры. Можетъ быть, самая основная черта современоости—это нашъ переходъ къ культурѣ городской... Но ко всему этому мы еще вернемся въ концѣ статьи.

Интересно отмѣтить, что Чеховъ, подводя свой символическій итогъ барскому житью и барской психикѣ, сдѣлалъ это болѣе чѣмъ мягко. «Вишневый садъ» совсѣмъ не обличительная драма, сарказма и ироніи въ ней нѣтъ; она полна грустнаго юмора и даже любовныхъ, нѣжныхъ тоновъ. Это особенно бросается въ глаза при сопоставленіи ея съ итогами, которые подведены Чеховымъ крестьянству въ его «Мужикахъ» и мѣщанству въ очеркѣ «Въ оврагѣ». Тамъ отношеніе безпощадно-отрицательное. Здѣсь — не то. Чеховъ съумѣлъ найти много симпатичнаго даже въ безпечной непрактичности владѣльцевъ «Вишневаго сада» и особенно въ ихъ глубокой эстетической привязанности къ родному гнѣзду. Любовь Андреевна, наканунѣ полнаго раззоренія, не можетъ отказать удрученному вѣчными долговыми обязательствами Симеонову-Пищику: «Что же дѣлать, дай... Ему нужно... онъ отдастъ», говоритъ она брату со своей обычной скоропреходящей, но милой отзывчивостью. Въ сценѣ на по-

лянкѣ (во II-мъ актѣ) она подаетъ золотой пропойцѣ-босяку: «Серебра нѣтъ... все равно, вотъ вамъ золотой»... А когда воспитанница ея, хозяйственная Варя въ ужасѣ хочетъ уйти, ибо—«охъ, мамочка, дома людямъ ѣсть нечего, а вы ему отдали золотой»,—Любовь Андреевна успокаиваетъ ее: «Чтожъ со мной, глупой, дѣлать! Я тебѣ дома отдамъ все, что у меня есть»... и тутъ же обращается къ Лопахину: «Ермолай Алексѣевичъ, дадите мнѣ въ займы»... Получивъ отъ тетушки многожданныя пятнадцать тысячъ, она и не подумаетъ создать изъ нихъ себѣ какое-нибудь обезпеченіе, на будущее время,—хотя что у нея впереди, послѣ продажи съ молотка вишневаго сада?—она тотчасъ же мчится въ Парижъ, къ *«нему»*, который «опять боленъ и зоветъ», хотя этотъ «онъ» обираетъ ее самымъ безцеремоннымъ образомъ... И зритель невольно проникается симпатіей къ этому махровому цвѣтку, къ этому безалаберному, никчемному, безполезному, но идеалистическому по самой натурѣ своей, хрупкому и кроткому существу.

Когда Гаевъ, въ отвѣтъ на уговоры Лопахина вырубить вишневый садъ и сдавать его участками «дачникамъ», презрительно говоритъ ему: «Извините меня, какая чепуха!»—зрителю ясно чувствуется, что чудаковатые и пустые Гаевъ и его сестра понимаютъ нѣчто, совершенно недоступное пониманію умнаго и дѣятельнаго Лопахина. Для послѣдняго «замѣчательнаго въ этомъ саду только то, что онъ очень большой. Вишня родится разъ въ два года, и ту дѣвать некуда, никто не покупаетъ». Для Гаева важно уже и то, что «въ энциклопедическомъ словарѣ упоминается про этотъ садъ», хотя его скоро продадутъ за долги, *«какъ это ни странно»*... А ужъ про Любовь Андреевну и говорить нечего—для нея этотъ садъ нѣчто неоцѣнимое, несравненное:

«О мое дѣтство, чистота моя!»—восклицаетъ она глядя въ окно на цвѣтущій садъ: «въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастье просыпалось вмѣстѣ со мной каждое утро, и тогда онъ былъ точно такимъ, ничто не измѣнилось. Весь, весь бѣлый! О садъ мой! Послѣ темной ненастной осени и холодной зимы, опять ты молодъ, полонъ счастья, ангелы небесные не покинули тебя»...

Здѣсь Чеховъ съумѣлъ подобрать такія ноты, такъ съумѣлъ заглянуть въ души этихъ жалкихъ людей, что не только примиряетъ насъ съ ихъ безалаберностью, съ ненужностью и праздностью ихъ существованія, но заставляетъ даже цѣнить и видѣть глубокій смыслъ въ ихъ странной, на первый взглядъ, косности передъ лицомъ надвигающейся катастрофы. Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли, не благороднѣе ли все предоставить *силѣ вещей*, и олицетворяющимъ ее Лопахинымъ, чѣмъ самимъ покушаться на то единственное, что придавало извѣстный смыслъ и красоту ихъ существованію? Рубить этотъ садъ и превращать въ «доходные» дачные участки—не значить-ли это измѣнить кому-то? Не значитъ-ли это измѣнить и ему, чудному саду, и себѣ самимъ? Нѣтъ, ужъ пусть лучше «дѣйствуютъ» Лопахины... Повторяемъ, владѣльцы «Вишневаго сада» трактованы Чеховымъ съ рѣдкой у него любовностью. Въ ихъ чудачествахъ онъ съумѣлъ усмотрѣть

и отмѣтить гораздо больше привлекательнаго, гораздо больше эстетически и человѣчески понятнаго, чѣмъ въ новой, народившейся въ деревнѣ силѣ—въ Лопахинѣ, и даже чѣмъ въ представителяхъ молодого поколѣнія—въ дочери Раневской гимназисткѣ Анѣ и «вѣчномъ студентѣ» Трофимовѣ.

Фигуры этихъ представителей молодого поколѣнія представляются намъ самою неудачною стороною «Вишневаго сада». Въ чемъ лежитъ причина этого, въ томъ ли, что Чехову были дѣйствительно чужды «новыя увлеченія» нашего времени, какъ мы упомянули выше, или—въ его привычкѣ все разсматривать сквозь призму юмора, со слегка сатирической точки зрѣнія,—этого мы рѣшить не беремся. Но Аня, на нашъ взглядъ, какая-то несовременная гимназистка, слишкомъ сентиментальная, слишкомъ неопредѣленно-восторженная; а ея слова къ матери въ роковой моментъ, когда приходитъ извѣстіе о состоявшейся уже продажѣ съ аукціона «Вишневаго сада» — обнаруживаютъ отсутствіе чуткости, отсутствіе пониманія матери, странное въ такой большой дѣвочкѣ, и какое-то неумѣнье найти для своихъ чувствъ простыя и подлинныя выраженія... Еще неудачнѣе «вѣчный студентъ» Трофимовъ, съ его сумбурными проповѣдями о «гордомъ человѣкѣ», о безсмертіи, объясняемомъ существованіемъ «еще неоткрытыхъ чувствъ, помимо извѣстныхъ намъ пяти», о «презрѣніи къ любви» и т. п. Спору нѣтъ, много противорѣчиваго, невыясненнаго, туманнаго можно усмотрѣть въ умахъ и особенно рѣчахъ нашихъ «вѣчныхъ студентовъ». Многое въ нихъ «молодо-зелено», говоря словами стараго Фирса. Но все это окрашено достаточно опредѣленнымъ общественнымъ настроеніемъ—съ одной стороны, а во-вторыхъ,—объединено въ извѣстномъ синтезѣ изъ этого настроенія и плохо ли, хорошо ли воспринятыхъ научныхъ теорій, моральныхъ идей какого-нибудь облюбованнаго мыслителя... Ни этого настроенія, ни тѣмъ паче этого внутренняго, всегда ощущаемаго, несмотря на видимый разбродъ мыслей, единства—въ фигурѣ Трофимова нѣтъ. Это сплошной сумбуръ, сдобренный только кое-какимъ смутнымъ идеализмомъ и демократической гордостью, главнымъ образомъ, впрочемъ, въ вопросахъ денежныхъ (отказъ отъ предлагаемой Лопахинымъ ссуды). Всѣ его проповѣди очень близки къ той интерпретаціи Ницше, которую даетъ въ драмѣ добродушный, полубезграмотный помѣщикъ Симеоновъ-Пищикъ:

«Ницше... философъ... величайшій, знаменитѣйшій... громаднаго ума человѣкъ, говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ, будто фальшивыя бумажки дѣлать можно». «— А вы читали Ницше?..»—спрашиваютъ его. — «Ну... Мнѣ Дашенька говорила».

Быть можетъ, дѣлая полукомическій типъ изъ фигуры Трофимова, Чеховъ желалъ придать ему жизненности. Подобный пріемъ имъ пущенъ въ ходъ и въ его послѣднемъ очеркѣ «Невѣста», гдѣ фигура чахоточнаго наборщика, просвѣщающаго «невѣсту», также полукомическая. Положительные, особенно интеллигентные положительные типы, трудно поддаются художественному воспроизведенію. Въ этомъ повиненъ, вѣроятно, болѣе всего—неорганическій, отраженный, до извѣстной степени книжно-теоретическій характеръ этихъ ти-

повъ. Въ нихъ нѣтъ той органической цѣлостности, которая всегда служитъ лучшимъ, благодарнѣйшимъ матеріаломъ для художества. Но, какъ бы то ни было,—на нашъ взглядъ, «представители молодого поколѣнія» являются однимъ изъ серьезныхъ художественныхъ *минусовъ* «Вишневаго сада». Особенно, если авторъ хотѣлъ и здѣсь давать итоги, если и эти образы онъ считалъ символами, широкими обобщеніями цѣлаго цикла явленій. Впрочемъ, они въ драмѣ занимаютъ безусловно второстепенное мѣсто: главные герои ея — это несомнѣнно символы психической несостоятельности барства—Гаевъ и Раневская.

Не совсѣмъ ясна и явно символическая фигура сына крѣпостного крестьянина Гаевыхъ—а нынѣ купца «милліонщика» Лопахина. Онъ символизируетъ новую силу деревни или новый верхній этажъ деревни, явившійся на смѣну несостоятельнымъ Гаевымъ. Въ противоположность послѣднимъ, умѣвшимъ только расточать («проѣдать свое имѣніе на леденцы», какъ иронизируетъ надъ собой Гаевъ), Лопахинъ—стяжатель, умный и энергичный. Онъ играетъ въ судьбѣ Гаевыхъ роль роковой, провиденціальной силы. Онъ, какъ бы противъ собственнаго желанія, послѣ многихъ приглашеній и совѣтовъ семьѣ помѣщиковъ защититься отъ него, подумать объ уплатѣ лежащихъ на имѣніи долговъ, завладѣваетъ въ силу естественнаго хода вещей «вишневымъ садомъ», покупая его съ аукціона: нельзя же, — безсмысленно было упускать такой лакомый кусъ только потому, что онъ принадлежалъ его друзьямъ... Все это ясно и понятно. Но зачѣмъ понадобилось автору надѣлить его глубокимъ самосознаніемъ, раздвоенной, рефлектирующей психикой, «чеховскимъ настроеніемъ», словомъ—(это вѣдь нарицательнымъ терминомъ стало)? Можетъ быть, авторъ намѣренно сдѣлалъ его другомъ помѣщичьей семьи, и особенно Раневской, дабы этимъ символизировать ту близость по существу, въ которой состоятъ новые владѣльцы «верхняго этажа» деревни съ владѣльцами прежними, а изъ этихъ дружественныхъ отношеній уже психологически вытекаетъ и двойственность Лопахина — какъ бы постоянная борьба между провиденціальной силой, олицетворяемой имъ, и зазрѣніями совѣсти? Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, образъ Лопахина не выигралъ отъ этого, какъ психологическій типъ. «Новая сила» деревни врядъ ли страдаетъ въ дѣйствительности «чеховскимъ настроеніемъ»: настоящіе Лопахины гораздо веселѣе и бодрѣе, гораздо—«провиденціальнѣе», и безъ «зазрѣній» дѣлаютъ свое дѣло. Зато роковая, роль его въ судьбѣ Гаевыхъ, пожалуй, выступаетъ, благодаря этому, еще рельефнѣе. Чеховскій Лопахинъ далеко не грубый хищникъ. Хотя Трофимовъ и характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Я, Ермолай Алексѣевичъ, такъ понимаю: вы богатый человѣкъ, будете скоро милліонеромъ. Вотъ какъ въ смыслѣ обмѣна веществъ нуженъ хищный звѣрь, который съѣдаетъ все, что попадается ему на пути, такъ и ты нуженъ». Но самъ Лопахинъ, въ качествѣ самосознающаго себя типа, какихъ не мало въ чеховскихъ драмахъ вообще, полагаетъ, что «мы другъ передъ другомъ носъ деремъ, а жизнь знай себѣ проходитъ». Когда онъ работаетъ «по долгу безъ устали, тогда мысли полегче» и ему «*кажется*», будто ему «тоже извѣстно, зачѣмъ онъ существуетъ»... «А сколько, братъ, въ Россіи людей, ко-

торые существуютъ неизвѣстно для чего. Ну, все равно, циркуляція дѣла не въ этомъ»...

Онъ вообще человѣкъ не глупый и не безъ сердца; но это не мѣшаетъ ему быть до послѣдней степени и какъ-то ненужно-безтактнымъ и по отношенію къ воспитанницѣ Любови Андреевны, Варѣ, хотя онъ, повидимому, чувствуетъ къ ней нѣчто въ родѣ любви, и по отношенію къ самой Любови Андреевнѣ, и ко всей семьѣ. Любови Андреевнѣ онъ говоритъ въ первомъ актѣ, когда встрѣчаетъ ее, послѣ возвращенія ея изъ Парижа: «Хотѣлось бы, чтобы вы мнѣ вѣрили попрежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядѣли на меня, какъ прежде. Боже милосердный! Мой отецъ былъ крѣпостнымъ у вашего дѣда и отца, но вы, собственно вы, сдѣлали для меня когда-то такъ много, что я забылъ все и люблю васъ, какъ родную... больше чѣмъ родную».—Какъ видите, чувства очень нѣжныя и выраженныя довольно изысканно, совсѣмъ не по-кулацки... А купивъ на аукціонѣ имѣніе своихъ друзей, имѣніе, составляющее весь матеріальный фондъ и весь эстетическій, если не моральный, ибо такого, кажется, не имѣется,—смыслъ ихъ существованія, онъ не удерживается отъ пьяной похвальбы этой покупкой у нихъ же на званомъ вечерѣ, куда пріѣзжаетъ прямо съ торговъ, и начинаетъ рубить вишневый садъ въ день ихъ отъѣзда изъ имѣнія, даже не дождавшись, чтобы они покинули домъ. Ему, словно, не въ домекъ, что каждый ударъ топора, расчищающій мѣсто для будущихъ «дачниковъ», врѣзается не только въ дерево, но и въ сердца этихъ безалаберныхъ, ничтожныхъ, но милыхъ людей... Послѣ его пьяной выходки на вечерѣ, казалось, и глазъ нельзя было показать въ ихъ семьѣ, до того цинично было это самовеличаніе: «Музыка, играй отчетливо! Пускай, все какъ я желаю! Идетъ новый помѣщикъ, владѣлецъ вишневаго сада! За все могу заплатить»... Но онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, присутствуетъ при ихъ отъѣздѣ, и они, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаютъ его, ѣдутъ съ нимъ въ одномъ поѣздѣ. Правда, что когда онъ пріѣзжаетъ прямо съ аукціона, рѣшившаго ихъ судьбу, на вечеръ, онъ въ первый моментъ смущенъ—судя по ремаркѣ: «*смущенно, скрывая свою радость*». Правда, что и въ цинической сценѣ самовеличанія душа у него какъ бы двоится и совѣсть отчасти его зазритъ, ибо въ приведенной фразѣ передъ «идетъ новый помѣщикъ» тоже стоитъ ремарка: «*съ ироніей*». Но все же, на нашъ взглядъ, его психика остается недостаточно выясненной. Не ясны его отношенія къ Любови Андреевнѣ; еще менѣе—его ничѣмъ не кончающійся романъ съ работящей и хозяйственной Варей. Не ясны, на нашъ взглядъ, ни психологическія, ни символическія намѣренія, руководившія авторомъ при созданіи этой фигуры.

Зато, наравнѣ съ грустно - юмористическими символами дворянской несостоятельности — фигурами Гаева и Любови Андреевны, безподобна эпизодическая фигура сосѣда Гаева по имѣнію Симеонова-Пищика: добродушный, вѣчно въ долгу — какъ въ шелку, но вѣчно не унывающій толстякъ и здоровякъ, любитель сенсаціонныхъ сообщеній изъ области философіи (онъ, какъ

мы уже указали, получаетъ ихъ отъ своей дочери Дашеньки или въ вагонѣ отъ случайнаго собесѣдника-сосѣда) этотъ Симеоновъ-Пищикъ являетъ собою истинное олицетвореніе захолустнаго мышленія. Онъ составляетъ прекрасный pendant къ фигурѣ того сторожа изъ земской управы, который въ «Трехъ сестрахъ» сообщаетъ столичныя новости: «А въ Москвѣ, говорятъ, черезъ всю столицу канатъ протянутъ—вотъ не знаю только, правда аль нѣтъ»... Безподобенъ также и дворовый—до дна души дворовый, человѣкъ, Фирсъ, считающій главной бѣдой для всѣхъ, для всего народа—отмѣну рабства («передъ несчастьемъ то же было,—говоритъ онъ:—и сова кричала, и самоваръ гудѣлъ безперечь...»—Передъ какимъ несчастьемъ?—спрашиваютъ его.—«Передъ волей»). Все это подлинная жизнь блещущая всѣми красками, все это написано съ истинно чеховскимъ мастерствомъ. Фирсъ прямо великолѣпенъ, когда онъ, смотря на своего барина, какъ на «дитё», хотя Гаеву уже подъ 60, выговариваетъ ему за слишкомъ легкое пальто, надѣтое въ дорогу, или всовываетъ подъ мышку чистый платокъ. И прекрасно оттѣнена та внутренняя связь, которая соединяетъ этого отживающаго свой вѣкъ раба съ господами разлагающагося «дворянскаго гнѣзда». Это созданія одной эпохи, продукты одного уклада жизни: они хорошо понимаютъ другъ друга. Съ трогательной заботливостью спрашиваетъ его Любовь Андреевна въ роковой вечеръ, когда она ждетъ рѣшенія ихъ судьбы: «Куда ты-то пойдешь, Фирсъ?»—«А куда прикажете, туда и пойду»... Случайно забытый въ день отъѣзда въ заколоченномъ уже домѣ, больной, онъ укладывается на диванъ и въ полубреду, почти не жалуясь на собственную судьбу, начинаетъ горевать о томъ, что «Леонидъ Леонидычъ небось шубы не надѣлъ, въ пальто поѣхалъ. Я-то не доглядѣлъ... Молодо-зелено»...

Великолѣпна и чисто комическая фигура конторщика Епиходова. Право, этотъ эпизодическій типъ по мастерству, съ которымъ онъ трактованъ, не уступитъ героямъ «Ревизора» и «Женитьбы». Полуграмотный, но нахватавшійся кос-какихъ «трудныхъ словъ», читающій Бокля и другія «разныя замѣчательныя книги», онъ, однако, «никакъ не можетъ понять направленія, чего ему собственно хочется, жить или застрѣлиться, собственно говоря, но тѣмъ не менѣе всегда носитъ съ собой револьверъ»... Онъ неудачникъ—его прозвали «двадцать два несчастья»: онъ все колотитъ и бьетъ, что ни попадется ему въ руки, неудачно влюбленъ въ вертляво-сентиментальную горничную Дуняшу, вообще ему не везетъ. И сочетаніе мрачнаго пессимизма съ непроходимымъ довольствомъ собственной персоной, съ брыжжущею изъ каждой поры его существа пошлостью, дѣлаетъ изъ него глубококомическій, очень жизненный и, если не ошибаюсь, еще не трактованный въ художествѣ типъ.

Заключительная сцена драмы страдаетъ нѣкоторой искусственностью. Рабочіе Лопахина начинаютъ рубить «вишневый садъ», не дождавшись, какъ мы уже упоминали, выѣзда прежнихъ его владѣльцевъ. Это, конечно, можно объяснить случайностью. Лопахинъ, напримѣръ, могъ заблаговременно подрядить рабочихъ и назначить день, а Гаевъ съ семьей могли затягивать и откладывать со дня на день свой отъѣздъ. Такія случайности бываютъ. Но все

же это не типично. Пожалуй, еще «случайнѣе» эпизодъ съ Фирсомъ, котораго забываютъ въ заколачиваемомъ на зиму домѣ. Но за то этотъ пріемъ даетъ возможность автору закончить драму очень сильной символической картиной, о которой мы уже упоминали: дряхлый, больной, заброшенный Фирсъ появляется въ полуопустошенной комнатѣ, куда свѣтъ проникаетъ только черезъ отверстія въ ставняхъ, со слѣдами снятыхъ картинъ на стѣнахъ, и размышляетъ: «Жизнь-то прошла, словно и не жилъ. Я полежу... Силушки-то у тебя нѣту, ничего не осталось, ничего... Эхъ ты... недотепа!» Къ этому мѣсту относится такая ремарка: «Лежитъ неподвижно. Слышится отдаленный звукъ, точно съ неба, звукъ лопнувшей струны, замирающій, печальный. Наступаетъ тишина и только слышно, какъ далеко въ саду стучатъ топоромъ по дереву».

Это послѣднія строки чеховской драмы... Ликвидація «вишневаго сада» и всего, что связано съ нимъ,—полная. Все, что было, продано,—заколочено, пошло на дрова... De profundis—окончательное. И фигура дряхлаго Фирса, и послѣднія его слова какъ бы символизируютъ предсмертный стонъ ликвидирующей свои дѣла барской культуры...

Чеховъ прибѣгаетъ здѣсь ко всему арсеналу современной драматической техники: онъ пускаетъ въ ходъ и зрительной, и слуховой импрессіонизмъ, и символизмъ обстановки. Это усиливаетъ впечатлѣніе, привлекая къ участію въ немъ зрительныя и слуховыя ассоціаціи, и вскрываетъ, подчеркиваетъ внутренній смыслъ дѣйствія. Тѣми же пріемами пользуется онъ и во второмъ дѣйствіи драмы, гдѣ помѣщичья семья переживаетъ особенно томительное, полное предчувствій близкой катастрофы настроеніе. Гаевъ съ сестрой и Лопахинымъ вышли въ сумерки погулять на полянку, прилегающую къ «вишневому саду» и располагаются на травѣ близъ большихъ камней, «когда-то бывшихъ, повидимому, могильными плитами», какъ говорится въ сценаріи. Къ нимъ присоединяется и молодое поколѣніе: Варя и Аня съ Трофимовымъ. Разговоръ на минуту прерывается. «Всѣ сидятъ задумавшись», и среди тишины раздается странный, пугающій всѣхъ, звукъ—тотъ же, что и въ описанной только что заключительной сценѣ: ремарки, сдѣланныя Чеховымъ къ обоимъ мѣстамъ—дословно тождественныя.

Въ пріемахъ этихъ Чеховъ слѣдовалъ западно-европейскимъ образцамъ, особенно Ибсену и Гауптману, которые разрабатывали ихъ во всѣхъ своихъ драмахъ. Косвенное вліяніе ибсеновской «Дикой утки» на символизмъ «Чайки» Чехова, напримѣръ, для насъ очевидно. Но это къ нашей темѣ не относится.

Покончимъ съ лебединой пѣснью А. П. Чехова замѣчаніемъ, что грустная картина разложенія и безсилія, изображенная въ драмѣ, еще оттѣняется и усиливается какъ бы контрастирующими съ ней комическими фигурами той «челяди», тѣхъ, кормящихся около ликвидирующихъ свои дѣла дворянъ, пособниковъ ихъ никчемнаго существованія, которыхъ развращаетъ самая прикосновенность къ разлагающемуся «гнѣзду». Всѣ они, подъ вліяніемъ перенятыхъ въ искаженномъ видѣ отъ баръ лоска и манеръ, словно утратили даже способность говорить и двигаться по человѣчески. Всѣ эти Яковы, Епиходовы, эти горничныя и гувернантки являются какими-то изломанными, извращенными,

шутовскими существами. Они, конечно, придаютъ картинѣ только сугубую горечь и безнадежность...

Такова лебединая пѣснь покойнаго *поэта ликвидаціи дворянской культуры*, какъ мы бы назвали А. П. Чехова. Мы хорошо сознаемъ, что далеко не достаточно мотивировали это опредѣленіе. Но мы надѣемся, что конецъ настоящей статьи, гдѣ мы попытаемся подвести кое-какіе *итоги* современному состоянію нашего художества, уяснитъ читателю нашу мысль.

Мы уже говорили выше, что послѣдняя драма Чехова интересна для нашей спеціальной задачи, главнымъ образомъ, тѣми новыми элементами въ ея концепціи, которые имѣютъ, на нашъ взглядъ, большое симптоматическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ если такой сдержанный, строгій реалистъ, какъ покойный художникъ, начинаетъ прибѣгать къ символамъ, отъ изображенія жизни переходитъ къ *мыслямъ* о *жизни*, спѣшитъ давать художественные итоги и схемы,—это что-нибудь да значитъ.

За очень немногими исключеніями, ту же тенденцію къ символизму, тотъ же переходъ къ новымъ пріемамъ творчества обнаруживаютъ и остальные образцы современнаго художества, вошедшіе въ сборники «Знанія»; а иные—имѣютъ рѣшительно символическій характеръ.

Съ реалистическими пріемами написаны только три вещи: «Безмятежное житіе» г. Куприна, «На порукахъ» г. Чирикова и «Въ приходѣ» г. Гусева—Оренбургскаго.

На первыхъ двухъ очеркахъ мы долго останавливаться не будемъ. Авторы ихъ имѣютъ уже давно опредѣлившуюся художественную физіономію, хорошо извѣстную читающей публикѣ. Очерки написаны въ обычной ихъ манерѣ,—у обоихъ нѣсколько красочной, напоминающей манеру художника В. Маковскаго. Г. Купринъ жанристъ чистой воды: онъ изображаетъ сценки, живьемъ выхваченныя изъ жизни,—и въ этомъ его значеніе и его права на вниманіе. Онъ, кромѣ того, пользуется также средствами современной беллетристической техники (импрессіонизмъ, драматическій пріемъ повѣствованія, синтетическое трактованіе фигуръ и обстановки), которыя мы отмѣчали въ современномъ художествѣ, говоря объ г. Л. Андреевѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ, на нашъ взглядъ, много тоньше г. Чирикова. Дарованіе послѣдняго тоже «жанровое», но съ примѣсью тенденціозности, подчасъ очень ощутительной, не вытекающей органически изъ самой темы, имъ трактуемой, а какъ бы искусственно внесенной авторомъ. Впрочемъ, въ данномъ очеркѣ это обычное свойство г. Чирикова мало даетъ себя чувствовать. Но зато, подобно всѣмъ его произведеніямъ, и очеркъ «На порукахъ», благодаря незначительности художественнаго его содержанія, производитъ при чтеніи такое впечатлѣніе, точно ужъ все это десятки разъ было написано и именно въ такомъ видѣ; хотя сюжетъ взятъ г. Чириковымъ совершенно новый, — насколько помню, еще не трактовавшійся въ нашей беллетристикѣ... Фактъ взятъ интересный и очень распространенный, но трактованъ онъ такъ, что почти ничего не прибавляетъ

къ тому, что всѣмъ объ этомъ хорошо извѣстно. Юноша-студентъ за какую-то исторію попалъ въ тюрьму, а затѣмъ выпущенъ «на поруки»—къ старикамъ родителямъ. Отецъ старый захолустный служака добродушный, но преисполненный закоренѣлыхъ, давно «установленныхъ» въ его средѣ взглядовъ. Старушка мать — обычная жалостливая хлопотунья, у ко-торой всю жизнь болитъ сердце и о старикѣ, и о «блудномъ» сынѣ. Попавъ къ нимъ въ ихъ провинціальный городишко, молодой мечтатель тоскуетъ. «Убѣжденія» отца, настойчивыя приглашенія «исправиться», склонить непокорную голову создаютъ напряженную, невыносимо-мучительную для обѣихъ сторонъ атмосферу. То вспышки гнѣвныя, то угрюмое и злобное молчаніе и полное непониманіе другъ друга, и безконечныя терзанія для «материнскаго сердца»... Юноша отдыхаетъ только тогда, когда вырвется изъ дому и уйдетъ бродить въ поле; тамъ, на привольѣ, онъ забываетъ сонный городишко, «убѣжденія» отца и его пріятелей и отдается воспоминаніямъ о поэтичномъ обликѣ фиктивной «невѣсты», которая два раза приходила къ нему на свиданія въ тюрьму и приносила цвѣты...

Все это симпатично и интересно, и правдиво, и ново, какъ тема; но бѣда въ томъ,—повторяемъ,—что авторъ не съумѣлъ вложить въ это почти ни одной дѣйствительно *новой* черточки, что все это до малѣйшей подробности, имѣющейся въ очеркѣ, кажется давно и всѣмъ извѣстнымъ и только, какъ говорится,—«констатируетъ фактъ».

Очеркъ г. Куприна переноситъ насъ тоже въ глухой городишко. Старый холостякъ, учитель въ отставкѣ, ведетъ свое «мирное житіе», услаждая и одухотворяя его ссудами подъ приличные проценты, богомольствомъ и наставленіемъ на путь истины своихъ ближнихъ—путемъ доносовъ на нихъ въ подлежащія вѣдомства. Доноситъ онъ женамъ на вѣроломныхъ мужей, учебному начальству на «либеральныхъ» гимназическихъ и школьныхъ учителей, которые при встрѣчѣ не посторонятся, чтобы дать ему дорогу, и т. д. Онъ ведетъ даже дневникъ, гдѣ дѣлаетъ помѣтки объ уже осуществленныхъ или имѣющихъ осуществиться доносахъ. На великопостной покаянной службѣ въ церкви онъ, подобно евангельскому фарисею, благодаритъ Бога за то, что онъ «не похожъ» на стоящую неподалеку молодую красавицу жену стараго кулака-купчины (она попробовала измѣнить мужу, но по доносу радѣтеля о благѣ общемъ была нещадно избита имъ, и молодая натура сломилась и ходитъ она въ вѣчномъ траурѣ и отмаливаетъ свои «грѣхи»)... А возвращаясь изъ церкви, «радѣтель» устраиваетъ при помощи знакомаго купца—церковнаго старосты—выгодную ссуду, и проходя мимо почтоваго ящика, опускаетъ въ него два новоиспеченныхъ доноса. Онъ, впрочемъ, на радостяхъ позабылъ объ нихъ сначала, но, вспомнивъ, возвращается и съ систематичностью истиннаго поборника общаго блага отправляетъ пакеты по назначенію. Эта маленькая безмолвная сценка, пожалуй, лучшая въ очеркѣ... фигура, какъ видитъ читатель, сильная, можетъ быть, не совсѣмъ новая, но нарисованная живописно и даже немного красочно, съ нѣсколько подчеркнутымъ,—именно à la Маковскій,—комизмомъ и яркостью. Отмѣтимъ, что нарисованный г. Купринымъ спаситель человѣче-

ства является единственнымъ образомъ благополучнаго человѣка во всей серіи очерковъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ...

Третій и послѣдній въ сборникахъ реалистическій разсказъ «Въ приходѣ» г. Гусева-Оренбургскаго дышитъ искренностью и простотой. И тема, и манера не мудрящія, безхитростныя. Но этотъ добродушный попикъ, которому приходится лавировать между бѣднотой крестьянской, съ одной стороны, и присосавшимся къ ней кулакомъ и покровителемъ послѣдняго генераломъ-помѣщикомъ, съ другой,—сама правда, сама жизнь. У г. Гусева-Оренбургскаго очень свѣжія краски вездѣ—и въ картинкахъ природы, и въ портретахъ людскихъ, а весь тонъ какой-то необыкновенно ровный и добродушный. Сильныя сцены въ родѣ встрѣчи попа съ ходокомъ за міръ, кузнецомъ Зосимой, котораго ведутъ подъ конвоемъ въ острогъ, не удаются автору; въ фигурѣ этого Зосимы, въ дочуркѣ кулака, сочувствующей несчастному «міру», есть изрядная доля какого-то наивнаго романтизма. Но, въ общемъ весь этотъ добродушный разсказъ, этотъ добродушный и даже искренне желающій всего добраго, но затертый жизнью попикъ, совершающій одно предательство за другимъ, то словомъ, то дѣломъ,—оставляютъ гнетущее впечатлѣніе.

Приведемъ выдержки изъ сценки, гдѣ мужики пытаются возложить на священника роль заступника передъ генераломъ, рѣшившимъ продать лѣсъ, облегающій ихъ надѣлы—кулаку Флегонту.

„Мужики обступили батюшку.

„— Батюшка! мы къ тебѣ съ просьбой! Теперича таки дѣла... вотъ Демьянъ сказыватъ.

„— Каки дѣла, старички?...

Мужики уныло смотрѣли въ землю и разводили руками.

„— Флегошка, прямо сказать, слопаетъ насъ! И теперь мы батраки его! На себя нешто работаемъ? Изъ-за куска хлѣба, изъ-за клочка земли идетъ къ нему народъ,—кто въ работники, кто въ пахари... и въ погонщики и въ возчики... за долги работаемъ и еще пуще должаемъ. Кабала!..

„— Однимъ лѣсомъ изведетъ! У него прута не срубишь! За каждое полѣно штрафами дойметъ.

„— Батюшка!—сказалъ Демьянъ:—такъ не такъ, а мы до тебя! Рѣшили старики... Вишь ты... Пойдемъ до батюшки, попросимъ, пусть похлопочетъ!

„— О чемъ, старики?

„— Съѣзди къ енаралу-то!

„Батюшка мгновенно пришелъ въ ужасъ и замахалъ руками...

„— Что вы... Что вы, старики... Что вы!

„— Съѣзди! Мы подводу дадимъ... и все... какъ слѣдуетъ! Объясни ему! Ты—отецъ духовный... ты—священникъ... ты заступникъ нашъ, больше у насъ хто... Тебя послушаетъ! Пущай не отдаетъ Флегонту... остервенится народъ! Нельзя намъ... вишь ты... понимаешь како дѣло?..

„Голосъ Демьяна становился все убѣдительнѣе.

„Батюшка въ смущеніи сѣлъ на заваленку.

„Онъ чувствовалъ легкое сердцебіеніе и поляна плыла у него передъ глазами.

„— Старики! Не дѣло вы задумали! Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся! Какъ возможно мнѣ въ этакое дѣло вступаться!

„— Отецъ! Ты намъ защитникъ!

„— Передъ Богомъ... Молиться ежели! Молебствіе! О всемъ просить можно... Что на потребу! Онъ Царь Небесный! Онъ — все сдѣлаетъ! А съ людьми... съ людьми-то надо, знаешь, какъ... жить-то, то-есть? По разуму! Се то добро или то красно, но еже жити намъ, братіе, вкупѣ! А я какъ же въ дѣла такія вотрусь? Съ какого конца? Мое дѣло... небесное... А тутъ земная канитель! Какъ вступлюсь? Что скажу? На меня и Флегонтъ Кирилычъ оскорбится, и генералъ обидится! Скажутъ, я васъ и подговаривалъ-то... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Да мнѣ и домой пора, братцы.. Пора... ночь! Пойду-ка я...

„Онъ поднялся съ заваленки.

„— А вамъ, старики, посовѣтую... смирненько надо! По хорошему! Всѣ люди, всѣ братья! Смиреніе—всѣ любятъ... И Царь Небесный и... всѣ люди именитые! Господь нашъ, Іисусъ Христосъ,—былъ агнецъ смиренный, возложивый на рамена свои пречестныя грѣхи всего міра... Съ Него примѣръ берите! Зло страждетъ ли кто изъ васъ? Терпи! Трудись во славу Божію!.. Такъ-то! Прощайте, братіе! Подумайте надъ словами моими и смиритесь! А ежели что... сами хлопочите... а меня увольте!

„Онъ поспѣшно пошелъ черезъ огородъ къ улицѣ.

„Мужики понуро молчали. Демьянъ еще разъ позвалъ неувѣренно:

„— Батюшка!

„Батюшка махнулъ рукой, спѣша къ улицѣ„.

Но совѣсть все-таки зазрила, и батюшка въ концѣ концовъ поѣхалъ-таки къ генералу. Правда тутъ примѣшалась надежда исходатайствовать его заступничество за сынка батюшки, попавшаго въ какую-то исторію въ семинаріи; но заступничество свелось къ тому, что заробѣвшій передъ генераломъ священикъ забылъ и о крестьянахъ, и о сынѣ, и съумѣлъ выпросить только нѣсколько бревенъ для «баньки»...

Истинно деревенская картинка: чистый, солнцемъ напоенный воздухъ, свѣжая зелень, тишина, идиллія, и на этомъ фонѣ—безысходная неурядица, звѣрскія отношенія, подчасъ даже безъ звѣрскихъ чувствъ, и вынужденное предательство, и жестокое добродушіе... Вообще—что-то разлагающееся, среди котораго можно жить только *пока*, а тамъ «видно будетъ», какъ говоритъ Корней въ очеркѣ г. Бунина, о которомъ мы говоримъ ниже.

Пожелаемъ г. Гусеву-Оренбургскому освободиться отъ небольшой дозы романтизма въ трактованіи положительныхъ «новыхъ» явленій деревни, а съ очеркомъ его покончимъ такимъ резюме: у автора свѣжая простая, безъ всякихъ вычуръ, искренняя манера; искреннія живыя краски и главное—подлинное знаніе того быта, который онъ взялся рисовать...

Переходимъ теперь къ *символическимъ* очеркамъ изъ деревенскаго быта, принадлежащимъ гг. Серафимовичу и И. Бунину. Тяжелый, поистинѣ нескладный стиль страшно вредитъ художественному по замыслу очерку перваго «Въ пути». Вотъ пріемъ, пущенный въ ходъ г. Серафимовичемъ въ заключительной сценѣ, гдѣ возница, покусившійся на убійство сѣдока, лежитъ убитый сѣдокомъ изъ револьвера, въ опрокинутой телѣгѣ, а сѣдокъ, котораго онъ ранилъ дубиной около глаза, выходитъ изъ забытья и, лежа на землѣ, озирается. Разсказъ ведется отъ лица этого сѣдока.

„... Тогда я гляжу въ глазъ. (Дѣлаемъ необходимое поясненіе: раненый возлѣ глаза сѣдокъ всматривается въ глазъ убитаго имъ возницы). Онъ—го-

лубой, и смотритъ на меня, стеклѣя, съ безконечной усталостью и какъ бы засыпая, тихонько затягивается желтымъ, какъ воскъ, вѣкомъ.

„И я жалѣю, что онъ закроется, и я не смогу больше въ него глядѣть, и знаю, что мнѣ нельзя пошевелиться. Въ углу полуспущеннаго вѣка держится прозрачная капелька, дивясь (?) необозримому желтѣющему простору, опрокинутой среди него телегѣ, близко лежащимъ другъ возлѣ друга людямъ и равнодушно глядящему съ высоты жаркому солнцу, потомъ извилисто растягиваясь, собираясь, тихонько пробирается между складками, которыя принимаютъ видъ и цвѣтъ плохо дубленой кожи овчиннаго тулупа, расплывается и солнце блеститъ въ соленой влагѣ...“

Это такъ вымучено или форма такъ мучительно-трудно дается автору, что вѣдь едва можно даже сообразить, о чемъ идетъ тутъ рѣчь. Не всякій сразу догадается, чей глазъ въ кого всматривается, не сразу пойметъ, что здѣсь пущена въ ходъ персонификація «капельки» и что все дальнѣйшее трактовано съ ея «точки зрѣнія». Стиль у г. Серафимовича вообще нѣсколько апокалипсическій. Читая самую сцену нападенія и убійства, не сразу сообразишь, кто кого убиваетъ или бьетъ, и вообще, что это за кутерьма происходитъ... Потуги ли на импрессіонизмъ это надѣлали (тогда это именно *потуги*, холодныя, преднамѣренныя вычуры), или тутъ просто неумѣлое перо—этого вопроса мы рѣшить не беремся. Но если такъ неудачна форма, то замыселъ очерка, наоборотъ, не только удаченъ, но и оченъ глубокъ. Фактическая канва такова. Въ знойный вѣтряный день велосипедистъ выѣзжаетъ изъ какого-то города степной полосы и изнемогаетъ, педалируя противъ встрѣчнаго вѣтра, отъ жары, духоты и черноземной пыли. Его нагоняетъ на парѣ работникъ, служащій у кого-то въ батракахъ и, сжалившись надъ спортсменомъ, подсаживаетъ его вмѣстѣ съ велосипедомъ на свою телѣгу. Сѣдокъ жалуется на жажду. Возница любезно угощаетъ его дынками и огурцами, которые запасъ на дорогу; предоставляетъ ему львиную долю, а самъ довольствуется одной корочкой дыни. Но вотъ онъ заинтересовывается цѣною «машины», которую «ешшо самому надо вертѣть ногами». Оказывается—250 цѣлковыхъ. Онъ пораженъ, потомъ не вѣритъ, думаетъ, что баринъ пошутилъ надъ нимъ; но тотъ подтверждаетъ, и съ этого момента начинается темная стихійная работа въ душѣ возницы. На двѣсти пятьдесятъ рублей онъ могъ бы обзавестись полнымъ хозяйствомъ. Имѣй онъ эти деньги — конецъ ненавистному батрачеству, подневольному, безцѣльному житью. «Живемъ вотъ какъ въ этой степи: ничего не видать, ничего не слыхать. Семья, дѣти ростутъ, не видишь, выростаютъ, уходятъ, неизвѣстно для ча и ростутъ... баба ужъ старуха, почитай, што и не жилъ съ ней, а то же вѣдь люди... тутъ-то на чужой сторонѣ за все плати, и за бабу плати, а тамъ своя да не видишь, а деньги, какіе выколотишь, заразъ шлешь въ деревню, и толку нѣту какъ въ прорву...» Такъ онъ характеризовалъ свое житье въ разговорѣ съ сѣдокомъ, не задолго до рокового вопроса о велосипедѣ... Ни съ чѣмъ, на его взглядъ, несообразная цѣна велосипеда пробуждаетъ въ немъ дремавшіе, замученные, заглохшіе инстинкты. Мысль о контрастѣ между этимъ спортсменомъ и имъ самимъ, какъ молнія, обжигаетъ его душу и все разворачиваетъ въ ней. Дикая, неосмысленная не-

нависть ищетъ себѣ исхода. А томительный, одуряющій зной, разслабляющій работу сознанія, довершаетъ дѣло. Онъ пытается пустить лошадей по пашнѣ, въ сторону отъ дороги, но окрикъ обезпокоеннаго сѣдока останавливаетъ его; вскорѣ однако онъ вторично сворачиваетъ, погоняетъ изо всей мочи, бросаетъ возжи и дважды ударяетъ сѣдока по головѣ дубовымъ коломъ... Тотъ уже раньше полусознательно нащупывалъ въ карманѣ свой «бульдогъ», а теперь пускаетъ его въ ходъ и убиваетъ возницу. Сѣдокъ всю дорогу, слушая разсказы возницы, вспоминалъ гдѣ-то вычитанное стихотвореніе, къ которому разслабленная жарою память не могла прибрать начала:

„И какъ ему... Тебѣ не пришлось
Наткнуться на вопросъ,
Чѣмъ былъ бы хуже твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ".

Онъ глубоко симпатизируетъ батраку. «Постой... постой... родимый... голубчикъ!» кричитъ онъ ему въ тотъ моментъ, когда видитъ передъ собою поднятый колъ и «помертвѣлое отъ отчаянія съ судорожно искривленными бровями лицо и человѣческіе, полные муки и ужаса глаза». Но ни симпатія, ни мольбы, въ которыхъ столько же страха, сколько жалости къ нападающему, конечно, не помогаютъ. Игра стихіи должна была привести къ роковому концу. Очеркъ заканчивается такъ:

«И мы неподвижно лежимъ съ нимъ, и неподвижно остановившееся время, неподвижна степь, небо, только носится мутное пѣніе вѣтра безъ словъ, безъ мелодіи, безъ человѣческаго выраженія, но съ мертвымъ выраженіемъ безсмысленности».

Нѣкоторые критики указываютъ, что очеркъ г. Серафимовича является явнымъ подражаніемъ «Челкашу» Горькаго. Это совершенно невѣрно. Ничего общаго, кромѣ того, что и тамъ и тутъ крестьянинъ покушается на убійство, въ этихъ вещахъ нѣтъ. Прежде всего въ «Челкашѣ» крестьянинъ дѣйствуетъ изъ мотивовъ стяжанія, корысти. Здѣсь — полное отсутствіе корысти. Поступокъ только причино, — а не цѣле-сообразенъ, какъ и все стихійное. Я считаю, что г. Серафимовичъ взялъ совершенно новую, оригинальную тему и притомъ до ужаса глубокую *). Вопросъ, имъ затронутый, — огромный вопросъ крестьянской психологіи; но онъ не только психологическій вопросъ, а и историческій, если хотите. И нужно отдать справедливость автору, во всемъ, что прикосновенно къ самой психологіи Онисима (такъ зовутъ возницу), онъ проявляетъ большую чуткость. Великолѣпенъ этотъ переходъ отъ прежняго «добродушнаго и безхитростнаго» тона, отъ вѣками выработанной, безсознательной добродушной угодливости и «жалѣнія» (чего стоитъ одно это щедрое угощеніе, эта жертва «послѣдними своими

*) Эта тема была, впрочемъ, затронута Львомъ Толстымъ зъ „Войнѣ и Мирѣ": вспомните психологію крестьянъ князя Болконскаго во время нашествія Наполеона, за день до отъѣзда князя изъ имѣнія и въ день самаго отъѣзда...

рессурсами»—въ жару...) къ неудоумѣнію, и душевному мраку, и ненависти: «Што, баринъ, каждый день, небось, мясо жрешь»... Не находящее себѣ культурнаго человѣческаго исхода измученное чувство ищетъ себѣ исхода въ безсмысленномъ, безкорыстномъ звѣрствѣ. Критики, сопоставлявшіе этотъ очеркъ съ «Челкашемъ», очевидно, объяснили себѣ покушеніе на убійство со стороны Онисима—желаніемъ овладѣть дорогимъ велосипедомъ для продажи его... Объясненіе—совершенно не допустимое, если сколько-нибудь вникнуть въ развиваемую авторомъ психологію. Повторяю, тутъ нѣчто причино-сообразное и полное отсутствіе всякой цѣлесообразности. Это степной вѣтеръ «безъ словъ, безъ мелодіи, безъ человѣческаго выраженія, но съ мертвымъ выраженіемъ безсмысленности», какъ говорится въ заключительныхъ строкахъ. Хорошо также, кромѣ психологіи Онисима, символическое описаніе его внѣшности:.. «костлявая худоба, худыя, сдѣлавшіяся желѣзными отъ непрестанной, непосильной, безъ отдыху и сроку работы руки и ноги, эта согнувшаяся спина, все это изможденное изумительно выносливое, грязное, чуть прикрытое тѣло. Мужиченко, самый обыкновенный мужиченко изъ центральныхъ губерній»... Много удачныхъ психологическихъ штриховъ и въ обрисовкѣ того онѣмѣнія, той разслабленности сознаніе и воли, которыя овладѣваютъ одинаково и возницей и сѣдокомъ подъ вліяніемъ зноя и однообразной, томительной ѣзды... Своеобразное сочетаніе въ душѣ Онисима безсознательнаго добродушія, исторически-привычной оболочки, съ внезапно прорывающимся изъ-подъ нея наболѣвшимъ чувствомъ, тоже исторически накопленнымъ чувствомъ,—напоминаетъ иныя вещи Мопассана. Тѣмъ обиднѣе неудачная форма, въ которую все это облечено. Во всякомъ случаѣ, мы скажемъ спасибо г. Серафимовичу за его попытку нарисовать это деревенское добродушіе, ведущее, подъ давленіемъ судьбы, уже не къ предательству, какъ у г. Гусева-Оренбургскаго, а къ прямому насилію...

Что Онисимъ г. Серафимовича не типъ, а символъ—это незачѣмъ и пояснять. Онъ содержитъ только родовыя, только общія всему его классу, черты. Авторъ самъ подчеркиваетъ свои символическія намѣренія словами: «Мужиченко, самый обыкновенный мужиченко изъ центральныхъ губерній». Такими же символами, схемами крестьянства, являются фигуры мужиковъ въ очеркахъ г. Бунина.

Очеркъ «Черноземъ» раздѣленъ на двѣ части: первая озаглавлена «Золотое дно», вторая «Сны». Изящный по своему стилю, написанный съ той выработанной, тщательной манерой, которая присуща г. Бунину, этотъ очеркъ какъ бы даетъ заключительный аккордъ ко всѣмъ сельскимъ темамъ, трактованнымъ въ «Сборникахъ», а пожалуй, и не къ однимъ сельскимъ... Въ «Золотомъ днѣ» авторъ изображаетъ «тишину и запустѣніе. Уже не оскудѣніе, а *запустѣніе*» (это первая строка очерка) и «хмурую» жажду какого-нибудь исхода.

«Такъ плохи, говоришь, дѣла?» спрашиваетъ разсказчикъ сестру свою, помѣщицу, къ которой заѣхалъ по дорогѣ въ свое имѣніе. Та «куритъ и задумчиво смотритъ куда-то въ даль, на косогоры за лугомъ и рѣчкой».

„— Совсѣмъ, совсѣмъ плохи!—поспѣшно, какъ будто даже съ удовольствіемъ подтверждаетъ сестра.—Будь капиталъ, еще, можетъ быть, можно было бы поправиться. Вѣдь земля-то сущее золотое дно. Но банкъ, банкъ!

„— За то тишина-то какая!—говорю я.

„— Ужъ этого хоть отбавляй!—съ угрюмой ироніей соглашается племянникъ-студентъ.—Дѣйствительно, тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Въ родѣ пересыхающаго пруда. Издали—хоть картину пиши, такой мирный, привѣтливый. А подойди, затхлостью понесетъ, ибо воды въ немъ на вершокъ, а тины—на двѣ сажени, и караси всѣ подохли. Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается".

Этой символической бесѣдой открывается очеркъ. Затѣмъ разсказчикъ осматриваетъ, яко бы для покупки, а на самомъ дѣлѣ изъ любопытства, домъ окончательно уже разорившейся старухи-помѣщицы, «добившейся, по словамъ кучера Корнѣя, до послѣдняго». Описаніе растеряннаго, съ «виноватой» улыбкой пріема, картина запустѣнія, царящаго въ полуобитаемомъ домѣ старухи—прекрасно удались автору... Разсказчикъ ѣдетъ дальше и тутъ происходитъ діалогъ между нимъ и Корнѣемъ, свидѣтельствующій, что не только иныя дворянскія гнѣзда, какъ то, о которыхъ говоритъ очеркъ или чеховскій «Вишневый садъ», «добились до послѣдняго»... Этотъ діалогъ мы приведемъ ниже въ заключеніе нашего обзора очерковъ, написанныхъ на «сельскія» темы, ибо онъ подводитъ имъ—да и не только имъ—прекрасное символическое резюме. Вторая часть — «Сны», изображаетъ разговоръ въ вагонѣ 3-го класса, на желѣзной дорогѣ, гдѣ-то въ южной полосѣ... Мужички бесѣдуютъ о добренькомъ пьянчужкѣ-попѣ, который «пить-то пилъ, да оказался такой, что лучше не надо». «Сколько, молъ, о. Петръ за кстины, аль за похороны берете?»—«Не я, братъ, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть»... Этотъ попикъ какъ-то затосковалъ и собрался помирать: «Только дюже, говоритъ, вездѣ горя много, и ужли никакой тому перемѣны не буде, ужли не дожить мнѣ до ней?» А затѣмъ передъ смертью видѣлъ сонъ о кочетахъ, красномъ, бѣломъ и черномъ, которые привидѣлись ему въ алтарѣ. Ихъ смѣнилъ въ видѣніи монашекъ, сказавшій попу тихимъ голосомъ: «Не нужайся, служитель Божій, а объяви всему народу, что, молъ, означаетъ твое видѣніе. А означаетъ оно бо-ольшія дѣла!..» Разсказъ объ этихъ «видѣніяхъ» вызываетъ суевѣрное, напряженное вниманіе темныхъ слушателей. А когда лице, отъ котораго ведется разсказъ, подходитъ къ мужичку, сообщившему о видѣніяхъ, тотъ замолкаетъ. «А тебѣ, господинъ, что надо?.. Не господское это дѣло мужицкія побаски слушать...» Темныя, пригнетенныя жизнью души ищутъ исхода своей тоскѣ въ этихъ фантастическихъ «снахъ»...

Мнѣ кажется, что г. И. Бунинъ напрасно такъ рѣдко за послѣдніе годы выступаетъ въ качествѣ беллетриста. Онъ почему-то промѣнялъ прозу на стихотворство. На нашъ взглядъ, и читатель, и онъ самъ много проиграли отъ этого. Мы помнимъ небольшіе его очерки, изъ первыхъ его произведеній, печатавшіеся въ «Русскомъ Богатствѣ», они, подобно новому очерку, помѣщенному въ «Сборникѣ», отличались той же тонко обработанной манерой и наблюдательностью. Послѣдній очеркъ, правда, въ новомъ вкусѣ: онъ глубоко сим-

воличенъ и охватываетъ, какъ мы говорили, огромный кругъ явленій нашего сельскаго существованія; онъ шире прежнихъ по замыслу, а форма изящнѣе.

О всѣхъ вещахъ на сельскія темы, охарактеризованныхъ нами, за исключеніемъ чисто реалистическаго очерка «Въ приходѣ», можно сказать, что это не воспроизведеніе жизни, а мысли о жизни, не изображеніе типовъ и характеровъ, а извѣстные итоги, обобщенія, лишь передаваемыя въ видѣ художественныхъ собирательныхъ образовъ. Настоящимъ, живымъ, конкретнымъ типомъ можно назвать только добродушнаго попика въ очеркѣ г. Гусева-Оренбургскаго. А Онисимъ въ очеркѣ Серафимовича, подобно бунинскому Корнѣю, подобно фигурамъ чеховской драмы, нарисованъ весьма *обобщенными* красками. Все это символы. И если у Чехова символизмъ нерѣшительный, двойственный, если среди локальныхъ тоновъ у него то и дѣло попадаются конкретныя черточки и детально разработанныя пятна, переливающія всѣми цвѣтами реальной дѣйствительности, то у авторовъ очерковъ символы являются въ чистомъ видѣ: они какъ бы намѣренно освобождены отъ конкретнаго содержанія.

Почти тоже самое намъ придется сказать и объ изображеніи городской жизни въ повѣсти г. Юшкевича «Евреи» и о повѣсти г. Андреева, этихъ несомнѣнно выдающихся образцахъ современнаго художества, къ разсмотрѣнію которыхъ мы перейдемъ въ слѣдующій разъ. Это—по части *концепціи*, составляющей характерный признакъ новаго художества. А что касается *содержанія* произведеній участниковъ сборника «Знанія», то, какъ мы говорили, хорошій символическій итогъ этому содержанію данъ въ очеркѣ г. Бунина: онъ обнимаетъ оба тома сборниковъ,—и сельскіе, и городскіе мотивы,—съ одной стороны, и этико-философскія темы, затронутыя г.г. Вересаевымъ, Горькимъ, Андреевымъ,—съ другой.

Если бы эпиграфы не являлись устарѣлымъ пріемомъ, мы на мѣстѣ участниковъ сборника, взяли бы эпиграфомъ слѣдующій символическій діалогъ изъ «Чернозема»:

„— И какъ вы только живете тутъ!

„Корнѣй завертываетъ цыгарку, глядя въ землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

„— Живемъ пока...

„— То-есть какъ „пока“. А потомъ-то что-жъ?

„— Потомъ—чтó Богъ дастъ. Все что-нибудь будетъ...

„— Что же?

„— Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть,—чертямъ оборки вить. — Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

„— А какъ?

„При свѣтѣ мѣсяца ясно видно липо Корнея, но, поднявъ голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза куда-то въ сторону.

„— Какъ иначе-то?—повторяю я вопросъ.

„— Тамъ видно будетъ,—отвѣчаетъ Корней уже совсѣмъ хмуро...“

Это сознаніе, что «что-нибудь» должно же, наконецъ, настать новое, что «чертямъ оборки вить»—унизительное и не умное занятіе, что жизни пора, наконецъ, сдвинуться съ того постылаго мѣста, на которомъ она застаи-

вается вотъ уже много десятковъ лѣтъ,—сознаніе мучительное, хмурое и далеко не вездѣ еще опредѣленное, по своему содержанію,—главнымъ образомъ, отрицательное,—есть, на мой взглядъ, основной тонъ современности. Этотъ тонъ звучитъ теперь повсюду, онъ обнимаетъ и проникаетъ собою все наше существованіе. Я его слышу въ робкихъ, разноголосящихъ, но честныхъ попыткахъ мысли рѣшить проклятые вопросы общественнаго и экономическаго жизнестроительства, въ философскихъ запросахъ—въ области вѣры и знанія, и въ сбивчивыхъ исканіяхъ раздѣлившейся на безконочное число философскихъ «направленій» интеллигенціи (въ общественномъ смыслѣ, проложившей однако три достаточно опредѣленныхъ русла, объединенныхъ этимъ основнымъ тономъ) и въ темныхъ, тугихъ, но упорныхъ усиліяхъ мысли народа... «Не *то*, не *то*; такъ жить нельзя»—эта излюбленная формула толстовскихъ героевъ (и самого Толстого въ «Исповѣди») стала излюбленной формулой нашей жизни. Но если у Коленьки Иртеньева, у Левина, князя Неклюдова рядомъ съ этимъ *не то* постоянно чувствуется сладостная увѣренность въ близкомъ наступленіи желаннаго *то*, въ близкой возможности новаго болѣе нравственнаго и счастливаго образа жизни, то наша современность на вопросъ «какъ же иначе-то?» хмуритъ брови: «тамъ видно будетъ»...

Таковъ тонъ жизни въ наши дни. И именно этимъ тономъ проникнуто все, или почти все, что дали намъ въ своихъ сборникахъ наши современные беллетристы. Тонъ жизни уловленъ ими безусловно вѣрно.

На этихъ двухъ предварительныхъ замѣчаніяхъ о характерѣ концепціи и тонѣ содержанія мы пока и остановимся.

М. Невѣдомскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Кончина А. П. Чехова. Русская литература понесла снова незамѣнимую утрату: въ ночь со 2-го на 3-е іюля въ германскомъ курортѣ Баденвейлерѣ скончался Антонъ Павловичъ Чеховъ. Уже давно для лицъ, близко знавшихъ покойнаго писателя, не было тайной опасное положеніе, въ которомъ находился А. П., но никто не думалъ, что это случится такъ скоро. Для большинства же русскихъ читателей смерть этого замѣчательнаго писателя была совершенно неожиданной и произвела поистинѣ удручающее впечатлѣніе. Недугъ, который свелъ его въ могилу, уже въ теченіе ряда лѣтъ постепенно подтачивалъ его силы, оставляя, впрочемъ, надежду, что при правильномъ образѣ жизни, при хорошемъ уходѣ больной можетъ долго бороться съ нимъ. Этою болѣзнью было вызвано переселеніе А. П. Чехова на югъ, въ Ялту, гдѣ климатическія условія могли, если не совершенно уничтожить теченіе легочнаго процесса, то, по крайней мѣрѣ, сильно замедлить его. Къ несчастью, болѣзнь прогрессировала гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было думать, принимая во вниманіе возрастъ и образъ жизни писателя. Нынѣшнею весной, вскорѣ послѣ того, какъ А. П. былъ предметомъ восторженныхъ овацій при первомъ представленіи «Вишневаго сада», въ его здоровьѣ наступило замѣтное ухудшеніе. Онъ прибылъ въ Москву въ крайне тяжеломъ состояніи, и для видѣвшихъ его лицъ казалось несомнѣннымъ, что конецъ близко. А. П. отправился за границу при самыхъ тяжелыхъ предчувствіяхъ со стороны провожавшихъ его почитателей. Но первыя свѣдѣнія о состояніи его здоровья за границей, первыя письма его какъ бы стремились разсѣять опасенія: А. П. писалъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, что тѣ симптомы, которые безпокоили его въ Россіи, миновали, что онъ сталъ бодрѣе и здоровѣе. Къ несчастью, это субъективное ощущеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному ходу вещей: дни писателя были сочтены.

«Русск. Вѣд.» приводятъ выдержку изъ послѣдняго полученнаго редакціей письма А. П. отъ 12-го іюня изъ курорта Баденвейлера, гдѣ онъ только что тогда устроился. Вотъ что писалъ онъ о себѣ: «Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами. Ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я помногу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ эмфиземы и слабость

отъ худобы, пріобрѣтенной мною за время болѣзни. Лѣчитъ меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это—д-ръ Schwörer, женатый на нашей московской Ж—го. Badenweiler—очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себѣ. Масса зелени, впечатлѣніе горъ, очень тепло, домики и отели, стоящіе особнякомъ въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякѣ—пансіонъ съ массой солнца (до 7-ми час. вечера) и великолѣпнымъ садомъ, платимъ 16 мар. въ сутки за двоихъ (комната, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормятъ добросовѣстно, даже очень. Но воображаю, какая здѣсь скука вообще. Кстати, сегодня съ утра идетъ дождь, я сижу въ комнатѣ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вѣтеръ»...

Та же газета приводитъ слѣдующую выдержку изъ личнаго письма Г. Б. Іоллоса къ редактору о послѣднихъ дняхъ жизни А. П. Чехова:

«...Въ Люцернѣ, гдѣ я думалъ отдохнуть нѣсколько дней съ братомъ, меня вчера утромъ настигла телеграмма Ольги Леонардовны съ извѣстіемъ о кончинѣ А. П—ча. Я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ и очень кстати пріѣхалъ: хотя власти и нѣкоторые проживающіе здѣсь русскіе усердно помогали ей, но все-таки было ужасно тяжело, и нужны совѣтъ и помощь. Пробуду здѣсь до завтрашняго утра, провожу тѣло до Фрейбурга, гдѣ вагонъ прицѣпятъ къ скорому поѣзду на Берлинъ... Изъ моихъ телеграммъ вы знаете, какъ произошла кончина. Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣніе, что дни А. П. сочтены,—такъ онъ мнѣ показался тяжело-больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша. Помню однако, что, когда поѣздъ отходилъ, онъ, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ, высунулся изъ окна и долго кивалъ головой, когда поѣздъ двинулся. По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше; но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость, — комната ему не нравилась, хотѣлось другого мѣста. Они переѣхали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало не прекращающееся движеніе у дома почты. «Видишь,—говорилъ онъ женѣ,—что значитъ культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма». Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: «Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!» Такъ дни проводилъ до начала этой недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больнаго, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Швѣреръ (Schwörer), превосходно относившійся къ паціенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожи-

данной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній, потому что послѣ впрыскиванія морфія и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошъ, и больной спокойно заснулъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: «На пустое сердце льда не кладутъ».

«Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распоря дился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: «Да знаешь, на всякій случай»... Послѣднія его слова были: «Умираю», и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: «Ich sterbe»... Пульсъ становился все тише... Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,—и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; толькое пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями. Въ видѣ особой любезности къ berühmter russischer Schriftsteller, хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе корридоры, вынесли въ часовню, гдѣ оно останется до отхода поѣзда въ Россію. Здѣшняя публика, и въ особенности, конечно, находящіеся здѣсь русскіе, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходитъ за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сознаніе, что не стало великаго таланта и слишкомъ рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая...»

Автобіографія А. П. Чехова. «Русскія Вѣдомости» получили отъ приватъ-доцента московскаго университета д-ра Г. И. Россолимо слѣдующее письмо:

«Изъ сохранившихся у меня писемъ и замѣтокъ покойнаго друга Антона Павловича для меня особенно цѣнна его рукописная краткая автобіографія, присланная имъ мнѣ весной 1899 года и вошедшая въ альбомъ портретовъ

съ краткими жизнеописаніями товарищей нашего выпуска московскихъ медиковъ 1884 года, къ которому былъ причастенъ и А. П. Въ виду того, что въ свое время я получилъ отъ автора біографіи разрѣшеніе присвоить себѣ эту рукопись, а также и потому, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти дорогого человѣка такъ хочется думать и говорить объ его жизни, я спѣшу подѣлиться съ почитателями великаго писателя тѣмъ, что́ писалъ онъ о себѣ послѣ 20-ти лѣтъ литературной дѣятельности:

«Я, А. П. Чеховъ, родился 17-го января 1860 года въ Таганрогѣ. Учился сначала въ греческой школѣ при церкви царя Константина, потомъ въ таганрогской гимназіи; въ 1879 г. поступилъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе и выбралъ медицинскій факультетъ не помню по какимъ соображеніямъ, но въ выборѣ потомъ не раскаивался. Уже на первомъ курсѣ сталъ печататься въ еженедѣльныхъ журналахъ и газетахъ, и эти занятія литературой уже въ началѣ 80-хъ годовъ приняли постоянный, профессіональный характеръ. Въ 1888 г. получилъ Пушкинскую премію. Въ 1890 г. ѣздилъ на островъ Сахалинъ, чтобы потомъ написать книгу о нашей ссыльной колоніи и каторгѣ. Не считая судебныхъ отчетовъ, рецензій, фельетоновъ, замѣтокъ, всего, что́ писалось изо-дня въ день для газетъ и что́ теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лѣтъ литературной дѣятельности было написано и напечатано болѣе 300 листовъ повѣстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы. Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня на-сторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т.-е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это—только условность и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ воскресенской земской больницѣ (близъ Новаго Іерусалима) у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ недѣлю былъ врачомъ въ звенигородской больницѣ. Въ холерные годы (1892—1893) завѣдывалъ мелиховскимъ участкомъ Серпуховскаго уѣзда».

Въ дополненіе къ этимъ автобіографическимъ даннымъ помѣщаемъ некрологъ А. П. Чехова. «Исторія личной жизни Антона Павловича Чехова не богата

внѣшними событіями; она почти всецѣло сводится къ его литературной жизни и дѣятельности, къ его служенію на этомъ поприщѣ русскому обществу. Родился А. П. 17-го января 1860 года въ Таганрогѣ, учился въ тамошней гимназіи и по окончаніи въ ней курса поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Еще на студенческой скамьѣ онъ началъ подъ псевдонимомъ «Чехонте» сотрудничать въ юмористическихъ журналахъ: «Будильникѣ», «Развленіи», «Стрекозѣ», и съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность его пе прерывалась до самаго послѣдняго времени. Въ 1884 году онъ получилъ степень врача, но медицинская практика мало его интересовала, и онъ почти совсѣмъ ею не занимался. По мѣрѣ того какъ росъ талантъ юнаго писателя, онъ начиналъ пользоваться все бо̀льшими симпатіями читателей, и произведенія его вскорѣ стали помѣщаться на страницахъ распространенныхъ періодическихъ изданій. Въ 1887 году были напечатаны его первыя двѣ крупныя вещи: въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» появилась его драма «Ивановъ», а вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ лучшихъ его разсказовъ: «Скучная исторія». Вмѣстѣ съ вышедшимъ почти одновременно сборникомъ «Въ сумеркахъ» этотъ разсказъ привлекъ къ себѣ особое вниманіе критики и читателей и сразу поставилъ автора въ ряды лучшихъ представителей русской литературы. Послѣдующія произведенія («Дуэль», «Палата № 6», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», «Мужики», «Человѣкъ въ футлярѣ», «Въ оврагѣ» и т. д.) еще болѣе подняли популярность А. П. и сдѣлали его однимъ изъ самыхъ любимыхъ нашихъ беллетристовъ. Въ это время А. П. сотрудничалъ преимущественно въ «Русской Мысли», но иногда его прозведенія печатались и въ другихъ органахъ печати, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ «Жизни», «Новомъ Времени»; многіе его разсказы помѣщены также и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Въ 1890 г. А. П. совершилъ поѣздку на Сахалинъ и описалъ свои впечатлѣнія въ рядѣ талантливыхъ очерковъ, напечатанныхъ сперва въ «Русской Мысли», а затѣмъ вошедшихъ въ составъ отдѣльной книги «Островъ Сахалинъ», 1895 г. Отдѣльными же сборниками издавались и всѣ другія произведенія А. П. Эти сборники имѣли большое распространеніе; требовались все новыя изданія; число ихъ доходило до громадной для русскаго книжнаго рынка цифры 10—13—14 изданій. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ А. П. пріобрѣлъ широкую популярность какъ драматургъ; для сцены онъ писалъ и раньше, но первые его драматическіе опыты или не имѣли большого успѣха («Ивановъ», 1887 г.), или же представляли небольшія вещицы, не претендовавшія на серьезное значеніе («Медвѣдь», «Предложеніе» и др.). Зато его послѣдующія сценическія произведенія «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый садъ», всѣ поставленныя на сценѣ московскаго Художественнаго театра, составили крупное событіе въ исторіи нашего театра и пользуются безпримѣрнымъ успѣхомъ одинаково и на столичныхъ, и на провинціальныхъ сценахъ. Когда въ 1900 году были произведены первые выборы по разряду изящной словесности при второмъ отдѣленіи академіи наукъ, въ число почетныхъ академиковъ былъ избранъ и А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій А. П. издано въ 10-ти томахъ А. Ф. Марксомъ въ 1901—1902 г. и затѣмъ

было повторено въ 1903 г. въ качествѣ приложенія къ журналу «Нива» Здоровье А. П. уже давно было сильно разстроено, и большую часть времени онъ былъ вынужденъ проводить на югѣ,—за границей и въ Крыму,—лишь по временамъ пріѣзжая въ Москву, съ которой его соединяли давнія связи и гдѣ его жена, извѣстная артистка,—по сценѣ О. Л. Книпперъ,—является одной изъ главныхъ силъ сцены Художественнаго театра. Въ текущемъ году состояніе здоровья А. П. замѣтно ухудшилось. Ровно мѣсяцъ тому назадъ онъ по совѣту врачей уѣхалъ для леченія въ курортъ Баденвейлеръ, а 2-го іюля А. П. не стало».

Ураганъ 16-го іюня. Пронесшійся надъ Москвой 16-го іюня, около 5-ти часовъ дня, ураганъ съ грозой ливнемъ и градомъ, достигающимъ по словамъ московскихъ газетъ мѣстами размѣра болѣе куринаго яйца, до $^3/_4$ фунта вѣсомъ, захватилъ не только окраины города, но и многія мѣстности по прилегающимъ къ Москвѣ желѣзнымъ дорогамъ на большое разстояніе. Въ центрѣ города, гдѣ былъ только ливень съ не особенно крупнымъ градомъ, нельзя было представить, что происходило на окраинахъ, гдѣ прошелъ, очевидно, центръ урагана. Наступила тьма; страшный вихрь рвалъ на клочки желѣзныя крыши, разрушалъ фабричныя трубы, поднималъ на воздухъ, какъ щепки, попадавшіяся доски, вывѣски и другіе предметы; молнія, временами прорѣзывавшая тьму и освѣщавшая страшную картину разрушенія, сопровождалась почти безпрерывными раскатами грома. Все живое, застигнутое на улицахъ, стремилось укрыться, но очень немногимъ удавалось безъ ушибовъ и ранъ достигнуть безопаснаго мѣста. Число пострадавшихъ было очень велико. Причиненные ураганомъ матеріальные убытки выразились очень крупной цифрой.

Страшное опустошеніе произвелъ ураганъ въ дачныхъ мѣстностяхъ, на фабрикахъ и въ деревняхъ въ районѣ Курской и Нижегородской и частью Ярославской желѣзныхъ дорогъ. Уже передъ Подольскомъ, по Курской дорогѣ, начинаютъ попадаться сорванныя желѣзныя крыши, вырванныя съ корнями и поломанныя деревья. По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ уже по правой сторонѣ пути все ярче выступаетъ картина разрушенія. Крупныя деревья частью вырваны съ корнями, частью переломлены пополамъ, а мѣстами цѣлые перелѣски уложены, точно подкошенные; разметаны и поломаны въ щепки сложенные въ штабели щиты, предохраняющіе зимой путь отъ снѣга; многія зданія стоятъ безъ крышъ. Застанціей Люблино, повидимому, ураганъ свирѣпствовалъ еще съ большею силой. Въ лѣсномъ участкѣ Голофтѣева, около 80 десятинъ, поломаны и разнесены вихремъ почти всѣ деревья, многія изъ дачъ стоятъ безъ крышъ съ выбитыми рамами и окнами, заваленныя сломанными деревьями. Далѣе виднѣются слѣды деревни, отъ которой уцѣлѣлъ всего какой-нибудь десятокъ крайнихъ хатъ, а вся остальная стройка большой деревни превращена въ огромную груду бревенъ, перемѣшанныхъ съ соломой. Почти разрушены село Карачарово, Хохловка и Чагино. На двухъ колокольняхъ сорваны купола, а у третьей куполъ вмѣстѣ съ крестомъ наклоненъ въ сторону. Не лучше

было положеніе обитателей этихъ деревень, которые были застигнуты въ полѣ или въ дорогѣ: ихъ поднимало вихремъ на воздухъ, ударяло затѣмъ объ землю, причиняя серьезныя повреждёнія. Сильно пострадалъ также скотъ. Между 5-й верстой, близъ ст. Люблино и ст. Подольскъ, всѣ телеграфные столбы были поломаны, и телеграфное сообщеніе пришлось пріостановить. Сильно пострадалъ заводъ Либишъ, у Чесменской платформы; зданія завода частью разрушены; почти со всѣхъ зданій сорваны крыши. На Московско-нижегородской желѣзной дорогѣ, начиная со 2-й версты отъ Москвы и до платформы Чухлинка (6-я верста), поломаны всѣ телеграфные столбы; желѣзнодорожные пути были завалены вырванными деревьями и крышами, снесенными со строеній въ деревняхъ Карачарово и Хохловкѣ. До расчистки путей движеніе временно было пріостановлено. По словамъ пассажировъ, дачный поѣздъ, вышедшій изъ Москвы въ 4 ч. 45 м. дня, принужденъ былъ остановиться, не дойдя Чухлинки, причемъ черезъ поѣздъ перелетѣла сорванная гдѣ-то ураганомъ желѣзная крыша. На линіи всю ночь работала цѣлая артель. На Московско-Казанской желѣзной дорогѣ на московской товарной станціи разрушено каменное зданіе элеватора. Здѣсь же стоявшіе на запасныхъ путяхъ два товарныхъ вагона опрокинуты на бокъ. На платформѣ Митьково товарный вагонъ былъ сброшенъ въ прудъ, и сторожевая желѣзнодорожная будка также опрокинута и разбита. На Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ, около Перловки, въ дер. Шарапово, снесено нѣсколько хатъ и крупнымъ градомъ побитъ скотъ. Около Тайнинской платформы, на 18-й верстѣ, положенъ казенный лѣсъ по одну сторону пути. Въ Мытищахъ поломано много телеграфныхъ столбовъ и повреждены проводы.

На московскомъ экстренномъ губ. земскомъ собраніи.

3-го іюля состоялась экстренная сессія московскаго губернскаго земскаго собранія для разсмотрѣнія вопросовъ: 1) объ оказаніи помощи лицамъ, пострадавшимъ отъ урагана 16-го іюня сего года, и 2) о нуждахъ, вызываемыхъ военнымъ временемъ.

Ураганъ, причинившій огромное бѣдствіе населенію, болѣе всего затронулъ Подольскій, Московскій и Дмитровскій уѣзды. По полученіи первыхъ свѣдѣній о произведенныхъ ураганомъ разрушеніяхъ въ губернской управѣ возникла мысль о томъ, не представится ли возможнымъ и цѣлесообразнымъ приравнять это стихійное бѣдствіе къ пожару и выдать пострадавшимъ, строенія которыхъ были застрахованы въ земствѣ, причитающееся вознагражденіе за уничтоженныя постройки.

Произведеннымъ, по распоряженію управы, страховыми агентами обслѣдованіемъ пострадавшихъ мѣстностей выяснено, что убытокъ отъ поврежденныхъ и сломанныхъ ураганомъ строеній простирается по всей губерніи до 150.000 рублей, причемъ выдача вознагражденія страхователямъ выразилась бы въ суммѣ около 100.000 руб. Хотя, по буквѣ закона, земство страхуетъ постройки только отъ огня, но самое страхованіе имѣетъ въ виду охрану цѣлости построекъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ элементовъ крестьянскаго благосостоя-

нія. По духу и внутреннему смыслу закона о земскомъ страхованіи, вполнѣ справедливо было бы, по мнѣнію управы, приравнять бѣдствіе, причиненное ураганомъ, къ пожарному бѣдствію и оказать пособіе лицамъ, участвовавшимъ въ образованіи страхового капитала. По изложеннымъ соображеніямъ губернская управа предлагаетъ собранію разрѣшить ей безотлагательно произвести выдачу причитающихся суммъ всѣмъ пострадавшимъ земскимъ страхователямъ. Но такъ какъ, по закону, такія выдачи не могутъ быть произведены изъ страхового капитала, то немедленно произвести вознагражденіе пострадавшихъ изъ другихъ принадлежащихъ земству спеціальныхъ капиталовъ въ видѣ кратковременнаго позаимствованія, возбудивъ одновременно съ симъ предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи московскому земству обратить сумму этого пособія, въ размѣрѣ до 100.000 рублей, на соотвѣтственные капиталы обязательнаго и добровольнаго страхованія. Губернскимъ собраніемъ предложеніе управы принято.

По вопросу о нуждахъ, вызываемыхъ военнымъ временемъ, управой составленъ былъ докладъ, содержащій подробныя свѣдѣнія о томъ, что сдѣлано до настоящаго времени московскимъ земствомъ и общеземской организаціей по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. Московскій губернаторъ, однако, не нашелъ возможнымъ допустить къ обсужденію въ экстренномъ собраніи составленнаго отчета, ограничивъ право собранія лишь обсужденіемъ вопроса объ оказаніи помощи нуждающимся семьямъ лицъ, призванныхъ изъ запаса въ ряды арміи. По этому поводу управа констатируетъ, что ассигнованныхъ для этой цѣли губернскимъ земскимъ собраніемъ 25.000 р. совершенно недостаточно для оказанія дѣйствительной помощи семьямъ призванныхъ изъ запаса на дѣйствительную службу и что необходимо теперь же намѣтить источникъ для дальнѣйшихъ выдачъ предусматриваемаго закономъ пособія мѣстному населенію. Средства земскаго страхового капитала въ значительной мѣрѣ исчерпаны; то же слѣдуетъ сказать и о капиталѣ добровольнаго страхованія, на счетъ котораго отнесены расходы, связанные съ военными нуждами, въ суммѣ 300.000 рублей.

Въ виду сказаннаго слѣдуетъ, по мнѣнію управы, остановиться на томъ источникѣ, который указывается для подобныхъ случаевъ самимъ закономъ, т.-е. на губернскомъ продовольственномъ капиталѣ. По имѣющимся въ губернской управѣ свѣдѣніямъ, наличность губернскаго продовольственнаго капитала превышаетъ въ данное время 300 тысячъ рублей. Въ виду благопріятныхъ видовъ на урожай въ губерніи, управа полагаетъ, что слѣдуетъ просить губернское присутствіе отпустить по требованію московскаго земства изъ сказаннаго капитала, по мѣрѣ выясняющейся необходимости, средства на выдачу пособій семьямъ лицъ, призванныхъ въ ряды дѣйствующей арміи, въ общей суммѣ до 150.000 рублей. Опредѣлить точно, какая сумма потребуется въ настоящее время, конечно, невозможно, а въ связи съ этимъ трудно и намѣтить срокъ и порядокъ возврата позаимствованныхъ суммъ. Обстоятельства эти могутъ быть выяснены по окончаніи всей этой операціи, и докладъ объ этомъ долженъ быть представленъ губернскому собранію послѣ окончанія войны. Можно

предположить, что и этой суммы не хватитъ для полнаго удовлетворенія нужды, въ такомъ случаѣ должно быть вмѣнено въ обязанность управѣ вновь созвать губернское собраніе и представить свои соображенія о новомъ источникѣ для дальнѣйшихъ выдачъ. Въ этомъ смыслѣ и состоялось постановленіе собранія.

Далѣе было принято рѣшеніе объ увеличеніи размѣра пайка, сравнительно съ установленнымъ закономъ, для продовольствія призрѣваемыхъ, а также и о распространеніи пособія земства, помимо коренного населенія, и на всѣхъ другихъ лицъ, жительствующихъ въ предѣлахъ губерніи. Вопросъ о способѣ распредѣленія предстоящихъ затратъ между губернскимъ и уѣздными земствами переданъ на предварительное заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній.

Мобилизація и земство. Харьковская губернія переживаетъ трудное время: мобилизація захватила въ ней 10 уѣздовъ, и теперь земство бьется надъ вопросомъ, гдѣ достать средства, чтобы прокормить массу семействъ, оставшихся безъ работниковъ.

«По закону,—говоритъ харьковскій корреспондентъ «С.-Пет. Вѣд.»,—обязанность оказывать помощь семьямъ запасныхъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, лежитъ на сельскихъ обществахъ и на уѣздныхъ земствахъ; первыя обязаны доставлять квартиру и отопленіе, вторыя—пропитаніе. Законъ указываетъ и нормы пропитанія: $1^1/_2$ пуда муки, 10 фунтовъ крупы и 4 фунта соли на каждаго изъ призрѣваемыхъ.

«Скромность этихъ нормъ, установленныхъ въ 1877 году, и неудобства выдачи пособій натурой очевидны. Несомнѣнна также и бѣдность нашихъ уѣздныхъ земствъ, едва справляющихся со своими текущими нуждами. Въ виду этого губернское земство рѣшило принять заботу о семьяхъ запасныхъ на себя, для чего и ассигновало 250.000 рублей.

«22-го февраля эта сумма казалась очень большою: никто, вѣдь, не зналъ что на Харьковскую губернію упадетъ почти 10% войскъ, сражающихся теперь съ Японіей. Въ русско-турецкую войну на пособія семьямъ запасныхъ было ассигновано въ десять разъ меньше, и этой ассигновки хватило.

«Правда, теперь земство назначило нормы, нѣсколько высшія, чѣмъ указанныя въ законѣ, а именно: по 3 рубля въ мѣсяцъ женамъ, по 2 рубля—дѣтямъ до шестнадцатилѣтняго возраста и неработоспособнымъ взрослымъ членамъ семьи. Однако, это превышеніе не слишкомъ велико: и законныя натуральныя нормы стоятъ около $1^1/_2$ рублей, да притомъ еще онѣ выдаются всѣмъ членамъ семьи, сколько бы ихъ ни было; земство уже установило максимумъ — не свыше 10 рублей на семью, каковъ бы ни былъ ея численный составъ. Такимъ образомъ, и земскія нормы далеко не роскошны: дай Богъ чтобы онѣ могли прокормить семьи, лишившіяся своихъ кормильцевъ, не заставляя ихъ разстраивать свои хозяйства.

«И вотъ даже при этихъ нормахъ оказывается, что на пособія семьямъ запасныхъ понадобится не менѣе 150.000 рублей въ мѣсяцъ!

«Такимъ образомъ, ассигновки губернскаго собранія достанетъ лишь на одинъ мѣсяцъ. Если война кончится настолько скоро, что запасные успѣютъ возвратиться къ своимъ семьямъ къ 1-му января, то и тогда понадобится не менѣе 1 милліона руб. Гдѣ ихъ взять? Этотъ вопросъ заставляетъ очень призадуматься гласныхъ нашего земства, еще такъ недавно богатаго капиталами».

Вопросъ этотъ разсматривался въ серединѣ іюня въ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи земства, причемъ, по свидѣтельству того же корреспондента «С.-Пет. Вѣд.», выяснилось слѣдующее:

«Изъ Харьковской губерніи призвано на дѣйствительную службу около 36 тысячъ человѣкъ, и размѣръ помощи ихъ семьямъ, по приблизительному подсчету, составитъ ежемѣсячно 220.500 рублей. Такимъ образомъ, сдѣланной раньше ассигновки (235 тыс. руб.) достанетъ только на первый мѣсяцъ. Требуется значительно увеличить ее, а именно, по разсчету управы, до 2-хъ милліоновъ рублей, чтобы ее хватило до слѣдующаго очередного собранія. Гдѣ же добыть эти 2 милліона, столь необходимые земству? При выясненіи этого вопроса докладъ управы прежде всего останавливается на предположеніи нѣкоторыхъ изъ гласныхъ — ходатайствовать о пособіи отъ казны. Въ пользу этого предложенія служитъ слѣдующее соображеніе. Бремя настоящей войны слишкомъ неравномѣрно распредѣлилось между отдѣльными губерніями: на Харьковскую губернію оно упало чрезвычайно тяжело, выведя изъ нея около 36.000 человѣкъ здороваго, работоспособнаго населенія, оставившихъ какъ разъ передъ началомъ полевыхъ работъ и хозяйства, и семьи. Приблизительно около 10 проц. сражающихся на Дальнемъ Востокѣ воиновъ оказываются жителями Харьковской губерніи. Если же Харьковская губернія въ такой сильной степени принимаетъ участіе въ защитѣ родины, т.-е. въ дѣлѣ чисто государственномъ, то она имѣетъ право и на пособіе отъ государства для тѣхъ осиротѣлыхъ семействъ, отцы которыхъ ушли проливать свою кровь на берега Тихаго океана.

«Какъ ни серьезенъ этотъ доводъ, — говорится въ докладѣ управы, — но существуетъ много другихъ соображеній, которыя заставляютъ губернскую управу высказаться противъ настоящаго предложенія.

«Не далѣе, какъ 3½ мѣсяца тому назадъ, 22-го февраля, губернское собраніе по собственной иниціативѣ добровольно предоставило государству на общія нужды, связанныя съ войной, одинъ милліонъ рублей. Теперь отъ того же государства на мѣстныя нужды, связанныя съ тою же войной, проектируется получить два милліона руб. Можно, конечно, попытаться примирить эти два противоположныхъ факта, хотя бы ссылкою на то, что 22-го февраля земство не могло знать, какою тяжестью обрушится война именно на Харьковскую губернію. Но аргументація самая изысканная, діалектика самая тонкая не въ силахъ разрушить ясное и отчетливое впечатлѣніе: одной рукой дали милліонъ, а другой хотятъ взять два. Помощь семьямъ запасныхъ — прямая обязанность земства, ясно указанная закономъ, эта обязанность относится къ числу такихъ, польза которыхъ для населенія очевидна и научаетъ его понимать, какъ близкое, родное и благодѣтельное учрежденіе оно имѣетъ въ

земствѣ. Не въ традиціяхъ земства уклоняться отъ обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ.

«Правда, имѣется готовое возраженіе, что разъ земство не обратится къ казнѣ за пособіемъ, то оно будетъ помогать мѣстному населенію средствами, полученными отъ того же населенія. Подобное возраженіе, въ сущности, примѣнимо съ одинаковымъ основаніемъ ко всякаго рода земскимъ предпріятіямъ; земство денегъ не дѣлаетъ и монеты не чеканитъ, на всякое предпріятіе оно черпаетъ средства изъ населенія. Но все дѣло общественнаго хозяйства къ тому и сводится, чтобы, взявъ отъ населенія извѣстную сумму, возвратить ему ее удовлетвореніемъ нематеріальныхъ и матеріальныхъ нуждъ всего населенія или части его, постигнутой бѣдствіемъ. Теперь надо взять понемногу со всего населенія, чтобы спасти отъ хозяйственнаго разстройства 35.000 семействъ изъ него же».

«Къ этимъ доводамъ гражданственнаго характера управа присоединяетъ и доводы юридическіе и практическіе. Законъ нигдѣ не указываетъ на обращеніе къ государственному казначейству, какъ на способъ для земства добыть деньги семьямъ запасныхъ. «Да и трудно допустить,—говорится въ докладѣ,—чтобы въ настоящее время казначейство, чрезвычайно стѣсненное, выключившее изъ смѣты на 1904 г. цѣлый рядъ статей, въ томъ числѣ и всѣ пособія земствамъ, пришло съ безвозвратной помощью къ земству на дѣло, составляющее прямую обязанность послѣдняго».

«Съ своей же стороны управа предлагаетъ собранію ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ изъ государственнаго казначейства двухъ милліоновъ руб., срокомъ на 20 лѣтъ безъ процентовъ или на льготныхъ, по возможности, условіяхъ; до разрѣшенія же этого займа позаимствовать изъ капитала обязательнаго страхованія 600.000 р. Вмѣстѣ съ этимъ ходатайствовать также, чтобы при примѣненіи къ смѣтамъ отъ 1905 г. закона о предѣльности земскаго обложенія не были приняты во вниманіе суммы ассигнованныя на погашеніе займовъ на нужды, связанныя съ войной.

«Всѣ эти предложенія управы собраніе приняло единогласно и сторонниковъ указаннаго выше предложенія о безвозвратномъ пособіи отъ казны въ размѣрѣ 2-хъ милл. не оказалось и среди самихъ иниціаторовъ этого предложенія.

«Нормы пособія собраніемъ опредѣлены двоякія: 2 р. въ мѣсяцъ малолѣтнимъ и 3 р. взрослымъ членамъ семьи; для семей же, менѣе нуждающихся, по 1 р. 50 к. для всѣхъ, не дѣлая разницы между взрослыми и малолѣтними.

«Приблизительно въ такомъ же положеніи очутились и многія другія земства, которыя также жертвовали сотни тысячъ р. на военныя нужды, позабывъ въ то же время, что имъ придется кормить цѣлые уѣзды, подвергшіеся мобилизаціи».

Циркуляръ попечителя казанскаго учебнаго округа. Въ послѣднее время гг. попечители учебныхъ округовъ обратили свое вниманіе на среднюю школу и въ той или иной формѣ высказали педагогамъ и свои взгляды на положеніе дѣлъ и свои мысли о желательномъ ихъ теченіи. Только

что опубликованный циркуляръ попечителя казанскаго учебнаго округа касается почти исключительно вопросовъ педагогическихъ, требуя отъ учителей «бдительности и энергіи» въ учебно-воспитательной части.

«Въ виду переходнаго времени, переживаемаго нашею среднею школою,— говорится въ циркулярѣ — въ ея жизни и строѣ стали замѣчаться явленія, свидѣтельствующія о томъ, что въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго мнѣ округа падаетъ не только дисциплина, но и вообще учебно-воспитательное дѣло. На упадокъ дисциплины въ средней школѣ уже было обращено вниманіе педагогическихъ совѣтовъ въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 28-го іюня минувшаго года, и указаны способы воспитательнаго воздѣйствія на учащихся. Мною вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено, что непорядки и недостатки въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ неудовлетворительности учебно-воспитательныхъ пріемовъ, зависятъ въ значительной долѣ также отъ апатичнаго и пассивнаго отношенія къ дѣлу нѣкоторыхъ начальниковъ учебныхъ заведеній, отъ ослабленія обычной энергіи, отъ желанія ихъ какъ будто переждать, когда окончится для средней школы переходное время. Между тѣмъ, въ жизни школы не можетъ и не должно быть такого момента, когда школа могла бы сложить съ себя отвѣтственность за обучающихся въ ней дѣтей, а начальникъ оной могъ бы считать себя свободнымъ отъ полной отвѣтственности за недостатки и нестроенія въ учебной и воспитательной части. Переходное состояніе школы, напротивъ, должно усугубить бдительность и энергію начальниковъ учебныхъ заведеній.

«Напоминая объ этомъ директорамъ гимназій и реальныхъ училищъ, я особенно прошу начальниковъ заведеній приложить какъ свое усердіе къ выполненію служебнаго дѣла, такъ и свое вниманіе къ исполненію учебно-воспитательнымъ персоналомъ своихъ обязанностей. Каждому директору гимназіи и реальнаго училища надлежитъ быть неослабно строгимъ, но справедливымъ начальникомъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія и заботливымъ руководителемъ своихъ сотрудниковъ. Во всѣхъ случаяхъ недоумѣнія по веденію учебно-воспитательнаго дѣла прошу обращаться ко мнѣ за разъясненіями. Всякій же замѣченный мною непорядокъ и всякое отступленіе учебно-воспитательнымъ персоналомъ отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей я буду взыскивать съ начальника заведенія, если по отношенію этихъ отступленій отъ долга службы подчиненныхъ начальникомъ не будетъ принято надлежащихъ мѣръ и своевременно не будетъ доведено до моего свѣдѣнія».

За мѣсяцъ. Именной Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату 1904 г., іюня 17-го. «Состоящему при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, шталмейстеру Двора Нашего, генералъ-лейтенанту по Адмиралтейству князю Оболенскому—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть филяндскимъ генералъ-губернаторомъ, съ оставленіемъ шталмейстеромъ Двора Нашего»

— Высочайшій рескриптъ, данный на имя шталмейстера Высочайшаго Двора, генералъ-лейтенанта по Адмиралтейству, князя Ивана Оболенскаго.

«Князь Иванъ Михайловичъ.

«Великое Княжество Финляндское со времени присоединенія къ Россійской Державѣ пользуется особымъ строемъ мѣстнаго управленія и внутренняго законодательства. Я питаю увѣренность, что строй этотъ, отвѣчающій бытовымъ условіямъ страны, можетъ быть сохраненъ для блага Финляндіи и на будущее время, и что гнусное злодѣяніе, недавно омрачившее общественную жизнь въ краѣ, дѣло безумца и немногихъ его соумышленниковъ, къ преступленію коихъ финскій народъ не причастенъ.

«Забота о тѣснѣйшемъ единеніи Финляндіи съ остальною Имперіею всегда составляла неуклонную задачу государственной власти; таковою она должна остаться и впредь. Постепенное достиженіе указанной цѣли было вмѣнено Мною въ первѣйшую обязанность покойному финляндскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Бобрикову. Съ разумною твердостью исполнялъ почившій государственный дѣятель возложенный на него долгъ, пока безвременная кончина не прервала его самоотверженнаго служенія, стяжавшаго ему почетное имя въ лѣтописяхъ утвержденія русской государственности на сѣверной окраинѣ.

«Признавъ за благо призвать васъ на должность финляндскаго генералъ-губернатора, Я ожидаю отъ вашей преданности и вашихъ дарованій, что въ управленіи ввѣреннымъ вамъ краемъ вы будете ревностнымъ исполнителемъ Моихъ предначертаній. Особому попеченію вашему поручаю укрѣпить въ сознаніи финскаго народа убѣжденіе, что историческіе судьбы его неразрывны съ судьбами Россіи, и что дальнѣйшее преуспѣяніе Финляндіи подъ сѣнью Русскаго Государства и дарованныхъ ей учрежденій зависитъ отъ прочнаго водворенія въ странѣ мирнаго теченія жизни.

«Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ»

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Николай».

Въ Петергофѣ. 17-го іюня 1904 года.

Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату. «На основаніи ст. 9 устава о воинской повинности (изд. 1897 г.), число людей, потребное для пополненія арміи и флота, опредѣляется ежегодно законодательнымъ порядкомъ.

«Согласно сему, утвердивъ нынѣ послѣдовавшее въ Государственномъ Совѣтѣ, по представленію военнаго министра, мнѣніе о размѣрѣ предстоящаго въ семъ году призыва людей на дѣйствительную военную службу, повелѣваемъ: призвать въ 1904 году, съ соблюденіемъ предписаннаго обществамъ уставомъ о воинской повинности порядка: 1) во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, на которыя простирается дѣйствіе сего устава, для пополненія арміи и флота —четыреста сорокъ семь тысячъ триста два человѣка, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій призывъ освобождающія отъ военной службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени, и 2) съ осетинскаго населенія Терской области — сто человѣкъ, назначаемыхъ, согласно Высочайше утвержденному 10-го іюля 1890 г. положенію Военнаго Совѣта, въ осетинскій конный девизіонъ.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай».

Въ Петергофѣ. 7-го іюня 1904 года.

— Именной Высочайшій указъ. О пополненіи состава частей флота въ военныхъ портахъ Балтійскаго и Чернаго морей и о дополнительномъ призывѣ нижнихъ чиновъ запаса флота. Правительствующему сенату.

Признавъ необходимымъ пополнить составы частей флота въ военныхъ портахъ Балтійскаго и Чернаго морей, повелѣли Мы Указомъ Нашимъ, сего числа даннымъ управляющему морскимъ министерствомъ, сдѣлать нынѣ надлежащія по сему распоряженія.

«Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ призвать на дѣйствительную службу:

«1) Для потребности военныхъ портовъ Балтійскаго моря, согласно дѣйствующему мобилизаціонному расписанію, всѣхъ еще не призванныхъ нижнихъ чиновъ запаса флота изъ губерній Европейской Россіи, за исключеніемъ губерніи Оренбургской и всѣхъ губерній финляндскаго военнаго округа.

«2) Для потребности Севастопольскаго порта, состоящихъ на учетѣ въ округахъ Таганрогскомъ и Ростовскомъ Области Войска Донскаго и въ уѣздахъ: Елисаветградскомъ, Александрійскомъ, Ананьевскомъ и Тираспольскомъ —Херсонской губерніи,—согласно того же расписанія.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай».

Въ Петергофѣ. 21-го іюня 1904 года.

— Объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства евреевъ въ пятидесятиверстной отъ западной границы полосѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства евреевъ въ пятидесятиверстной отъ западной границы полосѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя Государственнаго Совѣта графъ *Сольскій.*

7 іюня 1904 года.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 16-го іюля напечатано: «15-го іюля, въ 10 часовъ утра, когда министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Плеве, направляясь на балтійскій вокзалъ для слѣдованія въ Петергофъ, проѣзжалъ по Измайловскому проспекту, подъ карету его стоявшимъ около тротуара человѣкомъ былъ брошенъ разрывной снарядъ. Послѣдовавшимъ взрывомъ были убиты министръ и кучеръ его кареты крестьянинъ Иванъ Филипповъ; изъ находившихся случайно вблизи тяжело раненъ капитанъ лейбъ-гвардіи семе-

новскаго полка Цвецинскій и получили пораненія: рядовой нестроевой штаба 37-й пѣхотной дивизіи Фризенбергъ, конторщикъ Лейба Мошковскій, извозчикъ Филиппъ Крайновъ, маляръ Иванъ Хромцовъ, артельщикъ Аѳанасьевъ, служащій въ контролѣ Николаевской желѣзной дороги Лаврентьевъ, Ольга Тимоѳеева и ея внучка 3-хъ лѣтъ и запасный рядовой Фридрихъ Гартманъ.

«Убійца, получившій при взрывѣ нѣсколько неопасныхъ ранъ, задержанъ на мѣстѣ преступленія и отказался назвать себя.

«По дѣлу производится слѣдствіе судебнымъ слѣдователемъ с.-петербургскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ».

Некрологъ. 21-го іюня въ 2 часа утра тихо скончался скромный литературный работникъ Левъ Михайловичъ Медвѣдевъ. Въ «Русск. Вѣд.» находимъ слѣдующія строки, посвященныя памяти покойнаго журналиста: Левъ Михайловичъ Медвѣдевъ умеръ сравнительно молодымъ,—ему не было и 40 лѣтъ (онъ родился 2-го января 1865 г.). Онъ былъ сынъ небезызвѣстнаго въ свое время минералога М. Медвѣдева, учился въ кіевскихъ 1-й и 2-й гимназіяхъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ курса не кончилъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Имя Л. М. хотя широкою извѣстностью въ публикѣ и не пользуется, но довольно хорошо знакомо всѣмъ причастнымъ къ литературѣ и слѣдящимъ за нею. Главнымъ образомъ онъ былъ поэтъ, примыкавшій къ числу пѣвцовъ гражданской скорби. Писалъ онъ и лирическія стихотворенія, и дѣтскія. Нужда,—эта тѣнь, неустанно идущая чуть ли не за каждымъ русскимъ литературнымъ дѣятелемъ,—заставляла его работать и въ юмористическихъ журналахъ и браться за компилятивныя работы. Началъ писать Л. М. еще съ гимназической скамьи и печатался во многихъ изданіяхъ, какъ «Русская Мысль», «Жизнь», «Вѣстникъ Европы», «Новое Слово», «Правда», «Курьеръ», «Сѣверный Курьеръ», «Свѣточъ», «Жизнь и Искусство» и мн. др. Писалъ онъ одно время и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»,—корреспонденціи съ Кавказа. Тепло и задушевно писалъ онъ и для дѣтей, помѣщая свои стихотворенія и разсказы «Дѣтскомъ Чтеніи», «Свѣтлячкѣ», «Путеводномъ Огонькѣ», «Юномъ Читателѣ» и др. Нѣкоторые его дѣтскіе разсказы изданы отдѣльно и удостоились хорошихъ отзывовъ, какъ, напримѣръ, «Изъ жизни писателей», «Въ гимназіи». Изъ стихотвореній его были изданы отдѣльно только болѣе раннія да переводы «Крымскихъ сонетовъ» Мицкевича. Л. М. Медвѣдевъ былъ очень гуманный человѣкъ, прекрасный товарищъ, отзывчивый на всякое горе и нужду. Въ могилу свела его горловая чахотка, отъ которой онъ пролежалъ въ постели болѣе полугода».

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Образованіе"—іюнь, „Вѣстникъ Европы"—іюль, „Русское Богатство"—іюнь).

Въ іюньской книжкѣ «Образованія» Ник. Іорданскій высказываетъ нѣсколько интересныхъ соображеній о задачахъ земской печати и ея современномъ положеніи.

«Первыя земскія періодическія изданія,—говоритъ авторъ «Задачъ земской печати»,—были ограничены очень узкими рамками. «Сборникъ Херсонскаго земства», появившійся въ 1868 г. и «Земскій сборникъ Черниговской губерніи», появившійся въ 1869 году носили характеръ скорѣе адресъ-календарей, чѣмъ жуналовъ. Утвержденная администраціей программа черниговскаго «Сборника» содержала въ себѣ только постановленія и распоряженія правительства по земскому дѣлу, отчеты и извѣстія о дѣятельности земскихъ учрежденій Черниговской губерніи, извлеченные изъ журнальныхъ постановленій и другихъ актовъ губернскаго и уѣзднаго собраній, и свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ. Помѣщеніе статей чисто литературныхъ или полемическихъ было строго воспрещено. Дальнѣйшее развитіе земской печати также происходило въ неблагопріятной атмосферѣ. Отрицательное отношеніе, съ самаго начала усвоенное административной властью, не только задерживало улучшеніе земскихъ періодическихъ изданій, но въ большинствѣ случаевъ даже не допускало ихъ возникновенія. Только въ послѣдніе годы замѣчается нѣкоторая перемѣна политики. Многимъ земствамъ удалось исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе своихъ журналовъ, другимъ—получить право расширить программу уже существовавшихъ».

Указывая на количественный ростъ земской печати въ теченіе 36 лѣтъ ея существованія, авторъ утверждаетъ, что онъ «лишь въ самой незначительной мѣрѣ» соотвѣтствуетъ ея качественному росту, и причины этого видитъ не только во внѣшнихъ препонахъ. Существующія земскія изданія сводятся къ двумъ типамъ: толстаго ежемѣсячника, посвященнаго разработкѣ вопросовъ земской жизни, и еженедѣльной газеты, преслѣдующей преимущественно народно-просвѣтительныя цѣли. Оба эти типа авторъ разсматриваетъ отдѣльно.

«Наша земская пресса (ежемѣсячники)—говоритъ онъ, до сихъ поръ наполняется необработанными громоздкими данными, представляющими интересъ только для спеціалистовъ. Отдѣлъ правительственныхъ распоряженій является, обыкновенно, самымъ полнымъ. Но, конечно, онъ не удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ, и притомъ въ настоящее время, когда распространеніе газетъ весьма значительно, онъ далеко не вызывается необходимостью. Та часть гласныхъ, которая ведетъ земскія дѣла, безъ сомнѣнія, знакомится съ теченіемъ русскаго законодательства не по запаздывающимъ земскимъ изданіямъ, а по общей прессѣ, гдѣ, на ряду съ законодательными актами, почти всегда можно найти и критическую оцѣнку ихъ. Отдѣлы общей и мѣстной хроники земской жизни, которые должны составлять главную основу содержанія земскихъ журналовъ, находятся въ еще болѣе плачевномъ состояніи. Общеземская хроника ведется

далеко не вездѣ, но и тамъ, гдѣ она есть, она составляется или изъ голыхъ перепечатокъ изъ частныхъ газетъ, или изъ такихъ же перепечатокъ, но съ нѣкоторыми разсужденіями составителя хроники. Принимая во вниманіе, что общая пресса отмѣчаетъ только сравнительно выдающіяся событія земской жизни, мы должны признать, что для спеціальнаго земскаго органа ограничиваться перепечатками газетныхъ извѣстій далеко не значитъ освѣщать земскую жизнь. Но не только общеземская хроника страдаетъ неполнотою. Даже мѣстная дѣятельность уѣздныхъ земствъ не всегда находитъ отраженіе въ земскомъ журналѣ. Еще большею недостаточностью отличается отдѣлъ, посвященный разработкѣ текущихъ вопросовъ мѣстной и общей земской дѣятельности. Ни одинъ изъ земскихъ журналовъ не высказывается систематически и съ подробнымъ, опирающимся на изученіе мѣстнаго матеріала обоснованіемъ по всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ практикѣ даннаго земскаго собранія. Такія статьи носятъ всегда случайный характеръ въ зависимости отъ того, поступитъ ли въ редакцію статья, или нѣтъ. При отсутствіи матеріала по наиболѣе важнымъ вопросамъ земской работы, невольно выдвигаются на первый планъ спеціальные отдѣлы. Огромныя бумажныя пространства заполняются или метеорологическими, или медицинскими, или статистическими данными, которыя вездѣ находятся въ распоряженіи земскихъ управъ. Даже сельскій интеллигентъ, умирающій отъ духовнаго голода, никогда не раскроетъ страницъ, наполненныхъ плодами земскаго трудолюбія».

Въ настоящее время земское издательство окупается только въ $^1/_8$—$^1/_{10}$ долѣ, но не было бы большой бѣды,—говоритъ авторъ,—если бы оно даже совсѣмъ не окупалось; «бѣда заключается въ томъ, что земскія изданія не приносятъ должной пользы... Задаваясь цѣлью быть и общественно-политическими, и спеціальными журналами, они не являются ни тѣми, ни другими. Изучая ихъ, невозможно опредѣлить, на какого читателя они разсчитаны». Посвященныя главнымъ образомъ интересамъ одной губерніи, ежемѣсячныя земскія изданія не въ силахъ привлечь къ себѣ крупныя публицистическія силы. «Надо откровенно и прямо признаться, что для отдѣльныхъ земствъ не подъ силу изданіе періодическаго органа сколько-нибудь серьезнаго общественно-политическаго значенія. Такая задача можетъ быть осуществлена только общеземскимъ органомъ. Онъ, дѣйствительно, способенъ создать прочную и постоянную земско-литературную организацію, которая, обладая достаточными силами и средствами, будетъ оказывать серьезное вліяніе на ходъ земской жизни». Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ многія губернскія земскія собранія возбуждали ходатайства объ разрѣшеніи такого общеземскаго органа, но до сихъ поръ онъ составляетъ только предметъ мечтаній. При такомъ положеніи дѣлъ, по мнѣнію автора, «земства могутъ достигнуть экономіи силъ и средствъ, путемъ отказа отъ мѣстныхъ приходскихъ изданій и поддержки, хотя бы только подпискою, какого-либо изъ установившихся и заслужившихъ довѣріе земскихъ органовъ. Такимъ образомъ, при наименьшей затратѣ денегъ, были бы достигнуты наибольшіе возможные результаты. Что же касается мѣстныхъ губернскихъ органовъ, то они, несомнѣнно, должны завершить сознательно и

быстро ту эволюцію, которая уже совершается стихійно: они должны преобразоваться въ народныя газеты».

Авторъ горячо оспариваетъ мнѣніе, что общеземскій органъ долженъ давать мѣсто для статей принципіально противоположныхъ. «Земство въ цѣломъ», земство, какъ сумма интересовъ мѣстнаго населенія,—фикція. Въ земскихъ собраніяхъ идетъ живая борьба направленій, борьба партій... Органъ, который откроетъ свои страницы для представителей всѣхъ теченій, рискуетъ превратиться въ складочное мѣсто, такъ какъ ни одинъ убѣжденный человѣкъ не станетъ во главѣ изданія, гдѣ онъ долженъ исполнять только скромныя обязанности не то корректора, не то архиваріуса... Земскій органъ долженъ быть партійнымъ органомъ, онъ долженъ выражать взгляды и мнѣнія той части земскихъ дѣятелей, которые стоятъ въ настоящій моментъ у кормила. Противоположные взгляды должны находить въ немъ мѣсто исключительно для того, чтобы быть опровергнутыми».

Если земскіе ежемѣсячники не могли найти своего «друга читателя», то нельзя того же сказать о земскихъ газетахъ, которыхъ въ настоящее время издается только три: «Вятская», «Нижегородская» и «Казанская». «Какъ показываютъ опросы безплатныхъ читателей, произведенные земствомъ въ 1895 и 1898 годахъ, «Вятская Газета» пользуется полнымъ сочувствіемъ крестьянскаго населенія, не только платоническимъ, но и активнымъ». Опросъ показалъ, что у газеты имѣются не только читатели, но и чтецы, «они просвѣщаютъ своихъ сосѣдей, дѣлятся съ ними своими знаніями, пріучаютъ ихъ къ чтенію... И такихъ читателей-чтецовъ у «Вятской Газеты», по словамъ редакціи, много. Не мало у нея сотрудниковъ изъ народа. Въ 1902 году за первые 9 мѣсяцевъ въ 39-ти нумерахъ «Вятской Газеты» напечатано было 144 корреспонденціи, написанныя самими крестьянами. Кромѣ того въ газетѣ напечатаны 14 разсказовъ и очерковъ, составленныхъ тоже самими крестьянами. Надо замѣтить, что много статей и писемъ, присылаемыхъ крестьянами, остаются ненапечатанными по разнымъ причинамъ, преимущественно внѣшняго характера. Такое же активное сочувствіе крестьянства и въ практикѣ молодыхъ народныхъ газетъ: «Нижегородской» и «Казанской». «Вятская Газета» существуетъ уже 10 лѣтъ, подписная плата ея—2 рубля въ годъ; для возможно большаго распространенія газеты среди крестьянскаго населенія земство разсылаетъ 6.660 экземпляровъ ея безплатно. «Нижегородская Газета» распространяется въ 3.000 экземпляровъ, «Казанская»—въ количествѣ 4.500. «Послѣдняя, существующая уже около трехъ лѣтъ, успѣла вполнѣ сложиться и является очень удачнымъ опытомъ приспособленія газеты къ условіямъ и потребностямъ деревни. Она представляетъ дѣйствительно деревенскій мѣстный органъ. Сама деревня принимаетъ непосредственное и живое участіе въ составленіи номера этого органа. Крестьяне, учителя, волостные писаря, священники, землевладѣльцы, даже исправникъ и «крестьянская дѣвица» таковы сотрудники «Казанской Газеты». Достойно всякаго вниманія, что, несмотря на тѣсныя рамки, въ которыя она заключена цензурными условіями, газета оказалась способной уловить многіе вопросы крупнаго общественнаго значенія, волнующіе мѣстныхъ жителей. Для примѣра, укажемъ на вопросъ объ изданіи

книгъ на инородческихъ языкахъ, вопросъ, который для Казанской губерніи, населенной преимущественно инородцами, имѣетъ громадную важность. Статья, напечатанная на эту тему въ одномъ изъ первыхъ номеровъ газеты, вызвала оживленную полемику, въ которой приняли участіе крестьяне и представители сельской интеллигенціи. Такой же обширный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о пособіяхъ, выдаваемыхъ губернскимъ земствомъ домохозяевамъ, желающимъ выселяться изъ большихъ деревень въ отдѣльные поселки. Цѣлый рядъ бытовыхъ статей о медицинѣ, знахаряхъ и врачахъ, деревенскихъ адвокатахъ, міроѣдахъ, о дракахъ въ праздники, о запрещеніи работать по праздникамъ— написанъ также самими деревенскими обывателями и показываетъ, что деревня дѣятельно сочувствуетъ попыткѣ пролить свѣтъ гласности въ ея безпросвѣтную вѣковую тьму. Редакціи народныхъ газетъ не могутъ пожаловаться, какъ «Саратовская Земская Недѣля», на отсутствіе сотрудниковъ изъ среды непосредственныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Деревня активно идетъ навстрѣчу литературному воздѣйствію. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Такимъ образомъ создается на почвѣ литературнаго общенія своеобразная организація, связанная болѣе духовными узами, чѣмъ формальными уставами, но тѣмъ болѣе прочная, тѣмъ болѣе вліятельная. Газета группируетъ около себя все, что стремится къ свѣту въ деревенской тьмѣ, и вырабатываетъ практическихъ работниковъ, которые внесутъ нѣчто новое въ повседневную жизнь поселка. Она формируетъ армію для завоеванія лучшаго будущаго».

Недоброжелательная критика по адресу «третьяго элемента» въ земствѣ,— статистиковъ, врачей, учителей, агрономовъ и другихъ наемныхъ земскихъ служащихъ—дѣлаетъ особенно своевременнымъ появленіе статей, напоминающихъ русскому обществу о томъ, что сдѣлалъ этотъ нынѣ столь гонимый «третій элементъ», и какія особенности въ его общественномъ положеніи помогли ему создать такіе историческіе памятники, какъ сотни томовъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій и организація земской медицины. Въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» Дм. Рихтеръ подводитъ краткіе итоги тому, что сдѣлала русская земская статистика. Вопросъ о необходимости систематическихъ статистическихъ изслѣдованій народной хозяйственной жизни впервые былъ поднятъ калужскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 1865 году. Въ ближайшіе же годы тотъ же вопросъ былъ поднятъ и утвердительно рѣшенъ въ губернскихъ земствахъ — московскомъ, тверскомъ и вятскомъ. Въ 1871 г. вятскимъ земствомъ были изданы «Изслѣдованія экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губерніи. Составилъ служащій губернской земской управы В. Я. Заволжскій». Этою работою покойнаго Заволжскаго (ум. въ 1897 г.) положено начало огромной литературы земской статистики. Начало постояннаго земскаго статистическаго учрежденія—«бюро»—было положено въ томъ же 1871 году тверскимъ губернскимъ земствомъ (В. И. Покровскій). «По подсчету А. Ф. Фортунатова, къ началу 1894 г. т.-е. въ то время, когда земскія статистическія изслѣдованія велись только по почину самихъ земствъ, а не въ силу внѣшняго на нихъ воздѣйствія, были уже напечатаны результаты мѣстной подворной переписи крестьянскаго хозяйства въ 25 губерніяхъ,

по 171 уѣзду съ 69.619 селеніями, 3.944.898 крестьянскими дворами и съ населеніемъ въ 23.508.452 человѣка обоего пола. По 19 губерніямъ для 125 уѣздовъ имѣлись печатные результаты изслѣдованій частно-владѣльческихъ хозяйствъ. Въ 11 губерніяхъ по 77 уѣздамъ опубликованы были результаты сплошного изслѣдованія территоріи; наконецъ въ 17 губерніяхъ по почину земствъ устраивалась текущая статистика. Сюда не вошли земскія изслѣдованія, относящіяся до народной медицины, продовольственнаго вопроса, страхованія промысловъ, фабрикъ и заводовъ и проч., имѣющія помимо чисто земскаго и общегосударственный интересъ и давшія обширный матеріалъ по отечествовѣдѣнію. Такъ было въ началѣ 1894 г. За послѣднее десятилѣтіе земскія изслѣдованія разрослись, и обслѣдованная ими территорія сильно расширилась. По имѣющимся у насъ даннымъ, къ началу 1904 года изъ 34 губерній, пользующихся земскими учрежденіями, только въ двухъ не предпринималось описаній путемъ подворнаго опроса; 18 губерній описаны подобнымъ способомъ полностью. Изъ 359 уѣздовъ земской Россіи подворная перепись практиковалась въ 246; въ этихъ послѣднихъ сельскаго населенія по народной переписи 1897 г. насчитывалось 43.188 тысячъ, тогда какъ на территоріи остальныхъ 113 уѣздовъ, которыхъ подворное описаніе не коснулось, всего 15.141 тысяча жителей. Кромѣ того, въ 1883 г. былъ изслѣдованъ Ростовскій уѣздъ Екатеринославской губерніи впослѣдствіи отошедшій къ области Войска Донского. Такимъ образомъ, земствомъ описано около трехъ четвертей населенія земской Россіи. Текущая земская статистика производилась въ 31 губерніи... Земскія изслѣдованія, по своимъ методологическимъ пріемамъ признаны единственными во всѣмъ свѣтѣ, и признаны таковыми не только русскими учеными, но и за границей, и на этомъ поприщѣ наша культурно отсталая страна не имѣетъ соперниковъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ сошлюсь на Туна, Маттеи, Штида, Бертильона». По мнѣнію Туна, «изданіе «Статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.» заключаетъ въ себѣ данныя, подобныхъ которымъ нельзя найти ни въ одномъ западно-европейскомъ трудѣ». Земскія статистическія изданія неоднократно были премированы русскими научными учрежденіями,— университетами, Императорскимъ географическимъ обществомъ, вольно-экономическимъ обществомъ и др. Внѣшнія общественныя условія, среди которыхъ производились земскія статистическія работы, были далеко неблагопріятны; уже въ 1873 г. статистика была заподозрѣна, и былъ изданъ циркуляръ о томъ, что она должна «производиться весьма осторожно». Попечительныя заботы о земской статистикѣ завершились закономъ 1893 г., въ силу котораго роль земства въ организаціи статистическихъ работъ была сильно стѣснена и поставлена въ подчиненное положеніе оцѣночнымъ коммиссіямъ, въ которыхъ административный элементъ является преобладающимъ.

«Въ 1902 г., вскорѣ за появленіемъ смуты между крестьянами въ различныхъ частяхъ Россіи, земскія изслѣдованія были пріостановлены въ двѣнадцати губерніяхъ, т.-е. было сочтено опаснымъ самое скопленіе значительнаго числа изслѣдователей среди сельскаго люда; при этомъ начальникамъ остальныхъ двадцати двухъ земскихъ губерній предоставлено право пріостанавливать изслѣдованія по своему усмотрѣнію».

Отношенія самихъ землевладѣльцевъ къ статистикѣ далеко не всегда были благосклонны, для примѣра достаточно напомнить, что статистическія описанія Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ были сожжены по постановленію земскаго собранія, а «Итоги» изслѣдованій Курской губ., удостоенные самаринской преміи московскаго университета, по постановленію земскаго собранія были изъяты изъ обращенія и сложены въ подвалъ управы на съѣденіе мышамъ. Не могло привлекать къ занятіямъ земской статистикой и скудное матеріальное вознагражденіе, какъ это убѣдительно доказываютъ цифровыя данныя, собранныя А. В. Пѣшехоновымъ: за исключеніемъ завѣдующихъ, средній заработокъ которыхъ достигаетъ 2.260 р. въ годъ, рядовые статистики зарабатываютъ въ среднемъ только 962 р. Какая же особенность въ организаціи работъ дала возможность, при столь неблагопріятныхъ условіяхъ совершить «третьему элементу» колоссальную работу собиранія и обработки статистическихъ матеріаловъ? Отвѣтъ на это, по мнѣнію автора, заключается въ слѣдующемъ.

«Для производства статистическихъ работъ среди самихъ земскихъ гласныхъ, за весьма немногими исключеніями, силъ не нашлось, и въ этомъ случаѣ, какъ при организаціи земской медицины, при учрежденіи земскихъ учительскихъ школъ и т. п. начинаніяхъ, пришлось обратиться къ лицамъ, до того времени стоявшимъ въ сторонѣ отъ земства, и такъ называемые земскіе статистики вошли въ составъ лицъ, работающихъ на земскомъ поприщѣ не по выбору, а по приглашенію въ качествѣ «спеціалистовъ», которыхъ въ послѣднее время окрестили названіемъ «третьяго элемента» въ земствѣ.

Этотъ третій элементъ, состоящій изъ наемныхъ людей, сыгралъ въ земствѣ, да и продолжаетъ играть въ немъ немаловажную роль: подъ крыломъ земства онъ, можно сказать, издалъ земскую статистику. По внѣшнимъ своимъ отношеніямъ къ земству эти лица третьяго элемента похожи на обыкновенныхъ служащихъ-чиновниковъ; въ дѣйствительности же между ними и послѣдними—громадная разница. Въ чиновничьемъ мірѣ инициатива исходитъ сверху, и чѣмъ ниже кто-либо стоитъ на бюрократической лѣстницѣ, тѣмъ менѣе требуется отъ него творчества, и все дѣло сводится къ исполненію приказаній свыше. Совершенно иначе въ земствѣ, самая организація котораго уравниваетъ работающихъ среди него лицъ, заставляетъ ихъ болѣе жизненно относиться къ каждому дѣлу; и земство, обращаясь за силами внѣ своей среды, предоставило этимъ пришельцамъ болѣе или менѣе широкую свободу дѣйствій. Оно выставило свои требованія, выработку же программы, а иногда и самыхъ основъ дѣятельности предоставило этимъ наймитамъ, оставляя за собою право строгаго выбора лицъ и контроля надъ ихъ дѣйствіями. Эта широкая свобода дѣйствія, предоставленная поступавшимъ на службу земства, не могла не привлечь къ земскому дѣлу массы русской интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что время расцвѣта земства совпало со временемъ героической поры въ жизни нашей интеллигентной молодежи, съ такъ называемымъ «хожденіемъ въ народъ».

Это послѣднее движеніе, выросшее на почвѣ горячаго стремленія къ правдѣ, приняло особенно широкіе размѣры съ наступленіемъ реакціи послѣ блестящаго періода, послѣ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Молодыя силы

русской интеллигенціи увидѣли въ этой реакціи шагъ назадъ: онѣ, какъ наиболѣе чуткій ко всякимъ неровностямъ жизни элементъ, не могли ни спокойно отнестись къ реакціи, переждать періодъ ея господства, ни стать въ ея ряды; имъ предстояло — или заявить чѣмъ-либо свой протестъ, или развить свою дѣятельность въ такомъ направленіи, чтобы она могла способствовать болѣе скорому вступленію русской жизни на прежній прогрессивный путь, безъ чего, конечно, немыслимо и самое развитіе страны. Для проявленія перваго вида дѣятельности у русской интеллигенціи силъ не было,—она не могла разсчитывать на поддержку населенія, громадная масса котораго только что вышла изъ крѣпостничества; остался другой путь—пробудить въ массѣ народа сознаніе его законныхъ правъ и интересовъ. Но, чтобы «служить» народу въ этомъ направленіи, необходимо стать къ нему лицомъ къ лицу, необходимо слиться съ нимъ—уйти въ него. Хожденіе въ народъ особенно было распространено въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Тысячи молодыхъ силъ, желая принести посильную пользу массѣ .руссаго населенія, пренебрегая не только личными выгодами, но даже и элементарными удобствами культурной жизни, пошли въ сельскіе учителя, волостные писаря, акушерки, фельдшера и фельдшерицы, наконецъ, просто въ сельскіе рабочіе. Къ сожалѣнію, подобный наплывъ интеллигенціи на деревню былъ истолкованъ далеко неправильно административными органами, которые, реакціонно настроенные, приравняли всю массу къ горсти болѣе нервныхъ личностей, которыя несли въ среду народа не одно желаніе пробудить въ немъ сознаніе своихъ правъ, а и нѣсколько большее стремленіе возбудить его противъ односторонней чиновничьей реакціи. У насъ еще въ памяти печальные результаты неумѣлой борьбы мѣстныхъ представителей этой реакціи съ пробужденіемъ альтруизма въ передовой части русскаго общества.

«Земство съ своими жизненными задачами, съ своимъ антибюрократическимъ началомъ, не могло быть оставлено безъ вниманія со стороны представителей зародившагося движенія русской интеллигенціи, и многіе изъ нихъ поступили на земскую службу, заняли въ ней различныя должности, смотря по образованію, способностямъ и склонностямъ. Когда земство начало открывать свои статистическія бюро, nolens volens въ составъ ихъ должны были войти тѣ же искатели правды изъ среды молодыхъ силъ русской интеллигенціи. И это было выгодно для обѣихъ сторонъ. Земство получало интересующихся дѣломъ, способныхъ къ неустанной работѣ сотрудниковъ, а послѣдніе получили возможность стать лицомъ къ лицу съ населеніемъ, изученіе жизни котораго они считали необходимымъ, такъ какъ безъ яснаго пониманія этой жизни никакая дальнѣйшая прогрессивная работа немыслима. И, какъ показало время, ни земство, ни его новые сотрудники не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Первое получило въ свое распоряженіе длинный рядъ замѣчательныхъ работъ, уясняющихъ необходимые для него вопросы; вторые получили нравственное удовлетвореніе, состоящее въ сознаніи, что и они внесли свою лепту въ культурную работу своей родины—способствовали развитію ея самосознанія».

Э. Вернеръ въ іюльской книжкѣ «Русскаго Богатства» знакомитъ русскую публику съ новымъ романомъ братьевъ Поля и Виктора Маргеритъ — «Коммуна» («La commune»), романомъ, выдержавшимъ во Франціи въ теченіе одного года болѣе тридцати изданій. Такой успѣхъ книги, по мнѣнію автора статьи, въ значительной мѣрѣ «объясняется самимъ сюжетомъ, выбраннымъ авторами: уже слова «Коммуна» вызываетъ учитателей представленіе о самомъ трагическомъ эпизодѣ новой французской исторіи, — мало того: объ очень крупномъ, сложномъ и возбуждающемъ крайне смѣшанныя чувства событіи, носящемъ несомнѣнный міровой характеръ. Такъ или иначе, съ этимъ роковымъ словомъ связано столько страховъ и надеждъ, благословеній и проклятій, энтузіазма и отвращенія, что самая разнообразная публика можетъ находить живой интересъ въ чтеніи «Коммуны». По мнѣнію Э. Вернера, заслуга авторовъ заключается въ томъ, что они даютъ возможность познакомиться большой публикѣ съ нѣкоторыми интересными заключеніями о причинахъ и характерѣ «Коммуны», которыя достаточно извѣстны спеціалистамъ, но далеко не вошли въ сознаніе средняго читателя. И, прежде всего, романъ братьевъ Маргеритъ разрушаетъ ту легенду, которая черезчуръ долго держалась у традиціонныхъ историковъ новаго времени, а вслѣдъ за ними у большой публики. Эту легенду я бы назвалъ этимологическимъ предразсудкомъ, который на основаніи того, что слово «коммуна» можетъ имѣть двоякое значеніе, и выраженія «коммунистическій» и «Коммуналистическій» происходятъ отъ одного корня, видитъ въ движеніи 18-го марта инсуррекцію коммунистовъ, желавшихъ якобы основать на развалинахъ современнаго строя режимъ общей собственности со всѣми ея слѣдствіями и результатами. Въ дѣйствительности же, коммуна была прежде всего движеніемъ политическаго характера, стремленіемъ къ коммунальной автономіи Парижа; и можно сказать, что «коммуналисты» 1871 г. въ значительной степени соотвѣтствуютъ «автономистамъ» и сторонникамъ «правъ Парижа», выступающимъ въ послѣдующіе годы существованія третьей республики... Большинство представителей коммуны, принадлежало къ категоріи крайнихъ демократовъ изъ буржуазіи лишь съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ соціалистическихъ и притомъ очень неопредѣленныхъ тенденцій. Эти люди стремились въ политическомъ отношеніи подражать якобинцамъ 1793 года; въ соціальномъ же отношеніи большинство не шло далѣе взгляда стараго заговорщика, извѣстнаго публициста Делеклюза, который опредѣлялъ соціализмъ, какъ «благо народа»,—формула, могущая своею расплывчатостью приближаться даже къ консервативнымъ идеаламъ. Было въ коммунѣ, сверхъ того, дѣйствительно соціалистическое и рабочее меньшинство; но оно не выходило изъ этой роли меньшинства и лишь въ очень малой степени могло скрасить своимъ міросозерцаніемъ мѣры, принимавшіяся коммуной наскоро и подъ жерлами версальскихъ пушекъ.

Самый бѣглый взглядъ на эти мѣры позволяетъ видѣть, что ихъ лишь теоретически, лишь въ смыслѣ первыхъ шаговъ, которые тутъ же были прерваны кровавой развязкой, можно разсматривать, какъ попытки соціалистическаго, или даже, точнѣе соціальнаго характера. Коммуна запретила ночную

работу булочниковъ, коммуна отняла у предпринимателей право облагать рабочихъ штрафами. Коммуна вотировала передачу закрывшихся промышленныхъ заведеній въ руки рабочихъ ассоціацій, предоставляя посредническому «жюри» установить впослѣдствіи вознагражденіе экспропріированнымъ владѣльцамъ. Коммуна закрыла посредническія конторы для пріиска работы и замѣнила ихъ доставленіемъ даровыхъ свѣдѣній обѣимъ сторонамъ,—и фабрикантамъ, и рабочимъ,—въ меріяхъ, гдѣ находились для этого особые реестры. Коммуна разрѣшила безвозмездную выдачу заложенныхъ вещей изъ парижскаго ломбарда, если сумма не превышала 20 франковъ. Наконецъ, коммуна разсрочила платежъ всевозможнаго рода долговыхъ обязательствъ и взносовъ на два года...

Гораздо дальше коммуна пошла въ политическомъ отношеніи. Она требовала «абсолютной автономіи коммуны, распространенной на всѣ мѣстности Франціи» съ правомъ вотировать свой бюджетъ, назначать и смѣнять всѣхъ своихъ судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ должностныхъ лицъ, организовать національную гвардію съ выборомъ начальниковъ самими солдатами и замѣною при помощи этой милиціи постоянныхъ армій, устроить народное образованіе на началахъ всеобщаго, свѣтскаго и дарового обученія, и т. д. Во главѣ этой своей «Деклараціи» коммуна ставила, какъ предварительное условіе, «признаніе и укрѣпленіе республики, этой единственной формы правительства, совмѣстимой съ правами народа и правильнымъ и свободнымъ развитіемъ общества».

И опять-таки можно сколько угодно строго разбирать эту программу, указывать на ея непрактичность, на черезчуръ далеко идущее примѣненіе мѣстной автономіи, хотя и тутъ не мѣшаетъ замѣтить, что, по отзывамъ спеціалистовъ, именно Франція черезчуръ страдаетъ централизаціей, и что въ послѣднее время какъ разъ консерваторы желали бы, въ пику современному правительству, пріобрѣсти широкую коммунальную автономію въ вопросахъ образованія. Во всякомъ случаѣ и политическая програма коммуны не можетъ сама по себѣ возбуждать того скрежета зубовъ, той ненависти, тѣхъ проклятій, а главное того отношенія къ ней, какъ къ страшному врагу всего современнаго строя, которое обнаружилось въ лагерѣ версальцевъ. Вотъ тутъ и возникаетъ вопросъ: гдѣ же лежитъ источникъ необыкновеннаго взрыва ненависти къ коммуналистическому (а не коммунистическому,—повторимъ еще разъ это) движенію 18-го марта? Братьямъ Маргеритъ принадлежитъ заслуга показать впервые, въ качествѣ романистовъ, большому кругу читателей то, что было извѣстно спеціалистамъ и людямъ, знакомымъ съ исторіею современныхъ политическихъ и соціальныхъ движеній. А именно: коммуна возбуждала ненависть въ національномъ собраніи, которое, къ слову сказать, находило черезчуръ либеральнымъ даже Тьера,—именно потому, что поднялось на защиту республики и демократіи противъ реакціонныхъ стремленій «деревенщины».

Бордосскому собранію, переселившемуся въ Версаль, надо было во что бы то ни было сломить силу сопротивленія, заключавшуюся въ вооруженномъ

Парижѣ, и послѣдующая исторія показала, что если для этой цѣли оно переносило Тьера въ теченіе двухъ лѣтъ, то въ 1873 году, когда опасность миновала и надъ демократическимъ Парижемъ опустилась, повидимому, навсегда крышка свинцоваго гроба, реакція сейчасъ же свалила «великаго маленькаго человѣка» и стала на путь откровеннаго возвращенія къ старому режиму.

Авторъ «Иностраннаго обозрѣнія» іюльской книжки «Вѣстника Европы» оспариваетъ нѣкоторые разсужденія и выводы иностранной печати. Обсуждая міровое положеніе и значеніе Россіи, авторъ доказываетъ, что оно не можетъ серьезно измѣниться въ зависимости отъ того или иного хода происходящихъ нынѣ событій на Дальнемъ Востокѣ. «Каждой изъ великихъ державъ,—говоритъ онъ,—владѣющихъ отдаленными территоріями или колоніями, приходилось неоднократно терпѣть серьезныя военныя неудачи на той или другой изъ своихъ окраинъ, и однако эти неудачи нисколько не подрывали и не колебали политическаго могущества страны, если послѣднее имѣло въ своей основѣ дѣйствительную внутреннюю силу націи. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ англійскія войска были разбиты бурами при Маюбѣ, и гордая Великобританія согласилась заключить съ побѣдителями миръ, признавъ почти полную независимость Трансвааля; — измѣнилось ли послѣ этого положеніе Англіи, какъ великой державы, и пострадали ли ея вліяніе и роль въ мірѣ?.. Точно также судьба Великобританіи не будетъ поставлена на карту, если предпринятая англичанами экспедиція въ Тибетъ—при томъ грубо несправедливая и хищническая—окончится вполнѣ заслуженнымъ фіаско; не пострадаетъ также военно-политическая репутація Германіи отъ того, что ея войска, руководимыя отличными офицерами, побиваются какими-то дикими «гереро» въ южно-африканскихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Допустимъ на минуту, что, благодаря стеченію неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствъ, случилось бы невозможное,—что мы нашли бы себя вынужденными очистить Манчжурію и отказаться отъ Портъ-Артура;—это, конечно, отразилось бы на русскомъ «престижѣ» въ Азіи и давало бы себя чувствовать, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но потеря была бы возмѣщена въ свое время тѣмъ или другимъ способомъ и во всякомъ случаѣ не могла бы быть долговѣчною, въ виду неудержимаго стихійнаго роста и постепеннаго внутренняго развитія Россіи. Россія осталась бы тою же великою державою и сохраняла бы такое-же выдающееся положеніе въ Азіи и у Тихаго океана, какъ и до пріобрѣтенія Портъ-Артура и временнаго занятія Манчжуріи».

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Графъ Бюловъ и германскія партіи. Въ послѣднее время, въ германской столицѣ очень упорно распространяются слухи о томъ, что положеніе графа Бюлова сильно поколебалось. Увѣряютъ даже, что его кредитъ въ глазахъ императора Вильгельма сильно понизился. Во всякомъ случаѣ, несо-

мнѣнно, что къ нему очень охладѣли тѣ партіи въ Германіи и Пруссіи, которыя поставляютъ императору высшихъ чиновниковъ для его правительства. Консерваторы заразились гнѣвомъ аграріевъ и тоже обрушиваются теперь на канцлера, который, очевидно, чувствуя какъ почва колеблется подъ его ногами, заявилъ недавно въ прусскомъ сеймѣ, что «довольство существующимъ составляетъ величайшую, политическую мудрость» и пригрозилъ при этомъ всѣмъ консервативнымъ политикамъ, недовольнымъ соціальною и коммерческою политикою германскаго правительства, что настанетъ день, когда они съ тоскою будутъ вспоминать о его «горшкѣ съ мясомъ». Это внушительное предостереженіе вызвало нѣкоторую сенсацію. Изъ отзывовъ консервативной печати можно видѣть, какое волненіе и смущеніе произвели эти слова канцлера въ консервативномъ лагерѣ. Во всякомъ случаѣ они въ достаточной мѣрѣ освѣтили положеніе и указали консерваторамъ на опасность, которая можетъ ожидать ихъ, если Бюлова замѣнитъ другой. Вѣдь новый канцлеръ легко можетъ оказаться болѣе либерально настроеннымъ, нежели его предшественникъ и еще менѣе склоннымъ потакать аграріямъ, нежели графъ Бюловъ! Эти-то соображенія, повидимому и заставили консервативную печать сразу понизить тонъ, такъ что теперь всѣ члены правой рейхстага и ихъ органы печати наперерывъ стараются увѣрить канцлера, что они вполнѣ довѣряютъ его искусству.

Замѣчательно, что среди этихъ всеобщихъ стараній изгладить какъ можно скорѣе впечатлѣніе, произведенное временнымъ проявленіемъ неудовольствія и нетерпѣнія, никто не рѣшается спросить, что собственно заключается въ томъ «горшкѣ съ мясомъ», на который намекнулъ графъ Бюловъ въ своей рѣчи? Какъ бы то ни было, но всякая перемѣна въ германскомъ правительствѣ была бы теперь невыгодна для консервативной партіи и это консерваторы отлично сознаютъ. Впрочемъ, существующее положеніе не нравится ни одной изъ политическихъ партій за исключеніемъ, пожалуй, клерикальнаго центра. Клерикалы самымъ добросовѣстнымъ образомъ отвергаютъ мнѣніе, что въ Бюловѣ они имѣютъ «покладистаго» и «удобнаго» для себя канцлера, и стараются умалить значеніе отмѣны параграфа II закона о іезуитахъ. Либеральныя партіи, повидимому, находятъ, что имъ надо довольствоваться теперь выжидательною политикою и только стараться повредить консерваторамъ въ глазахъ правительства, продолжая инсинуировать на ихъ счетъ и обвинять ихъ въ желаніи подготовить паденіе канцлера. Консерваторы же, очевидно, сознаютъ теперь, что они сдѣлали большую ошибку, организовавъ кампанію противъ Бюлова раньше, чѣмъ у нихъ былъ уже намѣченъ его преемникъ. Все остается такимъ образомъ въ прежнемъ положеніи и только въ послѣднее время какъ будто еще рѣзче выразилось сближеніе консерваторовъ съ прусскимъ аграрнымъ дворянствомъ, представляющимъ, напр., въ эльбскихъ провинціяхъ очень могущественную группу, передъ которою даже наиболѣе гордые, высокомѣрные и властные изъ Гогенцоллерновъ, не разъ должны были склоняться и уступать, такъ какъ эта сильная каста признается ими абсолютно необходимой для благосостоянія государства. Лучшимъ доказательствомъ такого подчиненія престола интересамъ небольшой группы служитъ исторія Эльбо-рейн-

скаго канала. Вильгельмъ II сдѣлалъ изъ этого вопроса свой личный вопросъ. Онъ провозгласилъ, что этотъ путь сообщенія безусловно необходимъ для экономическаго благосостоянія государства и какъ промышленность, такъ и торговля громко требуютъ этого. Но прусскіе дворянчики были совсѣмъ другого мнѣнія и объявили войну этому проекту, который въ концѣ концовъ провалился.

Вильгельмъ металъ громъ и молніи и разразился множествомъ пылкихъ рѣчей, направленныхъ противъ «своекорыстной группы, ставящей свои собственные интересы выше интересовъ государства». Но мало-по-малу гнѣвъ его утихъ; аграрное же дворянство продолжало свою оппозицію и въ результатѣ правительство, въ данный моментъ, рѣшается представить одни лишь жалкіе остатки прежняго проекта, названнаго Вильгельмомъ «великихъ проектомъ общественной пользы».

Но само собою разумѣется, что у партіи, послѣ этой побѣды разгорѣлись аппетиты и она пожелала, чтобы канцлеръ былъ окончательно къ ея услугамъ и въ своихъ переговорахъ о коммерческихъ трактатахъ имѣлъ бы въ виду, главнымъ образомъ, интересы помѣщиковъ. Однако при всемъ желаніи Бюловъ не можетъ этого сдѣлать, но сильно раздраженные противъ него аграріи пришли все-таки къ заключенію, что канцлерскій кризисъ можетъ принести имъ гораздо больше вреда, нежели пользы. Онъ былъ бы тѣмъ болѣе некстати въ данную минуту, что горизонтъ иностранной политики сильно заволокло тучами. Одинъ изъ выдающихся клерикальныхъ органовъ смущенъ, напримѣръ, послѣднею императорскою рѣчью и сопоставляетъ грозно предостерегающій тонъ этой рѣчи со словами Бюлова въ рейхстагѣ о «существованіи очень серьезныхъ симптомовъ во внѣшней и внутренней политикѣ». Франкфуртская же газета особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что послѣ 70-го года условія совершенно измѣнились. Перемѣны собственно начались со времени тройственнаго союза. Новыя соглашенія и союзы совершенно измѣнили значеніе прежнихъ факторовъ въ международномъ положеніи и перенесли центръ тяжести европейской политики изъ Берлина въ Парижъ. Послѣ нѣкотораго промежутка, во время котораго Германія пользовалась своимъ преобладаніемъ и умственнымъ превосходствомъ надъ прочими націями европейскаго континента, Франція начала возвращаться къ своимъ прежнимъ традиціямъ справедливости и свободы, которыя содѣйствовали ея величію. «Положеніе же Германіи лучше всего иллюстрируется тѣмъ,—говоритъ франкфуртская газета,—что ея единственными друзьями въ Европѣ являются папа и турецкій султанъ—двѣ наиболѣе реакціонныя силы въ Европѣ. Такое ретроградное движеніе и служитъ именно причиной, почему мы не можемъ смотрѣть съ удовольствіемъ въ будущее!»

Въ національ-либеральной партіи усиливается расколъ и многіе даже предсказываютъ скорое разрушеніе этой крупной исторической партіи, остатки которой вѣроятно сольются частью съ консерваторами правой, частью же съ либеральнымъ союзомъ лѣвой. Sic transit... Нѣкогда, вѣдь, эта партія составляла нѣчто въ родѣ преторіанской гвардіи около желѣзнаго канцлера, но послѣ его паденія, оставшись безъ настоящаго руководителя и безъ настоящей программы, партія эта все время лавировала, колеблясь въ выборѣ между

либерализмомъ и реакціей, и такъ и не сдѣлала этого выбора по настоящее время. Возможно, слѣдовательно, что ея пѣсенка уже спѣта и дни ея сочтены. Исчезновеніе этой партіи не вызоветъ, конечно, большого пробѣла во внутренней политикѣ страны, но все же произведетъ въ ней нѣкоторыя перемѣны.

Англійскій бюджетъ.—Столѣтіе Кобдена. Обсужденіе государственнаго бюджета въ палатѣ общинъ снова послужило предлогомъ либеральной оппозиціи для того, чтобы съ еще большею силой и настойчивостью выдвинуть на сцену вопросъ о необходимости ограниченія роста вооруженій. Либеральные ораторы указывали, что въ теченіе почти всего прошлаго вѣка Англія, какъ во времена Гладстона, такъ и во времена Пиля и Дизраэли строго придерживалась политики экономіи. На другой же день по возстановленію мира въ 1815 году торійское правительство сократило военные расходы, и самъ герцогъ Веллингтонъ, сдѣлавшись первымъ министромъ въ 1828 году, еще болѣе уменьшилъ ихъ. Послѣ крымской войны Дизраэли и Гладстонъ соперничали въ рвеніи относительно возвращенія къ мудрой финансовой политикѣ. Конечно, всѣ эти усилія не остались безъ результата и выразились не только въ сокращеніи даже нормальнаго роста бюджета и приведенія его въ извѣстныя рамки, но и въ облегченіи тяжести государственнаго долга. Цифра этого долга съ 21 миліарда въ 1816 году упала до 18 милліардовъ 875 милліоновъ въ 1899 году, наканунѣ роковой трансваальской войны.

Тогда-то именно имперіализмъ, вредное вліяніе котораго уже давало себя чувствовать въ послѣдніе годы, довершилъ свое злое дѣло. Не говоря уже о $5^3/_4$ милліардахъ, непосредственно поглощенныхъ южно-африканскою войной, кабинетъ, управляющій дѣлами государства съ 1895 г., увеличилъ государственный бюджетъ на 1 милліардъ 225 милліоновъ, слѣдовательно расходы возросли на 50%, тогда какъ населеніе увеличилось всего только на 10%. Изъ этихъ 1.225 милліоновъ, на которыхъ выросъ бюджетъ, пять шестыхъ составляютъ бюджеты арміи и флота. На армію въ 1895 году Англія расходовала 447.500.000 фр., въ этомъ же году смѣта уже составляла 722.500.000 фр., слѣдовательно увеличилась на 275 милліоновъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить экстраординарный расходъ въ 90 милліоновъ на выполненіе разныхъ военныхъ работъ, да добавочные кредиты отъ 30 до 50 милліоновъ. Въ общемъ бюджетъ увеличился почти вдвое противъ 1895 года. Что касается флота, то бюджетъ его въ 1895 г. равнялся 437.500.000 фр.; по смѣтѣ же этого года, включая и дополнительные кредиты, бюджетъ увеличился до одного миліарда и 100 милліоновъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что такія крупныя цифры бюджета напугали добрыхъ гражданъ и заставили ихъ опасаться, что страна движется по наклонной плоскости, прямо къ банкротству. Въ парламентѣ лидеръ оппозиціи сэръ Кэмпбелль Баннерманъ представилъ чрезвычайно краснорѣчивые итоги вооруженнаго мира и такимъ образомъ наглядно изобразилъ опасность, которая угрожаетъ странѣ, словно загипнотизированной гимномъ имперіализма и неудержимо стремящейся къ самоубійству. Сочувственно отозвавшись о сближеніи Франціи и Англіи, онъ прибавилъ: «Пусть правительство и далѣе мужественно идетъ по этому же пути и постарается посредствомъ

дружественныхъ переговоровъ облегчить тягостное бремя все усиливающихся морскихъ вооруженій и обезпечить государствамъ Европы ту безопасность, которую никакъ не можетъ имъ доставить теперешняя безумная расточительность, вызываемая соперничествомъ и завистью и порождающая нелѣпую конкуренцію въ дѣлѣ вооруженій».

Въ то время какъ въ парламентѣ дебатируется бюджетъ и выражаются платоническія пожеланія насчетъ возможнаго сокращенія морскихъ вооруженій, англійское общество волнуется по поводу грознаго призрака всеобщей воинской повинности. Волненіе это вызвано опубликованіемъ трехтомнаго отчета коммиссіи, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ герцога Норфолькскаго. Коммиссія эта была назначена въ прошломъ году для изслѣдованія вопроса о вспомогательныхъ войскахъ Англіи, милиціи и волонтеровъ. Послѣдняя война обнаружила недостатки этихъ войскъ и теперь рѣчь идетъ о томъ, какъ ихъ исправить. И вотъ коммиссія, проработавъ цѣлый годъ надъ этимъ вопросомъ, даетъ отвѣтъ, что, конечно, ихъ можно исправить, но если бы этимъ войскамъ пришлось сражаться не въ колоніяхъ, а вести борьбу съ какой-нибудь континентальною арміей, высадившейся въ Великобританіи, то никакія исправленія тутъ ничего бы не помогли и поэтому, для безопасности, лучше отмѣнить милицію и волонтаріатъ и ввести воинскую повинность.

Можно себѣ представить, какое волненіе въ Англіи произвели эти заключенія коммиссіи! Прежде всего непріятно поразило то, что коммиссія самымъ серьезнымъ образомъ допускаетъ возможность высадки на берегахъ Англіи превосходнаго континентальнаго войска. Развѣ такая возможность существуетъ? Въ Англіи привыкли думать, что это совершенно невозможно, но въ коммиссіи, состоявшей изъ 12-ти членовъ, девять были противоположнаго мнѣнія. Притомъ же и на милицію и волонтеровъ коммиссія взглянула съ совершенно иной точки зрѣнія. По общему, господствовавшему мнѣнію въ Англіи, милиція и волонтеры вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Милиція, войска которой состоятъ изъ добровольцевъ, обучавшихся въ теченіе шести мѣсяцевъ, замѣняетъ въ военное время регулярное войско въ гарнизонной службѣ. Отряды же волонтеровъ состоятъ изъ гражданъ, которые, для собственнаго удовольствія и ради физическихъ упражненій, обучаются военнымъ пріемамъ и т. п. и, кромѣ того, могутъ нести на себѣ издержки, сопряженныя съ этимъ. И батальоны милиціи, также какъ и корпусъ волонтеровъ, могутъ нести и активную службу, какъ это и было въ южной Африкѣ. Оба войска составляютъ промежуточное звено, связывающее народъ съ професіональнымъ войскомъ; милиція притомъ доставляетъ часть рекрутъ регулярному войску. По словамъ коммиссіи, въ милиціи номинально числится въ данный моментъ 104.000 человѣкъ, но изъ нихъ лишь 69.000 могутъ считаться годными къ военной службѣ. Шестимѣсячное же обученіе, также какъ и вооруженіе и образованіе офицеровъ, коммиссія считаетъ недостаточнымъ и приходитъ къ заключенію, что милиція не въ состояніи будетъ защитить отечество отъ континентальнаго врага.

Корпусъ волонтеровъ состоитъ, также номинально, изъ 223.589 человѣкъ; изъ нихъ впрочемъ, лишь, 165.000 удовлетворяютъ требованіямъ возраста, не

и изъ этого числа очень многіе признаны были бы негодными для службы въ регулярной арміи. Тутъ служба представляетъ родъ спорта, которымъ охотно занимаются молодые граждане въ часы досуга и для этого ихъ не подвергаютъ такому подробному осмотру, какъ это дѣлается съ настоящими солдатами. Кромѣ того, имъ не хватаетъ теоретическихъ познаній, да и вообще отношеніе волонтеровъ къ военной службѣ не таково, чтобы они могли выдержать какое-либо сравненіе съ профессіональнымъ войскомъ. Итакъ, коммиссія приходитъ къ заключенію, что нужно ввести воинскую повинность на одинъ годъ и это даже будетъ стоить государству дешевле, нежели вспомогательныя войска, но при этомъ она дѣлаетъ оговорку: «если дѣло идетъ о томъ, чтобы организовать такое войско, которое было бы въ состояніи, безъ значительной помощи регулярной арміи, отразить непріятельское нашествіе на берега». Все, слѣдовательно, заключается въ словѣ «если»: «Если надо...» и «если можно опасаться» и т. д. Зная отвращеніе англійскаго народа къ такому обязательству, коммиссія не рѣшилась прямо высказать свое мнѣніе и сдѣлала оговорку. И этого было достаточно, чтобы вызвать сильнѣйшее волненіе. Несомнѣнно, что введеніе всеобщей воинской повинности должно было бы произвести слишкомъ глубокій переворотъ въ англійской жизни и поэтому врядъ ли такой проектъ можетъ быть вотированъ парламентомъ.

Чествованіе памяти Кобдена по случаю столѣтней годовщины его рожденія, конечно, послужило поводомъ къ внушительной манифестаціи въ пользу свободы торговли. На митингѣ фритредеровъ присутствовало около двухъ тысячъ человѣкъ. Предсѣдательствовалъ сэръ Кэмпбелль Баннерманъ, окруженный дѣтьми и внуками Кобдена и членами парламента. Въ своей рѣчи онъ горячо защищалъ принципы великаго апостола свободы торговли и прибавилъ, что теперь эти принципы такъ тѣсно связаны съ національною жизнью, что является безусловная необходимость громко подтвердить ихъ значеніе и намѣреніе народа держаться этихъ принциповъ.

Резолюція, составленная въ этомъ духѣ, была единогласно вотирована при оглушительномъ взрывѣ рукоплесканій. Такой же митингъ происходилъ и въ Бирмингэмѣ, гдѣ говорилъ рѣчь Джонъ Морлей, комментировавшій доктрину Кобдена. Въ другихъ пунктахъ Англіи фритрёдеры также воспользовались этою годовщиной, чтобы, подтвердить безусловную необходимость держаться прежнихъ принциповъ экономической политики. Такимъ образомъ, чествованіе памяти Кобдена еще болѣе обострило борьбу между двумя лагерями. «Times» справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что случись оно года два тому назадъ, это чествованіе носило бы чисто академическій характеръ. Но теперь имя Кобдена примѣшивается къ злободневной полемикѣ и поэтому разсужденія о немъ и его доктринѣ носятъ отпечатокъ страстности, характеризующій настроеніе англійскаго общества въ данный моментъ.

Ближній Востокъ. Событія на Дальнемъ Востокѣ совершенно заслоняютъ теперь отъ глазъ европейской публики ближній Востокъ. Европейская печать даже какъ будто мало интересуется македонскимъ вопросомъ тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее развитіе безпорядковъ на Балканахъ временно пріостанови-

лось. Повидимому, какъ со стороны революціонныхъ борцовъ, такъ и со стороны ихъ противниковъ замѣчается желаніе избѣгать рѣшительнаго столкновенія и это даже даетъ поводъ нѣкоторымъ оптимистически настроеннымъ наблюдателямъ высказать мнѣніе, что неразрѣшимая проблема можетъ, въ концѣ концовъ, разрѣшиться сама собой и спокойно исчезнуть со сцены. Однако для такихъ радужныхъ надеждъ, въ сущности, не существуетъ никакихъ серьезныхъ основаній. Всѣ тѣ причины, которыя вызывали раньше и поддерживали волненія и безпорядки на Балканахъ, продолжаютъ существовать и теперь и нѣтъ надежды на то, что это измѣнится. Раньше высказывалось мнѣніе, что изъ всѣхъ реформъ, предложенныхъ для Македоніи, та, которая касается реорганизаціи жандармеріи, имѣетъ всего больше шансовъ на успѣхъ. Эта реформа имѣетъ цѣлью ввести европейское вліяніе и контроль въ самой непосредственной и практической формѣ въ тѣ вилайеты, гдѣ особенно сильно даетъ себѣ чувствовать смута. На преобразованную жандармерію главнымъ образомъ и возлагается надежда, что она уничтожитъ насилія и произволъ, отъ которыхъ такъ сильно страдаютъ македонскіе поселяне. Но Порта всячески затягивала эту необходимую реформу и только очень недавно европейскіе офицеры получили, наконецъ, возможность приняться за дѣло, но постоянное затягиваніе грозило превратить все это серьезное дѣло въ комедію. Да и теперь, когда наконецъ состоялось назначеніе европейскихъ офицеровъ въ Македонію, положеніе ихъ обставлено такими условіями, что Турція всегда въ состояніи будетъ тормозить ихъ усилія. Насколько она воспользуется этою возможностью—покажетъ ближайшее будущее.

Македонское населеніе, конечно, сильно пострадало отъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, въ особенности же нѣкоторые округи. Цѣлыя деревни совершенно разрушены и сожжены, а жители ихъ бѣжали. Теперь, впрочемъ, многіе изъ этихъ бѣглецовъ возвращаются на свои пепелища, такъ какъ турецкое правительство объявило оффиціально, что оно уже отстроило 8.000 домовъ, разрушенныхъ турецкими солдатами. Однако, корреспондентъ «Times'a», объѣхавшій наиболѣе пострадавшіе округи, не замѣтилъ этихъ построекъ и выражаетъ по этому поводу недоумѣніе. Вернувшіеся поселяне живутъ какъ попало, въ наскоро построенныхъ хижинахъ и землянкахъ, надѣясь все-таки протянуть кое какъ до жатвы, но въ отдаленныхъ деревушкахъ господствуетъ страшная нужда и случаи голодной смерти не составляютъ рѣдкаго явленія. Народъ питается чуть ли не травой и дикими растеніями и это бѣдствіе еще усиливается, оттого что турецкое правительство не дозволяетъ мужскому населенію заниматься отхожимъ промысломъ. Прежде огромное число македонскихъ крестьянъ ежегодно перекочевывало въ Константинополь и другія мѣста, въ поискахъ за заработкомъ, но теперь это абсолютно воспрещается и такое воспрещеніе ложится очень тяжело на населеніе. Другой промыселъ, которымъ занимались нѣкоторыя деревни, рубка дровъ въ горахъ, сопряженъ теперь съ слишкомъ большими опасностями, въ виду присутствія множества турецкихъ разбойничьихъ шаекъ въ горной области. Эти шайки постоянно совершаютъ набѣги на мирныхъ поселянъ, грабятъ и убиваютъ, и такъ какъ турецкое правительство ничего не дѣлаетъ противъ нихъ, то болгарскіе комитеты рѣ-

шили организовать новыя банды для борьбы съ ними. Положеніе, такимъ образомъ, осталось запутаннымъ, какъ прежде, и нѣтъ никакихъ признаковъ улучшенія.

Бурскій конгрессъ. Въ Трансваалѣ только что происходилъ бурскій конгрессъ, засѣданія котораго заслуживаютъ вниманія. Въ Преторіи собрались наиболѣе выдающіеся люди бывшей республики для совмѣстнаго обсужденія положенія въ Трансваалѣ. Почти всѣ бывшіе военные вожди присутствовали на конгрессѣ, со включеніемъ Девета. Между прочимъ, конгрессъ получилъ открытое письмо отъ бура Андріаса Кронье, брата извѣстнаго генерала. Андріасъ Кронье былъ перебѣжчикомъ; онъ перешелъ на сторону англичанъ, но теперь въ своемъ письмѣ, выражаетъ по этому поводу глубокое раскаяніе и проситъ Господа Бога простить ему его тяжелый грѣхъ противъ націи, умоляя снова принять его въ бурскую церковь. Письмо было только прочтено на конгрессѣ, но резолюціи никакой не послѣдовало. Конгрессъ продолжался три дня и рѣчи и дебаты, происходившіе на немъ, ясно указываютъ, что бурское населеніе не измѣнило своего враждебнаго отношенія къ англійскому господству. Конечно, тѣ представители народа, которые собрались на конгрессъ, достаточно опытные и зрѣлые люди, соблюдали большую умѣренность въ своихъ рѣчахъ, понимая, что всякія рѣзкія выходки были бы только на руку англійскимъ джинго, поэтому то они и отклонили отъ себя всякую отвѣтственность за попытку къ возстанію, произведенную въ Лиденбургѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не мечтаетъ о насильственномъ ниспроверженіи англійской власти. Эта умѣренность бурскихъ предводителей произвела, повидимому, въ Лондонѣ благопріятное впечатлѣніе и правительственная печать заговорила даже о возможности полнаго примиренія буровъ съ Англіей и ея господствомъ, только нѣкоторыя газеты, какъ, напр., «Standard», продолжаютъ предостерегать англичанъ и совѣтуютъ имъ не слишкомъ довѣрять этому кажущемуся миролюбію, такъ какъ примиреніе между побѣдителями и побѣжденными слишкомъ трудно.

Генералъ Луи Бота открылъ своею рѣчью засѣданія конгресса. Онъ сказалъ, что жалобы буровъ столько же касаются законодательныхъ мѣропріятій правительства, сколько и временныхъ мѣропріятій администраціи. Между прочимъ, онъ указалъ на то, что обѣщаніе, данное Чэмберленомъ, позаботиться о вдовахъ и дѣтяхъ павшихъ въ бою буровъ до сихъ поръ не приведено въ исполненіе. Затѣмъ онъ перешелъ къ другимъ важнымъ вопросамъ внутренняго управленія. Въ договорѣ, подписанномъ въ Ферееникингѣ, Англія обѣщала тотчасъ же ввести представительныя учрежденія въ Трансваалѣ и Оранжевой колоніи, какъ только обстоятельства дозволятъ это и эти представительныя учрежденія должны будутъ служить переходомъ къ самоуправленію. Но ничего до сихъ поръ не сдѣлано въ этомъ направленіи и еще долго не будетъ сдѣлано. Бота категорически заявилъ, что онъ отвергаетъ абсолютное правительство, которое теперь управляетъ страной, и даже сомнѣвается, чтобы буры стали когда-либо принимать участіе въ общественной жизни при такомъ правительствѣ, законодательный совѣтъ, который состоитъ при губернаторѣ,

въ сущности представляетъ въ обѣихъ странахъ учрежденіе, члены котораго назначаются по произволу правительства, и поэтому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть представителемъ интересовъ бурскаго народа. Точно также въ договорѣ Фереенигинга, было сказано, что голландскій языкъ будетъ введенъ въ общественныхъ школахъ, тамъ, гдѣ этого пожелаютъ родители! И тутъ обѣщаніе не выполнено, и школьная политика лорда Мильнера является самымъ вопіющимъ нарушеніемъ данныхъ бурамъ обѣщаній. Это-то обстоятельство и заставляетъ Боту, какъ онъ самъ говоритъ, предложить бурамъ бойкотировать правительственныя школы и открыть на свой счетъ школы для своихъ дѣтей, гдѣ они получатъ такое воспитаніе, какое было бы желательно ихъ родителямъ.

Генералъ Деларей говорилъ въ такомъ же духѣ, какъ и Бота, сохраняя такое же безусловное спокойствіе и воздерживаясь отъ всякихъ неумѣренныхъ выраженій. Тобіасъ Смутсъ, глава африкандерства въ Трансваалѣ, заявилъ, что традиціи и идеалы буровъ остаются безъ перемѣны. Онъ напомнилъ англичанамъ, какъ они возмущались политикою германизаціи въ Познани, а между тѣмъ теперь поступаютъ точно такъ же, стараясь насильственнымъ образомъ изъять изъ употребленія голландскій языкъ въ бурскихъ странахъ.

Конгрессъ закончился резолюціей объ учрежденіи постоянной бурской организаціи — трансваальскаго союза, который примкнетъ къ африкандерскому союзу и будетъ преслѣдовать одинаковыя съ нимъ политическія цѣли. Это постановленіе конгресса нѣсколько расхолодило удовольствіе англійскихъ правительственныхъ органовъ, выражаемое по поводу умѣренности бурскихъ вождей, не позволившихъ себѣ никакихъ рѣзкихъ выходокъ противъ англійской власти. Сближеніе буровъ съ капскими африкандерами не можетъ быть пріятно англійскому правительству, такъ какъ всѣ попытки англичанъ привлечь на свою сторону африкандеровъ до сихъ поръ были безуспѣшны.

Голландскіе элементы, вообще, отличаются упорствомъ и на это ихъ качество указываютъ англичанамъ всѣ, давно живущіе въ южной Африкѣ и хорошо знающіе положеніе дѣло. Кромѣ этихъ элементовъ, противъ лорда Мильнера и его правительства возбуждено теперь и все бѣднѣйшее англійское населеніе, на которомъ очень тяжело отражается застой въ дѣлахъ. А тутъ еще и туземные элементы обнаруживаютъ тревожные признаки. Многіе опасаются, что возстаніе гереро въ западной Африкѣ служитъ лишь первымъ взрывомъ броженія, распространяющагося на самомъ дѣлѣ гораздо дальше. О какомъ либо умиротвореніи южной Африки не можетъ быть поэтому и рѣчи, такъ какъ подъ ногами находится вулканъ и во всякую минуту можетъ наступить изверженіе.

Черная опасность. Въ послѣднее время европейская печать довольно часто поднимаетъ вопросъ о «желтой опасности» и либо отвергаетъ, либо признаетъ ее, смотря по направленію своихъ политическихъ взглядовъ. Въ англійской печати тоже говорилось о «желтой опасности», но большею частью въ отрицательномъ смыслѣ. Англійская печать болѣе занимается другимъ грознымъ признакомъ—«черною опасностью», которая возникаетъ въ южной Африкѣ. Въ англійскихъ газетахъ не разъ уже появлялись извѣстія объ аги-

таціи среди чернокожихъ туземцевъ южной Африки и, судя по послѣднимъ сообщеніямъ корреспондентовъ, эта агитація причиняетъ не мало хлопотъ и тревоги какъ капскому правительству, такъ и правительству Наталя и бывшихъ бурскихъ республикъ. Кромѣ политическаго элемента, въ этомъ новомъ движеніи, среди южно-африканскихъ негровъ, играетъ очень большую и видную роль религіозный элементъ и это обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ виду преобладанія негрскаго населенія, число котораго равняется приблизительно, 1.200.000, тогда какъ бѣлыхъ, въ южной Африкѣ, всего 400.000. Толчокъ движенію былъ данъ изъ Америки, посредствомъ организаціи эѳіопской церкви. Въ 1892 году, два чернокожихъ пастора веслейянской церкви въ Преторіи, отдѣлились отъ миссіонеровъ, которые обучали ихъ и отъ своихъ бѣлыхъ единовѣрцевъ, и основали этническую церковь, только для негровъ и управляемую только неграми, которую они и окрестили именемъ «эѳіопской церкви». Эта идея имѣла блестящій успѣхъ. Въ четыре года основатели новой церкви, Моконэ и Дуанэ, очутились во главѣ столь обширной паствы, что ихъ административныя способности оказались недостаточными для того, чтобы справиться съ такою сложною задачею, какъ управленіе подобною церковью, и поэтому они обратились къ самой могущественной негритянской ассоціаціи, какая только существуетъ на свѣтѣ, а именно, къ африканской методистской церкви въ Америкѣ. Эта церковь насчитываетъ милліонъ прихожанъ и содержитъ пять тысячъ пасторовъ. Согласно отчетамъ финансоваго вѣдомства въ Соединенныхъ Штатахъ, она обладаетъ недвижимымъ имуществомъ на сумму въ двѣсти милліоновъ долларовъ. Дуанэ отправился въ Америку и вступилъ съ администраціей этой церкви въ переговоры о присоединеніи къ ней новообразованной эѳіопской церкви. На это послѣдовало согласіе и въ 1898 году чернокожій епископъ Турнеръ пріѣхалъ въ южную Африку изъ Соединенныхъ Штатовъ и объѣхалъ всѣ эпархіи, наглядно свидѣтельствуя, такимъ образомъ, что объединеніе совершилось.

Черезъ годъ произошли новыя событія. Эѳіопская церковь быстро и успѣшно развивалась и возможно, что именно это обстоятельство возбудило зависть и неудовольствіе англиканской церкви, соперничествующей съ американскою церковью, и не желавшей уступать ей верховнаго руководства въ южно-африканскихъ церковныхъ дѣлахъ. Какъ бы то ни было, но англиканская церковь употребила всѣ средства, чтобы снова привлечь на свою сторону отпавшихъ сыновъ. Конечно, это возвращеніе было куплено цѣною различныхъ уступокъ, сдѣланныхъ эѳіопской церкви, которая сохраняла и свою полную независимость, и свой этническій характеръ. Но такой оборотъ не очень понравился неграмъ, не желавшимъ имѣть никакого дѣла съ англиканскими епископами и поэтому Дуанэ остался лишь съ очень небольшимъ числомъ приверженцевъ. Между тѣмъ американская черная церковь также не захотѣла уступать первенство англичанамъ и въ южную Африку былъ тотчасъ же откомандированъ эѳіопскій епископъ Леви Коппенъ. Это очень ловкій и умный негръ, подъ руководствомъ котораго движеніе все разростается. Издатель газеты чернокожихъ «Imvo», самый чистокровный негръ, недавно категорически заявилъ относительно стремленій бѣлыхъ подчинить чернокожихъ своей церковной

юрисдикціи, что всѣ старанія ихъ напрасны: «Мы позаботимся ужъ сами о собственномъ духовномъ спасеніи,—сказалъ онъ.—Никто не станетъ отрицать, что въ религіи бѣлыхъ заключается все, что нужно, но... агенты этой религіи совершенно не отвѣчаютъ требованіямъ и представляютъ изъ себя именно то, что не нужно!»

Другая газета, называющаяся «Голосъ миссій» и предъставляющая оффиціальный органъ методистской африканской церкви, высказывается еще категоричнѣе: газета заявляетъ, что «надо вытолкать англичанъ за двери южной Африки совершенно такъ же, какъ нѣкогда туземцы острова Гаити вытолкали французовъ!» Такого рода проповѣдь, конечно, не можетъ не внушать справедливыхъ опасеній бѣлому населенію, составляющему, во всякомъ случаѣ, меньшинство. По словамъ мѣстныхъ органовъ буры не меньше англичанъ озабочены этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ политическая агитація среди зулусовъ столько же опасна для недавнихъ побѣдителей, какъ и для побѣжденныхъ. Считаютъ даже возможнымъ, что эмансипація черной расы въ южной Африкѣ и вызываемая ею «черная опасность», заставитъ бѣлыя расы на время прекратить вражду, чтобы совмѣстно бороться съ этою опасностью. Поведеніе чернокожихъ туземцевъ становится, пословамъ корреспондентовъ, все болѣе дерзкимъ и вызывающимъ и начатое на религіознэй почвѣ движеніе легко можетъ перейти въ политическое. Не даромъ Бальфуръ сказалъ недавно: «Черные размножаются скорѣе бѣлыхъ и поэтому расовая проблема въ южной Африкѣ должна представить невообразимыя затрудненія. Не завидую тому, кому придется ее разрѣшать!»

Встрѣча лѣта въ Швеціи; идиллія и политика. Обычай праздновать конецъ зимы и начало лѣта существуетъ въ Швеціи съ незапамятныхъ временъ, и жители сѣвера соблюдаютъ праздникъ мая, ежегодно повторяя всю программу, почти безъ измѣненій. Наканунѣ, 30-го апрѣля, въ упсальскомъ университетѣ появляется спеціальная афиша, въ которой президентъ студенческихъ обществъ извѣщаетъ своихъ товарищей о наступленіи лѣта и приглашаетъ ихъ собраться въ тотъ же вечеръ на площади. Тамъ всѣ «національности», сгруппированныя около своихъ знаменъ, взбираются, въ сопровожденіи толпы на холмъ, который доминируетъ надъ университетскомъ городомъ, и тамъ произносятся рѣчи, привѣтствующія весну, а хоръ студентовъ поетъ древніе гимны, въ то время какъ на лугахъ загораются первые огни вальпургіевой ночи. Въ Стокгольмѣ совершается то же самое. И тамъ часть ночи проходитъ въ собраніяхъ и пѣніи вокругъ зажженныхъ огней въ предмѣстьяхъ на берегу озеръ и на опушкѣ лѣса. Прежде устраивалась символическая процессія въ костюмахъ, но теперь это уже отошло въ область прошедшаго, также какъ и королевскій выѣздъ въ стокгольмскій лѣсъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, иностранныхъ посланниковъ и военныхъ аташе. Ни король, ни королева, которая ѣхала обыкновенно въ коляскѣ, разукрашенной цвѣтами, болѣе не выѣзжаютъ во главѣ пышнаго кортежа и вмѣсто этого, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, въ этотъ день черезъ городъ проходитъ другая процессія, не столь блестящая, но болѣе грандіозная: нѣсколько

десятковъ тысячъ рабочихъ въ самомъ строгомъ порядкѣ дефилируютъ по улицамъ города. Въ этомъ году ихъ было 30.000, но, несмотря на такое количество, дисциплина не была нарушена ни разу, не было ни криковъ, ни безпорядка, и полиція не имѣла даже самаго отдаленнаго повода вмѣшиваться въ эту манифестацію, пріуроченную къ празднику весны. Каждая корпорація проходила, не спѣша, предшествуемая знаменами и музыкантами. Мужчины и женщины шли рядами, по шести человѣкъ, украшенные корпораціонными значками, ни шума, ни суматохи не было. Лица у всѣхъ были серьезны и сосредоточены.

Такого рода манифестаціи происходили во всѣхъ шведскихъ городахъ и въ этомъ году они имѣли особенное значеніе въ виду усиленной агитаціи въ пользу избирательной реформы въ Швеціи. Существующій въ Швеціи избирательный центръ практически исключаетъ огромное большинство населенія отъ права участія въ выборахъ, такъ какъ установленный минимумъ суммы платимаго налога все-таки настолько великъ, что масса городскихъ и сельскихъ рабочихъ не могутъ удовлетворить этому требованію. Между тѣмъ, новые военные законы, вводящіе всеобщую воинскую повинность въ Швеціи, придали особенно жгучій характеръ вопросу объ избирательной реформѣ и выдвинули его на первый планъ. Агитація въ пользу этой реформы приняла еще не виданные до сихъ поръ размѣры въ странѣ, такъ что два года тому назадъ риксдагъ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ правительству съ предложеніемъ внести соотвѣтствующій проектъ реформы и въ настоящее время выработаны цѣлыхъ три законопроекта, разсмотрѣніе которыхъ должно состояться въ недалекомъ будущемъ. Одинъ изъ этихъ законопроектовъ составленъ правительствомъ, другой внесенъ либеральнымъ союзомъ, а третій соціалистами. Однако, по мнѣнію свѣдущихъ политиковъ, ни одинъ изъ этихъ законопроектовъ не имѣетъ никакихъ шансовъ пройти въ этомъ году. Изъ 230 членовъ палаты представителей, 104 принадлежатъ къ либеральному союзу, 90 аграрной партіи; изъ остальныхъ—три соціалиста, а 33 не могутъ быть причислены никуда. Слѣдовательно, проектъ либеральнаго союза имѣетъ всего больше шансовъ на успѣхъ, но даже если бы онъ, паче чаянія, и прошелъ въ палатѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что сенатъ, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, отвергнетъ его.

Однако, общественное мнѣніе сильно волнуется по поводу этого вопроса и майская манифестація ясно указываетъ, что народные классы не намѣрены отступаться отъ своихъ требованій и протестуютъ противъ различныхъ проволочекъ и уклоненій, къ которымъ прибѣгаетъ палата, чтобы не ставить, вопроса ребромъ. Ораторы и публицисты народной партій настаиваютъ на расширеніи избирательнаго права и въ особенности настаиваютъ на необходимости болѣе серьезнаго контроля и сокращенія военныхъ расходовъ, которые въ послѣднее время возросли до тревожныхъ размѣровъ. Но главное, они стараются вывести страну изъ ея политическаго оцѣпенѣнія. То, что происходитъ теперь въ Швеціи, представляетъ совершенно небывалое явленіе. До сихъ поръ Швецію смѣло можно было назвать «страною молчанія», гдѣ даже въ парламентѣ никогда не поднимается вопросъ о принципахъ и нельзя услышать пламен-

ныхъ рѣчей; теперь новые политическіе ораторы вводятъ обыновеніе говорить на собраніяхъ и проповѣдуютъ необходимость гражданскаго воспитанія народа. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ удалось уже пробудить къ жизни скрытыя силы: идетъ усиленная работа, которая должна будетъ привести къ преобразованію политическихъ и соціальныхъ учрежденій и къ обновленію страны. Молчаливый шведъ очень упоренъ и настойчивъ и какъ бы ни старались тормозить дѣло прогресса, онъ все-таки добьется своего и поэтому теперешняя агитація получаетъ особенное значеніе и можетъ служить началомъ водворенія въ Швеціи новыхъ политическихъ нравовъ.

Европейская эмиграція. Нѣмецкія газеты печатаютъ извлеченія изъ недавно появившагося труда профессора Гаусгофера о европейской эмиграціи. Причины этой эмиграціи весьма разнообразны. Отмѣна ограничительныхъ законовъ, расширеніе торговли и сношеній, введеніе пароходства, и облегченіе вслѣдствіе этого переѣзда черезъ океанъ, затѣмъ распространеніе свѣдѣній объ условіяхъ внѣевропейской жизни и хозяйства и поддержаніе сношеній между эмигрантами и оставшимися на родинѣ родными и соотечественниками—вотъ главные моменты, которые помогали усиленію эмиграціи, не менѣе чѣмъ организація всякаго рода колоніальныхъ обществъ и эмигрантскихъ агентуръ. Сознаніе, что и тамъ, въ далекой, чужой сторонѣ, будешь все-таки находиться подъ покровительствомъ своихъ соотечественниковъ, конечно, должно было облегчать эмиграцію.

Главнымъ притягательнымъ пунктомъ для европейской эмиграціи, въ теченіе всего прошлаго столѣтія, была попрежнему Америка. Тутъ, конечно, замѣчается раздѣленіе: народы германской расы предпочитаютъ сѣверную Америку, а романской—южно-американскія государства. Если эмиграція обусловливается политическими и религіозными причинами, то родная страна теряетъ, такимъ образомъ, лучшіе элементы своего населенія. Если же она вызывается исключительно только экономическими причинами, при существованіи полной религіозной и политической свободы, то уходитъ та часть населенія, которая занимаетъ среднее мѣсто между тѣми, кто надѣется создать себѣ экономическое положеніе на своей родинѣ и низшими слоями пролетаріата.

Германская эмиграція въ самомъ началѣ была обусловлена политическими и религіозными притѣсненіями и плачевнымъ экономическимъ положеніемъ нѣмцевъ на ихъ родинѣ, а также полицейскимъ произволомъ и тяжестью налоговъ. Несмотря на это, однако, германская эмиграція въ началѣ XIX-го вѣка была очень ограничена. Только голодъ 1816 — 1817 гг. повысилъ эмиграцію до 20.000 человѣкъ. Высшаго пункта эмиграція достигла въ 1854 году, когда изъ Германіи переселилось около 127.000, но затѣмъ она начала понижаться и была особенно незначительна въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что, вѣроятно, находилась въ зависимости отъ американской гражданской войны. Въ 1882 году эмиграція достигаетъ наибольшей цифры—220.000, но съ 1896 г. она становится стаціонерной, приблизительно 33.000—99.000 ежегодно, что и разсматривается какъ благопріятный признакъ улучшеній экономическихъ условій.

Совершенно иной характеръ носитъ англійская эмиграція, какъ въ отношеніи своихъ мотивовъ, такъ и въ отношеніи своей силы. Причины ея несомнѣнно лежатъ въ переполненіи собственно Англіи; притомъ же она очень поощряется распространеніемъ колоніальныхъ владѣній Англіи и тѣмъ, что англичанинъ можетъ обходиться безъ знанія другихъ языковъ, кромѣ своего родного языка, такъ какъ англійскій языкъ распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта; поэтому британская эмиграція, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, остановилась на цифрѣ приблизительно въ 100.000 человѣкъ ежегодно. Самой крупной цифры эмиграція достигла въ 1883 году—320.000, изъ которыхъ одну треть составляли ирландцы. Разумѣется, въ голодные годы ирландская эмиграція достигаетъ всегда ужасающихъ размѣровъ. Ирландія—единственная страна въ Европѣ, населеніе которое прогрессивно уменьшается вслѣдствіе эмиграціи. Въ 1867 году численность населенія Ирландіи была 5.842.000, а въ 1901 г. она уже упала на 4.456.000, такъ что, несмотря на значительный приростъ и избытокъ рожденій, численность населенія продолжаетъ падать по причинѣ эмиграціи.

Незначительность французской эмиграціи объясняется тѣмъ, что населеніе во Франціи почти не увеличивается и поэтому не имѣетъ никакихъ основаній эмигрировать, находя достаточно мѣста въ своей странѣ. Въ послѣдніе годы эмиграція едва достигала 5—6.000 человѣкъ.

Австрійская эмиграція начала возрастать только съ семидесятыхъ годовъ и въ 1891 г. достигаетъ наивысшей цифры: 81.000.

Итальянская эмиграція значительно усилилась въ послѣднюю треть прошлаго столѣтія и превзошла германскую эмиграцію, итальянскій рабочій, среди всѣхъ культурныхъ націй, отличается наименьшею тробовательностью и наибольшею воздержанностью, умѣренностью, ловкостью и прилежаніемъ, поэтому ему легче другихъ находить себѣ заработки въ другихъ странахъ, гдѣ рабочіе не отличаются ни прилежаніемъ, ни воздержностью.

Скандинавская эмиграція (шведская и норвежская вмѣстѣ) возросла за послѣдніе годы до 70.000. Эмиграція изъ Норвегіи болѣе значительна, нежели изъ Швеціи.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Французская интеллигенція и демократія.—Психологія македонскихъ болгаръ.

«Политическіе писатели,—говоритъ «Revue Bleue»,—организуя «enquête» объ отношеніяхъ представителей интеллигенціи къ демократіи во Франціи, зачастую жалуются на посредственность парламента». Они признаютъ, конечно, выдающіяся качества нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и ораторовъ, но все же остаются при своемъ взглядѣ, что огромное большинство представителей находится далеко не на требуемой высотѣ. Затѣмъ они обвиняютъ также современныя палаты представителей въ томъ, что они слишкомъ мало отводятъ мѣста писателямъ, мыслителямъ и ученымъ и вообще не профессіональнымъ политикамъ. Во времена реставраціи среди парламентскихъ ораторовъ

выдавались такіе люди какъ Ройе Колларъ, Мэнъ де-Биранъ, Бенжаменъ Констанъ, Шатобріанъ и др. Парламентъ іюльской монархіи тоже могъ съ гордостью привести имена Кузена, Виллемена, Гизо, Виктора Гюго и Ламартина. Но теперь можетъ ли современный парламентъ указать, среди своихъ членовъ, такихъ же выдающихся представителей литературы и науки и не замѣчается ли, наоборотъ, что такъ называемая «elite inlellectuelle» (избранная интеллигенція) сторонится политики? Если такъ, то кто виноватъ въ этомъ, интеллигенція или политика? Вотъ вопросы, на которые французскій журналъ предлагаетъ отвѣтить самимъ ученымъ и писателямъ.

Въ первой части своей enquête журналъ помѣщаетъ отвѣты Бертело, Леметра, Фулье и Барреса. Бертело былъ первымъ, указавшимъ роль науки и ея представителей въ современной демократіи. Въ 1848 году, когда ему былъ 21 годъ, онъ былъ поглощенъ «идеальными мечтами о справедливости и истинѣ», и поэтому въ 1870 г., когда наступилъ моментъ основанія республики, молодой ученый, уже знаменитый тогда, со всею горячностью своей натуры, принялся за дѣло и принималъ огромное участіе въ организаціи обороны Парижа, въ реорганизаціи просвѣщенія и во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Естественно, что онъ долженъ находить, что на ученомъ лежитъ извѣстный политическій долгъ, который онъ обязанъ выполнить. «Говорятъ иногда,—прибавляетъ онъ—что ученый не долженъ заниматься политикой. Это нелѣпое и пошлое утвержденіе, пущенное въ ходъ какимъ-нибудь царедворцемъ, въ эпоху абсолютной монархіи, когда, посредствомъ личныхъ интригъ, слишкомъ часто удавалось направлять міръ, руководствуясь собственнымъ произволомъ, наперекоръ общимъ интересамъ и научному методу... Въ республиканскомъ государствѣ долгъ ученаго такой же, какъ и каждаго гражданина. Онъ долженъ отдавать часть своихъ помысловъ и своей дѣятельности общественнымъ дѣламъ и личными усиліями содѣйствовать прогрессу человѣчества. Быть можетъ, ученый долженъ еще строже относиться къ выполненію этого долга, нежели обыкновенный гражданинъ; во всякомъ случаѣ ему надлежитъ руководить французскимъ народомъ на пути къ такой республикѣ, которая будетъ проникнута научнымъ духомъ и одинаковыми симпатіями ко всѣмъ соціальнымъ классамъ».

Жюль Леметръ сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ своихъ политическихъ рѣчей: «Республика будетъ спасена, если всѣ ея граждане, кто бы они ни были, будутъ заниматься общественными дѣлами, какъ этого требуетъ республиканскій принципъ, такъ какъ только тогда, подъ условіемъ не преслѣдовать никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, лучшіе и наиболѣе интеллигентные, будутъ оказывать значительное вліяніе на всеобщіе выборы». Теперь же на вопросъ журнала, слѣдуетъ ли литераторамъ заниматься политикой, онъ отвѣчаетъ печальнымъ и разочарованнымъ тономъ: «Почемъ я знаю? Никогда еще такъ много не говорилось о долгѣ, какъ въ нашу эпоху слабостей и отступленій. Выиграетъ ли страна отъ вмѣшательства писателей въ политику? Утверждать этого не берусь, результаты моихъ собственныхъ усилій ускользаютъ отъ меня. Страдаетъ ли отъ этого литература? Какъ я могу знать это? Только читатели могутъ судить объ этомъ!»

Но самъ Жюль Леметръ лучше всего доказываетъ, какъ опасно писателю быть поглощеннымъ политикой. Онъ не пишетъ ничего съ тѣхъ поръ, какъ занимается политикой.

Что касается Фуллье, то онъ отвѣтилъ на вопросъ о политическомъ долгѣ писателей и ученыхъ, какъ подобаетъ соціологу, т.-е. разсмотрѣлъ его съ соціологической точки зрѣнія и пришелъ къ заключенію, что писатели и ученые должны оказывать вліяніе на политику своей страны, такъ какъ ихъ вліяніе, конечно, предпочтительно вліянію невѣждъ. Писатели же должны просвѣщать общественное мнѣніе посредствомъ своихъ произведеній и пропаганды въ печати, посредствомъ публичныхъ лекцій, конференцій и воспитательныхъ народныхъ учрежденій. Но одного они должны остерегаться—это увѣренности въ своей непогрѣшимости и компетентности въ области всѣхъ вопросовъ. Въ заключеніе Фуллье мечтаетъ о введеніи такой системы выборовъ, которая бы дала возможность ввести въ парламентъ «естественную аристократію, безъ которой для націи немыслимъ никакой прогрессъ». Онъ говоритъ также о реорганизаціи системы воспитанія и мечтаетъ о томъ времени, когда гуманитарныя науки и философія не будутъ приноситься въ жертву другимъ, и граждане привыкнутъ ставить общій интересъ выше индивидуальнаго эгоизма, и заботу о будущности націи выше матеріальныхъ заботъ о настоящемъ днѣ.

Всѣ остальные ученые, Дюркгеймъ, Ланглуа и др., самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываются за то, что ученые не должны жить только кабинетною жизнью; они должны принимать активное участіе въ политической и бщественной жизни. «Они должны быть воспитателями народа и его совѣтниками,—говоритъ Дюркгеймъ,—и должны помочь ему разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ и направлять его». Такое же мнѣніе высказываютъ Ланглуа, Бутру, Пуанкаре, Сеайль и др. Только Шардъ не раздѣляетъ этого взгляда. «Пусть каждый выполняетъ свою задачу, говоритъ онъ, и ученые, въ тиши своихъ кабинетовъ, пусть вырабатываютъ идеи, которыя помогутъ политикамъ оріентироваться на своемъ пути. Въ современныхъ обществахъ, отличающихся своею сложностью, раздѣленіе труда является безусловною необходимостью. Государство, управляемое философами, могло быть допустимо въ древности, но не въ наши дни. Нельзя одновременно мыслить и дѣйствовать, мыслить независимо и дѣйствовать рѣшительно; мыслить, удаляясь подальше отъ общественныхъ теченій, какъ это дѣлаетъ корабль во время циклона, и дѣйствовать, пользуясь именно этими теченіями и управляя этими силами. Исключенія допустимы только въ моменты великихъ кризисовъ, когда каждый гражданинъ долженъ покинуть свою мастерскую и спуститься на улицу, чтобы выполнить свой политическій долгъ».

Въ «Fortnightly Review» напечатана статья подъ заглавіемъ: «Общее изслѣдованіе македонскихъ болгаръ», авторъ которой говоритъ, что болгары, подобно всѣмъ славянскимъ крестьянамъ, не обладаютъ никакими данными для привлеченія сердецъ иностранцевъ. Они не могутъ, подобно грекамъ, щеголять великимъ прошлымъ и гордиться тѣмъ, что нѣкогда они были

наставниками цивилизаціи. Имъ недостаетъ остроумія, граціи, общительности грековъ и они не обладаютъ величавой осанкой, вызывающею независимостью обращенія и средневѣковыми рыцарскими замашками албанцевъ. Однимъ словомъ, это совершенно непривлекательный народъ, прибавляетъ авторъ, и если вы ищете мужества, честности или вѣрности, то вы должны обратиться къ албанцамъ, а не къ болгарамъ. Но тѣмъ не менѣе этотъ угнетенный, униженный крестьянинъ лелѣетъ въ своей душѣ идеалъ, къ которому стремится. Македонскій болгаринъ крѣпко держится за свое знамя и, несмотря на всѣ страданія, ни разу не замѣчалось среди крестьянъ реакціи противъ революціонныхъ вождей. Трудно распознать подъ этою непривлекательною внѣшнею оболочкой возвышенныя стремленія, но чѣмъ больше узнаешь македонскаго болгарина, тѣмъ больше проникаешься удивленіемъ къ его патріотизму и мужеству. Правда, у него эти добродѣтели не обладаютъ ни яркостью, ни живописностью и ясно видно, что онѣ выросли на почвѣ рабства и среди сдержаннаго, несообщительнаго и не обладающаго фантазіей народа. Онѣ совмѣстимы и съ компромиссомъ, и съ осторожностью и въ проявленіяхъ этихъ добродѣтелей у болгаръ замѣчается что-то робкое, боязливое. А между тѣмъ, хотя по виду онъ оппортюнистъ, приспособляющійся къ обстоятельствамъ, болгаринъ все-таки въ душѣ лелѣетъ вѣру въ будущее своего народа и трудится для реализаціи этого будущаго. Осторожность была замѣтна также и во всѣхъ дѣйствіяхъ возстанія. Несмотря на то, что число людей подъ ружьемъ у инсургентовъ было достаточно велико (по словамъ нѣкоторыхъ, ихъ было 32.000), вожди постоянно старались избѣгать столкновеній и только тогда принимали сраженіе, когда бывали къ этому вынуждены. Они бы никогда не стали наступать, какъ албанцы, атаковавшіе мостъ въ Митровицахъ, и предпочитали партизанскую войну, перенося при этомъ страшныя лишенія и усталость, но довольные тѣмъ, что они могутъ не давать покоя туркамъ. Я спрашивалъ бывшихъ инсургентовъ объ ихъ вождяхъ, и они всѣ расхваливали Чакаларова за то, что подъ его командою погибло не болѣе десяти человѣкъ. Однако, эти люди, когда наступаетъ часъ жертвовать жизнью для опредѣленной цѣли, способны на самый беззавѣтный героизмъ, и комитетъ никогда не терпѣлъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ рисковать своею жизнью или даже идти на вѣрную смерть при разнаго рода покушеніяхъ. Никогда ни одинъ македонскій болгаринъ не измѣнилъ своему вождю и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ они бывали виновны въ жестокомъ обращеніи съ турками. Что касается комитета, то онъ представляетъ могущественную военную организацію; это правительство среди анархіи и въ деревняхъ оно обладаетъ гораздо большею властью, нежели турецкая администрація. Ему повинуются безпрекословно, но въ основѣ его терроризма все-таки заключается демократическій принципъ: каждый округъ самъ выбираетъ свой административный комитетъ и каждая деревня—своего вождя и свой постоянный штатъ офицеровъ. Благодаря такой огранизаціи, комитеты представляютъ силу, съ которой туркамъ трудно совладать.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Нѣкоторые опыты въ области зоопсихологіи.

Было время, когда многіе ученые и мыслители отказывали животнымъ не только въ способности мышленія и болѣе или менѣе сознательной дѣятельности, но даже и въ чувствахъ, и считали ихъ, какъ, напр., знаменитый Декартъ, просто автоматами. «Достоинство» животныхъ защищали тогда противъ ученыхъ охотники и скотоводы—люди «здраваго смысла», столь часто осмѣиваемаго учеными. Теперь рѣдко кто споритъ противъ того, что животныя, по крайней мѣрѣ высшія, обладаютъ почти всѣми чувствами, которыми обладаетъ человѣкъ. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго швейцарскаго ученаго Фореля, насѣкомыя обладаютъ тѣми же органами чувствъ, что и мы, только относительно существованія у нихъ чувства слуха имѣются нѣкоторыя сомнѣнія; при этомъ чувства зрѣнія и обонянія у насѣкомыхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шире и сложнѣе нашихъ: они, напр., видятъ невидимые для насъ ультрафіолетовые лучи, а органъ обонянія, находящійся на концахъ щупальцевъ, обладаетъ способностью прямымъ прикосновеніемъ различать химическія свойства тѣлъ, собственный слѣдъ животнаго, а также и форму предметовъ. «Большая часть чувствъ у насѣкомыхъ,—говоритъ Форель,—тѣсно связана съ инстинктами: ревность царицы пчелъ, которая убиваетъ своихъ соперницъ; страхъ этихъ соперницъ, находящихся еще въ ячейкахъ; ярость воиновъ—муравьевъ, пчелъ, осъ; уныніе ихъ; любовь, съ которою они ухаживаютъ за личинками; жертва, которую приноситъ пчела-работница, умирая съ голоду, чтобы накормить царицу, и т. д., и т. д. Но существуютъ также индивидуальныя чувства, которыя не зависятъ обязательно отъ инстинкта, какъ, напр., у муравьевъ—отыскиваніе опредѣленныхъ враговъ съ цѣлью преслѣдованія ихъ. Съ другой стороны, можно наблюдать и дружескія услуги (кормленіе), оказываемыя въ исключительныхъ случаяхъ врагу, за которыми слѣдуетъ взаимная симпатія, даже между муравьями, принадлежащими къ отдѣльнымъ видамъ. Кромѣ того, чувства симпатіи, антипатіи и гнѣва усиливаются у муравьевъ отъ повторенія дѣйствій, имъ соотвѣтствующихъ, какъ это наблюдается у высшихъ животныхъ и у человѣка».

Но возстановивъ права животныхъ на чувства, нѣкоторые ученые продолжаютъ отказывать имъ даже въ намекѣ на что-нибудь подобное человѣческому уму и сознанію.

Такъ, напримѣръ, нашъ извѣстный зоологъ Влад. Вагнеръ утверждаетъ,

что насѣкомыя не владѣютъ ни памятью, ни соображеніемъ, ни какой-либо другой способностью сознательной дѣятельности; по мнѣнію этого ученаго, въ дѣйствіяхъ насѣкомыхъ нѣтъ и слѣда сознанія, всѣ ихъ дѣйствія сплошь инстинктивны; на основаніи своихъ изслѣдованій г. Вагнеръ отрицаетъ «участіе наблюденія, перениманія и ума при постройкѣ гнѣзда птицами» и вообще по отношенію къ «психикѣ» проводитъ рѣзкую грань между человѣкомъ и остальными животными. Но, съ другой стороны, многіе ученые высказываютъ совершенно противоположные взгляды. Такъ, цитированный нами выше Форель признаетъ у общественныхъ насѣкомыхъ существованіе и памяти, и вниманія, и привычекъ, и воли, и «элементарной способности выводить заключенія изъ аналогіи», и примѣненіе индивидуальнаго опыта и индивидуальнаго ума, и способность къ ассоціаціи картинъ, получаемыхъ отъ органовъ чувствъ.

Эти выводы Форель сдѣлалъ на основаніи многихъ опытовъ, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующіе. Онъ приготовилъ искусственные бумажные цвѣты разныхъ цвѣтовъ и внутрь каждаго положилъ по каплѣ меда. Пчелы долго летали около этихъ цвѣтковъ, но не садились на нихъ, пока Форель не обратилъ ихъ вниманіе на нѣкоторые изъ этихъ цвѣтковъ, силой положивъ каплю меда на хоботокъ трехъ пчелъ и помѣстивъ искусственный цвѣтокъ съ медомъ очень близко отъ георгина, гдѣ находились пчелы. Послѣ этого пчелы сами нашли почти всѣ, за исключеніемъ одного, искусственные цвѣты и покинули для нихъ георгины. Черезъ нѣсколько часовъ весь медъ былъ высосанъ и пчелы возвратились на георгины. Форель замѣстилъ нѣкоторые искусственные цвѣты кусками бѣлой и красной бумаги, не содержавшими ни капли меда, и все же эти куски бумаги посѣщались пчелами, въ мозгу которыхъ, по мнѣнію Фореля, осталось воспоминаніе о вкусѣ меда, ассоціированное съ воспоминаніемъ о пространствѣ и о формѣ и цвѣтѣ искусственныхъ цвѣтовъ. «Вмѣстѣ съ способностью къ представленіямъ и ассоціаціямъ,—говоритъ Форель,—возникаетъ также индивидуальная опытность на основаніи простыхъ и инстинктивныхъ заключеній по аналогіи, безъ чего образованіе представленій и память невозможны. Шмели, гнѣздо которыхъ я помѣстилъ у себя на окнѣ, только вначалѣ смѣшивали мое окно съ другими окнами. Фонъ-Буттель показалъ, что пчелы, пріученныя къ одной комнатѣ и къ одному окну, отыскивали комнаты и окна и въ другихъ домахъ... То же самое наблюдается и у муравьевъ. Послѣ открытія добычи или пищи на какомъ-нибудь предметѣ или растеніи, муравьи отыскиваютъ и посѣщаютъ подобные имъ предметы». Вообще, Форель приходитъ къ положенію, что всѣ свойства человѣческаго интеллекта могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта высшихъ животныхъ, а свойства послѣднихъ изъ свойствъ интеллекта низшихъ животныхъ.

Да принимая во вниманіе теорію эволюціи нельзя и думать иначе: нельзя же предполагать, что эволюція психики въ животномъ мірѣ шла какъ-то иначе, чѣмъ эволюція (въ узкомъ смыслѣ этого слова) зоологическая.

Въ своей статьѣ «Объ индивидуальности и индивидуализмѣ» *) я выска-

---

*) „Міръ Божій“. Февраль и мартъ 1904 г.

залъ мысль, что противоположеніе чувствующаго «я» окружающему его міру должно существовать во всемъ мірѣ организмовъ, но въ человѣческой психикѣ это противоположеніе не только ощущается инстинктивно, но и *сознается* во всей своей полнотѣ; замѣтимъ здѣсь, что далеко не всѣ люди сознаютъ это противоположеніе въ одинаковой степени. Человѣкъ противополагаетъ себя окружающему не только въ данный моментъ, но помнитъ, что онъ противополагалъ себя міру и въ прошломъ, и убѣжденъ, что будетъ совершать это и въ будущемъ. «Я знаю,—говорилъ я въ этой статьѣ,—я убѣжденъ, что и въ старости, хотя многіе элементы привзойдутъ въ мою индивидуальность, многіе выпадутъ, но все же она сохранитъ свой основной тонъ, свое спеціальное, неповторимое противопоставленіе окружающему міру, какъ сохраняетъ весь мой организмъ свою особенную архитектуру, несмотря на то, что кровь и клѣтки, его составляющія, мѣняются нѣсколько разъ въ теченіе жизни».

Животное не сознаетъ этого противопоставленія во времени съ такою ясностью и полнотою, какъ человѣкъ, и если его воспоминанія о прошломъ смутны и отрывочны, то его предвидѣніе будущаго почти всецѣло находится въ сферѣ инстинктовъ.

Но что такое инстинктъ? Мы въ цитированной выше статьѣ назвали инстинктъ безсознательной наукой: и тотъ, и другая есть совокупность опыта даннаго зоологическаго вида, но наука созидается нами сознательно (хотя и не во всемъ своемъ объемѣ), а инстинктъ складывается «слѣпыми силами» организма.

Близкую мысль, но нѣсколько иными словами, высказываетъ извѣстный американскій психологъ Джемсъ *). Обыкновенно, говоритъ онъ, инстинктъ опредѣляется, какъ способность дѣйствовать цѣлесообразно, но безъ сознательнаго предвидѣнія цѣли и безъ предварительной выучки производить данное цѣлесообразное дѣйствіе. Инстинкты находятся въ функціональной связи съ нашей организаціей. Можно сказать, что каждый органъ связанъ съ извѣстнымъ прирожденнымъ приспособленіемъ, необходимымъ для его примѣненія къ дѣлу. Всѣ дѣйствія, называемыя нами инстинктивными, можно подвести подъ общій типъ рефлекса: всѣ они вызываются воздѣйствіемъ чувственнаго раздраженія на тѣло животнаго на разстояніи и черезъ непосредственное прикосновеніе. Инстинкты это тѣ же импульсы и «сложное инстинктивное дѣйствіе можетъ заключать въ себѣ послѣдовательное пробужденіе всѣхъ импульсовъ. Такъ, напримѣръ, голодный левъ принимается *искать* добычу, вслѣдствіе возникновенія въ немъ образа добычи съ желаніемъ овладѣть ею; онъ начинаетъ *выслѣживать* ее, когда до его носа, уха или глаза доходитъ чувственное впечатлѣніе, указывающее на то, что она находится на нѣкоторомъ разстояніи; онъ *набрасывается* на нее, или когда она въ испугѣ обращается въ въ бѣгство, или когда разстояніе отъ нея очень невелико; онъ принимается разрывать и пожирать ее, когда зубы и когти его приходятъ въ соприкосновеніе съ нею. Выискиваніе, выслѣживаніе, нападеніе и пожираніе соотвѣт-

*) Уильямъ Джэмсъ. Психологія. Пер. съ англ. прив.-доц. И. И. Лапшина.

ствуютъ четыремъ различнаго различнаго рода комплексамъ мышечныхъ сокращеній, и каждый изъ этихъ комплексовъ вызывается особыми, только ему одному соотвѣтствующими раздраженіями». Для животнаго, руководящагося инстинктомъ, каждое детальное дѣйствіе въ данномъ инстинктѣ, говоритъ Джэмсъ,—понятно само собой и кажется иногда единственно правильнымъ и разумнымъ способомъ дѣйствія. Данный инстинктъ мотивируется исключительно самимъ собою. Человѣкъ не составляетъ исключенія среди животныхъ, и нужно согласиться съ Джэмсомъ, что человѣкъ обладаетъ даже гораздо бóльшимъ числомъ импульсовъ, чѣмъ какое-либо другое животное, и каждый изъ этихъ импульсовъ, взятый самъ по себѣ, также «слѣпъ», какъ любой инстинктъ животнаго, но только благодаря развитію памяти, рефлексіи и наведенія, человѣкъ оказывается въ состояніи сознавать каждый изъ этихъ импульсовъ въ отдѣльности, послѣ того какъ онъ хоть одинъ разъ испыталъ ихъ, узналъ ихъ результаты и можетъ предвидѣть послѣдніе. Въ такихъ случаяхъ импульсъ совершается человѣкомъ отчасти въ виду его результатовъ. Съ другой стороны ясно, говоритъ Джэмсъ, что всякое инстинктивное дѣйствіе, разъ будучи повторено животнымъ, обладающимъ памятью, должно перестать быть «слѣпымъ» и должно сопровождаться предвидѣніемъ цѣли ровно постольку, поскольку животное ранѣе могло узнать эту цѣль. Такъ, курица, выведшая однажды цыплятъ, едва ли будетъ высиживать второе гнѣздо яицъ совершенно «слѣпо», не предвидя появленія на свѣтъ цыплятъ; мысль о цыплятахъ, быть можетъ, побуждаетъ курицу терпѣливо высиживать яйца. Какъ бы животное ни было богато одарено отъ природы инстинктомъ, конечные результаты его дѣйствій могутъ значительно измѣняться, если инстинкты сочетаются съ опытомъ, если къ импульсамъ примѣшивается въ значительной степени вліяніе памяти, ассоціаціи идей, наведшія ожиданія и т. п. Такимъ образомъ постепенно, какъ одинокіе оазисы, закладываются въ психикѣ животныхъ проблески сознательныхъ дѣйствій. Но кромѣ того, намеки на то, что мы зовемъ сознательностью, проявляются у животныхъ благодаря тому, что одинъ и тотъ объектъ можетъ возбуждать въ животномъ различные и часто противоположные импульсы: казаться то пищей, то приманкой, то другомъ, то соперникомъ; въ этихъ случаяхъ, говоритъ Джэмсъ, рѣшающее вліяніе въ пользу того или другого импульса зависитъ отъ частныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая—и животное (въ томъ числѣ и человѣкъ) дѣлаетъ между ними выборъ; оно перестаетъ, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ дѣйствовать инстинктивно и становится отчасти интеллектуальнымъ существомъ. Человѣкъ располагаетъ всѣми импульсами къ дѣйствію, какія имѣются у животныхъ, и, сверхъ того, еще множествомъ другихъ. Между инстинктивными и разумными дѣйствіями, по мнѣнію Джэмса, нѣтъ никакого антагонизма. Самъ по себѣ разумъ не можетъ задерживать импульсы; единственная вещь, могущая нейтрализовать данный импульсъ, есть импульсъ въ противоположномъ направленіи.

Затѣмъ Джэмсъ указываетъ, что единообразіе инстинктовъ нарушается двумя факторами: 1) задерживающимъ вліяніемъ привычекъ и 2) своимъ преходящимъ характеромъ. Первое сказывается въ томъ, что животныя оказываютъ

предпочтеніе первому экземпляру изъ даннаго класса объектовъ: опредѣленному мѣсту для житья, опредѣленной самкѣ, опредѣленному пастбищу, опредѣленнымъ индивидамъ среди себѣ подобныхъ, и т. д. и затѣмъ привыкаютъ къ этому случайно попавшемуся имъ объекту.

Физіологически, говоритъ Джэмсъ, это можно объяснить только задерживающимъ вліяніемъ перѣыхъ импульсовъ, вошедшихъ въ привычку, на новые аналогичные импульсы. Другой примѣръ задерживающаго вліянія привычки на инстинктъ мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда одинъ и тотъ же классъ объектовъ вызываетъ прямо противоположные инстинктивные импульсы. Напр., человѣкъ можетъ вызывать въ цыплятахъ противоположные инстинкты привязанности и страха. Д-ръ Спальдингъ утверждаетъ, что если цыпленокъ родился въ отсутствіе курицы, то онъ «имѣетъ обыкновеніе слѣдовать за любымъ движущимся предметомъ, руководясь однимъ чувствомъ зрѣнія: онъ безразлично слѣдуетъ за уткой, курицей и человѣкомъ. Недогадливые зрители, видя, какъ однодневные цыплята слѣдовали за мною лишь издали, полагали, что я обладаю надъ этими существами какою-то таинственной властью, между тѣмъ какъ я просто пріучилъ ихъ раньше всего къ себѣ; слѣдуя за мною, они руководились прирожденнымъ, предшествующимъ опыту инстинктомъ, направляясь къ предмету сообразно съ издаваемымъ имъ звукомъ». Но если цыпленокъ видитъ человѣка впервые въ тотъ моментъ, когда испытываетъ сильный страхъ, то получаются впослѣдствіи прямопротивоположныя явленія. Спальдингъ держалъ впродолженіи четырехъ дней новорожденныхъ цыплятъ съ завязанными глазами и слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ поведеніе. «Каждый изъ нихъ, когда я развязалъ имъ глаза, обнаруживалъ ко мнѣ величайшій страхъ и бросался въ сторону отъ меня, всякій разъ какъ я пытался къ нему подойти. Столъ, на которомъ я снялъ съ ихъ глазъ повязки, находился возлѣ окна, и всѣ они, какъ только я снялъ повязки, принялись одинъ за другимъ биться въ стекла, какъ дикія птицы. Одинъ изъ нихъ запрятался между книгъ, забился въ уголъ и долгое время дрожалъ тамъ всѣмъ тѣломъ».

Вторымъ факторомъ, нарушающимъ единообразіе инстинктовъ, является ихъ измѣнчивость: она проявляется въ томъ, что многіе инстинкты обнаруживаются только въ извѣстномъ возрастѣ и затѣмъ мало-по-малу исчезаютъ (напр. инстинктъ сосанія, половой инстинктъ, и т. д.).

Такимъ образомъ нельзя не согласиться съ Джэмсомъ, что уже самое многообразіе инстинктовъ, временный характеръ многихъ изъ нихъ и вліяніе привычки лишаетъ ихъ однообразнаго видового характера и часто заставляетъ животное дѣлать выборы между сталкивающимися инстинктами; въ этомъ выборѣ, по нашему мнѣнію, лежатъ корни сознательной дѣятельности.

Перейдемъ теперь къ мыслительнымъ способностямъ животныхъ. Характерной чертой человѣческаго мышленія мы считаемъ процессъ упрощенія дѣйствительности, при которомъ человѣкъ находитъ черты сходства между нѣсколькими объектами и затѣмъ объединяетъ ихъ въ одной такимъ образомъ упрощенной индивидуальности—это такъ называемыя имена нарицательныя. Благодаря этому процессу человѣкъ можетъ охватить въ своемъ умѣ громад-

ное число окружающихъ его индивидуальностей, соединивъ ихъ въ отдѣльныя, относительно немногочисленныя группы. Животныя, конечно, не обладаютъ такими абстракціями въ чистомъ видѣ, ихъ мысли состоятъ, вѣроятно, изъ рядовъ не упрощенныхъ индивидуальностей, слѣдующихъ другъ за другомъ въ порядкѣ ихъ переживаній, но нѣкоторые зачатки абстракцій, нѣкоторую систематизацію объектовъ мы должны допустить и у животныхъ; съ этимъ согласны и Роменсъ, и Ллойдъ Морганъ, и Джэмсъ, всѣ они даютъ даже особыя названія для такихъ смутно отвлеченныхъ понятій о группѣ объектовъ.

Роменсъ указываетъ, напримѣръ, что водяныя куры, а также ныряющія птицы иначе опускаются на землю и ледъ, чѣмъ на воду—слѣдовательно у нихъ есть какое-то смутное представленіе о твердой поверхности и жидкой поверхности. Джэмсъ, въ свою очередь, разсказываетъ объ одной лягавой собакѣ, которая никогда не кусала приносимыхъ ею въ зубахъ птицъ. «Но однажды ей нужно было принести двухъ птицъ заразъ, которыя были еще живы и бились, хотя уже не могли летать; послѣ нѣкотораго колебанія она одну изъ нихъ удавила, взяла въ зубы другую и принесла живьемъ къ хозяину, потомъ вернулась за первой убитой и принесла также и ее. Нельзя не признать, что въ головѣ собаки быстро промелькнулъ при этомъ рядъ отвлеченныхъ мыслей въ родѣ: «она жива еще», «а надо уйти», «необходимо убить ее»... и т. д., съ какими бы конкретными образами этотъ рядъ мыслей ни былъ связанъ».

Но все же Джэмсъ склоняется къ тому мнѣнію, что мышленіе животныхъ почти не возвышается надъ конкретными фактами. «Если бы,—говоритъ онъ,—самое прозаическое человѣческое существо могло переселиться въ душу собаки, то оно пришло бы въ ужасъ отъ царящаго тамъ полнаго отсутствія воображенія. Мысли стали бы вызывать въ его умѣ не сходныя, а смежныя съ ними привычныя мысли. Закатъ солнца напомнилъ бы ему не о смерти героевъ, а о томъ, что пора ужинать»...

Предѣломъ упрощенія окружающихъ насъ индивидуальностей, наиболѣе идеальной абстракціей является число. Ясно поэтому, какой интересъ представляютъ опыты, поставленныя съ цѣлью выяснить вопросъ, умѣютъ ли считать животныя. Исходя изъ всего изложеннаго выше, трудно допустить, чтобы абстракціи животныхъ доходили до такого идеала, какъ число; между тѣмъ многія наблюденія и опыты, казалось, давали матеріалы для утвердительнаго рѣшенія этого вопроса.

Напомнимъ здѣсь, что умѣнье считать развито крайне слабо даже у многихъ низшихъ человѣческихъ расъ. Такъ, нѣкоторые полинезійцы считаютъ только до трехъ, а жители о-въ Муррей (Murray) (у Торресова пролива) знаютъ только два числа: «netat»—одинъ и «neir»—два; но повторяя эти числа они обозначаютъ и болѣе значительныя; такъ, 3 на ихъ языкѣ будетъ «neir-netat», а 4—«neir-neir»; но для обозначенія чиселъ выше 4 до 35 эти дикари пользуются пальцами ногъ и рукъ и другими частями тѣла, числа же выше 35 они обозначаютъ безразлично однимъ словомъ «много». Таково же счисленіе жителей Квинслэнда и Западной Австраліи.

Видимо, эти дикари все еще не выработали достаточно абстрактной идеи о числѣ, какъ наиболѣе упрощенной индивидуальности, ихъ представленія о числѣ еще связаны съ конкретными образами.

На основаніи этого многіе антропологи уже апріорно утверждаютъ, что тѣмъ болѣе не можетъ быть представленій о числѣ у животныхъ. И нельзя отказать въ правильности этому выводу.

Но, съ другой стороны, всѣмъ охотникамъ извѣстно, что собака и волкъ понимаютъ различіе между однимъ человѣкомъ и двумя, между двумя и многими; нѣкоторыя собаки пріучаются, получивъ три куска сахару, удаляться и не требовать уже больше. Лихтенберже разсказываетъ объ одномъ соловьѣ, который былъ пріученъ съѣдать трехъ жуковъ одного за другимъ и который затѣмъ отходилъ, зная хорошо, что на этотъ разъ онъ больше уже не получитъ. Лошади, работающія въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ, сдѣлавъ 30 концовъ, прекрасно знаютъ, что ихъ дневной урокъ конченъ, и сами направляются въ конюшню. Тимоѳеевъ разсказываетъ, что одинъ крестьянинъ на пашнѣ давалъ отдыхать своей лошади послѣ 20 бороздъ; въ концѣ концовъ лошадь такъ привыкла къ этому, что, сдѣлавъ свои 20 бороздъ, сама останавливалась.

Конечно, нельзя ни на минуту сомнѣваться, что эти лошади не вели счета своимъ поѣздкамъ и бороздамъ, но что эти числа (30 и 20) отпечатлѣвались въ ихъ организмѣ какой-нибудь опредѣленной нервной реакціей. Въ случаяхъ съ собакой и тремя кусками сахара и съ соловьемъ и тремя жуками, вѣроятно, тоже имѣли мѣсто подобныя реакціи, но здѣсь можно предполагать и наличность яркихъ ассоціацій—зрительныхъ образовъ (трехъ кусковъ сахара, трехъ жуковъ)—и вкусовъ ощущеній. Здѣсь нѣтъ, конечно, идеи объ абстрактномъ числѣ, но яркіе конкретные образы оставляютъ въ памяти животнаго какое-то смутное предчувствіе этой идеи. О такого же рода неясныхъ числовыхъ полуабстракціяхъ говоритъ слѣдующій опытъ, продѣланный не разъ съ сороками и воронами. Охотники прячутся за хижину, стоящую невдалекѣ отъ дерева, на которомъ находится гнѣздо птицы. Прячутся такъ, чтобы ворона видѣла этотъ маневръ. Затѣмъ охотники начинаютъ на глазахъ наблюдающей за ними вороны выходить по одному изъ своей засады и удаляться. Осторожная птица все же не влетаетъ въ свое гнѣздо и остается вдали, пока изъ-за хижины не выйдетъ 4 охотника; только послѣ этого она рѣшается влетѣть въ гнѣздо—безразлично было ли въ засадѣ 4 или большее число охотниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ оставшіеся въ засадѣ охотники могутъ легко застрѣлить вернувшуюся въ гнѣздо птицу. Совершенно то же продѣлываютъ охотники за обезьянами въ Трансваалѣ. Ясно, что эти обезьяны и птицы могутъ по своему «сосчитать» только четырехъ охотниковъ, вѣрнѣе могутъ удержать въ своемъ мозгу только 4 зрительные образа, остальные улетучиваются изъ памяти этихъ животныхъ.

Роменсъ разсказываетъ, что ему удалось выучить одного шимпанзе въ лондонскомъ зоологическомъ саду подавать ему, согласно его требованію, отъ одной до 5 соломинокъ. Здѣсь тоже нельзя говорить о настоящемъ счисленіи,

но все же этотъ шимпанзе показалъ необыкновенное умственное развитіе, такъ какъ смогъ запечатлѣть въ своей памяти ассоціаціи зрительныхъ образовъ одной, двухъ, трехъ, четырехъ и даже 5 соломинокъ съ соотвѣтственными звуковыми впечатлѣніями (названіе чиселъ).

Лёббокъ ставилъ подобные же опыты съ собаками. Онъ продѣлывалъ обычный опытъ: клалъ передъ собакой куски хлѣба и позволялъ брать ихъ только послѣ того, какъ будетъ сосчитано опредѣленное число разъ. Чтобы избѣжать безсознательнаго подсказыванія интонаціей или жестомъ, Лёббокъ прибѣгнулъ къ помощи метронома, который отбивалъ извѣстное число ударовъ. Результаты опытовъ были столь недостовѣрны, что Лёббокъ совершенно отчаялся добиться отвѣта на поставленный имъ вопросъ.

Послѣ Лёббока подобными же опытами (но безъ метронома) занялся итальянецъ Виньоли, онъ пришелъ къ болѣе опредѣленному убѣжденію и утверждаетъ, что собака, хватая кусокъ хлѣба послѣ того, какъ отсчитаютъ опредѣленное число, руководится при этомъ совершенно посторонними признаками—интонаціей, различными невольными движеніями, выраженіемъ лица и пр., указывавшими ей тотъ моментъ, когда нужно хватать хлѣбъ. Одинъ изъ его опытовъ состоялъ въ слѣдующемъ. Въ длинномъ корридорѣ было три барьера, за послѣднимъ изъ нихъ находилась стѣна; около нея клали кусокъ хлѣба. Собаку пріучили скакать по командѣ «разъ, два, три» черезъ каждый барьеръ, послѣ третьяго барьера она замѣчала у стѣны хлѣбъ и съѣдала его. Затѣмъ, когда хлѣбъ стали класть уже не у стѣны, а между барьерами, собака все же дѣйствовала по прежнему, но когда увеличили число барьеровъ, она уже не останавливалась послѣ третьяго барьера, а перескакивала черезъ всѣ барьеры, кончая послѣднимъ, зная, что хлѣбъ находится между послѣднимъ барьеромъ и стѣной. Ясно, что собака не считала, а только ассоціировала образъ хлѣба съ образомъ стѣны. Поэтому Виньоли приходитъ къ совершенно правильному выводу, что животныя не имѣютъ настоящаго представленія о числѣ и все у нихъ сводится къ сужденію о совмѣстныхъ и послѣдовательныхъ количествахъ, при условіи, что количества эти не превосходятъ извѣстной границы. Животное можетъ различать единственность и множество предметовъ и если эти послѣдніе находятся вмѣстѣ, то животное представляетъ ихъ какъ группу, массу которой оно можетъ оцѣнить, какъ объемъ въ пространствѣ, но не какъ совокупность изолированныхъ частей, какъ дѣлаемъ это мы, когда сравниваемъ двѣ группы объектовъ.

Въ связи съ вопросомъ о счисленіи стоитъ, конечно, вопросъ о времени. Имѣютъ ли животныя хотя бы смутную идею о времени? По этому поводу Бодерикъ разсказываетъ объ одной собакѣ протестантскаго пастора, которая составила себѣ привычку дѣлать визитъ своему господину въ церковь во время богослуженія. Чтобы отвязаться отъ этихъ непрошенныхъ визитовъ, пасторъ рѣшилъ запирать собаку на воскресенье дома, но умное животное послѣ одного такого опыта начало убѣгать изъ дому въ субботу и продолжало наносить пастору свои воскресные визиты. Подобное же разсказываютъ про одного пеликана, поселившагося вблизи рыбачьей семьи и питавшагося рыбными

отбросами. Умная птица поняла въ концѣ концовъ, что въ воскресенье рыбакъ рыбу не ловитъ и что этотъ день для нея день поста. Поэтому въ воскресенье пеликанъ не слеталъ съ своей стѣны и не шелъ, какъ въ другіе дни, впереди рыбаковъ при ихъ возвращеніи на берегъ.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное по поводу этихъ двухъ наблюденій, нужна цѣлая серія опытовъ, чтобы не впасть въ грубую ошибку антропоморфизма, дѣлая выводы о такихъ психологическихъ вопросахъ. Подобныхъ же опытовъ у насъ нѣтъ и вообще зоопсихологія только начинаетъ становиться на путь опыта, единственный раціональный путь и въ данной области, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ точнаго знанія.

Мы хотимъ теперь познакомить читателя съ нѣкоторыми попытками такихъ опытовъ, а именно съ работами г. Киннемэна.

Свои опыты Киннемэнъ (Kinnaman) производилъ надъ двумя обезьянами изъ вида Macacus Rhesus, одна изъ нихъ самецъ 8-ми мѣсяцевъ, другая—самка—12-ти мѣсяцевъ. Методъ изслѣдованія, котораго придерживался Киннемэнъ, былъ исключительно опытнымъ. Цѣль всѣхъ опытовъ состояла въ томъ, чтобы заставить животное образовать ассоціацію между психологическимъ импульсомъ (въ данномъ случаѣ—голодомъ) и образомъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ предметовъ. Наблюденія производились по мѣрѣ возможности въ условіяхъ наиболѣе близкихъ къ условіямъ естественной жизни животнаго.

Киннемэнъ, какъ и большинство другихъ ученыхъ, считаетъ, что въ духовной жизни животнаго главная роль принадлежитъ низшимъ формамъ психической дѣятельности: инстинктамъ и нѣкоторымъ ассоціаціямъ. Но, говоритъ Киннемэнъ, если намъ удается наблюдать у животныхъ проявленіе, хотя бы и въ зачаточной формѣ, болѣе высокихъ элементовъ психической жизни, какъ, напримѣръ, память, подражаніе, изобрѣтательность и даже размышленіе, то было бы большой ошибкой стараться во что бы то ни стало свести эти проявленія къ болѣе низкимъ формамъ психики. Макаки (Macacus Rhesus) считаются очень умными животными и принадлежатъ къ виду, стоящему между собственно обезьянами и бабуинами. Самецъ, надъ которымъ Киннемэнъ производилъ свои опыты, отличался большей нервностью, чѣмъ самка; лицо его было очень мало выразительнымъ и мѣнялось только двоякимъ образомъ, смотря по тому, открывалъ ли онъ, или же закрывалъ ротъ. Повиновался онъ, повидимому, не столько словамъ, сколько интонаціи, съ которой они произносились. Но ни самка, ни самецъ не выказывали ничѣмъ, что они знаютъ свое имя. Что же касается ихъ поведенія вообще, то, по мнѣнію Киннемэна, оно ничѣмъ не отличалось, въ противоположность обезьянамъ другихъ видовъ, отъ поведенія ихъ на свободѣ. Въ свободномъ состояніи Macacus Rhesus живутъ стадами, входятъ безъ стѣсненія въ индійскія деревни для добыванія пищи и привыкаютъ такимъ образомъ къ человѣку.

При производствѣ опытовъ, голоднаго макака впускали въ большую комнату. Для того, чтобы изучить, какъ у него могутъ образовываться ассоціаціи, пищу, состоящую изъ риса, бананов и яблокъ, клали въ ящики съ различ-

ными затворами. Если это нужно было для опыта, то макаки помѣщались такъ, что могли видѣть всѣ движенія наблюдателя, за исключеніемъ того, какъ онъ открывалъ дверцы. При наблюденіяхъ надъ образованіемъ представленій о формахъ и цвѣтѣ предметовъ, ящики замѣнялись открытыми сосудами. Прогрессъ, наблюдавшійся при повторныхъ опытахъ, въ образованіи ассоціаціи образа предмета, содержащаго пищу, и самой пищей, измѣрялся числомъ, выражающимъ или скорость, съ какою совершалась эта ассоціація, или относительное количество ошибокъ и успѣхъ въ выборѣ сосуда.

Опишемъ вкратцѣ опыты Киннемэна, касающіеся образованія ассоціацій. Для этихъ опытовъ онъ приготовилъ ящикъ съ различнаго рода затворами: 1) затворъ въ видѣ деревяннаго бруска, помѣщеннаго на правомъ углу дверцы, которая можетъ открыться только при поворотѣ его на 30 градусовъ; 2) обыкновенный крючокъ; 3) затворъ, находящійся по срединѣ дверцы и состоящій изъ деревяннаго бруска, въ нижней части котораго сдѣлано отверстіе; благодаря этому отверстію металлическая петля, укрѣпленная на дверцѣ, проходила черезъ него; крючокъ, укрѣпленный на брускѣ, проходилъ черезъ петлю; 4) обыкновенный засовъ, который достаточно толкнуть, чтобы онъ открылся; 5) веревка, протянутая во всю ширину двери и однимъ концомъ намотатанная на гвоздь; 6) деревянный брусокъ, вращающійся на винтѣ; если приподнять конецъ на 2 дюйма, то дверь открывается; 7) деревянный брусокъ, одинъ конецъ котораго входитъ внутрь ящика и можетъ коснуться предыдущаго бруска № 6; если вдвинуть брусокъ № 7, то № 6 поворачивается на извѣстной уголъ и дверь открывается; 8) брусокъ, аналогичный предыдущему (7) и также касающійся № 6; но для того, чтобы онъ могъ коснуться и подѣйствовать на № 6, его надо не двигать, какъ № 7, а опустить на два дюйма; наконецъ, 9) ящикъ запирался обыкновеннымъ замкомъ, врѣзаннымь въ дверцу; обезьяна должна была догадаться вложить ключъ и повернуть его.

Первые опыты надъ образованіемъ ассоціацій были продѣланы исключительно надъ самцомъ; опыты эти подраздѣлялись на 4 группы.

А) Животное должно было образовать ассоціацію между образами пищевыхъ продуктовъ, запертыхъ въ ящикахъ, и различными затворами, которые оно видѣло впервые. Для каждаго рода затворовъ опытъ повторялся 30 разъ. Оказалось, что самымъ труднымъ для обезьяны было открыть вертикальный крючокъ; такъ, для 1-го опыта съ нимъ потребовалось 65 секундъ, при 15-омъ опытѣ—59 сек., при 21-омъ—21 с., при 22-омъ—24 с. Для открытія же, напр., затвора № 3 сначала потребовалось 462 сек., но зато при 15-ой попыткѣ потребовалось всего 2 сек., 21-ой—1 сек., 22-ой—1 сек. Для замка съ ключомъ потребовалось при первомъ опытѣ—100 сек., при 15-омъ 8 сек., при 21-омъ 1 сек., при 22-омъ—1 сек. Въ общемъ, minimum употребленныхъ секундъ на открытіе дверцы получался при 10-ой попыткѣ.

Первый затворъ, съ которымъ обезьянѣ пришлось имѣть дѣло, былъ горизонтальный крючокъ. Нужно замѣтить, что minimum въ 1 сек. въ большинствѣ

случаевъ является условнымъ: животное въ такихъ случаяхъ прямо направлялось къ ящику и тотъ часъ же открывало затворъ; движеніе это требовало для своего исполненія менѣе одной секунды.

Б) среди различныхъ затворовъ 9 изъ нихъ могли мѣнять положеніе, вмѣсто правой стороны дверцы ихъ укрѣпляли на лѣвую и многіе изъ нихъ открывались при этомъ не направо, какъ раньше, а налѣво, и наоборотъ; положеніе крючка также мѣняли—изъ вертикальнаго его дѣлали горизонтальнымъ. Такимъ образомъ, какъ только обезьяна подходила къ ящику съ провизіей, ей нужно было прежде всего констатировать происшедшее измѣненіе, найти затворъ на новомъ мѣстѣ и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что съ перемѣной мѣсто затворы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, открываются въ противоположную сторону, чѣмъ раньше. За рѣдкими исключеніями, время, употребленное въ этой серіи опытовъ, было приблизительно вдвое меньше, чѣмъ въ первыхъ опытахъ (А).

Maximum времени, необходимый, чтобы узнать и изучить новое положеніе затвора, пришелся на первыя 7 попытокъ. Въ общемъ же, повидимому, обезьянамъ труднѣе образовывать новыя ассоціаціи, касающіяся, напр., невиданныхъ ею дотолѣ затворовъ, чѣмъ пользоваться раньше ужъ созданными ассоціаціями, что происходитъ, напримѣръ, при перемѣнѣ мѣста уже извѣстнаго затвора.

В) Въ этой серіи опытовъ обезьяну заставляли открывать ящикъ, запертый заразъ нѣсколькими затворами. Въ среднемъ время, нужное для исполненія этого, было меньше, чѣмъ среднее время, необходимое для того, чтобы выучиться открывать какой-нибудь одинъ затворъ. Обезьяна должна была, слѣдовательно, отдать себѣ отчетъ, что тотъ или другой затворъ не былъ еще ею открытъ; трудность состояла въ томъ, чтобы не оставить ни одного закрытымъ. Обыкновенно, если ящикъ былъ запертъ 2-мя или 3-мя затворами, то обезьяна открывала ихъ всегда въ одной и той же послѣдовательности.

Г) Въ послѣднемъ рядѣ опытовъ пища клалась также въ ящикъ, но ее покрывали кускомъ картона величиной въ 16 квадр. дюймовъ, на которомъ были нарисованы 4 черныхъ полосы; второй ящикъ, по внѣшности совершенно сходный съ первымъ, но пустой, помѣщался рядомъ; въ немъ находился и картонъ такихъ же размѣровъ, какъ въ 1-мъ ящикѣ, но только бѣлый,—безъ полосъ. Цѣль опытовъ этой серіи заключалась въ томъ, чтобы узнать съумѣетъ ли обезьяна ассоціировать образъ полосатаго картона съ образомъ ящика, заключающаго пищу, и образъ бѣлаго картона съ пустымъ ящикомъ. Въ первый разъ обезьяну заставляли брать пищу изъ ящика съ полосатымъ картономъ. Затѣмъ клали рисъ или бананы въ тотъ же ящикъ, за спиной обезьяны брали оба ящика и мѣняли ихъ положеніе или оставляли тамъ же, затѣмъ ставили ихъ на полъ и обезьяна дѣлала свой выборъ. При такихъ условіяхъ самецъ выбралъ 154 раза ящикъ съ пищей и 146 разъ—пустой. Обезьяна слѣдовательно, не обращала вниманія на полосы, нарисованныя на картонѣ. Затѣмъ измѣнили форму картоновъ, одинъ взяли квадратный, другой прямоугольный; изъ 380 разъ было 242 успѣха и 138 ошибокъ. Наконецъ,

ящики были замѣнены стаканами; одинъ былъ покрытъ черной бумагой, другой бѣлой, пища была положена въ первый. Результаты опытовъ слѣдующіе (знакъ + означаетъ удобный выборъ, — ошибочный):

+ — + — + — — + + — +

Всѣ вышеупомянутые опыты были продѣланы и съ самкой. Изъ 50 опытовъ съ ящиками 20 оказалось удачныхъ и 30 неудачныхъ. Когда ящики были замѣнены стаканами, покрытыми, какъ и при опытахъ съ самцомъ, черной и бѣлой бумагой, то получилось слѣдующее:

— + + — — + + + — — + — + + + + + + + + + +. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ можно считать ассоціацію вполнѣ сформировавшейся, чего нельзя замѣтить при опытахъ съ ящиками. Между тѣмъ, казалось, ничего не мѣшало, чтобы ассоціаціи образовывались въ обоихъ случаяхъ—и все же этого не произошло.

Другимъ рядомъ опытовъ Киннемэнъ хотѣлъ установить, возможно ли достичь нѣкотораго воспитанія обезьяны путемъ подражанія. Опыты подраздѣлялись на двѣ группы: 1) обезьяна должна была подражать какому-нибудь дѣйствію изслѣдователя, 2) одна обезьяна должна была подражать другой. Первая группа опытовъ не дала никакихъ результатовъ: Киннемэнъ открывалъ дверцу ящика, запертаго на ключъ, затѣмъ оставлялъ ключъ около замка; продѣлывалъ онъ это въ разное время разъ 50. Обезьяна находилась отъ него на разстояніи двухъ футовъ, видѣла всѣ его движенія, но не дѣлала никакой попытки, чтобы подражать ему. Такимъ образомъ оказывается, нужно относиться съ большимъ сомнѣніемъ къ разсказамъ о необыкновенной способности обезьяны подражать всѣмъ дѣйствіямъ человѣка, совершаемымъ передъ нею.

Во второй группѣ опытовъ самка должна была подражать самцу. Самка должна была научиться открывать одинъ изъ затворовъ, который ей раньше никогда не удавалось открыть. Для этого помѣстили самку и самца въ комнату, гдѣ стоялъ ящикъ съ пищей. Такъ какъ самецъ отлично зналъ, какъ надо открыть затворъ, то тотчасъ же подбѣжалъ къ ящику и продѣлалъ все, что требовалось. Этотъ опытъ повторили 8 разъ и теперь самка каждый разъ отлично открывала затворъ, который раньше никогда не могла открыть. Съ такимъ же успѣхомъ самка научилась у самца открывать затворъ № 8.

Оригинальныя изслѣдованія Киннемэна до него никѣмъ не предпринимавшіяся, разбиваются на четыре группы: на 1) изслѣдованія, касающіяся дѣйствій, совершаемыхъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ; 2) изслѣдованія надъ образованіемъ представленій о формѣ; 3) изслѣдованія надъ образованіемъ представленій о размѣрахъ и, наконецъ, 4) изслѣдованія надъ образованіемъ представленій о различныхъ цвѣтахъ.

Въ первой категоріи опытовъ Киннемэнъ бралъ два ящика съ нѣсколькими затворами, уже описанными, причемъ выбирались такіе, открытіе которыхъ зависѣло отъ открытія ихъ въ извѣстной послѣдовательности. Въ одномъ ящикѣ дверца была закрыта вертикальнымъ крючкомъ, который не могъ быть приведенъ въ дѣйствіе, пока рукоятка, помѣщенная около, не была повернута извѣстнымъ образомъ; рукоятка, въ свою очередь, зависѣла отъ задвижки, по-

мѣщенной на другой сторонѣ дверцы; наконецъ, на лѣвой сторонѣ этой послѣдней находился болтъ, который и управлялъ всѣмъ. По необходимости, слѣдовательно, нужно было для того, чтобы открыть дверцу этого ящика, начинать съ болта. На другомъ ящикѣ тѣ же затворы были помѣщены на противоположныхъ сторонахъ; тѣ, которые, напр., находились на правой сторонѣ, теперь помѣщены были на лѣвой и т. п. При наблюденіяхъ, для того, чтобы можно было судить о результатахъ опытовъ, отмѣчали число затворовъ, съ которыми обезьяна должна была имѣть дѣло, затѣмъ также время, выраженное въ секундахъ, когда каждый изъ нихъ приводился ею въ дѣйствіе. Всякое усиліе со стороны обезьяны, направленное на приведеніе въ дѣйствіе затвора не въ должномъ порядкѣ, считалось ошибкой. Киннемэнъ нѣсколько произвольно рѣшилъ считать, что если обезьяна подрядъ 10 разъ для каждаго ящика открывала всѣ затворы въ извѣстной послѣдовательности, то, слѣдовательно, она усвоила себѣ ихъ порядокъ.

Съ первымъ ящикомъ было сдѣлано 253 опыта съ самцомъ и 80 съ самкой, со вторымъ ящикомъ 250 опытовъ съ самцомъ и столько же съ самкой. Опыты съ первымъ ящикомъ увѣнчались успѣхомъ, со вторымъ потерпѣли неудачу. Нужно, впрочемъ, добавить, что самцу удалось во время 10-й серіи попытокъ открыть семь разъ подрядъ второй ящикъ; можетъ быть, онъ съ такимъ же успѣхомъ продѣлалъ бы это еще три раза, но, къ сожалѣнію, приходъ посѣтителя испугалъ самца и такимъ образомъ помѣшалъ окончанію опыта.

Оба эти ящика съ тѣми же системами затворовъ предлагались много разъ взрослымъ и дѣтямъ. Двое взрослыхъ употребили въ первой серіи попытокъ открыть дверцу въ 6 и 8 сек., во время же 10-й серіи—всего $1^1/_2$—2 сек. Обезьяны же съ 1-й до 10-й серіи не сдѣлали никакого успѣха; въ первую серію они употребили 78 и 54, въ 10-ю же серію 52 и 90 сек. При опытахъ со вторымъ ящикомъ оба взрослые съ 11 и 36 сек., употребленныхъ вначалѣ, дошли до 2 и 4 сек.; дѣти съ 105 и 20 сек. до 6 и 3 сек., обезьяны же съ 139 и 187 до 110 и 26 сек.

Киннемэнъ находитъ, что наблюдается нѣкоторое сходство между результатами, полученными при опытахъ съ дѣтьми, съ тѣми, которые были получены съ обезьянами. Въ обоихъ случаяхъ психологическій процессъ былъ почти одинаковъ. Вліяніе воспоминанія объ успѣхахъ, случайно достигнутыхъ у тѣхъ и другихъ, было чрезвычайно сильно, что и способствовало уничтоженію безполезныхъ дѣйствій и усилій. Наоборотъ, поведеніе обезьяны и ребенка сильно разнится отъ поведенія взрослаго. Этотъ послѣдній дѣйствуетъ главнымъ образомъ при посредствѣ мышленія. Какъ только какой-нибудь затворъ не поддавался усиліямъ, взрослый человѣкъ останавливался и начиналъ думать. Если ему удавалось открыть одинъ затворъ, но не удавалось это сдѣлать съ другимъ, онъ обращался къ первому, осматривалъ, изучалъ его механизмъ. Взрослый человѣкъ пріобрѣтаетъ и сохраняетъ очень легко воспоминаніе о послѣдовательныхъ дѣйствіяхъ, приведшихъ его къ успѣху. Ребенокъ же прилагаетъ немедленно свое усиліе открыть одинъ изъ затворовъ; если это ему отчасти

удается, онъ останавливается, смотритъ какъ будто съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что это удалось ему что-то ужъ очень легко, или съ боязнью сломать затворъ; однѣ и тѣ же ошибки повторяются у него чаще, чѣмъ у взрослаго; число секундъ, употребленныхъ на открытіе при повторныхъ опытахъ, уменьшается постепенно и медленно. Что же касается обезьяны, то она сразу овладѣваетъ ящикомъ, ни секунды не размышляя; сначала на удачу она пробуетъ одинъ затворъ, потомъ другой, безъ всякаго порядка. Послѣ того, какъ многіе изъ затворовъ ужъ открыты, она часто снова къ нимъ возвращается; если ей не удастся сразу открыть затворъ, управляющій всѣми остальными, то она переходитъ быстрыми движеніями то къ тому, то къ другому, не производя почти никакого усилія для ихъ открытія.

Изслѣдованія, касающіяся воспріятія и различенія формы предметовъ. Для этихъ опытовъ были употреблены сосуды одной и той же вмѣстимости, въ видѣ широкаго цилиндра, прямоугольнаго сосуда, цилиндрической банки, узкаго цилиндра, треугольной призмы и сосуда элипсоидальной формы. Всѣ они были какъ внутри, такъ и снаружи покрыты черной бумагой и помѣщены на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи на доскѣ въ 5 футовъ длины. Пищу клали въ одинъ изъ сосудовъ. Такимъ образомъ изслѣдовался вопросъ, образуется ли у обезьяны ассоціація между формой сосуда и образомъ пищевыхъ продуктовъ, заключенныхъ въ немъ. Только подобныя ассоціаціи позволяли бы обезьянѣ различить нужный сосудъ среди 6 сосудовъ различной формы. Послѣ того, какъ обезьяной разъ была вынута пища, сосудъ этотъ перемѣщали, но никогда не ставили его между двумя сосудами одинаковой формы. Доску съ сосудами также постоянно перемѣщали съ одного мѣста на другое на разстояніи 9 или 10 футовъ отъ обезьяны. Такимъ образомъ, удача или неудача при выборѣ сосуда той или иной формы могли служить критеріумомъ ея способности различать эту послѣднюю. Послѣ ознакомленія обезьяны съ установленными на доскѣ сосудами во избѣжаніе того, чтобы обезьяна сразу не накидывалась на нихъ, Киннеманъ никогда не приближалъ сосудовъ къ ней болѣе, чѣмъ на 5 футовъ, и по мѣрѣ приближенія обезьяны отодвигалъ осторожно доску, заставляя обезьяну тѣмъ самымъ слѣдовать на нѣкоторомъ разстояніи и имѣть время выбрать нужный сосудъ.

Вотъ какъ Киннеманъ описываетъ поведеніе обезьяны. Она моргаетъ, оглядывая доску всю сразу, или же вращаетъ глазами, какъ бы пробѣгая ими по всей длинѣ доски, на что употребляетъ небольшую часть секунды. На разстояніи отъ 6 до 10 футовъ, ясно видно, какой сосудъ она изберетъ. Иногда, когда ассоціація уже совершенно сформирована, обезьяна приближалась къ доскѣ на разстояніе 2-хъ футовъ по направленію къ ошибочно выбранному сосуду, затѣмъ, увидѣвъ свою ошибку, мѣняла направленіе и правильно выбирала сосудъ съ пищей. Когда же ассоціація была еще не вполнѣ образована, обезьяна, уже послѣ того, какъ пища была взята, начинала изслѣдовать остальные сосуды. Если же сосудъ ей былъ хорошо извѣстенъ, она брала пищу и немедленно удалялась. При ошибкахъ, обезьяна смотрѣла внутрь сосуда, приготовляя руку, чтобы взять пищу; не найдя ее, осматривала сосѣдній сосудъ

и т. д. пока не находила искомое. Опыты эти интересны въ томъ отношеніи, что они показываютъ, какъ сталкиваются ассоціаціи уже образовавшіяся съ ассоціаціями, начинающими образовываться. Если обезьяны выучились уже брать пищу изъ сосуда, имѣющагося прямоугольную форму, а послѣ этого пищу начали класть въ цилиндрическій сосудъ, то для того, чтобы обезьяна смогла бы найти пищу въ немъ, необходимо, чтобы первая ассоціація исчезла. При этомъ, по мнѣнію Киннемэна, происходитъ слѣдующее: 1) вслѣдствіе незнанія происшедшей перемѣны обезьяна сначала возвращается много разъ къ извѣстному ей сосуду; 2) затѣмъ наступаетъ періодъ, въ которомъ смѣшиваются обѣ ассоціаци; 3) и наконецъ наступаетъ время, когда образованіе новой ассоціаціи идетъ съ большимъ успѣхомъ. Изъ цифровыхъ данныхъ мы узнаемъ, что первая ассоціація (сосудъ, имѣющій форму прямоугольника) образовалась у обѣихъ обезьянъ на 60-ю серію опытовъ (каждая серія заключала въ себѣ по 30 опытовъ). Послѣ же того, какъ пищу помѣстили въ цилиндрическій сосудъ, самцу удалось отдѣлаться отъ этой первой ассоціаціи только въ теченіи 2-й серіи опытовъ. Новая же ассоціація была вполнѣ образована уже впродолженіи 4-й серіи. У самки же новая ассоціація совершенно сформировалась на 60-мъ или на 90-мъ опытѣ. Иногда замѣчалось смѣшеніе новыхъ формъ ассоціаціи со старыми. Такъ, самка смѣшала элипсоидальный сососудъ, который былъ данъ послѣ цилиндрическаго, съ прямоугольнымъ; самецъ сдѣлалъ ту же ошибку. Въ обоихъ случаяхъ замѣчается живучесть сначала образованной ассоціаціи. Медленное и постепенное образованіе новой ассоціаціи въ зависимости отъ предшествовавшей не было все же общимъ и постояннымъ закономъ. Такъ, самецъ внезапно сдѣлалъ 10 удачныхъ выборовъ послѣ того, какъ цилиндрическій сосудъ былъ замѣненъ элипсоидальнымъ.

3) Изслѣдованія надъ различеніемъ *величины* предметовъ были сдѣланы при посредствѣ 6-ти прямоугольныхъ коробокъ; высота каждой изъ нихъ была вдвое больше ширины ихъ у основанія. Высота коробокъ равнялась 2, 3, 4, 5, 6, 7 дюймамъ. Въ первую и послѣднюю коробки,—въ одну въ виду ея малой, въ другую, въ виду ея большой величины, пища не клаласъ. Въ дальшемъ изложеніи опытовъ мы будемъ обозначать коробки номерами отъ 1 до 6, начиная съ самой маленькой.

Въ общемъ, ассоціаціи образовывались труднѣе, чѣмъ въ опытахъ съ формами предметовъ; этихъ послѣднихъ самецъ продѣлалъ всего 480 опытовъ; опытовъ же, касающихся величины предметовъ было имъ продѣлано 1880 и все же ассоціаціи не были такъ хорошо образованными, какъ при опытахъ съ формою. Только самка выказала довольно большую способность къ этому, и въ этомъ отношеніи оказалась выше самца.

Изслѣдованія надъ различеніемъ величины предметовъ выдвинули интересный вопросъ, а именно о возможности вмѣшательства психо-физическаго закона, руководящаго ощущеніями, при выборѣ обезьянами предметовъ. Такъ, между другими ошибками, Киннемэнъ замѣтилъ слѣдущія: если пища была въ № 3-мъ то этотъ послѣдній былъ часто смѣшиваемъ съ № 4-мъ 3-ій и 2-ой №№ были смѣшиваемы рѣже чѣмъ 3-ій и 5-ый. Пища помѣщенная въ 5 и 6-омъ №№

была чаще находима, чѣмъ при помѣщеніи ея въ № 4; точно также, если она помѣщалась въ 4-ый №, 5-ый былъ чаще выбираемъ, чѣмъ 3-ій и 6-ой чаще, чѣмъ 2-ой.

Такъ какъ величина поверхности коробокъ уменьшалась постепенно, то можно было бы попытаться въ психо-физическомъ законѣ, который управляетъ, напр., зрительными ощущеніями, найти объясненіе ошибокъ: чѣмъ меньше разница между раздраженіями, дѣйствовавшими на органъ зрѣнія, тѣмъ легче было ошибиться.

Но, несмотря на заманчивость этой гипотезы, Киннемэна она не удовлетворяетъ. Для провѣрки ея имъ были сдѣлали шесть новыхъ коробокъ, причемъ № 1-ый былъ величиной въ $1 \times 1 \times 2$ дюймовъ, послѣдующіе №№ увеличивались правильнымъ образомъ. Каждая коробка была въ вышину вдвое больше, чѣмъ въ ширину. Объемы коробокъ обѣихъ серій были слѣдующіе:

1-ой серіи	2	6,75	16	31,25	54	87,75.
2-ой серіи	2	4,9	8,82	18,52	39,2	82,37.

Если бы при выборѣ обезьяной руководилъ бы психо-физическій законъ, то она должна была бы смѣшивать коробку съ пищей съ предыдущей—меньше ея и послѣдующей — больше ея. На самомъ же дѣлѣ ошибки происходили только по отношенію къ коробкамъ большей величины. Выборъ слѣдовательно вовсе не опредѣлялся отношеніемъ между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Киннемэнъ предполагаетъ, что можетъ быть большая коробка выбиралась обезьянами отъ того, что имъ казалось, что она должна содержать большее каличество пищи; или же еще проще, на большую коробку, какъ болѣе бросающуюся въ глаза, обращалось ими больше вниманія.

4) Изслѣдованія надъ различеніемъ *цвѣта* предметовъ распадались на 2 группы: въ группѣ а) ставились опыты надъ различеніемъ различныхъ цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ, въ группѣ в) опыты производились съ цѣлью узнать какіе цвѣта предпочитаются обезьянами.

а) На доскѣ шириной въ 7 дюймовъ и длиной въ 5 футовъ ставились на равномъ разстояніи другъ отъ друга 6 стакановъ. Каждый изъ нихъ былъ снаружи покрытъ цвѣтной бумагой. Два стакана были покрыты—одинъ свѣтлосѣрой, другой темно-сѣрой бумагой; остальные 4 были голубой, желтый красный и зеленый. Пищу клали только въ одинъ изъ этихъ четырехъ.

Что же руководило обезьяной при выборѣ стакана того или другого цвѣта? Была ли эта разница въ цвѣтѣ, или же болѣе свѣтлый тонъ, большая яркость? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ было поставлено четыре серіи опытовъ. Первыми тремя старались выяснить, могутъ ли обезьяны различать простые оттѣнки одного и того же цвѣта, а также различные цвѣта, но одинаковой яркости. Для этого употребили 2 сѣрыхъ стакана двухъ различныхъ тоновъ, затѣмъ одинъ голубой стаканъ, другой красный. Если бы обезьянами выбирались только два послѣднихъ стакана, можно было бы заключить, что выборъ дѣлался на основаніи противоположенія цвѣтовъ. Въ другой серіи опытовъ брались 9 стакановъ, изъ которыхъ 2 крайнихъ были—одинъ чернымъ, другой—свѣтло - сѣрымъ; остальные 7 промежуточныхъ, различныхъ

сѣрыхъ оттѣнковъ. Нельзя было констатировать никакой разницы, никакого предпочтенія при удачныхъ выборахъ, которые были сдѣланы обезьяной. Стаканъ № 9-ый былъ самый свѣтлый, Выборы увѣнчавшіеся успѣхомъ: для № 9-го и № 1-го = 100%; № 9-ый и № 2-ой = 90%; № 9-ый и № 3-ій = 98%; № 9-ый и № 4-ый = 98%; № 9-ый и № 5-ый = 98%; и наконецъ № 9-ый и 8-ой = 77%. Различеніе, слѣдовательно, совершалось благодаря контрасту въ цвѣтѣ, а не благодаря болѣе или менѣе свѣтлому тону одного какого-нибудь цвѣта.

Послѣдняя категорія опытовъ этой группы заключалось въ томъ, что 3 стакана покрывались сѣрой бумагой, оттѣнки которой отличались насколько возможно меньше въ своей яркости отъ яркости другихъ цвѣтовъ. Стаканы ставились на доску вмѣстѣ съ зеленымъ или съ желтымъ, или краснымъ стаканомъ и т. д.; затѣмъ послѣ 10-й серіи опытовъ мѣняли мѣсто цвѣтного стакана, однако такъ, чтобы обезьяна не замѣтила этого. При такихъ условіяхъ, самецъ выбралъ 26 разъ изъ 30 красный стаканъ, 18 разъ зеленый; самка же 30 разъ изъ 20—желтый, красный, зеленый. Итакъ, безъ всякаго сомнѣнія, ассоціація образовалась между образомъ пищевыхъ продуктовъ и цвѣтнымъ впечатлѣніемъ.

в) Если обезьяны имѣютъ понятіе о цвѣтахъ, то предпочитаютъ ли они какіе-нибудь изъ нихъ? Для разрѣшенія этого вопроса Гарнеръ предлагалъ обезьянамъ куски сахара, различно окрашенные; Киннемэнъ же взялъ 4 стакана—голубой, зеленый, оранжевый и темно-сѣрый; во всѣ были положены одни и тѣ же пищевые продукты. Самецъ бралъ пищу, находящуюся въ стаканахъ; опытъ повторили 30 разъ, отмѣчая, какой изъ стакановъ былъ выбранъ первымъ. Затѣмъ, при тѣхъ же условіяхъ были поставлены 4 другихъ стакана—красный, желтый, фіолетовый и бѣлый. Съ этими стаканами опытъ былъ также повторенъ 30 разъ. Изъ этихъ двухъ серій стакановъ составили 2 другихъ такимъ образомъ, что въ одной изъ нихъ находились стаканы, выбираемые наибольшее число разъ (желтый—12 разъ, оранжевый—11, зеленый—12), а въ другой—стаканы, выбранные наименьшее число разъ (голубой—1 разъ, темно-сѣрый—6, красный—2). Результатомъ этихъ опытовъ было то, что самецъ выбралъ желтый стаканъ 25 разъ, оранжевый—21, зеленый—17, красный—16, бѣлый—16. темно-сѣрый—10, фіолетовый—10 и голубой—5 разъ.

Что же касается самки, то опыты съ нею не дали никакихъ интересныхъ результатовъ; она брала просто стаканы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стояли.

Эти опыты Киннемэна надъ обезьянами и Торндика надъ курами, собаками и кошками приводятъ къ одному и тому же выводу, что прогрессъ при повторныхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ опредѣленную цѣль, заключается въ послѣдовательномъ исчезновеніи ненужныхъ и плохо приспособленныхъ дѣйствій и въ усиленіи движеній, ведущихъ къ успѣху. Но съ другой стороны Киннемэнъ констатируетъ, что даже, повидимому, хорошо закрѣпленныя ассоціаціи все же могутъ разрушаться. Что же касается различенія формъ, размѣровъ и

цвѣтовъ, то опыты Киннемэна показываютъ, что у обезьянъ имѣются нѣкоторыя «понятія» о формѣ, о величинѣ и о цвѣтѣ. Интересно отмѣтить, что два сѣрыхъ тона, изъ которыхъ одинъ былъ свѣтлѣе другого, различались обезьянами хуже, чѣмъ различные цвѣта одинаковой яркости; два сѣрые тона различались обезьянами только въ томъ случаѣ, если въ болѣе свѣтломъ изъ тоновъ было не менѣе 9% бѣлаго цвѣта; но обезьяны отличаютъ различные цвѣта на сѣромъ фонѣ совершенно одинаковой яркости, что и внутренній цвѣтъ. Самцы, по мнѣнію Киннемэна, предпочитаютъ блестящіе цвѣта.

Вашиде и Руссо *) не безъ основанія указываютъ, что приведенное нами выше утвержденіе Киннемэна о лучшемъ различеніи обезьянами цвѣтовъ, чѣмъ яркости тоновъ одного и того же цвѣта, требуетъ еще дальнѣйшихъ подтвержденій, какъ анатомофизіологическихъ, такъ и опытныхъ. Вѣдь предшествующая «свободная» жизнь обезьянъ, съ которыми производилъ опыты Киннемэнъ, совершенно не изучена. Можетъ быть, онѣ устремляются къ тому или иному цвѣту просто потому, что вспоминаютъ цвѣта, окружавшіе ихъ на родинѣ во время ихъ жизни на свободѣ.

Но съ другой стороны Вашиде и Руссо согласны съ Киннемэномъ въ слѣдующемъ. Въ опытахъ Киннемэна обезьяны, когда имъ не удавалось открыть какого-нибудь затвора руками, прибѣгали къ помощи зубовъ. Такая замѣна одного органа другимъ напоминаетъ человѣческія дѣйствія и говоритъ о психологіи, болѣе высокой, чѣмъ у другихъ животныхъ, неспособныхъ къ подобнымъ замѣщеніямъ. Въ опытахъ Торндика съ курами, кошками и собаками наблюдалась также послѣдовательная смѣна движеній, напр., кошка скребла, царапала, кусала, но эти движенія выражали только недовольство, гнѣвъ, безсиліе животнаго, запертаго въ клѣтку, и движенія эти не примѣнялись, какъ обезьяной, систематически для того, чтобы открыть данный запоръ. Также значительный прогрессъ, проявленный обезьянами при повторныхъ опытахъ съ однимъ и тѣмъ же замкомъ, указываетъ на хорошо организованную память, на наличность точныхъ и систематизированныхъ сложныхъ воспоминаній.

Какъ видитъ читатель, опыты Киннемэна открываютъ совершенно новые пути, если не для окончательнаго рѣшенія, то хотя бы для правильной постановки многихъ вопросовъ, касающихся и самихъ животныхъ.

В. Агафоновъ.

---

*) „Revue Scientifique“, 1904. Mai, № 19 и 20.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ. 1904 г.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

J. Dresch. „Gutzkow et la jeune Allemagne".—*В. П. Батуринскій.* „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые."

I. Dresch. Gutzkow et la jeune Allemagne. Paris. 1904. 480 ст. Ц. 3 р. 50 к. Тридцатые и сороковые годы покойнаго вѣка, къ которымъ относится расцвѣтъ литературной дѣятельности Гуцкова, представляютъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и богатыхъ послѣдствіями періодовъ нѣмецкой исторіи. Мучительный процессъ прорѣзыванія новыхъ соціально-политическихъ формъ, все болѣе укрѣпляющееся и распространяющееся сознаніе, что Германія переживаетъ моментъ рѣзкаго историческаго перелома, исходъ котораго надолго впередъ опредѣлитъ судьбы нѣмецкой исторіи, все это вызывало въ нѣмецкой интеллигенціи необычайно сильное и всестороннее броженіе.

На очереди тогдашняго историческаго дня стояли, властно требуя разрѣшенія, соціально-политическіе вопросы, и нѣмецкая интеллигенція ждала тогда отъ своихъ любимыхъ писателей прежде и раньше всего прямого отвѣта на соціально-политическую злобу, довлѣвшую дневи. Это было время страстныхъ обличеній Гёте за его холодное «олимпійство», гнѣвныхъ нападокъ на Гейне за его политическій индифферентизмъ; это было время, когда горячая и волнующаяся кровь жизни притекала къ холоднымъ вершинамъ науки, когда въ поэтическихъ произведеніяхъ легко было прощупать нервную пульсацію текущей жизни.

По натурѣ человѣкъ довольно мирный и умѣренный, Карлъ Гуцковъ не остался, однако, въ сторонѣ отъ этого движенія и былъ захваченъ его бурнымъ теченіемъ. Въ теперешней Германіи Гуцковъ, навѣрное, отмежевалъ бы себѣ извѣстный уголокъ литературы, тихо и любовно воздѣлывалъ бы его, былъ бы человѣкомъ литературнымъ, но «крайностямъ» бы не сочувствовалъ, и его литературная дѣятельность, создавъ ему, благодаря его безспорному таланту, не мало поклонниковъ, протекла бы тихо и спокойно. Но бурные годы, когда къ тому же общее броженіе мѣшало процессу кристаллизаціи ясно отграненныхъ классовъ, сдѣлали судьбу Гуцкова чрезвычайно измѣнчивой и полной драматическихъ эпизодовъ. Бросается прежде всего въ глаза чрезвычайная разбросанность и разносторонность Гуцкова. Онъ является передъ нами то яростнымъ политикомъ-журналистикомъ, то драматургомъ, то романистомъ, то критикомъ, то публицистомъ. Нѣтъ, кажется, того рода литературной дѣятельности, за который онъ бы не брался, притомъ не во имя искусства для искуства, а прежде всего какъ за оружіе борьбы за свои взгляды.

Этотъ, въ сущности говоря, довольно умѣренный человѣкъ въ тогдашнее

время, когда представители отмиравшаго строя, точно мухи позднею осенью, отличались особенною озлобленностью, безпрестанно навлекалъ на себя обвиненія и преслѣдованія. Его статьи и книги то и дѣло конфисковались, его газеты и журналы закрывались, а самому ему приходилось отсиживаться въ тюрьмѣ. Наконецъ, эта возня, такъ сказать въ розницу, видимо надоѣла нѣмецкому правительству и оно оптомъ и разъ навсегда запретило Гуцкову, вкупѣ съ другими представителями «молодой Германіи», заниматься литературной дѣятельностью, и Гуцкову пришлось до своей реабилитаціи скрываться подъ маской псевдонима.

А между тѣмъ, повторяемъ, Гуцковъ «крайнимъ» никогда не былъ.

Дрешъ съ большою любовью описываетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ жизнь и литературную дѣятельность Гуцкова. Нѣкоторыя изъ этихъ біографическихъ подробностей намъ представляются совершенно излишними, но большинство изъ нихъ представляетъ большой интересъ не только для характеристски самого Гуцкова, но, что гораздо интереснѣе, для характеристики его эпохи. Какъ характерны, напримѣръ, гимназическіе годы Гуцкова, когда велѣно было, чтобы при преподаваніи исторіи литературы всецѣло отвлекать вниманіе учениковъ внѣшней формой произведенія и отнюдь не касаться «смысла», когда изъ всемірной исторіи безцеремонно выбрасывались всѣ «щекотливыя» мѣста, а нѣмецкая исторія преподавалась въ такомъ видѣ, что нѣмцы всегда только и дѣлали, что слушались начальства и побѣждали враговъ.

Но всѣ эти мѣры не могли изолировать даже и гимназистовъ, которые, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гуцковъ, въ лицѣ наиболѣе чуткихъ юношей заражались общимъ броженіемъ нѣмецкой интеллигенціи. Мечты тогдашней юной нѣмецкой интеллигенціи во многомъ были до нельзя наивны, значительную долю занимали въ нихъ тевтонофильскія мечтанія о реставраціи старыхъ доблестей и добродѣтелей тевтонцевъ. Этими тевтонскими мечтаніями увлекся и Гуцковъ, и когда, напр., онъ узналъ, что нѣкоторые любимые его писатели,—напр., Гейне, Берне,—евреи, то былъ сильно разочарованъ и смущенъ, такъ какъ это шло въ разрѣзъ съ его тевтонофильскими стремленіями. Впослѣдствіи Гуцковъ съумѣлъ отдѣлаться отъ этого наивнаго тевтонофильства, какъ и вообще отъ всякаго узкаго націонализма, и борьба съ этимъ послѣднимъ продиктовала ему многія прекрасныя страницы его публицистическихъ и драматическихъ произведеній.

Очень долгая кипучая и до чрезвычайности разносторонняя дѣятельность Гуцкова обнаруживаетъ весьма различныя соціальныя напластованія. Какъ мы уже замѣтили выше, тогдашнее время общаго броженія, тогдашняя наличность *одного общаго* врага не давала возможности сложиться обособленнымъ классовымъ позиціямъ. И Гуцковъ, всегда ненавидившій «догмы», всегда дававшій широкія и вмѣстительныя формулы, какъ нельзя больше подходилъ къ роли литературнаго выразителя эпохи. На его произведеніяхъ можно изучать политическую геологію Германіи, можно прослѣдить и пестрый по своему составу слой освободительнаго движенія, и слой буржуазной демократіи, и элементы новаго общественнаго слоя.

Любопытно между прочимъ, что Гуцковъ мѣстами какъ будто уже предвосхищалъ теорію историческаго матеріализма, провозглашенную впослѣдствіи Марксомъ, но уже тогда носившуюся въ воздухѣ. Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гуцковъ въ своихъ извѣстныхъ «Письмахъ дурака къ дурѣ» ставилъ въ заслугу Сенъ-Симону, что онъ указалъ на связь между «интеллектуальнымъ и матеріальнымъ моментомъ жизни». Гуцковъ подчеркивалъ рѣшающую роль массъ, а не индивидовъ въ исторіи, хвалилъ Бальзака за то, что онъ показалъ, что деньги составляютъ нервъ жизни, и т. д.

Въ виду всего сказаннаго, изученіе произведеній Гуцкова представляетъ

*

очень большой интересъ, и книга Дреша, представляющая самостоятельный и солидный трудъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. *П. Берлинъ.*

В. П. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Т. I. Спб. 1904 г. Стр. 309. Цѣна 2 р. 50 к. Друзья и знакомые Герцена! Сколько великихъ именъ и знаменитостей всевозможнаго рода, русскихъ, и иностранныхъ, вызывается въ памяти этими словами! Съ одной стороны встаютъ тѣни Бѣлинскаго, Грановскаго, Кавелина, Тургенева, Станкевича, Бакунина, Огарева, московскихъ славянофиловъ и т. д., и т. д.; съ другой стороны, невольно вспоминаются Прудонъ, Л. Бланъ, Мадзини, Гарибальди, Кошутъ, Мишле, В. Гюго, К. Марксъ и цѣлый рядъ другихъ заграничныхъ знаменитостей, съ которыми у Герцена была дружба или вражда, или, наконецъ простое знакомство. Въ первомъ томѣ своего широко задуманнаго труда г. Батуринскій пока говоритъ только объ отношеніяхъ Герцена къ Тургеневу, Щепкину, Иванову, Мицкевичу и отчасти къ Бакунину. Большая часть книги занята статьей «Герценъ и Тургеневъ», въ основу которой положены письма Тургенева къ Герцену, изданныя покойнымъ Драгомановымъ въ Женевѣ въ 1892 году. Эти письма перепечатаны почти цѣликомъ, а между ними вставлены обширныя комментаріи г. Батуринскаго, иногда уклоняющіеся далеко въ сторону, но всегда почти касающіеся очень интересныхъ вопросовъ. Особую цѣнность этимъ комментаріямъ придаютъ не личныя соображенія и выводы г. Батуринскаго, которыхъ, впрочемъ, очень мало, а обширнѣйшія цитаты изъ сочиненій и писемъ Герцена, надъ которыми до настоящаго времени все еще продолжаетъ тяготѣть цензурный запретъ. Между прочимъ, въ упомянутыхъ комментаріяхъ болѣе или менѣе подробно говорится о полемикѣ Герцена съ «Современникомъ» и «Русскимъ Вѣстникомъ», о свиданіи его съ Чернышевскимъ, объ отношеніи его къ московскимъ славянофиламъ, о роли Бакукина въ польскомъ вопросѣ и въ гибели «Колокола», о столкновеніяхъ Герцена съ молодой русской эмиграціей и т. д. Большой интересъ представляютъ также два обширныхъ письма Герцена къ Огареву о тургеневскомъ Базаровѣ. Къ сожалѣнію, г. Батуринскій не могъ воспользоваться всѣми письмами Герцена къ Тургеневу. Перепечатка и этихъ писемъ еще болѣе увеличила бы интересъ новой книги, посвященной знаменитому эмигранту. Но и безъ этихъ писемъ книга г. Батуринскаго даетъ много интересныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго общественнаго развитія. Первое мѣсто среди этихъ матеріаловъ, безспорно, занимаютъ письма Тургенева, которыя теперь дѣлаются доступными широкому кругу русскихъ читателей. Между прочимъ, политическіе и общественные взгляды знаменитаго романиста нигдѣ не высказаны такъ откровенно и такъ опредѣленно, какъ въ его дружеской полемикѣ съ Герценомъ.

Издана книга очень хорошо. Къ ней приложены два портрета Герцена, портретъ Огарева и снимокъ съ памятника, поставленнаго на могилѣ Герцена въ Ниццѣ и такъ прекрасно описаннаго въ извѣстномъ стихотвореніи Надсона.

С. А.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Вопросы воспитанія и обученія".—*Т. Локоть.* „Классицизмъ и реализмъ".—„Программы чтенія для самообразованія".—*Л. Хавкина.* „Библіотеки, ихъ орнизація и техника".

Вопросы воспитанія и обученія. Труды педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ. Т. II. Изд. Д. И. Тихомирова. М. 1804 г. Ц. 1 р. Второй томъ «Трудовъ» педагогическаго общества знакомитъ съ дѣятельностью послѣдняго за двухлѣтній періодъ (съ

12-го мая 1901 г. по 3-е мая 1903 г.), лучше сказать, съ протоколами 25-ти засѣданій общества и съ 4-мя докладами изъ числа прочитанныхъ на этихъ засѣданіяхъ. Изданіе «Трудовъ» компетентнаго въ вопросахъ воспитанія коллегіальнаго учрежденія, конечно, разсчитано на широкую аудиторію, состоящую прежде всего—изъ отцовъ, матерей и воспитателей вообще, затѣмъ—изъ лицъ, придающихъ правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла большое значеніе въ общемъ прогрессированіи страны и въ развитіи нашей общественности. Оцѣнивая лежащее передъ нами изданіе съ точки зрѣнія тѣхъ и другихъ, мы прежде всего должны выразить сожалѣніе, что на его страницахъ не нашелъ себѣ мѣста докладъ С. Г. Смирнова—«Ученическіе журналы послѣдняго десятилѣтія XIX столѣтія». Мы узнаемъ только, что докладъ былъ прочитанъ въ засѣданіи общества 29-го сентября 1901 г.; но каковы выводы автора, какіе вопросы, какія мысли занимаютъ юные умы учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—объ этомъ нѣтъ ни слова въ протоколѣ засѣданія, хотя вниманію собравшихся были предоставлены и самые матеріалы доклада—рукописные журналы учениковъ. Между тѣмъ для насъ,—воспитателей и людей, относящихся съ глубокимъ интересомъ къ разнообразнымъ проблемамъ общественной жизни,—для насъ знать все это куда важнѣе, чѣмъ, напр., то, какого рода орѳографическія ошибки дѣлалъ И. А. Крыловъ, или какъ онъ перечеркивалъ въ своихъ произведеніяхъ одно слово и замѣнялъ его другимъ... (Докладъ В. Каллаша «Рукописи И. А. Крылова», стр. 130—166). Въ ряду засѣданій общества обращаетъ на себя вниманіе то, которое было посвящено чтенію и обсужденію двухъ рефератовъ В. В. Сытина: «Школьная взаимопомощь въ Бельгіи» и «Школьныя сберегательныя кассы, вводимыя въ Россіи въ 1902 г.». Положеніями автора и преніями установлено, «что принципъ взаимопомощи и принципъ сбереженія взаимно исключаютъ другъ друга: въ первомъ случаѣ мы ручаемся за участь каждаго, во второмъ же случаѣ человѣкъ вовсе не обязанъ приходить на помощь другому. Принципъ сбереженія не нарушаетъ принципа современнаго общества: «homo homini lupus». Общество отнеслось сочувственно къ мысли о введеніи и у насъ школьныхъ обществъ взаимопомощи, потому что они развиваютъ въ ребенкѣ гражданскіе интересы и любовь къ ближнему; а учрежденіе школьныхъ сберегательныхъ кассъ было признано нежелательнымъ, какъ противорѣчащее задачамъ школьнаго воспитанія.

Изъ докладовъ, цѣликомъ напечатанныхъ во II т. «Трудовъ», наибольшій интересъ возбуждаетъ докладъ И. Казанскаго—«Литературныя чтенія и бесѣды въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднія 20 лѣтъ». Правда, онъ не даетъ возможности опредѣлить степень распространенности литературныхъ чтеній и бесѣдъ и не говоритъ, развивается это дѣло, или находится въ одномъ положеніи, или падаетъ. Изъ преній въ засѣданіи, когда докладъ читался, видно, что отдѣленіе преподаванія русскаго языка и словесности предполагаетъ собрать матеріалъ, относящійся къ чтеніямъ и бесѣдамъ въ среднихъ школахъ, за весь XIX в., и только тогда, повидимому, разсчитываетъ дать опредѣленные отвѣты на только что поставленные вопросы. Съ академической точки зрѣнія такой вѣковой матеріалъ, конечно, имѣетъ большую цѣнность, но для практическихъ цѣлей,—а ими, преимущественно ими, по нашему мнѣнію, педагогическое общество должно задаваться въ то время, когда реформа воспитанія и, главнымъ образомъ, постановка общественно-нравственнаго воспитанія назрѣла до очевидности, стала однимъ изъ больныхъ мѣстъ современности,—для практическихъ цѣлей было бы совершенно достаточно собрать возможно полный матеріалъ о развитіи дѣла внѣклассныхъ чтеній и бесѣдъ за послѣднее двадцатилѣтіе. До сихъ поръ этотъ матеріалъ очень скуденъ: на 1.000 запросовъ общество получило отвѣты только изъ 70 учебныхъ заведеній, изъ ко-

торыхъ въ 12 не велось и не ведется никакихъ чтеній, никакихъ бесѣдъ, въ 35—бесѣды или велись, или ведутся, а въ 44—онѣ замѣняются или пополняются чтеніями, лекціями, литературными и музыкально-литературными вечерами и утрами, спектаклями и пр. Но и изъ такого небольшого матеріала можно сдѣлать выводъ, что внѣклассныя бесѣды несомнѣнно очень полезны въ смыслѣ расширенія кругозора учащихся, пріобрѣтенія ими умѣнья и привычки мыслить, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, во-первыхъ, находится преподаватель, умѣющій, руководя бесѣдами, предоставлять полный просторъ высказыванію мнѣній, умѣющій заставить почувствовать въ руководителѣ не учителя, а лишь болѣе развитого товарища; когда, во-вторыхъ, «начальство» учебнаго заведенія стушевывается, и бесѣды освобождаются «отъ всякихъ стѣснительныхъ указокъ». Въ противномъ случаѣ—ученики «удираютъ», ихъ не могутъ заманить ни «чаемъ», ни «пирожками»... Значительное препятствіе распространенію внѣклассныхъ бесѣдъ и чтеній составляетъ обиліе работы у преподавателей и учащихся. Поэтому, ожидать правильной постановки и широкаго развитія крайне живого дѣла организаціи внѣклассныхъ планомѣрныхъ, но чуждыхъ всякаго стѣсненія мысли, бесѣдъ нельзя до тѣхъ поръ, пока программы среднихъ учебныхъ заведеній не будутъ реформированы, въ смыслѣ большаго соотвѣтствія съ силами растущаго организма, съ требованіями соціально-нравственнаго воспитанія и запросами жизни вообще. Однако, при всей ограниченности примѣненія бесѣдъ, это—все же одно изъ средствъ будить и поддерживать въ настоящее время живую мысль тамъ, гдѣ мертвечина и рутина сдѣлали изъ средней школы арену борьбы двухъ враждебныхъ лагерей—воспитателей и воспитываемыхъ, гдѣ такъ часто нѣтъ мѣста самодѣятельности учащихся. Остается желать, чтобы московское педагогическое общество изыскало пути добыть какъ можно больше свѣдѣній о всѣхъ внѣклассныхъ бесѣдахъ, ведущихся при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и за границей; публикуя эти свѣдѣнія и составляя сборники темъ, наиболѣе подходящихъ для бесѣдъ, оно могло бы оказать серьезную помощь этому полезному дѣлу. *Л. Л—о.*

Прив.-доц. Т. Локоть. Классицизмъ и реализмъ (основные вопросы реформируемой школы). 68 стр. Цѣна 40 коп. Москва. Въ этой брошюрѣ приватъ-доцентъ Локоть высказываетъ и краснорѣчиво защищаетъ нѣкоторыя весьма правильныя мысли по поводу нашей средней школы и ея пресловутой «реформы».

Такъ, напримѣръ, врядъ ли кто станетъ спорить противъ такого положенія автора: «въ жизни школы важны не только ея содержаніе, но и ея форма, ея характеръ, ея духъ. Выставляя это положеніе, мы должны быть однако весьма далеки отъ полной безразличности въ вопросѣ о «содержаніи» школы: совсѣмъ не все равно, чѣмъ наполнить школу, на изученіе чего тратить молодыя силы питомцевъ».

Безспорная, святая истина. Съ нею согласятся, безъ всякаго сомнѣнія, и классики, и реалисты.

Менѣе безспорно, но вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ передовой части и западно-европейскаго, и нашего общества утвержденіе автора, что низшая и средная школа должны носить «идеалистическій», какъ выражается авторъ, иначе общеобразовательный, а не утилитарный характеръ. «Для всѣхъ слоевъ общества, не исключая и ремесленныхъ,—говоритъ приватъ-доцентъ Локоть,—выгоднѣе, чтобы школа имѣла общеобразовательный характеръ; чтобы она создавала умственную силу (?) своихъ питомцевъ; чтобы она давала имъ въ руки общія, сильныя духовные средства для приспособленія къ любымъ условіямъ дальнѣйшей практической жизни, а не готовила ихъ только къ опредѣленнымъ, отдѣльнымъ ея условіямъ» (стр. 20).

Все это является общепризнаннымъ для той части русскаго общества, которую мы привыкли называть передовою,—но въ то же время все это не мѣшаетъ другому, фактически болѣе сильному, теченію имѣть совершенно противоположную тенденцію и постепенно придавать нашей школѣ сугубо тенденціозной и утилитарной характеръ.

Такъ же безспорно для насъ и другое требованіе, предъявляемое авторомъ къ ожидаемой имъ реформѣ средней школы: введеніе въ эту школу естествознанія, не маниловскаго кайгородовскаго типа, а систематическаго демонстративнаго преподаванія естественныхъ наукъ, «цѣлью котораго должно являться дѣйствительное усвоеніе въ томъ или другомъ опредѣленномъ объемѣ основныхъ элементарныхъ свѣдѣній о природѣ, неизбѣжно сопровождающееся развитіемъ строго реальнаго, отчетливаго метода мышленія, наблюдательности, самостоятельности и извѣстной широты обобщеній при изученіи интересующихъ умъ учащагося вопросовъ и явленій» (стр. 60).

Нашу личную точку зрѣнія на этотъ вопросъ мы уже излагали на страницахъ «Міра Божія» два года тому назадъ *) и потому останавливаться здѣсь мы не будемъ, а напомнимъ только основной нашъ выводъ: «И преподаваніе, и воспитаніе въ идеалѣ должны стремиться къ одному: къ наиболѣе полному развитію личности, къ наиболѣе полному сліянію ея съ человѣчествомъ... Передать ученику всю совокупность знанія немыслимо не только въ школѣ, но и въ университетѣ, и не къ недостижимой полнотѣ должно стремиться преподаваніе естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ. Нужно ознакомить юношу только съ главными чертами работы человѣчества, нужно научить его искать при помощи наблюденія, опыта и сравненія отвѣтовъ на возникающіе въ немъ запросы мысли въ *наукѣ*, нужно поддержать въ немъ жажду знанія и развить потребность въ самообразованіи. Бо́льшаго нельзя и требовать отъ естествознанія въ средней школѣ».

Не мы также, конечно, будемъ возражать приватъ-доценту Локтю на его предложеніе замѣнить древніе языки новыми и знакомить учениковъ высшихъ классовъ средней школы съ данными сравнительнаго языкознанія, но требованіе автора исключить изъ преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ гуманитарныя науки (исторія, исторія литературы, философія и т. п.) намъ кажется недостаточно ясно выраженнымъ. Авторъ желаетъ, чтобы не было обязательнаго зубренія учебниковъ по этимъ предметамъ; но развѣ это желательно въ математикѣ или естествознаніи? По нашему мнѣнію, вообще изъ всякаго преподаванія какой бы то ни было науки или вообще предмета нужно исключить *обязательность*. Ученье должно быть свободнымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

«Пусть учащіеся,—говоритъ прив.-доц. Локоть,—какъ можно больше читаютъ, разсуждаютъ—при участіи и тактичномъ руководствѣ своихъ воспитателей--на какія угодно гуманитарныя темы, но пусть они знаютъ, что это ихъ собственный умственный интересъ, но не обязательное формальное требованіе школы». По нашему же мнѣнію, такія «обязательныя формальныя требованія» совершенно недопустимы въ идеальномъ преподаваніи какого бы то ни было предмета.

Также вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе совершенное отрицаніе авторомъ такъ называемыхъ «сочиненій». Конечно, эти сочиненія нелѣпость въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ практикуютъ въ большинствѣ случаевъ наши гимназіи, реальныя училища и институты, задавая дѣтямъ и юношамъ штампованныя темы, въ родѣ: «любовь къ отечеству и народная гордость», «чувству или уму долженъ подчиняться человѣкъ», «значеніе Лермонтова въ русской лите-

---

*) „М. Б." 1902 г., мартъ.

ратурѣ» и т. д, и т. д., но учить дѣтей излагать свои и чужія мысли все же необходимо, и при нормальной постановкѣ дѣла они будутъ заниматься этимъ съ охотой и безъ всякаго принужденія.

Но все это нѣкоторымъ образомъ частности, въ общемъ же привать-доцентъ Локоть высказываетъ благія, полезныя и довольно распространенныя въ нашемъ обществѣ мысли, и мы бы не останавливались на этой брошюрѣ, если бы насъ не поразилъ ея наивный оптимизъ, ея какой-то ликующій тонъ. Авторъ серьезно вѣритъ въ «реформу» нашего учебнаго дѣла, онъ убѣжденъ, что наша средняя образовательная школа дѣйствительно «переживаетъ періодъ переустройства, періодъ реформы основныхъ своихъ устоевъ».

Приватъ-доцентъ Локоть находитъ, что у насъ настал momentъ, когда «жизнь самымъ настойчивымъ образомъ требуетъ переустройства школы». Но неужели 30, 40 лѣтъ тому назадъ «жизнь» не требовала того же, а мы получили систему графа Толстого?

Приватъ-доцентъ Локоть говоритъ: «И если нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на организаціи всѣхъ общественныхъ учрежденій отражается общій характеръ общественной жизни въ данный историческій моментъ, что ходъ жизни отдѣльныхъ общественныхъ учрежденій зависитъ не только отъ ея собственной организаціи, но и отъ болѣе широкихъ причинъ общественнаго характера, тѣмъ не менѣе никто не станетъ отрицать и важности собственной организаціи общественныхъ учрежденій. Организація этихъ учрежденій несомнѣнно можетъ — въ большей или меньшей степени—освобождаться отъ давленія господствующихъ общихъ условій времени, можетъ опережать ихъ, можетъ, слѣдовательно, являться въ свою очередь самостоятельнымъ активнымъ факторомъ въ культурномъ прогрессѣ общества» (стр. 4).

Съ одной стороны, нельзя не сознаться, съ другой—надо признаться... Необыкновенная политичность, удивительный языкъ! И все ни къ чему, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, авторъ могъ быть откровеннѣе и попросту сказать, что русская школа—созданіе русскаго правительствр, и всѣ «реформы» въ ней производились правительствомъ, но иногда, согласно утвержденію приватъ-доцента Локотя, русская школа освобождалась отъ опеки правительства и, такъ сказать, оперзжала эволюцію взглядовъ послѣдняго.

Но, Боже мой, когда же это было?

Самъ же г. Локоть со словъ г. Голикова разсказываетъ судьбу естествознанія въ средней школѣ, какъ оно туда вводилось министерскими предписаніями и ими же извергалось. Какая ужъ тутъ эволюція и «освобожденіе отъ давленія господствующихъ общихъ условій»!

Въ цитированной уже нами выше статьѣ мы 1½ года тому назадъ писали: «Средняя же школа представляла съ давнихъ поръ предметъ особыхъ заботъ нашего правительства и потому тѣ реформы, которыя пришлось претерпѣть этой школѣ въ Россіи, непосредственно зависѣли отъ измѣненія взглядовъ правительства на образованіе и воспитаніе россійскаго юношества. Конечно, эти измѣненія имѣли нѣкоторую связь съ общественной жизнью; иногда даже перемѣна лицъ, завѣдующихъ просвѣщеніемъ, происходила не безъ вліянія того неопредѣленнаго нѣчто, что у насъ называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Но никогда нельзя было предвидѣть, какой результатъ получится при этомъ. Трудно угадать, какъ отразятся запросы жизни въ мозгу, часто совершенно чуждомъ этимъ запросамъ. Поэтому въ исторіи русской средней школы нельзя подмѣтить и намека на какую-либо закономѣрность». И на примѣрѣ естествознанія это виднѣе, чѣмъ на чемъ-либо другомъ: его снова упразднили въ средней школѣ, и на этотъ разъ окончательно, въ 1871 г.,—тогда слѣдовательно, когда интересъ къ естественнымъ наукамъ въ русскомъ обществѣ достигъ своего апогея.

Нѣтъ, «реформы» русской средней школы никогда не «освобождались отъ давленія господствующихъ общихъ условій», и тотъ развалъ, въ которомъ находится эта школа въ настоящее время, нельзя назвать «періодомъ реформы», и тѣмъ болѣе нельзя пѣть торжествующихъ гимновъ и окрыляться преждевременными надеждами. *В. Агафоновъ.*

Програмы чтенія для самообразованія. Четвертое, вновь переработанное и значительно дополненное, изданіе. Спб. 1904 г. in. 8-vo. Стр. IV + 288. Ц. 40 коп. «Идеаломъ общаго образованія, читаемъ въ «*энциклопедической программѣ*» (стр. 9—76) настоящаго сборника, является усвоеніе всѣхъ основныхъ данныхъ и главнѣйшихъ выводовъ современнаго научнаго знанія». «Общій интересъ къ знанію,—говорить та же програма,—всегда проявляется въ видѣ особаго въ каждую данную минуту интереса къ тѣмъ или другимъ вопросамъ; здѣсь все зависитъ отъ индивидуальности читателя, и важно только, чтобы читатель, стремящійся дѣйствительно къ общему образованію, усвоилъ наиболѣе существенное всѣхъ главныхъ наукъ, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, лишь бы послѣдній не находился въ явномъ противорѣчіи съ здравымъ смысломъ». Руководители говорятъ затѣмъ, что ихъ энциклопедическая програма составилась «изъ частныхъ програмъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ», и поэтому «не можетъ отличаться совершенною стройностью». Въ началѣ програмы поставлена философія, ибо она охватываетъ собою «важнѣйшія проблемы бытія и мышленія», а вслѣдъ за нею съ нѣкоторыми отступленіями сохраняется порядокъ знаменитой классификаціи наукъ Огюста Конта. Такимъ образомъ энциклопедическая програма разбираемаго сборника заключаетъ въ себѣ указанія и списки книгъ по отдѣльнымъ предметамъ въ такомъ порядкѣ: философія, физика, химія, астрономія, исторія земли, ботаника и зоологія, анатомія и физіологія животныхъ, антропологія, соціологія, юриспруденція, политическая экономія, всеобщая исторія, русская исторія, всеобщая исторія литературы, русская литература, малорусская литература. По тѣмъ же предметамъ и почти въ такомъ же порядкѣ даны указанія и списки книгъ по «*спеціальнымъ програмамъ*» (стр. 77 — 272); въ качествѣ новыхъ не имѣющихся въ энциклопедической програмѣ рубрикъ здѣсь вставлены языкознаніе, теорія литературы, теорія и исторія искусствъ. Сами составители предназначаютъ свою энциклопедическую програму для читателей съ образованіемъ *не* ниже средняго и затрудняются сказать, сколько потребовалось бы времени на полное ея усвоеніе. Спеціальныя програмы повторяютъ въ расширенномъ масштабѣ энциклопедическую, и думается, что имѣютъ въ виду преимущественно лицъ, окончившихъ высшую школу. Довольно механическое пониманіе энциклопедической програмы, довольно узкій кругъ лицъ, на которыхъ разсчитаны спеціальныя програмы, составляютъ главное достоинство и вмѣстѣ недостатокъ сборника, изданнаго с.-петербургскимъ особымъ отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Для своего обслуживанія отдѣлъ отмежевалъ себѣ представителя средней интеллигенціи, по преимуществу учащихся въ высшей школѣ, которымъ недостаетъ за крайнимъ формализмомъ и элементарностью нашихъ академическихъ порядковъ надлежащаго научнаго руководства. Что сборникъ названнаго отдѣла нашелъ себѣ читателя и притомъ опредѣленнаго и постояннаго, явствуетъ изъ факта послѣдовательныхъ его переработокъ и переизданій. Новое изданіе, только что вышедшее въ свѣтъ, представляется наиболѣе полно разработаннымъ. Нельзя отрицать того, что чѣмъ расточительнѣе составители сборника въ своихъ указаніяхъ на литературу, тѣмъ скупѣе въ руководствѣ читателемъ по существу, сильно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ порядка, установившагося въ московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. Послѣдняя не рискнула

выкинуть изъ своихъ программъ домашняго чтенія на четыре года систематическаго курса математики, тогда какъ петербургскій отдѣлъ комитета педагогическаго музея прямо заявилъ, что въ его «программѣ математика отсутствуетъ, такъ какъ принято, что среднеучебнаго курса этой науки совершенно достаточно для цѣлей общаго образованія». Съ этимъ замѣчаніемъ вполнѣ можно согласиться въ отношеніи программы энциклопедической, но никакъ не въ отношеніи спеціальныхъ программъ. Въ спеціальной программѣ по физикѣ (на стр. 86—88) справедливо замѣчено: «основательное изученіе физики требуетъ солидной математической подготовки и пользованія физическою лабораторіей; безъ математики и, въ особенности, безъ непосредственнаго ознакомленія съ физическими явленіями путемъ наблюденій совершенно невозможно занятіе предметомъ физики». Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ мы ожидали бы встрѣтить въ сборникѣ и программу по математикѣ, и списки простѣйшихъ предметовъ для элементарной физической лабораторіи. Ни того, ни другого, однако, нѣтъ. Вѣроятно, математика исключена не по принципіальнымъ соображеніямъ, а случайно: просто не подвернулось лица, которое съ охотой взялось бы за составленіе программы. Вообще, такія коллективныя предпріятія, какъ разбираемый сборникъ, сопряжены въ Россіи съ чрезвычайными трудностями: добиваться исполненія работъ обыкновенно надо чуть ли не по системѣ кулачнаго права. Вначалѣ очень пылко принимаются за дѣло, очень быстро затѣмъ охладѣваютъ и предпріятіе выносятъ на своихъ плечахъ два, три энергичныхъ и настойчивыхъ человѣка. Критикѣ поэтому надо быть осторожнѣе и, быть можетъ, нѣсколько снисходительнѣе въ своихъ отзывахъ. Субъективизмъ воззрѣній отразился и на подборѣ рекомендуемыхъ книгъ, тамъ и сямъ есть пропуски или нѣкоторыя излишества. Съ чрезвычайной старательностью составлена въ сборникѣ программа по соціологіи (стр. 128—143), которая, тѣмъ не менѣе, могла бы дать поводъ ко многимъ разговорамъ... Мы можемъ закончить нашъ отзывъ усердной рекомендаціей «программъ чтенія для самообразованія», пользованіе которыми съ извѣстною осмотрительностью представляется намъ высоко полезнымъ. *В. Сторожевъ.*

Л. Б. Хавкина. Библіотеки, ихъ организація и техника. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904 г. Стр. VIII + 376. Съ 32 рисунками и 40 таблицами. Ц. 3 р. Книга г-жи Хавкиной — подробнѣйшая энциклопедія библіотечнаго дѣла. Послѣ историческаго очерка и описанія самыхъ значительныхъ изъ современныхъ библіотекъ, авторъ во II-й главѣ даетъ свѣдѣнія о теоретическомъ и практическомъ библіотековѣдѣніи и переходитъ къ вопросамъ организаціи и техникѣ веденія библіотечнаго дѣла: говоритъ о библіотечныхъ школахъ и съѣздахъ, о зданіяхъ для библіотекъ и мебели, о классификаціи и нумераціи книгъ, о пользованіи книгами въ читальнѣ и выдачѣ ихъ на домъ; послѣдняя, VIII глава заключаетъ въ себѣ цѣнныя извлеченія изъ правилъ и законоположеній о библіотекахъ, формы прошенія и уставы различныхъ типовъ библіотекъ. Наконецъ, въ концѣ книги приложенъ подробный алфавитный указатель. Изъ всѣхъ главъ книги наибольшій общій интересъ представляетъ собой первая; изъ нея мы узнаемъ, напр., что въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1900 году числилось пятьдесятъ четыре милліона книгъ на 9.261 библіотеку; въ Россіи же библіотекъ «свыше тысячи» (не считая частныхъ); узнаемъ, что въ Бостонѣ на 560 тысячъ жителей имѣется 72.815 подписчиковъ въ библіотекахъ; слѣдовательно, изъ каждыхъ восьми человѣкъ одинъ состоитъ подписчикомъ библіотеки. Узнаемъ, далѣе, что въ штатѣ Масачусетсъ съ 1890 года имѣется особая коммиссія, завѣдующая устройствомъ библіотекъ на счетъ штата; достаточно любой общинѣ просто заявить коммиссіи: «такой-то городъ или такая-то деревня не имѣетъ библіотеки», и библіотека устраивается. Къ десятому году существованія коммиссіи, въ

1900 году изъ 349 общинъ штата только 7 не имѣли библіотекъ, и то изъ этихъ семи наибольшая насчитываетъ 3.016 душъ населенія, а всѣ вмѣстѣ—около 11.000, что составляетъ 0,5% населенія всего штата. *Л. В.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

И. Ивановичъ. „Борцы и мученики за свободу Болгаріи"

И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. М. 1904 г. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Цѣна 60 коп. Стр. 152. Исторія освободительнаго движенія въ Болгаріи, завершившагося образованіемъ конституціоннаго болгарскаго княжества, слишкомъ мало извѣстна русскимъ читателямъ. Несмотря на то, что кровавая драма 1876—1878 гг. разыгралась въ близкой къ намъ странѣ, почти на глазахъ русскаго общества, съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствовавшаго геройскихъ борцовъ противъ турецкаго ига, и привела къ завѣтной цѣли благодаря вооруженной помощи братской Россіи,—несмотря на все это, для большинства русскихъ читателей данный историческій моментъ представляется въ слишкомъ смутныхъ очертаніяхъ. Въ особенности относится это къ исторіи собственно болгарскаго движенія и самоотверженной дѣятельности болгарскихъ патріотовъ-мучениковъ, задолго до войны 1877—1878 гг. подготовлявшихъ родной народъ къ дружному возстанію противъ турокъ и цѣною неимовѣрныхъ усилій создавшихъ благодатную почву для возрожденія свободной Болгаріи. Къ сожалѣнію, наша литература по данному вопросу крайне бѣдна и, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ журнальныхъ статей, частью уже устарѣвшихъ, до послѣдняго времени нечего было рекомендовать вниманію лицъ, которыя пожелали бы познакомиться въ научно-популярной обработкѣ съ исторіей болгарскаго освободительнаго движенія. Много тутъ повредила и печальная пора натянутыхъ отношеній между Россіей и Болгаріей въ концѣ 80-хъ годовъ (при стамбуловскомъ режимѣ), вызвавшая въ русскомъ обществѣ охлажденіе къ болгарамъ; но теперь, когда такая отчужденность миновала и вниманіе русскаго общества и всего цивилизованнаго міра вновь привлекаетъ къ себѣ тотъ же Балканскій полуостровъ,—этотъ замѣтный пробѣлъ въ нашей популярной исторической литературѣ является еще ощутительнѣе.

Вотъ почему особенно пріятно отмѣтить недавно вышедшую въ свѣтъ прекрасную книжку г. Ивановича: «Борцы и мученики за свободу Болгаріи», въ значительной мѣрѣ восполняющую указанный пробѣлъ. Эта книжка получаетъ тѣмъ большую цѣнность, что составлена по болгарскимъ источникамъ—сочиненіямъ одного изъ видныхъ участниковъ болгарскаго движенія, Захарія Стоянова—и обнаруживаетъ близкое знакомство автора съ предметомъ.

Книга г. Ивановича состоитъ изъ 6 очерковъ. Въ первомъ авторъ даетъ живую и яркую картину тяжелыхъ страданій болгарскаго народа подъ турецкимъ ярмомъ и вызываемаго имъ активнаго протеста, сначала безъ опредѣленной программы и стремленія къ освобожденію родины,—въ видѣ такъ называемаго *гайдучества*, т.-е. разбойничества. Но, какъ видно изъ очерка г. Ивановича, «гайдукъ (хайдутинъ) вовсе не былъ простымъ хищникомъ, заурядньмъ героемъ большихъ дорогъ», и «вовсе не одни хищническіе инстинкты толкали людей въ гайдучество, а также и мотивы высшаго порядка, чаще всего—месть угнетателямъ-туркамъ» (стр. 6). Словно живая, встаетъ передъ читателемъ мастерски обрисованная авторомъ фигура этого мстителя порабощенной Болгаріи, смѣлаго предтечи ея будущихъ революціонеровъ-освободителей.

Но такое переходное состояніе долго длиться не могло, показались проблески національнаго возрожденія, стало зарождаться и расти народное самосознаніе. Г. Ивановичъ посвящаетъ этому нѣсколько яркихъ, прочувствованныхъ страницъ, подчеркивая громадную роль, какую для болгаръ играла «заграница», въ особенности «святая» для нихъ Румынія, въ подготовкѣ окончательнаго возстанія (стр. 20). Тутъ же авторъ рисуетъ въ главныхъ чертахъ дѣятельность партіи возстанія и его «центральнаго комитета», опровергая при этомъ довольно распространенный взглядъ (принятый даже извѣстнымъ историкомъ Иречекомъ). что дѣломъ возстанія управлялъ такъ называемый «бухарестскій комитетъ» (въ Румыніи): на основаніи не допускающаго сомнѣній свидѣтельства Захарія Стоянова, близко стоявшаго къ этому дѣлу, авторъ убѣдительно доказываетъ, что бухарестскій комитетъ скорѣе тормозилъ всѣ начинанія и вредилъ имъ (стр. 21 и сл.). Мѣстопребываніе же настоящаго «центральнаго» комитета такъ и не было открыто: такъ умѣло онъ скрывалъ свои слѣды. Г. Ивановичъ приводитъ любопытный, но мало извѣстный документъ—«Программу на Българскиятъ революционни централни комитетъ», основанную на принципахъ самой широкой свободы и терпимости. Въ ней особенно стоитъ отмѣтить три пункта. Выставивъ своею цѣлью созданіе независимой Болгаріи, управляемой по законамъ свободной страны, комитетъ намѣчаетъ еще болѣе широкую задачу—образованіе свободной федераціи славянъ Балканскаго полуострова (вмѣстѣ съ румынами). При этомъ (говорится въ программѣ) «тѣ земли, которыя заселены румынами, сербами, черногорцами и греками, должны управляться сообразно съ характеромъ каждаго изъ этихъ народовъ». Въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ «мы *предоставляемъ самому народу рѣшить его судьбу* *) и заявить, къ какому отдѣлу союза онъ желаетъ присоединиться—къ сербскому, болгарскому и т. д., а слѣдовательно, *намъ теперь незачѣмъ и поднимать вопросовъ о границахъ*». Этого мудраго взгляда не мѣшало бы держаться и современнымъ Болгаріи и Сербіи, поднимающимъ ожесточенный споръ о томъ, кто изъ нихъ имѣетъ больше историческихъ правъ на несчастную Македонію. Благородной терпимостью и уваженіемъ къ чужой, даже враждебной, національности проникнутъ и слѣдующій пунктъ программы: «Мы возстаемъ не противъ турокъ, а противъ турецкаго правительства... За своихъ друзей мы считаемъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ нашему священному и честному дѣлу, *къ какой бы вѣрѣ и народности* они не принадлежали» (стр. 26 и сл.).

Слѣдующіе очерки посвящены памяти наиболѣе видныхъ борцовъ за свободу Болгаріи. Рѣдкой теплотою и живостью дышатъ страницы, повѣствующія объ удивительно смѣлыхъ экспедиціяхъ повстанческихъ «четъ», первыхъ піонеровъ сознательной борьбы за свободу родины—Филиппа Тотю, Хаджи Димитра и Стефана Караджи; слабы онѣ числомъ и гибнутъ въ неравномъ бою, но сильны духомъ чистаго, самоотверженнаго патріотизма и вѣрой въ окончательное торжество своего дѣла: что-то богатырское чувствуется въ этой борьбѣ горсти патріотовъ-храбрецовъ («комитъ») съ турецкими полчищами!.. (стр. 31—84). Вожди «комитъ» и ихъ славные сподвижники погибли, такъ и не увидѣвъ освобожденной Болгаріи, но ихъ борьба не прошла безслѣдно. «Болгарскому народу поданъ былъ великій примѣръ,—говоритъ г. Ивановичъ,—указанъ былъ путь, по которому онъ долженъ былъ итти и по которому онъ дѣйствительно пошелъ»... (стр. 44).

Быстро подготовлялась почва для массовой, организованной и планомѣрной борьбы съ турками, главными вдохновителями которой были діаконъ Василій Левскій и талантливый болгарскій писатель Любенъ Каравеловъ. Этимъ вели-

---

*) Курсивъ нашъ.

кимъ патріотамъ и посвящены два послѣднихъ очерка въ книгѣ г. Ивановича. Авторъ отмѣчаетъ, что «отдавая Россіи полную дань справедливости за тѣ великія усилія и жертвы, какія она понесла ради свободы братскаго народа, мы не должны забывать и того важнаго обстоятельства, что починъ освободительной борьбы былъ сдѣланъ не русскими, а *самими болгарами*, что объявленіе со стороны Россіи войны туркамъ послѣдовало тогда, когда вся Болгарія объята уже была пламенемъ возстанія...» (стр. 104). Эту-то отчаянную борьбу и организовали такія личности, какъ Левскій и Каравеловъ. Стоитъ прочесть яркій очеркъ г. Ивановича, чтобы понять, сколько неимовѣрныхъ усилій употребилъ до самой своей мученической кончины этотъ незабвенный діаконъ на то, чтобы создать умѣлую пропаганду на своей родинѣ, переполненной турецкими войсками и шпіонами, покрыть ее сѣтью стройныхъ организацій и комитетовъ и т. п. Какой-то эпической простотой, но вмѣстѣ съ тѣмъ духовной мощью, свѣжестью и цѣльностью вѣетъ отъ всей его богатырской фигуры. Очеркъ дѣятельности діакона Левскаго—на нашъ взглядъ лучшія страницы во всей книжкѣ. Крупной фигурой является также Любенъ Каравеловъ (братъ извѣстнаго дѣятеля освобожденной Болгаріи—Петко Каравелова), но въ другомъ родѣ. Правда, онъ былъ дѣятелемъ почти исключительно кабинетнымъ, но, по справедливому замѣчанію г. Ивановича, «безъ его газетъ («Свободы» и «Независимости»), обнаруживающихъ замѣчательную талантливость ихъ редактора, безъ его пламенныхъ публицистическихъ статей, страстныхъ воззваній и прокламацій, безъ его патріотическихъ пѣсенъ и беллетристическихъ разсказовъ немного сдѣлали бы даже и такіе люди, какъ Левскій». Прекраснымъ образцомъ его пламенной рѣчи служитъ одно изъ воззваній, приведенное въ книжкѣ г. Ивановича (стр. 122—125). Личность Л. Каравелова очерчена весьма выпукло. Особое мѣсто въ исторіи болгарскаго движенія занимаетъ еще одна крайне оригинальная личность—чуть ли не единственная изъ болгарскихъ женщинъ, принимавшая живое участіе въ дѣлѣ освобожденія,—замѣчательная героиня «баба» (старуха) Тонка, домъ которой былъ главной квартирой и складочнымъ мѣстомъ для дѣятелей возстанія. И авторъ посвящаетъ нѣсколько живо написанныхъ, прочувствованныхъ страницъ характеристикѣ этой «преданной до самоотверженія дѣлу свободу и борцамъ за нее» патріотки.

Какъ видитъ читатель, книжка г. Ивановича весьма содержательна, полна захватывающаго интереса и хорошо знакомитъ съ характеромъ и отдѣльными эпизодами болгарскаго освободительнаго движенія; попутно авторъ касается нѣсколько и современной Болгаріи. Вызываетъ недоумѣніе лишь одно обстоятельство: почему г. Ивановичъ совершенно оставилъ въ сторонѣ крупную личность Захарія Стоянова, который, по его же собственнымъ словамъ, «самъ принималъ живѣйшее участіе въ событіяхъ 70-хъ годовъ» (стр. 5, прим.) и сочиненіями котораго онъ, главнымъ образомъ, и пользуется? У автора на это не находимъ отвѣта. Въ общемъ книга заслуживаетъ полнаго вниманія читающей публики и является прекраснымъ дополненіемъ и иллюстраціей къ хорошо знакомой русскимъ читателямъ повѣсти *Ежа* «На разсвѣтѣ». Цѣна книжки невысока (60 коп. за 152 стр.). *В. Д—въ.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

С. Раппопортъ. „Дѣловая Англія“.—*П. Мижуевъ.* „Соціологическіе этюды“.

С. Раппопортъ. Дѣловая Англія. М. 1904 г. Стр. VII+290. Ц. 1 р. Въ «Дѣловой Англіи» авторъ собралъ свои корреспонденціи, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. Нельзя сказать,

чтобы эти очерки отличались богатствомъ содержанія и яркостью картинъ. Разумѣется, въ нихъ есть не мало интереснаго. Но русскіе читатели избалованы заграничными корреспонденціями. Послѣ чрезвычайно содержательныхъ и интересныхъ статей г. Діонео («Очерки современной Англіи», Спб. 1903 г.), статьи г. Раппопорта кажутся блѣдными. У автора нѣтъ ни объединяющей точки зрѣнія, ни широкаго знакомства съ литературой затрагиваемыхъ вопросовъ, ни какихъ-либо спеціальныхъ интересовъ, заставляющихъ ближе присматриваться именно къ тѣмъ, а не къ другимъ сторонамъ жизни. Наиболѣе удачны непритязательные бытовые очерки, въ которыхъ авторъ передаетъ свои личныя наблюденія. Таковы, напр., живыя характеристики англійской деревни (стр. 188—214) и бѣдной лондонской улицы, когда-то видѣвшей лучшія времена, но малу-по-малу превратившейся въ трущобу (стр. 152—187). Своеобразный провинціальный національзмъ Уэльса, угольныя копи южнаго Уэльса, кооперативныя организаціи въ г. Кеттерингѣ тоже описаны по личнымъ наблюденіямъ (статьи: «Въ Южномъ Уэльсѣ» и «Промышленныя республики»). Въ статьѣ: «Англійскіе рабочіе на досугѣ» дается интересный очеркъ разнообразныхъ развлеченій рабочаго класса въ Лондонѣ. Гораздо менѣе удачны тѣ статьи, въ которыхъ авторъ хочетъ доказать извѣстное положеніе или дать свое истолкованіе англійской жизни. Въ первой статьѣ сборника, озаглавленной «Ввозъ и вывозъ», чрезвычайно сбивчиво и наивно трактуются вопросы свободной торговли и протекціонизма. Въ началѣ статьи авторъ заявляетъ: «Въ тотъ моментъ, когда вопросъ о ввозѣ и вывозѣ исчезнетъ въ умахъ народовъ,— исчезнетъ и милитаризмъ, являющійся въ наше время выраженіемъ его»... «Вопросъ о ввозѣ и вывозѣ вызванъ... недоразумѣніемъ и невѣжествомъ, какъ и вопросъ о вѣдьмахъ въ средніе вѣка» (1).

Далѣе, однако, самъ авторъ пытается предложить свое рѣшеніе «вопроса о ввозѣ и вывозѣ» и доказываетъ, съ одной стороны, что международная торговля, ввозъ и вывозъ, играютъ все меньшую роль, а съ другой—что международная торговля все болѣе и болѣе становится средствомъ удовлетворенія народныхъ потребностей, а не только средствомъ наживы капиталистовъ. Какъ примирить эти два какъ будто противорѣчащихъ другъ другу положенія,—остается для него неяснымъ. Не болѣе удачны статьи, въ которыхъ авторъ старается дать апологію торговопромышленной дѣятельности англичанъ («Въ мірѣ купли и продажи») и «колоніальной политики Англіи». Первая изъ этихъ двухъ статей наполнена поверхностнымъ расхваливаніемъ англійскихъ предпринимателей, а вторая столь же поверхностнымъ опроверженіемъ обвиненій противъ Англіи, возбужденныхъ южно-африканской войной. Внѣшность книги—совсѣмъ не изящная. *А. Рыкачевъ.*

П. Г. Мижуевъ. Соціологическіе этюды. (Соединенные Штаты Австраліи.—Личность и государство.—Негры въ Америкѣ.—Причины и слѣдствія бѣдности.—Церковь и соціальный вопросъ въ Америкѣ). Спб. 1904 г. Ц. 2 р. Настоящій сборникъ авторъ назвалъ «соціологичоскими этюдами» повидимому, потому, что содержаніе всѣхъ пяти статей, входящихъ въ этотъ сборникъ есть какъ бы практическая иллюстрація къ тѣмъ закономѣрнымъ общественнымъ явленіямъ, предметъ которыхъ и представляетъ собою задачу соціологіи, какъ науки. При этомъ авторъ выбралъ для своей книги наиболѣе важныя изъ современныхъ соціальныхъ проблемъ и, надо отдать ему справедливость, сдѣлалъ этотъ выборъ весьма удачно. Самая большая статья сборника посвящена такому «высокознаменательному факту въ міровой жизни»,—какъ образованіе Соединенныхъ Штатовъ Австраліи. Это событіе было лишь мимоходомъ отмѣчено въ русской печати, а между тѣмъ оно можетъ имѣть и имѣетъ уже серьезное значеніе для всего англо-саксонскаго міра. Авторъ называетъ «Соединенные Штаты Австраліи»—«Австралійской Республикой» («Australian

Commonwealth»), полагая, что слово «республика» ближе соотвѣтствуетъ смыслу англійскаго выраженія «commonwealth». Да, и на самомъ дѣлѣ, организованная въ Австраліи политическая федерація, несмотря на формально подчиненное отношеніе къ британскому парламенту, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія,—«во всемъ своемъ строѣ представляетъ болѣе систематическое воплощеніе демократическихъ принциповъ, чѣмъ многія республики древняго и новаго міра». Обстоятельства, сопровождавшія созданіе федеральной австралійской конституціи заслуживаютъ, по мнѣнію автора, внимательнаго изученія, такъ какъ они даютъ намъ «въ высшей степени поразительный примѣръ той свободы, съ которою проходитъ общественная жизнь въ самоуправляющихся колоніяхъ Англіи, свободы, представляющей значительный контрастъ тѣмъ принципамъ, которыми сто лѣтъ тому назадъ руководилась въ своей колоніальной политикѣ Англія и которыми въ значительной мѣрѣ продолжаютъ руководиться до сихъ поръ въ своихъ отношеніяхъ къ колоніальнымъ владѣніямъ другіе европейскіе народы». Въ созданіи австралійской конституціи кромѣ цѣлаго ряда выдающихся политическихъ дѣятелей принимала участіе и вся народная масса австралійскихъ колоній и не только пассивно—путемъ выбора представителей на разнаго рода собранія и конвенты, но и активно—путемъ организаціи разныхъ обществъ, ассоціацій, митинговъ и т. п. Эта конституція является наиболѣе смѣлымъ и оригинальнымъ опытомъ творчества въ области политическихъ учрежденій, причемъ опытъ этотъ сдѣланъ самимъ народомъ и поэтому понятно заявленіе Дж. Брайса, что австралійская конституція должна возбудить чрезвычайный интересъ всѣхъ лицъ, занимающихся вопросами государственнаго права. П. Г. Мижуевъ подробно излагаетъ исторію федеративнаго движенія въ Австраліи, начиная съ образованія въ 1885 г. федеральнаго совѣта и кончая описаніемъ преній, происходившихъ по этому вопросу въ англійскомъ парламентѣ.

Изъ остальныхъ статей, составившихъ разсматриваемый нами сборникъ, особый интересъ представляетъ статья: «Церковь и соціальный вопросъ въ Америкѣ». Въ этой статьѣ авторъ знакомитъ съ дѣятельностью американскаго соціально-христіанскаго союза (Social Christian Union), имѣющаго своей задачей какъ теоретическую, такъ и практическую разработку вопросовъ общественной и частной благотворительности, а также разрѣшеніе тѣхъ жгучихъ соціальныхъ проблемъ, которыя, какъ Дамокловъ мечъ висятъ надъ головой современнаго общества. Соціально-христіанскій союзъ въ Америкѣ основанъ группою духовныхъ лицъ англиканской епископальной церкви по образцу такого же англійскаго соціально-христіанскаго союза, съ дѣятельностью котораго эти лица ознакомились во время посѣщенія Англіи. Цѣли союза таковы: 1) настойчиво напоминать о томъ, что ученіе Христа есть верховный законъ, которымъ должны регулироваться практическія жизненныя отношенія, и 2) учиться сообща примѣнять нравственныя истины и принципы христіанского ученія къ рѣшенію соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ нашего времени. Въ настоящее время дѣятельность союза выражается, главнымъ образомъ, въ изданіи двухъ серій брошюръ, выходящихъ разъ въ мѣсяцъ. Первая серія посвящена принципіальнымъ вопросамъ и сюда относятся такія брошюры, какъ напр., «Церковь и соціальные вопросы нашего времени»; «Христіанское ученіе и право собственности»; «Взгляды отцовъ церкви на соціальные вопросы» и т. п. Вторая серія состоитъ изъ изданій, въ которыхъ разсматриваются съ точки зрѣнія христіанскаго ученія ближайшіе практическіе вопросы современной жизни. Въ этой серіи изданы слѣдующія брошюры: «Желѣздорожная стачка въ Чикаго», проф. Эшли; «Третейскій судъ и примирительныя камеры для рѣшенія споровъ, возникшихъ между рабочими и капиталистами», пастора Блисса; «Жилищныя условія бѣднѣйшаго населенія большихъ городовъ», па-

стора Спрага и др. Въ одной изъ брошюръ, выпущенныхъ союзомъ, предлагается программа систематическаго чтенія книгъ по экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Въ эту программу вошли Маршалль, Куннингэмъ, Тойнби, Гобсонъ, Шульце-Геверницъ и др. П. Г. Мижуевъ довольно подробно излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше брошюръ, изъ котораго видно, какое важное мѣсто заняла американская церковь въ разрѣшеніи современныхъ соціальныхъ промблемъ. Не довольствуясь теоретической пропагандой своихъ взглядовъ на соціальный вопросъ, члены союза вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся и практически осуществить тѣ задачи, какія ставитъ имъ современная жизнь, и въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность не менѣе продуктивна. Авторъ знакомитъ насъ съ однимъ изъ такихъ опытовъ, именно съ организаціей трудовой помощи однимъ церковнымъ приходомъ города Нью-Орлеана, а также и съ нѣкоторыми другими мѣропріятіями союза для улучшенія условій жизни рабочаго населенія. Это участіе американскаго духовенства въ рѣшеніи наболѣвшихъ вопросовъ нашего времени въ высокой степени знаменательно. Духовенство въ Америкѣ считаетъ необходимымъ изучать современные экономическіе и соціальные вопросы еще во время студенческихъ занятій въ духовныхъ академіяхъ и на богословскихъ факультетахъ университетовъ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ курсы соціологіи носятъ болѣе или менѣе практическій характеръ и поэтому студентамъ излагаются здѣсь на ряду съ чисто научными данными и разные пріемы и способы борьбы съ общественными язвами. Въ нѣкоторыхъ университетахъ существуетъ даже особая каѳедра—«христіанской соціологіи». Не имѣя возможности въ краткой рецензіи подробно изложить содержаніе остальныхъ статей сборника, мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ г. Мижуева, которая представляетъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно, выдающійся интересъ.

Конст. Диксонъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Куно Фишеръ. „Исторія новой философіи".

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ VIII. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ Н. О. Лосскаго. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Полутомъ I. Спб. 1901 г. Цѣна 3 р. 50 к. Полутомъ II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Изъ всевозможныхъ исторій философіи, наводняющихъ въ настоящее время книжный рынокъ, рѣзко выдѣляется «Исторія новой философіи» Куно Фишера. Между тѣмъ какъ обычно историки философіи удовлетворяются лишь изложеніемъ въ простой хронологической послѣдовательности системъ различныхъ философовъ, при обрисовкѣ же воззрѣній каждаго отдѣльнаго философа довольствуются простымъ внѣшнимъ соединеніемъ ихъ взглядовъ посредствомъ союзовъ «и», «также», «далѣе», «кромѣ того» и под., Куно Фишеръ пытается научно разработать исторію философіи. Онъ пытается понять въ внутренней закономѣрной связи какъ ученія каждаго отдѣльнаго философа, такъ и цѣльныя философскія системы. Съ одной стороны, онъ разсматриваетъ каждую отдѣльную философскую систему не какъ простой конгломератъ разнородныхъ и даже противорѣчивыхъ ученій, а какъ дѣйствительную систему органически связанныхъ между собою воззрѣній, которыя въ концѣ концовъ могутъ быть логически развиты изъ одного основнаго принципа системы. Съ другой стороны, въ самой исторіи философіи онъ видитъ не простое собраніе случайно возникшихъ, не имѣющихъ связи другъ съ другомъ, даже опровергающихся взаимно философскихъ системъ,—но развитіе единой философіи, единой философской мысли, охватывающей въ философскихъ системахъ все съ новыхъ и новыхъ сторонъ міровую истину. Это развитіе философской мысли

совершается закономѣрно. Являясь въ исторіи въ видѣ преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ философскихъ системъ, каждая изъ которыхъ, какъ продуктъ своего времени, ограничена и поэтому схватываетъ лишь одинъ моментъ истины, философская мысль неизбѣжно переходитъ отъ одной системы къ другой. Этотъ переходъ такъ же неизбѣженъ, какъ неизбѣженъ въ сферѣ самой философіи переходъ отъ одного момента опредѣленія истины къ другому, и, слѣдовательно, закономѣрность въ развитіи философской мысли въ исторіи та же, что и закономѣрность движенія мысли въ сферѣ самой философіи. Въ своемъ поступательномъ движеніи въ исторіи философская мысль все полнѣе и полнѣе схватываетъ истину, такъ что позже выступившія на историческую сцену философскія системы болѣе истинны, чѣмъ предшествовавшія имъ, и заключаютъ въ себѣ ихъ принципы, какъ моменты. На этомъ же основаніи послѣдняя философская система, объединяя въ себѣ принципы всѣхъ предшествовавшихъ системъ, и является самою богатою, полною и развитою. Эта послѣдняя философская система и есть, по мнѣнію К. Фишера, система Гегеля, изложенію которой онъ и посвящаетъ нынѣ переведенный на русскій языкъ VIII томъ своей «Исторіи новой философіи». Являясь послѣднимъ звеномъ въ развитіи философской мысли, философія Гегеля вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ послѣднюю ступень того періода философіи, который принято обозначать именемъ «критическая философія». Она представляетъ полное всесторонее развитіе принципа критической философіи, принципа, что источникомъ всякой объективности является самосознаніе, субъектъ, «абсолютная идея», выражаясь словами Гегеля, и что весь объективный міръ, «міръ законовъ», надо понимать, какъ саморазвитіе этого принципа. Ученіе объ этомъ принципѣ въ самомъ себѣ составляетъ въ системѣ Гегеля логику, ученіе объ его саморазвитіи въ мірѣ—философію природы и философію духа.

Мы не будемъ болѣе детально останавливаться на изложеніи Куно Фишеромъ воззрѣній Гегеля, также и на томъ, насколько правильно понялъ онъ основной принципъ системы Гегеля и связь ея съ предшествовавшими философскими системами. Мы изслѣдуемъ лишь, правильно ли понимать каждую философскую систему, въ частности систему Гегеля, какъ связное цѣлое и какъ продуктъ необходимаго строго-логическаго развитія философской мысли, и слѣдовательно, правильно ли считать философію Гегеля послѣднимъ самымъ зрѣлымъ плодомъ философской мысли. Предпосылкою каждой науки служитъ монизмъ, монистическое пониманіе явленій, т.-е. пониманія въ единствѣ какъ каждаго отдѣльнаго изучаемаго явленія, такъ и совокупности всѣхъ явленій. Поэтому, если исторія философіи должна быть особою самостоятельною наукою, то пониманіе философскихъ системъ во внутренней закономѣрной связи не только возможно, но и необходимо. Притомъ эта закономѣрность должна быть тождественна съ закономѣрностью движенія мысли въ сферѣ философіи; послѣднее уже явствуетъ изъ того обстоятельства, что основные принципы философскихъ системъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ моменты, опредѣленія истины, систематическое развитіе которыхъ и даетъ сама философія. Правда, встрѣчается мнѣніе, что исторія философіи не должна быть самостоятельною наукою, и что научное изученіе философскихъ системъ дается соціальною наукою. Однако, соціальная наука въ лучшемъ случаѣ въ состояніи только вскрыть связь той или другой философской системы съ своимъ временемъ, показать необходимость возникновенія данной философіи въ данный моментъ времени; но она не въ силахъ рѣшить, въ какой мѣрѣ истинна данная система, т.-е. какой моментъ истины она схватываетъ, какимъ образомъ она неизбѣжно логически вытекаетъ изъ предыдущей и переходитъ въ слѣдующую философскую систему. Это и должна выполнить самостоятельная наука—исторія философіи.

На основаніи всего сказаннаго мы усиленно рекомендуемъ читателю книгу

К. Фишера. Она поможетъ ему понять Гегеля, или, по крайней мѣрѣ, откроетъ путь къ его пониманію. Она избавитъ его отъ опасности производить рискованные эксперименты съ «становленіемъ Гегеля на голову» и, наконецъ, устранитъ предразсудокъ, такъ сильно препятствующій пониманію Гегеля, предразсудокъ, будто вся послѣкантовская философія не имѣетъ ничего общаго съ Кантомъ.

Значеніе появленія VIII тома «Исторіи новой философіи» нѣсколько умаляется тѣмъ, что еще до сихъ поръ не переведены совсѣмъ на русскій языкъ томы VI и VII—о Фихте и Шеллингѣ, гдѣ какъ разъ и раскрывается связь Гегелевской философіи съ Кантовской и предшествовавшими ей. Небольшое введеніе въ VIII томѣ, предпосланное Куно Фишеромъ изложенію ученія Гегеля, едва-ли въ состояніи устранить этотъ пробѣлъ. Поэтому слѣдуетъ съ нетерпѣніемъ ждать скорѣйшаго появленія указанныхъ томовъ.

Что касается перевода, то его нельзя назвать безукоризненнымъ. Встрѣчаются стиллическія погрѣшности, напр., «Роль приманокъ, необходимыхъ для того, чтобы пробудить желаніе клюнуть, играютъ прекрасное, святое...» (полут. I, стр. 295); или «предаваясь необузданному броженію субстанціи, они надѣются, сокращая самосознаніе и отказываясь отъ разсудка...» (тамъ-же). «Его мышленіе... остается безпорядочнымъ шумомъ колокольнаго звона или теплымъ туманнымъ явленіемъ»... (полут. I; 342 стр.). Такіе-же промахи встрѣчаются и во II полутомѣ: «Смутная необходимость...» (стр. 231); «Противорѣчіе... пылаетъ» (стр. 233); и др. подоб. Не вездѣ также переводчику удалось понять правильно смыслъ подлинника; такъ напр.; на стр. 301 (полут. I). стоитъ: «...Вліяніе такого произведенія на нихъ совершается тихо, не такъ, какъ дѣятельность этихъ мертвыхъ... нужно отличать то медленное дѣйствіе на общество»... — фраза, совершенно не понятная, и искажающая смыслъ оригинала. На стр. 457 (пол. I): «Der Anfang der Logik und der Philosophie überhaupt befindet sich in einem Dilemma...» переведено: «началомъ логики или философіи вообще служитъ дилемма»,.. тогда какъ надо: «при опредѣленіи начала логики и философіи вообще мы наталкиваемся на дилемму»... На стр. 478 (пол. I): «Der zwanzigste Grad, wärme ist ein Grad, aber enthält eine gleich grosse Wärmemenge wie man auch sagt: es sind...» передано: «Двадцатый градусъ... содержитъ одинаково большое скопленіе тепла, и потому мы говоримъ»..., тогда какъ надо: «Двадцатый градусъ... содержитъ такое же количество тепла, какъ двадцать градусовъ, и потому мы говоримъ...» На стр. 492 (пол. I) стоитъ: «Такъ какъ измѣненіе величины есть также..,»; надо же «такъ какъ измѣненіе величины опредѣляетъ также...», ибо въ текстѣ стоитъ: «Da nun die Veränderung der Grösse auch die Veränderung der Beschaffenheit, also diese selbst bestimmt...». Въ полутомѣ II на стр. 217. «Die Eleaten haben den einzelnen Dingen alles wahrhafte Sein abgesprochen und von dessen Gegentheil (Nicht sein)...» передано: «Элейцы отрицали всякое истинное бытіе единичныхъ вещей и о противоположности Ихъ (небытіи) утверждали», нужно же «...о противоположности послѣдняго...» На стр. 218 (полут. II) стоитъ: ...религіозная точка зрѣнія, имѣющая предметомъ сознаніе Бога, какъ абсолютную мощь и...», тогда какъ надо: «...точка зрѣнія, при которой предметомъ сознанія является Богъ, какъ абсолютная мощь и...», ибо въ текстѣ стоитъ: «religiöse Standpunkt, auf welchem Gott als die absolute Macht... Gegenstand des Bewusstseins ist». На той же страницѣ: Gottesbewusstsein переводится: «сознаніе Бога» — двусмысленнымъ выраженіемъ, слѣдовало бы: «сознаніе о Богѣ». Такихъ мѣстъ можно бы указать еще не мало. Наконецъ, не безукоризненно передана также и терминологія. Не соблюдается часто единство термина werden—переводится то становленіе, то возникновеніе (пол. I, стр. 449), хотя тутъ же словомъ «возникновеніе» авторъ переводитъ другой терминъ: «Entste-

hen». Выраженіе «Einheit», какъ категорію количества, авторъ переводитъ то словомъ «единство», то словомъ «единица», (полут. I, стр. 475—476). Здѣсь же Anzahl—совершенно неправильно передается выраженіемъ «опредѣленное число», слѣдовало бы передать словомъ: «множество». Попадаются и другія терминологическія погрѣшности. *N. N.*

ГЕОГРАФІЯ.

„Азія".—*Реклю*. „Исторія горы".

Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 2-ое исправленное и пополненное изданіе. Цѣна 2 рубля. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнерева и К°., Москва. 1904 г. Первое изданіе сборника «Азія»,—такъ же какъ и другіе географическіе сборники, составленные тѣми же преподавателями, а именно: Америка, Европа, Австралія, Азіатская Россія и Европейская Россія,—встрѣчено было съ сочувствіемъ лицами, интересующимися педагогическою литературой, и одобрено различными вѣдомствами, въ которыхъ имѣются учебныя заведенія.

Нельзя не привѣтствовать, поэтому, выхода въ свѣтъ новаго изданія разсматриваемой книги, которое появляется въ значительно дополненномъ и измѣненномъ видѣ сравнительно съ первымъ изданіемъ. «Такъ какъ Азіатской Россіи посвященъ отдѣльный сборникъ,—говорятъ составители въ предисловіи,—то изъ настоящаго сборника исключены всѣ статьи, касающіяся русскихъ владѣній въ Азіи. Далѣе, всѣ остальныя страны Азіи мы старались, по возможности, представить съ желательною полнотой. Поэтому въ настоящее изданіе вошли статьи по Манчжуріи и по нѣкоторымъ частямъ Малайскаго Архипелага, которыя не были затронуты въ первомъ изданіи; значительно дополнены также Японія, собственно Китай, Индія, Азіатская Турція и Персія». Для этой цѣли составителямъ пришлось пользоваться иностранною литературой шире, чѣмъ въ первомъ изданіи. «Наконецъ, многія статьи значительно исправлены, а иныя вовсе замѣнены новыми».

Число иллюстрацій значительно увеличено; многіе изъ рисунковъ перваго изданія замѣнены сравнительно лучшими, при чемъ почти всѣ новыя клише исполнены съ фотографій.

Все это говоритъ, въ общемъ, въ пользу новаго изданія сборника, и мы не сомнѣваемся, что не пройдетъ много времени, когда понадобится и третье изданіе. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ указать на одинъ довольно существенный, по нашему мнѣнію, недостатокъ разсматриваемой книги, котораго слѣдовало бы избѣжать въ будущемъ.

Еще въ предисловіи къ первому изданію составители говорятъ, что они «предпочли дать отрывки изъ путешествій, представляющіе нѣчто цѣлое и самостоятельное, и по возможности воздерживаясь отъ составленія статей по нѣсколькимъ авторамъ или персказывая своими словами, такъ какъ при этомъ теряется оригинальность описанія, и статья не передаетъ вѣрно того, что̀ видѣлъ и чувствовалъ самъ путешественникъ».

Съ такою точкой зрѣнія нельзя не согласиться; но, придерживаясь ея, составителямъ слѣдовало бы называть не только авторовъ избранныхъ ими статей, какъ они и дѣлаютъ это, но также и указывать сочиненія и время изданія ихъ, изъ которыхъ статьи заимствованы. Безъ этихъ указаній выходятъ иногда несообразности, отнюдь нежелательныя въ цѣляхъ Сборника... Приведемъ примѣры:

Въ статьѣ «Корея», на страницѣ 49-ой, читаемъ: «*Въ настоящій моментъ* *) Корея подвластна Китаю, при чемъ зависимость ея выражается только тѣмъ, что она платитъ богдыхану ежегодную дань, а взамѣнъ этого получаетъ отъ него китайскій календарь».

Строки эти, вполнѣ отвѣчавшія истинѣ въ то время, къ которому относится статья автора (взятая,—чего не указано въ «Сборникѣ»,—изъ сочиненія, написаннаго въ 1883 году), совершенно невѣрны теперь, въ 1904 году, такъ какъ въ результатѣ японо-китайской войны Корея въ 1895 году была объявлена независимымъ государствомъ.

Подобнаго же рода анахронизмъ находимъ мы въ разсматриваемой статьѣ и въ слѣдующихъ строкахъ (стран. 51): «Когда же мы съѣхали на пристань (въ Чемульпо), то насъ окружили и смотрѣли, какъ на какихъ-то невиданныхъ заморскихъ звѣрей. Мы терпѣливо стояли на мѣстѣ и давали полную свободу разсматривать себя со всѣхъ сторонъ. Въ дѣлѣ осмотра корейцы очень похожи на нашъ простой народъ: глазамъ не вѣрятъ, до всего нужно дотронуться руками. Матерія, пуговицы, сапоги и въ особенности погоны ихъ странно удивляли». Этого авторъ, конечно, не написалъ бы теперь, такъ какъ болѣе чѣмъ за 20-ти-лѣтній промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, когда статья была написана, портъ Чемульпо, открытый для иностранцевъ въ 1882 году, посѣщается такъ часто и военными и коммерческими судами, что на европейцевъ тамъ давно уже совсѣмъ не смотрятъ, какъ на звѣрей.

Въ другой статьѣ того же автора «Въ корейской столицѣ» описаніе этой послѣдней, вѣрное 20 лѣтъ назадъ, является далеко несогласнымъ съ истиной нынѣ, и для подтвержденія этого достаточно свѣрить его, напримѣръ, съ описаніемъ Сеула, даннымъ въ главѣ 3-ей книги Гамильтона «Корея» **), только что вышедшей въ русскомъ переводѣ...

Совершенно подобныя же замѣчанія можно было бы сдѣлать и относительно другихъ статей «Сборника», но полагаемъ, что и сказаннаго уже достаточно для того, чтобы составители согласились, что рекомендуемыя нами указанія необходимы, какъ во избѣжаніе введенія читателей въ заблужденія и ошибки, такъ и въ огражденіе авторовъ помѣщенныхъ въ «Сборникѣ» статей отъ незаслуженныхъ ими упрековъ въ допущеніи неточностей и невѣрностей.

Н. П. А.

Элизе Реклю. Исторія горы. 2-ое изданіе К. Тихомирова. Переводъ Д. А. Коробчевскаго. М. 1904 г. Ц. 50 к. Въ нашей географической литературѣ для учащихся старшаго возраста и для самообразованія очень рѣдко можно встрѣтить сочиненія, въ которыхъ бы такъ полно и счастливо изящество формы сочеталось съ глубиною и научностью содержанія, какъ въ этой небольшой книгѣ. Она представляетъ собою не результатъ компилятивной работы, а плодъ долговременныхъ и внимательныхъ наблюденій надъ живой природой, и притомъ столь тонкаго и просвѣщеннаго ума, какъ Элизе Реклю. Авторъ начинаетъ съ внѣшняго вида горы или, вѣрнѣе, цѣлой небольшой горной страны (Альпъ швейцарскихъ), даетъ понятіе объ ея элементахъ, камняхъ и кристаллахъ, о происхожденіи горъ, встрѣчающихся въ нихъ ископаемыхъ и переходитъ къ явленіямъ жизни горъ. Въ главѣ VI картинно, образно и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ научно объясненъ вѣчный процессъ разрушенія и возобновленія горныхъ вершинъ. Также прекрасно выяснена роль облаковъ по сосѣдству съ горами. Главы о туманахъ и грозахъ въ горахъ, объ образованіи лавинъ и ихъ дѣйствіи проникнуты высокой поэзіей. Также превосходно выяс-

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Ангьюсъ Гамильтонъ. *Корея.* Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1904.

нена роль ледниковъ въ процессѣ измѣненія земной поверхности. Кромѣ того, авторъ всюду старается показать закономѣрность въ природѣ, ея единство при всемъ внѣшнемъ, видимомъ разнообразіи ея явленій. Поэтично, содержательно и поучительно написаны главы о лѣсѣ и пастбищахъ и о разнообразіи формъ животной жизни въ горахъ. Шесть послѣднихъ главъ книжки посвящены человѣку, обитателю горъ. Въ нихъ говорится о вліяніи горной природы на человѣка, на его психическій складъ, на физическую организацію, на привычки и нравы. Сознаніе общности интересовъ, необходимости взаимнаго содѣйствія и помощи, повышенное чувство личности и любовь къ свободѣ становятся неотъемлемыми качествами горныхъ жителей и лучше всего объясняются общею совокупностью условій занимаемой ими мѣстности. «Поклоненіе горамъ» и «Олимпъ и боги»—главы, посвященныя выясненію связи между религіозными представленіями обитателей извѣстныхъ мѣстностей и находящимися въ нихъ горами. Слѣдуетъ отмѣтить еще одно изъ выдающихся достоинствъ книжки Реклю—ея возвышенное нравственное міропониманіе. Понимая и любя природу, но въ то же время всегда помня, что не человѣкъ существуетъ для природы, а наоборотъ, авторъ ставитъ на первый планъ интересы человѣка, какъ нравственной личности, и потому дорожитъ его гармоническимъ развитіемъ. Говоритъ ли онъ о кретинахъ, о полуразрушенныхъ замкахъ средневѣковыхъ феодаловъ, о поклоненіи горамъ на Востокѣ и въ древней Греціи,—всюду сквозитъ его возвышенное міропониманіе, проникнутое альтруизмомъ и вѣрой въ прогрессъ человѣчества. Реклю справедливо придаетъ огромное воспитательное значеніе правильному чтенію книги природы. «Настоящей школой должна быть свободная природа съ ея прекрасными видами, которыми мы любуемся, законами, которые мы изучаемъ на живыхъ примѣрахъ, а также и съ ея препятствіями, которыя надо выучиться преодолѣвать. Мужественныхъ и чистыхъ сердцемъ людей нельзя образовать въ узкихъ залахъ съ рѣшетчатыми окнами». И лучшей школой для образованія ума и воли молодого поколѣнія авторъ не безъ основанія считаетъ именно горныя мѣстности, гдѣ такъ много разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній и гдѣ такъ удобно раскрывать листы великой книги природы. Книжка самого Реклю является весьма поучительнымъ примѣромъ той любви и того искусства, съ которыми нужно браться за популярныя сочиненія, имѣющія въ виду знакомить читателя съ географическими элементами земной поверхности. Переводъ сдѣланъ очень хорошо, и книжка издана столь удовлетворительно, что немногія корректурныя погрѣшности проходятъ почти незамѣтными. 12 иллюстрацій къ книжкѣ хорошо выбраны и удачно исполнены. Цѣна книжки (140 стр.) не можетъ считаться высокой. *П. Г.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Дешевая иллюстрированная библіотека. Русско-японская война. Изданіе Н. П. Дугинскаго. Ц. каждаго выпуска въ 64 стр. 8 к. Спб. 1904 г. Передъ нами 8 выпусковъ этой библіотеки; въ каждомъ изъ нихъ сначала дается краткій обзоръ событій за одну или двѣ недѣли военныхъ дѣйствій (книжечки начали выходить въ свѣтъ съ половины февраля), а затѣмъ географическій очеркъ; въ первомъ выпускѣ Корея и корейцы, во второмъ—Японія и японцы, въ третьемъ—Манчжурія, въ четвертомъ—Квантунская область (съ картой), въ пятомъ—описаніе пути изъ Россіи въ Портъ-Артуръ, въ шестомъ—современная Японія («Въ странѣ восходящаго солнца»), въ седьмомъ—очеркъ, посвященный описанію флота и военно-морского дѣла, въ восьмомъ—

Уссурійскій край. Первая часть выпусковъ на основаніи правительственныхъ сообщеній даетъ оффиціальныя свѣдѣнія о причинахъ, вызвавшихъ войну, и о послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ; мало отличаясь по языку отъ текста «Правительственнаго Вѣстника», она часто будетъ мало доступна для широкихъ массъ читателей, дать же исторію русско-японской войны, какъ предполагаетъ издатель, не можетъ уже потому, что слишкомъ еще преждевременны такія попытки.

Что касается географическихъ очерковъ, то они написаны гораздо живѣе и проще. Читатель знакомится здѣсь съ географіей описываемой страны, съ ея климатомъ, главнѣйшими занятіями жителей, съ ихъ бытомъ, религіей, образованіемъ и съ главнѣйшими промышленными и торговыми городами. Описанію общественныхъ и политическихъ условій страны удѣлено много меньше вниманія; авторъ, впрочемъ, даетъ всегда краткій очеркъ историческаго прошлаго страны, а въ выпускѣ, посвященномъ современной Японіи, даетъ довольно подробную картину современной общественной и политической жизни Японіи, ея политическаго строя и прогресса страны за послѣднія 40 лѣтъ. Къ сожалѣнію, авторъ при этомъ слишкомъ выдвигаетъ тѣневыя стороны общественной и политической жизни Японіи и дурныя черты характера японцевъ; вслѣдствіе этого у читателя можетъ составиться совершенно ложное представленіе о странѣ и ея народѣ, съ которымъ теперь вступили въ непосредственныя отношенія многія тысячи русскихъ, ушедшихъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Книжечки снабжены массою рисунковъ къ текущимъ военнымъ событіямъ и картинами изъ географіи и бытовой жизни описываемыхъ мѣстностей.

Война Россіи съ Японіей. Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина. I. Что за страна Японія? 2. Изъ-за чего Японія начала войну. Корея. 3. Манчжурія и манчжурцы. 4. Первый морской бой подъ Портъ-Артуромъ. Каждая по 36 стр. Цѣна не обозначена. Москва. Всѣ эти книжки, соединенныя въ одну, съ незначительными добавленіями, составляютъ книгу: **Н. Т. Русско-японская война. Со множествомъ рисунковъ, портретовъ, фотографій и картой Дальняго Востока. 94 стр. Ц. 20 к. Москва.** Первые два очерка о Японіи и Кореѣ составлены очень недурно; въ простомъ и ясномъ изложеніи читатель знакомится съ ихъ географіей, природой, жителями, ихъ главнѣйшими занятіями, религіей и наиболѣе существенными сторонами ихъ общественно-политической жизни. Полнаго безпристрастнаго отношенія къ враждебной намъ теперь странѣ авторъ не сохранилъ и въ этомъ очеркѣ, но здѣсь враждебныя ноты звучатъ не такъ рѣзко и менѣе замѣтны.

Очеркъ о Манчжуріи преимущественно географическаго содержанія, а послѣдняя часть его посвящена описанію переѣзда черезъ Байкалъ и зимней переправы войскъ черезъ это громадное озеро.

Послѣдняя книжка: Первый морской бой подъ Портъ-Артуромъ описываетъ начало военныхъ дѣйствій съ Японіей и даетъ общедоступное изложеніе правительственныхъ сообщеній о первыхъ дняхъ русско-японской войны. Книжечки дешевы (не болѣе 2—3 к. каждая), но изданы небрежно, рисунки очень плохи и неотчетливы. Тѣ же рисунки въ книгѣ «Русско-японская война» гораздо лучше, лучше въ ней и печать, и бумага.

Л. Б. Хавкина. Разсказы о Японіи. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 63 стр. Ц. 15 к. Написанные живо и занимательно разсказы о Японіи г-жи Хавкиной съ интересомъ будутъ прочитаны и мало-подготовленнымъ читателемъ. Помимо географіи, авторъ даетъ въ нихъ краткій историческій очеркъ страны, останавливается довольно подробно на характеристикѣ религіи Шинто и Будды и на вліяніи послѣдней на исторію страны. Описанію быта, жилищъ, одежды и образованія японцевъ посвящена остальная часть книги, въ которой авторъ лишь слегка касается политической и экономической жизни современной Япо-

ніи. Указывая на нужду Японіи въ новыхъ земляхъ для выселенія сильно растущаго населенія и на необходимость въ новыхъ рынкахъ сбыта для ея развивающейся промышленности, авторъ тѣмъ не менѣе не могъ совершенно безпристрастно отнестись къ внезапному нападенію японцевъ на Портъ-Артуръ. Въ остальномъ книжка г-жи Хавкиной, съ недурными рисунками и вообще заботливо изданная, хотя и не даетъ всесторонняго знакомства съ современной Японіей, производитъ хорошее впечатлѣніе.

Что за страна Японія. Е. И. Булгаковой. 47 стр. 5 к. и Какъ живутъ японцы. И. П. Бѣлоконскаго. 59 стр. 8 к. Обѣ—съ небольшой картой Дальняго Востока. Изд. Т-ва «Донская Рѣчь». Ростовъ на Дону. Обѣ книжечки, изданныя Т-вомъ «Донская Рѣчь», составлены очень внимателяно и даютъ довольно полное и распространенное представленіе о современной Японіи и ея историческомъ прошломъ. Переворотъ, создавшій современную Японію, хорошо описанъ въ книжечкѣ г-жи Булгаковой, дающей описаніе не только реформъ, произведенныхъ во внутренней жизни страны, но и тѣхъ соціально-экономическихъ условій, которыми онѣ были вызваны. Въ книжечкѣ г. Бѣлоконскаго дается болѣе подробная картина современной экономической жизни Японіи, ея сельскаго хозяйства, промышленности и торговли и характеристика сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ страны.

Описаніе современнаго политическаго строя Японіи, быта, обычаевъ, религіи и празднествъ японцевъ, ихъ современной культуры и образованія читатель найдетъ въ обѣихъ книжечкахъ, знакомящихъ со многими любопытными чертами своеобразной жизни японцевъ. Обѣ книжечки требуютъ нѣкоторой подготовки читателя и привычки къ книгѣ, хотя написаны онѣ довольно просто и ясно и заслуживаютъ самаго широкаго распространенія.

Индійскій мудрецъ Сиддарта-Будда. 96 стр. Ц. 6 к. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Авторъ въ изложеніи очень ясномъ и доступномъ самому широкому кругу читателей знакомитъ съ историческимъ прошлымъ Индіи и съ религіей индусовъ, ученіемъ браминовъ, господствовавшихъ тамъ до появленія Будды. Передавая далѣе коротенькое преданіе о первыхъ годахъ жизни Будды, о его первоначальномъ развитіи и явившемся у него намѣреніи удалиться изъ царской семьи въ пустыню, авторъ болѣе подробно останавливается на его дальнѣйшихъ странствованіяхъ и размышленіяхъ, приведшихъ его къ новой жизни, къ созданію новой религіи. Въ простомъ разсказѣ авторъ далѣе знакомитъ по проповѣдямъ Будды и по священнымъ индусскимъ книгамъ, сохранившимъ его ученіе, съ основными положеніями ученія Будды и съ его отношеніемъ къ жизни, къ людямъ и ко всему существовавшему тогда строю взаимоотношеній. Широкое распространеніе религіи Будды до сихъ поръ указываетъ на ея значеніе для народовъ Азіи, хотя нѣкоторые изъ нихъ во многомъ исказили ее, и истинное ученіе Будды сохранилось до сихъ поръ въ своей первоначальной чистотѣ лишь среди буддійскихъ монаховъ южной Азіи и мѣстами въ Японіи.

Интересъ къ вопросамъ религіи и вѣры, съ одной стороны, и недостатокъ книгъ, въ ясномъ изложеніи знакомящихъ съ религіей различныхъ странъ и народовъ—съ другой, давно ощущается въ народныхъ массахъ. Ученію Будды посчастливилось въ этомъ отношеніи, правда, болѣе, чѣмъ другимъ, и мы имѣемъ нѣсколько недурныхъ дешевыхъ книгъ, посвященныхъ ему; разбираемая книга можетъ быть, тѣмъ не менѣе, рекомендована и займетъ среди нихъ не послѣднее мѣсто.

Изданія «Посредника». Пѣсенники. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. 12 книжечекъ по 32 стр. Ц. 1 к. (обрѣз. 1½ к.) каждая. На обложкѣ рисунки Н. Живого къ содержанію перваго стихотворенія, помѣщеннаго въ книжкѣ и дающаго заглавіе всему сборнику.

Пѣсенники составлены изъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ, среди которыхъ часто встрѣчаемъ имена: Пушкина, Лермонтова, Никитина, Некрасова, Кольцова, А. Толстого, Сурикова, Дрожжина и др. Попадаются и наиболѣе извѣстныя изъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ. Подборъ стихотвореній удачный и можно пожелать самаго широкаго распространенія этихъ пѣсенниковъ, тѣмъ болѣе, что по дешевизнѣ они могутъ вполнѣ конкурировать съ распространенными въ народѣ пѣсенниками лубочнаго изданія. Тою же фирмою изданъ рядъ книжекъ (цѣною отъ 1—3 к.) беллетристическаго содержанія: оригинальные разсказы, были, сцены изъ русской народной жизни и переводные изъ иностранной литературы также преимущественно изъ народной жизни. Написанные болѣе или менѣе удачно, всѣ они имѣютъ въ виду заронить ту или другую добрую идею въ сердце читателя, а не художественное изображеніе дѣйствительности, потому всѣ они болѣе или менѣе тенденціозны. Изданія «Посредника» въ этомъ отношеніи сохранаютъ до сихъ поръ свой первоначальный типъ и рѣзко отличаются отъ дешевыхъ изданій новаго типа, знакомящихъ народную массу съ лучшими художественными произведеніями русской и новой литературы. Уступаютъ они послѣднимъ и по внѣшнему виду, хотя по цѣнѣ они нѣсколько дешевле.

Т-во «Донская Рѣчь» очень удачно продолжаетъ свои изданія и вновь дала рядъ дешево изданныхъ разсказовъ, изъ которыхъ, какъ наиболѣе интересные, отмѣтимъ: А. Яблоновскаго: «Въ консультаціи», сборникъ разсказовъ: «Только часъ» А. Крандіевской и др., сборникъ стихотвореній: «Пѣсни труда», И. Франко «На днѣ», Андреевъ «Ангелочекъ», «Жили-были», Немировичъ-Данченко «Воскресшая пѣсня», Купринъ «Молохъ», Вересаевъ «Повѣтріе» и др.

Въ изданіи Вятскаго товарищества вышли: разсказъ **Тана: Авдотья и Ривка. 79 стр., ц. 8 к.**, дающій интересныя картинки изъ жизни русскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ и наводящій невольно на сравненіе ея съ ихъ прежнимъ положеніемъ въ Россіи; разсказъ **А. Дмитріевой: Баба Иванъ и ея крестникъ. 137 стр. 15 к.**—недурная картинка жизни шахтеровъ, но разсказъ нѣсколько растянутъ.

Хорошее впечатлѣніе оставляетъ разсказъ **Гусева - Оренбургскаго: Кахетинка (въ томъ же изд.). 16 стр., ц. 2 к.**, очень живо и художественно рисующій взаимоотношенія крестьянъ и сельскаго духовенства. Историческій разсказъ **Е. Волковой. Первый русскій печатникъ (Вят. т-ва). 40 стр., ц. 6 к.** даетъ живую и яркую картинку времени царя Іоанна Грознаго и начала книгопечатанія на Руси и печальную исторію ея перваго книгопечатника Ивана Ѳедорова, едва не погибшаго жертвой народной тьмы и суевѣрія.

Повидимому, такого же типа дешевыя изданія имѣетъ въ виду недавно вышедшая въ свѣтъ **«Библіотека для всѣхъ» Спб. Изданіе О. Н. Рутенбергъ и А, И. Жуковой.**

Изъ поступившихъ въ продажу изданій этой библіотеки отмѣтимъ интересный разсказъ **С. Елпатьевскаго: Служащій 40 стр., ц. 10 к.** Новый, сравнительно недавно появившійся у насъ типъ служащаго человѣка, сознающаго свои права, отстаивающаго свою личность и умѣющаго постоять за себя, выводится въ этомъ разсказѣ. Бодростью и свѣжестью дышатъ рѣчи героя его — Ножичкина, добившагося личнымъ трудомъ и энергіей жизненныхъ удобствъ, обезпеченнаго положенія и стремящагося въ другихъ пробудить ту же жажду къ лучшей жизни и отстаиванію своихъ правъ. Хороши и два другіе разсказы того же автора: **О. Кириллъ. 24 стр., ц. 5 к.**, и **Апельсинщикъ. 16 стр., ц. 3 к.**; въ первомъ передъ нами бывшій священникъ, въ заповѣди Христа: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя» нашедшій удовлетвореніе отъ своихъ бѣдъ и несчастій, во второмъ—рабочій, жаждущій

свѣта и производительнаго труда и стремящійся въ другихъ заронить ту же искру мысли и жажду просвѣщенія.

Разсказъ Н. Гарина: **На практикѣ. 24 стр., ц. 5 к.**—описаніе впечатлѣній молодого студента, впервые испытавшаго тяжелый физическій трудъ и узнавшаго его суровую обстановку.

Изъ двухъ разсказовъ Ив. Наживина: **Два старика. 16 стр., 3 к. и Дымъ. 8 стр., 1 к.**, лучше первый. Какъ живой стоитъ передъ читателемъ мрачный образъ старика купца-милліонера, разбогатѣвшаго крестьянина, на склонѣ лѣтъ сознавшаго пустоту своей жизни и безцѣльность стремленія къ наживѣ, стоившаго стольких жизней нѣкогда близкихъ ему товарищей-односельчанъ.

А. Энгельмейеръ. Холера. Театральная шутка въ 1-мъ дѣйствіи. Изъ народнаго быта. 47 стр., 35 к. Его же. Волкъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Изъ народнаго быта. 87 стр., 50 к. Рязань. Обѣ—посвящаются Срезневской народной читальнѣ. Послѣдняя пьеса одобрена главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати къ представленію на народныхъ театрахъ. Обѣ пьесы по формѣ, а еще болѣе по содержанію, не заслуживаютъ никакого вниманія. Въ первой почти нѣтъ жизненной правды,—на столько каррикатурны дѣйствующія въ ней лица; вторая даетъ болѣе жизненныя картины, но тема—грабитель мельникъ, ради наживы не жалѣющій и родной дочери, и добродѣтельный молодой парень, наказывающій мельника и спасающій дѣвушку—избита и не характерна. Искусственность проявляется и въ особенно замысловатыхъ именахъ дѣйствующихъ лицъ въ родѣ: Кикилія Перегриновна и Луппъ Акакьевичъ или Аклипіодота Феликшсимовна и Филлъ Сисиньевичъ и т. п., и въ частомъ употребленіи народныхъ прибаутокъ, словечекъ и шутокъ.

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. Москва. 1904 г. Жизнь Диккенса. С. Орловскій. 66 стр., 25 к. Что такое птица. М. Богдановъ 32 стр., 12 к. Жизнь сѣраго медвѣдя. 97 стр., 40 к. Маленькій герой и др. разсказы Сетонъ-Томсона. 68 стр., 30 к. Пріятное впечатлѣніе оставляетъ эта библіотека И. Горбунова-Посадова и навѣрно дѣти съ наслажденіемъ будутъ читать занимательные и вмѣстѣ съ тѣмъ дающіе не мало свѣдѣній о жизни и нравахъ птицъ и животныхъ разсказы о сѣромъ медвѣдѣ—Уабѣ, о маленькомъ героѣ—собачкѣ Чинкѣ или объ уличномъ пѣвцѣ—воробьѣ Ринди. Интересно составленный разсказъ о жизни Диккенса доставитъ дѣтямъ большое удовольствіе и познакомитъ ихъ съ главнѣйшими произведеніями Диккенса и его значеніемъ для Англіи и ея литературы. Хорошая бумага, недурные рисунки и четкій шрифтъ также содѣйствуютъ успѣху этой библіотеки, иравда, не очень дешевой, а потому не всѣмъ доступной.

Л. К—ва.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го іюня по 15-ое іюля 1904 г.)

Эллисъ. Иммортели. Вып. I. Ш. Бодлэръ. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Плетневъ. Жизнь и мечты. Спб. 1904 г. Ц. 75 к.

Ѳ. Сологубъ. Жало смерти. Разсказы. М-ва. Книгоизд. «Скорпіонъ».

Сборникъ Т-ства Знанія. Т. II. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Августъ Стриндбергъ. Отецъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Пер. со швед. А. и П. Ганзенъ. М-ва. 1904 г. Ц. 40 к.

Конанъ-Дойль. Записки врача. Перев. съ англ. Н. Д'Андрé. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

Максъ О'Релль. Правда о женщинѣ. Спб. 1904 г. Ц. 65 к.

О. Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы. Кіевъ. 1904 г. Ц. 30 к.

Отголоски жизни. Литературный сборникъ. Изд. А. Деминева. Рыбинскъ. 1904 г. Ц. 50 к.

М. Рывкинъ. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

И. Тенеромо. Катастрофа. Повѣсть. Елисаветградъ. 1904 г. Ц. 25 к.

Д. Айзманъ. Саванъ. Кіевъ. 1904 г. Ц. 5 к.

А. Л. Ш. Стихотворенія. Москва. 1904 г. Ц. 60 к.

Ѳ. Поступаевъ. Пѣсни рабочей жизни. Изд. «Донской Рѣчи». Ростовъ-на-Дону. 1904 г. Ц. 10 к.

В. Шекспиръ. Отелло. Въ изложеніи и и объясненіи для семьи и школы. И. И. Иванова. М-ва. 1904 г.

В. А. Гольцевъ. Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Съ портр. А. П. Чехова и В. Г. Короленко. М-ва. 1904 г. Ц. 6 к.

М. Коцюбинскій Fata-morgana. (Зь сильскихъ настроивъ). Кіевъ. 1904 г. Ц. 15 к.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ. Подъ ред. и съ примѣч. С. Венгерова. Т. VII. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. за кажд. томъ.

А. С. Пушкинъ. Сочиненіе и письма. Подъ ред. П. Морозова. Т. V. Спб. 1904 г.

А. Н. Островскій. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. М. Писарева. Спб. 1904 г. Ц. за 10 томовъ—16 руб.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Вып. VII и VIII. 2-ое доп. изд. подъ ред. П. Вейнберга. М-ва. 1904 г. 1904 г. Ц. 5 р. по подпискѣ.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. Съ алф. указат. ко всѣмъ VI томамъ. Спб. 1897—1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія благотворительнаго Общ-ва изданія общелезныхъ и дешевыхъ книгъ, Спб. 1904 г.:

М. Загирня. Якъ выгадано машыною йиздыты. Ц. 3 к.

О. Руссовъ. Прыгода на хуторы. Ц. 5 к.

Т. Шевченко. Наймычка. Ц. 3 к.

М. Ганько. Якъ дбаемъ, такъ и маемъ. Ц. 3 к.

Ф. И. Немоловскій. Бжильныцтво. Доглядъ за звычайною и рамковою пасикою. Ц. 10 к.

Его-же. Мудрый учитель. Оповиданныя про Сократи. Ц. 5 к.

Е. Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. 4-ая кныжка. Выноградъ. Ц. 6 к.

В. Лункевичъ. Чудеса науки и техники. Съ 60-ю рис. въ текстѣ. I вып.: Паръ и электричество. Изд. Павленкова. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Книга для чтенія по русской исторіи, составленная при участіи професс. и преподавателей, подъ ред. профес. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. М-ва. 1904 г. Ц. 3 руб.

A. D. Fedorow. Die Firma Vogt & Meier. Leitfaden für den deutschen Unterricht in Handelsschubn ete. St.-Peter. 1904. Preis 1 Rub.

В. К. Сатаровъ. Сборникъ грамматическихъ упражненій по русскому правописанію. Элементарныя правила. Вып. I. Изд. Тихомирова. М-ва. 1903 г. Ц. 5 к.

Ф. Борисовъ и В. Сатаровъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для нач. городск. училищъ. 1-ое полугодіе. Изд. Тихомирова. М-ва. 1903 г. Ц. 10 к.

Ив. Виноградовъ. Ариѳметика на счетахъ. Элементарный курсъ. Изд. Тихомирова. М-ва. 1903 г. Ц. 20 к.

В. Глѣбовскій. Императрица Екатерина II и ея царствованіе. Истор. очеркъ. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

В. Весновскій. Путеводитель по Уралу. Екатеринбургъ. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Склодовская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Пер. съ франц. С. Петрова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Т. I и II. Спб. 1904 г. Ц. 6 р.

П. Татариновъ. Ариѳметическій задачникъ. Симферополь. 1904 г. Ц. 30 к.

А. Крымскій Физіологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904 г.

А. Рафаловичъ. Промышленные синдикаты за границей и въ Россіи. Ихъ экономическое и соціальное значеніе. Спб. 1904 г. Ц. 1 руб.

Х. А. Вермишевъ. Матеріалы для исторіи грузино - армянскихъ отношеній. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Ф. Красильниковъ. Малороссія и малороссы. М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

У. Уорнеръ. Неотложное дѣло. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Уоллесъ. Чудесный вѣкъ. Пер. Л. Лакіера. Изд. 2-ое исправл. и допол. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Мережковскій. Дафнисъ и Хлоя. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

И. В. Шумковъ. О житнякѣ и нѣкоторыхъ дикорастущихъ травахъ, пригодныхъ для посѣва. Самара. 1904 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Егоже. Кумысъ, какъ доходная отрасль сельскаго хозяйства и приготовленіе кумыса при помощи здоровой закваски. Самара. 1904 г. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.

Э. Мейеръ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Пер. съ нѣм. А. Малининъ. М-ва. 1904 г. Ц. 50 к.

А. Петровъ. «Мысли». Елисаветградъ. 1903 г. Ц. 75 к.

В. Э. Денъ. Задачи экономическаго отдѣленія С.-Петербургск. политехническаго института. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

К. Тимирязевъ. Какимъ требованіямъ должны удовлетворять диссертаціи на степень доктора. М-ва. 1904 г.

М. Гитерманъ. Опытъ руководства къ самоизученію латинскаго языка. (Курсъ аптекарскаго ученика). Выпускъ I. Одесса. 1904 г. Ц. 90 к.

А. Клоссовскій. Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Одесса. 1904 г.

Я. Чимишлійскій. Женскіе типы въ произведеніяхъ Вербицкой. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

А. Мошинъ. Ясная поляна и Васильевка. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Б. Б. Искусство узнавать будущее. Севастополь. 1904 г. Ц. 1 р.

Г. Вейлерзъ Японія въ наши дни. Соціологическіе этюды. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. А. Мануиловъ. Очерки по крестьянскому вопросу. Собр. статей подъ А. Мануилова. Вып. I. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Дамашке. Задачи городского хозяйства. Пер. съ нѣм. В. Л. Канель съ пред. проф. И. Озерова. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Гельмольтъ. Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена проф. - спеціалистами подъ общей редакціей Г. Гельмольта. Т. II, вып. I. Книгоизд. Т-во «Просвѣщеніе». Спб. 1904. Ц. 50 к.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Томъ. I. Сборникъ статей К. Арсеньева, В. Гессена и др. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Браунсъ. Царство минераловъ. Драгоцѣнные камни. Вып. 2-й. Изд. Девріена. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 75 к.

К. Келлеръ. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Вып. 3-й. 2-ое изд. Девріена. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 60 к. (Всего 5 вып.).

В. Обольяниновъ. Протився злу. Поэма — романъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Е. Барановъ. Легенды. Баку. 1904 г. Ц. 15 к.

Платонъ. Федръ. (О значеніи философіи). Перев. съ введеніемъ и примѣчаніями Н. Мурашова. М-ва. 1904 г. Ц. 75 к.

Изданія «Жизнь и Правда». М-ва. 1904 г. Ц. 70 к. сотня, 1½ к. штука:

1) **К. Суздальцевъ.** Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ. (О кассахъ взаимопомощи).
2) **К. Ковальскій.** Кухаркинъ мужъ.
3) **Его-же.** Подвигъ индіанки. Истор. сказаніе объ открытіи хиннаго дерева. Пер. съ франц. А. Б.
4) **М. Ильинъ.** Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи. Законъ 2-го іюня 1903 г.
5) **К. Суздальцевъ.** Подъ краснымъ крестомъ.
7) **Бретъ-Гартъ.** Отчаянная.
8) **К. Ковальскій.** Судъ Божій.

Кобзари и лирники Кіевской губерніи въ 1903 г. Изд. Кіевск. Губ. Статист. Комитета. Кіевъ. 1904 г.

Пермская губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. I. Пермь. 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1901 годъ.

А. Готлибъ. Свѣдѣнія о пансіонѣ при Александровской мужской гимназіи въ гор. Ялтѣ. Ялта. 1904 г.

Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 годъ. Спб. 1903 г.

Очеркъ 10-лѣтней дѣятельности О-ства по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамб. губ. въ связи съ исторіей его образованія. Тамбовъ. 1904 г.

Отчетъ комитета по управленію народнымъ домомъ Харьковскаго Общества Грамотности за 1903 г. Харьковъ 1904 г.

П. П. Голубевъ. 200-лѣтіе русской горной промышленности. Пермь. 1904 г.

Д. Тушинскій. Попечительства о народной трезвости въ 1901 году. Спб. 1901 г.

Статистика по казенной продажѣ питей. 1902 г. Вып. III. Спб. 1904 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губ. за 1902 г. Вып. II. Спб. 1904 г.

Обзоръ 1903 года. Пермская губернія въ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Пермь. 1904 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Vorträge und Skizzen», von Heinrich Morf. Strasburg (Trübner). (Лекции и очерки). Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои статьи, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ журналахъ и посвященныя изслѣдованіямъ романской литературы, которыми авторъ давно уже занимался. Въ статьяхъ заключается, такимъ образомъ, почти полная исторія романской литературы, обнимающая весь періодъ, отъ перваго пробужденія и возникновенія романскаго литературнаго языка до нашего времени. Но эта исторія написана такъ популярно, что доступна самому широкому кругу читателей.

(Frankfurt. Zeit).

«Rossetti» by Arthur O. Benson. (English Men of Letters). (Macmlilan). (Россетти). Несмотря на то, что о геніальномъ художникѣ Данте-Габріелѣ Россетти написано уже не мало статей и біографическихъ очерковъ, вышеназванная монографія все-таки представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ, кромѣ новыхъ біографическихъ данныхъ, въ ней заключается еще совершенно новая точка зрѣнія на знаменитаго художника, о которомъ идетъ рѣчь и характеръ котораго выяснить не легко. Однако авторъ яркими штрихами обрисовываетъ его личность и его отношенія къ разнымъ знаменитымъ современникамъ, Рескину, Вильяму Моррису и др. и разсказываетъ грустную исторію его любви и брака и смерти его жены, умершей отъ слишкомъ большой дозы опія, принятой ею. Россетти умеръ лѣтъ черезъ двадцать послѣ нея и смерть его также приписывается хлоральгидрату, который онъ принималъ, все увеличивая дозу, такъ какъ страдалъ сильною безсонницей, не уступавшей никакимъ средствамъ.

(Times).

«Methods of Industrial Peao» by Nicholas Paine Gilman (Macmillon). 7 v. 6 d. (Методы промышленнаго міра). Это весьма основательное изслѣдованіе отношеній между работодателями и рабочими и изученіе методовъ, направленныхъ къ укрѣпленію міра и возстановленію нормальныхъ условій, столь часто нарушаемыхъ въ последнее время. Авторъ знакомитъ читателей съ тѣми способами, при помощи которыхъ устраняются въ разныхъ странахъ недоразумѣнія между трудомъ и капиталомъ, причемъ указываетъ на новозеландскій методъ, какъ на наиболѣе цѣлесообразный.

(Saturday Review).

«La Démocratie devant la science» par C. Bouglé (Bibliothèque générale des sciences sociales). 6 fr. (Демократія передъ лицомъ чауки). Въ книгѣ заключаются прекрасно написанные критическіе очерки по вопросу о наслѣдственности, конкуренціи и диференцированіи. Авторъ разсматриваетъ эти вопросы съ соціально-философской точки зрѣнія, но благодаря живости и простотѣ изложенія, его книга доступна широкому кругу образованныхъ читателей и не требуетъ никакой спеціальной подготовки.

(Mercure de France).

«Economie Enquiries and Studies» by sir Robert Giffen (Bell). 21 v. (Экономическія разслѣдованія и очерки). Въ книгѣ собраны статьи по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья о современныхъ экономическихъ условіяхъ соединеннаго королевства.

(Academy).

«Success among Nations», by D-r Emil Reich (Chapman and Hall). 10 s. 6 d. (Успѣхъ среди націй). Авторъ поставилъ себѣ трудную задачу изслѣдовать исторію успѣха народовъ и на основаніи имѣющихся данныхъ опредѣлить въ будущемъ успѣхъ или неуспѣхъ различныхъ націй и опредѣлить тѣ условія, которыя даютъ возможность націямъ одерживать побѣду въ борьбѣ за свое историческое существованіе. Авторъ разсматриваетъ расу, какъ факторъ въ борьбѣ націи за преобладаніе и придаетъ особенный вѣсъ географическому положенію. Книга блестяще написана, но общій тонъ ея проникнутъ пессимизмомъ, такъ какъ авторъ приходитъ къ заключенію, что матеріальное благополучіе и интеллектуальная дѣятельность совпадаютъ крайне рѣдко.

(Academy).

«L'Armée chinoise» par general H. Frey. Paris (Hachette). (Китайская армія). Авторъ констатируетъ полное отсутствіе военнаго духа у китайцевъ, несмотря на ихъ склонность къ грабежамъ и пиратскіе инстинкты. Китайцы не любятъ сражаться только ради этого одного и военная профессія не пользуется у нихъ особеннымъ уваженіемъ. Солдатъ, въ глазахъ народа,—это предметъ ужаса, тѣмъ болѣе что прохожденіе китайскихъ войскъ черезъ какую-нибудь мѣстность всегда сопровождается грабежами и вымогательствами. Манчжуры, безъ сомнѣнія, были воинственною расою въ тѣ отдаленныя времена, когда ими былъ завоеванъ Китай, но съ тѣхъ поръ и они лишились своего воинственнаго характера. При такихъ условіяхъ китайское войско не можетъ, конечно, удовлетворять современнымъ требованіямъ и никакіе европейскіе инструкторы тутъ ничего не помогутъ, если не будетъ произведена коренная реформа военнаго дѣла въ Китаѣ и введена другая система образованія офицеровъ. Жители центральныхъ провинцій Китая, по словамъ автора, представляютъ хорошій военный матеріалъ; они легко усваиваютъ себѣ дисциплину и необходимыя познанія, но надо помнить одно: ни одинъ изъ нихъ не будетъ сражаться изъ патріотическихъ мотивовъ и поэтому имъ надо платить аккуратно, иначе на это войско нельзя будетъ положиться.

(Journal du Débats).

«The Web of Indian Life» by the Sister Ninedita (Miss Margaret E. Noble). 7 s. 6 d. (Heinemann). (Паутина индійской жизни). Въ этой интересной книгѣ изображена индійская жизнь такъ, какъ она есть. Авторъ отправился въ Индію нѣсколько лѣтъ тому назадъ для того, чтобы работать на поприщѣ воспитанія и поэтому жилъ среди индусовъ и сблизился съ ними. Въ своей книгѣ авторъ удѣляетъ много вниманія вопросу о кастахъ и будущему Индіи.

(Academy).

«La Philosophie ancienne et la Critique historique», par Charles Wadington (Hachette). (Древняя философія и историческая критика). Въ этомъ томѣ авторъ собралъ свои статьи по исторіи греческихъ философовъ и тщательно возстановилъ хронологію первой эпохи, столь мало извѣстную. Онъ защищаетъ подлинность сохранившихся произведеній Платона и Аристотеля и возражаетъ на радикальную критику нѣмецкихъ ученыхъ XIX вѣка. Авторъ обнаруживаетъ широкую эрудицію и чрезвычайно осторожную критику; въ то же время онъ проникнутъ глубокою симпатіей къ древнимъ греческимъ философамъ, которая объясняется тѣмъ, что онъ замѣчаетъ у нихъ, гораздо ранѣе Сократа, возникновеніе спиритуалистской доктрины, достигшей уже послѣ него своего полнаго развитія.

(Revue des deux Mondes).

«Three Iears in the Klondike» by Leremiah Lynch. With numerous illustrations. (Eduard Arnold). 12 s. 6 d. (Три года въ Клондайкѣ). Авторъ, обладающій въ высокой степени юморомъ и наблюдательностью, описываетъ свою жизнь и приключенія въ странѣ золота и даетъ цѣлый рядъ очень интересныхъ и остроумныхъ очерковъ этой своеобразной страны. Къ тексту приложены очень хорошія иллюстраціи.

(Athaecneum).

«The political Theories of the Ancient World» by W. W. Willonghby (Longmans). (Политическія теоріи древняго міра). Авторъ собралъ и систематизировалъ современные выводы и взгляды на развитіе политическихъ теорій въ древней Греціи и Римѣ. Онъ цитируетъ сказанія такихъ авторитетовъ какъ Гегель, Целлеръ, Мэнъ, Кларкъ и др. Этотъ трудъ обнаруживаетъ большую эрудицію и можетъ служить полезнымъ подспорьемъ для тѣхъ, кто интересуется исторіей политической философіей.

(Athaeneum).

«Africa from South to North» by Major A. St. H. Gilebous. With 3 Maps and numerous illustrations. 2 vols. 32 v. (Африка съ юга на сѣверъ). Книга эта является цѣннымъ вкладомъ въ литературу африканскихъ путешествій. Описаніе области Замбезе не оставляетъ желать лучшаго. Карты и иллюстраціи очень хороши.

(Athaeneum).

«New Letters of Thomas Carlyle». Edited by Alexander Carlyle. With numerous Sllustrations. 2 vols. 25 s. (Iohn Lane). (Новыя письма Томаса Карлейля). Эти неизданныя до сихъ поръ письма бросаютъ новый и яркій свѣтъ на одного отъ замѣчательныхъ писателей викторіанской эры. Почти каждая страница носитъ на себѣ отпечатокъ особенностей его генія и таланта.

(Daily News).

«The Society of To Morrow» a Forecast-ofits political and Economie organisation (by G. De Molinari, with an Sutroduction of Hodyson Pratt). (Fèsher Umdin). 6 s. (Будущее общество). Остроумная книга, въ которой высказывается взглядъ на будущую политическую и экономическую организацію общества. Авторъ указываетъ какія возможны измѣненія существующаго соціальнаго строя.

(Daily News).

«Aspects of social Evolution» by Lionel Tayler; First Series. Temperaments (Smith, Elder). 7 s. 6 d. (Виды соціальной эволюціи). Этотъ первый томъ серіи, заключающій въ себѣ изслѣдованіе темпераментовъ и ихъ вліянія на эволюцію, имѣетъ выдающійся интересъ, несмотря на то, что авторъ оставляетъ затронутыя имъ проблемы неразрѣшенными.

(Daily News).

«En lisant Nietzsche», par Emile Faguet. (Société franaise d'imprilirie et de mebrairie). (Читая Ницше). Книгу эту можно рекомендовать каждому, кто пожелаетъ познакомиться быстро и легко съ ученіемъ Ницше и составите себѣ о немъ понятіе. Авторъ даетъ прекрасный общій обзоръ философіи Ницше и тщательно взвѣшиваетъ всѣ ея цѣнныя стороны, отбрасывая то, что, по его мнѣнію, не заслуживаетъ вниманія. Одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ книги посвящена литературнымъ идеямъ Ницше.

(Times).

«Outlines of Comparative politics» by B. E. Hammond. (Rivingtous). 7 s. 6 d. (Очерки сравнительной политики). До сихъ поръ еще не было написано подобнаго труда, представляющаго одновременно сжатое изложеніе, справочную книгу и тщательное изслѣдованіе крайне интереснаго вопроса о сравнительной политикѣ. Авторъ проводитъ замѣчально остроумныя параллели между политикою разныхъ временъ и разныхъ народовъ.

(Temps).

«The New Far East», by Arthur Diosy. Illustrated. Popular Edition. 3 s. 6 d. (Cassell). (Новый ближній востокъ). Несмотря на обширную литературу о Дальнемъ Востокѣ, накопившуюся въ настоящее время, эта книга все-таки должна будетъ занять въ ней далеко не послѣднее мѣсто, вслѣдствіе талантливаго изложенія. Авторъ старается познакомить читателей съ политическими, соціальными и др. условіями Дальняго Востока, по возможности сохраняя объективное отношеніе къ затронутымъ вопросамъ.

(Daily News).

«L'Ouvrier devant l'Etat» par laul Louis. (F. Alcan). (Рабочій передъ лицомъ государства). Этотъ трудъ входитъ въ составъ серіи изданій по современной исторіи и представляетъ сжатый, но очень полный обзоръ рабочаго законодательства въ обоихъ полушаріяхъ. Авторъ разсматриваетъ, при какихъ обстоятельствахъ, подъ давленіемъ какихъ условій и подъ вліяніемъ какихъ доктринъ развивалось рабочее законодательство Онъ сравниваетъ съ послѣдними рабочими уставами тѣ, которые существовали въ началѣ прошлаго вѣка и вообще изслѣдуетъ положеніе рабочаго въ началѣ и въ концѣ вѣка. Далѣе онъ изслѣдуетъ вопросъ о заработной платѣ о контрактахъ, заключаемыхъ съ рабочими, а также изучаетъ условія существованія различныхъ профессіональныхъ ассоціацій. Правила труда, гигіены, различныя системы страхованія, юрисдикцію и т. п. во всѣхъ странахъ Европы, Америки и Австралазіи. Дѣйствіе новаго рабочаго законодательства иллюстрируется статистическими данными и цифрами.

(Temps).

ШЕСТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВОЙНЫ.

I.

Одно изъ основныхъ свойствъ ума человѣческаго заключается въ стремленіи къ тому, чтобы классифицировать явленія, разбивать ихъ на категоріи и создавать такимъ образомъ искусственныя подраздѣленія, помогающія запоминать факты и сопоставлять ихъ другъ съ другомъ. Это стремленіе нашло уже приложеніе и къ русско-японской войнѣ, ходъ которой различные хроникеры дѣлятъ на отдѣльные болѣе или менѣе удачно охарактеризованные періоды. Въ этомъ отношеніи поучительна любопытная параллель, проведенная въ іюньской книжкѣ англійскаго журнала «Review of Reviews», издаваемаго извѣстнымъ публицистомъ Стэдомъ.

Стэдъ сравниваетъ русско-японскую войну съ англо-бурскою и находитъ между ними значительное сходство какъ въ происходившихъ до сихъ поръ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ общей обстановкѣ, вызвавшей ихъ начало и вліяющей на ихъ ходъ. И тутъ, и тамъ онъ видитъ могущественную державу, борющуюся со сравнительно слабымъ противникомъ, причемъ борьба эта для сильнѣйшаго затруднена огромностью разстояній, черезъ которыя онъ долженъ перебросить свои войска. И тутъ, и тамъ борьбѣ предшествовали продолжительные переговоры, въ теченіе которыхъ силнѣйшій противникъ постепенно начиналъ готовиться къ возможной войнѣ. И тутъ, и тамъ, наконецъ, болѣе слабая сторона, опасаясь потери того военнаго преимущества, которое она временно чувствовала за собою, неожиданно прекратила переговоры и прибѣгла къ вооруженной силѣ, взявъ на себя роль нападающаго (здѣсь, впрочемъ, между дѣйствіями буровъ и японцевъ есть та существенная разница, что первые открытію военныхъ дѣйствій предпослали присылку ультиматума, послѣдніе же предпочли обойтись безъ него, сдѣлавъ, какъ выражается ген. Драгоміровъ, «по мнѣнію многихъ съ этической стороны не совсѣмъ чистоплотный первый шагъ»). «Необычайная близость параллели между Южно-Африканскою и Дальне-Восточною войною,—пишетъ Стэдъ,—не можетъ ускользнуть отъ самаго поверхностнаго наблюдателя. Между ними, конечно, большая количественная разница. Но русскіе, повидимому, съ замѣчательною точностью воспроизводятъ во всѣхъ главныхъ чертахъ нашу кампанію. Нельзя не обратить вниманія на то любопытное явленіе, что «Times» и рядъ другихъ англійскихъ журналовъ и газетъ, которые пять лѣтъ тому назадъ не могли найти достаточно оскорбительныхъ терминовъ для обличенія буровъ, въ теченіе всего этого года горячо восхваляютъ японцевъ за тотъ же наступательно-

оборонительный образъ дѣйствій, который такъ неувѣренно и нерѣшительно примѣнили буры и за который тѣ же критики подвергли ихъ строжайшему обличенію. Разница между обѣими войнами та, что японцы, придя къ заключенію о неминуемости войны, приготовились къ самому энергичному веденія ея, буры же, имѣвшіе гораздо больше основаній ожидать всего худшаго, никакъ не могли заставить себя пойти дальше защиты своей границы посредствомъ вялой атаки противъ выдвинутыхъ впередъ британскій позицій».

Мы привели эту выдержку изъ Стэда потому, что она въ устахъ англичанина является весьма безпристрастнымъ сужденіемъ о переживаемой нами войнѣ. Среди далеко не лестныхъ въ большинствѣ случаевъ для насъ отзывовъ англійской печати Стэдъ даетъ вообще образецъ справедливаго отношенія, какъ это, напримѣръ, признаетъ, даже «Новое Время» (отъ 23-го іюня). Онъ совершенно правильно уличаетъ консервативно-имперіалистскій «Times» въ томъ, что тотъ придерживается разныхъ логикъ, когда судитъ о своей странѣ и о насъ. Впрочемъ, Стэдъ могъ бы тотъ же упрекъ бросить и нашей печати, которая въ свое время едва ли не меньше имѣла основаній выступать противъ Англіи, чѣмъ англійская теперь—противъ насъ.

Южно-африканская война дѣлится на 3 періода. Первый характеризуется переходомъ буровъ черезъ англійскую границу, пораженіемъ слабыхъ англійскихъ отрядовъ, преградившихъ имъ дорогу, осадою Лэдисмита, Кимберлея и Мэфкинга и неудачными, преждевременно и съ недостаточными войсками начатыми попытками англичанъ освободить эти города. Во второй періодъ прибывшія изъ метрополіи въ достаточномъ числѣ британскія силы наносятъ рядъ тяжелыхъ ударовъ и занимаютъ главные пункты Южно-Африканскихъ республикъ. Наконецъ, въ теченіи третьяго періода тянется продолжительная мелкая война, англичане постепенно занимаютъ почти весь Трансвааль и доводятъ буровъ до выраженія покорности.

Сходство во всей обстановкѣ нашей теперешней войны и южно-африканской, быть можетъ, и выразится въ аналогичномъ ихъ теченіи. Мы имѣли бы, такимъ образомъ, періодъ рѣшительнаго преобладанія японцевъ. За нимъ долженъ былъ бы слѣдовать періодъ жестокихъ боевъ доведенной до могучихъ размѣровъ подкрѣпленіями русской арміи съ японской за занятыя послѣднею въ Манчжуріи позиціи и за освобожденіе Портъ-Артура. Третій періодъ, въ случаѣ нашей побѣды, обнималъ бы собою постепенное вытѣсненіе японцевъ изъ занятыхъ ими въ Кореѣ позицій, быть можетъ, высадку нашу въ Японію и вообще дѣйствія, имѣющія цѣлью принудить къ заключенію мира противника, пораженіе котораго рѣшено было бы во второмъ періодѣ. Впрочемъ, о будущемъ мудрено, конечно, загадывать, и второй, а тѣмъ болѣе третій періодъ войны могутъ сложиться совершенно неожиданнымъ образомъ, напр., въ случаѣ вмѣшательства въ войну иныхъ державъ.

Первый періодъ, однако, во всякомъ случаѣ вырисовывается весьма опредѣленно. Его можно при этомъ считать завершеннымъ или почти завершеннымъ къ послѣднимъ числамъ іюля, и первые шесть мѣсяцевъ войны характеризуются, такимъ образомъ, какъ нѣчто цѣлое и законченное. Легко было бы

этотъ первый періодъ разбить еще на болѣе мелкія подраздѣленія, но для нашего общаго обзора это представляется излишнимъ.

Оговоримся впередъ. Сужденія о происшедшихъ до сихъ поръ событіяхъ не только не могутъ сейчасъ быть полными, но должны, напротивъ, являться крайне отрывочными. Есть рядъ причинъ, обусловливающихъ это обстоятельство, изъ которыхъ мы укажемъ лишь на тѣ, которыя имѣютъ наибольшее значеніе и во всякомъ случаѣ представляютъ наиболѣе общій интересъ.

Прежде всего теперь, какъ и во всѣ послѣднія войны приходится мириться съ большою неполнотою доходящихъ до широкой публики свѣдѣній съ театра войны. Лишеніе печати возможности въ военное время писать о нѣкоторыхъ сторонахъ событій подтверждаетъ, какъ это ни покажется парадоксальнымъ, силу этой самой печати въ наши дни. Извѣстно, что до книгопечатанія нигдѣ не существовало и цензуры. Послѣдняя явилась какъ результатъ перваго и въ извѣстной степени развивалась параллельно ему. Чѣмъ глубже заглядывала во всѣ стороны жизни печать, чѣмъ шире распространялось ея вліяніе, тѣмъ разнообразнѣе становилась дѣятельность цензуры, тѣмъ строже ея надзоръ.

Печать вѣдь можетъ, сама даже того не зная, разгласить тайныя, важныя для непріятеля свѣдѣнія, она можетъ лишить общественнаго довѣрія того или иного генерала, государственнаго дѣятеля или парламентскую партію, вызвать въ странѣ общее пессимистическое настроеніе въ тотъ моментъ, когда правительство требуетъ отъ послѣдней напряженія всѣхъ моральныхъ и физическихъ силъ и пр. Памятны жалобы на строгости военной цензуры у англичанъ въ трансваальскую войну. Многочисленны также факты, характеризующіе стѣсненія, испытываемыя корреспондентами въ Японіи. У насъ, какъ извѣстно, въ центральные пункты расположенія войскъ—Ляоянъ и Портъ-Артуръ—корреспонденты допускались лишь съ крайнимъ разборомъ. Сюда попадали либо корреспонденты нашихъ военныхъ газетъ, либо лица, хорошо вообще извѣстныя и безусловно благонадежныя. Большинство иностранныхъ корреспондентовъ (если не всѣ) ютились или ютятся въ Инъ-Коу, Харбинѣ, Мукденѣ, пробавляясь на вокзалахъ получаемыми изъ четвертыхъ рукъ болѣе или менѣе фантастическими свѣдѣніями.

Значеніе, придаваемое печати воюющими сторонами выражается не только въ самомъ внимательномъ надзорѣ за нею, но и въ распространеніи черезъ ея посредство невѣрныхъ свѣдѣній, имѣющихъ цѣлью ввести въ заблуждеціе противника. Смотря по обстоятельствамъ, выгодно бываетъ или дать преувеличенное понятіе о своихъ силахъ, чтобы замедлить операціи непріятеля, или, напротивъ, показать свое положеніе худшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, дабы противникъ рискнулъ сдѣлать неосторожное движеніе съ недостаточными силами. Морской обозрѣватель «Русс. Вѣд.», отвѣчая на сдѣланный ему упрекъ въ отсутствіи патріотизма, за его недовѣрчивое отношеніе къ слухамъ о массовыхъ потеряхъ японскаго флота, справедливо замѣтилъ, что самимъ японцамъ выгодно распространять преувеличенныя свѣдѣнія о постигшихъ ихъ флотъ несчастіяхъ, чтобы выманить наши суда на какую-либо рискованную операцію.

Положеніе, поневолѣ занимаемое печатью, влечетъ за собою общее искаже-

ніе передаваемыхъ ею сообщеній. Разыскивая со всей энергіей возбужденнаго инстинкта самосохраненія сенсаціонныя свѣдѣнія, корреспонденты естественно нападаютъ большею частью на лживыя извѣстія (такъ какъ все болѣе или менѣе серьезное составляетъ военную тайну). Такимъ образомъ, возникаютъ тѣ фантастическія телеграммы, которыя то сообщаютъ о невѣроятныхъ высадкахъ японцевъ, то неожиданно сдаютъ послѣднимъ Портъ-Артуръ, то оповѣщаютъ весь міръ о потопленіи десятковъ боевыхъ судовъ или о гибели десятковъ тысячъ солдатъ въ вымышленныхъ бояхъ. Потемки, въ которыхъ бродятъ корреспонденты, не даютъ имъ возможности разбираться и въ томъ, какое движеніе или столкновеніе противниковъ представляетъ серьезное значеніе и является ли тотъ или иной неожиданный шагъ ихъ хитрымъ разсчетомъ или лишь грубою ошибкою. Типична въ послѣднемъ отношеніи, напримѣръ, телеграмма «Dail Mail» сообщавшая, что «то обстоятельство, что генералъ Куропаткинъ продолжаетъ занимать крайне опасное, повидимому, положеніе (между Гай-чжоу и Хайченомъ), возбуждаетъ подозрѣніе среди японцевъ, опасающихся, какъ бы русскіе не предприняли ложнаго маневра». Здѣсь корреспондентъ свое собственное недоумѣніе наивно перенесъ на лучше освѣдомленный, по всей вѣроятности, японскій штабъ. Не лишне говорить, что сама печать не виновата въ томъ извращеніи, которое она силою вещей испытываетъ; война калѣчитъ корреспонденціи и корреспондентовъ не хуже, чѣмъ солдатъ и офицеровъ. Но газетнымъ читателямъ важно помнить, насколько мало заслуживаютъ довѣрія различныя фантастическія телеграммы «собственныхъ корреспондентовъ». Единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ остаются все же оффиціальныя донесенія. Въ нихъ многое бываетъ недоговорено, многое скрывается и сообщается лишь черезъ нѣкоторое время или же вовсе не сообщается; но помѣщаемыя въ нихъ фактическія и цифровыя данныя даютъ единственную вполнѣ твердую опору для сужденія о положеніи вещей. Къ сожалѣнію, эти сообщенія крайне скудны и лаконичны.

Желаніе нашей печати принять участіе въ близко касающихся каждаго русскаго человѣка событіяхъ, при отсутствіи матеріала для точнаго сужденія о нихъ, находитъ часто исходъ въ общихъ разсужденіяхъ, такъ сказать, «фельетоннаго» характера... Въ литературѣ нашей, начиная съ Лермонтова и кончая Немировичемъ-Данченко, достаточно ярко очерченъ типъ русскаго солдата. Простота, отсутствіе хвастовства и преувеличеній, покорность судьбѣ, скромное мужество, не нуждающееся въ искусственномъ подбадриваніи и открыто глядящее въ глаза опасноти, уваженіе къ храброму противнику и дружелюбное къ нему внѣ моментовъ боя отношеніе—вотъ давно извѣстныя черты русскихъ солдатъ и боевыхъ офицеровъ, подтверждаемыя и корреспонденціями съ нынѣшняго театра войны.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, корреспондентъ «Русскаго Инвалида» «Незамѣтными, невидимыми героями полна русская армія. Сидитъ скромно, говоритъ тихо, задумчиво и большіе глаза смотрятъ съ худощаваго, кроткаго лица такъ спокойно, мечтательно-грустно. Ничего въ наружности геройскаго. Вотъ, если хотите видѣть противоположность—посмотрите напротивъ за сто-

ликомъ сидитъ офицеръ, не офицеръ, а одно слово гроза. Громадная мохнатая папаха сдвинута на затылокъ, большіе круглые глаза выпучены впередъ: лицо одутловатое. На ногахъ ярко-красные штаны необычайнаго фасона, на плечѣ измятая шведская куртка съ погонами какого-то вѣдомства, къ военному дѣлу отношенія имѣющаго мало. На кавказскомъ наборномъ ремешкѣ виситъ не шашка, а какой-то мечъ-кладенецъ... Служитъ онъ гдѣ-то по тыловымъ учрежденіямъ. А говоритъ... Но-послушайте лучше.—Нѣтъ, теперь, братъ, япошка, шалишь. Конченъ балъ. Стройся къ разсчету... Какъ мухъ надавлю. Ей Богу, правда. Мнѣ бы только добраться, посмотрѣть этихъ микробовъ... Вы, дескать, смѣли?—Такъ вотъ вамъ!.. Какъ мухи на липкой бумаги будутъ лежать—всѣ, всѣ погибнутъ, никого не оставимъ на разводъ. Будутъ помнить, бу-у-дутъ... Человѣкъ, еще финь-шампань...»

II.

Если бѣгло и въ главныхъ чертахъ сравнить нашу теперешнюю войну съ англо-бурской, то сразу бросается въ глаза, что мы имѣемъ дѣло съ гораздо болѣе опаснымъ противникомъ, чѣмъ англичане. Нетрудно увидѣть, что главное преимущество японцевъ передъ бурами состоитъ въ прочной военной организаціи. Буры—прекрасные солдаты въ отдѣльности—были почти лишены высшаго общаго руководительства. Наполеонъ вынесъ изъ Египта заключеніе, что два мамелюка легко могли справиться съ тремя французскими кавалеристами, сидѣвшими на худшихъ лошадяхъ и хуже владѣвшими оружіемъ; но уже силы 500 французовъ уравновѣшивали 500 мамелюковъ, а 2.000 французовъ побѣждали 3.000 противниковъ. Въ эту извѣстную формулу укладывается вся суть современнаго военнаго искусства. Если военная техника и индивидуальная выправка преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, то, чтобы сдѣлать возможно болѣе опаснымъ отдѣльнаго человѣка, то тактика и стратегія—науки полководцевъ, какъ ихъ называютъ,—заботятся именно о наилучшей кооперации отдѣльныхъ элементовъ, о томъ, чтобы сила арміи равнялась не суммѣ силъ отдѣльныхъ солдатъ, а далеко превышала бы ее. Буры представляли изъ себя простой механическій аггрегатъ отдѣльныхъ боевыхъ единицъ. Они не были способны къ какимъ-либо сложнымъ стратегическимъ и тактическимъ операціямъ. Пока малоспобные англійскіе генералы пытались грубою силою выбить ихъ изъ занятыхъ позицій, они одерживали успѣхи. Но они не были въ состояніи пользоваться ими, такъ какъ не съумѣли бы вести общаго наступленія. Съ прибытіемъ на театръ войны Робертса звѣзда ихъ закатилась, и не столько благодаря численному превосходству англичанъ, сколько благодаря искусному маневрированію послѣднихъ и выгодной комбинаціи движеній отдѣльныхъ ихъ частей.

Японцы, напротивъ, щегольнули до сихъ поръ превосходной высшей организаціей. Всѣ движенія ихъ крайне обдуманы, тщательно разработаны и выполняются необычайно аккуратно. Участвующіе въ нихъ отряды находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, взаимно другъ друга поддерживаютъ и всегда

*

готовы дать отпоръ соединенными силами противнику. Они подвигаются впередъ медленно, осторожно, но упорно, какъ вода во время прилива. У нихъ нѣтъ рискованныхъ движеній, отдѣльныя части не выдѣляются впередъ, не даютъ противнику удобныхъ случаевъ для частныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ своихъ слабыхъ пунктовъ. Строгологическія, размѣренныя стратегическія движенія японцевъ являются копіею съ нѣмецкихъ образцовъ, и нѣмецкіе офицеры, не смотря на преобладающее въ средѣ ихъ сочувствіе къ Россіи, смотрятъ на японцевъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ на своихъ учениковъ. Слабою стороною нашихъ противниковъ является прежде всего медленность ихъ операцій, вытекающая изъ нежеланія дѣлать какіе-либо рискованные шаги. Эта медленность мѣшаетъ имъ, однако, и улавливать, такъ сказать, на лету, тѣ случайности, которыя, при быстромъ ихъ использованіи, даютъ наиболѣе рѣшительные успѣхи на войнѣ. Такъ, не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что, если бы японцы въ самомъ началѣ войны энергично атаковали Портъ-Артуръ съ суши и моря, то мы могли бы имъ оказать лишь сравнительно слабое сопротивленіе. Они предпочли, вмѣсто того, подступить къ нему послѣ долгой систематической подготовки и дали намъ этимъ возможность значительно усилить оборону крѣпости. Другую слабую сторону японцевъ составляетъ то, что они, при всѣхъ своихъ планахъ, по отзывамъ нашихъ военныхъ спеціалистовъ, слишкомъ разсчитываютъ на неподвижность противника; между тѣмъ, одно изъ самыхъ важныхъ положеній стратегіи сводится къ возможности противъ каждаго плана нападенія непріятеля противопоставить ему систему активной обороны, вытекающую изъ особенностей этого самаго плана. Такъ, напримѣръ, противъ нѣсколькихъ, наступающихъ съ разныхъ сторонъ, непріятельскихъ армій примѣняется система обороны по внутреннимъ линіямъ, которую газетные стратеги усиленно рекомендовали генералу Куропаткину; состоитъ она въ томъ, чтобы всѣми силами обрушиться на одну изъ этихъ армій, выставивъ заслоны противъ остальныхъ. Великія побѣды Наполеона въ сѣверной Италіи въ 1796 г. и во Франціи въ 1814 г. обязаны примѣненію этого принципа, также какъ пораженіе Блюхера подъ Линьи въ 1815 г.; потеря боя подъ Ватерлоо вызвана была, напротивъ, ошибкою Груши, выставленнаго именно въ качествѣ заслона противъ Блюхера. Съ тѣхъ поръ, какъ огнестрѣльное оружіе пріобрѣло ту губительность, которою оно обладаетъ въ наши дни, особое значеніе получили фланговыя атаки посредствомъ обхода или охвата одного изъ крыльевъ противника. Классическій образецъ такой атаки далъ еще Фридрихъ II подъ Леутеномъ. Но когда подъ Россбахомъ французы вздумали примѣнить противъ него его собственный пріемъ, онъ тутъ же нашелъ способъ парировать опасность, быстро ударивъ на нихъ до окончанія ихъ построеній, пока они сами подставляли ему флангъ. Такимъ образомъ, охваты, какъ всякое вообще стратегическое движеніе, могутъ при энергическомъ противникѣ повести къ катастрофѣ («en tournant on est tourné», обобщилъ это положеніе Наполеонъ), но для успѣшнаго парированія удара необходима прежде всего быстрота и выигрышъ времени. Такъ, подъ Аустерлицомъ, когда союзники всѣми силами напали на правое крыло французовъ,

а Наполеонъ пользуясь ослабленіемъ ихъ центра, прорвалъ его и взялъ затѣмъ во флангъ главныя ихъ атакующія колонны, побѣда рѣшилась, главнымъ образомъ, благодаря командовавшему этимъ правымъ крыломъ Даву, который своею упорною защитою противъ подавляющаго большинства, далъ Наполеону время произвести свою геніальную операцію.

Повторяемъ, по мнѣнію нашихъ военныхъ (см., напр., статью въ «Военномъ Сборникѣ» за май этого года) японцы не способны къ быстрому схватыванію иниціативы на полѣ битвы передъ энергичнымъ противникомъ, который вздумалъ бы своими дѣйствіями нарушить выработанный ими планъ ея. Будущее покажетъ, вѣрно ли это утвержденіе, которое пока не вполнѣ, повидимому, подтверждается боемъ подъ Вафангоу. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не было случаевъ его провѣрить, такъ какъ русская армія почти не выходила изъ положенія пассивной обороны. Причину нашего бездѣйствія невозможно сейчасъ объяснить. При взглядѣ на карту кажется, что еще недавно задержаніе праваго фланга японцевъ (Куроки) заслономъ и энергичное движеніе на центръ растянутой японской линіи нападенія, съ прорывомъ этого центра и послѣдующимъ охватомъ съ двухъ сторонъ лѣваго крыла японцевъ, которое оказалось бы прижатымъ къ морю, имѣло шансы успѣха. Но поле военныхъ дѣйствій не шахматная доска, и генералъ Куропаткинъ имѣлъ, конечно, вѣскія, хотя и неизвѣстныя намъ основанія поступать такъ, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ.

Намъ пришлось начать характеристику войны съ похвалъ веденію ея японцами. Оправданіемъ этому является то, что такія похвалы сейчасъ являются совершенно неизбѣжными, какъ бы онѣ ни грѣшили на первый взглядъ противъ патріотическихъ нашихъ чувствъ. «Нельзя отказать имъ въ томъ,— пишетъ въ «Развѣдчикѣ» о японцахъ генералъ Драгомировъ,—что они знаютъ военное дѣло и умѣютъ его дѣлать. Прежде всего они не разбрасываются и всегда опредѣленно знаютъ, чего хотятъ: задавшись цѣлью, они умѣютъ на ней сосредоточиться и не упускаютъ изъ виду, подъ вліяніемъ разныхъ фантазій и побужденій, навѣваемыхъ мимолетными впечатлѣніями обстановки и внушеніями проходимцевъ и аферистовъ, которыми кишатъ всѣ высшіе штабы, въ особенности многочисленные». Статья Драгомирова, изъ которой взята эта цитата произвела у насъ большое впечатлѣніе и вызвала многочисленные споры и толкованія. Авторъ счелъ поэтому нужнымъ разъяснить нѣкоторые изъ своихъ взглядовъ во второй статьѣ.

«Прошу вѣрить,—пишетъ въ ней Драгомировъ,—что, говоря о японцахъ вообще и о генералѣ Куроки въ частности, я только ихъ однихъ и разумѣлъ и никого больше. Первый періодъ кампаніи, какъ онъ ни близокъ къ намъ, есть уже достояніе исторіи и, какъ таковое достояніе, подлежитъ разбору безъ киваній украдкой на кого бы то ни было и не стѣсняясь разстояніями, ни тѣмъ, что приходится говорить хорошее о врагахъ. Неоспоримо то, что сказанный періодъ кампаніи былъ задуманъ и выполненъ превосходно и вовсе не по винѣ съ нашей стороны, такъ какъ вѣроятно мы не могли тогда активно этому противодѣйствовать, если этого не сдѣлали. Неоспоримо и то, что япон-

скіе генералы умѣютъ рѣшаться на панъ или пропалъ и не останавливаются передъ жертвами, когда, по ихъ мнѣнію, цѣль этого стоитъ; не останавливаются также и передъ атаками въ лобъ, столь забракованными огнепоклонниками. Они знаютъ также, что резервы существуютъ для послѣдняго удара, а не для прикрытія отступленія. Ожидаю и тутъ, что изъ какой-нибудь подворотни выскочитъ молодой человѣкъ пріятной наружности и ехидно воскликнетъ: «А мы, по вашему, этого не знаемъ?» Конечно, знаемъ, но только говорить объ этомъ теперь, когда съ нашей стороны не было ни одного большого сраженія, было бы самохвальнымъ пустословіемъ, упражняться въ коемъ предоставляемъ патріотамъ своего отечества извѣстнаго пошиба».

Если даже Драгомировъ подвергся лжетолкованіямъ, то тѣмъ больше страдаютъ отъ нихъ менѣе, чѣмъ онъ, извѣстные газетные обозрѣватели. Недавно «Московскія Вѣдомости» обвинили сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей» С. К. въ лицепріятіи по отношеніи къ японцамъ, за то, что онъ преимущественно останавливался на дѣятельности ихъ генераловъ, а не нашихъ. Между тѣмъ, какъ справедливо указываетъ авторъ военныхъ замѣтокъ въ «Нов. Врем.» (16-го іюля):

«Одной изъ труднѣйшихъ сторонъ работы нашихъ военныхъ обозрѣвателей является то обстоятельство, что, по причинамъ совершенно понятнымъ и неустранимымъ, мы не вправѣ касаться вопроса о расположеніи нашихъ войскъ. Вслѣдствіе этого, желая осмыслить и объяснить текущія событія и высказывая тѣ или иныя соображенія объ ударахъ, подготовляемыхъ нашей арміи противникомъ, мы лишены возможности сообщить что-нибудь о контръ-ударахъ, въ свою очередь подготовляемыхъ у насъ, хотя бы они были вполнѣ очевидны. Отъ этого въ нашихъ военныхъ обозрѣніяхъ дѣятельность штаба нашей арміи, по сравненію съ дѣятельностью соотвѣтствующихъ органовъ у непріятеля какъ бы искусственно умаляется, при всей ея интенсивности и плодотворности».

Въ самомъ дѣлѣ, нашимъ храбрымъ войскамъ до сихъ поръ удалось лишь доказать, что они не разучились умирать, въ чемъ, впрочемъ, никто и не могъ сомнѣваться. Намъ приходится поэтому поневолѣ въ ожиданіи будущихъ событій касаться преимущественно японцевъ и тѣхъ уроковъ и выводовъ, которые можно сдѣлать изъ ихъ тактики.

Настоящая война доказала тотъ для многихъ неожиданный фактъ, что нападеніе при теперешнихъ условіяхъ далеко не находится въ столь неблагопріятномъ положеніи по сравненію съ обороною, какъ это можно было думать, въ виду силы современнаго огня, дающаго, казалось бы, особыя выгоды оборонѣ. Стоитъ, однако, вспомнить сказанное выше о значеніи коопераціи, какъ фактора, увеличивающаго индивидуальныя силы, чтобы получить теоретическую разгадку того явленія, что наступленіе можетъ вестись нынѣ съ достаточнымъ успѣхомъ даже при отсутствіи подавляющаго численнаго превосходства со стороны нападающаго. Дѣло въ томъ, что обороняющійся болѣе или менѣе прикованъ къ своимъ позиціямъ, лишенъ возможности иниціативы, а слѣдовательно и свободнаго примѣненія тѣхъ «наукъ полководцевъ», которыя съ каждымъ годомъ разрабатываютъ новые методы борьбы и играютъ все большее

значеніе на полѣ битвы при усложнившейся обстановкѣ ея. Аттакующій можетъ производить обходы и охваты противника; онъ отвлекаетъ его вниманіе къ второстепенному пункту, сосредоточивая свои силы противъ менѣе защищеннаго мѣста; онъ свободнѣе передвигаетъ и массируетъ свою артиллерію, выбираетъ для боя наиболѣе выгодный моментъ и пр. Всѣ эти пріемы постоянно и примѣнялись до сихъ поръ японцами. Такъ, въ бою подъ Тюренченомъ, они лишь въ два съ небольшимъ раза превышали насъ пѣхотою и имѣли еще меньшій перевѣсъ въ артиллеріи, но въ рѣшительномъ пунктѣ атаки ими было сосредоточено противъ половины нашихъ войскъ слишкомъ три четверти ихъ силъ. Въ вафангоускомъ дѣлѣ, гдѣ наша и японская пѣхота были приблизительно равны числомъ, но гдѣ на сторонѣ нашихъ противниковъ существовалъ двойной перевѣсъ въ артиллеріи, японцы, уступая контръ-атакѣ нашего лѣваго крыла, сохранили, однако, въ своихъ рукахъ инициативу наступленія, сосредоточили громадныя массы пѣхоты и артиллеріи противъ нашего центра и праваго крыла и заставили насъ отступить. Вообще, современная оборона, чтобы быть успѣшной, должна вестись въ высшей степени активно, посредствомъ контръ-атакъ, такъ какъ выгоднѣе терять часть преимуществъ, даваемыхъ сильной оборонительной позиціею, чѣмъ оставаться на ней празднымъ зрителемъ отдаленнаго боя или постепенной подготовки противникомъ атаки съ подавляющими массами. Но контръ-атаки требуютъ уже гораздо болѣе значительныхъ силъ *), чѣмъ пассивная защита.

Такимъ образомъ, если наступленіе представляется, вообще, съ тактической точки зрѣнія дѣломъ труднымъ, связаннымъ съ тяжелыми потерями и предъявляющимъ усиленныя требованія къ качеству войскъ, то оно зато даетъ возможность какъ имъ самимъ, такъ и ихъ начальникамъ полностью развить всѣ свои силы, умѣніе и энергію. Для окончательнаго сужденія о томъ, какъ складывается современный наступательный бой, важно еще точное знаніе потерь, испытанныхъ до сихъ поръ японцами... Страшныя потери, испытанныя нами подъ Плевною, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что аттаки противъ нея велись такъ, какъ не слѣдовало этого дѣлать; да и вообще потери при атакахъ зависятъ не столько отъ числа противника и силы его позиціи, сколько отъ подробностей веденія боя. Классическими примѣрами въ этомъ отношеніи являются частные эпизоды изъ битвъ при Гравелоттѣ и Седанѣ въ 1870 г. Въ первой—прусская гвардія, двинувшись безъ достаточной артиллерійской подготовки противъ занятой сравнительно небольшими французскими частями деревни Сен-Прива, потеряла 6.000 человѣкъ и не могла дойти до деревни. Во второй—атакѣ той же гвардіи на Гареннскій лѣсъ предшествовала уси-

*) Замѣтимъ для характеристики значенія контръ-атакъ, что въ третью Плевну 30-го августа 1877 г. мы добились, несмотря на неудачную общую обстановку штурма, рѣшительнаго успѣха на лѣвомъ флангѣ у Скобелева. На другой день, однако, Османъ-паша, оставивъ слабые заслоны противъ нашихъ главныхъ войскъ, двинулся всѣми силами на Скобелева и контръ-атакою занялъ захваченные накнунѣ нами редуты, отбросивъ съ огромнымъ урономъ отрядъ „бѣлаго генерала“.

ленная артиллерійская подготовка. Здѣсь произошла одна изъ первыхъ пробъ способа стрѣльбы по площадямъ, который теперь усиленно примѣняется японцами. Нѣмецкія батареи выстроились передъ лѣсомъ, причемъ каждой данъ былъ для обстрѣла небольшой секторъ; орудія каждой батареи направлялись на одну и ту же точку, такъ, однако, что высота прицѣловъ бралась у нихъ разная и что снаряды, слѣдовательно, рвались въ глубину по всему лѣсу *). Въ результатѣ, нѣмцы, потерявъ какую-нибудь сотню человѣкъ, овладѣли лѣсомъ и 10.000 нераненными плѣнными. Намъ детали обстановки нашихъ боевъ пока неизвѣстны, недостаетъ, слѣдовательно, и данныхъ для контролированія признаваемыхъ японцами цифръ ихъ потерь.

Въ веденіи боевъ японцы придерживаются нѣмецкихъ образцовъ. Они, какъ уже сказано, усиленно примѣняютъ охваты и обходы. Громадную роль они удѣляютъ артиллерійской подготовкѣ, которая, въ общемъ, рѣшила участь всѣхъ трехъ болѣе крупныхъ битвъ, до сихъ поръ происходившихъ. Артиллерія, отставшая отъ огня пѣхоты за послѣдніе тридцать лѣтъ, съ превращеніемъ въ скорострѣльную, вновь пріобрѣла теперь выдающееся значеніе, и японцы до сихъ поръ съ успѣхомъ пользовались своимъ численнымъ превосходствомъ надъ нами именно въ этомъ родѣ оружія. Въ общемъ, типичный бой, какъ они его ведутъ, продолжается нѣсколько дней; началу рѣшительный его части предшествуетъ усиленное обстрѣливаніе нашихъ позицій артиллеріей, сначала для выясненія расположенія ихъ, затѣмъ для подавленія огня нашихъ орудій. При этомъ японцы широко практикуютъ сосредоточенный огонь; они направляютъ сначала всѣ свои батареи противъ одного пункта нашихъ позицій, затѣмъ, когда замолчатъ на немъ наши орудія, переносятъ свой огонь на другой, и т. д. Уже послѣ тщательной и продолжительной артиллерійской подготовки японская пѣхота начинаетъ атаку. Въ этомъ пунктѣ боя характерно то, что японцы не оставляютъ у себя общаго резерва. Они сразу развертываютъ свои силы (кромѣ, конечно, тѣхъ, которыя совершаютъ обходныя движенія) и стремятся этимъ взять въ свои руки иниціативу и добиться возможно скорѣе наибольшаго эффекта дѣйствія. Наши военные это отсутствіе общаго резерва считаютъ очень опаснымъ для самихъ японцевъ, такъ какъ въ случаѣ энергичныхъ русскихъ контръ-атакъ ихъ слабыя линіи могутъ быть разорваны, и отсутствіе части, могущей возстановить бой, легко поведетъ къ полному пораженію.

Мы не можемъ останавливаться на различныхъ подробностяхъ, свидѣтельствующихъ о необычайной тщательности, акуратности и предусмотрительности, которую проявляютъ японцы въ разработкѣ всѣхъ мелочей военнаго дѣла. Нѣкоторое понятіе объ этомъ даетъ слѣдующая цитата одной изъ корреспонденцій В. И. Немировича-Данченко:

«Мы посѣщали ихъ окопы и любовались ими. Куда намъ до такого искусства. У насъ — общіе, у нихъ для офицеровъ унтеръ-офицеровъ отдѣльные, что позволяетъ тѣмъ наблюдать за непріятелемъ, опредѣлять и назначать при-

---

*) Страшная картина этой бомбардировки нарисована въ „Разгромѣ“ Золя.

цѣлъ и пристально слѣдитъ какъ за нами, такъ и за своими. Убѣдились, что у нихъ всѣ позиціи соединены непремѣнно телеграфомъ, телефономъ, геліографомъ или безпроволочнымъ. Имъ не надо посылать донесеній съ ординарцами, которые часто являются на мѣсто тогда, когда позади обстоятельства дѣла совершенно измѣнились. Даже бываетъ такъ: ѣдетъ съ приказаніемъ отъ начальника отряда его адъютантъ, и, пріѣхавъ, уже не находитъ части, въ которую онъ направился, потому что, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, позиціи часто очень растянуты. Случается, что на исполненіе такого порученія надо часа полтора, да назадъ столько же, а живой бой не ждетъ, нынче вѣдь—дѣла быстрыя, нервныя, гдѣ каждая минута на счету. Оправдалось и указаніе китайцевъ, что совершающая изумительные переходы чуть не по семидесяти верстъ въ день, не отставая отъ своей конницы, часть ихъ пѣхоты организована вся изъ солдатъ, бывшихъ до того рикшами или дженерикшами, т.-е. извозчиками и конями одновременно, цѣлые дни возившими на себѣ рысью сѣдоковъ. Если онъ рысью безъ отдыха бѣгалъ съ ними по нѣсколько часовъ,—что же онъ дѣлаетъ налегкѣ. И еще оказался у японцевъ плюсъ.

«Въ то время, какъ въ бой нашъ солдатъ тащитъ на себѣ снаряженіе въ два пуда (одинъ пудъ двадцать три фунта казеннаго, да не меньше, какъ на семь фунтовъ своего)—и потому устаетъ, японецъ все складываетъ въ слѣдующій за нимъ обозъ, переходы совершаетъ безъ груза и въ бой вступаетъ свѣжимъ, бодрымъ, сильнымъ. Мы видѣли, какъ они сбѣгаютъ съ горъ. Гребни занимаетъ ихъ стрѣлковая цѣпь, и немедленно какимъ-то гимнастическимъ шагомъ остальные скатываются по невѣроятному отвѣсу внизъ.—«Ему легко,—говорятъ наши солдаты съ завистью.—У него нѣтъ амуниціи, да и на ногахъ мягкіе башмаки. Поди-ка, сбѣги такъ въ нашихъ сапогахъ, живо разобьешься объ утесы въ пропасти!» Поэтому спускъ, который у насъ, зигзагами, потребовалъ бы часовъ, здѣсь берутъ у атакующей части всего нѣсколько минутъ, и пристрѣляться къ ней нѣтъ никакой возможности, потому что она падаетъ какъ обвалъ, бѣжитъ внизъ быстрѣе лавы...

III.

Есть основанія думать, что японцы остановились на выбранномъ ими времени объявленія войны, въ зависимости отъ существовавшаго въ тотъ моментъ отношенія вооруженныхъ морскихъ силъ у нихъ и у насъ. Обѣ страны за послѣдніе годы лихорадочно работали въ смыслѣ увеличенія этихъ силъ. Напряженіе, съ которымъ наша родина готовилась къ возможной войнѣ, видно уже изъ того, что всѣ строившіяся за послѣднее десятилѣтіе крупныя суда немедленно направляемы были на Дальній Востокъ, такъ что въ балтійскомъ флотѣ (исключая, конечно, тѣхъ судовъ, которыя не успѣли двинуться туда до войны) нѣтъ ни одного боевого судна моложе 1896 года. Въ теченіе одного прошлаго (1903) года на Дальній Востокъ были двинуты: броненосцы «Ретвизанъ», «Цесаревичъ» и «Побѣда», большіе крейсера «Баянъ», «Аскольдъ» и «Богатырь», не считая мелкихъ судовъ. Японцы, конечно, не могли не знать

объ этихъ вооруженіяхъ. Они тщательно слѣдили за ними и, вѣроятно, съ тревогою думали о томъ, какъ бы не пропустить благопріятнаго для войны момента. А моментъ этотъ временно принадлежалъ еще имъ въ началѣ этого года, хотя обѣщалъ быстро ускользнуть. Россія и Японія приблизительно одновременно приступили нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ осуществленію новыхъ судостроительныхъ программъ, но Японія, заказавшая всѣ свои крупныя суда въ Англіи, успѣла уже получить ихъ готовыми въ прошломъ году, тогда какъ у Россіи къ тому времени поспѣли только тѣ, которыя были заказаны за границею (броненосцы «Ретвизанъ» въ Америкѣ и «Цесаревичъ» во Франціи; большіе крейсера: «Варягъ» въ Америкѣ, «Баянъ» во Франціи, «Аскольдъ» и «Богатырь» въ Германіи, и малый крейсеръ «Новикъ» въ Германіи); переданныя отечественнымъ, медленнѣе работающимъ верфямъ суда оставались еще въ стадіи постройки. Въ началѣ 1904 г. Японія получила рѣшительный перевѣсъ въ силахъ, пріобрѣтя у Аргентинской республики броненосные крейсера «Ниссинъ» и «Кассугу»...

Трудности, которыя придется преодолѣть намъ въ этомъ отношеніи, признавались единогласно какъ общею, такъ и спеціальною нашею печатью и вызвали даже смѣлый проектъ провести этотъ флотъ на Дальній Востокъ черезъ Ледовитый океанъ. Предлагаемъ читателямъ судить объ этомъ доморощенномъ проектѣ, отвѣтивъ самимъ на вопросъ: «Можно ли рекомендовать для перехода военной эскадры совершенно неизслѣдованный путь, открытый для навигаціи, въ лучшемъ случаѣ, въ осеннее время, въ теченіе 6—8 недѣль, путь, который съ сотворенія міра пройденъ лишь однимъ судномъ съ углубленіемъ въ 16,4 футъ и водоизмѣщеніемъ 300 тоннъ, между тѣмъ какъ наши броненосцы достигаютъ водоизмѣщенія 15.000 тоннъ при углубленіи въ 26 футъ?» («Русское Судоходство» 1904 г. № 6. Статья Брейтфуса).

Что касается состава той эскадры, которую Россія предполагаетъ двинуть изъ Кронштадта на Дальній Востокъ, то онъ, конечно, держится въ тайнѣ.

Пока что, нашему дальне-восточному флоту приходится разсчитывать лишь на собственныя силы. Приведемъ для сужденія о нихъ сравнительную таблицу, нашихъ и японскихъ судовъ. Въ послѣдней крестами помѣчены тѣ суда, которыя погибли до сихъ поръ (см. стр. 140—143).

Свѣдѣнія наши о потеряхъ японцевъ менѣе точны. Мы, во-первыхъ, не знаемъ общаго числа погибшихъ у нихъ миноносцевъ, тогда какъ эти мелкія суда, вѣроятно, въ значительномъ числѣ погибли при отчаянныхъ ночныхъ атакахъ на флотъ нашъ и на Портъ-Артурскій рейдъ. Не знаемъ мы точно и того, какія поврежденія (не повлекшія за собою полной гибели) потерпѣли болѣе крупныя японскія суда. Между тѣмъ, такія поврежденія, конечно, были... Есть основанія думать, что японскій флотъ въ теченіе войны усилился пріобрѣтеніемъ отъ чилійской республики маленькаго броненосца «Капитанъ Праттъ» и крейсера «Чакабуко», почему мы и включаемъ эти суда въ списки японскихъ силъ.

Чтобы по приведеннымъ таблицамъ судить о морскихъ силахъ нашихъ и японскихъ, надо имѣть въ виду тѣ элементы, которые опредѣляютъ могуще-

ство судовъ. На практикѣ въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ ихъ возрастъ, такъ какъ при современномъ непрерывномъ усовершенствованіи техники судно необычайно быстро оказывается устарѣлымъ. Затѣмъ, крупную роль играетъ водоизмѣщеніе судовъ, въ виду того, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ болѣе крупное судно всегда будетъ имѣть преимущества надъ мелкимъ. Наконецъ, слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на броневую защиту, такъ какъ въ современномъ эскадренномъ боѣ могутъ принимать участіе лишь броненосцы или броненосные крейсера, т.-е. суда снабженныя вертикальною боевою бронею... Иностранныя, особенно англійскія газеты, напираютъ на превосходный личный составъ японскаго флота и великолѣпную организацію его, скопированную съ англійскихъ образцовъ. Съ другой стороны, нашъ флотъ, стоитъ весьма высоко по части артиллерійскаго огня. Въ пользу нашего противника складывается наличность у него большаго вспомогательнаго торговаго флота, массы удобныхъ гаваней, доковъ, средствъ для ремонта судовъ, угля и т. п., тогда какъ наши рессурсы ограничиваются портами Артуромъ и Владивостокомъ.

Если условія, обусловливающія силу флотовъ, складываются такимъ образомъ въ общемъ въ пользу японцевъ, то имъ предстояло и предстоитъ еще рѣшить на морѣ гораздо болѣе трудныя и сложныя задачи, чѣмъ намъ... Теперь послѣднимъ, напротивъ, приходится для поддержанія своего господства на морѣ затрачивать гораздо большія усилія, нежели держащемуся оборонительнаго образа дѣйствій нашему флоту. Строго говоря, японцамъ слѣдовало бы тѣсно блокировать Портъ-Артуръ и Владивостокъ (блокада послѣдняго особенно, однако, затруднительна, въ виду того, что онъ имѣетъ два выхода въ открытое море) и, кромѣ того, конвоировать, во избѣжаніе несчастныхъ случайностей, транспорты, везущіе войска и предметы снаряженія на театръ военныхъ дѣйствій. На все это у нашего непріятеля видимо не хватаетъ силъ, и онъ болѣе или менѣе тѣсно обложилъ лишь главную нашу эскадру въ Портъ-Артурѣ, выдѣливъ противъ Владивостока заслонъ изъ устарѣлыхъ судовъ, который только время отъ времени и не надолго получалъ подкрѣпленія отъ главныхъ силъ. При такихъ условіяхъ, активныя дѣйствія японцевъ противъ нашей Владивостокской эскадры ограничивались пока демонстративною бомбардировкою Владивостока 22-го февраля. Наши же крейсера стоящіе во Владивостокѣ, получили возможность сравнительно свободно дѣйствовать противъ сообщеній Японцевъ. Послѣдніе разсчитывали вѣроятно на то, что собственно въ Японскомъ морѣ происходитъ сравнительно слабое движеніе судовъ, и что главная коммуника ціонная линія военныхъ снабженій, идущая изъ Внутренняго моря и отъ острова Кіу-Сіу въ Желтое море, достаточно защищена упомянутымъ выше заслономъ, стоящимъ въ Корейскомъ проливѣ. При такихъ обстоятельствахъ они предпочли не ослаблять своихъ силъ подъ Портъ-Артуромъ и идти на рискъ понести небольшія потери на второстепенномъ пунктѣ борьбы. Едва ли они, однако, ожидали столь оживленной и успѣшной дѣятельности, какую проявила наша владивостокская эскадра. Она четыре раза—въ концѣ января началѣ марта, въ іюнѣ и іюлѣ—выходила въ море

ЯПОНСКІЙ ФЛОТЪ.	Годъ спуска на воду.	Водоизмѣщеніе въ тоннахъ.	Скорость въ узлахъ (1¾ верст.).	ОРУДІЙ.						
				12-ти-дюйм.	10-ти-дюйм.	8-ми-дюйм.	6-ти-дюйм.	4½-дюйм.	3-хъ-дюйм.	Мелкихъ.
Броненосцы I кл.										
„Миказа“	1900	15.300	18,6	4	—	—	14	—	20	12
„Асахи“	1899	15.200	18,3							
„Хатсусе“ †	1899	15.000	19							
„Шикишима“	1898	15.000	18,6							
„Фуджи“ †	1896	12.600	18,5	4	—	—	10	—	—	26
„Яшима“	1896	12.500	19,2							
Броненосцы II кл.										
„Капитанъ Праттъ“	1890	7.000	18	—	4	—	—	8	—	20
„Чинъ-Іенъ“	1882	7.330	14,5	4	—	—	4	—	—	10
Броненосные крейсера.										
„Адзума“	1899	9.500	20	—	—	4	12	—	12	12
„Якумо“	1899	9.800	21	—	—	4	12	—	12	8
„Ивате“	1900	9.900	21	—	—	4	14	—	12	8
„Идзумо“	1899									
„Азама“	1898									
„Токива“	1898									
„Касуга“	1903	7.700	20	—	—	4	14	—	10	8
„Ниссинъ“	1903	7.700	20	—	1	2	14	—	10	8
Неброненосные крейсера.										
„Касаги“	1898	5.000	22	—	—	2	—	10	12	8
„Читозе“	1898	4.900								
„Такасаго“ †	1897	4.300	23	—	—	2	—	10	12	6
„Чакабуко“	1898	4.300								
„Іошино“ †	1892	4.200	23	—	—	—	4	8	—	22
„Чушима“	1902	3.400	20	—	—	—	6	—	10	4
„Нитака“	1902									
„Акаши“	1897	2.750	20	—	—	—	2	6	—	12
„Сума“	1895									
„Акитсушима“	1892	3.200	19	—	—	—	4	6	—	10

РУССКІЙ ФЛОТЪ.	Годъ спуска на воду.	Водоизмѣщеніе въ тоннахъ.	Скорость въ узлахъ (1 3/4 верст.).	ОРУДІЙ.						
				12-ти-дюйм.	10-ти-дюйм.	8-ми-дюйм.	6-ти-дюйм.	4 1/2-дюйм.	3-хъ-дюйм.	Мелкихъ.
Броненосцы I кл.										
„Цесаревичъ“	1901	12.900	18	4	—	—	12	—	20	20
„Ретвизанъ“	1900									32
„Побѣда“	1900	12.700	18	—	4	—	11	—	20	28
„Пересвѣтъ“	1898									
„Севастополь“	1895	11.000	17	4	—	—	12	—	—	40
„Полтава“	1894									
„Петропавловскъ“ †	1894									
Броненосные крейсера.										
„Баянъ“	1900	7.700	21	—	—	2	8	—	20	8
„Громобой“	1899	13.900	20	—	—	4	16	—	24	30
„Россія“	1896	13.700	20	—	—	4	16	—	12	36
„Рюрикъ“	1892	11.700	18	—	—	4	16	6	—	22
Неброненосные крейсера.										
„Богатырь“	1901	6.600	24	—	—	—	12	—	12	8
„Аскольдъ“	1900	5.900								
„Варягъ“ †	1899	6.500								
„Паллада“	1899	6.700	19	—	—	—	8	—	24	8
„Діана“	1899									
„Новикъ“	1900	3.100	25	—	—	—	—	6	—	9
„Бояринъ“	1901	3.200	22	—	—	—	—	6	—	8

ЯПОНСКІЙ ФЛОТЪ.	Годъ спуска на воду.	Водоизмѣщеніе въ тоннахъ.	Скорость въ узлахъ (1¾ верст.).	ОРУДІЙ. 12-ти-дюйм.	10-ти-дюйм.	8-ми-дюйм.	6-ти-дюйм.	4½-дюйм.	3-хъ-дюйм.	Мелкихъ.
Не броненосные крейсера.										
„Чіода"	1890	2.500	19	—	—	—	—	10	—	15
„Хашидате"	1891									
„Матсушима"	1890	4.300	16	1	—	—	—	11	—	18
„Итсукушима"	1890									
„Нанива"	1885	3.700	18	—	2	—	6	—	—	16
„Такачихо"	1885									
„Чихайя"	1900	1.250	21	—	—	—	—	2	4	—
„Міяко" †	1897	1.800	20	—	—	—	—	2	—	10
„Яйеяма"	1889	1.600	20	—	—	—	—	3	—	8
„Такао"	1888	1.800	15	—	—	—	4	1	1	2
„Мусаши"	1886									
„Ямато"	1885	1.550	12	—	—	—	1	5	1	4
„Катсураги"	1885									
„Изуми"	1883	3.000	17	—	—	2	6	—	—	1
„Тенріу"	1883	1.600	11	—	—	—	2	4	—	—
„Чукуши"	1883	1.400	14	—	2	—	—	4	1	2
„Каймонъ" †	1882	1.400	12	—	—	—	1	6	—	—
„Конго"	1877	2.300	13	—	—	—	8	—	2	8
„Хіей"	1877									
Броненосцы берег. обор.										
„Фузо"	1877	3.800	12	—	4	—	4	4	—	11
„Сяй-Іенъ"	1883	2.300	15	—	—	2	1	—	2	12
„Хей-Іенъ"	1889	2.100	11	—	1	—	2	2	—	8
Канонерки.										
Около 15	—	450—870	—	—	—	—	—	—	—	—
Миноносцы.										
19 истребителей	—	275—385	30—31	—	—	—	—	—	1	5
18 I класса	—	120—200	19—29	—	—	—	—	—	—	3—4
41 II „	—	80	21—26	—	—	—	—	—	—	1
27 III „	—	40—65	18—25	—	—	—	—	—	—	—

РУССКІЙ ФЛОТЪ.	Годъ спуска на воду.	Водоизмѣщеніе въ тоннахъ.	Скорость въ узлахъ ($1\frac{3}{4}$ верст.).	ОРУДІЙ.						
				12-ти-дюйм.	10-ти-дюйм.	8-ми-дюйм.	6-ти-дюйм.	$4\frac{1}{2}$-дюйм.	3-хъ-дюйм.	Мелкихъ.
Мелкія суда (канонерки и пр.).										
„Отважный“	1892	1.700	14	—	1 9-ти-дюйм.	—	1	4	—	10
„Гремящій“	1892									
„Кореецъ“ †	1886	1.300	13	—	—	2	1	—	4	6
„Манчжуръ“ *)	1886	1.400								
„Сивучъ“ †	1884	1.100	11	—	1 9-ти-дюйм.	—	1	—	6	4
„Бобръ“	1885									
„Гилякъ“	1898	1.250	12	—	—	—	—	1	5	5
„Гайдамакъ“	1893	405	20	—	—	—	—	—	—	9
„Всадникъ“	1893									
„Джигитъ“	1873	1.300	13	—	—	—	2	—	4	12
„Разбойникъ“	1878									
„Забіяка“	1878									
Миноносцы.										
17 истребителей (2 погибло)	—	220—350	26	—	—	-	—	—	1	5
13 I и II класса	—	80—140	—	—	—	—	—	—	—	—
Нѣсколько мелкихъ.										

*) Стоитъ въ Шанхаѣ; разоруженъ.

и частью потопила, частью захватила рядъ транспортовъ съ цѣнными военными грузами и частями войскъ. Въ послѣднюю экспедицію наши крейсера черезъ Сангарскій проливъ вышли даже въ Тихій океанъ и прошли къ востоку отъ Японіи, угрожая ея сообщеніямъ съ Соединенными Штатами, главною базою снабженія военною контрабандою. Подобныя крейсерскія экспедиціи всегда производятъ нравственное впечатлѣніе, далеко превышающее наносимыя ими матеріальныя потери. Японцамъ предстоитъ поэтому рѣшить трудный вопросъ о томъ, продолжать ли не обращать вниманія на владивостокскую эскадру или принять противъ нея энергичныя мѣры, которыя, однако, не могутъ быть осуществлены безъ ослабленія эскадры, стоящей противъ Портъ-Артура, гдѣ происходятъ какъ разъ теперь рѣшительныя событія, требующія полнаго напряженія силъ.

Наши крейсера, а именно суда добровольнаго флота «Петербургъ» и «Смоленскъ», проявили себя и въ Чермномъ морѣ, гдѣ арестовали рядъ судовъ нейтральныхъ державъ, заподозрѣнныхъ въ доставкѣ контрабанды въ Японію, и захватили идущую туда европейскую почту. Это вызвало протестъ Англіи...

Японцы выбрали самый правильный способъ дѣйствія противъ нашей эскадры способъ активной борьбы, постоянно тревожа ее ложными аттаками миноносцевъ, пусканіемъ брандеровъ, вообще отвлекая все ея вниманіе отъ внѣшнихъ происшествій и сосредоточивая его на вопросахъ обороны. Такое, повидимому, именно значеніе имѣли попытки загородить выходъ изъ внутренняго Артурскаго рейда брандерами, такъ какъ едва ли адмиралъ Того могъ серьезно разсчитывать надолго запереть такимъ образомъ нашъ флотъ (самое большое, что можно было при этомъ достигнуть японцамъ, это выигрышъ нѣсколькихъ дней), да и неудачи брандеровъ не помѣшали японцамъ выполнять намѣченный ими планъ высадокъ. Мы не будемъ останавливаться подробнѣе на этихъ мелкихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ обѣ стороны проявили много геройства, и укажемъ только на то, что морской бой 27 января носилъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ позднѣйшія столкновенія. Того самъ назвалъ этотъ бой усиленною рекогносцировкою. Быть можетъ, однако, онъ сперва имѣлъ въ виду болѣе важную цѣль—попытаться, благодаря неожиданности нападенія, взять съ моря Портъ-Артуръ—и лишь послѣ того, какъ выяснилась невозможность одолѣть насъ, прикрылъ свою неудачу эвфемизмомъ «усиленной рекогносцировки», что издавна практикуется неудачливыми вождями *).

Придать болѣе активный характеръ нашимъ морскимъ операціямъ и вырвать иниціативу изъ рукъ японцевъ попытался, несмотря на перевѣсъ японскихъ силъ, принявшій 24-го февраля командованіе флотомъ въ Портъ-Артурѣ адмиралъ Макаровъ. Къ сожалѣнію, его дѣятельности былъ положенъ прежде-

---

*) Усиленною рекогносцировкою называется веденная большими силами рекогносцировка, добывающая свѣдѣнія о положеніи и числѣ противника тѣмъ, что отрядъ ввязывается съ нимъ въ бой, ведетъ наступленія, пока тотъ не обнаружитъ своихъ позицій и силъ, а затѣмъ отступаетъ къ главной арміи или базѣ.

временный конецъ извѣстною катастрофою 30-го марта, тѣмъ болѣе трагической, что талантливый адмиралъ погибъ въ такой обстановкѣ, выясненію опасности которой онъ посвятилъ въ свое время много труда. Наша печать почему-то мало удѣлила мѣста серьезному изложенію взглядовъ С. О. Макарова.

Послѣ смерти С. О. Макарова портъ-артурскій флотъ нашъ не пытался больше предпринимать серьезныхъ военныхъ дѣйствій, хотя выходъ его 10—11-го іюня показалъ, что всѣ суда его исправны, и что, слѣдовательно, разница силъ между нимъ и ослабленной потерями эскадрою Того не можетъ быть особенно велика. Вѣроятно, мы услышимъ о его дѣйствіяхъ уже въ связи съ обороною Портъ-Артура отъ рѣшительныхъ атакъ японцевъ.

Настоящая война подтвердила пока существовавшее уже раньше у спеціалистовъ мнѣніе о томъ, что эскадренные бои при современныхъ условіяхъ должны происходить крайне рѣдко. Дѣйствительно, броненосецъ—слишкомъ дорого стоющая машина, которую притомъ въ случаѣ гибели невозможно замѣнить иначе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, и адмиралы могутъ рискнуть на бой только при полной увѣренности въ побѣдѣ или при такомъ отчаянномъ положеніи вещей, когда терять больше уже нечего. Въ первомъ случаѣ, однако, враждебный флотъ попытается уклониться отъ боя, если только онъ не вынужденъ принять лозунга «побѣда или смерть». Пока и для насъ, и для японцевъ не существуетъ еще условій, вынуждающихъ обѣ стороны къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и этимъ нѣсколько объясняется осторожность ихъ операцій; видимо, онѣ сберегаютъ силы для критическаго, быть можетъ, уже недалекаго момента.

IV.

«Моск. Вѣд». въ № 117 обсуждаютъ вопросъ о томъ, является ли нынѣшняя война, какъ думаютъ нѣкоторые, войною между «макаками и кое-ка-ками», или нѣтъ. Названіе «кое-какъ» намъ, однако, не совсѣмъ подходитъ. Выше мы указали, какъ энергично усиливался въ теченіе минувшаго года нашъ флотъ. То же самое производилось и на сушѣ. Рѣшительный толчокъ къ увеличенію нашей арміи на Дальнемъ Востокѣ дала поѣздка туда прошлымъ лѣтомъ военнаго министра ген. Куропаткина. Послѣдній пришелъ, повидимому къ убѣжденію, что рано или поздно неминуема война, и послѣ его посѣщенія закипѣла горячая работа. Укрѣпленія Портъ-Артура были усилены, запасы его увеличены, организованы были новыя части спеціальныхъ родовъ оружія, но главная реформа коснулась пѣхоты. Къ серединѣ прошлаго года мы располагали на Дальнемъ Востокѣ шестью стрѣлковыми бригадами въ составѣ четырехъ двухбатальонныхъ полковъ каждая и 9 крѣпостными пѣхотными баталіонами, т. е. всего 57 баталіонами. Осенью 1903 г. крѣпостные батальоны были превращены въ двѣ новыхъ стрѣлковыхъ бригады, изъ нихъ одна съ трехбаталіонными полками, и, кромѣ того, двинуты были изъ Европейской Россіи на Дальній Востокъ 2-я бригада входящей въ составъ 10 армейскаго кор-

пуса 31-й дивизіи (123-й Козловскій и 124-й Воронежскій четырехбаталіонные полки) и 2-я бригада 35-я дивизіи изъ состава 17 корпуса (139 Моршанскій и 140 й Зарайскій полки); такимъ образомъ къ концу прошлаго года у насъ было на берегахъ Тихаго океана уже 84 батальона пѣхоты. Объявленіе войны застало насъ во время новаго усиленія войскъ. Сформирована была девятая стрѣлковая бригада, и всѣ девять бригадъ развернуты были въ дивизіи *) изъ четырехъ полковъ трехбаталіоннаго состава, такъ что численность нашей пѣхоты въ началѣ войны равнялась уже 124 баталіонамъ. Сибирская мобилизація усилила эти части до состава военнаго времени, котораго онѣ, впрочемъ, почти достигали и прежде, и доставила на мѣсто дѣйствій 3 новыхъ сибирскихъ пѣхотныхъ дивизіи, т.-е. 48 баталіоновъ (сибирскіе полки. 1-й Срѣтенскій, 2-й Читинскій, 3-й Нерчинскій, 4-й Верхнеудинскій, 5-й Иркутскій, 6-й Енисейскій, 7-й Красноярскій, 8-й Томскій, 9-й Тобольскій, 10-й Омскій, 11-й Семипалатинскій и 12-й Барнаульскій). Всѣ части эти сведены были въ четыре сибирскихъ корпуса, поставленные подъ начальство: 1-й—ген. Сахарова, а послѣ назначенія его начальникомъ штаба арміи ген. Штакельберга; 2-й—ген. Засулича, 3-ій—ген. Стесселя и 4-й—ген. Зарубаева.

Усиленіе нашихъ войскъ продолжалось. Вторая—весенняя мобилизація 10-го (ген. Случевскій) и 17-го (ген. Бильдерлинъ) корпусовъ, штабы которыхъ расположены въ Харьковѣ и Москвѣ. Двинуты были на Дальній Востокъ 10-й и 17-й корпуса. Эти части къ концу іюля должны были полностью прибыть на Дальній Востокъ, гдѣ, такимъ образомъ, къ этому времени должно было быть сосредоточено свыше 200 баталіоновъ пѣхоты.

Для дальнѣйшаго увеличенія нашихъ войскъ произведена была третья, самая крупная мобилизація, при которой было мобилизовано всего 160 батальоновъ. Изъ этихъ войскъ пока предназначены къ движенію въ Сибирь, однако, только части, сведенныя въ 2 корпуса—5-й и 6-й сибирскіе. Первый изъ нихъ подъ командою генерала Дембовскаго, второй генерала Соболева. Наконецъ послѣ другихъ мобилизированъ первый армейскій корпусъ (ген. Мейендорфъ).

Мы перечислили выше только пѣхотныя части, направляемыя на мѣсто военныхъ дѣйствій. Гораздо затруднительнѣе указать количество имѣющейся у насъ тамъ артиллеріи. Вообще, у насъ на дивизію пѣхоты полагается артиллерійская бригада (6 батарей по 8 орудій), но, повидимому, на театрѣ войны отношеніе артиллеріи къ пѣхотѣ пока меньше; съ другой стороны,

*) Нашъ корпусъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ (рѣже трехъ) дивизій пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ конницы и артиллеріи. Дивизія дѣлится на 2 бригады; бригада — на 2 полка, полкъ — на 3 или 4 батальона. Батальонъ состоитъ изъ четырехъ ротъ и включаетъ въ военное время около 1000 ч. Въ конномъ полку у насъ состоитъ 6 эскадроновъ или сотенъ и также около 1000 ч. У японцевъ высшею единицею является дивизія, такъ какъ у нихъ не сформировано корпусовъ. Ихъ полки обыкновенно трехбатальоннаго (рѣже двухбатальоннаго) состава.

впрочемъ, тамъ имѣется много новообразованныхъ батарей мортирныхъ, горныхъ, пулеметныхъ и пр. Во всякомъ случаѣ, артиллерія—тотъ родъ оружія, въ которомъ мы наиболѣе слабы. Сильна зато наша армія конницею. Кромѣ имѣющихся въ Восточной Сибири Приморскаго драгунскаго полка и казачьихъ войскъ Уссурійскаго, Приамурскаго и Забайкальскаго (около 14 полковъ) туда двинуты сибирскіе казачьи полки (числомъ 6?), 2 уральскихъ, 4 оренбургскихъ, 2 кавказскихъ полка, составленныхъ изъ добровольцевъ, и 2 регулярныхъ драгунскихъ. Ко всѣмъ этимъ войскамъ должна быть добавлена помощь достигающей до 40.000 человѣкъ охранной стражи (пограничники), части которой участвовали до сихъ поръ въ рядѣ стычекъ.

Что касается японской арміи, то состоитъ она повидимому изъ 1 гвардейской и 13 армейскихъ дивизій 12-ти-батальоннаго состава; кромѣ того, повидимому, изъ запасныхъ частей сформировано столько же дивизій 8-ми-баталліоннаго состава, обыкновенно соединенныхъ съ соотвѣтствующими дивизіями постоянной арміи. Пѣхота японцевъ достигаетъ, такимъ образомъ, силы 280 батальоновъ. Что касается артиллеріи, то на японскую дивизію полагается артиллерійскій полкъ въ 6 (у резервныхъ дивизій, вѣроятно, 4) шестиорудійныхъ батарей; кромѣ того, внѣ состава дивизій, считаются еще 6 полковъ. Такимъ образомъ, полевая артиллерія японцевъ достигала бы общей силы въ 1.056 орудій, не считая тяжелыхъ осадныхъ орудій, которыми пользовались уже наши противники въ нѣкоторыхъ столкновеніяхъ. Кавалерія японцевъ слаба; она не превышаетъ 86 эскадроновъ (считая по 3 эскадрона на полевую дивизію, по 2 на резервную, и отдѣльныхъ двѣ бригады по 8 эскадроновъ).

Свое наступленіе японцы вели до сихъ поръ, соблюдая ту присущую имъ осторожность, то медленное, аккуратное подготовленіе каждой отдѣльной операціи, о которыхъ говорилось выше. По объявленіи войны, они не воспользовались всѣми преимуществами, которыя давала имъ возможность болѣе быстрой мобилизаціи и предпочли вести тихое, но за то вѣрное наступленіе. Они первоначально высадили части своихъ войскъ въ совершенно безопасномъ пунктѣ Кореи—Чемульпо и затѣмъ медленно продвигали ихъ по побережью, строя такимъ образомъ длинную сухопутную линію сообщеній. По мѣрѣ того, какъ фронтъ наступленія по этой линіи приближался къ удобному для высадки мѣсту, но не раньше этого, японцы производили въ немъ новую высадку и устраивали здѣсь промежуточную базу, пользуясь затѣмъ уже для своихъ сообщеній по преимуществу болѣе легкимъ морскимъ путемъ. Такимъ образомъ, они постоянно имѣли два различныхъ пути на случай отступленія, и каждая высадка ихъ прикрывалась имѣвшимся уже на мѣстѣ или вблизи его сухопутнымъ отрядомъ. Подобнымъ способомъ они постепенно заняли Цинанпо, Іонанпо, Тадунгау, Буцзыво и Дагушанъ, затѣмъ сѣверо-западный берегъ Ляодунскаго полуострова, и, наконецъ, 12-го іюля, Нью-Чванъ (Инкоу), взятіе котораго создаетъ имъ новую коммуникацію линіи и даетъ сильную точку опоры въ долинѣ Ляо-Хэ.

Высадившись 26-го января въ Чемульпо, японцы только въ началѣ апрѣля,

*

послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ съ казаками подошли къ рѣкѣ Ялу, обороняемой восточнымъ отрядомъ манчжурской арміи въ составѣ 2-го корпуса (3-ья и 6-ая стрѣлковыя дивизіи). 18-го апрѣля произошелъ тюренченскій бой, послѣ котораго наши войска отошли сначала на Фынъ-Хуанъ-Ченъ, а затѣмъ еще больше назадъ къ горнымъ проходамъ кряжа, раздѣляющаго бассейны Ляодунскаго и Корейскаго заливовъ. Съ тѣхъ поръ на этомъ фронтѣ не случилось ничего достопримѣчательнаго. У насъ произошла перемѣна начальниковъ — командующимъ отрядомъ сдѣлался убитый 18-го іюля генералъ графъ Келлеръ (бывшій екатеринославскій губернаторъ); командиромъ 6-ой дивизіи, не принявшей участія въ тюренченскомъ бою, который вынесли полки одной третьей дивизіи, назначенъ генералъ Романовъ. Графъ Келлеръ не счелъ возможнымъ переходить въ наступленіе. Съ своей стороны и японцы крайне медленно продвигались впередъ и ограничились къ концу іюля занятіемъ уступленныхъ имъ послѣ нѣсколькихъ небольшихъ боевъ переваловъ, не спускаясь большими массами въ долину Ляо-Хэ.

Четыре дня послѣ Тюренчена, 22-го апрѣля, произошло другое знаменательное событіе—высадка японцевъ въ Бицзыво. Отсюда они двинулись вдоль линіи желѣзной дороги, окончательно ими занятой 1-го мая, въ разныя стороны: часть противъ Портъ-Артура, другая—на южный отрядъ арміи генерала Куропаткина. 1—2 іюня въ кровопролитномъ бою подъ Вафангоу они вынудили этотъ отрядъ (генерала Штакельбергъ) къ отступленію и послѣ ряда стычекъ и болѣе крупнаго столкновенія 11-го іюля съ войсками генерала Зарубаева подъ Дашицао заняли 12-го Нью-Чванъ и подошли къ Хайчену, крайнему южному пункту укрѣпленной нашей линіи Хайченъ-Ляоянъ-Мукденъ.

Двинутая противъ Портъ-Артура колонна взяла штурмомъ 13-го мая цзиньчжоускую укрѣпленную позицію, заняла городъ Дальній и начала сложное и трудное дѣло высадки осадныхъ парковъ и установки тяжелыхъ орудій противъ нашихъ батарей и вообще подготовки всего нужнаго для рѣшительной аттаки. Нашъ гарнизонъ всячески старался мѣшать въ этомъ японцамъ и имѣлъ 19—22-го іюня удачныя дѣла. Японскія силы подъ Портъ-Артуромъ оцѣниваются въ 3 пѣхотныхъ дивизіи (со своими резервными частями), т.-е. въ 60 батальоновъ. У насъ, по иностранымъ свѣдѣніямъ, находятся въ крѣпости 4-я и 7-я стрѣлковыя дивизіи и 5-й стрѣлковый полкъ, т.-е. 27 баталіоновъ, общее же число защитниковъ Портъ-Артура достигаетъ 50.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ экипажъ военныхъ судовъ, крѣпостную артиллерію (3 баталіона) и нѣкоторыя мелкія части.

Отдѣльно отъ главныхъ дѣйствій велась все время войны изобиловавшая мелкими стычками и геройскими эпизодами защита противъ нападеній китайскихъ и японскихъ партизановъ длиннаго желѣзнодорожнаго пути, этой артеріи, соединяющей нашу армію съ родиной и перерѣзка которой могла бы быть смертельна для первой. Трудное, неблагодарное и незамѣтное дѣло этой защиты выполнено до сихъ поръ съ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ не допущено ни одной крупной порчи дороги. Наиболѣе серьезнымъ и драматическимъ

инцидентомъ явилась поимка двухъ японскихъ офицеровъ, разстрѣлянныхъ затѣмъ въ Харбинѣ. Осужденнымъ позволено было написать передъ казнью на родину письма, интересныя тѣмъ, что они ясно говорятъ о патріотическомъ подъемѣ, ощущаемомъ въ настоящую войну Японіей. Письмо одного изъ нихъ, Оки къ родителямъ, слѣдующаго содержанія: «Отецъ, съ малыхъ лѣтъ вы такъ безпокоились обо мнѣ и такъ меня любили, но до сихъ поръ ничѣмъ я не могъ отвѣтить вамъ на ваши заботы, даже чѣмъ дальше, тѣмъ причинялъ все болѣе и болѣе безпокойства. Теперь я, наконецъ, столкнулся лицомъ къ лицу со своею несчастною судьбой. Со своею великою задачей бродилъ я въ Манчжуріи и попалъ русскимъ въ руки. Черезъ 5 минутъ долженъ я умереть. Мнѣ не стыдно, потому что я разстаюсь съ жизнью за свое государство; жаль только, что я не выполнилъ своей цѣли. Теперь въ послѣднюю минуту пишу вамъ, дорогіе родители мои. Забудьте меня, вырвите меня изъ своего сердца». Письмо другаго осужденнаго, Іококавы, къ двумъ сыновьямъ такого содержанія: «Любимыя мои дѣти. Отецъ вашъ по приказанію нашего государя пошелъ въ Манчжурію, но неудачно: меня схватили русскіе солдаты, и я присужденъ къ смерти. Теперь стою я подъ славными ружьями. Это предназначено мнѣ. Вы должны радоваться, что отецъ вашъ умираетъ, вѣрный долгу своего отечества. Учитесь дальше хорошо, любите мать, сдѣлайтесь знаменитыми людьми. Больше у меня нѣтъ никакихъ словъ. Матери и вамъ поможетъ въ будущей жизни правительство».

Упомянемъ въ заключеніи, не входя пока въ его разборъ, о томъ грустномъ и тяжеломъ фактѣ, что за послѣдніе два мѣсяца раненные солдаты наши, оставляемые на полѣ битвы, подвергались неоднократно мучительнымъ истязаніямъ и иногда умерщвлялись самымъ звѣрскимъ образомъ. Оффиціальныхъ сообщеній объ такихъ случаяхъ мы еще не имѣемъ, въ частныхъ разсказахъ встрѣчаются многія неточности и неясности, сами японцы упорно отрицаютъ свою вину и сваливаютъ отвѣтственность на китайцевъ-хунхузовъ. При таТакихъ обстоятельствахъ было бы преждевременно дѣлать какіе-либо общіе выводы и заключенія.

VI.

Итогомъ перваго періода компаніи явилось то, что почти равночисленныя главныя силы японцевъ и наши встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу. Рѣшительное столкновеніе теперь неизбѣжно. Вопросъ только въ томъ, съ чьей стороны послѣдуетъ иниціатива на него. Японцы закончили въ настоящее время цѣлую военную операцію—перешли тянущуюся посрединѣ Ляодунскаго полуострова неудобную гористую мѣстность, прочно заняли часть богатой долины Ляохэ, заградили намъ доступъ къ Портъ-Артуру и пріобрѣли въ Инкоу удобную морскую базу. Будутъ ли они наступать дальше, вызывая на бой нашу главную армію, или предпочтутъ отнынѣ держаться оборонитель-

наго образа дѣйствій, покажетъ ближайшее будущее. Разрѣшитъ оно аналогичный вопросъ и по отношенію къ нашей арміи. Движеніе это вызываетъ на сравненіе съ надвиганіемъ прусскихъ корпусовъ черезъ горы же на Чехію въ 1866 г.; это наступленіе пруссаковъ теперь всѣми признается крайне рискованнымъ, такъ какъ только грубыя ошибки австрійцевъ помѣшали имъ разбить по частямъ выходившихъ изъ горныхъ дефиле противниковъ. Ген. Куропаткинъ лишенъ былъ, конечно, возможности воспользоваться представлявшимися ему благопріятными моментами. Вѣроятно, кромѣ сравнительной слабости его силъ, отвратительное состояніе путей сообщенія, почти недоступныхъ для нашей полевой артиллеріи, и трудность снабженія войскъ провіантомъ, при удаленіи ихъ отъ линіи желѣзной дороги, заставили его отказываться до сихъ поръ отъ соблазнительныхъ, но рискованныхъ операцій.

Теперь положеніе дѣлъ мѣняется съ каждымъ днемъ. Къ намъ прибываютъ все новыя и новыя подкрѣпленія, и если японцы не пойдутъ впередъ, то наши войска вскорѣ двинутся имъ навстрѣчу на выручку Портъ-Артура. Въ ожидаемомъ столкновеніи японцы могутъ располагать, на основаніи сказаннаго выше, около 220 баталіоновъ пѣхоты, часть которыхъ, однако, должна оставаться въ тылу, для охраны путей сообщенія, такъ какъ у японцевъ нѣтъ спеціальной охранной стражи, какую имѣемъ мы. Конницей мы имѣемъ рѣшительный перевѣсъ надъ японцами, въ артиллеріи—до поры до времени уступаемъ имъ.

Б. В—ръ.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

всякаго другого. Но одно было несомнѣнно: его удивительное самомнѣніе. Онъ постоянно держался на вытяжку, прямо, точно аршинъ проглотилъ, высокій воротникъ подпиралъ его всегда тщательно расчесанную голову, такъ что онъ съ трудомъ могъ поворачивать ее. Его бритое, краснощекое лицо никогда не теряло выраженія высокомѣрія.

Солдаты старались какъ можно рѣже попадаться ему на глаза, такъ какъ всякаго, кто проходилъ мимо него, онъ непремѣнно подзывалъ и за что-нибудь бранилъ; всѣ, не исключая и унтеръ-офицеровъ, ненавидѣли его за его презрительное отношеніе къ окружающимъ.

Вегштеттенъ и Реймерсъ тоже не дружили съ солдатами, но когда все шло хорошо, они не прочь были и похвалить и ласково улыбнуться. Острые сердитые глаза маленькаго Вегштеттена могли при случаѣ глядѣть очень добродушно. Но оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ всегда оставался одинаковымъ, всегда стоялъ какъ проглотившій аршинъ.

Это возмущало честнаго Фохта. Конечно, солдатъ обязанъ нести свою проклятую службу и исполнять свой долгъ, но онъ, вѣдь, все же человѣкъ, и не худо поощрять его, когда онъ старается изо всѣхъ силъ. Во всякомъ случаѣ такимъ обращеніемъ нельзя создать связь между офицерами и солдатами, такую связь, которая пригодится въ трудныя минуты.

Во время упражненій въ стрѣльбѣ оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ нѣсколько разъ дѣлалъ ему выговоры.

Фохтъ исполнялъ свои служебныя обязанности бодро и весело, но при этомъ не могъ удержаться, чтобы не обратиться къ товарищамъ съ какимъ-нибудь словцомъ вполголоса. Это возмущало офицера, и онъ присоединилъ къ выговору замѣчаніе, что удивляется, какъ смѣетъ мечтать о званіи унтеръ-офицера солдатъ, который не умѣетъ соблюдать первыхъ правилъ дисциплины.

Канониръ покорно снесъ обиду. Онъ не думалъ, что сдѣлалъ что-нибудь дурное, когда замѣтилъ мямлѣ Трухзесу: «Ну, пошевеливайся!» Съ другой стороны, нельзя было отрицать, что Бретшнейдеръ правъ: на ученьѣ было запрещено говорить что-либо, кромѣ самаго необходимаго, а его слова никакъ нельзя было назвать необходимыми. Несмотря на это, въ душѣ Фохта осталось горькое чувство незаслуженной обиды.

Онъ былъ очень радъ, когда по возвращеніи съ ученья пришелъ чередъ работъ, въ которыхъ онъ могъ отличиться: упражненіе въ починкѣ орудій. Ему хотѣлось доказать оберъ-лейтенанту, что онъ исправный солдатъ. А на этотъ разъ на эти упражненія обращено было особенное вниманіе. Полковникъ хотѣлъ самъ осматривать шестую батарею.

При починкѣ главнымъ считалось скорость и прочность работы. Заранѣе назначалось, какое мнимое поврежденіе нанесено тому или другому орудію и солдаты соперничали въ томъ, кто скорѣе и лучше исправитъ его.

Для орудія Фохта былъ назначенъ переломъ дышла. Онъ въ одну минуту наложилъ на мнимый переломъ запасной ободъ, который по настоящему слѣдовало прибить гвоздями и крѣпко-накрѣпко обмоталъ его веревкой, такъ что онъ очутился точно въ панцырѣ изъ веревокъ. Скорѣй могло дышло лопнуть въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ этотъ переломъ разойтись.

Едва онъ кончилъ работу, какъ прибѣжалъ канониръ и объявилъ, что правое колесо лафета прострѣлено и его нужно замѣнить новымъ. Это было порядочное мученье. Три человѣка должны были поднять правую сторону лафета и держать его на вѣсу, а двое другихъ надѣвать на ось тоже очень тяжелое колесо. На бѣду неповоротливый Трухзесъ ушибся, снимая «разстрѣленное» колесо, такъ что осталось только четыре работника. Фохтъ прикатилъ запасное колесо; но оно его не слушалось и ступица никакъ не приходилась противъ оси. Одному человѣку было слишкомъ трудно справляться съ тяжелымъ колесомъ.

Потъ ручьями лилъ у Фохта со лба и щипалъ ему глаза. Но онъ не отсту-

палъ и, въ концѣ концовъ, напрягая всѣ силы, поднялъ-таки колесо такъ, что оно надѣлось на ось. Оставалось какъ можно скорѣе вдѣть чеку въ ось, продернуть сквозь отверстіе въ чекѣ и закрѣпить ремень, который придерживалъ чеку и не давалъ ей сдвинуться съ мѣста. Онъ устроилъ все это дрожащими пальцами.

Фохтъ поднялся на ноги. Слава Богу! изъ остальныхъ пяти орудій еще ни одно не было готово. А у него задача была самая трудная! Онъ велѣлъ помогавшимъ ему солдатамъ стоять смирно на мѣстѣ, а самъ побѣжалъ къ оберъ-лейтенанту Бретшнейдеру доложить ему объ окончаніи работы. Бретшнейдеръ стоялъ въ концѣ площади, въ тѣни сарая и разговаривалъ съ оберъ-лейтенантомъ Реймерсомъ.

На ходу Фохтъ почувствовалъ усталость отъ излишняго напряженія силъ. Сердце у него билось, точно готово было лопнуть, ноги сильно дрожали. Онъ вытеръ рукою потъ со лба и, еще не успѣвъ установить ногъ по формѣ, поспѣшилъ доложить:

— Шестое орудіе готово. Дышло перевязано и запасное колесо надѣто.

Точно сквозь туманъ увидѣлъ онъ, что оберъ-лейтенантъ Реймерсъ, который все послѣднее время былъ очень серьезенъ, слегка разсмѣялся, вѣроятно, надъ его разгоряченнымъ лицомъ.

Вдругъ въ ушахъ его раздался рѣзкій, громкій голосъ Бретшнейдера.

— Станьте, какъ слѣдуетъ, ефрейторъ Фохтъ, если пришли ко мнѣ съ докладомъ!

Фохтъ сталъ на вытяжку и повторилъ свой докладъ.

Тогда оберъ-лейтенантъ принялся муштровать его. Онъ велѣлъ ему приподнять правое плечо, надѣть фуражку прямѣе, кончики мизинцевъ прижать ко швамъ, разставить немного ноги. И всѣ эти приказанія онъ отдавалъ своимъ высокомѣрнымъ тономъ, стоя на вытяжку, точно аршинъ проглотилъ.

— Подберите ноги! — скомандовалъ онъ наконецъ.

Фохтъ чувствовалъ, какъ дрожатъ его ноги. Несмотря на это, онъ могъ бы исполнить приказаніе, только ему этого не хотѣлось.

Бретшнейдеръ повторилъ еще разъ громче:

— Ефрейторъ Фохтъ! Подберите колѣни!

Фохтъ не шевелился. Въ немъ проснулся духъ упорнаго сопротивленія. Этого дурака онъ ни за что не будетъ слушать.

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на офицера съ видомъ открытаго возмущенія.

— Ефрейторъ Фохтъ, — закричалъ Бретшнейдеръ, — я вамъ приказываю подобрать колѣни! Развѣ вы не понимаете, что, ослушиваясь меня, вы совершаете преступленіе противъ военнаго устава.

Но ефрейторъ продолжалъ стоять неподвижно, устремивъ на оберъ-лейтенанта дерзкій взглядъ.

Бретшнейдеръ подождалъ еще нѣсколько секундъ и затѣмъ спокойнымъ голосомъ подозвалъ унтеръ-офицера.

— Возьмите ефрейтора Фохта подъ арестъ!—приказалъ онъ.

Унтеръ-офицеръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ сначала на Бретшнейдера, потомъ на Фохта.

Оберъ-лейтенантъ повторилъ свое приказаніе.

Тогда унтеръ-офицеръ сталъ по правую сторону ефрейтора и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ за воротами казарменнаго двора.

Бретшнейдеръ стоялъ по прежнему вытянутый, невозмутимый и смотрѣлъ, какъ работаютъ солдаты надъ своими задачами.

Во время всей этой сцены Реймерсъ не шевельнулся, только лицо его поблѣднѣло.

Но когда унтеръ-офицеръ и Фохтъ удалились настолько, что не могли его слышать, онъ обратился къ товарищу.

— Не слишкомъ ли это жестоко, Бретшнейдеръ?

Бритое лицо медленно повернулось къ нему, и Бретшнейдеръ холодно спросилъ:

— Что такое, мой милый Реймерсъ?

— Но, вѣдь, вы же сами понимаете!— отвѣчалъ Реймерсъ.—Человѣкъ работалъ

изо всѣхъ силъ, онъ прибѣгаетъ къ вамъ и ожидаетъ слова одобренія, вполнѣ заслуженнаго одобренія, Бретшнейдеръ, а вы такъ относитесь къ нему! Такимъ путемъ нельзя, мнѣ кажется, возбудить любовь къ солдатской службѣ.

— Но можно поддерживать дисциплину и не давать этимъ негодяямъ окончательно распуститься.

Реймерсъ пожалъ плечами.

— Фохтъ былъ самый лучшій солдатъ во всей батареѣ,—настаивалъ онъ.

— Значитъ, батарея дурно поставлена!—возразилъ Бретшнейдеръ съ раздраженіемъ.—Солдатъ у васъ на глазахъ отказывается повиноваться начальнику, а вы еще его защищаете! Покорнѣйше благодарю!

— Я и не думалъ его защищать. Я только высказалъ свое скромное мнѣніе насчетъ цѣлесообразнаго обращенія съ солдатами.

Лицо Бретшнейдера приняло особенно высокомѣрное выраженіе. Онъ вѣжливо улыбнулся и любезно проговорилъ:

— Вы, конечно, допускаете, мой милый Реймерсъ, что у меня можетъ быть свой собственный взглядъ на этотъ предметъ? Не такъ ли?

Реймерсъ сдѣлалъ подъ козырекъ и отвѣтилъ холодно и вѣжливо:

— Само собою разумѣется.

Этимъ кончилось ихъ объясненіе. Реймерсъ замолчалъ, хотя ему очень хотѣлось высказать всю правду самоувѣренному товарищу; онъ рѣшилъ приберечь свои доводы до судебнаго разбирательства.

Въ комнатѣ № IX шли въ этотъ вечеръ оживленные разговоры. У Трухзеса рука была на перевязи и онъ все время бранилъ подлеца Бретшнейдера. Всѣ были въ высшей степени возмущены противъ этого чваннаго гордеца. До сихъ поръ они несли свою службу безъ большого ропота и жалобъ, теперь же у нихъ вдругъ явилось настоящее отвращеніе къ солдатскому мундиру, настоящая ненависть противъ военной службы, на которой приходится унижаться передъ всякимъ дуралеемъ. Работаешь такъ, что кости трещатъ, а что получаешь? Пинокъ ногой! Или еще лучше—попадаешь въ тюрьму!

— Не дери напрасно глотку, пріятель!—замѣтилъ графъ Плетау, обращаясь къ Трухзесу. Этого мы не можемъ понимать. Это все дѣлается для воспитанія въ насъ патріотизма. Г. оберъ-лейтенанта Бретшнейдера нечего ругать, онъ скорѣй заслуживаетъ награды!

Самъ графъ былъ внѣ себя отъ негодованія при видѣ колосальной нелѣпости, происшедшей у него на глазахъ. Самый лучшій, самый исправный солдатъ сдѣланъ несчастнымъ человѣкомъ изъ-за какого-то нелѣпаго пустяка!

Чортъ возьми! Если бы онъ твердо не рѣшилъ на этотъ разъ докончить свой многолѣтній срокъ службы, онъ съ удовольствіемъ далъ бы этому г. оберъ-лейтенанту хорошаго тумака въ спину, такъ что его аршинъ сломался бы, а потомъ избилъ бы его бритую, чванную физіономію. Но нѣтъ. Это будетъ глупо. Черезъ нѣсколько дней онъ наконецъ, свободенъ; этимъ нельзя пренебрегать...

Вдругъ онъ громко разсмѣялся.

— Молчите, братцы, сказалъ онъ,—не то пожалуй, сами попадете въ клѣтку. Подождите! черезъ нѣсколько дней я буду свободенъ и тогда преподнесу г. оберъ-лейтенанту орденъ, котораго онъ заслужилъ.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ Фридрихъ - Августъ Фохтъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на письмо, которое деревенскій почталіонъ только что сунулъ ему въ окно. Конвертъ былъ надписанъ рукою его сына, а штемпель стоялъ столичный.

Какъ попалъ туда малый? Онъ не писалъ, что ему предстоитъ какая-нибудь командировка. Надо прочесть письмо, тамъ навѣрно все разсказано.

Сначала старикъ ничего не понялъ. Онъ прочелъ письмо во второй, въ третій разъ. Наконецъ, то сообразилъ онъ, что случилось. Онъ сидѣлъ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи на своемъ стулѣ и все перечитывалъ послѣднюю страницу письма, и все не могъ собраться съ мыслями.

*

Сынъ писалъ изъ крѣпостной тюрьмы, куда онъ былъ посаженъ какъ подслѣдственный арестантъ. Совершенно правдиво, ничего не скрывая, описалъ онъ свой проступокъ.

«Сегодня мнѣ передали обвинительный актъ,—говорилъ онъ въ заключеніе, — я обвиняюсь въ ослушаніи начальника въ присутствіи прочихъ солдатъ. За это, кажется, полагается довольно строгое наказаніе, я и самъ знаю, что не правъ. Но ты, милый отецъ, можетъ быть, не осудишь меня слишкомъ сурово, ты, можетъ быть, поймешь, каково было у меня на душѣ. Ради тебя мнѣ слѣдовало сдержаться. Пожалуйста, прости, что я этого не сдѣлалъ!»

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ выпрямился и вскочилъ на ноги. Онъ бросилъ письмо на столъ и сердито ударилъ его кулакомъ.

Онъ чувствовалъ страшный гнѣвъ противъ мальчишки, который такъ опозорилъ его старость, послѣдніе дни его честной, безупречной жизни. И изъ-за чего? Изъ-за того, что господинъ ефрейторъ не пожелалъ исполнить приказаніе! Изъ за того что онъ изволилъ оскорбиться! Солдатъ «оскорбился» выговоромъ начальника. Это все новомодныя выдумки, съ ними пропала дисциплина, пропало уваженіе къ начальникамъ и командирамъ.

Какъ онъ старался сдѣлать изъ мальчишки порядочнаго человѣка! Вотъ тебѣ и награда за всѣ труды! Сидитъ въ тюрьмѣ! Спросятъ сосѣди: «Вашъ сынъ служитъ въ артиллеріи?» Придется отвѣтить: «Нѣтъ, онъ раньше служилъ, теперь онъ возитъ». — «Какъ? что возитъ?» — «Да, онъ въ сѣрой курткѣ возитъ песокъ вмѣстѣ съ другими господами, это все очень почтенные господа. Впереди его идетъ воръ, сзади него господинъ, который не вполнѣ понимаетъ, что мое, что твое».—«Неужели, это вашъ сынъ, г. сборщикъ шоссейныхъ податей?»—«Да, сосѣдъ, это именно мой сынъ.

Старикъ бѣгалъ, какъ сумасшедшій, взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ произносилъ сквозь зубы проклятія и грозилъ кому-то сжатыми кулаками. Если бы сынъ подвернулся ему подъ руку, онъ бы убилъ его.

— Погоди, судъ задастъ тебѣ, дерзкій мальчишка! — съ злорадствомъ говорилъ онъ себѣ.— Небось въ другой разъ забудешь свою обидчивость! Заварилъ кашу, ну, и расхлебывай ее!

А долго ли придется малому просидѣть?

Сборщикъ шоссейныхъ податей взялся за письмо, чтобы найти въ немъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Славная штука, нечего сказать! Да, такъ и есть: неповиновеніе начальству въ присутствіи прочихъ солдатъ! Дѣло ясное!

А этотъ оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ, чортъ возьми! Не совсѣмъ то онъ ладный человѣкъ, если малый пишетъ правду! Хоть онъ и офицеръ, а все же нельзя не сказать, что онъ странный господинъ, порядкомъ-таки нелѣпый! И въ наше время бывали такіе молодцы, которые чуть не лопались отъ гордости да отъ чванства, которые подчиненныхъ и за людей почти что не считали. Что подѣлаешь? Солдатъ все-таки долженъ повиноваться. Иначе до чего же мы дойдемъ?

Онъ опять взялся за письмо.

Малый писалъ все такъ ясно и правдиво, видно, что отъ чистаго сердца. Нельзя ему не вѣрить. Конечно, не трудно понять, какъ было дѣло, и, конечно, у всякаго человѣка есть въ душѣ свое чувство чести, у канонира такъ же, какъ у оберъ-лейтенанта.

Онъ нѣсколько смутился и предложилъ самъ себѣ вопросъ, какъ бы онъ поступилъ при подобныхъ же обстоятельствахъ.

Эхъ, чортъ побери! Въ настоящее время совершенно такъ же, какъ Францъ. Раньше, когда онъ былъ солдатомъ, другое дѣло, тогда онъ еще не избавился отъ той приниженности, какую ему внушали въ сиротскомъ домѣ, и мысль ослушаться начальство не приходила ему въ голову. А у Франца отъ природы характеръ самостоятельный, довольно-таки упрямый. Жаль малаго, что онъ попалъ въ такую бѣду.

Въ сущности все дѣло началось изъ-за неумѣлаго обращенія оберъ-лейтенанта Бретшнейдера. Эта неумѣлость да несчастное стеченіе обстоятельствъ вызвали проступокъ его сына, проступокъ, если какъ слѣдуетъ разсудить, не особенно важный, и за который бѣдняга понесетъ строгое наказаніе.

Тяжело было на душѣ сборщика шоссейныхъ податей. «Неповиновеніе въ присутствіи другихъ солдатъ» — какое за это можетъ быть наказаніе? Названіе преступленія какое-то важное, страшное, точно будто за него и полагается казнь.

Онъ ломалъ себѣ голову, у кого бы справиться. Въ деревнѣ никто не могъ ничего сказать ему. А идти въ окружной городъ къ фельдфебелю, его пріятелю, было слишкомъ поздно. Онъ задумался. Да отчего не идти ночью въ городъ? Пріятель пойметъ, что онъ не можетъ не тревожиться.

Но въ концѣ концовъ онъ остался одинъ со своими сомнѣніями.

Неизвѣстно еще, какъ отнесется къ къ нему пріятель-фельдфебель, когда узнаетъ, зачѣмъ онъ пришелъ такъ поздно.

Послѣ безсонной ночи, онъ всталъ съ твердо принятымъ рѣшеніемъ. Онъ задалъ кормъ скотинѣ и попросилъ сосѣда, который приходился ему родственникомъ по покойной женѣ, накормить скотъ и на слѣдующій день. Затѣмъ онъ надѣлъ свое старое черное воскресное платье и цилиндръ, который носилъ только въ день рожденія короля на парадѣ военнаго собранія. На сюртукъ онъ нацѣпилъ свои ордена и знаки отличія. Они составили очень внушительный рядъ на лѣвой сторонѣ груди: впереди всѣхъ желѣзный крестъ, затѣмъ крестъ за безпорочную службу, медаль за храбрость, и, наконецъ, разныя менѣе важныя медальки, которыя всякому не трудно получить. Поверхъ сюртука онъ надѣлъ старую шинель, сунулъ въ карманъ нѣсколько кусковъ хлѣба съ колбасой и былъ готовъ въ дорогу.

По пути на вокзалъ ему пришлось приходить мимо ржаного поля. Рожь уже созрѣла, и онъ собирался сегодня съ утра начать жать.

Но что ему теперь до ржи? Ему надобно хлопотать и просить за своего сына. Онъ сразу обратится къ кому слѣдуетъ; отправится въ гарнизонъ Франца и разыщетъ тамъ батарейнаго командира сына, капитана фонъ-Вегштетена.

Всю дорогу онъ былъ одинъ въ купэ вагона. Никто не ѣздитъ такъ рано. Онъ смотрѣлъ въ окно безъ всякой мысли въ головѣ. Сегодня ему было все равно, каковъ урожай и какъ идетъ жатва. Онъ все придумывалъ, что будетъ говорить въ защиту сына. Можетъ быть, дѣло наладится такъ, что обвиненіе возьмутъ назадъ.

Въ столицѣ онъ просидѣлъ полтора часа на вокзалѣ, ожидая мѣстнаго поѣзда. Онъ заказалъ себѣ чашку кофе и вытащилъ свой завтракъ изъ кармана.

Въ большой комнатѣ было жарко и душно. Этотъ воздухъ былъ невыносимъ для него, привыкшаго работать подъ открытымъ небомъ, и онъ распахнулъ шинель, чтобы немного освѣжиться. Тогда люди, бывшіе въ залѣ, замѣтили его ордена, указывали на нихъ другъ другу и смотрѣли на него съ любопытствомъ и уваженіемъ.

Сборщикъ шоссейныхъ податей вздохнулъ и снова застегнулъ шинель. О, если бы эти люди знали, по какому тяжелому дѣлу онъ пріѣхалъ!

Было ровно 8 часовъ, когда онъ пріѣхалъ въ тотъ городокъ, гдѣ стоялъ полкъ его сына.

Въ сущности это былъ слишкомъ ранній часъ особенно для просителя, но ему нельзя было терять времени, и онъ разсудилъ, что офицеры обыкновенно рано начинаютъ день.

Желѣзнодорожный сторожъ не зналъ, гдѣ живетъ капитанъ фонъ-Вегштетенъ. Но старику посчастливилось: около самаго вокзала онъ встрѣтилъ канонира со связкою бумагъ въ рукахъ. Солдатъ охотно сказалъ ему адресъ: Рыночная улица, 11, во второмъ этажѣ, — и указалъ, какъ идти.

Старикъ съ трудомъ взошелъ на лѣстницу. Въ первомъ этажѣ ему пришлось

постоять съ минутку, чтобы перевести духъ.

— Неужели я сразу такъ постарѣлъ?—недоумѣвалъ онъ. Деньщикъ въ красной домашней курткѣ открылъ ему дверь.

— Дома г. капитанъ? — спросилъ сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ.

— Нѣтъ, нѣту,—отвѣчалъ деньщикъ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ бы мнѣ его повидать?

— Не знаю, пожалуй, что нигдѣ. Г. капитанъ уѣхалъ на засѣданіе суда.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ вздрогнулъ.

— А кого судятъ? Не ефрейтора ли Фохта?—освѣдомился онъ.

Деньщикъ удивился, но отвѣтилъ утвердительно и затѣмъ спросилъ:

— А вы кто же будете?

— А... я отецъ Фохта. Я думалъ поговорить съ капитаномъ сына. Да видно уже поздно.

Онъ повернулся къ лѣстницѣ, проговоривъ:

— Благодарю васъ.

Въ темнотѣ онъ не попалъ ногой на первую ступеньку и пошатнулся. Деньщикъ бросился за нимъ, подвелъ его къ периламъ и сказалъ.

— Видите, вотъ перила, держитесь за нихъ, чтобы не упасть. На лѣстницѣ темно. Знаете, что я вамъ скажу, г. Фохтъ: у насъ въ батареѣ всѣ говорятъ, что съ Фохтомъ сдѣлали подлость, самую настоящую подлость.

Но сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ, повидимому, не понялъ его словъ. Онъ кивнулъ головой и еще разъ повторилъ: «да, да, благодарю васъ».

Затѣмъ тяжелые сапоги его стали медленно спускаться по ступенямъ.

Въ то время когда Фридрихъ Августъ Фохтъ ждалъ на вокзалѣ маленькаго городка поѣзда, который долженъ былъ увезти его обратно домой, въ дивизіонномъ военномъ судѣ разбиралось дѣло его сына Франца Фохта ефрейтора полка № 80 шестой батареи Остерландской полевой артиллеріи.

Относительно факта преступленія не возникало никакихъ сомнѣній. Оба свидѣтеля, оберъ-лейтенанты того же полка Бретшнейдеръ и Реймерсъ, дали вполнѣ тождественныя показанія и обвиняемый подтвердилъ ихъ слова.

Разбирательство дѣла кончилось бы очень скоро, если бы не пришлось выслушивать многихъ свидѣтелей, которые всѣ показывали въ пользу подсудимаго.

Капитанъ Вегштетенъ, какъ командиръ батареи, капитанъ Гюнцъ, какъ бывшій командиръ, оберъ-лейтенантъ Реймерсъ и лейтенантъ Ландсбергъ, какъ офицеры, вахмистръ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ въ той же батареѣ, всѣ дали о Фохтѣ самые лучшіе отзывы. Вегштетенъ имѣлъ очень крупное объясненіе съ Бретшнейдеромъ, не столько изъ личнаго участія къ ефрейтору, сколько изъ досады, что вслѣдствіе его нелѣпой бестактности онъ потерялъ такого превосходнаго кандидата въ унтеръ-офицера.

Бретшнейдеръ жаловался на капитана, но никто не слушалъ его жалобъ. Все это говорило въ пользу подсудимаго. Гюнцъ и Реймерсъ горячо защищали его, и даже лейтенантъ Ландсбергъ вспомнилъ что подсудимый былъ «выдающійся по своему усердію къ службѣ солдатъ».

Дѣло принимало оборотъ благопріятный для подсудимаго. Къ довершенію всего одинъ изъ засѣдателей, капитанъ піонеровъ, спросилъ:—Фохтъ, вы усиленно работали, вы одни подняли тяжелое колесо и быстро прибѣжали къ оберъ-лейтенанту Бретшнейдеру,—вы очень устали, запыхались?

— Такъ точно, г. капитанъ.

— Отъ усталости у васъ, можетъ быть, ходили круги передъ глазами?

— Такъ точно, г. капитанъ.

— Вы, можетъ быть, плохо сознавали, что дѣлаете?

Подсудимый отвѣтилъ не сразу.

Вегштетенъ остался вмѣстѣ съ Реймерсомъ въ комнатѣ для свидѣтелей. Онъ нетерпѣливо переминался съ ноги на другую. Если Фохтъ отвѣтитъ «да», можно будетъ сослаться на минутное помраченіе сознанія, и онъ будетъ признанъ невиновнымъ.

Но ефрейторъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, г. капитанъ, я все понималъ, что дѣлаю.

Отвѣтъ, конечно, честный, но глупый.

Лицо прокурора прояснилось. Это былъ сравнительно еще очень молодой человѣкъ, съ нѣсколькими шрамами на лицѣ, слѣдами студенческихъ дуэлей. Онъ сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ въ безукоризненномъ съ иголочки новенькомъ мундирѣ и до сихъ поръ со скучающимъ видомъ разсматривалъ серебряный браслетъ на своей правой рукѣ.

Допросъ свидѣтелей закончился. Предсѣдатель суда, толстый, добродушный пожилой человѣкъ спросилъ:

— Не имѣете ли еще что сказать, ефрейторъ Фохтъ?

— Ничего, г. членъ военнаго суда.

— Вы, значитъ, признаете себя виновнымъ?

— Такъ точно, г. членъ военнаго суда.

Предсѣдатель хотѣлъ сдѣлать что-нибудь въ пользу подсудимаго и предложилъ ему еще одинъ вопросъ, на который тотъ само собой разумѣется, долженъ былъ отвѣтить утвердительно. Онъ спросилъ:

— Но вѣдь вы раскаиваетесь въ своемъ поступкѣ?

Подсудимый опять-таки отвѣтилъ не сразу.

Всѣ были твердо увѣрены, что онъ скажетъ «да», и не слыша этого «да» устремили глаза на Фохта.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ совершенно внятно.

Членъ военнаго суда недоумѣвалъ.

— Хорошо ли вы меня поняли, — сказалъ онъ. Я спросилъ, раскаиваетесь ли вы въ своемъ поступкѣ?

И снова раздалось твердо и громко:

— Нѣтъ, я не могу раскаиваться, а затѣмъ нѣсколько тише: — если говорить чистую правду.

Присутствующіе переглянулись въ смущеніи. Вегштетенъ съ гнѣвомъ бросилъ свою саблю на полъ.

— Чортъ побери! Этакій оселъ! Теперь его судьба рѣшена!

У членовъ суда вытянулись лица. Предсѣдатель, маіоръ полка королевскихъ драгунъ тихонько похлопывалъ по столу своимъ карандашомъ въ золотой оправѣ и неодобрительно качалъ головою. Младшій изъ засѣдателей, оберъ-лейтенантъ лейбъ-гренадеровъ крутилъ усы, на лицѣ его было ясно написано: «Ну, постой же, мы тебѣ покажемъ!»

Прокуроръ сіялъ.

Онъ съ побѣдоноснымъ видомъ произнесъ свою рѣчь и въ заключеніе предлагалъ: «въ уваженіе къ смягчающимъ вину обстоятельствамъ, и въ то же время принимая въ соображеніе закоренѣлую ожесточенность подсудимаго», назначить ему наказаніе: девятимѣсячное тюремное заключеніе.

Фохтъ страшно поблѣднѣлъ, когда услышалъ этотъ срокъ. Это невозможно! Это не должно, не можетъ быть!

Судъ совѣщался не долго. Спокойнымъ, равнодушнымъ голосомъ прочелъ предсѣдатель приговоръ.

Подсудимый съ волненіемъ прислушивался къ его словамъ. Наконецъ-то, послѣ многихъ оффиціальныхъ фразъ дошелъ онъ до наказанія—пять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Фохтъ прислонился къ рѣшеткѣ, которая отдѣляла его скамью отъ стола судей. Рѣшетка затрещала. Толстый предсѣдатель давно сѣлъ на мѣсто, окончивъ чтеніе, а онъ все еще слушалъ его. Навѣрно будетъ еще что-нибудь, будетъ отмѣна жестокаго приговора.

Но засѣданіе суда кончилось.

Дежурный унтеръ-офицеръ повелъ осужденнаго обратно въ тюрьму. Онъ шелъ шатаясь, нетвердыми шагами. Глаза его глядѣли въ пространство.

Въ корридорѣ передъ залой суда ему показалось, что онъ видитъ Вегштетена. Капитанъ разговаривалъ съ какимъ-то старикомъ въ статскомъ платьѣ.

Что-то точно толкнуло Фохта, когда онъ увидѣлъ лицо старика съ бѣлой бородою. Но только повернувъ за уголъ корридора, онъ ясно созналъ: «Боже мой, да вѣдь это отецъ!»

Онъ невольно остановился и хотѣлъ вернуться.

Но унтеръ-офицеръ взялъ его за руку и направилъ впередъ, не грубо, не сердито, но такъ рѣшительно, что онъ сразу отказался отъ своего намѣренія.

— Глупый вы человѣкъ!—шепнулъ

ему его проводникъ.—Сказать бы вамъ, что вы страхъ какъ раскаиваетесь въ своей глупости, вамъ бы назначили не больше четырехъ недѣль.

Обращаясь съ своими разспросами ко всякому встрѣчному и поперечному, сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ добрался до зданія военнаго суда. Онъ прошелъ безчисленное количество улицъ. Отъ оживленной сутолоки столицы у него кружилась голова, отъ непривычной ходьбы по твердымъ камнямъ онъ чувствовалъ себя смертельно утомленнымъ.

Онъ подошелъ къ залу засѣданій въ ту самую минуту, когда свидѣтели выходили изъ нея послѣ произнесенія приговора. Онъ сразу узналъ капитана фонъ-Вегштетена—сынъ часто описывалъ ему маленькаго офицера съ громадными рыжими усами и блестящими глазами—и не постѣснялся тутъ же заговорить съ нимъ.

Въ первую минуту Вегштетенъ былъ не особенно доволенъ этимъ свиданіемъ. Но почтенное, опечаленное лицо стараго солдата тронуло его, и онъ терпѣливо выслушалъ его.

Сборщикъ шоссейныхъ податей объяснилъ ему, какъ хорошо велъ себя его сынъ до сихъ поръ, какъ онъ охотно несъ солдатскую службу; съ горестью прибавилъ онъ, что не понимаетъ, какъ могла такая бѣда случиться съ такимъ хорошимъ человѣкомъ. Должно быть, малый былъ просто не въ своемъ умѣ.

Все это старикъ проговорилъ съ трогательною почтительностью. Онъ все время старался стоять на вытяжку и ни разу не забылъ величать капитана, какъ полагалось по чину, точно будто онъ все еще былъ фельдфебелемъ и говорилъ со своимъ строгимъ начальникомъ. При этомъ слезы текли по его загорѣлымъ, морщинистымъ щекамъ на длинную, бѣлую бороду и всякій разъ какъ онъ силился выпрямить свою согнувшуюся отъ лѣтъ спину, ордена на груди его слегка позванивали.

Вегштетенъ могъ сказать старику мало утѣшительнаго.

Онъ разсказалъ ему, какъ во время судебнаго разбирательства всѣ, и офицеры, и унтеръ-офицеры, дали самые благопріятные отзывы о его сынѣ, какъ самъ онъ, командиръ батареи, радовался, что пріобрѣтетъ себѣ такого превосходнаго унтеръ-офицера, что вся бѣда случилась изъ-за неумѣлаго обращенія офицера, недавно поступившаго въ полкъ.

Лицо сборщика шоссейныхъ пошлинъ просвѣтлѣло, когда онъ услышалъ, какъ капитанъ хвалилъ его сына. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Слава Богу! Значитъ, дѣло не особенно плохо! Двѣ, три недѣли ареста, вотъ и все!

Но Вегштетенъ разсказалъ ему, какъ велъ себя обвиняемый на судѣ, и въ концѣ концовъ принужденъ былъ объявить, къ какому наказанію онъ приговоренъ.

Пять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія! Это было ударомъ для сборщика шоссейныхъ пошлинъ. Онъ покачнулся, и капитанъ долженъ былъ поддержать его.

Черезъ нѣсколько секундъ Фридрихъ-Августъ Фохтъ оправился и извинился. Но онъ не слушалъ доводовъ капитана въ защиту суроваго приговора; для него въ этомъ дѣлѣ было колоссальное, вопіющее противорѣчію: съ одной стороны, проступокъ, ничтожный проступокъ, въ которомъ провинился его сынъ по общему отзыву отличный солдатъ, провинился вслѣдствіе минутнаго раздраженія, вызваннаго къ тому же «неумѣлымъ обращеніемъ» офицера, съ другой—такое непомѣрно строгое наказаніе, пять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія! Это несоотвѣтствіе между виной и наказаніемъ никакъ не укладывалось ему въ голову.

Онъ шелъ молча рядомъ съ Вегштетеномъ, который оживленно убѣждалъ его. Передъ воротами зданія суда онъ остановился, вытянулся и хотѣлъ распрощаться съ капитаномъ.

— Не хотите ли повидаться съ сыномъ?—спросилъ у него Вегштетенъ.— Я могу выхлопотать вамъ разрѣшеніе.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ отвѣчалъ:

— Такъ точно, г. капитанъ. Если будетъ ваша милость, г. капитанъ.

Дѣло было скоро улажено. Вегштетенъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ директоромъ тюрьмы и вернулся съ бумагой, разрѣшающей свиданіе. Онъ самъ довелъ старика до воротъ тюрьмы.

— Не огорчайтесь такъ, г. Фохтъ, —сказалъ онъ, прощаясь.—Вашъ сынъ сдѣлалъ проступокъ вполнѣ понятный съ общечеловѣческой точки зрѣнія и понесетъ за него суровое, но справедливое наказаніе. Это не мѣшаетъ ему оставаться хорошимъ, честнымъ солдатомъ.

— Такъ точно, г. капитанъ!—отвѣтилъ сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ.

Онъ мрачно поглядѣлъ вслѣдъ маленькому офицеру. Что это за разговоры? Чѣмъ вздумалъ утѣшать. Его малый не безчестный негодяй! Онъ самъ очень хорошо знаетъ, каковъ у него сынъ! Добропорядочность и честность это неотъемлемыя свойства Франца. Объ этомъ не стòитъ и говорить ему!

А все-таки они наказали бѣднаго малаго, точно онъ что-нибудь укралъ. Да другой и воръ отдѣлается меньшимъ наказаніемъ. Въ сущности они приговорили его къ позорному наказанію за что? За то, что у него въ душѣ было чувство чести!

Онъ громко позвонилъ у входа въ тюрьму. Дежурный привратникъ открылъ ворота, взялъ у него бумагу, разрѣшающую свиданіе, и провелъ его въ пріемную комнату.

— Я доложу г. смотрителю,—сказалъ онъ, уходя.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ остался одинъ въ пустой, душной комнатѣ. Единственную мебель ея составляли два камышевые стула да неизбѣжная плевательница въ углу. Окно выходило во дворъ, который былъ со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженъ высокими зданіями. Стѣны ихъ пропускали въ комнату скудный свѣтъ, точно будто высокое, широкое окно пріемной было такъ же мало и задѣлано рѣшеткой, какъ тѣ окошечки, которыя выглядывали изъ голыхъ стѣнъ словно подслѣповатые глаза. Во дворѣ работали заключенные: они выворачивали камни мостовой. Всѣ были одѣты въ сѣрыя куртки и синіе передники. Въ концѣ двора расхаживалъ взадъ и впередъ часовой. Заключенные стояли въ рядъ и производили свою работу всѣ вмѣстѣ, въ тактъ. Длинный рядъ людей представлялся большой машиной для выворачиванья камней.

Сборщикъ шоссейныхъ податей отошелъ отъ окна. Онъ не могъ вынести этой картины. Ему все представлялось, что, можетъ быть, завтра же сынъ его будетъ стоять тутъ на ряду съ другими. Воздухъ комнаты душилъ его, ему стало казаться, точно онъ самъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Дверь пріемной открылась, на порогѣ появился смотритель, длинный сухой человѣкъ съ лицомъ цвѣта подошвы. Онъ подробно осмотрѣлъ разрѣшеніе, данное директоромъ. Съ бумаги глаза его перешли на ордена, украшавшіе грудь ветерана. Онъ неодобрительно покачалъ головой и, пріотворивъ дверь, отдалъ какое-то приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ гренадеръ въ мундирѣ ординарца доложилъ:

— Ефрейторъ Фохтъ явился.

— Пусть онъ войдетъ! — приказалъ смотритель. Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно.

Францъ Фохтъ безъ всякаго смущенія подошелъ къ отцу. Онъ посмотрѣлъ на него яснымъ, спокойнымъ взглядомъ.

— Здравствуй, отецъ!—сказалъ онъ просто.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ схватилъ правую руку сына своими обѣими руками и долго, крѣпко пожималъ ее. При этомъ у него навернулись на глаза слезы, и онъ видѣлъ сына какъ въ туманѣ. Слава Богу, на Францѣ еще артиллерійскій мундиръ. Старику не придется видѣть его въ арестантской курткѣ.

Отецъ молчалъ, сынъ первый заговорилъ. Онъ разсказалъ, по своему обыкновенію, совершенно искренно, какъ произошла вся эта непріятная исторія, онъ правдиво изобразилъ всѣ обстоятельства, смягчавшія его вину, но въ то же время признавалъ себя безусловно виноватымъ.

— Ты знаешь, отецъ,—спросилъ онъ

въ заключеніе, — къ чему меня приговорили?

Старикъ утвердительно кивнулъ головой. Францъ грустно опустилъ глаза и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— По моему это слишкомъ строго, отецъ.

Онъ почувствовалъ, что отецъ крѣпче сжимаетъ его руку, и увидѣлъ, что онъ снова утвердительно киваетъ головой.

— Унтеръ-офицеръ говоритъ,—продолжалъ заключенный, — что я самъ виноватъ. Они у меня спросили, раскаиваюсь ли я, а я сказалъ: «нѣтъ». Унтеръ-офицеръ говоритъ, что это было глупо, но я не могъ иначе сказать. Я бы и теперь опять сказалъ: «нѣтъ».

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ открылъ ротъ въ первый разъ послѣ того, какъ сынъ вошелъ въ комнату.

— Ты правильно поступилъ!—проговорилъ онъ такимъ громкимъ и рѣзкимъ голосомъ, что смотритель, стоявшій у окна, слегка вздрогнулъ и откашлялся.

Послѣ того какъ онъ увидѣлъ своего сына, этого хорошаго, честнаго малаго, который ни въ чемъ не отступилъ отъ правды и чести, въ душѣ его произошелъ переворотъ. Его сынъ былъ усердный, добросовѣстный солдатъ, усерднѣе и добросовѣстнѣе быть нельзя—это показывали всѣ свидѣтели,—и, несмотря на это, его запираютъ на пять мѣсяцевъ въ тюрьму изъ-за чистаго пустяка! Э, чортъ возьми! Для чего же послѣ этого быть хорошимъ солдатомъ! Точно будто въ жилахъ его вдругъ перестала течь кровь покорнаго, почтительнаго солдата-фельдфебеля, и онъ вполнѣ превратился въ крестьянина, который твердо стоитъ на томъ, что его тугой умъ призналъ справедливымъ, крестьянина, который съ слѣпымъ упорствомъ отказывается слушать какія бы то ни было возраженія и жертвуетъ жизнью за свои убѣжденія.

— Ты правильно поступилъ,—повторилъ онъ,—и съ самаго начала поступалъ правильно!

Сынъ оказался благоразумнѣе отца, хотя ему приходилось терпѣть наказаніе.

— Ты это не въ серьезъ говоришь, отецъ,—возразилъ онъ,—я знаю, что я и самъ виноватъ. Только все-таки наказаніе назначили ужъ слишкомъ суровое. Но я могу подать на апелляцію.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ слегка засмѣялся.

— Это будетъ ужъ совсѣмъ глупо!—сказалъ онъ.—Они тебя, пожалуй, еще нагрѣютъ! Нѣтъ, малый, если хочешь послушаться меня, не думай ни о какихъ апелляціяхъ! Съ тобой поступили несправедливо, ну и терпи эту несправедливость, не унижайся, не проси у нихъ справедливости! Тяжелое время пройдетъ!

Францъ Фохтъ грустно опустилъ голову. Онъ надѣялся, что высшій военный судъ смягчитъ его наказаніе, но разъ отецъ что совѣтуетъ, то навѣрно правильно.

Смотритель, стоявшій у окна, повернулся. Время свиданія кончилось.

Сынъ еще разъ окинулъ любящимъ взглядомъ почтенную фигуру отца.

— Ты надѣлъ всѣ свои ордена, отецъ,—сказалъ онъ, слегка улыбаясь.

— Да,—отвѣчалъ сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ,— я къ тебѣ пришелъ во всѣхъ своихъ орденахъ. Для тебя одного я ихъ надѣлъ, только для тебя, мой славный мальчикъ!—повторилъ онъ такъ громко, что смотритель долженъ былъ слышать его.

Первый разъ въ жизни обнялъ онъ сына. Онъ сжалъ голову своего милаго, дорогого мальчика обѣими руками и поцѣловалъ его въ лобъ.

Францъ Фохтъ почувствовалъ прикосновеніе дрожащихъ губъ къ своему лбу. Онъ всталъ и съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ.

Когда ординарецъ опять повелъ его по длинному корридору, онъ оглянулся назадъ. Отецъ въ эту минуту выходилъ изъ дверей. Лучъ солнца упалъ на почтенную сѣдую голову и образовалъ вокругъ нея что-то въ родѣ сіянія. Затѣмъ дверь закрылась, и корридоръ снова погрузился въ сѣрый, печальный полусвѣтъ...

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ съ давнихъ поръ слылъ за чудака у кре-

стьянъ сосѣдней деревни. Но послѣ его путешествія всѣ считали его прямо сумасшедшимъ.

Старушка вдова, которая исполняла въ домикѣ сборщика всѣ женскія работы, первая пустила этотъ слухъ. Сборщикъ объявилъ ей, что не нуждается болѣе въ ея услугахъ. Это лишало ее легкаго и недурного заработка и изъ мести она дала полную волю своему языку.

На самомъ дѣлѣ старикъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ людей. Никто не смѣлъ входить къ нему въ домъ. Съ покупщиками зелени и скота онъ торговался на улицѣ, свою долю молока въ общественную молочную онъ выставлялъ каждое утро и вечеръ въ нишу около воротъ, такъ что работникъ молочной фермы могъ уносить молоко, не видаясь съ нимъ.

Работая въ полѣ, онъ отвѣчалъ на поклоны сосѣдей, но не вступалъ съ ними ни въ какіе разговоры, даже когда рѣчь заходила о неблагопріятной погодѣ для жатвы или о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ.

Крестьяне оставляли его въ покоѣ. Вольному воля. Кому не охота говорить, пусть себѣ молчитъ. Что касается болтовни старой вдовы, то у многихъ изъ крестьянъ были въ домѣ бабы, которыхъ они прогнали бы также охотно, какъ онъ ее.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ совсѣмъ переставалъ интересовать ихъ, пока онъ самъ заставилъ всѣхъ обратить на себя вниманіе.

Въ округѣ объявлены были дополнительные выборы въ рейхстагъ: избраніе консервативнаго депутата было признано недѣйствительнымъ. На очередныхъ выборахъ число голосовъ обѣихъ партій было почти ровное и вслѣдствіе протеста соціалъ-демократовъ выборы были кассированы. И вотъ обѣ враждебныя партіи, консерваторы и соціалъ-демократы, стали готовиться къ новой борьбѣ.

Каждый отдѣльный голосъ имѣлъ значеніе. Агитаторы работали усердно, устраивалось собраніе за собраніемъ, воззванія кандидатовъ цѣлыми массами прилетали въ дома избирателей. Ихъ забрасывали въ открытыя окна, ихъ подсовывали подъ входныя двери.

Имя сборщика шоссейныхъ пошлинъ, Фридриха Августа Фохта, до сихъ поръ постоянно, не исключая и послѣднихъ общихъ выборовъ, стояло въ спискѣ избирателей, подававшихъ голосъ за консервативнаго кандидата. Консервативной партіи было пріятно, что въ ея спискахъ рядомъ съ подписями совѣтниковъ правленія, бургомистра и помѣщиковъ значились имена «простыхъ людей». Это доказывало ея популярность, ея распространіе во всѣхъ слояхъ народа, когда рядомъ съ благородными господами стояли скромный мѣдникъ окружнаго города, или «Фридрихъ Августъ Фохтъ, крестьянинъ собственникъ, бывшій сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ».

И вотъ вдругъ одинъ изъ самыхъ надежныхъ мелко-буржуазныхъ столповъ партіи, Фридрихъ-Августъ Фохтъ, является и требуетъ, чтобы его имя было вычеркнуто изъ афиши консервативнаго кандидата.

Предсѣдатель избирательнаго комитета, крупный помѣщикъ и ротмистръ кавалеріи ландвера, всячески старался разубѣдить его. Онъ освѣдомлялся о причинѣ такой внезапной перемѣны убѣжденій, онъ патетически спрашивалъ, неужели старый солдатъ хочетъ измѣнить девизу: «Съ Богомъ, за короля и отечество»—Фохтъ упорно настаивалъ на своемъ требованіи и не сталъ объяснять, какими причинами оно вызвано.

Волей-неволей пришлось вычеркнуть его имя.

Въ день выборовъ мучительное безпокойство овладѣло старикомъ. Разъ десять надѣвалъ и снималъ онъ фуражку. Потомъ, съ своей толстой палкой въ рукахъ, онъ долго простоялъ около входныхъ дверей. Рука его уже лежала на ручкѣ двери, и онъ все еще колебался.

Въ шесть часовъ выборы кончались. За нѣсколько минутъ до шести онъ, наконецъ, принялъ рѣшеніе. Быстрыми шагами вышелъ онъ изъ дому и направился къ трактиру, въ залѣ котораго происходили выборы.

У дверей залы стояли представители обѣихъ партій и раздавали избирательныя записки. На груди у нихъ были повѣшены приказы о производствѣ выборовъ, а въ рукахъ оставалось уже очень мало записокъ. Одинъ изъ нихъ, раздававшій записки консервативной партіи, былъ старый дворовый слуга изъ помѣщичьяго имѣнія, другой—съ соціалъ-демократическими записками былъ каменьщикъ, потерявшій ногу при обвалѣ лѣсовъ на одной постройкѣ. Они дружелюбно разговаривали другъ съ другомъ, несмотря на то, что работали для соперничествующихъ партій.

Безногій не пытался всучить Фохту свою записку, старика Фохта всѣ знали: фельдфебельскій духъ вошелъ ему въ плоть и кровь, онъ былъ консерваторъ до мозга костей.

Дворовый слуга протянулъ ему записку консерваторовъ и замѣтилъ:

— Вы чуть не опоздали, г. Фохтъ. Вотъ ваша записка.

Но сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ мрачно отвернулся. Онъ протянулъ руку въ другую сторону, и каменьщикъ поспѣшилъ сунуть ему свою записку.

Тяжелыми шагами взошелъ Фридрихъ-Августъ Фохтъ по лѣстницѣ въ залу выборовъ.

Старшина общины былъ предсѣдателемъ выборовъ. Подлѣ него сидѣлъ учитель церковно-приходской школы и управляющій помѣщика. Въ сторонѣ стояло нѣсколько крестьянъ и одинъ рабочій, забрызганный известкой.

Учитель прочелъ имя: «Фохтъ, Фридрихъ - Августъ, отставной сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ, по кадастру № 41», и сдѣлалъ отмѣтку.

Старикъ нерѣшительнымъ движеніемъ подалъ сложенную записку. Старшина опустилъ ее въ жестяной ящикъ, служившій избирательной урной. При этомъ онъ дружелюбно кивнулъ избирателю. Слава Богу, этотъ уже навѣрно подалъ голосъ за консерваторовъ.

Но сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ не отвѣтилъ на поклонъ. Онъ стоялъ, вытянувшись передъ столомъ, и задумчиво глядѣлъ на жестяной ящикъ, въ которомъ лежали избирательныя записки. Вдругъ спина его согнулась, все тѣло опустилось, и онъ какъ-то робко вышелъ изъ залы выборовъ, точно человѣкъ, свершившій преступленіе.

Въ деревнѣ результаты выборовъ стали извѣстны уже къ 7 часамъ. Всего подано было 153 голоса, 77—за соціалъ-демократа, 76—за консерватора.

Первый разъ случилось, что соціалистъ получилъ больше голосовъ, чѣмъ консерваторъ. Соціалъ-демократы имѣли полное основаніе радоваться. Они собрались на краю деревни, въ маленькомъ трактирчикѣ, который могъ существовать рядомъ съ хорошей гостинницей только благодаря разности политическихъ убѣжденій посѣтителей того и другого заведенія, и пили за побѣду во всемъ избирательномъ округѣ. Крестьяне сошлись менѣе шумной толпой на постояломъ дворѣ. Они утѣшали другъ друга, говоря: «Ну, не бѣда, выборы въ маленькой деревушкѣ не нарушаютъ дѣла. А все-таки стыдно, что у насъ въ селѣ красныхъ больше, чѣмъ вѣрноподданныхъ государя».

Поздно вечеромъ въ трактиръ пришелъ еще одинъ рѣдкій посѣтитель, сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ Фохтъ. Онъ сидѣлъ не за большимъ столомъ, а усѣлся въ полутемномъ углу и не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Но онъ съ большимъ интересомъ слушалъ, когда читали результаты выборовъ въ близъ лежащихъ деревняхъ.

Въ девятомъ часу велосипедистъ привезъ извѣстія о выборахъ въ городскихъ округахъ, окружномъ городѣ и пяти маленькихъ городкахъ: на сторонѣ соціалъ-демократовъ было большинство болѣе чѣмъ тысячи голосовъ.

Такъ и надо было ожидать. На прошлыхъ выборахъ было то же самое. Деревня измѣнитъ дѣло, въ ней, вѣдь, около $^3/_5$ всѣхъ избирателей округа.

Соціалъдемократы шли по деревенской улицѣ, распѣвая «Марсельезу» рабочихъ. Подойдя къ гостинницѣ, они прокричали «ура» въ честь своего кандидата.

Крестьяне ворчали. Пусть себѣ потѣшаются! Кто знаетъ, можетъ, колесо еще повернется. Извѣстно, конецъ всему дѣлу вѣнецъ!

Мало-по-малу всѣ утомились. Нѣкоторые заснули на стульяхъ, другіе отъ скуки стали играть въ карты, прочіе сидѣли молча и пускали къ потолку огромные клубы дыма. Большая висячая лампа выгорѣла, слуга унесъ ее, чтобы снова налить въ нее керосину, и въ комнатѣ стало почти совсѣмъ темно. Картежники заспорили, зажженныя сигары однѣ свѣтились въ темнотѣ. Когда ярко горѣвшая лампа появилась въ комнатѣ, ее привѣтствовали такими громкими криками, что заснувшіе въ испугѣ вскочили и стали протирать себѣ глаза.

Несмотря на поздній часъ, никто не уходилъ. Помѣщикъ обѣщалъ проѣздомъ изъ города въ имѣніе еще разъ побывать въ гостинницѣ.

Послѣ полуночи на улицѣ послышался лошадиный топотъ и шуршанье колесъ по дорогѣ, только что засыпанной камнями. Вслѣдъ за тѣмъ помѣщикъ вошелъ въ залу гостинницы.

Всѣ сразу оживились. Всѣ заговорили въ одинъ голосъ и ему невозможно было отвѣчать на всѣ отдѣльные вопросы.

Наконецъ, онъ громкимъ повелительнымъ голосомъ потребовалъ молчанія и прочелъ: «Консерваторъ фонъ-Дуберау— восемь тысячъ восемьсотъ восемдесятъ семь голосовъ. Соціалъ-демократъ Гаубольдъ—восемь тысячъ девятсотъ двѣнадцать голосовъ. Не хватаетъ еще трехъ небольшихъ сельскихъ волостей».

Въ дополненіе къ этимъ цифрамъ онъ сказалъ отъ себя нѣсколько словъ: несмотря на то, что соціалъ-демократы имѣютъ большинство въ 25 голосовъ, есть надежда провести консервативнаго депутата, такъ какъ три недостающія волости дали на послѣднихъ выборахъ 200 консервативныхъ голосовъ и всего около 30 соціалистическихъ. Правда, послѣ этого въ одной изъ селъ основана была фабрика печей и многіе рабочіе переселились туда изъ другихъ мѣстъ округа. Несмотря на это—повторилъ онъ,—мы все-таки надѣемся, что нашъ избирательный округъ станетъ на сторону правительственной партіи, большинствомъ хотя бы одного только голоса.

Всѣ вышли изъ гостинницы и сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ вмѣстѣ съ прочими.

На слѣдующее утро сельскій письмоносецъ проходилъ мимо его дома, насвистывая и размахивая палкой. Старикъ вышелъ изъ дверей.

— Кюнцель! — крикнулъ онъ. — Не знаете ли вы чѣмъ кончились вчерашніе выборы?

— Какъ не знать, г. Фохтъ,—отвѣчалъ письмоносецъ. — Вотъ тутъ все напечатано. Мнѣ въ редакціи газеты дали множество листковъ прибавленій.

Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ бросилъ взглядъ на листокъ и прочелъ только: «Избранъ фонъ-Дуберау».

— Подождите минутку, Кюнцель,— сказалъ онъ и быстро вошелъ въ домъ.

Черезъ миниту онъ вернулся съ пачкою сигаръ.

— Вотъ вамъ, Кюнцель, я ужъ давно приготовилъ ихъ для васъ,—сказалъ онъ.

Письмоносецъ прищелкнулъ языкомъ и отвѣчалъ:

— Очень благодаренъ г. Фохтъ. Кажется, день простоитъ хорошій! Еще разъ большое спасибо!

И онъ пошелъ дальше, продолжая насвистывать. Сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ прочелъ внимательнѣе листокъ. Тамъ стояло:

Фонъ Дуберау, консерв. 9068 голосовъ

Гаубальдъ соціалъ-демократъ 8993 голоса.

Избранъ: фонъ Дуберау.

9-го августа Плетау выходилъ изъ полка послѣ почти девятилѣтняго отбыванія воинской повинности.

Въ первыхъ числахъ августа трудно было найти болѣе усерднаго и аккуратнаго солдата, чѣмъ канониръ графъ Эгонъ Плетау.

Особенно передъ оберъ-лейтенантомъ Бретшнейдеромъ онъ выказывалъ какую-то боязливую исполнительность. Вытягиваясь во фронтъ передъ нимъ, онъ громко стучалъ однимъ каблукомъ и стоялъ передъ строгимъ командиромъ неподвижно словно статуя.

Товарищи его съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Всѣ видѣли, что графъ

насмѣхается надъ оберъ лейтенантомъ, но придраться къ нему было невозможно. Онъ не позволялъ себѣ никакихъ преувеличеній, онъ только каждое предписаніе исполнялъ до послѣднихъ мелочей, не пропуская ни одну изъ нихъ.

Бретшнейдеръ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ тайнаго умысла канонира. Но его бритое лицо становилось темно-багровымъ, казалось, что онъ окончательно задыхается въ своемъ высокомъ, крѣпкомъ, узкомъ воротникѣ.

Унтеръ-офицеръ Кепхенъ долженъ былъ написать увольнительное свидѣтельство выходящему въ запасъ графу фонъ-Плетау.

— Куда васъ выписать, Плетау? спросилъ онъ.

Плетау задумался. — Пожалуйста, г. унтеръ-офицеръ,—сказалъ онъ,—напишите, что я отправляюсь путешествовать. Когда человѣкъ просидитъ такъ долго на одномъ мѣстѣ, ему хочется посмотрѣть на свѣтъ Божій.

Кепхенъ засмѣялся.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Вы должны прежде явиться въ здѣшнее волостное правленіе, а ужъ послѣ можете отправляться въ путь.

Графъ отвѣчалъ очень вѣжливо: Покорнѣйше благодарю за ваше любезное указаніе, г. унтеръ-офицеръ. Будьте добры, позвольте предложить вамъ еще одинъ вопросъ: въ тотъ день, когда я получу увольнительное свидѣтельство, буду я все еще подлежать военному суду или нѣтъ?

— Въ тотъ день, когда получите свидѣтельство, да—отвѣчалъ Кепхенъ,—а послѣ вы ужъ будете совсѣмъ независимы отъ насъ. Вы что же это, не задумали ли удрать какую-нибудь штуку?

— Помилуйте, г. унтеръ-офицеръ, какъ вы можете это думать!

— Ну, ну! всяко бываетъ!—замѣтилъ Кепхенъ.

Плетау состроилъ обиженную физіономію и еще разъ поблагодарилъ его.

— Значитъ, на другой день послѣ увольненія!—проговорилъ онъ самъ про себя.

Рано утромъ 9-го августа онъ, дѣйствительно, вышелъ изъ казармы. Часовому у входныхъ воротъ онъ сказалъ шутя:—По настоящему ты бы долженъ былъ отдать мнѣ честь! Я вѣдь девять лѣтъ пробылъ на военной службѣ! Не всякому удается такъ послужить отечеству!

Передъ обѣдомъ производились упражненія въ починкѣ орудій. Вегштетенъ заставилъ Бретшнейдера вести эти работы при себѣ. На слѣдующій день на нихъ долженъ былъ присутствовать полковникъ.

Во время перерыва въ работахъ въ рядахъ солдатъ пошелъ шопотъ и головы обратились къ горѣ.

На пригоркѣ стоялъ человѣкъ. Онъ держалъ въ рукахъ папку и смотрѣлъ на то, что дѣлалось на плацу. Затѣмъ онъ сошелъ пониже, усѣлся на травѣ и принялся что-то рисовать на папкѣ.

Ясно было видно, кто сидитъ на травѣ: графъ Эгонъ Плетау, въ сильно поношенномъ солдатскомъ мундирѣ.

Въ волостномъ правленіи ему объяснили что срокъ службы въ запасѣ для него давно прошелъ, и онъ съ гордостью называлъ себя ландверманомъ.

Утромъ 10-го августа,—въ тотъ день, когда Плетау послѣ многихъ лѣтъ снова вернулся подъ власть гражданскихъ законовъ, — погода стояла великолѣпная. Ночью прошла небольшая гроза и освѣжила воздухъ, на стебелькахъ травы блестѣли капельки росы.

Въ такое утро, пріятно быть солдатомъ и всякій военный радъ, что ему можно исполнять свою работу на открытомъ воздухѣ, вмѣсто того чтобы корпѣть за письменнымъ столомъ или въ душной мастерской.

Смотръ батареи назначенъ былъ на половину восьмого. Съ шести часовъ началъ оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ подготовлять къ нему своихъ солдатъ и, насколько могъ, испортилъ имъ хорошее расположеніе духа. У одного онъ замѣтилъ каску, ободокъ которой былъ темно-желтый, а чешуи свѣтло-желтыя, у другого чрезчуръ длинные рукава мундира, третьяго онъ забранилъ за волоса не довольно коротко остриженные. И все это послѣ команды: «Смирно», такъ что у солдатъ дѣлались судороги въ но-

гахъ и начиналось чиханье, такъ какъ утреннее солнце все время свѣтило имъ прямо въ глаза.

Наконецъ, батарея выѣхала на плацъ. Орудія были въ полномъ порядкѣ и стояли въ совершенно ровномъ разстояніи одно отъ другого.

Солнечные лучи освѣщали великолѣпное, воинственное зрѣлище и весело играли въ массѣ басонныхъ и свѣтлыхъ пуговицъ.

Оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ окинулъ еще разъ всю картину критическимъ взглядомъ. Ничего, кажется; все въ порядкѣ. Онъ готовъ и можетъ отличиться.

Изъ воротъ казармы медленно приближался полковникъ въ сопровожденіи маіора Шрадера и капитана фонъ-Вегштетена. Они всѣ трое вели какой-то оживленный разговоръ.

Бретшнейдеръ поспѣшилъ навстрѣчу имъ, чтобы доложить, что батарея на мѣстѣ. По дорогѣ онъ споткнулся и чуть не упалъ въ канаву, которая отдѣляла плацъ отъ дороги.

Маіоръ Шрадеръ отвернулся и засмѣялся. Онъ терпѣть не могъ этого жесткаго, многоученаго господина.

Полковникъ поблагодарилъ докладчика.

— Прикажите выѣзжать, г. оберъ-лейтенантъ,—сказалъ онъ.

Бретшнейдеръ скомандовалъ батареѣ выѣзжать, и затѣмъ полковникъ сталъ диктовать ему задачи.

Вдругъ случилось нѣчто неожиданное.

Послышался крикъ: «Голодріо, го-го!»

И еще разъ: «Голодріо! іого! го-гоо!»

И въ третій разъ: «Голодріо іого! іого! то-го-го!»

Эти призывные крики горцевъ раздавались съ горной тропинки. Всѣ посмотрѣли въ ту сторону, и снова, какъ наканунѣ, увидѣли на пригоркѣ ландвермана перваго призыва графа Эгона Плетау, все еще въ солдатскомъ мундирѣ съ массою заплатъ и въ сѣрыхъ нанковыхъ панталонахъ.

На пуговицахъ его мундира тоже играло солнце.

Онъ помахалъ фуражкой, привѣтствуя батарею, затѣмъ руки его опустились.

Глаза зрителей съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ.

Онъ спустилъ сѣрые нанковые панталоны и въ блестящихъ лучахъ золотистаго утренняго солнца свершилъ то отправленіе, ради котораго даже скифы, внушившіе греческихъ художникамъ фантастическое представленіе о кентаврахъ, принуждены были сходить съ лошадей.

Если бы Плетау, подобно Янусу, могъ видѣть, что происходитъ позади его, онъ увидѣлъ бы внизу, на плацу широко открытые глаза и разинутые рты.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся, взялъ съ земли большой бѣлый щитъ изъ картона, показалъ его батареѣ, держа высоко въ воздухѣ, и снова положилъ на землю.

На этомъ, повидимому, кончилось представленіе. Еще разъ весело прокричалъ онъ со своего возвышеннаго пункта: «Голодріо... іого... го-ого! го-ого!» Затѣмъ почтительно поклонился и съ быстротой молніи исчезъ въ кустахъ.

Внизу на плацу всѣ молча переглядывались. Солдаты строили невинныя физіономіи. Имъ очень хотѣлось разразиться громкимъ хохотомъ, но они боялись, что за это достанется. Поэтому они всѣми силами старались дѣлать такой видъ, точно не случилось ровно ничего особеннаго.

Вегштетенъ былъ въ высшей степени возмущенъ и раздраженъ.

— Прошу васъ, г. полковникъ, — сказалъ онъ,—позвольте мнѣ послать за этимъ негодяемъ нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, чтобы они задержали его и представили, куда слѣдуетъ. Это неслыханное оскорбленіе всей арміи, невѣроятное надругательство.

Губы Фалькенгейма дрогнули отъ сдержанной улыбки. Онъ тоже находилъ, что эта дерзость зашла за предѣлы шутки. Но онъ раздѣлялъ мнѣніе покойнаго великаго герцога Ольденбургскаго по поводу оскорбленія величества. Онъ находилъ, что негодяй никого не можетъ оскорбить; кромѣ того, вся эта выходка съ своимъ грубымъ символизмомъ не лишена была юмора.

Поэтому онъ отклонилъ предложеніе Вегштетена.

— Мой милый Вегштетенъ,—сказалъ онъ,—мы, понятно, возбудимъ дѣло противъ этого негодяя. Но какъ же его поймать? Мы только осрамимся, гоняясь за нимъ.

Вегштетенъ дрожалъ отъ гнѣва. Онъ указалъ на площадку, по которой проводили лошадей пятой батареи.

— Нельзя ли послать въ погоню за нимъ верховыхъ?—спросили онъ.

Полковникъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Какъ же они въѣдутъ на гору? А въ лѣсу все равно не могутъ преслѣдовать его. Повѣрьте, милый Вегштетенъ, это ловкій человѣкъ: онъ засядетъ въ кустахъ и проберется къ границѣ. Тамъ онъ будетъ въ безопасности.

— Понятно, — подтвердилъ маіоръ Шрадеръ, который теперь открыто смѣялся,—онъ скроется въ богемскихъ лѣсахъ, какъ Карлъ Мооръ.

Но капитанъ не могъ успокоиться.

— Я не могу допустить, чтобы этотъ негодяй убѣжалъ,—горячился онъ. — Я его поймаю. Я самъ за нимъ поѣду!

Фалькенгеймъ положилъ ему руку на плечо, стараясь успокоить его.

— Тише, тише, милый Вегштетенъ!—сказалъ онъ. — Дайте на этотъ разъ своему графу бѣжать, куда глаза глядятъ. Пошлите лучше какого-нибудь надежнаго унтеръ-офицера на пригорокъ, принести картонъ, пока солдаты его не видали. Кто знаетъ, какую гадость этотъ негодяй на немъ изобразилъ.

Унтеръ-офицеръ фонъ Фрилингхаузенъ былъ отправленъ на пригорокъ, и упражненія начались.

Фрилингхаузенъ нашелъ картонъ аккуратно приставленнымъ къ скамейкѣ, а передъ ней послѣдніе слѣды графа Эгона Плетау.

Онъ сошелъ съ пригорка и подошелъ къ тремъ офицерамъ, стараясь держать щитъ такъ, чтобы съ батареи не видно было, что на немъ написано.

Полковникъ взялъ его кончиками пальцевъ. На немъ стояло всего нѣсколько словъ.

— Г. оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ!—позвалъ маіоръ Шрадеръ.—Потрудитесь пожаловать сюда!

Бретшнейдеръ поспѣшилъ на зовъ.

— Что прикажите, г. маіоръ?

Шрадеръ указалъ на папку.

— Это, должно быть, объяснительная подпись къ той картинѣ, которую мы видѣли давеча, — сказалъ онъ, трясясь отъ смѣха.

На щитѣ было написано громадными буквами, красиво разрисованными краснымъ и синимъ карандашомъ:

«Оберъ-лейтенанту Бретшнейдеру прощальный привѣтъ».

— Однако, этотъ графъ Плетау человѣкъ довольно начитанный. Привелъ цитату изъ Эккергарда! Прошу покорно!

Маіоръ Шрадеръ, который въ свободные часы охотно занимался современной литературой и въ Берлинѣ видалъ на театрѣ «Ткачей» и «Его малютку», прошепталъ самъ про себя: «Прощальный привѣтъ всему полку».

XV.

„Свобода, ты моя мечта“...
(Изъ Шенневдорфа).

Унтеръ-офицеръ фонъ-Фрилингхаузенъ былъ осенью откомандированъ въ Берлинъ въ школу фейерверкеровъ. Раньше этого его нѣсколько разъ вызывали въ сиротскій судъ по дѣламъ опеки: надобно было распорядиться помѣщеніемъ нѣсколькихъ сотенъ марокъ, которыя достались ему послѣ смерти матери.

Въ военномъ мундирѣ молодой человѣкъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Онъ отвыкъ отъ прежнихъ безпокойныхъ, неуклюжихъ движеній, фигура его стала мужественнѣе, на верхней губѣ начали показываться усики. При этомъ загорѣлое лицо его сохранило прежнее открытое, юношески мягкое

«Краткая характеристика различныхъ стадій воздушнаго полета,— говоритъ извѣстный нѣмецкій воздухоплаватель, маіоръ Медебекъ,— можетъ быть выражена такими словами: подъемъ легокъ; полетъ труденъ; спускъ опасенъ»*).

Замѣтимъ прежде всего, что для производства нормальнаго спуска требуется опредѣленное количество **) балласта, такъ что моментъ наступленія спуска, независимо отъ желанія воздухоплавателя, опредѣляется балластомъ, который остается въ его распоряженіи, и условіями мѣстности, въ которой совершается полетъ передъ спускомъ ***). Поэтому разъ балластъ подходитъ къ концу и мѣстность, надъ которой летитъ аэростатъ, удобна для спуска, дальнѣйшій полетъ аэростата былъ бы уже неблагоразумнымъ. Спускъ обыкновенно начинается открытіемъ верхняго клапана, если въ этомъ есть необходимость, при чемъ стараются, чтобы скорость паденія аэростата не превышала 2—3 метровъ въ секунду. Затѣмъ, на извѣстномъ разстояніи отъ земли начинаютъ понемногу выбрасывать балластъ, чтобы постепенно замедлить паденіе аэростата. Если при этомъ аэростатъ начинаетъ останавливаться или даже подниматься вверхъ, то клапанъ открываютъ снова, а затѣмъ опять продолжаютъ выбрасывать балластъ. Всѣ хрупкіе инструменты, находящіеся въ корзинѣ, укладываются въ особый мѣшокъ, который привязывается къ подвѣсному обручу, чтобы предупредить возможность ихъ поломки и поврежденій, при ударѣ корзины о землю. Для возможнаго смягченія этого удара, какъ мы уже знаемъ, служитъ гайдъ-ропъ, который долженъ оставаться распущеннымъ съ самаго начала спуска. Кромѣ того, гайдъ-ропъ является также чалкой, за которую при случаѣ могутъ ухватиться присутствующіе при спускѣ и помочь притянуть аэростатъ къ землѣ. Въ тотъ моментъ, когда корзина касается земли, аэростатъ получаетъ сразу значительное облегченіе, снова устремляется вверхъ, дѣлая при этомъ гигантскій дугообразный скачокъ. Чтобы предупредить возможность такихъ скачковъ, представляющихъ нерѣдко весьма серьезную опасность для воздухоплавателя, пользуются якоремъ. Послѣдній, въ общемъ, походитъ на обыкновенный морской якорь, отличаясь отъ него лишь бо́льшимъ количествомъ лапъ, бо́льшею выгнутостью и заостренностью ихъ. На прилагаемомъ рисункѣ (см. рис. 68) изображенъ одинъ изъ лучшихъ типовъ якорей, употребляемыхъ въ воздухоплаваніи, якорь Герве. Благодаря такой конструкціи, якорь, какъ бы онъ ни легъ на землю, будетъ касаться ея всегда двумя лапами, причемъ уголъ, подъ которымъ лапы встрѣчаютъ землю при натяженіи якорнаго каната, обезпечиваетъ наибольшее углубленіе ихъ въ грунтъ. Когда якорь коснется

---

*) Медебекъ. „Руководство къ теоретическому, практическому и военному воздухоплаванію". Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею А. М. Кованько. Спб. 1889 г., стр. 157.

**) Количество необходимаго при спускѣ балласта, зависитъ отъ высоты, съ которой происходитъ спускъ. Оно можетъ быть точно вычислено, если извѣстна температура, влажность воздуха и начальная скорость паденія аэростата, но въ виду того, что такія вычисленія затруднительны при полетѣ, количество балласта опредѣляется обыкновено эмпирически, причемъ, наприм., для аэростата въ 1.300 куб. метровъ вмѣстимости на каждый километръ высоты полагается отъ 15 до 20 килограммовъ балласта.

***) По совершенно понятнымъ соображеніямъ спускъ нельзя произвести, напр., въ непосредственной близости населенныхъ мѣстъ, построекъ, водныхъ бассейновъ и болотъ, а также въ скалистыхъ и покрытыхъ лѣсомъ пространствахъ.

земли и его лапы проникнутъ въ почву, аэростатъ накрениваетcя такъ какъ его движеніе совершается тогда по дугѣ круга, радіусомъ котораго служитъ якорный канатъ. Это наиболѣе серьезный моментъ спуска. Воздухоплаватель долженъ воспользоваться имъ, чтобы передъ самымъ прикосновеніемъ корзины къ землѣ выпустить какъ можно больше газа черезъ клапанъ и тѣмъ ослабить подъемную силу аэростата и слѣдовательно возможность дальнѣйшихъ подниманій и опусканій его, связанныхъ съ сильными толчками о землю. Къ сожалѣнію, при помощи якоря не всегда удается закрѣпить аэростатъ, такъ какъ, съ одной стороны, якорь можетъ попасть на грунтъ, въ который онъ не будетъ врѣзаться («забирать»), съ другой стороны, при спускахъ во время сильнаго вѣтра якорный канатъ рѣдко выдерживаетъ сопротивленіе аэростата и легко рвется. Въ такомъ случаѣ шаръ или начинаетъ дѣлать скачки, о которыхъ мы упомянули выше, или будетъ просто волочиться вѣтромъ по землѣ, до тѣхъ поръ, пока окончательно не потеряетъ подъемную силу. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что величина клапана аэростата обыкновенно разсчитана такимъ образомъ, что при полномъ открытіи его аэростатъ теряетъ лишь $^1/_4$ своей подъемной силы въ минуту, такъ что если во время такого волоченія, или какъ говорятъ воздухоплаватели, «трэнажа», воздухоплавателю и удалось бы держать клапанъ все время открытымъ, то и въ такомъ случаѣ при сильномъ вѣтрѣ аэростатъ успѣлъ бы протащить корзину на огромномъ разстояніи. Обыкновенно же это бываетъ не такъ легко выполнить, и исторія съ знаменитымъ «Гигантомъ», переданная нами въ заключеніи историческаго очерка воздухоплаванія *), показываетъ, насколько продолжительна, трудна и опасна можетъ быть въ такихъ случаяхъ борьба съ вѣтромъ. Въ настоящее время, однако, въ распоряженіи воздухоплавателя имѣется средство, позволяющее ему въ извѣстный моментъ сразу освобождать аэростатъ отъ газа и предупреждать такимъ образомъ опасность тренажа. Это—такъ называемое *разрывное приспособленіе*. Устроено оно такимъ образомъ: при сшиваніи оболочки аэростата въ верхней части ея между двумя какими-нибудь полотнищами оставляется незашитою щель длиною въ $^1/_5$ окружности аэростата; на эту щель затѣмъ нашивается или наклеивается при помощи каучуковаго клея изнутри полоса прочной ткани, отъ верхняго конца которой въ корзину аэростата проведена такъ называемая разрывная веревка **). Если съ силою потянуть за послѣднюю, то полоса закрывающая щель оболочки, отрывается и весь газъ почти моментально выходитъ изъ аэростата. Чтобы пришить или приклеить снова оторванную полосу требуется не больше получаса времени. Введеніе разрывного приспо-

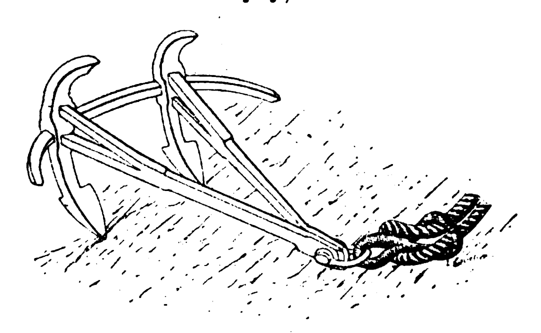

Рис. 68. Якорь Герве.

---

*) См. стр. 91.

**) Для отличія отъ другихъ веревокъ, чтобы не искать ее въ минуту опасности, разрывная веревка окрашивается обыкновенно въ красный цвѣтъ.

собленія составляетъ большой шагъ впередъ въ техникѣ воздушношаровыхъ полетовъ. Оно въ значительной степени уменьшаетъ опасность спусковъ, сокращаетъ время, потребное для ихъ производства, позволяя производить ихъ даже совсѣмъ безъ якоря, какъ это и практикуется въ настоящее время большинствомъ нѣмецкихъ воздухоплавателей.

По окончаніи полета, послѣ того, какъ аэростатъ совершенно освобожденъ отъ газа, оболочку его тщательно складываютъ полотнище къ полотнищу и свертываютъ въ кругъ, оставляя клапанъ снаружи и въ такомъ видѣ кладутъ на дно корзины. На оболочку кладется подвѣсный обручъ, который плотно привязывается къ корзинѣ подвѣсными веревками. При такой упаковкѣ существенная часть аэростата, его оболочка можетъ безъ всякихъ послѣдствій выдержать перевозку куда угодно. Сѣтка и остальныя принадлежности аэростата упаковываются отдѣльно. На мѣстѣ храненія аэростатическаго матеріала оболочка подвергается тщательному осмотру, и въ случаѣ, если въ ней окажутся разрывы, ихъ зашиваютъ, накладывая потомъ на швовъ заплату, предварительно подвергнутую лакировкѣ. По окончаніи починки оболочку вентилируютъ, надувая воздухомъ, затѣмъ складываютъ снова по описанному выше способу, впредь до слѣдующаго полета. Хорошо сдѣланный и соотвѣтствующимъ образомъ оснащенный аэростатъ при разумномъ обращеніи съ нимъ можетъ выдержать, по Граффиньи *), до пятидесяти полетовъ. Время отъ времени (приблизительно черезъ каждыя пять поднятій на немъ) онъ требуетъ повторной лакировки оболочки и частичнаго ремонта снастей. Извѣстны случаи, когда аэростаты выдерживали болѣе ста подъемовъ, не теряя при этомъ дальнѣйшей пригодности; таковъ, напр., былъ извѣстный аэростатъ Грина «Нассау».

Какъ велика степень опасности воздушно-шаровыхъ полетовъ вообще, и въ какой мѣрѣ опасность эта уменьшилась благодаря тѣмъ усовершенствованіямъ въ конструкціи современнаго аэростата и въ пріемахъ управленія его полетомъ, съ которыми читатель познакомился изъ предыдущихъ страницъ? Вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы существовали точныя статистическія данныя относительно общаго числа полетовъ, и полетовъ, окончившихся катастрофою. Къ сожалѣнію, матеріалъ, имѣющійся по этому вопросу, далеко не отличается ни полнотою, ни точностью. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по воздухоплаванію **) приводится списокъ жертвъ воздушныхъ полетовъ за сто лѣтъ, т.-е. со времени первой катастрофы съ Пилатромъ де-Розье и Ромэномъ (въ 1795 г. до 1885 г). Помимо того, что списокъ этотъ лишь отчасти захватываетъ современный періодъ воздухоплаванія, цифра зарегистрованныхъ въ немъ жертвъ значительно ниже дѣйствительной, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, должна быть, по крайней мѣрѣ удвоена. Однако, и этотъ скудный матеріалъ, даетъ, до извѣстной степени, возможность сдѣлать кой-какіе выводы по интересующему насъ вопросу. Общая цифра жертвъ перечисленныхъ въ названномъ спискѣ достигаетъ 50-ти. Если удвоить эту цифру и допустить, какъ это дѣлается большинствомъ авторовъ, что за столѣтній періодъ, къ которому относится этотъ списокъ, было совершено до 20-ти тысячъ полетовъ, то процентное отношеніе полетовъ, окончившихся смертью

---

*) Graffigny. „Les ballons dirigeables et la navigation aérienne“. стр. 147.
**) См., напр., Graffigny. „Les ballons dirigeables et la navigation aérienne“, Фламмаріонъ и Тисандье. „Путешествіе по воздуху“ и др.

воздухоплавателей выразится цифрою 0,5%, другими словами, на каждые 200 полетовъ приходилась одна жертва. Далѣе, если исключить лицъ, погибшихъ въ сущности при опытахъ со своими летательными приборами (Коккингъ, Летуръ, де-Гроофъ) и для которыхъ воздушный шаръ служилъ лишь средствомъ для производства этихъ опытовъ, то всѣхъ остальныхъ погибшихъ воздухоплавателей можно раздѣлить, по причинамъ ихъ гибели, на слѣдующія 7 категорій:

1) Пропавшіе на шарахъ безслѣдно, унесенные въ море, а также найденные при спускѣ мертвыми отъ неизвѣстныхъ причинъ—12 человѣкъ.

2) Погибшіе отъ воспламененія шара, (всѣ случаи этой категоріи относятся къ подъемамъ на монгольфьерахъ) 7 человѣкъ.

3) Погибшіе при паденіи аэростата, вслѣдствіе быстрой потери газа (разрывъ оболочки, недостатки въ устройствѣ клапана и пр.)—5 человѣкъ.

4) Погибшіе отъ толчковъ и волоченія по землѣ при спускѣ и вообще при неудачныхъ спускахъ—7 человѣкъ.

5) Отъ удушенія газомъ аэростата во время полета - 6 человѣкъ.

6) Отъ разрѣженнаго воздуха при подъемѣ выше 8.000 метровъ—2 человѣка.

7) Отъ безразсудной смѣлости воздухоплавателя—8 человѣкъ *).

Изъ этого перечня мы видимъ, во-первыхъ, что изъ поименованныхъ въ немъ случаевъ далеко не всѣ должны приниматься въ разсчетъ при оцѣнкѣ опасности воздушно-шаровыхъ полетовъ. Такъ случаи, отнесенные къ 7-й категоріи, едва ли могутъ говорить что-нибудь объ опасности воздушныхъ шаровъ, случаи же второй категоріи цѣликомъ относятся къ монгольфьерамъ и, слѣдовательно, также не характерны для опасности современнаго аэростатическаго воздухоплаванія. Что касается причинъ остальныхъ катастрофъ, то при современныхъ условіяхъ аэростатической техники вѣроятность ихъ въ значительной степени уменьшилась, и такіе случаи, какъ паденіе шара вслѣдствіе разрыва оболочки и недостатковъ въ устройствѣ клапана или удушеніе газомъ, благодаря современной конструкціи аэростатовъ, могутъ быть легко предупреждены.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что опасность воздушно-шаровыхъ полетовъ далеко не такъ велика, какъ объ этомъ принято думать. Рискъ, которому подвергаетъ себя воздухоплаватель, садясь въ корзину аэростата, сводится главнымъ образомъ, къ возможности несчастнаго спуска. Къ сожалѣнію, несчастія этого рода не всегда могутъ быть предупреждены даже при техническихъ условіяхъ современныхъ полетовъ, и гибель въ 1902 г. такого опытнаго и искуснаго воздухоплавателя, какъ капитанъ фонъ-Зигсфельдъ, лишній разъ подтверждаетъ это.

---

*) Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены такіе случаи, какъ гибель гимнаста Наварра, который въ 1880 г. поднялся въ Парижѣ, вися на подвѣшенной къ шару трапеціи. Обезсиливъ, онъ опустилъ трапецію на высотѣ приблизительно 600 метровъ и упалъ на землю съ такою силою, что отскочилъ отъ нея на метръ совершенно раздробленный. Той же участи подвергся въ 1876 г. другой аэронавтъ-гимнастъ Трике, съ тою лишь разницею, что онъ поднялся, сидя на трапеціи, и убился при спускѣ аэростата во время волоченія послѣдняго по землѣ. Къ этой же категоріи должна быть отнесено несомнѣнно и гибель m-me Бланшаръ, о которой мы упоминали въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія, и гибель нѣкоторыхъ другихъ профессіональныхъ воздухоплавателей.

Глава II.

Научное воздухоплаваніе.

Воздухоплаваніе и изученіе атмосферы.—Краткій очеркъ развитія научнаго воздухоплаванія.—О нѣкоторыхъ методахъ измѣреній и приборахъ для научныхъ наблюденій на воздушномъ шарѣ.—Успѣхи научнаго воздухоплаванія въ связи съ наиболѣе выдающимися научными полетами за послѣднее пятидесятилѣтіе: a) измѣненія температуры воздуха въ зависимости отъ высоты, b) влажность воздуха на различныхъ высотахъ и образованіе облаковъ; c) солнечная радіація; d) воздушныя теченія, ихъ сила и скорость; e) атмосферное электричество; f) земной магнитизмъ; g) оптическія и аккустическія явленія; h) физіологическія наблюденія; j) воздухоплаваніе и астрономія, i) воздухоплаваніе и географія; k) шары, зонды и воздушные змѣи; l) воздухоплаваніе и фотографія.

Едва ли нужно говорить о томъ огромномъ значеніи, какое можетъ имѣть для жизни и практической дѣятельности человѣка точное знаніе законовъ метеорологіи. Достаточно сказать, что всѣ процессы животной и растительной жизни нашей планеты находятся въ самой непосредственной и тѣсной зависимости отъ явленій, которыя совершаются въ окружающей ее воздушной оболочкѣ, чтобы понять какой огромный жизненный интересъ представляетъ изученіе законовъ этихъ явленій. И если, несмотря на это, наши знанія атмосферы пока еще слишкомъ далеки отъ научной полноты и точности, то причину этого слѣдуетъ искать прежде всего въ тѣхъ трудностяхъ съ которыми связано пріобрѣтеніе этихъ знаній. Въ самомъ дѣлѣ высота воздушной оболочки окружающей землю въ десятки разъ превосходитъ вершины высочайшихъ горъ земной поверхности. Явленіе такъ называемыхъ свѣтящихся ночныхъ облаковъ показываетъ, что на высотѣ 75—80 километровъ отъ земли могутъ еще находиться водяные пары; наблюденія надъ падающими звѣздами, т.-е. метеоритами, которые воспламеняются, попадая въ предѣлы земной атмосферы, а также надъ рефракціей звѣзднаго свѣта, заставляютъ думать, что замѣтные слѣды воздуха существуютъ на высотѣ 200 километровъ; вычисленія же предѣла, при которомъ земное притяженіе частицъ воздуха уравновѣшивается центробѣжною силою даютъ еще бо̀льшія цифры для высоты земной асмосферы. Конечно, на этихъ крайнихъ, такъ сказать, космическихъ предѣлахъ земной атмосферы должны находиться лишь ничтожные слѣды входящихъ въ составъ ея газовъ, и слѣдовательно. здѣсь уже не могутъ имѣть мѣста метеорологическіе процессы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ поверхности нашей планеты. Но и тотъ слой земной оболочки, въ толщѣ котораго совершаются эти процессы, слишкомъ обширенъ и верхній предѣлъ его слишкомъ удаленъ отъ земной поверхности, чтобы возможно было непосредственное и правильное наблюденіе ихъ. Пользованіе горными вершинами способно лишь отчасти облегчить задачу изученія и наблюденія метеорологическихъ явленій. Помимо трудной доступности вершинъ высочайшихъ горъ, горныя метеорологическія наблюденія имѣютъ то существенное неудобство, что горы сами измѣняютъ характеръ метеорологическихъ явленій; послѣднія совершаются въ присутствіи и вблизи горъ совершенно иначе, чѣмъ въ свободной атмосферѣ. Горные массивы измѣняютъ, напр., направленіе и скорость вѣтровъ, условія поглощенія и отдачи воздухомъ солнечной теплоты; они вліяютъ на гигрометрическое состояніе воз-

духа, на атмосферное электричество и земной магнетизмъ (въ особенности въ присутствіи содержащихъ желѣзо породъ) и т. д. Словомъ горныя наблюденія не могутъ замѣнить метеорологическихъ наблюденій въ свободной атмосферѣ. И вотъ тутъ-то и выступаетъ на сцену воздухоплаваніе, какъ единственное и ничѣмъ незамѣнимое орудіе изслѣдованія атмосферы и изученія явленій въ ней совершающихся. «Аэростатъ,—говоритъ извѣстный русскій метеорологъ и воздухоплаватель Поморцевъ, является въ этомъ вопросѣ (вопросѣ метеорологическихъ изслѣдованій), почти единственнымъ и прекраснымъ средствомъ. Путь его указываетъ на путь атмосферныхъ теченій и скорость его движенія на скорость этихъ теченій на разныхъ высотахъ надъ поверхностью земли. Измѣренія температуры, давленія и влажности, соотвѣтственно разныхъ высотъ, также весьма цѣнны, такъ какъ они относятся къ условіямъ именно свободной атмосферы. Аэростатъ является такимъ образомъ естественнымъ зондомъ, который можетъ пронизывать, слѣдуя вверхъ и внизъ по волѣ аэронавта всю доступную для жизни человѣка толщу атмосферы. Но не одно воздухоплаваніе и метеорологія со всѣми ея практическими примѣненіями ко многимъ вопросамъ жизни нуждаются въ изученіи законовъ строенія и движенія атмосферы. Астрономія и геодезія ждутъ отъ этихъ законовъ разрѣшенія задачи о рефракціи, вопросъ о которой по недостатку еще нѣкоторыхъ опытныхъ данныхъ нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, не смотря на множество остроумныхъ гипотезъ, уже положенныхъ въ основу его разрѣшенія. Воздухоплаватель однако, собирая весь относящійся сюда матеріалъ приноситъ, конечно, прежде всего большую услугу матеорологіи, но въ то же время онъ работаетъ и для себя, такъ какъ несомнѣнно, что вытекающими отсюда выводами онъ первый же и воспользуется *)».

Значеніе воздушныхъ шаровъ для научныхъ изслѣдованій атмосферы было понято и оцѣнено уже вскорѣ послѣ изобрѣтенія ихъ. Такъ, въ извѣстномъ уже намъ отчетѣ членовъ парижской академіи наукъ, объ изобрѣтеніи братьевъ Монгольефье, представленномъ въ Академію 22-го декабря 1783 г., говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Аэростатъ можетъ найти многосторонее примѣненіе въ области физики, напримѣръ, для изученія скорости и направленія различныхъ вѣтровъ, дующихъ въ атмосферѣ... На немъ можно подниматься до самыхъ облаковъ и тамъ, на мѣстѣ, изучать атмосферическіе метеоры». Въ началѣ прошлаго столѣтія, какъ мы видѣли изъ историческаго очерка воздухоплаванія, было совершено нѣсколько цѣнныхъ, по своимъ результатамъ, подъемовъ съ научными цѣлями. Несмотря, однако, на успѣхъ первыхъ попытокъ научнаго воздухоплаванія, попытки эти оставались единственными въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ. Послѣ столь продолжительнаго перерыва интересъ къ научному воздухоплаванію начинаетъ снова обнаруживаться во Франціи лишь въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія, благодаря, главнымъ образомъ, энергичной пропагандѣ Араго **). По иниціативѣ послѣдняго

*) См. Поморцевъ.—„Научные результаты 40 воздушныхъ путешествій, сдѣланныхъ въ Россіи.“ Спб. 1891, стр. 2.

**) Араго, самъ никогда не поднимавшійся на воздушномъ шарѣ, много работалъ надъ вопросомъ примѣненія воздухоплаванія къ метеорологіи. Имъ была выработана, между прочимъ, и первая программа для производства метеорологическихъ наблюденій при полетахъ, которая очень долго оставалась незамѣнимымъ руководствомъ для всѣхъ позднѣйшихъ поднятій.

въ 1852 г. были совершены два замѣчательныхъ научныхъ подъема французскими учеными Барралемъ и Биксіо, собравшими не мало чрезвычайно цѣнныхъ метеорологическихъ наблюденій, которыя и послужили матеріаломъ для теоретическихъ работъ Араго. Почти одновременно съ этимъ въ Англіи Уэльшъ, по порученію обсерваторіи въ Kew, совершилъ четыре научныхъ подъема въ сопровожденіи извѣстнаго воздухоплавателя Грина. Десять лѣтъ спустя, въ той же Англіи, директоръ метеорологической обсерваторіи въ Гринвичѣ, Джемсъ Глешеръ (Glaisher), начинаетъ рядъ своихъ знаменитыхъ научныхъ полетовъ въ сопровожденіи воздухоплавателя Коксуэля (Coxwell). Эти полеты (Глешеромъ было совершено до 30-ти полетовъ съ 1862 по 1866 г.), составляющіе эпоху въ исторіи научнаго воздухоплаванія, положили начало систематическому изученію воздушныхъ высотъ и многіе изъ тѣхъ наблюденій и выводовъ, которыми они обогатили метеорологію, не утратили научнаго значенія и до настоящаго времени. Плодотворная дѣятельность Глешера, находитъ вскорѣ подражателей на континентѣ, и въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія начинается рядъ замѣчательныхъ научныхъ полетовъ сперва во Франціи (Фламмаріонъ, де-Фонвіель, братья Тиссандье, Сивель, Кроче-Спинелли, Жансенъ и др.), а затѣмъ и въ Германіи, гдѣ одновременно съ возникновеніемъ въ 80 хъ годахъ «Нѣмецкаго общества для содѣйствія воздухоплаванію» (Deutsche Verein für Förderung der Luftschiffahrt) научное воздухоплаваніе получаетъ наиболѣе серьезную и правильную организацію и выдвигаетъ рядъ такихъ выдающихся дѣятелей, какъ Зигсфельдъ, Зюрингъ, Ассманнъ, Берсонъ, Гергезелль и др.). У насъ въ Россіи научное воздухоплаваніе появляется лишь въ концѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія. До этого же времени, послѣ извѣстнаго подъема, совершеннаго въ началѣ прошлаго столѣтія академикомъ Захаровымъ, въ Россіи былъ совершенъ лишь одинъ полетъ съ научными цѣлями (Рыкачевымъ въ 1873 г.). Одновременно съ введеніемъ въ концѣ 80-хъ гг. военнаго воздухоплаванія въ армію былъ образованъ при Императорскомъ техническомъ обществѣ воздухоплавательный отдѣлъ, которымъ былъ пріобрѣтенъ воздушный шаръ, предназначенный главнымъ образомъ для научныхъ наблюденій. Послѣднія производились также и на военныхъ аэростатахъ при такъ называемыхъ учебныхъ полетахъ. Такимъ образомъ, до 1890 года у насъ было совершено уже до 40 научныхъ поднятій, результаты которыхъ были собраны и обработаны въ совокупности однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей русскаго научнаго воздухоплаванія М. Поморцевымъ, въ его трудѣ: «Научные результаты 40 воздушныхъ путешествій, сдѣланныхъ въ Россіи» (Спб. 1891 г.). Наконецъ дѣятельность разрозненныхъ организацій научнаго воздухоплаванія была объединена въ 1893 г. учрежденіемъ международнаго воздухоплавательнаго комитета, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ директоръ метеорологическаго института въ Страсбургѣ Гергезель (Hergesell), а секретаремъ французскій писатель и воздухоплаватель Вильфридъ де-Фонвіель (Wilfrid de-Fonvielle). Съ тѣхъ поръ, помимо отдѣльныхъ научныхъ полетовъ, стали устраиваться одновременные полеты шаровъ-зондовъ и шаровъ съ наблюдателями съ воздухоплавательныхъ станцій нѣсколькихъ европейскохъ городовъ (Парижа, Страсбурга, Берлина, Мюнхена, Стокгольма, Варшавы и Петербурга). Результаты этихъ полетовъ не замедлили обнаружить ихъ огромное научное значеніе.

Изъ этого краткаго очерка развитія научнаго воздухоплаванія мы

видимъ, что за стодвадцатилѣтній періодъ существованія аэростатическаго воздухоплаванія число чисто научныхъ поднятій на воздушномъ шарѣ должно быть ничтожно по сравненію съ общею цифрою полетовъ, совершенныхъ за это время *). Съ другой стороны и самая техника научныхъ полетовъ и въ особенности приборы и методы для производства наблюденій на воздушномъ шарѣ, отвѣчающіе спеціальнымъ условіямъ такихъ наблюденій, были выработаны сравнительно недавно. Неудивительно поэтому, если результаты научныхъ изслѣдованій атмосферы при помощи воздушныхъ шаровъ до сихъ поръ еще слишкомъ скромны по сравненію съ тѣми услугами, какія воздухоплаваніе способна оказать наукѣ о воздухѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку успѣховъ научнаго воздухоплаванія въ связи съ наиболѣе выдающимися научными полетами послѣдняго пятидесятилѣтія, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя въ общихъ чертахъ съ нѣкоторыми приборами и методами измѣреній, примѣняемыми въ научно-воздухоплавательной практикѣ, Остановимся прежде всего на измѣреніи высоты воздушныхъ слоевъ,

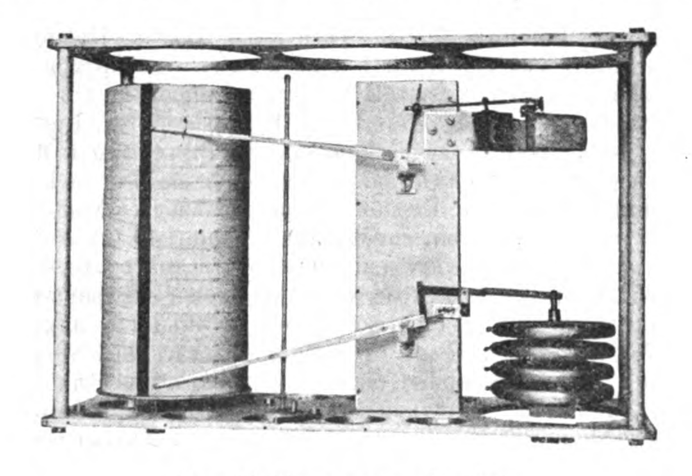

Рис. 69. Баротермографъ Фюсс.

достигаемыхъ аэростатами. Мы уже видѣли, что для этой цѣли пользуются показаніями барометра. Наиболѣе точными барометрами считаются ртутные, но пользованіе ими на воздушномъ шарѣ сопряжено съ большими затрудненіями, въ виду того, что постоянныя сотрясенія корзины аэростата передаются ртути и затрудняютъ чтеніе показаній барометра. Изслѣдователи предпочитаютъ поэтому пользоваться менѣе точными, но болѣе удобными барометрами-анероидами, которые въ соединеніи съ самопишущимъ приборомъ носятъ названіе барографовъ. Устройство барографа не трудно понять по прилагаемому рисунку (рис. 69), на которомъ изображенъ такъ называемый баротермографъ Фюсса, т.-е. соединеніе барографа (нижняя часть прибора) съ термографомъ, или самопишущимъ термометромъ. Слѣдующій рисунокъ (рис. 70) изображаетъ автоматическую запись (діаграмму) барографа,

*) Какъ мы уже видѣли изъ предыдущей главы, до настоящаго времени было произведено болѣе 20-ти тысячъ свободныхъ полетовъ на воздушномъ шарѣ.

гдѣ цифры вертикальнаго ряда (по оси ординатъ) обозначаютъ давленіе барометра въ миллиметрахъ, цифры же горизонтальнаго ряда (по оси абсциссъ) показываютъ время, такимъ образомъ кривая, представляющая измѣненія атмосферваго далвенія при подъемѣ аэростата, вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣляетъ и время, когда наблюдалось данное давленіе барометра, а слѣдовательно и данная высота аэростата. Показанія барографа время отъ времени контролируются все-таки показаніями ртутнаго барометра. Такъ какъ барометрическія опредѣленія высоты не отличаются абсолютною точностью, то чтобы провѣрить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить предѣлъ точности такъ называемой формулы Лапласа, которою выражается зависимость между давленіемъ и высотою, французскимъ ученымъ Кальетэ былъ предложенъ слѣдующій чрезвычайно остроумный способъ. Къ корзинѣ аэро-

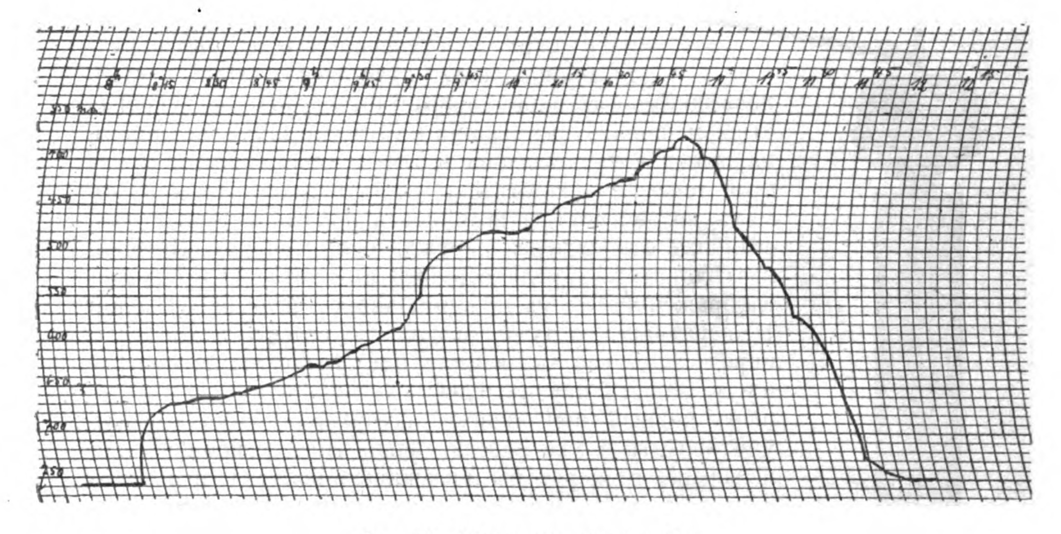

Рис. 70. Діаграмма барографа.

стата подвѣшивается фотографическая камера съ двумя объективами; одинъ изъ нихъ обращенъ къ землѣ, противъ другаго же находится циферблатъ барометра-анероида. Особый механизмъ, помѣщенный внутри аппарата, автоматически развертываетъ свѣточувствительную пленку и позволяетъ проникнуть свѣту черезъ опредѣленные промежутки времени, благодаря чему происходитъ систематическое и одновременное фотографированіе съ одной стороны, поверхности земли, а съ другой—циферблата и стрѣлки анероида. Если извѣстно разстояніе между двумя какими-нибудь точками на подлежащей фотографированію поверхности земли, то зная разстояніе этихъ точекъ на полученномъ снимкѣ, а также фокусное разстояніе объектива, можно съ помощью простой пропорціи вычислить высоту, на которой находился аэростатъ въ моментъ полученія снимка; а такъ какъ барометрическое давленіе, соотвѣтствующее этому моменту, извѣстно изъ другого снимка, то у изслѣдователя получается возможность провѣрить точность барометрическаго опредѣленія высоты полета. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за полетомъ аэростата можно слѣдить съ поверхности земли, высоту его подъема въ данный моментъ можно опредѣлить еще тригонометри-

чески, что также даетъ возможность сравненія и провѣрки результатовъ барометрическихъ опредѣленій высоты.

Точное измѣреніе температуры и влажности воздуха на различныхъ высотахъ до очень недавняго времени составляло одну изъ главнѣйшихъ трудностей научныхъ наблюденій на воздушномъ шарѣ. Чтобы понять причину этиой трудности, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что показанія всякаго термометра, помѣщеннаго въ любомъ доступномъ для непосредственнаго наблюденія мѣстѣ, относятся не не только къ температурѣ *окружающаго воздуха*, но являются результатомъ взаимодѣйствія, по крайней мѣрѣ, трехъ факторовъ: температуры воздуха, непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей и дѣйствія тепловыхъ лучей окружающихъ термометръ предметовъ, которыя днемъ отдаютъ свою теплоту, а ночью, наоборотъ, поглощаютъ ее. По мѣрѣ поднятія воздушнаго шара и вступленія его въ болѣе разрѣженные слои атмосферы, вліяніе двухъ послѣднихъ факторовъ возрастаетъ, такъ какъ вслѣдствіе меньшаго содержанія въ этихъ слояхъ водяныхъ паровъ непосредственное и отраженное дѣйствіе лучистой теплоты значительно увеличивается, вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и неточность показаній термометра, если ихъ относить къ окружающему воздуху. Прежніе изслѣдователи почти совсѣмъ не считались съ этими соображеніями; отсюда ошибочность ихъ опредѣленій температуры воздуха высокихъ слоевъ атмосферы, опредѣленій, составляющихъ одну изъ самыхъ важнѣйшихъ задачъ научнаго изслѣдованія атмосферы. Глешеръ первый при своихъ научныхъ полетахъ сталъ употреблять болѣе раціональный типъ приборовъ для измѣренія температуры и влажности воздуха, пользуясь для этой цѣли психрометромъ, шарики котораго вентилировались ручными мѣхами. Однако, практиковавшійся имъ способъ установки прибора не устранялъ вполнѣ возможности постороннихъ температурныхъ вліяній. Болѣе совершенный типъ прибора, удовлетворяющій требованіямъ научной точности, былъ выработанъ лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Это такъ называемый аспираціонный психрометръ Ассмана. Приборъ этотъ (рис. 71) состоитъ изъ двухъ термометровъ, ртутные шарики которыхъ заключены внутри металлическихъ трубокъ съ двойными, хорошо отполированными стѣнками. Въ трубкахъ постоянно циркулируетъ воздухъ, благодаря вентилятору, приводимому въ движеніе особымъ заводнымъ механизмомъ, находящимся въ верхней части прибора. Шарикъ одного изъ термометровъ обернутъ кисеей, которая поддерживается все время влажною. Чѣмъ суше проходимый аэростатомъ слой атмосферы, тѣмъ быстрѣе будетъ испаряться влажность кисеи и тѣмъ сильнѣе при этомъ будетъ охлаждаться обмотанный ею шарикъ термометра, вслѣдствіе чего влажный термометръ будетъ показывать болѣе низкую температуру, нежели сухой. На основаніи разности показанія между обоими термометрами (психрометрической разности) и вычисляется влажность воздуха, въ то время какъ сухой

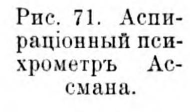

Рис. 71. Аспираціонный психрометръ Ассмана.

термометръ опредѣляетъ его температуру. Какъ показано на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 72), приборъ подвѣшивается къ концу длиннаго рычага, прикрѣпленнаго къ наружной стѣнкѣ корзины, причемъ для завода пружины, приводящей въ дѣйствіе вентиляторъ, и для смачиванія термометра конецъ рычага, вмѣстѣ съ приборомъ, можетъ быть приближенъ къ наблюдателю при помощи веревки и блока. Заводъ пружины и наблюденіе показаній психрометра (при помощи зрительной трубки) производятся отъ 6-ти до 10-ти разъ въ часъ. Вышеуказанный

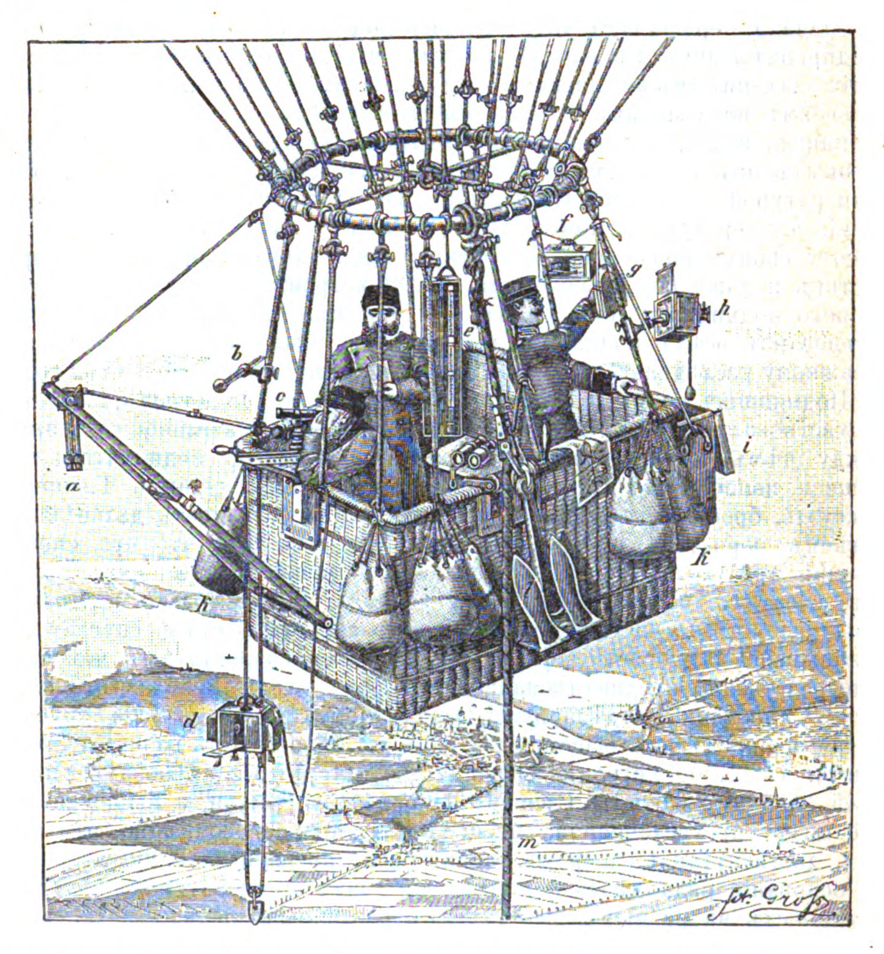

Рис. 72. Корзина аэростата „Гумбольдта“ въ моментъ подъема на 5000 м. надъ Штеттиномъ: a) аспираціонный психрометръ; b) солнечный термометръ., c) зрительная трубка для наблюденія за показаніями психрометра., d) аспираціонный термографъ., e) ртутный барометръ., f) барографъ., g) барометръ-анероидъ., h) фотографическій аппаратъ., i) ящикъ для инструментовъ., k) балластные мѣшки., l) якорь., m) гайдъ-ропъ.

рисунокъ (рис. 72) даетъ также понятіе о современномъ снаряженіи корзины аэростата при научныхъ полетахъ. Какъ читатель видитъ, это—настоящая воздушная лабораторія.

Точныя опредѣленія температуры воздуха на различныхъ высотахъ и выясненіе закона, которому слѣдуетъ пониженіе температуры съ

высотою — такова одна изъ важнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ метеорологіей научному воздухоплаванію. Уже наблюденія первыхъ воздухоплавателей (Бланшаръ. Робертсонъ, Гей-Люсакъ и др.), которымъ удалось достигнуть болѣе высокихъ слоевъ атмосферы, показали, что температура воздуха замѣтно понижается по мѣрѣ поднятія аэростата и что въ верхнихъ слояхъ атмосферы пониженіе это достигаетъ иногда весьма значительныхъ величинъ. Такъ, мы видѣли, что во время извѣстнаго подъема Барраля и Биксіо (въ 1850 г.) этими учеными на высотѣ 7.000 метровъ была констатирована температура 39°. Однако, первыя систематическія наблюденія по этому предмету были предприняты лишь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія знаменитымъ англійскимъ воздухоплавателемъ Глешеромъ. Вмѣстѣ со своимъ воздушнымъ лоцманомъ, Коксуэлемъ, Глешеръ, какъ мы упомянули выше, совершилъ до 30-ти научныхъ поднятій, во время которыхъ онъ велъ самыя тщательныя наблюденія надъ давленіемъ, температурой и важностью воздуха. Чтобы пріучить себя переносить низкія температуры и давленія *), Глешеръ постепенно увеличивалъ высоту своихъ подъемовъ и, тренируя себя такимъ образомъ, вскорѣ достигъ и даже перешелъ высоту 7.000 метровъ, высоту, на которую до него поднимался лишь одинъ Гей-Люсакъ. Но наиболѣе замѣчательное изъ всѣхъ поднятій Глешера, чуть было не стоившее жизни отважному изслѣдователю, было совершено имъ 5-го сентября 1862 года.

Поднявшись во время этого полета на высоту 8.838 метровъ, Глешеръ почувствовалъ слабость и сталъ впадать въ безсознательное состояніе, между тѣмъ какъ аэростатъ продолжалъ быстро подниматься все выше и выше. Видя грозившую имъ опасность, спутникъ Глешера, Коксуэль, бросился къ веревкѣ клапана, чтобы остановить дальнѣйшій подъемъ аэростата, но съ ужасомъ почувствовалъ, что его окоченѣвшія отъ холода руки отказываются повиноваться ему. Тогда онъ схватилъ веревку зубами и, рванувъ ее, насколько позволяли силы, выпустилъ часть газа, послѣ чего аэростатъ сталъ спускаться. Основываясь на скорости вертикальнаго движенія аэростата въ моментъ, непосредственно предшествовавшій обмороку, и на приблизительномъ расчетѣ времени, отдѣлявшаго этотъ моментъ отъ начала спуска, Глешеръ опредѣлилъ высоту, достигнутую аэростатомъ во время этого полета, въ 11.000 метровъ. Большинство авторитетныхъ воздухоплавателей находятъ расчеты Глешера не вполнѣ точными, а вышеуказанную цифру преувеличенной; не подлежитъ однако сомнѣнію, что высота, достигнутая Глешеромъ, значительно превышала 9.000 метровъ. На основаніи ряда своихъ наблюденій надъ температурою воздуха, сдѣланныхъ на разныхъ высотахъ въ различныя времена года, Глешеръ попытался впервые вывести закономѣрность измѣненія температуры съ высотою. Онъ именно нашелъ, что въ среднемъ температура воздуха понижается на 4,5° Ц. на каждые 1.000 метровъ и что съ возрастаніемъ высоты пониженіе это идетъ все медленнѣе и медленнѣе. Отсюда былъ сдѣланъ выводъ, что на извѣстной высотѣ пониженіе температуры должно совершенно прекращаться, т.-е. другими словами, на очень высокихъ слояхъ атмосферы нужно допустить постоянную температуру, приблизительно въ 34° — 50°. Наблюденія Гле-

*) Такъ какъ въ то время благотворное дѣйствіе вдыханія кислорода на большихъ высотахъ еще не было извѣстно.

шера, равно какъ и сдѣланные на основаніи ихъ выводы въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ считались въ наукѣ наиболѣе точными и научно обоснованными данными по вопросу объ измѣненіи температуры въ зависимости отъ высоты. Но въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія учеными членами «Нѣмецкаго союза для развитія воздухоплаванія» былъ начатъ рядъ новыхъ систематическихъ изслѣдованій высокихъ слоевъ атмосферы, и результаты *) этихъ изслѣдованій не замедлили показать неточность наблюденій знаменитаго англійскаго воздухоплавателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснили и причину этой неточности. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ полетовъ, предпринятыхъ

Рис. 74. Джемсъ Глешеръ.

съ этою цѣлью, принадлежатъ несомнѣнно полеты проф. Берсона и доктора Зюринга (Süring). Стремясь, по возможности, раздвинуть предѣлы доступной непосредственному изученію толщи атмосферы, эти воздухоплаватели достигли такихъ областей, которыя едва ли когда-нибудь видѣли живое существо. Уже при одномъ изъ первыхъ полетовъ (4-го декабря 1894 г.) Берсонъ достигъ высоты 9.150 метровъ и остановился на ней только потому, что для дальнѣйшаго подъема, у него не хватило балласта. Поднявшись въ этотъ разъ изъ Берлина въ 10 ч. 28 м. утра, Берсонъ въ 12 ч. дня былъ уже на высотѣ 6.750 метровъ, на которой термометръ показывалъ—29°. Здѣсь онъ

*) Результаты эти опубликованы въ трехтомномъ отчетѣ, изданномъ въ 1900 г. подъ редакціей Ассмана и Берсона „Wissenschaftliche Luftfahrten“. Berlin 1900 г.

началъ вдыхать кислородъ и сразу почувствовалъ магическое дѣйствіе этого средства. Равно черезъ два часа послѣ начала подъема «Фениксъ» (такъ назывался аэростатъ, на которомъ поднялся Берсонъ и который принадлежалъ упомянутому нѣмецкому обществу) былъ на высотѣ 8.000 метровъ, гдѣ температура пала до—39°.

«На 8.200 метрахъ—говоритъ Берсонъ—я не могъ не подумать о двухъ французскихъ изслѣдователяхъ *), погибшихъ на этой высотѣ во имя науки; на 8.500 метровъ я достигъ наибольшей высоты, которую Глешеръ 5-го сентября 1862 г. могъ прочитать на своемъ барометрѣ, прежде чѣмъ онъ впалъ въ глубокій обморокъ, отъ котораго очнулся лишь послѣ того, какъ его компаніону удалось задержать дальнѣйшій подъемъ шара. Температура опустилась въ этотъ моментъ до—42°. Въ 12 ч. 49 м., слѣдовательно черезъ 2 ч. 20 м. послѣ начала подъема барометръ показываетъ высоту *9.150* метровъ и термометръ опустился до—47,9°...

«Здѣсь аэростатъ остановился. У меня оставалось лишь шесть большихъ и одинъ маленькій мѣшокъ балласта, и я не могъ трогать этого запаса, безусловно необходимаго для безопасности спуска и приставанія къ землѣ. На максимальной высотѣ 9.150 метровъ мною было записано: «чувствую себя удивительно хорошо (lächerlich wohl)—далеко лучше, нежели незадолго передъ этимъ».

«Фениксъ» опустился на землю въ 3 час. 45 мин. въ Шенвольдѣ, не далеко отъ Киля, причемъ спускъ продолжался около 3-хъ часовъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 5½ часовъ аэростатомъ былъ пройденъ путь (земная проекція пути) въ 310 километровъ. Большинство послѣдующихъ полетовъ съ цѣлью изслѣдованія высокихъ слоевъ атмосферы было совершено Берсономъ въ компанія съ докторомъ Зюрингомъ и при одномъ изъ этихъ полетовъ (31-го іюля 1901 г.) воздухоплаватели достигли чудовищной высоты *10.250 м.* Несмотря на то, что полетъ совершался въ самое жаркое время года, на этой высотѣ термометръ показывалъ—40°. Это было царство вѣчной тишины и леденящаго холода, куда навѣрное никогда еще не проникало до этого ни одно живое существо! Полеты нѣмецкихъ изслѣдователей дали совершенно другую картину вертикальнаго распредѣленія температуры воздуха, по сравненію съ той, которая вытекала изъ изслѣдованій Глешера. Прежде всего они показали, что температура, указанная Глешеромъ для различныхъ высотъ, значительно выше наблюдавшейся на тѣхъ же высотахъ нѣмецкими изслѣдователями, причемъ несоотвѣтствіе между тѣми и другими наблюденіями особенно велико для большихъ высотъ, гдѣ оно достигаетъ до 20°. Причина этого несоотвѣтствія заключалась въ томъ, что англійскій ученый при своихъ измѣреніяхъ недостаточно принималъ во вниманіе дѣйствія солнечной радіаціи, которая, какъ мы уже видѣли, возрастаетъ съ высотою и, какъ увидимъ дальше, на большихъ высотахъ становится чрезвычайно интенсивною. Между тѣмъ, измѣрительные приборы Глешера, отчасти благодаря несовершенству ихъ конструкціи, отчасти-же вслѣдствіе недостаточной защищенности отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, совершенно не устраняли вліянія этого фактора а слѣдовательно возможности крупной ошибки. Такимъ образомъ рядъ цифръ, полученныхъ нѣмецкими изслѣдователями, приводятъ къ выводамъ прямо противуположнымъ тѣмъ,

*) Сивель и Кроче-Спинелли.

которые были сдѣланы на основаніи наблюденій Глешера. Цифры эти *) показываютъ, во-первыхъ, что пониженіе температуры съ высотою не только не замедляется, но напротивъ, растетъ по мѣрѣ поднятія, такъ что, если въ среднемъ (до высоты 9.000 метровъ) пониженіе равно 6,3 на каждые 1.000 метровъ (по Глешеру 4,5), то на большихъ высотахъ оно доходитъ до 10° на 1.000 м. Научная вѣроятность этихъ выводовъ подтверждается и теоретическими соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, при восходящемъ токѣ воздуха послѣдній, вступая въ болѣе разряженныя области, долженъ расширяться и изъ законовъ термодинамики слѣдуетъ, что если поднимающаяся масса воздуха при этомъ не получаетъ теплоты извнѣ и не отдаетъ ее наружу, то благодаря одному лишь расширенію своему она должна охлаждаться (такъ называемый *адіабатическій* процессъ) при чемъ вычисленія показываютъ, что охлажденіе должно равняться 1° на каждые 100 метровъ подъема. Если же воздухъ содержитъ въ себѣ водяные пары, которые по мѣрѣ его поднятія и расширенія должны, конечно, сгущаться, то охлажденіе воздуха будетъ происходить значительно медленнѣе, такъ какъ процессъ конденсаціи паровъ сопровождается выдѣленіемъ тепла. На большихъ же высотахъ, гдѣ содержаніе паровъ въ воздухѣ сравнительно ничтожно, ходъ пониженія температуры долженъ быть близокъ къ адіабатическому, и данныя, добытыя нѣмецкими изслѣдователями, дѣлаютъ это предположеніе въ высшей степени вѣроятнымъ. Данныя эти характеризуютъ, конечно, лишь общій, нормальный ходъ пониженія температуры; въ отдѣльныхъ случаяхъ ходъ этотъ подверженъ значительнымъ измѣненіямъ, зависящимъ отъ состоянія погоды, воздушныхъ теченій и пр. Воздухоплавателямъ нерѣдко приходилось наблюдать даже такіе случаи, когда измѣненія температуры совершались (до извѣстной высоты) въ порядкѣ, обратномъ нормальному, и на высотѣ, напр., нѣсколькихъ сотъ метровъ наблюдать температуру, которая была на 20° выше температуры воздуха на земной поверхности. Это приходится наблюдать въ особенности при аэростатическихъ подъемахъ раннимъ утромъ, когда ближе лежащіе къ землѣ слои воздуха бываютъ охлаждены вслѣдствіе ночного теплоиспусканія земной поверхности, верхніе же удерживаютъ свою температуру. Еще въ болѣе рѣзкой формѣ явленіе это наблюдается зимою въ областяхъ высокаго барометрическаго давленія, для которыхъ характерными являются нисходящіе токи воздуха. Пере-

---

*) Для сравненія мы приводимъ цифры, показывающія среднія величины пониженія на каждые 100 метровъ по данным Глешера и Берсона.

Глешеръ.

Высота въ метрахъ.	Пониж. на 100 метровъ. Лѣтомъ.	Пониж. на 100 метровъ. Весной и осенью.
500	0,88°	0,71°
1.475	0,60°	0,50°
2.450	0,49°	0,43°
3.450	0,42°	0,43°
4.425	0,37°	0,44°
5.400	0,36°	0,34°
6.550	0,21°	0,18°
8.350	0,17°	—

Берсонъ.

Высота въ километр.	Средн.	Пониж. на 100 метр.
0	10,1°	—
1	5,4°	0,50°
2	0,5°	0,50°
3	5,0°	0,54°
4	10,3°	0,53°
5	16,6°	0,64°
6	24,2°	0,69°
7	29,4°	0,66°
8	38,3°	0,72°
9	46,4°	0,90°
10	—	—
Въ среднемъ . .		0,63°

носясь при этомъ въ нижніе, болѣе сдавленные слои, воздухъ сжимается и вслѣдствіе этого нагрѣвается. Но въ слояхъ, лежащихъ на нѣсколько сотъ метровъ надъ землею, теплота, полученная отъ этого нагрѣванія, будетъ сохраняться дольше, нежели вблизи земли, гдѣ, вслѣдствіе сильной отдачи теплоты земною поверхностью въ ясные зимніе дни охлажденіе воздуха будетъ превышать его «динамическое» нагрѣваніе. Отъ этого и воздухъ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ будетъ теплѣе, чѣмъ внизу. Вообще наблюденія подъ пониженіемъ температуры воздуха заставили обратить особенное вниманіе на вертикальныя движенія воздуха, которыя оказываютъ значительно большее вліяніе на погоду, нежели движенія горизонтальныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ они показали, что и термическія состоянія воздуха на большихъ высотахъ въ сильной степени зависятъ отъ тѣхъ же вертикальныхъ движеній *). Что касается годовыхъ и суточныхъ колебаній температуры, то на основаніи полетовъ тѣхъ же нѣмецкихъ изслѣдователей, оказалось, что вліяніе первыхъ на очень большихъ высотахъ весьма незначительно, вліяніе же суточныхъ колебаній констатировано лишь до высоты 2.000 метровъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ измѣненіи температуры съ высотою находится не менѣе важный для метеорологіи вопросъ объ измѣненіи влажности съ высотою и образованіи облаковъ.

Систематическія наблюденія по этому предмету были начаты Глешеромъ, который при своихъ полетахъ одновременно съ измѣненіемъ температуры воздуха отмѣчалъ также и измѣненія его гигрометрическаго состоянія. Затѣмъ вскорѣ послѣ поднятій Глешера во Франціи былъ предпринятъ рядъ научныхъ полетовъ извѣстнымъ астрономомъ Камилломъ Фламмаріономъ **), въ программѣ котораго наблюденіямъ, касающимся распредѣленія влажности въ воздухѣ и условій образованія облаковъ, отведено было наиболѣе видное мѣсто. На основаніи этихъ наблюденій Фламмаріонъ пришелъ къ выводу, что распредѣленіе водяныхъ паровъ въ воздухѣ слѣдуетъ постоянному закону, который можетъ быть формулированъ такъ: влажность воздуха

---

*) При восходящихъ движеніяхъ воздуха, которыя наблюдаются въ области барометрическихъ минимумовъ (внутри циклоновъ), воздухъ быстро охлаждается, вслѣдствіе чего содержащіеся въ немъ пары сгущаются и образуютъ облака; послѣднія же оказываютъ вліяніе на ходъ измѣненія температуры съ высотою, замедляя ея пониженіе. Наоборотъ, при нисходящихъ движеніяхъ (внутри антициклоновъ), какъ мы видѣли, воздухъ быстро нагрѣвается и разсѣиваетъ облака, обращая ихъ снова въ водяные пары. Восходящія движенія поэтому влекутъ за собою усиленное образованіе осадковъ (дождь, снѣгъ), нисходящія же, наоборотъ, ясную и сухую погоду. Послѣднія, какъ мы видѣли, также не остаются безъ вліянія на ходъ измѣненія температуры съ высотою.

**) Полеты Фламмаріона, который является первымъ, по времени, послѣдователемъ Глешера на континентѣ, послужили толчкомъ къ возрожденію научнаго воздухоплаванія во Франціи. Въ противуположность знаменитому англійскому изслѣдователю атмосферы, Фламмаріонъ не столько стремился достигать высоты полетовъ, сколько продолжительности ихъ, причемъ ему нерѣдко приходилось проводить ночь на воздушномъ шарѣ. Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ полетовъ былъ совершенъ Фламмаріономъ 14-го іюля 1867 г. Поднявшись въ этотъ день изъ Парижа въ 5 час. 22 м. вечера, вмѣстѣ со своимъ воздушнымъ лоцманомъ Эженемъ Годаромъ, Фламмаріонъ спустился на другой день утромъ въ Золингенѣ, въ Пруссіи, пройдя 550 километровъ въ 12½ часовъ. Полеты Фламмаріона (съ 1867 г. по 1880 г. онъ совершилъ 12 полетовъ) описаны имъ со свойственной ему живостью и увлекательностью изложенія въ его книгѣ „Voyages aériens“. Paris. 1881. Рус. пер. „Путешествіе по воздуху“. Москва. 1899 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

